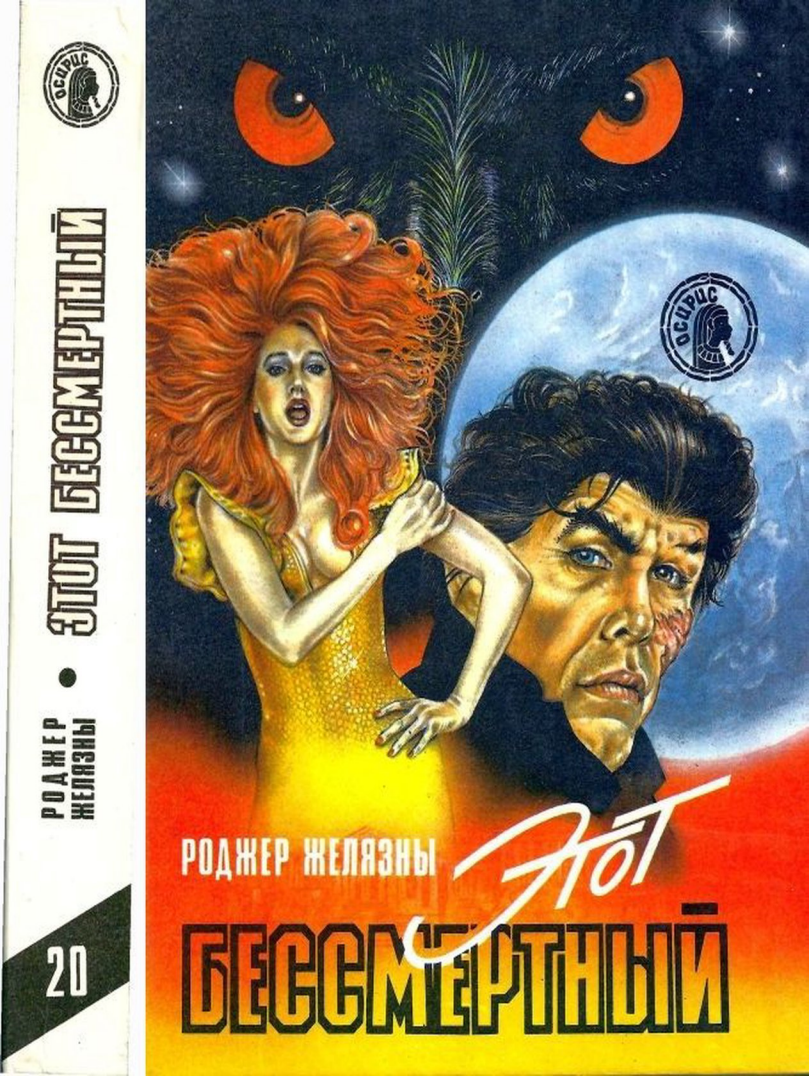

ОСИРИС
РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ • ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ
20
РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ
Этот
БЕССМЕРТНЫЙ

Этот бессмертный
Роджер Желязны

Аннотация
Роджер Желязны. Этот бессмертный
Этот бессмертный
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
Остров мертвых
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5

Глава 6
Глава 7
Глава 8
Создания света, создания тьмы
Прелюдия в Доме Мертвых
Пробуждение рыжей ведьмы
Смерть, Жизнь, Маг и розы
Интерлюдия в Доме Жизни
Темная тень лошади
Изменение прибоя
Место сокровенных желаний
Ангел Дома Огня
Наброски
Явление Железного Генерала
Предсказатель города Лигламенти
Оружие и Железный Генерал
Гнев рыжеволосой
То, что плачет ночью
Марачек
Сексоскоп
Поручение
Бротц, Пуртц И Дульп
Цербер зевает
Бог — это любовь
Никогда не быть
Могущество пса

Пара подошв на алтаре
Булавка и жезл
Искушение святого Мадрака
Громолазер
Выигранный жезл
Люди, места и вещи
Слова
Тень и материя
Повелитель Дома Мертвых
Ночь становится Гором
Вещь, которая называлась сердцем
На берегу и на мели
Интермеццо
Трость, подвеска, колесница и прочее
Пропасть
Корабль дураков
Фемина экс-машина
Свадьба между Раем и Адом
Сон ведьмы
Ангел Дома Жизни
Мастер снов
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5

Этот момент бури
Когда расцветают бомбы

Аннотация

Фантастические произведения Роджера Желязны — это удивительный полет воображения писателя. Герои его романов — ожившие боги Древнего Египта, размышляющие над смыслом существования жизни и неуязвимые суперличности, грозящие стать властелинами Вселенной. Этот особый диковинный мир переплетающихся реальностей и грез заставляет читателя задуматься над вечными вопросами сущности Добра и Зла, Смерти и Бессмертия.

Благодаря серии действительно фантастических совпадений, в книгу попал рассказ члена ростовского КЛФ «Притяжение» Сергея Битюцкого. Причем авторство рассказа "Когда расцветают бомбы" составители приписали Желязны.

Переводчики в книге не указаны.

Роджер Желязны
Этот бессмертный

РОДЖЕР
ЖЕЛЯЗНЫ

ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ

ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ
ОСТРОВ МЕРТВЫХ
СОЗДАНИЯ СВЕТА, СОЗДАНИЯ ТЬМЫ
МАСТЕР СНОВ

фантастические романы

ЭТОТ МОМЕНТ БУРИ
КОГДА РАСЦВЕТАЮТ БОМБЫ

фантастические рассказы

ЦЕНТРПОЛИГРАФ
Москва
1993

Этот бессмертный

РОМАН

Этот бессмертный

1

— Ты из Калликанзаридов, — неожиданно сказала она.

Я повернулся на левый бок и улыбнулся в темноте.

— Свои лапы и рога я оставил в Управлении…

— Так ты слышал это предание!

— Моя фамилия — Номикос! — Я повернулся к ней.

— На этот раз ты намерен уничтожить весь мир? — спросила она.

— Об этом стоит подумать, — я рассмеялся и прижал ее к себе. — Если именно таким образом Земля погибнет…

— Ты ведь знаешь, что в жилах людей, родившихся здесь на Рождество, течет кровь Калликанзаридов, — сказала она, — а ты как-то говорил мне, что твой день рождения…

— Вот именно так!

Меня поразило то, что она совсем не шутит. Зная о том, что время от времени случается в древних местах, можно без особых на то усилий поверить в различные легенды — вроде тех, согласно которым похожие на древнегреческого

бога Пана эльфы собираются каждую весну вместе, чтобы провести десять дней, подпиливая Дерево Жизни, и исчезают в самый последний момент с первыми ударами пасхального перезвона колоколов.

У меня не было обыкновения обсуждать с Кассандрой вопросы религии, политики или эгейского фольклора в постели, но, поскольку я родился именно в этой местности, многое все еще оставалось в моей памяти.

Через некоторое время я пояснил:

— Давным-давно, когда я был мальчишкой, другие сорванцы поддразнивали меня, называя «Константином Калликанзарос». Когда я подрос и стал уродливее, они перестали это делать. Во всяком случае, в моем присутствии…

— Константин? Это было твое имя? Я думала…

— Теперь оно Конрад! Забудь о моем старом имени!

— Оно мне нравится. Мне бы хотелось называть тебя Константином, а не Конрадом.

— Если это тебе доставит удовольствие…

Я выглянул в окно. Ночь стояла холодная, туманная, влажная — как и обычно в этой местности.

— Специальный уполномоченный по вопросам

искусства, охраны памятников и Архива планеты Земля вряд ли станет рубить Дерево Жизни, — пробурчал я.

— Мой Калликанзарос, — отозвалась она неспешно, — я не говорила этого. Просто с каждым днем, с каждым годом все меньше становится колокольного звона. У меня предчувствие, что ты каким-то образом изменишь положение вещей. Может быть…

— Ты заблуждаешься, Кассандра.

— Мне и страшно, и холодно…

Она была прекрасна даже в темноте, и я долго держал ее в своих объятиях, чтобы прекратить ее болтовню, чтобы прикрыть ее от тумана и студеной росы…

Пытаясь восстановить события этих последних шести месяцев, я теперь понимаю, что, пока мы стремились окружить стеной страсти наш октябрь и остров Рос, Земля уже оказалась в руках тех сил, которые уничтожают все октябри. Возникнув извне, силы окончательного разрушения медленно шествовали среди руин — обезличенные и неотвратимые. В Порт-о-Пренсе приземлился Корт Мистиго, привезя в допотопном «Планетобусе-9», наряду с другими грузами, рубахи и башмаки, нижнее белье, носки, отбор-

ные вина, медикаменты и свежие магнитные ленты из центров цивилизации. Он был богатым и влиятельным галактотуристом. Насколько он был богат, мы не узнали и через множество недель, а насколько влиятелен — я обнаружил всего пять дней тому назад.

Бродя среди одичавших оливковых рощ, пробираясь среди развалин средневековых французских замков или мешая свои следы с похожими на иероглифы отпечатками лапок чаек, здесь, на морском песке пляжей острова Кос, мы просто убивали время в ожидании выкупа, который мог не прийти, который фактически никогда и не пришел…

Волосы у Кассандры цвета оливок из Катамара, и такие же блестящие. У нее мягкие руки, крохотные нежные пальцы. У нее очень темные глаза. Она всегда хороша собой. И всего лишь на четыре дюйма ниже меня, и потому, если учесть, что мой рост немного превышает шесть футов, ее изящество является немаловажным достоинством.

Конечно, любая женщина кажется изящной, когда идет рядом со мной, потому что я начисто лишен всех этих качеств. Моя левая щека напоминает карту Африки, сотканную из разноцветных лоскутков — дикое мясо, последствия

лишая, который я подцепил, раскапывая один курган, под которым теперь музей Гуглейнгейма в Нью-Йорке с его знаменитыми полотнами.

Глаза у меня разного цвета (я гляжу на людей правым жестким голубым глазом, а когда мне хочется познакомиться с кем-нибудь, я смотрю карим глазом — воплощение искренности и доброжелательности). У меня волосы настолько покрывают лоб, что между ними и бровями остается не заросшая полоса шириной всего в палец. Я ношу ортопедическую обувь, поскольку моя правая нога короче левой.

Кассандра вовсе не нуждается в том, чтобы быть контрастом на моем фоне. Она на самом деле красива.

Я повстречался с ней случайно, отчаянно гонялся за ней и женился на ней против собственной воли (последнее было ее идеей).

Сам я, по сути, об этом не думал даже в тот день, когда вошел в гавань на своей шлюпке, увидел ее на берегу и понял, что жажду ее. Калликанзариды никогда не были образцом в семейных делах. В этом я тоже какое-то исключение.

Утро было ясное, утро нашего третьего месяца вместе и последнего моего дня на острове Кос — минувшим вечером я получил вызов.

После ночного дождя все еще было влажно, мы сидели на крыльце и пили турецкий кофе, закусывая апельсинами. Дул свежий бриз, и от него кожа покрывалась пупырышками даже под свитером.

— Отвратительно себя чувствую, — сказал я и закурил, так как с кофе было уже покончено.

— Понимаю, — сказала она, — успокойся.

— Я ничего не могу с собой поделать. Приходится уезжать отсюда и оставлять тебя здесь. И от этого все кажется мерзким.

— Возможно, это продлится всего лишь пару недель. Ты сам об этом как-то говорил. А затем ты вернешься.

— Надеюсь, что так, — кивнул я, — если не потребуется Польше времени. До сих пор я не знаю, где буду.

— Кто это, Корт Мистиго?

— Актер с Веги, журналист. Важная персона. Хочет написать о том, что осталось на Земле. Поэтому-то я и должен показать ему ее. Я! Лично! Черт возьми!

— А разве можно жаловаться на перегрузку в работе, беря десятимесячный отпуск и плавая праздно из одной местности и другую?

— Да, я имею право жаловаться — и буду!

Предполагалось, что эта моя должность будет синекурой.

— Почему?

— Главным образом потому, что я сам все подобным образом обставил. Двенадцать лет я тяжело трудился над тем, чтобы музеи, памятники и Архив были такими, какими являются теперь. Десять лет назад я все устроил так, что мой персонал сам по себе может справиться с чем угодно. Мне же остается только время от времени возвращаться, чтобы подписывать бумаги, в промежутках занимаясь тем, чем мне самому заблагорассудится. Теперь этот подхалимный жест — заставить самого управляющего сопровождать писаку с Веги, хотя это мог бы с успехом сделать кто угодно из персонала! Ведь обитатели с Веги вовсе не боги!..

— Ну-ка, погоди минутку, пожалуйста, — перебила она меня. — Что за двадцать лет?

Я почувствовал, что тону.

— Тебе же нет и тридцати лет, — продолжала она.

Я почувствовал, что опустился еще глубже. Я немного выждал, затем стал подниматься наверх.

— Э-э… Есть кое-что, о чем я никогда прежде не

говорил тебе… Сам не знаю почему… А сколько тебе лет Кассандра?

— Двадцать.

— Хо-хо. Что ж… Я почти в четыре раза старше тебя.

— Не понимаю.

— Я и сам не понимаю… Так же, как и врачи. Я как будто остановился где-то в возрасте от двадцати до тридцати лет и таким остаюсь с тех пор. Мне кажется, что это нечто вроде… какой-то только мне свойственной мутации. Да разве все это имеет какое-нибудь значение?

— Не знаю… А впрочем, да.

— Но тебя не волнует ни то, что я хромаю, ни моя избыточная волосатость, ни даже мое лицо. Почему же тебя беспокоит мой возраст? Я молод во всех отношениях!

— Это далеко не одно и то же по сравнению со всем остальным, — сказала она не допускающим возражения тоном. — А что, если ты никогда не состаришься?

Я закусил губу.

— Обязательно состарюсь! Рано или поздно, но это все же произойдет!

— Но если это будет поздно? Я ведь люблю тебя, и я не хочу состариться раньше!

— Ты проживешь сто — сто пятьдесят лет. Пройдешь специальный курс омоложения. Это от тебя никуда не уйдет.

— Но все равно я не буду такой молодой как ты!

— И вовсе я не молодой. Я родился стариком.

Но довод не подействовал. Она расплакалась.

— До этого момента еще долгие и долгие годы, — старался утешить ее я, — кто знает, что может случиться с нами?

От этих слов она расплакалась еще больше.

Я всегда был импульсивным. Голова у меня работает, как правило, весьма неплохо, но мне всегда кажется, что я сначала действую, а потом уже обдумываю, что сказать. Вот и на этот раз я испортил всю основу для дальнейшего разговора.

Именно это еще одна из причин, почему я выбрал компетентный персонал, обзавелся хорошей радиосвязью и стараюсь большую часть времени проводить на воле. Хотя и есть, конечно, некоторые обязанности, которые нельзя никому перепоручить. Поэтому я сказал:

— Смотри. В какой-то степени радиация коснулась и тебя тоже. Целых сорок лет я не мог понять, что я вовсе не сорокалетний. Возможно, нечто подобное произойдет и с тобой.

— Тебе что, известны другие случаи, подобные твоему?

— Ну…

— Не известны?

Помню, что тогда мне больше всего хотелось оказаться на борту своего судна. Не того огромного великолепного корабля, а в своей старой лоханке под названием «Золотой Идол». Оказаться где-нибудь подальше отсюда, ну хотя бы в гавани. Помню, что мне хотелось снова вот так стоять на мостике и опять увидеть Кассандру во всем ее великолепии. Хотелось начать все еще раз с самого начала — и либо сказать ей обо всем прямо тогда, либо все это время, пока я с ней был, даже рта не раскрывать о своем возрасте.

Это была прекрасная мечта, но, черт возьми, медовый месяц уже заканчивался, Я молчал, пока она не перестала плакать.

— Так что же? — спросил я в конце концов.

— Все хорошо, не обращай внимания…

Я взял ее за руку и поднес ее пальцы к губам.

— Может быть, это все же неплохая жизнь, — сказала она, — что ты должен уехать на некоторое время.

Холодный бриз снова обдал нас ледяной влагой, заставив съежиться. Наши руки задрожали. Бриз

стряхнул листья с деревьев, и они закружились над нашими головами.

— Не преувеличил ли ты свой возраст? — спросила она. — Ну хоть чуть-чуть?

Судя по ее тону, с моей стороны сейчас самым умным было согласиться с ней. Поэтому я ответил:

— Да, — стараясь, чтобы голос звучал как можно более убежденно.

Она улыбнулась мне в ответ, как бы благодаря за это признание.

Вот так мы и сидели, держась за руки и наблюдая за тем, как разворачивается утро. Через некоторое время она начала напевать, почти не открывая рта. Это была печальная песня, ей было много сотен лет. Баллада о молодом борце по имени Фомоклос, борце, которого никто не мог победить. Постепенно тот стал считать себя величайшим из всех живущих тогда борцов. Он бросил вызов, взобравшись на вершину горы. Поскольку обитель богов была неподалеку, они не заставили себя ждать. Уже на следующий день появился мальчик-калека верхом на огромном, дикого вида псе. Они боролись три дня и три ночи, Фомоклос и мальчик. А на четвертый день мальчик сломал спину гордецу. Там, где

появилась кровь не знающего поражения богатыря, вырос цветок без корней, с лопатовидными листьями, питавшимися кровью, который стал ползать по ночам в поисках утраченного духа павшего человека. Но дух Фомоклоса покинул Землю, и поэтому эти цветы обречены вечно ползать и искать.

Все это сейчас излагалось попроще, чем у Эсхила, но ведь и мы, простые люди, не те, что были некогда, особенно живущие в материковой части. А кроме того, все на самом деле было иначе.

— Почему ты плачешь? — неожиданно спросила она.

— Я думаю о картине, изображенной на щите Ахиллеса, — сказал я. — И о том, насколько ужасно быть образованным зверем… И к тому же я не плачу. Это влага падает на меня с листьев.

— Я приготовлю еще кофе.

Пока она готовила кофе, я вымыл чашки. Потом я сказал ей, чтобы она присматривала за «Идолом», пока я буду отсутствовать. Если я вызову ее к себе, то нужно будет вытащить лодку на берег.

Она внимательно все выслушала и обещала исполнить.

Солнце поднималось все выше. Высоко в небе, как вестник чего-то страшного, появился лету-

чий крысс-паук. Мне страшно захотелось сжать пальцами рукоятку своего пистолета 38-го калибра, открыть шумную пальбу и увидеть, как падает это чудовище. Но огнестрельное оружие сейчас было на борту «Идола», и поэтому я просто наблюдал за ним, пока он не скрылся из виду.

— Говорят, что они внеземного происхождения, — сказала она мне, глядя на исчезающего вдали крысс-паука, — что их завезли сюда с Титана для показа в зоопарках и подобных заведениях.

— Верно.

— И что они очутились на воле в течение трех дней и одичали. Они стали крупнее и более агрессивными, чем у себя на родине.

— Однажды я видел животное, имевшее размах крыльев почти десять метров.

— Мой двоюродный дед однажды рассказал мне историю, которую он слышал в Афинах, — начала она, — об этом человеке, который убил одного крысс-паука без всякого оружия. Чудовище схватило человека прямо на пристани, где он стоял — в Пирее — и взлетело с ним. Но человек голыми руками сломал ему шею. Они оба упали с высоты тридцати метров в залив, и человек остался жив.

— Это было очень-очень давно, — кивнул я, —

задолго до того, как Управление развернуло кампанию по истреблению этих бестий. Тогда их было повсюду великое множество, и в те дни они были гораздо более смелые. Теперь же они стараются избегать городов.

— Насколько я помню, того человека звали Константином. Может быть, это был ты?

— Его фамилия была Карагиозис.

— Ты тоже Карагиозис?

— Если тебе так хочется. Только почему?

— Потому что позже он помогал разыскать в Афинах возвращенца Рэдпола и потому что у тебя очень сильные руки.

— Ты что, заодно с возвращенцами?

— Да, а ты?

— Я работаю в Управлении. У меня нет политической ориентации.

— Карагиозис подверг бомбардировке курорты.

— Да, он совершил это.

— Ты желаешь повторения бомбардировки?

— Нет.

— Я почти ничего о тебе не знаю.

— Ты знаешь обо мне все, что угодно. Если хочешь узнать что-то неизвестное тебе, только спроси.

Она засмеялась.

Я поднял голову к небу и произнес:

— Мое воздушное такси приближается.

— Я ничего не слышу, — пожата она плечами.

— Сейчас услышишь.

Через мгновение оно скользнуло с небосвода прямо к острову Кос, следуя сигналу радиомаяка, который я установил во внутреннем дворике. Я встал и поднял ее на ноги.

Шестиместный скиммер жужжал уже совершенно низко. Лучи Солнца играли на его прозрачном плоском днище.

— Ты хотел бы взять что-нибудь с собой? — спросила она.

— Ты знаешь, что хотел бы, но не могу.

Скиммер совершил посадку, открылась дверь пилота, и человек в очках повернулся к нам лицом.

Я помахал ему рукой.

— У меня такое чувство, — сказала она, — что тебе грозят какие-то опасности.

— Весьма сомневаюсь, Кассандра, — рассмеялся я. — Прощай!

— Прощай, мой Калликанзарос.

Я залез в скиммер, который тут же взмыл в небо. Мне осталось только вознести молитву Аф-

родите, полагаясь на умение пилота управлять машиной.

Внизу Кассандра махала мне.

За моей спиной все ярче разбрасывало сеть своих лучей Солнце. Мы летели на запад. От Коса до Порт-о-Пренса четыре часа лета — четыре часа серых волн, бледных звезд и моего безумия…

2

Зал кишел людьми, сверху сияла огромная луна тропиков. Я одновременно видел и луну и зал, и не удалось выманить Эллен на балкон, все двери которого были настежь распахнуты.

— Снова возвращение из мертвых? — слегка улыбнувшись, она поздоровалась со мной. — За год всего лишь одна открытка с Цейлона.

— Неужели вы скучали обо мне?

— Могла бы…

Она была маленькая и, подобно всем, кто ненавидел день, густо кремовая. Несмотря на свой искусственный загар, она мне напоминала искусно выполненную живую куклу с неисправным механизмом.

У нее были пышные, очень пышные красно-каштановые волосы, завязанные в такой гордиев узел, что казалось невозможным его развязать. Цвет ее глаз было трудно определить. Все зависело от ее мимолетного каприза, но все же они были глубоко-глубоко синими. Что бы она ни надевала, одежда ее была всегда коричневой и зеленой. Этой одежды было столько, что, казалось, можно завернуться в нее с ног до головы, отчего

эта женщина казалась каким-то бесформенным растением.

Это было ее странной прихотью, если только она не стремилась скрыть свою беременность, в чем я, правда, очень сомневался.

— На Цейлоне я был совсем недолго. Большую часть времени я провел на Средиземноморье.

Внутри раздались аплодисменты. Я был рад, что меня там не было. Актеры только что закончили «Маску Деметры» Гребера, сочиненную им в честь наших гостей с Веги. Пьеса была продолжительностью в два часа: нудная и плохая. К тому же написана она была пятистопным ямбом.

Гребер писал длинные, пронизанные метафизикой поэмы. Он много рассуждал о просвещении и ежедневно выполнял на пляже упражнения для дыхания. Во всем же остальном он был вполне пристойным человеком.

Аплодисменты утихли, послышалась негромкая музыка, как будто играли стеклянные бубенцы, и стал слышен тихий говор.

Эллен облокотилась о перила.

— Я слышала, что вы женились.

— Да, — кивнул я. — А зачем меня позвали сюда?

— Спросите у своего босса.

— Я спрашивал. Он сказал, что мне предоставляется роль гида. Но я хотел бы узнать: почему? Мне нужна истинная причина. Я все время думаю об этом, но тем не менее она становится для меня все более загадочной.

— Но откуда же мне знать истинную причину?

— Вам известно все.

— Вы переоцениваете меня, дорогой. А как она из себя?

Я пожал плечами:

— Похожа на наяду.

— А на кого похожа я? — спросила с усмешкой Эллен.

— Я бы не стал говорить кому-либо, на кого вы похожи.

— Я оскорблена. Я просто должна быть на кого-то похожа, так как в противном случае…

— Да, именно так. Вы — уникальны!

— Тогда почему же в прошлом году вы не забрали меня с собой?

— Потому что вы любите быть на людях. Требуется, чтобы весь город был перед вами. Вы счастливы только здесь, в Порт-о-Пренсе.

— Но я несчастна здесь!

— Но вы здесь менее несчастны, чем стали бы в любом другом месте на этой планете.

— Мы могли бы попытаться, — сказала она и повернулась ко мне спиной, чтобы взглянуть на огни в районе гавани. — Вы знаете, — продолжала она немного погодя, — вы настолько дьявольски уродливы, что поэтому даже и привлекательны…

Я замер рядом с ней, в нескольких сантиметрах от ее плеча.

— Поймите, — продолжала она ровным голосом, — вы — кошмар, который шествует как человек.

Я опустил руку и слегка кивнул:

— Я знаю об этом. Приятных сновидений.

Я уже повернулся, но она удержала меня за рукав:

— Подождите.

Я посмотрел на ее руку, перевел взгляд на ее глаза, затем опять на руку.

Она отпустила рукав.

— Вы же знаете, что я никогда не говорю правду, — начала она. — И я подумала кое о чем, что вам следовало бы знать в отношении этой поездки. Здесь Дональд Дос Сантос, и я думаю, что он также собирается в путь.

— Дос Сантос? Любопытно!

— Он сейчас в библиотеке вместе с Джорджем

и каким-то арабом.

— Что? — воскликнул я. — Арабом? С руками, покрытыми шрамами? Желтоглазый? Как его имя? Хасан?

— Да. Вы что, с ним уже встречались?

— В прошлом он кое-что сделал для меня, — признался я.

Я улыбнулся, хотя внутри меня все похолодело, ибо я терпеть не могу, когда мой собеседник догадывается, о чем я думаю.

— Вы улыбаетесь? — спросила она. — О чем вы думаете?

— Я думаю о том, что вы относитесь ко многому гораздо более серьезно, чем это казалось мне раньше.

— Чепуха! Я уже не один раз говорила вам, что я трусливая лгунья. Даже всего несколько секунд назад. А ведь речь идет о небольшой стычке во время большой войны. И вы совершенно правы, что я здесь менее несчастна, чем где-нибудь в другом месте Земли. Поэтому-то, может быть, вы поговорите с Джорджем и уговорите его взяться за работу на Галере или на Бакабе. Это возможно?

— Безусловно, — кивнул я. — Кстати, как там коллекция жуков Джорджа?

Некоторое подобие улыбки.

— Растет, — ответила она, — и очень быстро. И так же живут и ползают, а некоторые из этих тварей радиоактивны. Я ему говорю: «Джордж, а почему бы тебе не поволочиться за другими женщинами вместо того, чтобы проводить свое время с этими жуками?» Но он только трясет головой. Тогда я говорю: «Джордж, когда-нибудь одна из этих уродин укусит тебя, и ты станешь импотентом. Что ты тогда станешь делать?» Тогда он объясняет, что этого не может случиться, и снова читает лекции о ядах насекомых. Может быть, он и сам какой-нибудь огромный паук в личине человека? Мне кажется, что ему доставляет удовольствие, определенное сексуальное удовлетворение наблюдать за тем, как они копошатся в своих банках. Не знаю, что еще…

Я повернулся и заглянул в зал, потому что ее лицо уже не было ее лицом. Когда мгновением позже я услышал ее смех, я снова повернулся к ней и сжал ее плечо.

— О'кей. Я теперь знаю немного больше, чем прежде. Спасибо. Мы еще встретимся?

— Мне подождать?

— Нет. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Конрад.

И я побрел прочь…

Пересечь зал — трудное и продолжительное занятие, если он полон людей и они знакомятся с вами. Если все они держат в руках бокалы, а у вас к тому же заметная тенденция прихрамывать.

Так вот, все это так и было, и я прихрамывал.

Я пробирался вдоль стены по периметру людской толпы и внезапно очутился среди молодых дам, окружающих старого холостяка.

У него не было подбородка, почти не было губ и волос. Выражение, которое имела некогда плоть, покрывавшая его череп, давным-давно перешло к его темным глазам. И оно появилось в этих глазах, как только они увидели меня. Насмешливое выражение надвигающейся ярости.

— Фил, — произнес я, поклонившись. Никто иной не может расписать маску, подобную этой. Я слышал, что говорят, будто это умирающее искусство, но теперь я понял, что это не так.

— Вы все еще живы? — удивился он, причем голосу него был на семьдесят лет моложе, чем все остальное. — И снова, как обычно, опоздали.

— Я униженно раскланиваюсь, — сказал я ему, — но меня задержали на именинах одной дамы семи лет от роду, в доме моего старого знакомого.

— Все ваши приятели — старые приятели, не

так ли? — рассмеялся он, и это был удар ниже пояса. Именно потому, что я когда-то был знаком с его родителями и водил их вдоль Южного фасада Эрехтейона в Афинском акрополе, показывая, что вывез оттуда лорд Элджин.

Посадив их отпрысков на колени, я рассказывал им сказки, которые были как мир стары в те времена, когда возводился этот акрополь.

— И мне нужна ваша помощь, — добавил я, не обращая внимания на насмешку и нежное, пикантное женское окружение. — У меня весь вечер уходит на то, чтобы пересечь этот зал и выйти туда, где Сэндс разместился со своими придворными с Веги… Простите меня, мисс, — сказал я, — вечер уже закончился, и очень жаль, что я спешу и не могу задержаться возле вас.

— Вы — Номикос! — выдохнула одна прелестная крошка, уставившись на мою щеку. — Мне давно хотелось…

Я поймал ее руку, прижал к своим губам, заметил, как порозовели ее щечки, и усмехнулся:

— Не судьба! — с этими словами я отпустил ручку. — Ну так как же? — спросил я Гребера. — Уведите меня отсюда в максимально быстрый срок в вашей придворной манере, продолжая разговор, чтобы никто не осмелился нас перебить.

О’кей? Давайте двигаться.

Он резко кивнул.

— Простите меня, дамы. Я скоро вернусь.

Мы начали движение через зал мимо множества беседующих друг с другом людей. Высоко над головой плыли поворачивающиеся люстры, похожие на многогранные глыбы из хрусталя. Тихо звучала телистра-арфа, расшвыривая звуки своей песни, напоминавшие звуки цветного стекла.

Люди жужжали и копошились, словно насекомые Джорджа, и мы избегали столкновений с ними, переставляя без остановки одну ногу за другой.

Нам, слава богу, удалось ни на кого не наступить.

Вечер был теплый. Большинство мужчин было одето в легкую, как пух, черную форму, предписанную для персонала в случае торжественных вечеров. Те, что были одеты иначе, не были представителями администрации.

Черное одеяние, несмотря на всю свою легкость, было весьма неудобным. На груди слева красовалась зелено-голубая эмблема Земли — кружок диаметром в два дюйма. Чуть ниже его — символ одного из департаментов, еще ниже — значок, обозначающий ранг. Воротник уни-

формы через небольшой промежуток времени начинал казаться гарротой. Мне, по крайней мере, чудилось, что я вот-вот задохнусь, сдавленный этим железным ошейником.

Дамы были одеты или зачастую раздеты, по своему собственному усмотрению, обычно во что-то яркое, сопровождаемое мягкими полутонами, если только не принадлежали к персоналу администрации. В этом случае они были плотно упакованы в короткие черные платья, но все же со свободным воротничком.

— Я прослышал о том, что здесь находится Дос Сантос? — поинтересовался я.

— Так оно и есть.

— С какой целью?

— Не знаю, да меня это и не интересует.

— Ай-яй-яй! Что же произошло с вашей замечательной гражданской совестью? Департамент литературной критики не раз расхваливал вас за это.

— В моем возрасте запах смерти ввергает меня в состояние все большей и большей тревоги, стоит мне только ее почуять.

— Неужели Дос Сантос источает именно такой запах?

— Он весь им пропитан!

— Я слышал, что он нанял одного из ваших прежних партнеров еще во время Мадагаскарского дела.

Фил склонил набок голову и стрельнул в меня взглядом, полным насмешки.

— Слухи очень быстро доходят до вас. Вы ведь друг Эллен? Да, Хасан здесь. Он наверху вместе с Досом.

— И кого же он на этот раз хочет избавить от бремени жизни?

— Я ведь вам уже сказал раньше, что ничего не знаю об этом, да и не хочу знать.

— И все-таки, может быть, решитесь угадать?

— Не имею особого желания.

Мы наконец-то выбрались в часть зала, где было не столь многолюдно, и я остановился, чтобы пропустить одну-другую рюмочку рома.

— Вы не откажетесь, Фил? — спросил я, протягивая своему напарнику бокал.

— Мне показалось, что вы страшно торопитесь?

— Верно, тороплюсь, но все хочу прикинуть, какая сложилась ситуация.

— Ну-ну. А пока, что ж, давайте выпьем. Мне пополам с кока-колой.

Я украдкой взглянул на него. Когда он отвер-

нулся, я мысленно последовал за его взглядом в направлении легких кресел, расположенных в нише северо-восточной части зала, рядом с телинотой. На ней играла пожилая дама с металлическими глазами. Рядом попыхивал трубкой Управляющий планетой Земля, Лорел Сэндс.

Эта трубка — одна из интереснейших граней личности Лорела. Настоящая трубка, изготовленная в мастерской Меерохалума. На планете таких трубок осталось совсем немного. Что же касается всего остального в его личности, то его можно было бы назвать чем-то вроде антикомпьютера. Закладываешь в него несколько самых различных, тщательно собранных факторов, цифр и статистических данных, и он превращает все это в сплошной мусор.

Проницательные темные глаза, медленная всепонимающая манера говорить, цепко держа собеседника одним лишь взглядом. Редкие, но выразительные жесты, когда кажется, что он прямо-таки режет воздух ладонью или тычет воображаемых дам под бок своей трубкой. Темные волосы с седыми висками, высокие скулы, загар под стать цвету его твидового костюма (он умышленно избегал темной одежды).

На свою политическую должность он назначен

Управляющим по делам Земли на Тапера, и он со всей серьезностью относится к исполнению своих функций, зачастую даже чрезмерно демонстрируя свою самоотверженность, несмотря на периодические приступы язвы.

Он далеко не самый умный человек на Земле. Но он — мой босс! И кроме того, он один из лучших моих друзей.

Рядом с ним сидит Корт Миштиго. Я почти ощущаю физическую ненависть, которую питал к нему Фил, — от его бледно-синих пяток с шестью пальцами до повязки на лбу, алый цвет которой весьма красноречиво свидетельствует о принадлежности к верховной касте. Причем он ненавидел его не столько из-за него самого, сколько, я был уверен, из-за того, что он был ближайшим родственником, а именно внуком самого Татрема Миштиго, который сорока годами раньше начал показывать всему миру, что величайшими современными писателями являются уроженцы Веги. Старый джентльмен до сих пор не отдает ему пальму первенства, и я ни за что не поверю, что Фил способен простить ему это.

Краем глаза я заметил Эллен, которая поднималась по широкой, богато украшенной лестнице в другом конце зала.

Краем другого глаза я увидел, что Лорел смотрит в мою сторону.

— Меня, — сказал я, — уже обнаружили, и я должен теперь идти засвидетельствовать свое почтение этому Вильяму Синбруку. Идем вместе?

— Да… Прекрасно, — кивнул Фил. — Страдания — это как раз то, что нужно для души.

Мы прошли к нише и встали между двумя креслами.

Лорел медленно поднялся и пожал, нам руки. Миштиго поднялся еще медленнее и не протянул руки. Выражение его янтарных глаз оставалось равнодушным, когда нас представили ему. Его оранжевая рубашка свободного покроя постоянно трепетала, так же как и его многокамерные легкие непрерывно выдавливали воздух через передние ноздри, расположенные у основания его широкой грудной клетки.

Он коротко кивнул и повторил мое имя, затем повернулся к Филу, изображая на лице гримасу вроде улыбки.

— Вы не могли бы объяснить значение своей маскировки по-английски, — попросил он.

Голос его напоминал звон затухающего камертона.

Фил повернулся на пятках и побрел прочь.

Затем мне показалось, что представителю Веги на мгновение стало дурно, однако я вовремя вспомнил, что смех обитателей Веги напоминает отчаянное блеяние козла, когда его душат. Я стараюсь держаться подальше от уроженцев Веги…

— Садитесь, — предложил Лорал, стараясь скрыть смущение.

Я подтянул к себе кресло и сел напротив них.

— О'кей.

— Корт намерен написать книгу, — сказал Лорал.

— Вы уже сообщили об этом.

— Книгу о Земле!

Я поклонился.

— Он еще хотел бы, чтобы вы были его проводником в поездке по некоторым Старым местам.

— Я польщен, — мой голос прозвучал несколько натянуто. — Кроме того, меня очень разбирает любопытство: почему именно меня он решил избрать в качестве своего гида?

— А также любопытство относительно того, что ему, возможно, известно о вас, не так ли?

— Да. Не стану этого скрывать, — вынужден был согласиться я.

— Все, что могла сказать Уэллина.

— Отлично. Теперь я удовлетворен, — усмех-

нулся я.

Откинувшись на спинку кресла, я стал медленно цедить содержимое своего бокала.

— Я начал с того, что навел справки о записях Актов Гражданского Состояния Земли, как только во мне созрел замысел осуществить этот проект — просто ради общего ознакомления с данными о людях; затем после того, как я нашел подходящую кандидатуру, я обратился к личным делам Земной Администрации.

— Гм-м… — протянул я.

— И на меня произвело большее впечатление то, чего в нем не было, чем то, что было записано в личном деле.

Я пожал плечами.

— В вашем послужном списке есть немало пробелов. Даже теперь никто толком не знает, чем вы занимались почти всю свою жизнь. И, между прочим, когда вы родились?

— Не знаю. Я родился в маленькой, крохотной деревушке, где в том году потеряли счет дням. Во всяком случае, как мне потом сказали, это случилось на Рождество.

— Согласно вашему личному делу, вам сейчас семьдесят семь лет. Согласно записям актов Гражданского Состояния, вам либо сто одиннадцать,

либо сто тридцать лет.

— Я приврал относительно своего возраста, чтобы получить работу. В те годы все еще продолжалась депрессия.

— Поэтому я составил краткий биографический очерк Номикоса, который в своем роде выдающийся, и, воспользовавшись описанием его физических данных, проследил, имеются ли его аналоги во всех хранилищах информации, включая и закрытую.

— Один собирает древние монеты, другие сооружают модели ракет, — сказал я спокойно.

— И я обнаружил, что вы могли бы еще тремя-четырьмя, даже пятью лицами обзавестись: все они были греками, и один их них, по крайней мере, был очень знаменитый человек. Это Константин Коронос, один из наиболее старших из них. Он родился двести тридцать четыре года назад… И тоже на Рождество. Один глаз голубой, другой — карий. Такая же правая нога, такие же волосы на голове, когда ему было двадцать три года. Такого же роста, такого же примерно веса.

— Те же отпечатки пальцев? Такая же структура сетчатки глаза? — живо поинтересовался я.

— Этих данных не было во многих старых записях. Возможно, в те времена люди были более

необразованными. Не знаю. Более легкомысленными, наверное, в отношении тех, кто имел доступ к Гражданским записям.

— Вам известно, что на нашей планете в настоящее время более четырех миллиардов человек? Прослеживая записи в течение трех-четырех веков, я абсолютно уверен в том, что вы могли найти двойников очень многих из ныне живущих людей. Что ж здесь такого особенного?

— Вы просто чем-то заинтересовали меня, вот и всё! Как будто бы вы дух своей планеты, и вы столь же любопытно изучены, как и сама эта планета. Я не сомневаюсь в том, что мне никогда не достичь ваших лет, каков бы ни был ваш возраст, и мне было бы очень интересно узнать: какого же рода чувства владеют человеком, прожившим столько лет, особенно если учесть ваше положение хранителя истории и искусства вашего мира. Вот почему я и остановил на вас свой выбор, — закончил он.

— А теперь, когда вы повстречались со мной, калекой, и все такое прочее, я могу отправиться домой?

— Конрад! — трубка угрожающе метнулась ко мне. — Нет, мистер Номикос. Здесь имеются также и чисто политические и практические

соображения. Это суровый мир, а у вас очень высокий потенциал выживаемости. Я хочу, чтобы вы были со мной, потому что я хочу выжить!

Снова я пожал плечами:

— Что же, ладно. И что вы хотите еще?

Он раскудахтался:

— Я чувствую, что не нравлюсь вам.

— Что привело вас к такой мысли? Только из-за того, что вы оскорбили моего друга и задали мне неуместные вопросы, создав впечатление, что нуждаетесь в моих услугах из чистой прихоти…

— Что эксплуатировал ваших соотечественников. Что превращал вашу планету в бордель и дал всей человеческой расе понять ее глубокую провинциальность в сравнении с Галактической культурой, неизмеримо более старой…

— Я ни слова не говорил — «ваша раса», «моя раса»! Я говорю только от своего имени. И я повторяю, вы оскорбили моего друга, задали мне неуместные вопросы и создали у меня такое впечатление, что хотите, чтобы я служил вам просто из вашей прихоти.

Снова звуки, издаваемые козлом, когда его душат.

— Целых три пункта! Да ведь это не оскорбление памяти Гомера или Данте, после чего человек

может выступать от имени всей человеческой расы.

— В настоящее время Фил — наилучший из тех, которыми мы располагаем.

— В таком случае, уж лучше обходиться без них.

— Нет причин, чтобы обращаться с Филом подобным образом.

— Полагаю, что есть. В противном случае я не поступил бы так. А во-вторых, я задаю любые вопросы, какие мне хочется, а ваше право — отвечать или нет, если последние покажутся вам оскорбительными. И наконец, никто не собирался производить на вас какое-либо впечатление. Вы находитесь на гражданской службе. Вам дано поручение. Спорьте со своим начальством, а не со мной! Кроме того, мне только что пришло в голову, что вряд ли вы располагаете соответствующими знаниями, чтобы говорить слово «прихоть» столь свободно, как вы себе только что позволили.

Судя по выражению лица Лорела, его язва молчаливо комментировала происходящее.

— Тогда называйте свою грубость чистосердечностью, если хотите, или продуктом другой культуры, и оправдывайте свое влияние на

Землю софистическими упражнениями или чем-нибудь другим, что вам взбредет в голову в самый последний момент, и, используя любые средства, снабдите меня соответствующими сведениями о вас всех, чтобы я мог вынести ответное суждение. Вы ведете себя, как представитель монарха в подвластной ему колонии, — сказал я ради того, чтобы остановить его, — и мне это не нравится. Я прочел все ваши книги. Я прочел также и все книги вашего деда. Взять для примера хотя бы его нашумевшую «Глаз земной проститутки». Так вот, вам никогда не стать таким специалистом, как он. Он обладал чувством, обычно называемым состраданием. А у вас его нет. Все, что вы ощущаете, например, в отношении такого старого Фила, в двойном, размере относится и к вам — в моей книге…

Та часть моего выпада, в которой говорилось о его деде, должно быть, затронула больное место собеседника, так как он вздрогнул, не выдержав укола моего голубого глаза.

— Поэтому, пожалуйста, поцелуйте меня в локоть, — сказал я по-вегански нечто эквивалентное земному выражению для подобных случаев.

Сэндос не знает в достаточной степени веганский язык, поэтому он не мог уловить смысл моих

слов, однако сразу стал сокрушенно озираться в надежде, что нас не подслушивают.

— Конрад, пожалуйста, не пренебрегайте обязанностями своей профессии. Господин Миштиго, давайте приступим к планированию путешествия.

Миштиго улыбнулся.

— И сведем к минимуму различия между нами? — спросил он. — Ладно.

— Тогда давайте перейдем в библиотеку, там тихо. И там мы сможем воспользоваться картой-экраном.

Я почувствовал, как во мне все напряглось, когда мы поднялись, ибо наверняка наверху был Дос Сантос, ненавидящий веганцев, и конечно же где Дос Сантос, там и девушка с красивым париком, ненавидящая всех. Знал я и то, что наверху был и Эммет с Эллен. Вероятно, туда же мог забрести и Фил, устроив там второй форт Самтер. И, наконец, там был Хасан, который просто сидит и курит с непроницаемым видом. Если вы станете подле него и сделаете несколько глубоких вздохов, то вам будет уже все равно, что там говорят веганцы, да и люди тоже…

3

Я надеялся, что у Хасана будет не все в порядке с памятью и он станет витать в своих мыслях высоко среди облаков. Надежда эта рассеялась, как только вы вошли в библиотеку. Ему было лет 60–80, если не больше, но на вид около сорока, в действительности же он еще мог действовать как тридцатилетний. Курс лечения Спранга-Сансера по отношению к нему был особенно эффективен. Такое случается крайне редко. Во время лечения некоторые пациенты испытывают внезапный анафилактический шок, и даже после вливания адреналина не всегда удается вывести их из этого состояния. Очень многие «застывают» в возрасте от 50 до 60 лет. Но некоторые экземпляры по-настоящему молодеют после полного курса — примерно один из сотни тысяч.

Меня поразило то, что именно к нему было благосклонно колесо Фортуны. Со времени событий на Мадагаскаре прошло более пятидесяти лет, когда Хасана наняли люди из Радиола в своей вендетте против телеритов. Платил ему (да покоится прах его с миром) сам большой К., поручивший Хасану разделаться с Афинской

компанией «Недвижимое имущество» Управления по делам Земли. Ему это удалось, причем довольно неплохо (с помощью одного крохотного расщепляющего устройства). Все произошло мгновенно. Некоторые называли после этого Хасана убийцей-наймитом, и он действительно был последний наемник на Земле.

Кроме того, за исключением Фила (который не всегда был владельцем шпаги без лезвия и эфеса), Хасан был одним из тех, кто помнил старого Гарагиоза.

Поэтому, выставив перед собой лишай и задрав подбородок, я сразу же попытался затуманить его сознание. То ли здесь были замешаны какие-то древние инстинкты, в чем я сомневался, то ли он был выше, чем я полагал, что вполне возможно, то ли он просто забыл мое лицо (это также было невероятным, хотя и в очень малой степени), или он придерживался профессиональной этики, или доверился звериному инстинкту (в различной степени он обладал и тем и другим, хотя в большей мере низменным звериным коварством), — во всяком случае, когда нас представили друг другу, он и бровью не повел.

— Мой телохранитель, Хасан, — сказал Дос Сантос, одаривая меня своей самой липкой улыб-

кой, когда я пожимал его руку, которая однажды (можно и так сказать) потрясла мир.

Еще и сейчас это была очень сильная рука.

— Конрад Номикос, — сказал Хасан, скосив взгляд, как будто он читает мое имя с бумажки, зажатой в руке.

Со всеми остальными я был знаком, поэтому, выбрав кресло подальше от Хасана, я почти все время старался держать бокал перед собой, чтобы чувствовать себя в большей безопасности.

Диана стояла рядом со мной.

— Доброе утро, мистер Номикос.

— Добрый вечер, Диана, — я чуть-чуть опустил свой бокал.

Высокая, стройная, одетая почти во все белое, она стояла рядом с Дос Сантосом, напоминая свечку. Я понимал, что такое впечатление создается главным образом из-за красного парика; который она носила.

Мне несколько раз доводилось видеть, как этот парик задирается, обнажая часть безобразного и мигрирующего шрама, который она всегда прятала под париком. Я частенько задумывался над происхождением этого шрама; обычно в тех случаях, когда бросал якорь где-нибудь во время своих морских странствований и разглядывал

фрагменты созвездий сквозь дыры в облаках, либо когда выкапывал из земли поврежденные временем скульптуры.

У этой девушки были пурпурные губы — скорее всего, я полагаю, татуировка (я никогда не видел, чтобы она улыбалась). Мышцы ее челюстей были всегда натянуты, как канаты, так как она почти не разжимала зубов, и она едва шевелила ртом, когда отрывисто разговаривала. Было очень трудно определить ее настоящий возраст. Во всяком случае, ей уже несомненно было за тридцать.

Она и Дос составляли весьма интересную пару. Он смуглый, говорливый, вечно курящий, неспособный спокойно посидеть более двух минут. Она выше его на добрых десять сантиметров. Мне и сейчас неведома полная картина ее жизни. Полагаю, что она никогда и не станет известной до конца.

Она подошла поближе и встала рядом с моим креслом, пока Лорел представлял Корта Сантосу.

— Вы! — процедила она.

— Да, я.

— Будете проводником во время поездки.

— Об этом известно всем, кроме меня, — кивнул я. — Уверен, что в этом вопросе вы могли бы довольно легко поделиться со мной частичкой

своей осведомленности.

— Ничего не знаю ни по какому вопросу.

— Вы говорите точно так же, как Фил.

— И мысли такой не было.

— И тем не менее это так. Так почему же?

— Что «почему»?

— Почему вы и Дос здесь сегодня вечером?

Она немного просунула язык между зубами, затем сделала движение, будто собирается выдавить из него сок или сдержать пытавшееся сорваться с губ слово. Затем она посмотрела на Доса, но он был слишком далеко, чтобы услышать сказанное, да и смотрел он в другую сторону. Он был занят тем, что наливал Миштиго настоящую коку из графина, стоявшего на изысканно выгнутом подносе.

Находка формулы кока-колы была главной археологической сенсацией века, как утверждали веганцы. Она была утрачена в течение Трех Дней и вновь открыта где-то через добрый десяток лет. Имелось большое количество напитков, сходных по составу, но ни один из них не воздействовал на метаболизм веганцев так, как настоящая кока-кола.

Кока-кола «важнейший вклад Земли в Галактическую культуру» — так называл ее один из

современных историков. Первым вкладом, разумеется, были в высшей степени изысканные социальные проблемы такого рода, что возникновение их потерявшие терпение философы на Веге ждали в течение многих поколений.

— Пока не знаю, — сказала она, снова глядя на меня. — Спросите у Доса.

— Обязательно.

И я спросил. Хотя позже. И не был разочарован, несмотря на то, что ничего особенного не ожидал.

Но пока я все еще сидел, изо всех сил пытаясь что-либо подслушать. И тут мне припомнилось, что когда-то давным-давно один сморщенный старичок заметил, что мне свойственно телепатическое исполнение желаний.

Вкратце его гипотеза звучала так:

— Мне хочется узнать о том, что же где-то происходит. Я располагаю почти достаточной информацией, чтобы угадать. Следовательно, я догадываюсь. Только догадки эти приходят ко мне так, будто я увидел или услышал все это посредством глаз и ушей…

Это не настоящая телепатия, как я полагаю, потому что догадки оказываются иногда неверными. И все же, несмотря на это, у меня было

ощущение, что телепатия здесь все же присутствует.

Старик мог мне многое рассказать об этом, но он не знал причин.

И вот я стою посредине комнаты и смотрю на Миштиго.

Я — Дос Сантос.

И я говорю:

— Отправится вместе со мной. И не забывайте, что он будет не как посланник Рэдпола, а просто как частное лицо.

— Я и не выпрашиваю у вас покровительство мне, — произнес веганец. — Однако я весьма вам благодарен. Я приму ваше предложение, чтобы избежать смерти от рук ваших соотечественников, — произнеся эти слова, он улыбнулся, — если только они захотят этого во время всего путешествия, в чем я, однако, весьма сомневаюсь. И все ж я был бы глупцом, если бы отказался от защиты.

— Очень разумно с вашей стороны, — сказал Дос, слегка поклонившись.

— Разумеется, — сказал Корт. — А теперь скажите мне, — он кивнул в сторону Эллен, которая только-только закончила спор с Джорджем и теперь гордо отошла от него, — кто это?

— Эллен Эммет, жена Джорджа Эммета, руко-

водителя Министерства охраны дикой природы.

— Какова ее цена?

— Мне неизвестно, какую последнюю плату она назначила.

— Ну, а какова была предпоследняя?

— Такой никогда не было.

— Все на Земле имеет какую-нибудь цену.

— В данном случае, я полагаю, вам придется самому это выяснить.

— Непременно, — кивнул он.

Женщины Земли всегда обладали какой-то странной привлекательностью для обитателей Веги. Какой-то веганец сказал мне однажды, что они заставляют его ощущать себя в какой-то связи с другими животными.

Весьма интересная мысль, ибо такую же точно идею высказала в отношении веганцев одна девушка для развлечений на одном из модных курортов. У нее тоже каждый раз возникало ощущение, что она является другом животных. Мне кажется, что эти характерные выводы веганцев щекочут грудь и возбуждают обоих партнеров.

— Между прочим, — сказал Дос, — вы в конце концов перестали избивать свою жену?

— Какую именно? — спросил Миштиго.

Все расплылось, и я снова очутился в своем

кресле…

— Что вы думаете об этом? — спрашивал меня Джордж Эммет.

Я пристально посмотрел на него. Всего лишь секунду назад его здесь не было. Он неожиданно подошел ко мне и пристроился на широком подлокотнике моего кресла.

— Повторите, пожалуйста, вопрос, я что-то задремал.

— Я сказал, что мы должны уничтожить всех крысс-пауков. Что вы думаете об этом?

— Как мы это сделаем?

Он стал смеяться. Я подождал, пока этот смех прекратится.

— Я вывел новую породу… Это на самом деле грациозно и грандиозно! Эта порода называется «слиши».

— А что это такое? — поинтересовался я.

— «Слиши» — это паразит с планеты Бакаба, — пояснил он, наклонившись ко мне. — Это вроде крупного клеща. Мои красавицы имеют в длину почти сантиметр. Они надежно зарываются в плоть и выпускают в высшей степени ядовитые вещества в качестве отходов своей жизнедеятельности.

— Смертельные?

— Мои — да.

— Вы не могли бы мне лично одолжить один экземпляр?

— Зачем?

— Мне хотелось бы подбросить его кое-кому на спину. Вернее, мне пригодилась бы парочка дюжин. У меня ведь уйма друзей…

— Моя порода не действует на друзей. А только на крысс-пауков. На людях они просто-напросто подохнут, — он явно получал удовольствие, говоря об этих тварях. — Их организм должен иметь в качестве основы скорее медь, а не железо, — пояснил он, заметив мой недоуменный взгляд. — А крысс-пауки как раз принадлежат к таким созданиям. Именно поэтому мне надо было отправиться в это путешествие вместе с вами.

— Вы хотите, чтобы я отыскал для вас крысс-паука и держал его, пока не прицепите к нему своих «слиши»? Именно этого вы хотите?

— Мне хотелось бы собрать пару крысс-пауков — за последний месяц я израсходовал всех своих. Но я уверен, что «слиши» поработают на славу. Мне хочется возбудить эпидемию.

— Какую эпидемию?

— Эпидемию среди крысс-пауков. «Слиши» в земных условиях размножатся очень быстро,

если мы предоставим им подходящий организм. Пора размножения юго-западного крысс-паука начнется через шесть-восемь недель на территории Калифорнии, в месте, некогда называемом Капистрано. Сейчас там уровень радиоактивности в норме. Я знаю, что именно там вы окажетесь к тому времени, совершая путешествие с Миштиго. А я буду ждать вас со своими «слиши».

— Гм-м… Вы говорили об этом с Лорелом?

— Да. И он считает, что это отличная мысль. Он даже встретится с вами там и сделает фотографии крысс-пауков. Не так уж много есть возможностей поглазеть на них в естественных условиях обитания — как они затмевают небо, кружа над своими гнездами, как копошатся среди руин, пожирая диких свиней, разбрасывая по улицам заброшенных городов свои зеленые экскременты — довольно занимательно, не правда ли?

— Что-то вроде празднества всех Святых. А что же произойдет с дикими кабанами, если мы полностью уничтожим крысс-пауков?

— Их всюду станет гораздо больше. Но я считаю, что пумы позаботятся о том, чтобы дикие кабаны не стали столь же многочисленными, как кролики в Австралии. В любом случае уж лучше свиньи, чем крысс-пауки, не так ли?

— Я не в восторге ни от тех, ни от других, но в данное время, я полагаю, свиньи все-таки лучше, чем крысс-пауки.

— Спасибо. Я был уверен, что вы поможете мне.

Лорел извиняющимся тоном пригласил присутствующих взглянуть на широкий экран, медленно опустившийся к столу посреди комнаты, где стоял Лорел. Он нажал кнопку на столе, и свет в комнате погас.

— Я сейчас намерен показать вам серию карт, — сказал он.

— Если мне только удастся засинхронизировать эту штуку. Вот. Отлично.

На экране появились очертания северной части Африки и большей части Средиземноморья.

— Именно здесь вы хотели бы побывать вначале, не так ли? — спросил он у Миштиго.

— Да, как раз здесь, — ответил веганец, оторвавшись от неслышного для других разговора с Эллен, которую он прижал в нише с бюстом Вольтера.

Освещение в комнате совсем погасло, и Миштиго подошел к столу. Он взглянул на карту, затем на присутствующих, однако не выделяя кого-нибудь взглядом.

— Мне хотелось бы посетить некоторые ключевые местности, по той или иной причине игравшие важную роль в истории вашей планеты, — сказал он. — Мне хотелось бы начать с Египта, Греции и Рима. Затем хотелось бы посетить ненадолго Мадрид, Париж и Лондон. — По мере того, как он все больше углублялся в маршрут своего путешествия, картина на экране соответственно менялась. — Затем мне хотелось бы посетить Берлин, Брюссель, Ленинград, Москву. Потом пересечь Атлантический океан и сделать остановку в Бостоне, Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго. Затем отправиться на юг, на полуостров Юкатан, а потом снова на север, на этот раз в Калифорнию.

— Именно в таком порядке? — поинтересовался я.

— Да.

— Почему вы не включили в свой маршрут Ближний Восток, Индию и Дальний Восток? — послышался голос Фила. Он подошел незаметно, так как в комнате было достаточно темно.

— Я ничего не имею против этих районов, однако сейчас они в основном покрыты болотами и лесами, и к тому же там довольно большая радиоактивность. Могу добавить, что эти районы

в основном не отвечают моей цели.

— Какова же ваша главная цель? — Фил не унимался.

— Написать книгу.

— О чем?

— Я пришлю вам экземпляр со своим автографом.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Когда вы хотите отправиться в путь? — спросил я у веганца, так как этой перепалке не было видно конца.

— Послезавтра.

— Хорошо.

— Я приготовил для вас подробные карты всех вышеназванных районов, — продолжал Миштиго. — Лорел обещал мне, что завтра днем они будут доставлены в вашу контору.

— Прекрасно. Однако здесь есть нечто такое, о чем вы, видимо, не осведомлены. Это связано с тем, что все названные вами местности находятся внутри материка. В наши дни у нас на Земле культура носит большей частью островной характер, и для этого есть веские основания. В течение Трех Дней материки получили особенно большую дозу облучения, и почти все места,

которые вы назвали, до сих пор не соответствуют норме: имеют достаточно высокую степень радиоактивности. Однако это не единственная причина угрожающей опасности…

— Я хорошо знаком с вашей историей и прекрасно знаю о том, что нужно предпринимать меры предосторожности против радиации, — прервал он меня. — Кроме того, мне известно, что в древних местностях живет большое количество мутированных организмов. Я и это не сбрасываю со счета, хотя не слишком обеспокоен.

Я пожал плечами:

— Раз так, то я не возражаю.

— Прекрасно, — он в очередной раз отхлебнул кока-колу из своего бокала. — Можете включить свет, Лорел.

Экран постепенно погас, загорелись лампы.

— Это правда, что вы знакомы с несколькими «ememba», здесь, в Порт-о-Пренсе? — спросил у меня веганец.

Он подошел поближе к моему креслу.

— Насколько мне известно, колдовские обряды, совершаемые местными «вуду», почти не претерпели каких-нибудь изменений за прошедшие столетия.

— Возможно. Только вот меня здесь не было,

когда они начались, и поэтому я не уверен, так ли это на самом деле.

— Я знаю, что участников обрядов не очень-то смущает присутствие чужаков…

— Это верно. Однако они разыграют для вас на самом деле первосортное представление, если вам удастся найти подходящий «хоупфер» и предложить небольшие подарки.

— Мне очень хотелось бы стать свидетелем обряда. Если бы мне удалось посетить с кем-нибудь, кто не является для них чужаком, посетить их… э-э… представление, то тогда я, вероятно, смог бы увидеть именно то, настоящее…

— Чем вызвано такое сильное желание? Нездоровое любопытство к обычаям дикарей?

— Нет. Я изучаю различия религий с целью сравнения.

Я внимательно смотрел на его лицо, но оно абсолютно ничего не выражало.

Прошло много времени с тех пор, как я в последний раз посещал нечто подобное с Мамашей Джулией и Папашей Джо и некоторыми другими, и хотя «хоупфер» был отсюда недалеко, я не был уверен в том, что они согласятся взять вместе со мной обитателя Веги. Хотя, разумеется, у них никогда не было возражений, когда я приводил

с собой людей.

— Что ж… — начал я.

— Я хочу только понаблюдать, — сказал он, — сам оставаясь в стороне. Они вряд ли ощутят мое присутствие.

Я промямлил нечто невразумительное и сдался. Я хорошо знал Мамашу Джулию, и полагал, что в этом не будет ничего плохого.

Поэтому я сказал:

— О'кей, я поведу вас. Сегодня вечером, если хотите.

Он согласился, поблагодарил меня и ушел на поиски еще одной бутылки кока-колы.

Джордж, который все это время не слезал с подлокотника моего кресла, наклонился ко мне и тихо заметил, что было бы очень интересно произвести рассечение веганца.

Я согласился с ним.

Когда Миштиго вернулся, Дос Сантос был рядом с ним.

— Вы собираетесь повести мистера Миштиго на языческие церемонии? — спросил он, дрожа от негодования и раздувая ноздри.

— Это так, — кивнул я. — Собираюсь.

— Только вместе с телохранителями, а вы таковым не являетесь.

Я поднял вверх ладони.

— Я в состоянии справиться со всем, что бы ни произошло.

— Вас будут сопровождать Хасан и… я.

Я попробовал было протестовать, но незаметно между нами втиснулась Эллен.

— Я хотела бы тоже пойти с вами, — сказала она. — Я никогда еще не была на подобных обрядах.

Я пожал плечами.

Если идет Дос Сантос, это значит, что идет и Диана. Нас становится весьма много. Поэтому один лишний посетитель особого значения не имеет. Все равно вся затея испорчена еще до того, как начала осуществляться…

«Хоупфер» был расположен внизу, в районе гавани, возможно, вследствие того, что был посвящен Агве Вейс, морскому божеству. Хотя скорее всего из-за того, что сородичи Мамаши Джулии всегда ютились в гавани.

Агве Вейс, не очень-то ревнивый божок, поэтому множество других божеств украшали стену своими ярко раскрашенными изображениями. Чуть поодаль от берега были гораздо более искусно выполненные «хоупферы», но они мало-помалу все более переходили в собственность

коммерческих заведений.

Огромная ладья Агве переливалась яркими синими, оранжевыми, желтыми, зелеными и черными цветами и внешне выглядела несколько неподходящей для моря.

Противоположная их стена «хоупфера» была почти полностью занята изображениями пурпурно-малинового Дамбала Ведо со множеством затейливых колец и завитков. Впереди Папаша Джо ритмично отбивал такт, едва раскачиваясь, на нескольких барабанах «рада». Он сидел чуть правее двери, через которую мы вошли — кстати, единственной. Среди ярких изображений сердец, фаллосов и крестов на нас загадочно глядели христианские святые.

Флаги, мачете, багровые сердца заполняли все свободное пространство стен, и как ко всему этому относились христианские святые, невозможно было прочесть на их напряженных лицах, заключенных в дешевые рамки для литографий, напоминавших окна в какой-то чужой мир из этого сюрреалистического окружения.

На небольшом алтаре теснились многочисленные бутылки со спиртным: бутылки, созданные из тыкв, священные сосуды для, пухов «лоа», талисманы, трубки, флаги, стереографии каких-то

неизвестных людей, а среди всего прочего — пачка сигарет для Папаши Лагба.

Служба шла полным ходом, когда молодой «хоуязи» по имени Луис ввел нас.

Комната имела в длину около восьми метров и около пяти в ширину, высокий потолок и грязный пол.

Танцоры двигались около центрального столба замедленно, неестественно важно. Их черная плоть блестела в тусклом свете керосиновых ламп. Когда мы вошли в комнату, в ней стало темно.

Мамаша Джулия взяла меня за руку и улыбнулась. Она отвела меня почти к алтарю и сказала:

— Эзрум был добр.

Я кивнул.

— Ты нравишься ему, Номикос. Ты долго живешь, много путешествуешь, и ты возвращаешься.

— Всегда, — согласился я.

— Эти люди с тобой? — она движением своих темных глаз указала на моих спутников.

— Это друзья. Они не побеспокоят.

Она рассмеялась, услышав мои слова. Я тоже рассмеялся.

— Я буду держать их подальше от вас, если вы

разрешите им остаться. Мы будем оставаться в тени у стен. Если же вы скажете, чтобы я увел их, мы уйдем. Вижу, что вы уже изрядно натанцевались и осушили немало бутылок.

— Оставайся. Приходи как-нибудь поболтать со мной днем.

— Обязательно приду.

Она ушла в круг танцоров. Мамаша Джулия была довольно крупной, хотя голос у нее был весьма тихий. Двигалась она, как огромная резиновая кукла, но без грации, ступая в такт с многочисленными звуками барабанов, отбиваемыми Папашей Джо.

Через некоторое время барабанный бой заставил все — мою голову, землю, воздух — закружиться. Я наблюдал за самими танцорами и следил за теми, кто смотрел на танцоров. Я выпил пол-литра рома, пытаясь не отстать от присутствующих, но угнаться за ними было тяжело. Миштиго продолжал потягивать коку прямо из бутылки, которую он принес с собой. Никто не заметил, что он синий: пока мы добрались сюда, стало уже довольно поздно, и я решил, что пусть будет что будет и пусть все идет своим чередом.

Красный Парик стояла в углу. Она казалась надменной и одновременно испуганной. Она

держала в руке бутылку, но не поднимала ее.

Миштиго держался за Эллен, прижав ее к себе, но не более того. Дос Сантос стоял у двери и следил за всеми, даже за мной. Хасан, припав к стене справа от двери, курил трубку с длинным черенком и крохотной головкой. Он казался умиротворенным.

Мамаша Джулия, полагаю, именно она, начала петь. Ее поддержали голоса остальных. Пение продолжалось довольно долго, навевая дремоту. Я выпил еще, но жажда не утолялась, и поэтому я опять выпил.

Не знаю, сколько времени мы здесь находились, когда это произошло.

Танцоры поцеловали столб, затем снова пели, гремя бутылками, выливая из них воду. Пара «хоуязи», казалось, стала одержимой, их речь была бессвязной. Воздух был наполнен дымом, я прислонился к стене спиной, и почудилось, что мои глаза на секунду-другую сомкнулись.

Крик раздался внезапно.

Кричал Хасан.

Этот долгий вопль заставил меня рвануться вперед. Голова моя закружилась, я едва удержал равновесие и громко стукнулся спиной о стену.

Барабанный бой продолжался. Ни один такт

не был пропущен. Однако несколько танцоров остановились, озираясь.

Хасан вскочил на ноги — с оскаленными зубами, прищурив глаза. От дикого напряжения его потное лицо избороздили морщины, борода вскинулась вверх, полы его плаща, зацепившись за какие-то мелкие украшения на стене, напоминали черные крылья. Руки его в замедленном гипнотическом ритме душили несуществующего и стоявшего будто бы рядом с ним человека. Из его глотки исторгался звериный рык. Он продолжал кого-то душить.

Наконец он дернулся, руки его обвисли. Почти сразу же рядом с ним появился Дос Сантос и стал что-то говорить ему. Но, казалось, они находятся в разных мирах.

Один из танцоров стал тихо стонать. К нему присоединился еще один. Затем все остальные.

Мамаша Джулия отделилась от круга танцующих, подошла ко мне именно тогда, когда Хасан повторил попытку задушить невидимого врага, но на этот раз его жесты были не столь убедительны, скорее театральны.

Барабаны продолжали свой монотонный ритм. Папаша Джо даже не удосужился поднять свой взор.

— Плохой знак, — сказала Мамаша Джулия. — Что ты знаешь об этом человеке?

— Многое, — сказал я, напрягаясь, чтобы усилием воли прояснить свое сознание.

— Ангилсоу, — сказала она.

— Что?

— Ангилсоу. Это темный бог. Бог, которого нужно бояться. Твоим другом овладел Ангилсоу.

— Объясни, пожалуйста.

— Он редко посещает наш «хоупфер». Он здесь нежеланный. Те, кто им одержим, становятся убийцами.

— Мне кажется, что Хасан накурился какой-то дряни, что-то вроде мутированной махорки, вот почему он…

— Нет, — перебила она меня, — здесь Ангилсоу. Твой друг станет убийцей, потому что Ангилсоу — бог смерти, и он навещает только свои собственные капища.

— Мамаша Джулия, — произнес я, — Хасан и есть убийца. Если вам дать кусочек жевательной резинки за каждого, кого он убил, и вы захотите все это сжевать, то вы рискуете превратиться в бурундука. Он профессиональный убийца, обычный, в рамках закона. Поскольку Кодекс Дуэлей распространен на материках, то обычно он за-

рабатывает себе на хлеб подальше от морских берегов. Ходят слухи, что при случае он совершает и незаконные убийства, но этого никому не удалось доказать. Поэтому скажи мне вот что. Ангилсоу — бог каких убийц? Профессионалов или просто любителей крови? Ведь есть между ними разница, не так ли?

— Для Ангилсоу все равно, какого рода убийца, — покачала она головой.

Дос Сантос, чтобы прекратить спектакль, схватил Хасана за запястье. Он попытался развести ему руки в стороны, но тщетно. Попробуйте представить себе, что вы в клетке и пытаетесь голыми руками разогнуть ее прутья.

Я пересек комнату, то же сделали еще несколько человек. Это оказалось очень своевременным, так как Хасан наконец-то заметил, что кто-то стоит перед ним, и уронил руки. Затем он вытащил клинок с длинным узким лезвием из-под своего плаща.

Пустил бы он его против Доса или против кого-нибудь другого — дело темное, потому что в этот момент Миштиго закупорил свою бутылку с кокой большим пальцем и ударил ею Хасана около уха. Хасан упал лицом вперед. Дос подхватил его, и я выхватил клинок из пальцев убийцы,

после чего Миштиго начал прерванное занятие — приканчивать свою бутылку коки.

— Интересный обряд, — заметил через мгновение веганец.

— Я никогда не подозревал, что у этих обитателей гавани такие сильные религиозные чувства.

— Это просто указывает на то, что вам ни в чем и никогда не следует быть абсолютно уверенным, не так ли?

— Да. — Жестом он указал в сторону зрителей. — Все они пантеисты!

Я покачал головой.

— Нет. Это первобытные анимисты.

— Разве между этими религиями существует какая-нибудь разница?

— Придется объяснить. Вот эта бутылочка коки, которую вы только что осушили, займет место на алтаре или «пе», как они его называют, как сосуд Ангилсоу, поскольку она испытала темномистическое соприкосновение с этим богом. Вот так пантеист трактует то, что сейчас произошло. А вот анимисты могут даже сойти с ума от того, что кто-то незваный появился во время церемонии и стал причиной беспокойства вроде того, которое мы только что совершили. Анимист, возможно, будет доведен до такого состояния,

что принесет в жертву непрошеных гостей, поразбивав им головы подобным же образом, но теперь уже торжественно, и швырнув их тела в дальний закуток бухты. Это будет жертва Агве Вейс, морскому божеству. Следовательно, лучше бы мне не объяснять Мамаше Джулии, что все эти люди, которые стоят вокруг и глядят на нас, являются анимистами. Простите меня, я отлучусь на минутку…

Все на самом деле было не так уж плохо, но мне хотелось слегка встряхнуть его. Думаю, что мне это вполне удалось.

После того, как я извинился перед хозяевами и пожелал им доброй ночи, я подхватил Хасана. Он изрядно похолодел, и я был единственным, кто достаточно силен, чтобы тащить его.

На улице, кроме нас, никого не было. Огромная ослепительная ладья Агве Вейс пересекла волны где-то у самого восточного края мира, расплескав по небу все его любимые цвета. Дос Сантос шел рядом со мной.

— Пожалуй, вы были правы. Нам, наверное, не следовало приходить.

Я не удосужился ответить ему, но Эллен, которая шагала впереди всех с Миштиго, остановилась, обернулась и сказала:

— Чепуха! Если бы мы не пошли, то никогда не стали бы свидетелями этого замечательного драматического монолога без слов.

К тому времени я почти догнал ее. Обе ее руки взметнулись и обхватили мое горло. Она не собиралась усиливать давление, но корчила ужасные гримасы.

Я одержима Ангилсоу, — дурачилась она, — и вы это сейчас почувствуете! О-о! — Она рассмеялась.

— Отпустите мое горло, или я швырну на вас этого араба, — спокойно произнес я, сравнивая каштановый цвет ее волос с пунцово-оранжевым цветом неба над нею. — Он, между прочим, очень тяжелый.

Затем, секундой раньше, чем отпустить, она усилила хватку, причем намного сильнее, чем мгновение назад, но я знал, что это шутка. Через мгновение она опять оказалась рядом с Миштиго, и мы снова двинулись в путь.

Что ж, женщины никогда не дают мне пощечин, потому что я всегда успеваю подставить лицо нужной щекой, а они боятся лишая. Поэтому, как мне кажется, им остается единственное в этом случае — слегка придушить меня.

— Ужасающе интересно, — сказала Красный

Парик. — Очень непривычное ощущение. Будто внутри меня что-то танцевало вместе с ними. Странное ощущение. Я, по сути дела, вообще не люблю танцы…

— У вас акцент, — прервал я ее. — Никак не могу определить местность, какой он соответствует.

— Сама не знаю, — засмеялась она. — Я в некотором роде Франко-ирландского происхождения. Жила на Гебридах, потом в Австралии, Японии…

Хасан застонал и напряг свои мышцы. Я ощутил резкую боль в плече.

Я усадил его у порога какого-то дома и стал вытряхивать из него различные орудия его ремесла. Здесь были два метательных ножа, еще один кинжал с тяжелой рукояткой, длинный охотничий нож с зазубренным лезвием, шнурки-удавки и небольшая металлическая коробка, содержавшая различные порошки и пузырьки с жидкостями, которую я опасался проверять. Мне очень понравилась острая свайка, и я оставил ее себе…

На следующий день — вернее, вечер — я поил старого Фила, чтобы прихватить его с собой, намереваясь использовать в качестве оплаты за допущение в свиту Дос Сантоса в «Ройале». Рэдпол все еще относился к нему с почтением, считая его чем-то вроде второго Ома Нейка, сторонника

возврата к старому, хотя он начал убеждать в своей непричастности к этому движению еще полвека назад, когда напустил на себя мистицизм и респектабельность.

В то время как его «Зов Земли» — по всей вероятности, лучшее из всего, что он написал, — гремел по всей матушке-Земле, увидели свет несколько статей о Возврате.

Сейчас он может сколько угодно отрекаться от этого, но тогда он был настроен возмутителем спокойствия, и я уверен, что он сейчас с удовольствием вернулся бы к своей прежней мысли.

Кроме того, мне нужен предлог: я хотел бы посмотреть, как чувствует себя Хасан после прискорбной взбучки, которую он получил на «хоупфере». На самом же деле я жаждал получить возможность переговорить с этим арабом и выяснить, что он соблагоизволит, если только найдет нужным рассказать мне о своем последнем поручении.

Идти от здания Управления до «Ройала» было совсем немного. У нас с Филом ушло всего семь минут неспешного шага.

— Вы закончили писать элегию в мою честь? — спросил я.

— Я все время работаю над ней.

— Вы повторяете это добрых двадцать лет. Мне хотелось бы, чтобы вы поспешили, потому что я боюсь, что не смогу прочесть ее.

— Я бы мог показать некоторые другие отличные вещи; посвященные Лорелу, Джорджу, даже одна в честь Дос Сантоса. У меня есть еще множество знаменитых имен. Ваше же для меня представляет проблему.

— Почему?

— Мне хочется, чтобы элегия была современной. Вы же не стоите на месте, все время что-то делаете, меняетесь…

— Вы не одобряете этого?

— У большинства людей хватает благоразумия совершить что-либо в течение первой половины своей жизни и остановиться на достигнутом. Элегия в их честь не представляет для меня особых хлопот. У меня их полным-полно. Но я опасаюсь того, что ваша элегия будет совершенно не соответствовать вашему облику на тот момент, когда она будет закончена. Такая работа меня не устраивает. Я предпочитаю обдумывать тему на протяжении многих лет, тщательно взвешивая все стороны человеческой индивидуальности, не подгоняя себя. Вы, люди, чья жизнь подобна песне, вызываете у меня тревогу. Я считаю, что

вы пытаетесь вынудить меня написать о вас нечто эпическое, а я становлюсь слишком стар для этого. Иногда я что-то упускаю.

— Я полагаю, что вы становитесь несправедливым, — сказал я ему. — Другим уже посчастливилось прочитать оды в их честь, а на мою же долю осталось выполнить лишь пару эпиграмм.

— Могу вам сказать, что у меня есть предчувствие, что я совсем скоро закончу элегию в вашу честь. И я постараюсь своевременно прислать вам экземпляр.

— О! А откуда у вас такое предчувствие?

— Разве можно определить источник вдохновения?

— И все-таки расскажите…

— Это пришло мне в голову, когда я размышлял. Я тогда составлял элегию для веганца — просто, разумеется, чтобы поупражняться. И вот тут я понял, что думаю о том, что скоро закончу элегию в честь грека. — Он на мгновение задумался. — Представьте себе чисто умозрительно, как двух разных людей, каждый из которых выше другого, пытаются сравнивать друг с другом.

— Это можно сделать, если я встану перед зеркалом и буду переминаться с ноги на ногу. У меня одна нога короче другой. Так что я могу себе

представить. И что же из этого?

— Ничего. У вас совершенно иной подход к проблеме.

— Это культурная традиция, от которой мне никак не избавиться. Вспомните узлы, лошадей — Горашиб, Трою. Понимаете? Коварство и хитрость у нас в крови.

Десяток шагов он молчал.

— Так что же: орел или решка? — спросил я у него наконец.

— Простите?

— Эта загадка Калликанзаридов. Выбирайте!

— Решка!

— Неправильно.

— А если бы я сказал «орел»?

— Хо-хо. У вас был только один шанс. Правильный ответ тот, который угоден Калликанзариду. Вы проиграли бы в любом случае.

— В этом есть определенное коварство, не так ли?

— Именно таковы Калликанзариды. Это скорее греческое, а не восточное искусство утонченного коварства. И они не такие загадочные, потому что наша жизнь часто зависит от ответа, а Калликанзариды, как правило, желают, чтобы противник проиграл.

— Почему?

— Спросите у следующего Калликанзарида, которого встретите. Если только такая возможность вам еще предоставится.

Мы вышли на нужный нам перекресток.

— Почему вы неожиданно снова связались с Рэдполом? Вы же давно должны были уйти в отставку.

— Я ушел в подходящее время, и все, что меня с ним связывает, — это мысль, удастся ли снова возвратиться, как в добрые старые времена. Появление Хасана всегда что-то означает, и я хочу знать, каково это «что-то».

— Вас не тревожит, что я вас разыскал?

— Нет. Это может вызвать определенные неудобства, но я сомневаюсь в том, что ожидается фатальный исход.

Здание «Ройала» возвышалось над нами. Мы вошли внутрь и постучали в дверь из темного дерева и услышали:

— Входите.

— Привет, — произнес я.

Добрых десять минут прошло прежде, чем мне удалось повернуть разговор к прискорбному случаю с бедуином, но тут же Красный Парик отвлекла меня, появившись в комнате.

— Доброе утро, — сказала она.

— Добрый вечер, — усмехнулся я.

— Что нового в мире искусства?

— Ничего.

— Памятники?

— Нет.

— Архивы?

— Нет.

— Какой, интересно, работой вам приходится заниматься?

— О, она слишком разрекламирована благодаря усилиям нескольких романтиков в бюро Информации. На самом деле все, что мы делаем, — это таскаем, восстанавливаем и сохраняем записи материальной культуры, которые составлены на Земле человечеством.

— Что-то вроде мусорщиков культуры?

— Что-то вроде этого. Я думаю, что более верное сравнение вряд ли можно было бы придумать.

— Ну, а зачем?

— Что «зачем»?

— Почему вы это делаете?

— Кто-то же должен этим заниматься, потому что это все-таки мусор культуры. Поэтому-то его и стоит собирать. Я уверен, что мой мусор — лучше, чем что-либо другое на Земле.

— Вы преданы этому делу настолько же, насколько скромны! Это тоже довольно неплохо.

— Кроме того, тогда выбор был не таким уж и большим, когда я предложил свои услуги. Нельзя забывать, что тогда этого мусора было очень много.

Она протянула мне бокал, немного отпила из своего и сказала:

— Они на самом деле еще здесь?

— Кто?

— Боги и Компания. Старые боги. Вроде Ангилсоу. Я считаю, что они все давно покинули нашу Землю.

— Нет, они не покинули ее. Только то, что большинство из них похожи на нас, не означает вовсе, что они постулат подобно нам. Когда люди покидают нашу Землю, они не предлагают своим богам отправиться вместе с собой, а у богов есть своя собственная гордость. А кроме того, возможно, они должны были оставаться в любом случае, это называется «апанке» — судьба смерти. От нее не уйти.

— Так же, как и от прогресса?

— Да… Если уж говорить о прогрессе, то не улучшилось ли состояние Хасана? В последний раз, когда я его видел, он был совсем плох.

— Улучшилось. С таким толстым черепом нечего бояться. Как с гуся вода…

— А где он?

— В зале для игр.

— Мне хотелось бы лично выразить ему свое сочувствие. Вы меня извините?

— Извиняю, — сказала она, поклонившись.

Повернувшись, она направилась послушать, о чем беседуют Дос Сантос и Фил. Фил, разумеется, очень обрадовался ее приходу.

И никто не обратил внимания на мой уход.

Зал для игр был расположен в другом конце длинного коридора. Приближаясь, я услышал, как один резкий звук отрывисто следует за другим примерно через равные промежутки времени.

Я открыл дверь и заглянул внутрь.

Кроме него в зале никого не было.

Он стоял спиной ко мне, но, услышав, как дверь открылась, быстро обернулся. На нем был длинный пурпурный плащ-халат, в правой руке нож. Затылок его прикрывал здоровенный кусок пластыря.

— Добрый вечер, Хасан.

Рядом с ним находился поднос с ножами. Мишень он разместил у противоположной стены. Из мишени торчали два лезвия — одно в центре и

одно примерно в шести дюймах от центра, слева от него.

— Добрый вечер, — не спеша ответил он. — Как ваши дела? — спросил он, немного помолчав.

— О, прекрасно. Я пришел, чтобы задать этот же вопрос. Как ваша голова?

— Очень сильно болит, но уже не так, как прежде.

Я закрыл за собой дверь.

— Прошлым вечером вам, видимо, что-то пригрезилось?

— Да. Мистер Дос Сантос рассказал мне, как я боролся с привидениями… Но, к сожалению, этого я сейчас не помню.

— Не накурились ли вы этой дряни, которую толстяк доктор Эммет называет каннабасисом?

— Нет, Карачи. Я курил одно растение, которое питается человеческой кровью. Я нашел его возле древнего Константинополя и постарался очень тщательно высушить его цветы. Одна старуха сказала мне, что с его помощью можно заглядывать в будущее. Но она мне солгала, это…

— Так что, выпитая цветком-вампиром кровь побуждает к насилию? Это нечто новое, достойное того, чтобы записать. Между прочим, вы только что назвали меня Карачи. Я бы хотел,

чтобы вы называли меня в дальнейшем таким образом как можно реже. Меня зовут Номикос Конрад.

— Да, Карачи. Я был удивлен, увидев вас. Я полагал, что вы давным-давно умерли, когда ваша лодка взорвалась в заливе.

— Карачи тогда и умер. Вы никому не рассказывали, что я на него похож?

— Нет. Я не болтлив.

— Это очень хорошая черта.

Я пересек комнату, выбрал нож, взвесил его на руке и метнул. Он вонзился дюймах в десяти от центра мишени.

— Вы давно работаете на господина Дос Санто-са? — спросил я его.

— Примерно месяц, — ответил араб и тоже метнул нож. Он. воткнулся в пяти дюймах от центра мишени.

— Вы его телохранитель?

— Да. Мне поручено также заботиться о синекожем.

— Дос говорит, что опасается за жизнь Миштиго. Такая угроза существует на самом деле или же он просто перестраховывается?

— Возможно, и то, и другое. Не знаю. Он платит мне только за то, чтобы я нес охрану.

— А если я заплачу вам больше, вы скажете мне, кого вас наняли убить?

— Меня наняли только как телохранителя, но будь по-иному, я вам бы все равно ничего не сказал.

— Я так не считаю. Давайте заберем ножи.

Мы пересекли зал и повытаскивали ножи из мишени.

— А теперь, если все-таки я буду вашей жертвой, что вполне возможно, — продолжал я, — почему бы вам не уладить все прямо сейчас? Каждый из нас держит по два клинка. Тот, кто выйдет живым из этой комнаты, скажет, что на него напал другой, и ему пришлось прибегнуть к самообороне. Свидетелей нет. Но вас вчера видели пьяным и очень расстроенным.

— Нет, Карачи.

— Что нет? Нет — значит, что это не я? Или нет — потому что вы не можете выполнить свою работу подобным образом?

— Я мог бы сказать, что это не вы. Но все равно вы не знали бы, правду ли я сказал или нет. Разве это не так?

— Верно.

— Я еще мог бы сказать, что не хочу так поступать.

— И это действительно так?

— Но я же вам ничего не сказал, Карачи. И все же, чтобы вы были удовлетворены ответом, я скажу вам вот что. Если бы я пожелал убить вас, я не сделал бы этого, имея в руке нож. И я бы не выбрал в качестве оружия борьбу.

— Почему?

— Потому, что много лет раньше, когда я был еще мальчишкой, я работал на курорте в Керчи, обслуживал столики состоятельных клиентов, негоциантов. Тогда вы обо мне ничего не знали. Я только-только покинул свой Памир. Тогда вы и ваш друг прибыли в Керчь.

— Теперь я вспомнил. Да… В том году умерли родители Фила. Они были моими хорошими друзьями, и я собирался отправить Фила в университет. Но тут подвернулся какой-то веганец, который увел у него первую жену и отправился с ней в Керчь. Да, это был… Забыл его имя.

— Это был Прильпай Диго. И он был похож на гору, возвышающуюся на краю огромной долины, — высокий, казалось, его невозможно было сдвинуть с места. Он боксировал на веганский манер, кулаками, обвязанными ремнями с десятью заостренными шипами, торчащими вокруг всей руки.

— Да, я помню…

— Вы никогда прежде не дрались таким способом, но боролись с ним за эту девушку. Собралась огромная толпа из веганцев и земных женщин, даже я забрался на стол, чтобы лучше видеть происходящее. Уже через минуту ваша голова была в крови. Он все хотел, чтобы кровь потекла по вашим глазам, но вы упорно стряхивали ее. Мне было тогда пятнадцать лет. И к тому времени я убил всего лишь троих. Я думал, что вы вот-вот умрете и я так и не дождусь, что вы дотронетесь до него. А затем ваша правая рука молотом обрушилась на него с непостижимой быстротой! Вы ударили его прямо в середину той двойной кости, которая есть на груди синекожих — а кости у них более прочные, чем у нас, а вы раскололи его, как яйцо. Я бы никогда не смог сделать ничего подобного. В этом-то уж я уверен. И вот я узнал, что вы сломили хребет крысс-паука… Нет, Карачи, я убивал бы вас только с почтительного расстояния…

— Но ведь это же было так давно… Я считал, что никто не помнит этого.

— И вы отвоевали девушку!

— Да. Правда, я сейчас уже забыл ее имя.

— Но вы не вернули ее назад, поэтому, наверное, он и ненавидит вас.

— Фил? Из-за этого… Я даже забыл, какой она была на вид.

— Зато он ничего не забыл. Вот почему, как мне кажется, он вас ненавидит. Я чую источник этой ненависти. Вы отобрали у него его первую жену! И я был этому свидетель.

— Это было ее собственное желание.

— Вот он и страдает, а вы остаетесь молодым! Печально, Карачи, когда у друга есть причины ненавидеть друга.

— Да.

— Вот почему и я не отвечаю на ваши вопросы.

— Может ли случиться такое, чтобы вас наняли убить веганца?

— Может.

— Почему?

— Я сказал, что это возможно, а не то, что это свершившийся факт.

— Тогда я задам вам еще вопрос, и делу конец. Ну что хорошего, если веганец умрет? Его научная книга, может быть, была бы очень полезной для улучшения взаимоотношений между людьми и веганцами.

— Не знаю, что здесь могло бы быть хорошего, Карачи. Я предлагаю вот что: давайте лучше перейдем к нашим ножам.

Мы так и сделали. Я наконец уловил особенности этих ножей и воткнул два подряд в центр мишени. После этого два ножа просвистели рядом с моими, причем я даже слышал, как последний лязгнул о лезвие одного из моих ножей, и он завибрировал, как защемленная пила.

— Скажу вам вот что, — произнес я, снова вытаскивая нож.

— Я старший в этой поездке и отвечаю за безопасность всех ее участников. Поэтому я также буду охранять и веганца.

— Это было бы довольно неплохо, Карачи. Защита ему будет нужна.

Я положил ножи на поднос и двинулся к двери.

— Мы отправляемся, да будет вам известно, завтра в десять часов утра. Конвой скиммеров ждет нас на первой взлетной площадке на территории Управления.

— Хорошо. Спокойной ночи, Карачи.

— Я же просил вас: зовите меня Конрад? Хорошо?

— Да.

Я закрыл дверь, но эхо ударов ножей о мишень долго и неотступно преследовало меня…

4

Пока шесть больших скиммеров пересекали океан, держа курс на Египет, я в своих мыслях перенесся на остров Кос, к Кассандре, а затем не без труда оторвался от своих дум и стал размышлять о поджидающей нас таинственной стране песков Нила, крокодилов, мутантов, о мертвых фараонах, вечный сон которых ныне был потревожен одним из моих недавних проектов.

Затем я стал размышлять о человечестве, устроившемся на посадочной станции на Титане, работающем в Земном Управлении, терпящем унижения на галере и Бакабе, гнущем спины на Марсе и перебивающемся случайной работой на Рильпахе, Витале, Дивбахе и добром десятке планет Веганской Лиги. После этого мысли мои вернулись к самим веганцам.

Эта раса синекожих людей, с их чудными лицами и смешными фамилиями, пригрела и накормила нас, холодных и голодных. Она высоко оценила тот факт, что наши колонии на Марсе и Титане были неожиданно вынуждены перейти на самообеспечение и сумели выстоять целое столетие после тех злополучных Трех Дней,

прежде чем был изобретен достаточно надежный межзвездный транспорт.

Подобно жуку-вредителю (сравнение Джорджа Эммета), мы стали искать себе второй дом, потому что испоганили свой прежний. Прибегали ли тогда веганцы к инсектицидам? Нет! Это была древняя мудрая раса, она позволила нам поселиться на их планетах, жить и работать в их городах, на их материках и посреди моря. Потому что даже такой высокоразвитой цивилизации, как веганская, требуется ручной труд существ с отдельным большим пальцем.

Хороших домашних слуг нельзя заменить никакими машинами. Не меньший спрос имеется также на механиков, обслуживающих машины. А также на опытных садовников, рыбаков, шахтеров, работников искусств, особенно если речь идет об искусстве ранее неведомой расы. Люди-земляне способствовали росту благосостояния привилегированных веганцев в целом.

Мысль об этом вернула меня на Землю. Веганцы никогда прежде не сталкивались с совершенно разоренной цивилизацией, и поэтому наша родная культура произвела на них довольно глубокое впечатление.

Они были очарованы нами, очарованы на-

столько, что даже решили терпеть находящееся на Галере наше правительство. Очарованы настолько, что за баснословные деньги покупали билеты для посещения Земли, и это только для того, чтобы поглазеть на развалины некогда богатой цивилизации. Очарованы даже в такой степени, что покупали на земле обширные территории и устраивали там курорты.

Есть какая-то особая притягательная сила у планеты, постепенно превращающейся в музей (нечто подобное некогда сказал о Риме Джеймс Джойс).

Вот таким-то образом мертвая Земля все еще приносит своим внукам небольшой, но весьма ощутимый доход каждый финансовый веганский год. Вот почему существует Управление. Этим живут Лорел, Джордж, Фил и все остальные.

В какой-то мере даже я сам.

Далеко внизу серо-голубой ковер океана казался темно-бурой землей материка, а вскоре он и на самом деле кончился. Мы приближались к Новому Каиру.

Посадка была произведена за пределами города. По сути дела, здесь не было взлетно-посадочной полосы. Мы просто опустились на шести скиммерах на свободную площадку и оставили Джорджа

в качестве часового.

В старом Каире уровень радиации все еще был высок, поэтому люди, с которыми приходилось иметь дело, живут главным образом в Новом Каире. Это облегчало проведение экскурсии.

Миштиго хотел посмотреть мечеть Конг-бай в Городе Мертвых, уцелевшую после Трех Дней. Он настоял на том, чтобы я пустил его в свой скиммер, и мы сделали несколько кругов на небольшой высоте.

Миштиго при этом делал фотоснимки и любовался видами развалин. Что касается памятников, то ему хотелось осмотреть пирамиды Лукеса и Карнака в долине царей и цариц.

К нашему счастью, мы осмотрели мечеть только с воздуха. Внизу под нами сновали какие-то быстрые темные тени, которые останавливались только для того, чтобы швырнуть камни в наши аппараты.

— Кто это? — поинтересовался Миштиго.

— Пораженные радиацией, — ответил я. — Люди-мутанты. Они очень различаются размерами, формами и степенью умственной и моральной деградации.

Скиммер сделал несколько кругов. Миштиго удовлетворенно улыбнулся, и мы вернулись в

лагерь. Отсюда мы двинулись по разбитой дороге — два временных помощника, я, Миштиго, Дос Сантос, Красный Парик, Эллен и Хасан.

Постепенно дорога становилась шире. То тут, то там стали попадаться пальмы, дававшие некоторую тень. Коричневые дети с огромными глазами смотрели нам вслед. Они приглядывали за обширной территорией, на которой паслась шестиногая корова, которая, как и тысячу лет назад, подобно всем этим существам, вертела водоподъемное колесо, причем ее единственным отличием от предков было то, что она оставляла на песке не четыре, а шесть отпечатков копыт.

Мой уполномоченный в этом местности Рамзее Смит встретил нас на постоялом дворе. Его загорелое лицо было покрыто густой сетью морщин. У него были типичные для таких людей печальные глаза, однако он время от времени весело смеялся, что несколько скрашивало общее грустное впечатление, которое он производил. Мы сидели, потягивая пиво и дожидаясь Джорджа. Местные часовые должны были сменить его у скиммеров.

— Работа продвигается довольно быстро, — сообщил мне Рамзее.

— Хорошо, — кивнул я, весьма довольный тем, что никто не спрашивал меня, в чем, собственно,

состоит эта «работа». Мне хотелось уловить удивление на лицах присутствующих.

— Как поживают ваши жена и дети? — спросил я у управляющего.

— Спасибо. Вполне прилично.

— А новорожденный?

— Он выжил, и без каких-либо дефектов, — с гордостью сказал Рамзее Смит. — Я отправил свою жену на Корсику на время ее беременности. Вот это фото.

Я сделал вид, что внимательно изучаю карточку, издавая при этом одобрительные, как и положено, междометия.

— Если уж мы заговорили о снимках, — начал я, — то не нуждаетесь ли вы в дополнительном оборудовании?

— Нет, нет. У нас хорошая аппаратура. Все идет как по маслу. Когда вы хотели бы посмотреть работу?

— Сразу же после того, как что-нибудь перекусим.

— Вы мусульманин? — вмешался в разговор Миштиго.

— Я испанской веры, — серьезно ответил Рамзее.

— На самом деле? Это ведь та самая метафизи-

ческая ересь, которая отрицает тройственную природу Христа?

— Мы не считаем себя еретиками!

Я сидел, размышляя о том, насколько правы были мы, греки, выпустив на свободу логику в этот несчастный мир. Ход моих мыслей прервал Миштиго, пустившись в перечисление забавного перечня изречений христианской ереси.

В порыве ярости за то, что мне пришлось быть гидом в этом путешествии, я записал их все в журнал путешествий.

Позднее Лорел сказал мне, что это был отличный, хорошо отработанный документ, что лишний раз доказывает, насколько мерзко я должен был чувствовать себя тогда. Я даже случайно занес туда анекдот о случайной канонизации Будды как святого Иосафата в шестнадцатом столетии.

В конце концов, пока веганец сидел здесь и высмеивал нас, я понял, что или сейчас нагрублю ему, или переменю тему разговора. Поскольку я сам христианином не был, эта теологическая комедия ошибок вовсе нё оскорбляла мои религиозные чувства. Меня гораздо больше тревожило то, что представитель чужой нам расы снизошел до того, чтобы потрудиться над исследовани-

ем с целью выставить нас в качестве скопища идиотов.

Еще раз осмысливая все это сейчас, я понял, что был неправ. Успех видеоленты, которую я тогда делал, подтверждает более позднюю гипотезу в отношении веганцев: они сами себе настолько дьявольски наскучили, а мы были для них настолько новы и неизвестны, что они в равной степени ухватились как за наши извечные философские проблемы, так и за религиозные.

Это в полной мере относилось и к их представителю. Они мало разбирались в истинности тех или иных проблем и порядком погрязли в разбирательстве: кто на самом деле писал пьесы Шекспира, действительно ли Наполеон умер на острове Святой Елены, кто первый из европейцев вступил на Американский континент и является ли книга Гарри Деникена свидетельством посещения Земли разумными существами, им неизвестными, и так далее.

Высокоразвитое общество Веги прямо-таки с аппетитом набрасывалось на наши средневековые теологические споры. Забавно!

— Кстати, о вашей будущей книге, Миштиго, — перебил я рассуждения веганца.

— Да?

— У меня впечатление, — начал я, — что вы не желаете нигде и ни с кем обсуждать ее тему. Я уважаю, разумеется, подобные чувства, но это ставит меня в несколько неудобное положение как главу этой поездки.

Мы оба поняли, что подобный вопрос мне следовало поднять, будучи с ним наедине, особенно после его ответа Филу на приеме в Порт-о-Пренсе, но я хотел расшевелить его своими придирками и переменить тему разговора.

— Меня очень интересует, будет ли это прежде всего отчет о тех местах, которые мы посетили, или вы хотели бы, чтобы вам оказали помощь, обращая ваше внимание на местные особенности различного рода… На, скажем, политические или культурные.

— Это будет дневник путешественника, — сказал веганец.

— Однако вы окажете мне неоценимую услугу, если сможете сопровождать нашу поездку. У меня ведь только общие представления о земных традициях и текущих событиях.

Дос Сантос, раскуривая свою трубку, не преминул задать вопрос:

— Сэр Миштиго, как вы относитесь к движению за Возвращение? Сочувственно или считаете, что

это бесперспективно?

— Да, — ответил веганец, — именно так я и считаю. Я уверен, что игра не стоит свеч. Я отношусь с уважением к таким намерениям, но не представляю, каким образом вы надеетесь их осуществить. Почему ваши люди должны отказаться от того, чем они ныне располагают, ради того, чтобы вернуться на эту, некогда пусть даже и породившую их планету? Большинство представителей ныне живущего поколения никогда в жизни не видели Земли, они знают ее только по видеоснимкам, и вы должны признать, что видеоснимки вряд ли являются достаточно убедительными документами…

— Я с вами не согласен, — перебил веганца Дос Сантос, — и нахожу ваше отношение к нам до отвращения аристократическим.

— Таким ему и надлежит быть, — ответил Миштиго.

Джордж и Диана появились почти одновременно. Официанты стали расставлять тарелки.

— Я бы предпочел есть за отдельным столиком, — сказал Дос Сантос официанту.

— Вы здесь потому, что сами напросились, — напомнил я.

Он украдкой взглянул на Диану, которая, как

оказалось, сидела справа от меня. Я заметил едва заметное движение ее головы сначала влево, потом вправо.

Дос Сантос овладел собой после моего критического замечания, слегка поклонился и улыбнулся:

— Простите мой латино-американский темперамент, — сказал он. — Вряд ли следовало ожидать, что я обращу кого-нибудь в сторонников Возвращения всего лишь за пять минут, но мне всегда трудно скрывать свои чувства.

— Это нечто очевидное, — улыбнулся я. — А сейчас давайте есть.

Он сел напротив нас, рядом с Джорджем.

— Взгляните-ка на этого сфинкса, — сказала Красный Парик, указывая на гравюру на дальней от нее стене. — Речь его чередовалась длинными промежутками молчания и загадками, старыми, как сама природа. Он уже не открывает рта, а просто выжидает. Чего он ждет? Кто знает?

Дос Сантос быстро взглянул на веганца, затем снова на Диану, но так ничего и не сказал.

Я попросил передать мне соль. Мне хотелось, очень хотелось осыпать ее солью так, чтобы она стала неподвижной, и изучать ее без особой спешки, но — вместо этого я посолил картофель.

Почаще глядите на Сфинкса!..

Солнце высоко в небе, короткие тени, жара — вот как это было. Я не хотел, чтобы сцена была испорчена скиммерами или песчаными вездеходами, поэтому я заставил всех отправиться пешком. Идти было недалеко, и я сделал небольшой крюк, чтобы добраться до места с ожидаемым эффектом.

Мы одолели гораздо больше мили — дорога шла то вверх, то вниз. Я отобрал у Джорджа его сачок для бабочек, когда мы проходили мимо полей, лежавших на нашем пути.

Над головой пролетели птицы с ярким оперением, далеко, почти у самого горизонта, была видна пара верблюдов. Невысокая смуглая женщина прошла семенящей походкой мимо нас, держа на голове высокий кувшин. Миштиго отметил этот факт в своей карманной книжке с запоминающим устройством.

Я кивнул женщине и поздоровался с ней. Женщина поздоровалась в ответ, но головой, естественно, даже не пошевелила.

Эллен, вся взмокшая, обвязала себя большим треугольным веером из перьев. Красный Парик шла не сгибаясь, крохотные бусинки пота скопились на ее верхней губе, глаз не было видно

из-за стекол поляроидов. Наконец мы добрались, взойдя на последний невысокий холм.

— Смотрите! — показал рукой Рамзее.

— Матерь божья! — по-испански воскликнул Дос Сантос.

Хасан что-то пробурчал.

Красный Парик быстро повернулась ко мне, затем снова отвернулась. Из-за очков я не уловил выражения ее лица.

Эллен не переставала обмахиваться веером.

— Что это они там делают? — спросил Миштиго.

Я впервые видел, что он искренне удивлен.

— Они разбирают великую пирамиду Хеопса, — сказал я.

Немного выждав, Красный Парик спросила:

— Почему?

— Как раз сейчас, — сказал я ей, — существует острая нехватка строительных материалов в этой местности, а развалины старого Каира все еще радиоактивны. Поэтому и нарушается правильность геометрических форм этого древнего сооружения.

— Они же оскверняют памятник величия человеческой расы! — воскликнула она.

— Нет ничего дешевле былой славы, — заметил

я. — Настоящее — вот что интересует нас сейчас, и нам именно сейчас нужны строительные материалы.

— И сколько же времени длится это безобразие? — скороговоркой спросил Миштиго.

— Разборку начали три дня назад, — пояснил Рамзее.

— Что дает вам право поступать подобным образом?

— Имеется разрешение Земного филиала Департамента искусств, памятников и архитектуры.

Миштиго повернулся ко мне, его янтарные глаза странно сверкали.

— Вы?.. — выдохнул он.

— Я, — удостоверил я, — являюсь уполномоченным по подобным делам. Все правильно.

— Почему же никому не известно о подобных ваших акциях?

— Потому что очень немногие забираются в эту глушь, — разъяснил я. — И это является еще одной веской причиной разборки этой штуковины. На нее теперь почти никто не смотрит. И я на самом деле имею полномочия разрешать подобные акции.

— Но я прибыл с другой Планеты, чтобы увидеть ее!

— Что ж, смотрите, да побыстрее, — сказал я ему, — скоро ее не станет.

Он обернулся и впился в меня взглядом.

— Вы, очевидно, не имеете ни малейшего представления о действительной ценности этого сооружения. Либо, если имеете…

— Как раз наоборот. Я точно знаю, какова ее ценность.

— И эти несчастные создания, которых вы заставляете так трудиться, — голос веганца становился все выше по мере того, как он наблюдал происходящее, — под палящими лучами Солнца, вашего гнусного Солнца — ведь они работают в самых примитивных условиях! Вы хоть слышали когда-нибудь о простейших механизмах?

— Разумеется. Но они довольно дороги.

— А ваши надсмотрщики не расстаются с бичами, — указующий перст инопланетянина гневно дрожал в жарком воздухе.

— Как вы только можете так обращаться со своими соотечественниками! Это же извращенность!

— Все эти люди согласились работать добровольно, за символическую плату. Да и совесть актеров не позволяет им пускать в ход плети, даже в том случае, если люди будут сами просить

об этом. Все, что мы позволяем им делать, — это шумно рассекать бичами воздух…

— Совесть актеров?

— Они — члены союза. Хотите взглянуть на кое-что интересное? — Я сделал знак рукой. — Взгляните-ка вон на тот холм.

— Что там происходит?

— Мы снимаем фильм.

— Зачем?

— Когда закончим разборку, мы собираемся смонтировать из полученной пленки фильм под названием «Строительство Великой Пирамиды». Ведь если прокрутить пленку назад, то должно получиться кое-что интересное. Это может оказаться смешным, но нам нужны деньги. Ваши историки высказывают различные предположения о том, каким же, собственно, образом нам удавалось возводить подобные сооружения. Этот фильм может доставить им некоторое удовлетворение. Я решил, что лучше всего здесь подходит грубая сила и невежество масс.

— Грубая сила? Невежество?

— Да, да. Смотрите, как они наваливаются друг на друга, как быстро вскакивают. В фильме все будет наоборот. Вес камней будет их давить, они будут падать от неимоверных усилий. Это будет

первый снятый фильм за многие годы! И я уверен, что им очень нравится участвовать в съемке величественного произведения искусства!

— Вы — безумец! — провозгласил Дос Сантос, глядя на пирамиду.

— Нет, — покачал я головой. — Отсутствие монумента может быть в. своем роде само по себе чем-то вроде монумента.

— Монумента в честь Конрада Номикоса? — засмеялся веганец.

— Нет, — вмешалась Красный Парик. — В такой же мере, как помимо искусства созидания существует также искусство разрушения. Я думаю, он как раз в нем и собирается преуспеть. Он изображает из себя нового Калигулу. Похоже, я даже начинаю понимать почему!

— Благодарю вас, — поклонился я.

— Я вовсе не одобряю это, хотя актеры с любовью играют свою роль.

— Любовь — это отрицательная форма ненависти, — пожал я плечами.

— Я умираю. Египет умирает, — нараспев произнесла Эллен.

Миштиго рассмеялся.

— Вы более трудный человек, Номикос, чем я. Нельзя было даже такого предположить. Но вы

вовсе не незаменимы.

— Ну, так попробуйте уволить Гражданскую службу, в том числе и меня.

— Это может быть легче, чем вы думаете.

— Посмотрим.

— Обязательно!

Мы снова повернулись к пирамиде Хеопса. Миштиго принялся за свои записи.

— Мне хотелось бы, чтобы вы лучше смотрели на все происходящее через… Вообще, давайте пока покинем это место. Наше присутствие мешает работе и тем самым вызывает напрасную трату драгоценной для нас пленки. Как только фильм будет готов, я обязательно приглашу вас на первый просмотр.

— Да. Я посмотрел все, что хотел. Давайте вернемся в гостиницу. Мне хочется побеседовать с кем-нибудь из местных жителей. — Он немного помолчал, а потом, будто размышляя, добавил: — Мне хотелось бы посетить Луксор, Карнак и Долину Царей раньше, чем это предусматривается графиком. Я надеюсь, что вы еще не начинали демонтаж этих заповедных мест?

— Пока еще нет.

— Хорошо. Значит, мы должны побывать там, опережая ранее составленные графики.

— Только бы не оставаться здесь, — устало произнесла Эллен. — Эта жара сводит меня с ума.

По дороге на постоялый двор Диана спросила у меня:

— Вы действительно имели в виду именно то, что говорили сегодня?

— В определенном смысле. Для меня это естественно.

— И как же вы относитесь ко всему этому?

— Совершенно спокойно.

Выражение ее лица изменилось: оно стало забавным…

5

Наша феллука скользила вдоль величественного вида колоннады Луксора. Миштиго сидел ко мне спиной, не отрывая глаз от этих колонн, и время от времени записывал на диктофон свои впечатления.

— Позвольте рассказать вам о боадилах, — сказал я.

— Где мы высадимся на берег? — спросил у меня Миштиго.

— Примерно в миле выше течения. Мне очень хочется рассказать вам кое-что о боадилах.

— Я знаю, что это такое. Нечто вроде помеси удава с крокодилом, не так ли? Я уже не раз упоминал, что изучил все, что есть на вашей планете.

— Читать о них — это одно…

— Но я видел их и живыми. В земном парке на Галере имеются четыре экземпляра животных.

— … а видеть их на свободе — совсем другое дело.

— Вы и Хасан располагаете полным арсеналом. У вас за поясом три гранаты, у Хасана — четыре!

— Гранатой нельзя воспользоваться, когда

боадил окажется рядом с вами. Это будет скорее самоубийство, а не самозащита. Да и передвигаются они довольно быстро!

Он наконец обернулся ко мне.

— А чем вы пользуетесь в таких случаях?

Я вытащил оружие, которое всегда стараюсь иметь под рукой, когда попадаю в тропические области Земли.

Он внимательно осмотрел его.

— Как оно называется?

— Это автомат. Он стреляет метацианидовыми пулями. У них сила удара не менее тонны. Точность стрельбы небольшая, но в этом и нет необходимости. Прототипом этого оружия является «Шмайсер» — огнестрельное оружие двадцатого века.

— Он довольно громоздкий, — недоуменно заметил Миштиго. — Неужели с его помощью можно убить боадила?

— Если посчастливится, — усмехнулся я. — У меня есть еще парочка пуль в одной из коробок. Хотите одну?

— Нет, благодарю вас. — Некоторое время он молчал, а затем произнес: — Но вы все-таки расскажете все вам известное о боадилах? Тогда, когда я наблюдал за ними, они почти не

высовывались из воды и казались весьма медлительными.

— Так вот… Голова этого зверя напоминает голову крокодила, только больше. Длина около двенадцати метров. Способны сворачиваться в огромный шар, ощетинившийся массой зубов. Они проворны как на суше, так и в воде. И наконец, у них множество маленьких ножек с каждой стороны, что обеспечивает им такую…

— Сколько ног?

— Гм-м… — я задумался. — По правде говоря, я никогда не считал их. Эй, Джордж, — обратился я к самому видному биологу Земли, в данный момент дремавшему в тени паруса, — сколько ног у боадила?

— А-а? — Голова его повернулась в нашу сторону.

Он поднялся, слегка потянулся, затем подошел к нам.

— Боадилы, — он как бы размышлял вслух. — Они, разумеется, из класса пресмыкающихся — в этом нет никаких сомнений. Однако относятся они к отряду чешуйчатых, как утверждают мои коллеги на Галере, но тут есть о чем поговорить. Лично я считаю, что они напоминают фоторепродукции мезозойских фитозавров, вы-

полненные художником незадолго до Трех Дней, разумеется, с дополнительным количеством ног и способностью сжиматься в клубок. Поэтому я предпочитаю относить их к отряду крокодилов.

Он облокотился о борт и стал смотреть на мелькающие воды реки. Я понял, что больше он не собирается говорить, и еще раз спросил:

— Так все-таки, сколько ног у боадила?

— Ног? Никогда не подсчитывал. Если нам повезет, то, возможно, такой случай представится. Они здесь водятся в изобилии. У меня был один молодой боадильчик, но он в неволе недолго протянул.

— И что же с ним случилось?

— Его сожрал мой гигантский утконос.

— Гигантский?

— Гораздо больше обычного — высотой более трех метров, — пояснил я. — Да и к тому же с зубами. Представляете? Насколько нам известно, их встречали всего раза три-четыре… в Австралии. Нам один достался совершенно случайно. Вероятно, как вид, они скоро исчезнут — в отличие от боадилов. Они — яйцекладущие млекопитающие. Яйца их слишком малы, чтобы голодная планета позволила им существовать какое-то продолжительное время. Возможно, их сейчас

остались считанные единицы.

— Похоже, что так, — подтвердил Джордж. — Хотя, может быть, что и не так.

Миштиго отвернулся, качая головой.

Хасан частично распаковал своего робота-голема и возился с его настройкой.

Эллен в конце концов перестала обнажать свое тело под жгучими лучами солнца по частям и теперь лежала, загорая нагишом.

Красный Парик и Дос Сантос о чем-то сговаривались. Эти двое никогда не уединялись просто так — у них всегда было что-то на уме. Величественные колонны остались за кормой, и я решил направить феллуку к берегу, чтобы посмотреть, что нового среди гробниц и развалин храмов…

Следующие шесть дней были хотя и не богаты событиями, однако в чем-то незабываемы; они заполнились активной деятельностью всех членов нашей группы.

Похоже, Миштиго должен был брать интервью у каждой каменной глыбы, попадающейся нам на протяжении четырех миль пути до Карнака. В сиянии дня и при свете факелов мы пробирались среди руин, пугая летучих мышей, змей и насекомых, вынужденно слушали монотонную речь веганца, делившегося своими впечатлениями с

диктофоном.

Ночью мы располагались лагерем на песчаных пляжах, устраивали двухсотметровую зону, снабженную электросигнализацией, и выставляли двухчасовых. Боадилы — животные хладнокровные, и, поскольку ночи здесь были довольно прохладные, особенная опасность нам не угрожала.

Ночи озарялись огромными кострами всюду, где мы располагались на ночлег, в основном из-за того, что веганцу хотелось, чтобы все было как можно более примитивным — для создания надлежащей атмосферы, как мне кажется.

Мы отогнали наши скиммеры далеко на юг, в одно хорошо знакомое мне место, и оставили их на попечение нескольких служащих Управления, сами же наняли феллуку.

Миштиго хотел путешествовать именно так. По вечерам Хасан либо упражнялся с асегаем, который он выменял у одного великана-убийцы, либо раздевался до пояса и часами боролся со своим не знающим усталости роботом. Он был настоящим противником. Хасан отрегулировал его так, чтобы силой он вдвое превосходил среднестатистического мужчину, а реакция была на *50 %* быстрее обычной. Память робота содержала

сотни борцовских приемов, а регулятор теоретически не давал ему возможности убить или покалечить своего партнера. Робот был высотой в полтора метра и весил добрых сто двадцать килограммов. Изготовлен он был на Бакабе и стоил довольно больших денег.

Он был в какой-то мере карикатурой на человека, а мозг его, если такой имелся, размещался ниже того места, где у живого человека находится пупок. Несмотря на все ухищрения конструкторов, несчастные случаи все-таки случались. Либо погибали от рук роботов, когда что-то портилось в их электронных мозгах, а зачастую вследствие собственных ошибок. Однажды я сам приобрел такую штуковину и почти в течение целого года боксировал с ним по пятнадцать минут ежедневно. Я привык относиться к своему роботу, как к человеку. И все же в один прекрасный день он стал драться нечестно, и мне пришлось добрый час колотить его, пока я не вышиб из него остатки его поврежденного мозга. После этого я не заводил робота, а своего продал оному торговцу верблюдами, притом за немалую цену, хотя и неисправного. Не знаю, удалось ли тому починить робота — мне это было уже безразлично.

Хасану же очень нравилось возиться со своим

спарринг-партнером при свете костра, а мы, сидя на одеялах вокруг костра, наблюдали за ними.

На третий вечер рассудок оставил меня.

Я вспоминал об этом отдельными фрагментами, как серию несвязанных, освещенных молниями, моментальных снимков…

Я разговаривал с Кассандрой почти целый час и под конец передачи обещал ей на следующее утро вызвать скиммер, чтобы вечер провести с ней на острове Кос.

Я запомнил ее последние слова:

— Будь осторожен, Константин. Мне снятся дурные сны.

— Вздор, Кассандра. Спокойной ночи.

И кто знает, может быть, ее плохие сны были следствием ударной волны, двигавшейся назад во времени из точки отсчета, имевшей 9 баллов по шкале Рихтера.

Какой же жестокой злобой сверкали глаза Дос Сантоса, когда он аплодировал Хасану, швырнувшего своего робота на землю могучим броском. Однако земля продолжала трястись и после того, как робот поднялся на ноги и стал кружить вокруг араба, согнув руки в локтях. Земля еще долго тряслась и вибрировала.

— Какая мощь! Я еще до сих пор ощущаю, как

дрожит земля! — воскликнул Дос Сантос.

— Это сейсмическое волнение, — усмехнулся Джордж, — хотя я и не специалист в этой области.

— Землетрясение! — завопила его жена, освободившись от объятий Миштиго.

Причины бежать не было, да и убегать, в общем-то, было некуда. Вокруг не было ничего, что могло бы упасть на нас, Земля вокруг была ровная и почти гладкая. Поэтому мы просто сидели, а нас швыряло из стороны в сторону. Несколько раз нас даже опрокидывало. Невообразимой была пляска пламени костра.

Хасан отключил Голема и сел рядом со мной и Джорджем. Толчки не затихали почти в течение часа, затем через некоторое время толчки, после небольшого перерыва, возобновились, но на этот раз с меньшей силой.

Так продолжалось всю ночь, а после того, как вторая волна землетрясения успокоилась, мы связались с Порт-о-Пренсом. Расположенные там приборы указывали на то, что эпицентр землетрясения находился на порядочном расстоянии от нас к северу. Это было очень плохим признаком, ибо это означало, что землетрясение произошло где-то в Средиземноморье. Скорее

всего, в Эгейском море.

Неожиданно мне стало не по себе. Я старался связаться с островом Кос. Никакого ответа.

Моя Кассандра, моя любимая! Где она сейчас?

В течение двух часов я старался выяснить это. Затем снова связался с Порт-о-Пренсом. И мне ответили. И не кто-нибудь, а сам Лорел!

— Конрад! Я не знаю, как вам это сказать… То, что произошло…

— Ну говорите же! — нетерпеливо потребовал я, чуть не крича в микрофон. — Говорите!!!

— Спутник-наблюдатель прошел над нашим районом около двадцати минут назад (эфир был заполнен треском помех). На телевизионном изображении, которое он передает в настоящее время, уже нет кое-каких островов в Эгейском море…

— Что? — закричал я.

— Боюсь, что Кос — один из них.

— Нет!!!

— Я очень сожалею, — сказал Лорел, — но именно это передает спутник. Даже не знаю, что еще сказать…

— Этого достаточно, — сказал я. — Вполне. До свидания. Мы еще поговорим с вами позже.

— Подождите, Конрад!

— Нет!!!

Я совсем потерял голову. Вокруг меня носились перепуганные летучие мыши. Я стал отмахиваться от них и даже убил одну, когда она устремилась ко мне.

Через некоторое время я двумя руками обхватил огромный камень и чуть было не разбил вдребезги радио, но Джордж положил мне руку на плечо, и я опустил камень, а тыльной стороной ладони ударил его по лицу.

Не знаю, что с ним стало, так как я только нагнулся, чтобы снова поднять камень, за моей спиной послышался звук шагов.

Я опустился на одно колено и повернулся, зачерпнув в ладонь горсть песка, чтобы швырнуть его в чьи-то глаза. Все остальные были уже здесь — Миштиго, Красный Парик, Дос Сантос, Рамзее, Эллен, трое местных служащих, Хасан — все они приближались ко мне.

Кто-то крикнул:

— Рассыпайтесь в разные стороны!

Увидев выражение моего лица, они развернулись веером. Затем все они слились в одно существо, которое я изо всех сил ненавидел какой-то животной ненавистью.

Мне хотелось колотить, бить, кромсать их всех.

Они улыбались, скалили белые зубы, подступая ко мне, словно неясные черные тени. Казалось, с их губ слетали убедительные слова, казалось, что сама судьба руководила ими. И поэтому я швырнул песок в самого ближайшего из них и набросился на него.

Мой удар снизу перевернул его вверх тормашками, но сбоку на меня насели два египтянина. Я стряхнул их с себя и увидел краем глаза, что искусный в бою араб держит в руке нечто похожее на плод акала. Он размахнулся им в мою сторону, и поэтому я мгновенно нагнулся. Тогда он сам набросился на меня, но мне удалось ударить его головой в живот. Он растянулся на земле.

Затем те двое, которых я расшвырял, снова схватили меня.

Где-то в стороне громко кричала женщина, но нигде не было видно ни одной из них.

Я вырвал правую руку и с размаху ударил кого-то. Противник полетел прочь, но его место занял другой. Прямо впереди какой-то синий человек запустил в меня камнем и попал в плечо. От боли я обезумел еще больше. Подняв чье-то сопротивляющееся тело, я со всей силы швырнул его в другого нападающего, затем нанес удар кулаком в чье-то лицо. Я встряхнулся и осмотрелся.

Все остальные тоже замерли. Мне так хотелось крушить всех и вся! Поэтому я поднял одного из них, что валялся у меня под ногами, и сильным ударом в челюсть еще раз свалил его на землю. Затем опять поднял, но кто-то завопил:

— Карагиозис!.. — и начал на ломаном греческом языке перечислять другие имена.

Я опустил свою жертву и обернулся.

Там, возле костра, находились двое: один высокий и бородатый, другой — приземистый, тяжелый, с лысой головой, будто вылепленный из смеси земли и замазки.

— Мой друг говорит, что он раздавит тебя, грек! — крикнул высокий, что-то делая за спиной другого.

Я двинулся на них, но человек из замазки и грязи метнулся на меня. Он сделал мне подножку, но я быстро вскочил, схватил противника под мышки и бросил его через бедро. Но тот вскочил на ноги так же быстро, как и я, снова бросился на меня, схватив меня одной рукой за шею. Я тоже схватил его за шею и еще за локоть, наши объятия сомкнулись.

Я стал переносить вес своего тела то на одну, то на другую ногу, пробуя силы противника. Он был таким же быстрым, как и я, и отвечал на каждое

мое движение.

Я протянул свои руки, сделал шаг назад и изо всех сил дернул его на себя. Освободившись на мгновение, мы стали кружить друг около друга, отыскивая слабое место. Я хотел дернуть его за ноги и держал свои руки как можно ниже, сильно наклонившись вперед, потому что мой противник был невысок. На мгновение мои руки оказались слишком близко к нему, и он стремительно метнулся ко мне, схватил меня за туловище, сжав так, что мне показалось, будто изо всех пор тела проступила выжатая влага. Острая боль пронзила все мое тело. Он стал давить все сильнее, и я понял, что, если мне не удастся сейчас же освободиться, то вскоре он мне сломает хребет.

Я сжал кулаки, уперевшись ими в его живот, и стал отталкивать свое тело. Хватка его стала еще крепче. Я сделал шаг назад и изо всех сил рванул руки. Рванул вверх. Мои ладони оказались у его лица, я толкнул их под его подбородок, прямо в горло, и дернул вверх.

Он отлетел назад. Любому другому этот резкий рывок сломал бы шею. Однако он быстро вскочил на ноги, и я понял, что он не смертный боец, а одно из тех существ, которых, подобно Антею,

рождают не женщины, а сама мать-Земля.

Я навалился всем своим весом ему на плечо, и он упал на колени. Я ударил его ребром ладони по горлу, сразу же отступив вправо, и, упершись коленом в нижнюю часть спины, стал тянуть его за плечи к себе, стараясь сломать ему позвоночник.

Но это мне не удалось. Он все больше прижимал свою голову вниз к земле и оторвать ее не было никакой возможности. И стоило мне только слегка зазеваться, как он сразу же вскочил и снова набросился на меня.

Я изменил тактику и решил задушить его. Руки мои были гораздо более длинными, чем его. Я впился в горло моего противника обеими руками и изо всех сил стал давить его кадык большими пальцами. Он попытался оттолкнуть меня, упершись локтями в мою грудь. Но я продолжал сдавливать его горло, ожидая, когда же его лицо потемнеет и выкатятся из орбит глаза. Локти мои стали сгибаться под напором его рук. Еще мгновение… и он тоже вцепился мне в горло.

Так мы и стояли некоторое время, пытаясь задушить друг друга.

Только вот его задушить было невозможно. Мое лицо стало багровым под усилием его мышц. Откуда-то, как будто издалека, я услышал крик:

— Прекратите это, Хасан! Ему не положено делать это!..

Голос Красного. Парика? Во всяком случае, ее имя первым пришло мне в голову. И это означало, что Дос Сантос где-то поблизости. И она произнесла «Хасан» — имя мне очень знакомое. И картина происходящего со мной стала постепенно проясняться.

Я понял, что зовут меня Конрад, что я нахожусь сейчас в Египте, что лишенное всякого выражения лицо передо мной — просто лицо робота. Голова создания, которое можно отрегулировать так, чтобы он был в пять раз сильнее человека, и которому было разрешено использовать все свои возможности. Только вот считается, что робот может убить разве что по чистой случайности, это же создание всерьез пыталось отправить меня на тот свет. А это означало, скорее всего, что регулятор движений робота был неисправен.

Я освободил его шею, схватил его за правую кисть и локоть и потянул так, чтобы он оказался как можно ниже. Как только равновесие моего противника оказалось нарушенным, он отпустил меня, но я удвоил усилия и стал выкручивать ему руку, ожидая, что, в конце концов, сломается его локтевой сустав.

Но ничего не произошло. Ничего не хрустнуло. Рука робота просто неестественно скривилась.

Я отпустил его запястье, и он упал на одно колено, а рука его сама по себе раскрутилась и опять приняла нормальное положение.

Если бы я мог читать мысли Хасана, то узнал бы, что робот включен на максимальный срок непрерывного действия на два часа! Это было очень много.

Единственное, что я знал, так это, кто я и что я делаю. Кроме того, я знал, что моим противником является робот-борец. Значит, боксировать он не станет.

Я бросил мимолетный взгляд через плечо на то место, где я стоял, когда это все началось, — на палатку с рацией. Теперь она была метрах в пятнадцати отсюда.

За эту секундную паузу робот-борец едва не прикончил меня, рванувшись ко мне и схватив меня одной рукой за шею сзади, а другой обхватив меня ниже подбородка. Он мог бы сломать мне шею, если бы успел швырнуть меня назад, но в это мгновение земля снова задрожала. Подземный толчок был настолько силен, что нас обоих швырнуло на землю и мы невольно отпустили друг друга.

А через несколько секунд я был уже на ногах. Земля все еще дрожала. Но робот тоже был на ногах и снова двинулся на меня. Мы были как два пьяных моряка, затеявших драку на корабле, который трепал страшный шторм.

Робот сделал выпад, но я успел отойти. Через мгновение я ударил его прямым левым, и, пока он пытался схватить меня за левую руку, я нанес ему сильный удар правой рукой. А затем я снова отступил.

Он опять бросился на меня, но я удерживал его на дистанции короткими ударами. Бокс был для него то же самое, что четвертое измерение для меня — он был просто не в состоянии постичь его. Но робот продолжал наступать, отражая и пропуская мои удары, я же пятился назад к стоящей позади меня палатке.

Земля все еще дрожала. Где-то далеко кричала женщина. Я нанес удар правой ниже пояса, надеясь выбить ему мозги. И тут увидел то, что хотел увидеть, — здоровенный камень, которым я хотел разбить рацию. Я сделал ложный выпад левой, затем, схватив робота за плечо и бедро, поднял его высоко над головой, отклонился назад и швырнул его прямо на камень.

Он ударился о него животом. Затем вновь стал

подниматься, но теперь уже медленнее, чем прежде. Поэтому я успел ударить его ногой в живот, после чего робот грузно опустился на песок. Странное жужжание послышалось из его туловища.

Земля затряслась снова. Робот сник, вытянувшись, и единственным признаком того, что он еще функционирует, было то, что пальцы его левой руки продолжали шевелиться. Они продолжали сгибаться и разгибаться, делая причудливые движения.

Я медленно повернулся и увидел, что все они стоят здесь — Миштиго, Эллен, Дос Сантос, Рамзее, Красный Парик, Хасан, Джордж и три облепленных пластырями египтянина.

Я сделал шаг в их направлении, и они снова разошлись по сторонам. Лица их были искажены ужасом. Но я покачал головой.

— Нет, теперь я уже пришел в себя, — сказал я. — Только оставьте меня в покое. Я хочу спуститься к реке, чтобы выкупаться…

Сделав несколько шагов вперед, я почувствовал, что земля вокруг меня завертелась и внезапно наступила темнота…

Все последующие ночи были одной сплошной пыткой огнем и каленым железом. Дух, который

был вырван из моей души, оказался погребен глубже, чем любая из мумий, лежавших под этими песками. Говорят, что мертвецы забывают других мертвецов в царстве Аида. Но я надеялся, что Кассандра меня не забудет!

Время лечит, и вот по истечении нескольких дней я снова возглавил экспедицию. Правда, Лорел предложил мне передать руководство кому-нибудь другому, а самому отправиться в отпуск. Но я не мог так поступить. Что бы я стал делать, предоставленный самому себе? Сидеть и думать о каком-нибудь из древних мест? Нет! В таких случаях всегда очень важно продолжать что-то делать, чтобы хоть чем-то заполнить образовавшуюся пустоту. Поэтому я остался гидом, и все свои мысли переключил на те маленькие тайны, к которым мы прикасались во время путешествия.

Я разобрал робота и осмотрел регулятор. Он был, как я и предполагал, сломан. Видимо, это сделал я на ранней стадии единоборства, либо Хасан, чтобы охладить мой разрушительный пыл. Если это сделал Хасан, то значит, он хотел, чтобы я был не просто избит, а забит до смерти. Тогда возникает вопрос: зачем? Интересно, известно ли его работодателю, что когда-то я был Караги-

озисом? Если так, то для чего ему хотелось убить основателя и первого Секретаря его собственной партии, человека, который поклялся, что он не потерпит, чтобы при его жизни Земля была распродана и превращена в место для развлечений банды синих пришельцев. Человека, который поклялся бороться за освобождение Земли до последнего. Человека, который организовал вокруг себя ядро единомышленников, систематически снижавшего до нуля стоимость собственности на Земле, принадлежащей веганцам, и даже пошел на то, чтобы уничтожить процветающее агентство таллеритов по покупке недвижимости, основавшееся на Мадагаскаре.

Человека, идеалам которого он сам был предан, хотя в настоящее время старался направить свою деятельность в более мирное законное русло.

Почему ему вдруг захотелось, чтобы этот человек погиб?

Следовательно, он либо изменил делу Партии, либо не знает, кем я являюсь на самом деле, и на уме у него было что-то другое, когда он поручил Хасану прикончить меня.

Или, может быть, Хасан подчиняется приказу кого-то еще?

Но кто же его таинственный хозяин? И опять

же, для чего ему моя смерть?

Ответа не находилось. И я решил, что его надо отыскать немедленно!

Первым меня стал угощать Джордж.

— Очень жаль, Конрад, — сказал он, стараясь не смотреть на меня.

Говорить что-нибудь человеческое ему всегда было трудно. Вряд ли моя с Эллен выходка прошлым летом привлекла его внимание. Все его страсти прекращаются за пределами биологической лаборатории. Я помню, как он делал вскрытие последней собаки на Земле. После того, как он в течение четырех часов чесал ее за ухом, вычесывал блох из хвоста, умиляясь ее лаем, он повел Вольфа к себе в лабораторию. Вольф медленно плелся, волоча в зубах кухонное полотенце, с которым он очень любил забавляться. В лаборатории Джордж сделал укол животному и произвел вскрытие. Ему, как он потом говорил, было очень интересно сделать вскрытие, пока Вольф был еще здоров.

Скелет любимца Джорджа до сих пор стоит у него в лаборатории. Поэтому вряд ли у этого человека было особое желание снять с меня мерку для деревянного ящика, куда кладут покойников…

Если бы он и желал моей смерти, то это была

бы утонченная, быстрая и экзотическая смерть. Однако к подобной экзотике — с помощью робота — он не питал особого пристрастия.

В этом я был уверен.

Эллен же, хотя и способна на сильные чувства, по сути, ведет себя, как неисправная кукла с автоматическим взводом. Что-то всегда заскакивает в ее механизме как раз перед тем, как ее чувства должны вырваться, а уж на следующий день ее столь же страстно влечет к чему-нибудь другому.

Ее соболезнование звучало, насколько я помню, приблизительно так:

— Конрад, вы даже не представляете себе, как я удручена! В самом деле! Хотя я даже не встречалась с вашей женой, но я так понимаю ваши чувства!

Ее голос то поднимался, то опускался, принимая всевозможные оттенки, и я знал, что она свято верит во все, о чем сейчас говорит. И за это я был ей благодарен.

— Нет вашей женщины, и у вас на сердце тяжесть. Словами не облегчить эту тяжесть. Что на роду написано, то нельзя зачеркнуть. Я скорблю вместе с тобой, Карачи.

Ее слова не удивили меня. Этим человеком

никогда не владела злоба или ненависть. У нее не было личных мотивов убить меня. Поэтому я был уверен, что ее соболезнование было самым искренним.

Миштиго не сказал ни слова в мое утешение. Это чуждо самой природе веганцев. Для синеоких смерть — событие радостное. В соответствии с их этическими воззрениями, она означает акт завершения — рассеивание духов мира человека на мельчайшие частицы, воспринимающие наслаждения в огромном всеобщем организме. Материально смерть — это торжественная ревизия всего того, чем обладает покойник. Это торжественный раздел его состояния, сопровождаемый пиршеством в глобальной пьянке.

— Печально, что так получилось, друг мой, — сказал Дос Сантос. — Утрата женщины — все равно, что потеря собственной крови. Печаль ваша велика и безутешна. Она подобна тающему огню, который никак не может потухнуть. Все это прискорбно и ужасно. Смерть — настоящая жестокая и темная штука, — заключил он, и его глаза стали влажными. — Кем бы вы ни были — веганцем, евреем, мавром, — для испанца Сантоса жертва есть жертва, нечто воспринимаемое на недоступном для меня туманном, мистиче-

ском уровне.

Затем ко мне подошла Красный Парик и сказала:

— Ужасно… Очень жаль. Что тут говорить еще?

Я кивнул:

— Спасибо.

— Есть кое-что, о чем я должна у вас спросить. Но не сейчас, позднее.

— Как хотите, — сказал я и, когда все ушли, стал снова глядеть на реку и размышлять об этих последних днях.

Она, казалось, была опечалена не меньше других, но у меня было ощущение, что эта пара — Дос Сантос и Диана — в чем-то причастны к тому, что связано с роботом. Хотя я сам уверен, что именно Диана кричала Хасану, когда робот душил меня, чтобы он его остановил. Значит, остальные молчали. Но я почти уверен, что прежде, чем что-либо предпринять, Дос всегда советуется с ней.

В результате не осталось никого, кого я мог бы подозревать. И не было каких-либо очевидных мотивов. Все это могло быть чистой случайностью. Однако…

Однако чувство того, что кто-то хотел меня убить, покинуть меня не могло. Я знал, что Хасан

вовсе не прочь заняться двумя поручениями сразу от различных заказчиков, если только интересы их не пересекаются. И от этого я почувствовал себя счастливым.

Это давало мне какую-то цель, с этим уже можно было что-то делать. На самом деле, ничто так не вызывает желание жить, как уверенность в том, что кто-то хочет тебя убить. Я должен был определить, кто это! Выяснить причину. И остановить убийцу!..

6

Второй выпад со стороны смерти произошел очень скоро, и как бы мне ни хотелось увязывать его с деятельностью кого-либо из людей, этого я не мог сделать. На этот раз это был просто один из капризов слепой судьбы, который иногда сваливается на голову, подобно незваному гостю к обеду.

Финал же этого случая тем не менее совершенно ошеломил меня и придал ходу моих мыслей новый поворот, спутав прежние догадки.

Вот как все было.

Веганец сидел у самой реки, делая зарисовки противоположного берега. Я полагаю, что, окажись он на том берегу, он делал бы зарисовки этого берега, на котором сидел сейчас. Это предположение весьма цинично, но меня обеспокоил сам факт того, что он ушел один в это душное болотистое место, не сказав никому о том, что он уходит, и не взяв с собой ничего более существенного, чем карандаш.

И это случилось.

Старое замшелое бревно, которое несло по течению рядом с берегом, внезапно перестало быть

старым замшелым бревном. Длинный змеиный хвост взметнулся вверх, на другом конце появилась огромная пасть, полная зубов, и множество крохотных ножек коснулось твердой почвы и понесло чудовище так быстро, как будто оно катилось на колесах.

Я завопил что было мочи и рванулся вперед, схватившись за свой пояс. Миштиго выронил блокнот и стал удирать. Однако боадил был уже в непосредственной близости от него, и я' не мог стрелять. Поэтому я стремительно бросился к нему, но к тому времени, когда я оказался возле веганца, чудовище уже дважды обвило его… и пришелец стал на два порядка еще более синим.

Теперь оставался только один способ заставить чудовище разжать свои объятия.

Я схватил боадила за голову как раз в тот момент, когда в его крохотном мозгу мысли о завтраке приняли законченную форму. Мне удалось просунуть свои пальцы под чешуйчатые наросты, расположенные по бокам головы чудовища. Затем я стал изо всех сил сдавливать своими большими пальцами его глаза. Боадил, будто гигантская плеть, хлестнул меня хвостом.

На ноги я поднялся метрах в трех от места, где находился прежде. Миштиго был отброшен еще

дальше. К тому времени, когда чудовище напало снова, он был уже на ногах.

Однако боадил напал не на веганца, а на меня. Он встал на дыбы, приподнявшись над землей метра на три, и обрушился на меня сверху. Я бросился в сторону, и огромная плоская голова промахнулась всего на несколько дюймов, обдав меня фонтаном камешков и грязи.

Я попытался подняться, но на этот раз был сбит с ног ударом хвоста. Я встал на карачки и попытался отползти назад, но было уже слишком поздно. Я оказался внутри петли, охватившей меня вокруг бедер.

Две синие руки вцепились в тело боадила, но они не смогли сдержать дьявольские объятия дольше двух-трех секунд. Теперь мы оба были завязаны узлами.

Я сопротивлялся как мог, но что можно сделать толстому бронированному кабелю, снабженному множеством рвущих кожу ног?

Мою правую руку могучее объятие пригвоздило к туловищу, а левую руку я даже не мог вытянуть, чтобы как-то воздействовать на глаза чудовища. Кольца все больше сжимались. Я стал отбиваться и царапаться, пока мне в конце концов не удалось, страшно ободрав руку, освободить ее. Этой

рукой я закрылся, чтобы схватить нижнюю часть туловища, и огромным усилием отодвинул голову боадила немного в сторону. Гигантское кольцо обвилось вокруг моей талии, оно сжимало меня все сильнее, даже сильнее, чем несколько дней назад робот-борец.

Затем боадил рванул свою голову, вырвался из моей руки и, широко распахнув пасть, мотнул головой вниз.

Сопротивление, которое оказывал Миштиго, в какой-то степени отвлекало чудовище и замедляло его расправу со мной. А это дало мне возможность приготовиться к защите.

Я воткнул свои руки в его пасть и стал раздвигать челюсти в разные стороны. Нёбо боадила было покрыто слизью, и моя ладонь через мгновение начала медленно соскальзывать вниз. Я изо всех сил старался давить на нижнюю челюсть. Пасть приоткрылась еще сантиметров на двадцать и застыла в таком положении.

Боадил решил немного отодвинуться, чтобы освободить свою пасть, поэтому хватка его колец немного ослабела. Мне удалось встать на колени. Миштиго так и остался придавленным к земле. Моя правая рука еще немного соскользнула, и голова чудовища вот-вот могла вырваться. И в

следующее мгновение я услышал громкий крик, и почти сразу же по телу боадила пробежала дрожь. Я рванул руки, почувствовав, как на секунду сила этой твари резко уменьшилась. Раздалось ужасное щелканье зубов и последнее напряжение тела. На мгновение я потерял сознание.

Затем я стал освобождаться из объятий обмякшего тела боадила, пронзенного острием деревянного копья. Жизнь покидала чудовище, и движения его стали скорее судорожными, чем агрессивными.

Еще дважды его удары повергали меня наземь, но мне удалось высвободить Миштиго, после чего мы отбежали метров на пятнадцать и стали наблюдать за агонией боадила. Смерть наступила далеко не сразу.

Рядом с чудовищем невозмутимо стоял Хасан. Ассегай, на упражнения с которым он потратил столько времени, сделал свое дело.

Когда Джордж произвел вскрытие этой твари, мы узнали, что острие пронзило тело в двух дюймах от сердца, прервав главную артерию.

Кстати, у него оказалось две дюжины ног, которые, как и можно было ожидать, были поровну распределены по обеим сторонам тела.

Рядом с Хасаном стоял Дос Сантос, а рядом с

испанцем, как всегда, находилась Диана. Здесь же были и все остальные из нашего лагеря.

— Прекрасный спектакль, — сказал я, тяжело дыша. — Отличный удар. Спасибо.

— Не за что. Карачи. — пожал плечами Хасан.

«Не за что», — сказал он. Если бы тогда он хотел убить меня, то для чего ему понадобилось спасать меня сейчас от боадила?

Если только не было на самом деле правдой то, что он сказал еще тогда, в Порт-о-Пренсе, — то, что его наняли, чтобы он охранял веганца. Если в этом у него главное задание, а убить меня лишь побочное, то ему нужно было спасать меня в качестве еще одного средства для сохранения жизни Миштиго.

Но тогда…

Пожалуй, лучше, черт возьми, забыть его.

Наш скиммер должен был прилететь к нам в лагерь на следующий день, и мы должны были отправиться в Афины, сделав одну промежуточную остановку для того, чтобы посадить Рамзеса и его товарищей в Новом Каире.

Я был рад тому, что покидаю эту страну, с ее плесенью, пылью, мертвыми божествами, наполовину являющимися животными. Я уже был сыт по горло всем этим.

Из Порт-о-Пренса на связь вышел Фил, и Рамзее позвал меня в рубку.

— Да, — произнес я в микрофон.

— Конрад, это Фил. Я только что написал элегию в ее честь, и мне хотелось бы прочесть ее вам. Даже несмотря на то, что я никогда с ней не встречался, я старался изо всех сил и, как я полагаю, поработал довольно-таки неплохо…

— Фил, пожалуйста, как раз именно сейчас мне совсем не до поэтических соболезнований. Может быть, как-нибудь в другое время…

— Но это вовсе не что-нибудь, напоминающее анкету. Я знаю, что вы недолюбливали такого рода поэзию, и не могу порицать вас за это.

Моя рука потянулась к выключателю, но через мгновение я остановился и вместо того, чтобы отключить связь, взял одну из сигарет Рамзеса.

— Ну, что ж, валяйте. Я слушаю.

И он начал декламировать. Работа была совсем неплохая. Я многое позабыл, помню только то, что почти через всю планету неслись четкие и ясные слова, а я стоя слушал их, весь покрытый ранами. Он расписывал добродетели нимфы, за которой охотился Посейдон, но которую был вынужден уступить своему брату Аиду. Поэт оплакивал ее судьбу. И пока он читал свою поэму,

мой рассудок совершал путешествие во времени в те два счастливых месяца на острове Кос.

Мы стояли на палубе моей лодки, купались и загорали вместе, держась за руки, ничего не говоря друг другу, здесь, на бесконечном пляже, который навсегда остался в наших сердцах.

«Мы стояли на палубе моей лодки», — он закончил этим. Затем он несколько раз прокашлялся, и мой остров растаял, унося частицу моего «я», именно ту частицу, которая была связана с островом Кос.

— Спасибо, Фил, — очнулся я. — Все было прекрасно.

— Я польщен твоей оценкой, — сказал он. — Сегодня днем я вылетаю в Афины. Мне захотелось присоединиться к вам в этой части путешествия. Если только будет ваше согласие…

— Пожалуйста, — ответил я. — Только позвольте, Фил, один вопрос: почему? Откуда такое желание?

— Я решил, что мне надо еще раз увидеть Грецию. Так как вы собираетесь быть там, то это, возможно, напомнит мне старые времена. Мне бы хотелось бросить последний взгляд на некоторые древности.

— Что-то фатальное в ваших словах, Фил.

— Я чувствую, что дни мои клонятся к закату. И поэтому мне хочется еще раз побывать там. У меня предчувствие, что это моя последняя возможность.

— Я уверен, что вы ошибаетесь. Однако все мы будем обедать в «Саду у Алтаря» завтра вечером, около восьми.

— Отлично. Тогда и увидимся.

— До свидания, Конрад.

— Не опаздывайте.

Я принял душ, обмазал целебными мазями раны и переоделся в чистую одежду. Затем я разыскал веганца, который только что закончил такую же процедуру. Я окинул его зловещим взглядом.

— Поправьте меня, если я ошибусь, — заявил я. — Есть одна причина, по которой вы захотели, чтобы я был ведущим этого спектакля, а именно: у меня высокий потенциал выживания. Правильно?

— Да, это так.

— Пока я старался изо всех сил, чтобы мой потенциал способствовал общему благосостоянию.

— Вы так расцениваете то, что в одиночку, безо всякого оружия, набросились на всю группу?

Мне захотелось вцепиться ногтями в его горло,

но я сумел сдержаться и опустил руки. Наградой мне была искра страха, промелькнувшая в его расширившихся глазах и заставившая слегка вздрогнуть утолки рта. Он сделал шаг назад.

— Я здесь только для того, чтобы переправить вас в любое место, куда вы захотите отправиться, и доставить вас назад в целости и сохранности. Сегодня утром я едва не стал легкодоступной приманкой для боадила. Я вас предупреждаю, что не собираюсь для вас таскать каштаны из огня или опускаться в ад только для того, чтобы взять огонь для раскуривания вашей сигареты. Если вы теперь пожелаете пойти куда-нибудь один, то сначала проверьте, насколько безопасно данное место, куда вы идете.

Он смущенно отвел глаза в сторону.

— Если же вы не проверили этого, — продолжал я, — то берите с собой вооруженный эскорт, поскольку сами вы оказываетесь без оружия. Вот все, что я должен вам сказать. Если же вы не пожелаете прислушаться к совету, то скажите мне это сейчас же, и я оставлю вас и найду вам другого проводника. Между прочим, Лорел уже предложил мне поступить подобным образом. Так каково же будет ваше слово?

— Лорел на самом деле так сказал?

— Да.

— Как все это странно! Я подчиняюсь вашему требованию. Я понимаю, что оно очень благоразумно.

— Великолепно. Вы говорили, что хотите посетить Долину Царей. Может быть, сегодня? Вас мог бы свести туда Рамзее. Мне не очень-то хочется делать это самому. Что-то я устал. И к завтрашнему отлету, который, кстати, намечен на десять утра, я хотел бы немного отдохнуть. Так что?

Так и не дождавшись от него ответа, я пошел прочь.

К счастью для тех, кто спасся, так и для еще не родившихся, Шотландия не очень сильно пострадала в течение Трех Дней.

Я достал из холодильника ведерко со льдом и бутылку содовой, включил охлаждающий змеевик рядом со своей койкой, открыл виски из своих запасов и провел весь остаток дня, размышляя о тщетности людских устремлений…

Позже, в этот вечер, когда я протрезвел до допустимого уровня и слегка покачивался, я взял себя в руки и пошел подышать свежим воздухом.

Приближаясь к восточному краю предупредительного ограждения, я услышал голоса и сел, облокотившись о крупную скалу и стараясь под-

слушать, о чем говорят. Я различил монотонный голос Миштиго, и мне очень захотелось узнать, с кем он говорит. Но это не удалось.

Собеседники были довольно далеко от меня, а акустика в пустыне не всегда наилучшая. И все же я сидел, напряженно прислушиваясь, и как уже не раз бывало, это произошло.

Я сижу на одеяле рядом с Эллен. Моя рука обнимает ее плечи. Моя синяя рука…

Картина немного затуманилась, как только я внутренне отпрянул от отождествления себя с веганцем. Но я преодолел неприятное ощущение и вновь прислонился к скале.

Мне было одиноко. Эллен оказалась все-таки помягче, чем скала, и, кроме того, меня распирало любопытство. Поэтому я превозмог свое отвращение и снова очутился там…

— …нельзя увидеть отсюда, — говорили, — но если вы хотите знать, то могу сказать, что наша звезда, вы называете ее Вегой, является звездой первой величины на вашем бедном небосводе и находится в созвездии, которое вы, люди, называете Лирой.

— А каков из себя Таллер? — спросила Эллен.

Наступила длительная пауза.

— Самое важное, как это часто бывает, передать

труднее всего. Проблемой при общении является то, что у собеседника нет понятий, эквивалентных тем, о которых приходится говорить. Таллер совсем не похож на планету. Там нет пустынь. Вся планета имеет упорядоченный ландшафт. Но… Позвольте взять из ваших волос цветок. Взгляните на него. Что вы видите?

— Прелестный белый цветок. Вот почему я его выбрала и приколола к своим волосам.

— Но это вовсе не так. Это не цветок. Во всяком случае, для меня. Ваши глаза восприимчивы к свету с длиной волны от четырех тысяч до семи тысяч двухсот ангстрем. Глаза же веганца восприимчивы к ультрафиолетовым лучам почти до трех тысяч ангстрем — с одной стороны. С другой стороны, мы не различаем цвета, которые вы называете «красным», а в этом «белом» цветке я различаю два цвета, которых нет в вашем диапазоне зрения. Мое тело покрыто узором, который вы не видите, но он очень похож на узор на коже других представителей моей семьи, и поэтому другой веганец, знакомый с родом Миштиго, при первой же нашей встрече может назвать мою фамилию и местность, откуда я родом. Некоторые наши картинки вам, землянам, кажутся кричащими или даже одноцветными, обычно синими,

так как земной глаз не различает тех оттенков, которые различаем мы. Почти вся наша музыка кажется вам заполненной довольно длительными промежутками тишины. На самом же деле эти пробелы — мелодии, не различимые вашими ушами. У нас чистые города, логически распланированные. Они улавливают дневной свет и долго удерживают его ночью. Есть явления, которые очень много значат для нас, но я не знаю, как все это описать… человеку.

— Однако люди… Я имею в виду людей Земли, живущих на ваших планетах…

— Но на самом-то деле они не видят, не слышат или не чувствуют так же, как мы! Существует пропасть, которую мы можем ощутить, но которую не можем переступить. Вот почему я не в состоянии рассказать вам, какой на самом деле Таллер. Для вас это совершенно другой мир, чем для меня.

— И все же мне хотелось бы увидеть его. Очень сильно. Я думаю, что мне даже понравилось бы там жить.

— Я не уверен в том, что вы были бы там счастливы.

— Но почему?

— Потому что эмигранты на Веге есть эмиран-

ты не с Веги. Вы здесь не являетесь представителем низшей квоты или расы. Я знаю, что вы пользуетесь этим термином, но именно он наиболее подходящий. Персонал вашего Управления и его семья являются наивысшей кастой на этой планете. Затем идут состоятельные люди, входящие в штат Управления, затем те, кто работает на этих состоятельных людей. Еще ниже те, кто зарабатывает себе на жизнь, обрабатывая землю. Затем, у самого подножия, те неудачники, которые обитают в Старых местах. Здесь, на этой планете, вы на вершине пирамиды. На Таллере же вы будете на самом дне общества.

— Почему же?

— Да потому, что вы цветок видите именно белым…

И он вернул ей цветок.

Наступило долгое молчание, прерываемое шелестом прохладного ветерка.

— И все-таки я счастлива, что вы сюда приехали, — сказала она.

— Да, здесь очень интересно.

— Рада, что вам здесь нравится.

— Человек, которого зовут Конрад, на самом деле был вашим любовником?

Я был совершенно ошарашен таким неожидан-

ным вопросом.

— Я понимаю, почему, — сказал он, и мне стало не по себе, будто я попал в положение человека, подглядывающего физическую близость мужчины и женщины (или еще хуже — наблюдая за тем, кто подглядывал).

— И почему же?

— Потому что вы стремитесь к необычному, полному сил, экзотическому. Потому что вы никогда не испытываете счастья где бы то ни было. Просто вы такая, какая есть.

— Неправда… А может быть, так оно и есть. Да, однажды он сказал мне нечто подобное.

В этот момент даже мне было очень жаль ее. Затем, не сознавая того, поскольку я хоть как-то хотел утешить ее, я протянул руку и взял ее руку в свою. Только рука эта была рукой Миштиго…

Неожиданно мне стало страшно. Хотя, скорее, это чувство возникло у него, и я почувствовал это. Я ощутил, что в его мозгу все поплыло, как после мертвецкой пьянки, как только он почувствовал чье-то присутствие в своем разуме.

Я быстро отпрянул назад и снова оказался спиной к стене, но только после того, как она уронила цветок, и я услышал, как она прошептала:

— Держите меня…

«Ох уж эта чертова псевдотелепатия! Это исполнение желаний! — подумал я. — Когда-нибудь я перестану верить в то, что это свойство мне присуще…»

И тем не менее я все-таки на самом деле видел два цвета на том цветке… цвета, для которых у меня не было слов.

Я побрел назад в лагерь, но, пройдя его, двинулся дальше. Добрался до противоположного конца нашего незримого, но охраняемого периметра, сел на землю и закурил.

Ночь была прохладной и черной.

После того, как я выкурил две сигареты, я услышал позади себя голос, но не обернулся.

— В огромном здании. Здании Огня, в тот далекий день, когда все дни и годы получат свой номер, о, пусть тогда мое имя будет возвращено мне, — произнес голос.

— Очень для вас неплохо, — сказал я. — Цитата вполне подходящая. Только вы зря здесь цитируете «Книгу Мертвых».

— Почему зря? В этот великий день, когда все дни и годы получат свой номер, если и вам вернут ваше имя, то каково же оно будет?

— Не вернут! Я намерен опоздать на эту церемонию. Да и что толку в имени?

— Ну, это зависит от того…

— Предположим, оно… «Карагиозис».

— Извольте сесть так, чтобы вас было видно. Я не люблю, когда кто-нибудь стоит у меня за спиной.

— Хорошо. Ну так как?

— Что «как»?

— Как вы относитесь к имени «Карагиозис»?

— Почему оно должно меня волновать?

— Потому, что оно кое-что значит для вас. По крайней мере, некогда значило.

— Карагиозис был одним из персонажей греческого театра теней, нечто вроде Петрушки средневекового театра Европы. Он был неряхой и шутом.

— Он был греком, и очень умным притом.

— Ха! Он наполовину был трусом, слюнтяем и вообще каким-то скользким типом.

— Но так же был наполовину героем. В чем-то необузданным. С чувством юмора. Он сорвал с места пирамиду. И кроме того, когда ему хотелось быть сильным, он был сильным!

— И где же он теперь?

— Мне самому хотелось бы это знать. Но почему же об этом вы спрашиваете у меня?

— Потому что этим именем вас назвал Хасан в

тот вечер, когда вы боролись с роботом.

— О… Понимаю… Что ж, это было просто к месту сказано. Это просто синоним дурачка. Кличка, что ли. Подобно тому, что я назвал вас «Красный». Вот теперь я думаю о том, как вы выглядите в глазах Миштиго? Веганец ведь не видит цвета ваших волос. Вам это известно?

— Мне безразлично, как я представляюсь веганцу. Меня больше занимает то, как выглядите вы. Я понимаю, у Миштиго заведено на вас весьма пухлое досье. Он как-то говорил, что думает, что вы живете уже несколько столетий.

— Преувеличение. Без всяких сомнений, преувеличение. Но, похоже, вам многое известно. А у Миштиго есть ваше досье?

— Да, но пока не такое пухлое.

— Кажется, вы ненавидите Миштиго больше, чем кого-либо. Это правда?

— Да.

— Почему?

— Он с Веги.

— Ну так что же?

— Я ненавижу веганцев, вот и все.

— Нет. Здесь нечто иное.

— Вы очень сильны, вы знаете это?

— Знаю.

— Фактически, вы самый сильный из людей, которых я когда-либо видела. Сильный в такой мере, чтобы сломать шею крысс-пауку, а затем, свалившись в залив, доплыть до берега и спокойно после этого позавтракать.

— Вы взяли очень странный пример.

— Разве?

— Почему вы выбрали именно его?

— Я хочу знать! Мне нужно знать…

— Простите…

— Извинениями вы не отделаетесь. Поговорим еще.

— Я сказал все, что хотел сказать.

— Нет. Нам нужен Карагиозис.

— Кому это нам?

— Рэдполу… Мне…

— И все-таки почему?

— Хасан стар, как само время. Карагиозис еще старше. Хасан был с ним знаком, помните и вы его. И он окликнул вас этим именем. Значит, это вы и есть! Убийца, мститель, защитник Земли — вы нам сейчас крайне нужны. Очень нужны! Армагедон уже грянул, но не с громом и молнией, а с чековой книжкой. Веганцы должны погибнуть, альтернативы нет. Помогите нам!

— Что вы хотите от меня?

— Пусть Хасан его уничтожит.

— Нет!

— Почему? Кто он вам?

— Никто. Мне он очень не нравится, поверьте. Но кто он для вас? — недоуменно спросил я.

— Наш разрушитель.

— Тогда скажите, почему и как, и тогда я дам вам другой ответ.

— Не могу.

— Но почему?

— Потому, что не знаю.

— Тогда пожелаю вам спокойной ночи.

— Подождите! Я действительно не знаю. Это мнение пришло с Таллера через тамошнего связного Радиола. Приказ — он должен умереть! Его книга вовсе не книга. Да и личность — это не личность, а много... Я не знаю, что означают эти слова, но наша агентура никогда прежде не ошибалась. Вы были когда-то на Таллере, на Бакабе и на других планетах — вы ведь Карагиозис. Вы знаете, что наши агенты никогда не лгут. Если вы Карагиозис, то сами знаете, почему так. Ведь вы сами устанавливали эту шпионскую сеть. Теперь вы слышите их слова, но уже не обращаете на них внимания. Я говорю вам, что они сказали — он должен умереть. Он — сосредоточие

всего того, с чем мы боремся. Они говорят, что он инспектирует то, что не должно подлежать инспекции. Вы знаете их систему. Деньги против Земли. Усиление эксплуатации землян. Что-либо более определенное нашим агентам выяснить не удалось.

— Мне очень жаль, но я связан обещанием оберегать его. Кстати, почему Хасан пытался убить меня?

— Ему было приказано остановить вас. Лишить вас возможности помешать нам уничтожить этого веганца.

— Ну, разве так… Но все равно. Идите своим путем, и я все позабуду.

— Нет! Вы должны нам помочь! Что для Карагиозиса жизнь одного веганца?

— Я не допущу его гибели без определенной на то причины. А пока вы мне так ничего и не сказали.

— Но я больше ничего не знаю.

— Тогда повторяю: спокойной ночи.

— Нет! У вас два профиля. Справа — вы полубог, слева — вы демон. — Один из вас должен помочь мне. И мне все равно, кто из них.

— Даже не пытайтесь причинить вред веганцу. Мы будем защищать его…

Вот так мы сидели и разговаривали. Она взяла предложенную сигарету и закурила.

— Ненавидеть вас, должно быть, очень легко, — сказала она немного погодя, — но я не могу.

Я промолчал.

— Я много раз видела вас, как вы ковыляли в своей черной форме. Такой самоустраненный, высокомерный и гордый своей великолепной силой. Вы бы, наверное, раздавили все, что только движется, не так ли?

— Только не красных муравьев и шмелей.

— У вас есть какой-нибудь коварный план, о котором нам ничего не известно? Расскажите нам, и мы будем помогать вам его осуществить.

— Это ваше предложение, заметьте, что я Карагиозис. Я уже объяснил, почему Хасан окликнул меня этим именем. Фил был знаком с Карагиозисом, а Фила вы хорошо знаете. Он вам когда-нибудь говорил о том, что я…

— Вы же знаете, что нет, — перебила она меня. — Он ведь ваш друг и никогда не предаст вас.

— Тогда у меня к вам всего один вопрос. Есть ли у вас еще какие-нибудь подтверждения моей тождественности с Карагиозисом?

— Записей с описанием Карагиозиса не существует. Вы постарались, чтобы их не было.

— Значит, все в порядке.

— Нет!

— Повторяю: Хасан пытался меня убить!

— Да. Он, должно быть, решил, что вас легче убить, чем держать в качестве противника. Ведь он все-таки знает о вас значительно больше, чем мы все.

— Тогда почему же он спас меня от боадила? Спас вместе с Миштиго?

— Мне бы не хотелось об этом говорить.

— Тогда давайте закончим наш бессмысленный разговор.

— Нет! Я вот что вам скажу. Асегай был единственным оружием, оказавшимся у него под рукой. И он еще не очень-то искусно владеет им. Он вовсе не намеревался поразить боадила.

— Да?

— Он и не целился ни в него, ни в вас. Тварь слишком уж корчилась. Он хотел убить веганца, а потом просто бы сказал, что пытался спасти вас обоих, но произошел несчастный случай. К сожалению, этого «ужасного несчастья» не случилось. Он промахнулся.

— Почему же он просто не позволил боадилу удавить веганца?

— Потому, что вы так отчаянно боролись с этой

тварью, что он испугался того, что вы сможете спасти веганца.

— Он не прекратит свои попытки уничтожить веганца, даже если я откажусь с вами сотрудничать?

— Боюсь, что так.

— Это очень плохо, моя дорогая, потому что я не допущу этого убийства.

— Но вы не остановите Хасана, и мы не отзовем его. Даже несмотря на то, что вы — Карагиозис. Хасан настоящий убийца с большой буквы. И у него еще не было неудач.

— У меня тоже.

— Были. Вы только что изменили Рэдполу и Земле, всему, что хоть чем-нибудь с этим связано.

— Мне не нужны ваши упреки, женщина. Ступайте своей дорогой.

— Не могу.

— Почему?

— Если вы этого не знаете, тогда, значит, Карагиозис и в самом деле дурак, фигляр и персонаж комедии теней.

— Некто по имени Томас Кэрлийн писал когда-то о героях и о поклонении им. Он тоже был дураком. Он верил в то, что имеются такие

существа. Героизм — это всего лишь вопрос обстоятельств и целесообразности.

— Иногда к этому добавляются и идеалы.

— Что такое идеал? Призрак призрака и не более того.

— Только, пожалуйста, не говорите такие вещи мне.

— Вынужден. Ведь это сущая правда.

— Вы лжете, Карагиозис!

— Я не… А если и лгу, то это к лучшему, дорогая.

— Я достаточно стара, чтобы быть кому угодно бабушкой, даже вам, так что не называйте меня этим дурацким словом «дорогая» и так далее. Вам известно, что у меня на голове парик?

— Да.

— Вам известно, что я подхватила одну болезнь с Веги и поэтому теперь вынуждена носить парик?

— Нет. Простите меня, я не знал этого.

— Когда я была моложе, а это было давным-давно, я работала на курорте для веганцев. Я была девушкой для развлечений. Мне никогда не забыть пыхтения их жестких легких, я не могу забыть прикосновения их синих рук… Синих, как у трупа, рук. Я ненавидела их, ненавидела люто,

всем своим существом.

— Простите меня, Диана. Мне очень жаль, что это до сих пор причиняет вам страдания. Но я еще не готов к тому, чтобы выступить на вашей стороне. Не подталкивайте меня.

— Так вы — Карагиозис?

— Да.

— Тогда… Я в некотором роде удовлетворена.

— Но веганец должен жить!

— Посмотрим…

— Ну что ж, посмотрим. А пока спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Конрад.

Я поднялся, оставив ее сидеть, и вернулся в свою палатку. Позже, этой же ночью, она пришла ко мне. Послышался шелест брезента, и она вошла. Я могу забыть все, связанное с ней, — и ее красный парик, и туго сжатые челюсти, и ее отрывистую речь, и слегка напускные жесты, и ее горячее тело, и страшные обвинения в мой адрес. Но я всегда буду помнить то, что она пришла ко мне, когда я больше всего в ней нуждался, что она была теплой, податливой, но главное, что она пришла ко мне…

7

После завтрака, на следующий день, я уже отправился было искать Миштиго, но он первым нашел меня. Я был внизу, у реки — разговаривал с людьми, на попечение которых мы оставили феллуку.

— Конрад, — начал вкрадчиво веганец, — я хотел бы поговорить с вами.

Я кивнул и указал в сторону оврага.

— Давайте пройдемся. Я уже закончил здесь все свои дела.

Мы пошли пешком. Через минуту он начал;

— Вам известно, что на моей планете существует несколько систем дисциплины мозга, систем, которые время от времени приводят некоторых особ к экстрасенсорным способностям?

— Я слышал об этом, — кивнул я.

— Большинство веганцев так или иначе знакомы с этими системами. Некоторые даже имеют определенные способности. Многие не имеют. Но почти все мы одинаково можем ощущать наличие экстрасенсорных способностей в других, узнаем, когда они проявляются. Сам я не телепат, но понял, что и у вас есть этот дар, потому что вы

воспользовались им прошлым вечером. Я смог почувствовать это. Среди ваших соплеменников это мало распространенное явление, и я не ожидал, что попаду в число подопытных, поэтому и не предпринял мер предосторожности. Да к тому же вы выбрали очень удобный момент — вечер, в результате чего мой разум был открыт для вас. Я должен знать, что вы обнаружили и к какому выводу пришли.

Вопрос Миштиго указывал на то, что он не знает, насколько глубоко я проник в его мысли, а я слышал, что некоторые профессиональные психологи с Веги могли пробиться даже в подсознание. Поэтому я решил блефовать.

— Я понял, что вы собираетесь написать не просто путевые заметки.

Он промолчал.

— К сожалению, я не один знаю истинную цель вашего вояжа на Землю, — продолжал я свое вранье, — вследствие чего вы подвергаетесь определенной опасности.

— Почему?

— Вероятно, они неправильно поняли вашу истинную цель путешествия, — сказал я наугад.

Он покачал головой.

— Кто это они?

— Простите?!

— Но мне нужно это знать!

— Еще раз простите. Если вы настаиваете, то я сегодня же доставлю вас в Порт-о-Пренс.

— Нет, я не могу этого допустить. Я должен продолжать свою работу. Что же мне делать?

— Расскажите мне подробнее обо всем, и я смогу вам что-нибудь посоветовать.

— Нет, вы и так знаете слишком много, — он замолчал, а затем встрепенулся. — Я, кажется, догадался, почему здесь Дос Сантос. Он из умеренных. Радикальное крыло Рэдпола, должно быть, что-нибудь узнало о цели моей поездки на Землю и, как вы говорите, неправильно истолковало ее. Он, должно быть, знает о грозящей мне опасности. По-видимому, мне стоило бы пойти к нему…

— Нет, — поспешно произнес я. — Я не думаю, что так следует поступить. По сути, это ничего не изменит. И все же, что бы вы сказали ему?

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — сказал он после некоторой паузы. — Мне тоже пришла в голову мысль, что, возможно, Дос Сантос не такой уж и «умеренный». Если это так, то тогда…

— Вы хотите вернуться?

— Не могу.

— Значит, вам: придется довериться мне. Вы

можете мне сейчас рассказать более подробно…

— Нет! Я не знаю, что вам известно и что вам неизвестно. Совершенно очевидно, что вы пытаетесь извлечь как можно больше информации. Но то, что я думаю, должно пока остаться в тайне.

— Я стараюсь защитить вас, именно поэтому и пытаюсь узнать как можно больше.

— Тогда защищайте мое тело и оставьте мне заботу о моих побуждениях и моих мыслях. Мой разум в будущем будет для вас закрыт, поэтому вам нет необходимости тратить свое время на то, чтобы рыться в нем.

Я вручил ему пистолет.

— Я посоветовал бы вам носить с собой оружие все оставшееся время нашего путешествия. Для защиты ваших побуждений.

— Очень хорошо.

Пистолет исчез под его тотчас же вздувшейся рубашкой.

— Собирайтесь, — сказал я, — мы скоро отправляемся…

Идя назад в лагерь, по другой дороге, я анализировал свои собственные ощущения.

Книга веганца сама по себе не могла ни восстановить, ни разрушить Землю. Рэдпол или движение за Возрождение, даже «Зов земли»

Фила мало чем могли повлиять на сложившуюся ситуацию. Ну, а если это творение Миштиго нечто большее, чем просто книга? Если это какое-то серьезное исследование? Исследование чего? Вот этого я не знал, хотя непременно должен был знать. Потому что Миштиго, если его книга направлена против нас, землян, может в любую минуту поплатиться своей жизнью. А я не могу допустить его гибели, так как не исключена вероятность того, что, напротив, книга его должна нас, землян, реабилитировать, защитить от врагов и помочь возродить свою планету. Следовательно, надо очень тщательно разобраться в цели и замыслах веганца…

— Диана, — сказал я, когда мы стояли в тени скиммера, — ты говоришь, что я кое-что значу для тебя, именно я, Карагиозис.

— Разве это не очевидно?

— Тогда послушай меня. Я уверен, что в отношении веганца вы можете допустить ошибку. И если вы действительно окажетесь неправы, то его убийство обернется большой бедой. И по этой причине я не могу его допустить. Воздержитесь от каких бы то ни было акций, пока не приедем в Афины. Затем запросите разъяснить это послание Рэдпола.

— Хорошо.

— А как поступит Хасан?

— Он подождет.

— Он сам выбирает место и время, не так ли? Он ждет наиболее благоприятного момента, чтобы нанести удар наверняка?

— Да.

— Тогда ему нужно сказать, чтобы он воздержался от акции, пока не выяснится все во всех подробностях.

— Очень хорошо.

— Ты ему скажешь?

— Ему скажут…

— Ну, что ж, этого вполне достаточно.

Я повернулся.

— А когда придет второе послание, — сказала она, — и там будет сказано то же, что и в первом, что тогда?

— Посмотрим, — ответил я, не оборачиваясь.

Я оставил ее возле скиммера и вернулся к своему аппарату. Если послание придет и в нем будет говориться то же самое, что и в первом, я думаю, мне это еще больше прибавит хлопот. По той простой причине, что я уже принял решение…

Далеко к юго-востоку от нас, на значительной части Мадагаскара, счетчики Гейгера до сих пор

захлебываются воплем боли и отчаяния — и это результат искусства одного из нас.

Хасан, я это точно знал, все еще мог преодолевать любые препятствия, не моргнув своими, привыкшими к смерти, глазами.

Остановить его было очень трудно…

Вот и Эгейское море. Далеко внизу. Смерть, жар, грязевые потоки, новые очертания берегов. Вулканическая деятельность на Хиосе, Икари, Папоссе…

Галикарнас весь ушел под воду.

Западный край Коса показался над водой, но что из этого? Смерть, грязевые потоки, жар.

Новые очертания берегов…

Я изменил путь всего нашего конвоя, чтобы собственными глазами увидеть смену декораций. Миштиго делал заметки, а также фотографировал.

— Продолжайте турне, — сказал Лорел. — Материальные разрушения не столь велики, поскольку Средиземное море является скопищем никому не нужного хлама. О тех, кто пострадал, уже позаботились. Кроме, разумеется, тех, кто погиб. Так что продолжайте турне.

Я пронесся низко над остатками Коса, над западной оконечностью острова. Дикая вулканическая

местность, свежие, еще дымящиеся кратеры, следы приливных волн, пересекающих сушу.

Единственное, что еще осталось, — это древняя столица. Фукиций поведал мне, что когда-то она была разрушена землетрясением. Ему нужно было бы увидеть это землетрясение. Мой город на севере Коса был основан еще в 365 году до нашей эры. Теперь от него ничего не осталось. Ничего и никого. Никто не спасся — ни древо Гиппократа, ни мечеть Лоджия, ни замок Родосских рыцарей, ни фонтаны, ни мой дом, ни моя жена. Все было сметено волнами или провалилось в морскую пучину. Исчезло… Навсегда… Мертвое…

Чуть дальше к востоку из воды торчали несколько вершин, которые еще совсем недавно были вершинами прибрежного холма. Теперь это были крохотные островки, и пока еще некому было взбираться на их отвесные стены.

— Вы жили здесь? — поинтересовался Миштиго.

Я кивнул.

— Хотя и родился в деревушке Какринша, среди холмов Феодосии?

— Да.

— Но дом свой устроили здесь?

— Совсем недавно.

— ’«Дом» — универсальное понятие, — сказал он. — Я высоко ценю его.

— Спасибо…

Я продолжал смотреть вниз, чувствуя попеременно печаль, тревогу, тоску, почти безумие, затем полную отрешенность.

Афины после долгого отсутствия показались мне все тем же неожиданным местом, которое всегда действует обновляюще, а очень часто и возбуждает.

Фил как-то прочел мне несколько строк одного из последних великих греческих поэтов, Георгия Сафериса, утверждая, что он ссылался именно на мою Грецию, когда писал:

— «Страна, которая больше не является нашей страной, не является и вашей…»

Когда я указал ему, что веганцев еще и духа не было, когда были написаны эти строки, Фил находчиво возразил, что существует независимо от времени и пространства и что смысл ее заключается в том, что она означает для конкретного читателя.

Это действительно наша страна. Ее не могли отнять у нас ни готы, ни гунны, ни болгары, ни сербы, ни франки, ни турки, ни, наконец, веганцы.

Народ, как и я сам, выжил. Материковая Греция для меня остается такой же, как и прежде, несмотря на то, что Афины, как и я, изменились, но каждый по-своему.

Что бы ни происходило со мной, все такими же неизменными оставались холмы Греции, запах поджаренных бараньих ног, смешанный с запахом крови и вина, вкус сладкого миндаля, холодный ветер, бьющий по ногам, и ярко-голубые небеса.

Каждый раз, когда я возвращался сюда, я чувствовал себя преображенным. Впрочем, подобные чувства я испытывал и ко всей Земле в целом.

Именно поэтому я боролся, убивал и бросал бомбы. Именно поэтому к каким только уловкам ни прибегал, чтобы помешать веганцам скупить всю Землю. Ради этого я составлял один заговор за другим от имени правительства, находившегося в эмиграции на Таллере. Теперь я продолжал свое дело, но уже под другим, новым именем, став одной из деталей огромного механизма Гражданской службы, правившей этой планетой, и почему, в частности, посвятил себя искусству, памятникам и архивам.

На этой должности я мог бороться за сохранение того, что еще оставалось, и ждать очередного

Возрождения.

Вендетта, организованная Рэдполом, испугала эмигрантов в такой же степени, как и веганцев. Они не понимали того, что потомки тех, кто пережил Три Дня, по всей вероятности, не уступят лучшие места по береговой полосе морей для организации веганских курортов. Не понимали, что они не станут водить веганцев среди развалин их городов, показывая пришельцам, ради их развлечений, наиболее интересные места земной истории.

Мы призывали возвращаться потомственных жителей, основателей колоний на Марсе и Титане, но никто не пожелал вернуться. Они сильно размягчились, паразитируя на теле цивилизации, которая возникла задолго до нашей. Они растеряли свою тождественность с Землей. Они бросили ее.

И все же именно они были правительством Земли, избранным законным образом отсутствующим уже большинством.

Почти в течение более половины столетия дело не сдвинулось с мертвой точки. Не строились новые веганские курорты, прекратились акты насилия Рэдпола. И никто не возвращался на Землю. Возможно, вот-вот начнется новое Воз-

рождение, оно уже как бы висело в воздухе, если чутье Миштиго не изменило ему.

В Афинах мне все казалось тусклым. Шел холодный, моросящий дождь, недавнее землетрясение оставило немало следов на афинских улицах. Однако, несмотря на все это, несмотря на шрамы на моем теле и застрявший в горле вопрос, я чувствовал себя освеженным.

Все так же стоял Национальный музей. Акрополь был еще более разрушен, чем прежде, а гостиница «Сад у Алтаря» (прежде это был Королевский дворец) хотя и покосилась немного, но осталась на месте и функционировала как обычно.

Мы прошли внутрь и зарегистрировались.

Как Уполномоченный по делам искусства, памятников и архивов, я претендовал на особый номер, номер 19.

Он был совсем не таким, как в тот день, когда я покинул его. Он был чистым и отремонтированным.

Небольшая металлическая пластинка на двери гласила:

«ЭТОТ
НОМЕР БЫЛ ШТАБ-КВАРТИРОЙ КОНСТАНТИНА КАРАГИОЗИСА ВО ВРЕМЯ ОСНОВАНИЯ РЭДПОЛА

И ВОССТАНИЯ ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ».

Внутри номера, над кроватью, красовалась надпись:

«В ЭТОЙ КРОВАТИ СПАЛ КОНСТАНТИН КАРАГИОЗИС».

Точно такую же табличку я заприметил на дальней стенке узкой продолговатой прихожей:

«ПЯТНО НА ЭТОЙ СТЕНЕ ПОЯВИЛОСЬ В РЕЗУЛЬТАТЕ ТОГО, ЧТО ЗДЕСЬ РАЗБИЛАСЬ БУТЫЛКА С ЛИКЕРОМ, КОТОРУЮ ШВЫРНУЛ ЧЕРЕЗ ВСЮ КОМНАТУ КОНСТАНТИН КАРАГИОЗИС, ПРАЗДНУЯ БОМБАРДИРОВКУ МАДАГАСКАРА. ЕСЛИ ХОТИТЕ, МОЖЕТЕ ЭТО ПРОВЕРИТЬ».

«КОНСТАНТИН КАРАГИОЗИС СИДЕЛ НА ЭТОМ СТУЛЕ» — уверяла еще одна табличка.

После всего этого я с ужасом подумал о том, что меня ждет в ванной…

Обед был прекрасным. Джордж и Фил, как всегда, стали спорить. На этот раз предметом их спора была эволюция.

— Неужели вы не заметили, как здесь, на нашей планете, происходит конвергенция жизни и мифов? — спросил Фил.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался Джордж.

— Я имею в виду то, что, когда человечество

поднялось из тьмы первобытного состояния, оно вынесло с собой легенды, мифы и воспоминания о сказочных созданиях. Теперь мы снова погрузились почти в такую же тьму. Жизненная сила стала слабая и неустойчивая, и наметился возврат к тем первоначальным формам, которые до сих пор существуют только как смутные образы в воображении…

— Чепуха, Фил. Жизненная сила? В каком столетии вы заблудились? Вы говорите так, будто все живое является цельным, единым разумным существом.

— Так оно и есть.

— Пожалуйста, продемонстрируйте.

— В нашем музее имеются скелеты трех сатиров и фотографии живых. Они живут среди холмов этой страны.

— Кентавров здесь также наблюдали, а также находили цветы-вампиры и лошадей с зачатками крыльев. В любом море теперь водятся морские змеи, завезенные к нам крысс-пауки бороздят небеса. Имеются даже клятвенные заверения очевидцев, которые встречали Черного Фессальского Зверя — пожирателя людей, костей и всего прочего. Оживают практически все существовавшие в прошлом в народе легенды, — закончил он.

Джордж вздохнул:

— То, о чем вы говорите, ничего не доказывает, кроме того, что в бесконечности времени существует возможность возникновения любой формы жизни, если только присутствуют ускоряющие факторы и подходящее окружение. Существа земного происхождения, о которых вы говорите, являются просто-напросто мутантами, созданиями, возникающими в различных «горячих» местах, разбросанных по всей Фессалии. Мое мнение не изменится, даже если в эту дверь вломится Черный Зверь с сатиром, восседающим на его спине. И при этом я считаю, что это не доказательство ваших утверждений…

В это мгновение я бросил взгляд в сторону двери, надеясь, разумеется, увидеть не Черного Зверя, а какого-нибудь старичка, не вызывающего внешне никаких подозрений, или официанта, который принесет Диане вместе с заказанным питьем записку, припрятанную внутри сложенной салфетки.

Но ничего подобного не произошло.

Несколько дней я бродил по афинским улицам и оставался в неведении.

Диана вышла на связь с Рэдполом, но ответа до сих пор не было. Через тридцать шесть часов мы

отправились на скиммерах из Афин в Ламию, а затем пешком по местности, где растут причудливые новые деревья с длинными бледными, в красноватых прожилках, листьями и стволами, увитыми лианами.

Мы пройдем по опаленным солнцем равнинам, испещренным извилистыми козьими тропами. Мы двинемся по высоким каменистым местам с глубокими расщелинами, мимо разрушенных монастырей. Эта затея была явно нелепа, однако Миштиго снова настоял, чтобы все было именно так.

Только потому, что я родился здесь, он считает себя в безопасности. Я пытался рассказать ему о зверях, о каннибалах-куретах — диком племени, бродившем по этим тропам. Он хотел уподобиться Павсанию и странствовать пешком. Ну что ж, решил я, если не Рэдпол, так здешняя фауна может позаботиться о нем.

Однако для пущей безопасности я зашел в ближайшее правительственное почтовое отделение, чтобы получить разрешение на дуэль и уплатил полагающийся смертный налог. Если Хасана нужно будет убить, я сделаю это на законном основании…

Из небольшого кафе на противоположной сто-

роне улицы доносились звуки музыки. Чувствуя с одной стороны желание расслабиться, а с другой — ощущение, что тебя кто-то преследует, я перешел улицу и уселся за маленьким столиком, спиной к стене.

Я заказал турецкий кофе и пачку сигарет и стал слушать песни о смерти, изгнании, бедствии и извечной неверности женщин и девушек.

Внутри кафе оказалось еще меньше, чем я предполагал, — низкий потолок, грязный пол, настоящий сумрак. Певица была невысокой женщиной в желтом платье, с сильно накрашенным лицом. Было душно и пыльно, под ногами чавкали влажные опилки.

Мой столик был расположен почти у самого бара. Посетителей было около дюжины: три девушки с заспанными глазами что-то пили, сидя за стойкой бара, там же восседал мужчина в грязной феске, а другой уже уронил голову на вытянутую руку. Четверо мужчин смеялись за столиком наискосок от меня. Остальные посетители сидели поодиночке, пили кофе, слушали песни, взгляд их был рассеянный, казалось, они чего-то ждут, а может быть, уже и перестали ждать.

Но ничего не произошло. Поэтому, после третьей чашки, я расплатился с тучным усатым

хозяином и вышел на улицу.

Я почувствовал, что снаружи стало на пару градусов прохладнее. Я повернул направо и, плохо соображая, долго шел, пока не добрался до обшарпанного забора, который шел вдоль высокого склона Акрополя.

Где-то далеко сзади послышались шаги. Я постоял полминуты, но вокруг простирались только тишина и очень темная ночь. Я вошел в ворота. От храма Диониса остался только фундамент. Не останавливаясь, я пошел к театру.

Однажды Фил высказал мысль, что история движется гигантскими циклами, подобно часовой стрелке часов, проходя одни и те же цифры изо дня в день.

— Историческая биология свидетельствует о том, что вы заблуждаетесь, — возразил ему Джордж.

— Я не имею в виду повторение того, что было.

— Тогда нам следует договориться относительно языка, на котором мы будем разговаривать, прежде чем начнем дальнейшую беседу.

Миштиго рассмеялся:

— И никаких известий, никаких!

Я шел среди руин, в которые время превратило было величие, и наконец оказался в старом теат-

ре и стал спускаться вниз…

Я никак не думал, что Диана совершенно серьезно отнесется к глупым надписям, украшавшим мой номер.

— Им здесь и положено быть. Они на своих местах.

— Ха-ха.

— Когда-то здесь были головы убитых вами животных. Или щиты поверженных врагов. Теперь же мы цивилизованные люди и живем по-новому.

Я решил изменить тему разговора:

— Не появились ли какие-нибудь новости в отношении веганцев?

— Нет.

— Вам до сих пор нужна его голова?

— Скажите мне, Константин, Фил всегда был вашим другом? И таким дураком?

— Он вовсе не такой уж дурак. Сейчас его считают последним поэтом-романтиком, он и лезет из кожи вон, чтобы самоутвердиться, и «вкладывает» свой мистицизм во всякую чепуху, потому что, подобно Вордсворту, пережил свое время. Сейчас он живет в искаженном прекрасном прошлом. Подобно Байрону, он однажды переплыл пролив Дарданеллы, и теперь единственное, что

недостает ему для полного удовольствия, — это общество юных дам, которым он докучает своей философией и воспоминаниями. Он стар. В его произведениях время от времени появляются вспышки его прежней мощи, но весь его стиль в целом теперь уже безнадежно устарел.

— Неужели?

— Я вспоминаю один пасмурный день, когда он стоял в театре Джонса и декламировал гимн, написанный в честь бога Пана. Его слушали человек 200–300 — одни только боги знают, откуда их столько здесь взялось, — но это его не смутило. Тогда его греческий не был еще достаточно хорош, но у него имелся весьма внушительный голос, и от всего его облика веяло каким-то вдохновением. Через некоторое время пошел мелкий дождь, но никто не ушел. Гром аплодисментов раздался, когда он закончил свое чтение. Слушатели прямо дрожали от восторга. Уходя, многие на него оглядывались. На меня это чтение также произвело глубокое впечатление. Затем, через несколько дней, я перечитал эту поэму и, представьте себе, разочаровался: собачий бред, набор избитых фраз. Когда-то производило впечатление то, как он читает это произведение. А сейчас, вместе с молодостью, он растерял и часть своей мощи.

И его просто жаль. И все же, если отвечать на ваш вопрос, глуп ли он, говорю — нет. Возможно, даже, что часть его философии верна.

— Что вы имеете в виду?

— Большие циклы. Век причудливых зверей наступает снова. А также век героев, полубогов и демонов.

— Мне пока что встречались только причудливые звери.

— «КАРАГИОЗИС СПАЛ НА ЭТОЙ КРОВАТИ» — разве это не подтверждение моих слов?

8

Я прошел на авансцену. Со всех сторон меня окружали рельефные скульптуры. Вот Гермес, представляющий Зевсу новорожденного бога. Икарий, которого Дионис научил разводить виноград, — он готовился принести в жертву барана, а его же дочь предлагала пирог богу, который стоял в стороне, беседуя с Сатиром. А вот пьяный Силен, пытающийся поддерживать небо подобно Атланту, но у него это получается намного хуже. Здесь были и все остальные боги — покровители различных городов, на чьи средства сооружался этот театр, и среди них я различил Гестию, Тазия, Эрину с рогом изобилия…

— Ты хочешь совершить жертвоприношение богам? — прозвучал неподалеку от меня голос.

Я не обернулся. Источник голоса был за моим правым плечом, но я не обернулся, ибо я узнал этот голос.

— Возможно, — ответил я.

— Прошло много времени с тех пор, как твоя нога ступала на землю Греции.

— Верно.

— Это из-за того, что не было бессмертной Пе-

нелопы — терпеливой, как эти горы, верящей в возвращение своего Калликанзарида?

— Ты решил заделаться деревенским сказочником?

Он рассмеялся.

— Я пасу овец высоко в горах, куда первыми простираются пальцы Авроры, сыплющие розы на небосвод…

— Да, ты плохой сказитель. Почему же ты сейчас не в горах, не развращаешь молодежь своими песнями?

— Виной тому сны.

— Да?

Я обернулся и посмотрел в сторону старого лица — морщины, похожие на почерневшую от времени рыбацкую сеть, белоснежная борода, голубые глаза, цветом под стать слегка пульсирующим на висках венам. Он опирался на свой посох, как воин опирается на свое копье. Я знал, что ему уже больше ста лет и он не прибегал к омоложению.

— Недавно мне приснилось, что я стою посредине черного храма, — начал рассказывать он, — и бог Аид подошел и встал рядом со мной. Он схватил меня за руку и стал умолять уйти вместе с ним. Но я решительно отказался и… проснулся. Этот сон встревожил меня.

— Что ты ел в тот вечер? Ягоды из «горячего» места?

— Не смейся, пожалуйста. Затем как-то поздней ночью мне приснилось, что я стою среди песков во тьме. Я налит силой древних горцев и борюсь с самим Антеем, сыном Земли, и побеждаю его. Затем снова ко мне подходит Аид, берет меня за руку и говорит: «Пойдем со мной сейчас же». Но я снова отказываюсь и снова просыпаюсь. Вокруг дрожала земля…

— И это все?

— Нет. Затем, совсем уже недавно, и не ночью, я сидел под деревом, присматривая за стадом, и мне пригрезилось, хотя я и бодрствовал, что я, подобно Аполлону, сражаюсь с чудовищем Парфенона и мне вот-вот уже конец. Однако на этот раз Аид не пришел ко мне, но когда я обернулся, то заметил рядом с собой Гермеса, его слугу. Он улыбнулся и направил на меня свой жезл, будто винтовку. Я покачал головой, и он опустил оружие. Затем он снова поднял его, и я посмотрел туда, куда он его направил. Там передо мной открылись Афины, именно это место, этот театр, и здесь сидела старуха. Та, которая отмеряет нить земной жизни, сидела, надув губы, недовольная, так как нить тянулась до самого

горизонта и конца ей не было видно. Но та, которая прядет, разделила ее на две очень тонкие нити. Одна прядь бежала через моря и исчезала из виду, другая же уходила в холмы. Возле первой, на возвышенности, стоял мертвец, который держал нить в своих огромных белых руках. За ним, возле следующего холма, она проходила через раскаленную скалу. На холме за скалой находился Черный Зверь, и он тряс и терзал нить зубами. И вдоль всей длинной пряди крался иноземный воин. Его глаза были желтыми, а в руках он держал обнаженный меч. Несколько раз он угрожающе поднимал свое оружие. Поэтому-то я и оказался здесь, чтобы встретиться с тобой в этом месте и сказать тебе, чтобы ты вернулся за море. Я хотел предупредить тебя, чтобы ты не шел в холмы, где тебя поджидает смерть, ибо я знаю, что когда Гермес поднимает свой жезл, то эти сны относятся не ко мне, а к тебе. Мой отец сказал, что я обязан разыскать тебя и предупредить. Уходи отсюда сейчас же, пока еще можешь. Возвращайся. Иди к себе, пожалуйста…

Я обхватил его за плечи.

— Я не поверну назад, так как всецело в ответе за свои поступки — правильные и неправильные, включая свою собственную жизнь. Я должен идти

в горы, где находятся «горячие» точки. Спасибо тебе за твое предупреждение. В нашей семье часто снятся необычные сны и не менее часто они только вводят нас в заблуждение. У меня тоже бывают видения, когда я смотрю глазами других людей, иногда четкие, иногда туманные. Спасибо тебе за твое предупреждение. Просто я вынужден пренебречь им.

— Тогда я вернусь к своему стаду.

— Пошли со мной в гостиницу. Мы завтра могли бы тебя подбросить по воздуху в Ламию.

— Нет, я не сплю в больших зданиях. И я уже больше не летаю. Я слышал, что ты снова важная шишка в большом правительстве. Снова начнутся убийства?

— Надеюсь, что нет.

Мы отыскали ровное место и расположились на его плаще.

— Как ты истолковываешь эти сны? — спросил я его.

— Каждый год до нас доходят твои подарки, но когда ты сам в последний раз посетил нас?

— Около девятнадцати лет назад.

— Значит, тебе ничего не известно о мертвеце?

— Нет.

— Он выше большинства людей, выше и тол-

ще. Его плоть имеет цвет медузы, а зубы — как у зверя. Слухи о нем начали расползаться около пятнадцати лет назад. Он появляется только по ночам. Он питается кровью, а смеется, как ребенок, рыская по окрестностям в поисках крови, ему все равно какой — людей или животных. Он улыбается, заглядывая в спальни людей поздней ночью. Он поджигает церкви, вызывает свертывание молока у кормящих матерей и выкидыш у рожениц. Днем, говорят, он спит в гробнице, охраняемый дикарями-куретами.

— Ему приписывают все несчастья, как когда-то приписывали Каликанзаридам.

— Отец, он существует на самом деле. Некоторое время назад что-то стало причиной смерти моей овцы. Большая часть ее была съедена, и выпита вся кровь. Меня взяло любопытство, и поэтому я выкопал укромное убежище, прикрыл его ветками и устроился на ночь. После многих часов ожидания он появился, и я был так напуган, что не решился заступиться за себя и запустить в него камнем из своей пращи, ибо он был как раз такой, каким я его тебе описал: большой, больше, чем ты. Очень толстый. У него был цвет свежевыкопанного трупа. Он скрутил голыми руками шею одной овце и стал жадно пить кровь

из его горла. Я плакал, видя это, но боялся что-либо предпринять. На следующий день я перегнал стадо в другую местность, и больше меня никто не беспокоил. Эту историю я рассказываю, когда слишком уж расшалятся мои внучата — твои правнуки. И вот он ждет там, между холмами…

— М-м-да. Если ты говоришь, что сам видел его, то, значит, так оно и есть. Многие страшные вещи появляются вблизи «горячих» мест. И мы знаем об этом.

— Там, где Прометей разбросал слишком много искр Огня Созидания!

— Нет, там, где негодяи разбрасывали свои кобальтовые бомбы, а мальчишки и девчонки с горящими глазами приветствовали выпадение радиоактивных осадков… А каков из себя Черный Зверь?

— Он тоже существует, я уверен в этом, хотя сам никогда его не видел. Он размером со слона и очень быстр. Он, говорят, питается плотью, охотясь на равнинах. Может быть, когда-нибудь он и Мертвец повстречаются и погубят друг друга…

— Обычно такого не бывает, но мысль сама по себе хороша. Это все, что о нем известно?

— Да. Все, кого я знаю, видели его только мельком.

— Что ж, иногда приходилось начинать даже с меньшими сведениями.

— Я должен рассказать тебе о Бортане.

— Бортане? Это имя мне знакомо. Так звали моего пса. Я, бывало, катался на его спине, когда был ребенком, и колотил ножками по его огромным бронированным бокам. В этих случаях он рычал и хватал меня за ногу, но осторожно. Мой Бортан подох так давно, что даже кости его уже успели истлеть.

— Я тоже так думал. Но через два дня после того, как ты в последний раз уехал он нас, он с шумом ворвался в нашу хижину. По-видимому, он шел по твоему следу через половину Греции.

— Ты уверен, что это был Бортан?

— Разве еще была другая собака размером с небольшую лошадь с роговыми шишками по бокам и челюстями, будто капканы на медведя?

— Нет, не думаю. Возможно, именно поэтому они и вымерли. Зачем собакам броня по бокам, если они всю жизнь ошиваются среди людей? Если он до сих пор жив, наверное, он последний пес на Земле. Мы с ним оба были когда-то малышами, и знаешь, все было так давно, что сердце ноет, стоит только подумать об этом. В тот день, когда он исчез, мы охотились, и я решил, что с

ним произошел несчастный случай. Я искал его, а не найдя, подумал, что он погиб. Уже тогда он был по собачьим меркам довольно стар.

— Наверное, он получил какую-то рану и побрел куда-то подыхать, но это заняло у него многие годы. Однако он остался самим собой и учуял твой след в тот твой последний к нам приезд. Когда же он увидел, что тебя нет, он взвыл и исчез — снова бросился вслед за тобой. С тех пор мы его не видели, хотя иногда по ночам я слышу его завывание среди холмов.

— Собаки очень своеобразны…

— Да, только вот теперь их уже нет на Земле.

Но тут дуновение холодного ветерка коснулось моих век и… Они сомкнулись…

Греция кишит легендами и полна опасностей. Обычно опасны районы материковой Греции, расположенные вблизи «горячих» мест. Одной из причин этого является то, что, хотя Управление теоретически руководит всей Землей, по сути оно занимается только островами.

Персонал Управления на материках очень напоминает сборщиков подати в отдаленных районах двадцатого века. И это вполне объяснимо, так как острова претерпели меньшие разрушения, чем весь остальной мир в течение

Трех Дней, и, следовательно, именно они стали аванпостами, где расположились религиозные управления, когда таллериты решили, что нам можно предоставить некоторое самоуправление. На протяжении всей последней истории жители материков решительно противились этому.

В районах, окруженных «горячими» местами, местные жители не всегда являются людьми в полном смысле этого слова. В связи с этим возникает антипатия между двумя ветвями человечества, усугубляется аномалия в быту и в поведении. Вот почему Греция — особо опасная страна.

Мы могли добраться до места назначения разными способами — по воде, по воздуху. Миштиго же хотел от Дамии идти пешком, наслаждаясь атмосферой легенд и чуждого ему окружения. Вот почему мы оставили скиммеры в Ламии и отправились в Волос пешком. Вот почему мы окунулись в мир легенд.

Я распрощался с Ясоном в Афинах, откуда он морем отправился к себе, на север. Фил настоял на том, что он выдержит это путешествие и пойдет с нами вместо того, чтобы встретиться с нами где-нибудь потом. Тоже неплохо в определенном смысле.

Дорога на Волос пролегала через места, как с обильной, так и со скудной растительностью. Она идет вдоль огромных скал, редких скоплений бараков, мимо засеянных маком полей. Она пересекает небольшие ручьи, вьется среди холмов, иногда их пересекает.

Стояло раннее утро. Небо было похоже на голубое зеркало, потому что свет Солнца, казалось, наполнял его отовсюду. В темных местах на траве блестели капельки росы. Здесь, по дороге ка Волос, я повстречался со своим тезкой.

Когда-то в старину здесь было нечто вроде места поклонения. В юности я часто заходил сюда, ибо мне нравилась какая-то умиротворенность, характерная для этого места. Иногда мне здесь попадались полу-люди или вообще не люди, иногда снились приятные сны или я находил какую-нибудь старую керамику, голову статуи или вообще что-нибудь такое, что можно было продать в Ламии или в Афинах.

К этому месту нет тропы. Нужно просто знать, где оно находится. Если бы с нами не было Фила, я бы не повел туда никого. Я знал, что ему нравится все, что обещает уединение, безлюдную многозначительность, что сулит приоткрывшийся вид на туманное прошлое и тому подобное.

Сойдя с дороги и пройдя полмили через рощу, а затем мимо груды скал, пройдя через расщелину между ними (нужно знать, в каком точно месте), можно выйти на широкую прогалину, где всегда неплохо передохнуть, прежде чем двинуться дальше. Затем следует короткий крутой спуск, и внизу появится поляна в виде яйца длиной около пятнадцати метров, а в поперечнике около двадцати. В одном из ее концов — обширная пещера, обычно пустая. На поляне наугад разбросаны наполовину погрузившиеся в землю, почти квадратные камни. Деревья и скалы отчасти увиты диким виноградом, а в центре возвышается огромное старое дерево, ветви которого, будто зонтик, закрывают почти все пространство поляны, благодаря чему почти весь день здесь сумрачно. Благодаря этому же данное место трудно разглядеть с расположенной наверху прогалины.

Однако мы смогли различить посреди этого места сатира, ковырявшего в носу. Я увидел, что у Джорджа рука потянулась к пистолету, заряженному усыпляющими пулями, и схватил его за плечо. Пристально посмотрев в его глаза, я посмотрел в сторону и покачал головой. Он пожат плечами и опустил руку.

Я вытащил из-за пояса пастушью свирель, которую выпросил у Ясона. Остальным я показал жестом, чтобы они пригнулись и старались не шевелиться. Сам же я сделал несколько шагов назад и поднес свирель к губам. Первые звуки, которые я извлек из свирели, были для пробы. Прошло очень много лет с тех пор, как я последний раз играл на этом инструменте.

Уши сатира поднялись торчком, и он стал озираться. Он сделал быстрые движения в трех разных направлениях, как застигнутая врасплох белка, еще не взобравшаяся на дерево, на котором она надеется получить убежище. Затем он застыл, дрожа мелкой дрожью, как только я завел старую мелодию и будто повесил ее в воздухе. Я продолжал играть, все вспоминая и вспоминая другие мелодии, которые когда-то играл, выводя какие-то опьяняющие мотивы, которые, как оказалось, столько лет скрывались в подвалах моего сознания. Все это снова вернулось ко мне, пока я стоял здесь, играя для этого малого с мохнатыми ногами.

В городе я бы не сумел выводить эти переливающиеся трели, каскады звуков, издавать которые может только свирель, но здесь внезапно я снова стал самим собой. Я увидел новые листья среди

деревьев и услышал цокот копыт.

Я медленно пошел вперед.

Будто во сне, я заметил, что стою, опираясь спиной о ствол дерева, и они находятся вокруг меня. Они переминались с копытца на копытце, не в состоянии оставаться без движения, а я играл для них, как играл когда-то, много лет назад, не зная, на самом ли деле они те же, что слушали меня тогда, да и не ощущая необходимости знать это. Они скакали вокруг меня, они смеялись, обнажая белые зубы, глаза их сверкали, они кружились, толкались, тыкая друг друга своими ножками и рожками, высоко вверх подбрасывая свои козлиные ноги, наклоняясь далеко вперед. Они подпрыгивали вверх, громко топали, трамбуя землю.

Я кончил играть и опустил свирель. На этот раз я играл последнюю сочиненную мною песню. Это была погребальная песня, которую я играл в тот вечер, когда решил, что Карагиозису необходимо умереть. Тогда я осознал провал движения за Возрождение. Они не вернутся, не вернутся никогда. Земля погибнет. Я сошел вниз, в парк, примыкающий к гостинице, и играл эту последнюю мелодию.

На следующий день огромная ладья Карагиози-

са покинула Пирей…

Они расселись на траве. Время от времени то один, то другой косили свои глаза. Все они скорбели со мной, слушая эту песню.

Я не знаю, сколько времени длились мои наигрывания. Когда песня закончилась, я опустил свирель и сел. Через некоторое время один из них протянул руку, дотронулся до свирели и быстро отдернул ее. Затем он посмотрел на меня.

— Ступайте, — сказал я.

Но они, казалось, не поняли меня. Я поднял свирель и проиграл снова несколько последних тактов.

«Земля гибнет, гибнет. Вскоре она станет мертвой… Расходитесь, бал окончен. Поздно, поздно, очень поздно…»

Самый крупный из них покачал головой.

«Расходитесь, расходитесь, расходитесь… Цените тишину. Жизнь сделала свой первый ход и сама себя сгубила. Цените тишину. На что надеются боги, на что? Нити порваны. Им не на что надеяться. Все это была просто игра. Расходитесь, расходитесь, расходитесь. Поздно, поздно, так поздно…»

Они продолжали сидеть, и поэтому я резко встал, хлопнул в ладоши и громко крикнул:

— Иду!
Потом повернулся и быстро пошел прочь.
Собрав своих спутников, я повел их к дороге…

9

Из Ламии до Волоса около шести с половиной километров, включая обход одного «горячего» места. В первый день мы прошли, наверное, одну пятую часть этого расстояния. Вечером мы расположились лагерем на поляне, немного в стороне от дороги. Ко мне подошла Диана и сказала:

— Ну, так что?

— Что «что»?

— Я только что вызвала Афины. Рэдпол молчит. И я поэтому хотела бы знать ваше решение сейчас.

— Что-то ты настроена очень решительно. Почему бы нам не подождать еще немного?

— Мы и так ждали слишком долго. Предположим, ему взбредет в голову достаточно быстро завершить турне. Эта местность вполне может подвести его к этому. Здесь очень часто бывают несчастные случаи… Ты ведь знаешь, что скажет Рэдпол — то же, что и раньше. И это будет означать только то, что и раньше, — смерть!

— Мой ответ остается тот же: нет!

Она быстро-быстро заморгала, опустив голову.

— Пожалуйста, пересмотри свое решение…

— Мне не хотелось бы, чтобы ты пострадал или еще хуже…

— Мне и самому все это не по нутру. Поэтому ты можешь значительно облегчить жизнь нам обоим, если настоишь на отмене предыдущего решения.

— Но я не могу этого сделать.

— Дос Сантос может это сделать, если ты его об этом попросишь.

— Проблема вовсе не в выполнении приказа, черт возьми! Лучше бы никогда не встречаться с тобой!

— Прости.

— Ставкой является Земля, и ты находишься по другую сторону…

— А я полагаю, что это ты.

— Что же ты собираешься сейчас предпринять?

— Так как я не в состоянии переубедить тебя, мне остается только одно: помешать вам.

— Ты не сможешь убрать секретаря Рэдпола и его супругу без шума. Не забывай, что мы очень обидчивы.

— Я знаю об этом.

— Поэтому ты не сможешь причинить вред Досу, и я не верю, что ты сможешь причинить

вред мне.

— Ты права.

— Значит, остается Хасан.

— Еще раз правда на твоей стороне.

— Но Хасан есть Хасан! Что ты сможешь предпринять против него?

— Почему бы вам прямо сейчас не дать ему увольнительную и избавить меня таким образом от хлопот?

— Мы не можем этого сделать.

Она подняла взор. Глаза ее были влажными, но лицо и голос ничуть не изменились.

— Если окажется, что ты был прав, а мы заблуждались, — произнесла она, — то уж постарайся простить нас.

— Простите и вы меня тоже, — кивнул я.

Всю эту ночь я почти не спал, находясь рядом с Миштиго, но ничего не случилось.

Следующее утро прошло без особых событий, как и большая часть дня.

— Миштиго! — произнес я, как только мы остановились, чтобы сфотографировать склон очередного холма. — Почему бы вам не уехать домой? Вернуться на Таллер, а? Или куда-нибудь еще? Просто уйти отсюда и написать какую-нибудь другую книгу. Чем дальше мы удаляемся

от цивилизации, тем меньше мои возможности защитить вас.

— Вы дали мне пистолет, понятно? — Он изобразил правой рукой будто стреляет.

— Очень рад за вас, что вы так решительно настроены. Но все же подумайте хорошенько.

— Этот козел находится у нижней ветки вон того дерева?

— Да. Им очень нравятся молодые зеленые побеги на ветках.

— Я хотел бы сфотографировать его. То дерево называется оливковым?

— Да.

— Хорошо. Я хотел бы знать, как правильно подписать этот снимок: «Козел, объедающий зеленые побеги оливкового дерева». Неплохой заголовок?

— Прекрасный. Снимайте побыстрее, пока козел еще там.

Если бы он не был таким коммуникабельным, таким четким, таким безразличным к самому себе. Я ненавидел его. Я не мог его понять. Он разговаривал только тогда, когда о чем-то спрашивал или отвечал на вопрос. И всякий раз, когда он удостаивал вопрос ответом, он был кратким, уклончивым, высокомерным, причем зачастую

одновременно. Он был самодовольным, тщеславным, синим, во всем проявлялась его власть. Он заставил меня глубоко задуматься о традициях рода Штиго в области философии, филантропии и просвещенной журналистики.

Однако в этот вечер я разговаривал с Хасаном после того, как не спускал с него глаз весь день. Он сидел у костра, будто сошел с картины Делакруа. Эллен и Дос Сантос сидели поблизости, попивая кофе.

— Мои поздравления!

— Поздравления?

— За то, что вы Не попытались убить меня. Вероятно, это произойдет завтра?

Он пожал плечами.

— Хасан, посмотрите на меня!

Он повернулся в мою сторону.

— Вас наняли убить этого синего?

Он снова пожал плечами.

— Не нужно этого отрицать, да и признаваться не нужно. Я уже и так все знаю. И поэтому я не могу допустить, чтобы вы это сделали. Верните деньги, которые заплатил вам Дос Сантос и ступайте своей дорогой. Я могу раздобыть для вас скиммер к утру. Он доставит вас в любое место, какое вы только пожелаете.

— Но я счастлив здесь, Карачи.

— Ваше счастье тотчас же прекратится, как только с этим синим что-нибудь случится.

— Я телохранитель, Карачи.

— Нет, Хасан. Вы сын верблюда диспентика.

— Что такое диспентик, Карачи?

— Я не знаю эквивалента в арабском, а вы не знаете греческого. Обождите минуточку, и я подыщу другое оскорбление. Вы — трус, пожиратель падали, крадущийся по темным закоулкам, потому что вы помесь шакала и обезьяны…

— Возможно, это именно так, Карачи, так как мой отец говорил мне, что я родился для того, чтобы с меня живого содрали кожу и четвертовали.

— Почему?

— Я был связан с дьяволом.

— Да?

— Да. Это чертям вы играли вчера? У них были рога, копыта.

— Нет, это были не черти. Это результат воздействия радиации на детей несчастных родителей, которые бросили их умирать в этой глуши. Они же тем не менее выжили, но потому, что глушь для них — это настоящий родной дом.

— О! А я-то считал их чертями. Я до сих пор так о них думаю, потому что один из них улыбнулся

мне, когда я молился о том, чтобы они простили меня.

— Простили? За что?

В глазах араба вспыхнула отрешенность.

— Отец мой был человеком добрым, порядочным, религиозным. Он поклонялся Малаку Тавсу, которого невежды шииты (здесь он сплюнул) называют Иблисом, или Шайтаном, или Сатаной. Его благочестие было широко известно, наряду со многими другими добродетелями. Я любил его, но в меня, еще в мальчишку, вселился какой-то бес. Я стал атеистом и не верил в дьявола. Я был дурным ребенком, так как подобрал где-то мертвого цыпленка, посадил его на палку и назвал Ангелом-Павлином. Я дразнил его, швырял в него камни и выщипывая перья. Один из мальчиков постарше перепугался и рассказал об этом моему отцу. Отец выпорол меня прямо на улице и сказал, что с меня сдерут кожу живьем и четвертуют за богохульство, если только я еще раз позволю себе подобное. Он заставил меня отправиться на гору Занджар и вымаливать там прощение. Я пошел туда, но бес не оставил меня. Несмотря на порку, я не верил в свои молитвы. Теперь, когда я уже стал старым, бес этот пропал, но мой отец умер много лет назад и я не мог сказать ему: «Про-

сти меня за то, что я богохульствовал». Становясь старше, я стал ощущать необходимость веры. Надеюсь, что Дьявол в своей великой мудрости и милосердии поймет это и простит меня…

— Хасан, вас трудно оскорбить, — сказал я, — но я предупреждаю вас, поймите меня. — ни один волос не должен упасть с головы этого синего.

— Я здесь всего лишь скромный телохранитель.

— Ха-ха! У вас хитрость и коварство.

— Нет, Карачи. Благодарю вас, но это не так. Я горжусь тем, что всегда выполняю принятые на себя обязательства. Таков закон, согласно которому я живу. Кроме того, вы не сможете оскорбить меня до такой степени, чтобы я вынужден был вызвать вас на поединок, тем самым позволив вам выбрать род оружия. Нет, этого никогда не будет. Я не восприимчив к вашим оскорблениям.

— Тогда остерегайтесь, — покачал я головой. — Ваш первый ход против веганца будет и самым последним.

— Если так записано в Книге Судеб, Карачи, то…

— И зовите меня Конрад!

Хасан замолчал, а я поднялся и побрел прочь, обуреваемый тяжелыми мыслями…

На следующий день все мы были еще живы. Мы быстро собрались и прошли около восьми километров, прежде чем произошла непредвиденная задержка.

— Похоже, что где-то плачет ребенок, — внезапно сказал Фил.

— Вы правы.

— Откуда он доносится?

— Похоже, слева, вон оттуда.

Мы пробежали сквозь заросли кустов и вышли к руслу пересохшего ручья. На первом же повороте мы увидели ребенка, лежавшего между камнями, завернутого в грязное одеяло. Его лицо и руки сильно покраснели под палящими лучами солнца, что говорило о том, что он находится здесь довольно продолжительное время. На его крохотном влажном личике были видны многочисленные укусы насекомых.

Я опустился на колени, чтобы получше закутать его в одеяльце.

Эллен слегка вскрикнула, когда одеяло спереди приоткрылось и она увидела тело ребенка. На груди его был врожденный свищ, и что-то копошилось внутри него.

Красный Парик закричала, отвернулась и начала всхлипывать.

— Что? — недоуменно спросил веганец.

— Один из покинутых, — сказал я, занимаясь ребенком. — Это один из меченых.

— Как ужасно! — с чувством произнесла Красный Парик.

— Это видимость или факт, что он брошен? — поинтересовался Миштиго.

— И то, и другое!

— Передайте его мне, — сказала Эллен, протягивая руки.

— Не прикасайтесь, — Джордж отодвинул ее немного в сторону и сам нагнулся ко мне. — Возьмите скиммер, — приказал он, обращаясь к обступившим его людям. — Мы должны немедленно отправить его в больницу. У меня нет оборудования, чтобы прооперировать здесь. Эллен, помоги мне.

Она заняла место рядом с ним, и они вместе стали рыться в его медицинском наборе.

— Напишите, что я сделан ему, и приколите эту записку к чистому одеялу, чтобы врачи в Афинах знали об этом.

Эллен стала наполнять шприцы для Джорджа, затем промыла укусы и смазала ожоги. Они вместе накачали ребенка витаминами, антибиотиками и еще черт знает чем.

Дос Сантос связался с Ламией и попросил прислать один из наших скиммеров.

Эллен и Джордж в это время уже завернули ребенка в чистое одеяло и прикололи к нему записку.

— Как это ужасно! — сказал Дос Сантос. — Выбрасывать такое дитя. Ведь ему предстояла такая мучительная смерть…

— Здесь это практикуется давно, — сказал я, обращаясь ко всем. — Особенно вблизи «горячих» мест. В Греции всегда существовала традиция детоубийства. Меня самого вынесли на вершину холма в тот же день, когда я увидел этот мир.

Миштиго закурил свою очередную сигарету, но, услышав мои слова, замер и посмотрел на меня.

— Вас? Но зачем это сделали?

Я рассмеялся и стал рассматривать свои ноги.

— Это запутанная история. Я сейчас ношу специальную обувь, потому что у меня одна нога короче другой. Кроме того, насколько я понимаю, для ребенка я был слишком волосатым. Ну, и глаза у меня разные. Но я думаю, что на все это не обратили бы внимания, не родись я на Рождество, а это очень плохо.

— А что тут плохого — родиться на Рождество?

— Боги, согласно местным поверьям, считают

это большим нахальством. По этой причине дети, которые рождаются в это время, не являются детьми людей. Они зачаты от различных злых духов, которые пугают местное население, расстраивают их планы и все такое прочее. Этих духов называют здесь Калликанзаридами. Они очень похожи на тех ребят с рогами и копытами, но, правда, некоторые все же больше походят на людей. Внешне они могут смахивать на меня, поэтому мои родители, если только они в самом деле были моими родителями, решили избавиться от меня. Вот почему я был оставлен на вершине холма. Этим был сделан широкий жест — мол, возвращаем дитя его настоящему родителю.

— И что же было потом?

— В нашей деревеньке жил старенький православный священник. Он услышал об этом и пришел к ним. Он им сказал, что они совершили смертный грех и будет лучше, если они побыстрее заберут своего ребенка назад и подготовят его для того, чтобы он, священник, окрестил новорожденного на следующий день.

— О! Так вы еще и крещены?

— Да… — Я закурил сигарету. — Они вернулись за мной. Все правильно. Но потом стали утверждать, что я не тот ребенок, которого они

оставили на холме. Они оставили обычного ребенка, на счет которого у них возникли сомнения, что он мутант, а забирать им пришлось уже настоящего урода. Вот что они потом говорили. Взамен они получили гораздо худшего Рождественского ребенка. Никто меня не видел, и поэтому их утверждения нельзя было полностью проверить. Однако священник настоял на том, чтобы они оставили этого ребенка у себя. И как только они смирились со случившимся, они стали бесконечно добры ко мне. Рос я очень быстро и был очень силен для своих лет.

— Но крещение…

— О, это было для них… Как бы наполовину.

— Как это наполовину?

— Во время моего крещения священника хватил удар и через день он умер. Во всей нашей округе он был один, поэтому я не знаю, все ли было выполнено так, как положено.

— Может быть, лучше проделать это еще раз, на всякий случай?

Я внимательно посмотрел на веганца, но не заметил на его лице и капли иронии.

— Нет. Если небо не захотело меня тогда, то второй раз я просить не собираюсь.

Мы расположились на ближайшей поляне и

стали ждать скиммер…

В тот день мы прошли примерно с дюжину километров, что можно считать прекрасным, если учесть состав нашей группы. Ребенок был погружен в скиммер и отправлен прямо в Афины. Когда все было готово к отлету, я громко спросил, не хочет ли еще кто-нибудь уехать. Но никто, однако, не отозвался…

Мы полумесяцем лежали вокруг костра. Было тепло и приятно. Хасан прочищал свой обрез с алюминиевым стволом. Приклад оружия был из пластика, и поэтому оно было очень легким и удобным.

Возясь с оружием, Хасан наклонил дуло вперед и медленно стал перемещать его прямо на Миштиго.

Должен признаться, проделал он все это мастерски: полчаса он перемещал дуло едва уловимым движением.

Но когда дуло обреза уставилось в меня, я вскочил и в три прыжка оказался около араба. Я выбил обрез из его рук, и оружие, отлетев метра на три, стукнулось о камень. Рука моя заныла от удара.

Хасан тотчас Же вскочил. Зубы его щелкали, словно курок кремниевого оружия. Мне даже показалось, что из его рта посыпались искры.

— Объяснитесь! — закричал я. — Валяйте, скажите что-нибудь! Все, что угодно! Вы ведь чертовски прекрасно знаете, что собирались только что сделать!

Руки Хасана задрожали.

— Давайте! — подбодрил я его. — Ударьте меня! Всего лишь прикоснитесь ко мне! Затем то, что я с вами сделаю, будет называться самообороной. Даже Джордж тогда не сможет сложить то, что от вас останется.

— Я всего лишь чистил оружие. И вы повредили его, Карачи.

— Случайно оружие не направляют в цель. Вы собирались убить веганца!

— Вы ошибаетесь!

— Ударьте меня! Или вы трус?

— Я не хотел бы ссориться с вами, Карачи.

— Тогда вы действительно трус!

— Нет, Карачи, я не трус!

Через несколько секунд он улыбнулся и спросил:

— Вы не боитесь бросить мне вызов?

Следующий ход был за мной. Я надеялся, что до этого не дойдет. Я надеялся, что смогу вывести его из себя настолько, что он ударит меня или вызовет на дуэль. Но теперь я понял, что этого мне не

удалось сделать. И это было плохо! Очень плохо!

Я был уверен в том, что смог бы одолеть любого врага оружием, которое выбрал лично. Но если оружие будет выбирать он, то все может сложиться совершенно иначе. Каждый знает, что существуют люди с обычными музыкальными способностями и есть люди с особыми способностями. Последним достаточно один, раз прослушать какое-нибудь произведение, и они тотчас же сумеют проиграть его на пианино или на тапинсторе. Они могут взять какой-нибудь новый для них инструмент, и через несколько часов он будет звучать в их руках так, словно они играли на нем несколько лет подряд. Это особый, присущий им талант — способность быстрого проникновения в суть того, что им предстоит сделать.

Именно такой способностью обладал Хасан в отношении различных видов оружия. Может быть, таким талантом обладают и другие, однако этот араб в течение многих десятилетий оттачивал грани своего мастерства, в равной степени учась обращаться с пистолетом и гранатометом.

Кодекс поединков дает возможность ему выбрать средства дуэли, и он был самым искусным из убийц, с которыми мне довелось когда-либо

встречаться.

Но я должен был помешать ему, и единственный способ, который оставался в моем распоряжении, — это первым вызвать его на дуэль.

— Аминь! — сказал я. — Я вызываю вас на дуэль.

Он продолжал улыбаться.

— Согласен перед этими свидетелями. Назовите своего секунданта.

— Фил Гребер. А ваш?

— Дос Сантос.

— Прекрасно. Разрешение на убийство и пошлина за одного человека находятся в моей сумке. Поэтому нет нужды откладывать наше занятие надолго. Когда, где и как вы желаете?

— Мы прошли мимо хорошей поляны в километре отсюда.

— Да. Помню.

— Возвращаемся туда завтра на заре.

— Договорились, — кивнул я. — Что касается оружия…

Он достал свой ранец и открыл его. Там было полно всяких интересных штуковин, поблескивающих при свете. Он вытащил два предмета и захлопнул ранец.

Сердце мое упало.

— Праща Давида, — провозгласил он.

Я осмотрел оружие.

— Расстояние пятьдесят метров, — добавил араб.

— Что ж, вы сделали хороший выбор, — сказал я ему, поскольку не держал этого оружия в руках уже более столетия. — Мне бы хотелось позаимствовать у вас одну на ночь, чтобы поупражняться. Но, если вы возражаете, то я сумею сделать ее сам.

— Можете взять любую и тренируйтесь хоть всю ночь.

— Спасибо.

Я выбрал пращу и подвесил ее к поясу. Затем взял один из наших фонарей.

— Если я кому-нибудь понадоблюсь, то ищите меня на той поляне, у дороги. Но не забудьте на ночь поставить часовых. Это опасная местность.

— Может быть, мне пойти с вами? — предложил Фил.

— Нет, спасибо. Я пойду один. Увидимся завтра.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи…

Я отыскал поляну, установил фонарь на одном ее краю так, чтобы свет от него падал на

несколько молодых деревьев, а сам пошел на противоположный край. Затем я подобрал несколько камней и запустил их в дерево.

Промах!

Я бросил еще дюжину и сделал только четыре попадания.

Я продолжал метать камни. Примерно через час мои успехи стали более значительными. И все же на расстоянии пятидесяти метров я, по-видимому, не мог бы состязаться с Хасаном.

Наступила ночь, а я все продолжат тренироваться. Через некоторое время я достиг, видимо, пределов точности: примерно шесть из семи бросков попадали в цель.

Однако один фактор, как я понял, был для меня благоприятным. Камни, пущенные мною, били в цель с невероятной силой. Я уже совершенно сломал несколько молодых деревьев и был уверен в том, что Хасану это не удастся сделать, даже при значительно больших попаданиях.

Если бы мне только удалось попасть в него, все было бы прекрасно. Но какая угодно могучая сила бесполезна, если ее не направить в нужное русло. Ведь и он сможет часто попадать в меня. Я задумался над тем, сколько времени смогу оставаться в строю и продержаться. Это зависело,

разумеется, от того, куда он попадет.

Я бросил пращу и рванулся к автомату за поясом, когда услышал хруст веток за спиной справа от меня. На поляну вышел Хасан.

— Что вам нужно? — спросил я.

— Я пришел взглянуть на вашу тренировку, — сказал он, рассматривая сломанные деревья.

Я пожал плечами, вернул автомат в чехол и поднял пращу.

— Наступит восход солнца, и вы увидите…

Мы пересекли поляну, и я подобрал фонарь. Хасан внимательно осмотрел молодое дерево, которое теперь напоминало скорее зубочистку, и ничего не сказал.

Мы побрели назад к лагерю. Все, кроме Дос Сантоса, забрались уже в свои палатки. Дос был нашим часовым. Он шагал вдоль предупредительного периметра, держа в руках автомат. Он помахал нам рукой, и мы вошли в лагерь.

Я сел на бревно около костра, а Хасан нырнул к себе в палатку. Через несколько секунд он снова появился с трубкой и бруском какого-то, похожего на резину, вещества, которое стал измельчать. Затем он смешал его с небольшим количеством ячменя и этой смесью набил трубку. После того, как он раскурил ее, он сел рядом со мной.

— Я не хочу убивать вас, Карачи.

— Я разделяю это чувство. Мне что-то не хочется быть убитым.

— Но ведь завтра мы должны сражаться.

— Да.

— Вы можете взять назад свой вызов.

— А вы могли бы улететь на скиммере?

— Нет. Я останусь здесь.

— А я не возьму назад свой вызов.

— Печально, — покачал он головой, немного помолчав, добавил: — Печально, что двое таких людей, как мы, должны сражаться из-за такого… Синего… Он не стоит ни вашей, ни моей жизни.

— Верно, — кивнул я, — но здесь затронуто нечто большее, чем его жизнь. Будущее нашей планеты каким-то образом связано с тем, что он делает.

— Я ничего об этом не знаю, — бесстрастно произнес Хасан. — Я дерусь ради денег, у меня нет другого способа добывать себе пропитание.

— Да, я знаю.

Пламя костра начало гаснуть. Я бросил несколько веток сушняка.

— Вы помните то время, когда мы бомбардировали Золотой Берег во Франции? — спросил он, глядя в костер.

— Помню.

— Кроме синих, мы убили тогда многих невинных людей…

— Да.

— И от этого будущее планеты не изменилось ни на йоту, Карачи. Вот мы здесь через много лет после, а все осталось по-старому.

— Я знаю.

— А помните ли вы те дни, когда мы сидели в окопе на склоне холма, выходящего к Пирейскому заливу? Время от времени вы меняли ленты в моем пулемете, а я поливал свинцом лодки. А когда я уставал, вы сами становились за пулемет. У нас было мало патронов. Гвардия Управления не смогла тогда высадиться, да, впрочем, и в последующие дни ей это тоже не удалось. Они так и не сумели захватить Афины, и им так и не удалось уничтожить Рэдпол. И мы беседовали друг с другом, сидя там два дня и ночь, в любую минуту ожидая, что огненный шар уничтожит нас. Вы тогда рассказывали о великих державах в небесах.

— Не помню.

— А я не забыл… Вы говорили, что там тоже есть люди, подобные нам, которые живут на планетах возле далеких звезд. Кроме того, там обитают и

синие. Многие из людей, говорили вы, заискивают перед этими чужаками, чтобы заслужить их благосклонность, и они продали бы нашу Землю синим, чтобы те смогли превратить ее в музей. Другие же, говорили вы, не хотят допустить этого, но они хотят, чтобы все осталось по-прежнему, как сейчас, чтобы их собственность, которой распоряжается Управление, уцелела. Синие тоже разделились во мнениях; соответствует ли покупка Земли их этническим нормам. Стороны пришли к компромиссу, и синим были проданы некоторые нетронутые радиацией местности, которыми они стали пользоваться, как курортами, и из которых они стали путешествовать по всей Земле. Но вы хотели, чтобы Земля принадлежала только людям. Вы говорили тогда, что, если мы уступим синим хотя бы один дюйм, они захотят и все остальное. Вы хотели тогда, чтобы люди со звезд вернулись и возродили города, перепахали «горячие» места, истребили диких зверей, охотившихся на людей. Мы сидели в окопе, готовые каждую минуту принять смерть, и вы говорили, что мы можем видеть, слышать, осязать или пробовать на вкус смерть, но только из-за небесных держав, которые никогда не видели нас и которых мы никогда не увидим.

Небесные державы начали все это, и из-за этого людям придется умирать здесь, на Земле. Вы говорили тогда, что вследствие гибели людей и синих эти державы могут вернуться на Землю. Но они, однако, не вернулись. Нам досталась только смерть. И все-таки державы в небе спасли нас в конце концов, потому что с ними нужно было посоветоваться, прежде чем можно было взорвать огненный шар над Землей. И они напомнили Управлению о старом законе, принятом во времена, последовавшие за Тремя Днями, согласно которому на вечные времена запрещалось зажигать огненные шары в небе над Землей. Вы считали, что они все-таки зажгут его, но они не посмели этого сделать. А они хотели это сделать, потому что мы остановили их у Пирея. Затем я сжег Мадагаскар ради вас, но державы так и не снизошли на Землю. И когда у оставшихся людей заводится больше денег, чем надо, они покидают нашу планету и больше никогда не возвращаются. И что бы мы сейчас ни делали, мы не сможем предотвратить этого…

— Только вследствие того, что мы действовали, а не сидели сложа руки, все осталось как прежде, а не превратилось в дерьмо, — покачал я головой.

— Но что бы случилось, если бы этот синий

умер?

— Не знаю. Возможно, станет еще хуже. Если он рассматривает районы, которые мы посетили, как свою потенциальную недвижимость, то тогда, верно, все начнется сначала.

— Рэдпол будет снова сражаться и бомбить их?

— Думаю, что да.

— Тогда давай убьем его сейчас, прежде чем он пойдет дальше и увидит больше. Кроме того, могут последовать репрессии — возможно, массовые аресты членов Рэдпола. Рэдпол в наше время находится на переднем крае общественной жизни, как в те дни. Но люди еще не готовы. Им нужно время. А вот этим синим… Я могу следить за ним, узнать его намерения. Если возникнет необходимость, я сам могу его уничтожить.

Я принюхался к запаху дыма из его трубки. Чем-то этот запах напоминал запах сандалового дерева.

— Что это вы курите?

— Это одно из новых растений, которых раньше не было на Земле. Оно растет в моих краях. Я там побывал недавно. Попробуйте.

Я сделал несколько полных затяжек. Сначала я ничего не почувствовал и продолжал курить, но через минуту понял, что во мне стали нарастать

спокойствие и расслабленность.

Я вернул трубку Хасану. Однако ощущение умиротворенности продолжало становиться все сильнее и сильнее. Мне стало очень приятно. Таким спокойным, таким умиротворенным я не был в течение уже многих недель. Огонь, тени, земля — все, что окружало нас, неожиданно стало более реальным. Ночной воздух, далекая луна, звуки шагов Дос Сантоса стали отчетливей, стали заслонять те мысли, которые теснились в моей голове. Борьба казалась нелепой. Все равно мы потерпим поражение. У человечества на роду написано, что ему суждено стать собаками, кошками и дрессированными шимпанзе у по-настоящему разумных людей, веганцев — в определенном смысле это была не такая уж и плохая в целом идея. По-видимому, нам нужен был более мудрый, чем мы, народ, чтобы присматривать за нами и направлять ход нашей жизни. Мы превратили свою собственную планету в грандиозную скотобойню в течение трех злосчастных дней. А эти веганцы создали очень цельное, умеренное, но не очень эффективное межзвездное правительство, объединившее под своей властью десятки планет. За что бы они ни брались, они все делали эстетически красиво. Их

собственная жизнь была размеренной, счастливой и очень тщательно отрегулированной. Зачем же мешать им обладать Землей?

Они, по всей вероятности, преобразуют ее намного лучше, чем это совершили бы мы, и почему бы нам не стать их рабами? Ведь жизнь эта не так уж и плоха? Почему бы не отдать им этот старый ком грязи, полный радиоактивных язв и населенный калеками?

В самом деле, почему?

Я еще раз взял у Хасана трубку и вдохнул в себя новую порцию спокойствия. Ведь это так приятно — вообще не думать обо всех этих неприятных вещах, не думать, когда фактически бессилен что-либо изменить. Ведь это так хорошо — просто сидеть у костра, дышать свежим ночным воздухом, прислушиваться к шорохам в лесу; ведь этого вполне достаточно для нормальной человеческой жизни.

Но я потерял свою Кассандру, свою смуглую колдунью с острова Кос. Ее отняли у меня неразумные силы, приводящие в движение Землю и воздух. Ничто не могло убить ощущение утраты. Она казалась отдаленной, как бы заключенной в хрустальный сосуд, но от этого не перестала быть утратой.

Никакая трубка Востока не могла убить боль этой утраты. И я уже не хотел никакого покоя. Я жаждал ненавидеть. Мне хотелось сорвать маску со всей Вселенной — с Земли, с небес, с Таллера, с земного правительства, с Управления, чтобы на одного из них найти ту силу, которая отняла у меня ее, и заставить их тоже познать, что такое боль. Я уже не хотел никакого мира. Я хотел хотя бы на десять минут стать Карагиозом, смотрящим на все сквозь прорезь прицела и держащим палец на спусковом крючке.

«0, Зевс Громовержец, — молился я, — дай мне свою силу, чтобы я мог бросить вызов небесам...»

Я вернул трубку.

— Спасибо тебе, Хасан, но мне этого мало.

Затем я встал и поплелся к тому месту, куда бросил свою поклажу.

— Очень жаль, что мне придется убить вас утром, — услышал я его слова, сказанные мне вслед.

Потягивая пиво в горной сторожке на планете Дисбах вместе с веганским продавцом информации по имени Крим (который сейчас уже мертв), я смотрел сквозь широкое окно на высочайшую вершину в обследованной части Вселенной. Называлась она Касла, и на нее еще никто не мог

взобраться.

Утром перед дуэлью я ощущал глубокое раскаяние, что никогда не пытался ее покорить, что никогда уже не сделаю этого.

В это утро у всех были какие-то пустые, лишенные выражения лица. Мир, окружавший нас, был ярким, чистым, прозрачным и наполнен пением птиц.

Для того, чтобы нельзя было воспользоваться рацией, пока не завершится поединок, я вынул несколько важных деталей и для гарантии передал их Филу. Лорел не будет об этом знать. Об этом не будет знать и Рэдпол. Никто не узнает об этом, пока не завершится поединок.

Подготовка закончилась, расстояние было отмерено. Мы заняли свои места на противоположных концах поляны. Восходящее Солнце было слева от меня.

— Вы готовы, господа? — раздался голос Дос Сантоса.

— Да! — одновременно сказали мы.

— Я сделаю последнюю попытку отговорить вас от проведения дуэли. Желает ли кто-нибудь из вас пересмотреть точку зрения?

— Нет! — сказали мы оба.

— У каждого из вас по десять камней одинаково-

го размера и веса. Первым начинает, разумеется, тот, кого вызвали на поединок. Хасан — первый!

Мы оба кивнули.

— Начинайте!

Он отступил в сторону и теперь нас разделяло пятьдесят метров пустого пространства. Мы оба встали боком, чтобы уменьшить вероятность попадания.

Хасан заложил в пращу свой первый камень. Я следил затем, как он быстро вращает ею позади себя, затем за его рукой, внезапно взметнувшейся вперед.

Позади меня раздался треск.

Больше ничего не произошло.

Он промахнулся.

Я вложил камень в свою пращу и стал рассекать ею воздух, затем опустил руку и швырнул камень, использовав при этом всю силу своей руки.

Камень скользнул по его левому плечу, едва коснувшись. Он потерял точку опоры. Но камень повредил только одежду.

Все вокруг замерло. Даже птицы прекратили свой утренний концерт.

— Господа! — обратился к нам Дос Сантос. — Каждому из вас было предоставлено по шансу уладить свои разногласия. Теперь можно сказать,

что вы достойно встретили друг друга, дали возможность испариться вашему гневу и, должно быть, уже удовлетворены. Не желаете ли вы прекратить поединок?

— Нет! — сказал я.

Хасан потер свое плечо и покачал головой. Затем он подошел к праще, взял второй камень и, сильно размахнувшись, метнул его в меня.

Камень попал точно между бедром и грудной клеткой.

Я упал на землю, и все вокруг померкло. Секундой позже зрение вернулось ко мне, но я лежал, скорчившись, и что-то тысячей зубов вцепилось мне в бок и не отпускало.

Все побежали ко мне, но Фил, размахивая руками, велел им вернуться на прежнее место.

Хасан занял свою позицию. Дос Сантос приблизился к нему.

— Ты можешь подняться? — спросил у меня Фил.

— Да. Мне нужна всего минута, чтобы перевести дух…

— Как вы себя чувствуете? — закричал Дос Сантос, находясь рядом с Хасаном.

Фил направился в их сторону.

Я приложил руку к своему боку и медленно

поднялся. Пара дюймов ниже или выше и, возможно, какая-нибудь кость была бы сломана. А так я ощущал только сильную головную боль, как при ожоге.

Я потирал кожу и разминал свою правую руку. Потом сделал несколько пробных кругов для проверки работы мышц. Все было в порядке.

Затем я поднял камень и вставил его в пращу. На этот раз все должно сойтись, я чувствовал это.

Праща вращалась все быстрее и быстрее, а затем с силой выстрелила камень.

Хасан упал на спину, схватившись за левое бедро. Дос Сантос подбежал к нему. Они обменялись несколькими словами.

Одежда Хасана смягчила удар. Кость не была сломана. Он сможет продолжать поединок, как только встанет на ноги.

Почти пять минут он массировал свое бедро, затем поднялся. За это время боль моя поутихла.

Хасан выбрал третий камень. Он долго и тщательно готовился к броску, несколько раз целился…

Почти все время у меня было предчувствие, и оно непрерывно нарастало, что следовало отклониться чуть-чуть вправо, что я и сделал. Он в это

время отпустил камень. Метательный снаряд царапнул левое ухо и задел мой лишай. Щека моя внезапно стала влажной.

Эллен вскрикнула.

Не отклонись я чуть-чуть вправо, я никогда бы не услышал ее крик.

Теперь снова была моя очередь.

Гладкий серый камень прямо-таки испускал дух смерти… «Я буду ею», — казалось, говорил он. На сей раз предчувствие не могло меня обмануть.

Я вытер кровь с лица, приладил камень. В моей правой руке была смерть, когда я поднял ее. Хасан, видимо, тоже почувствовал это, так как слегка вздрогнул. И я заметил это!

— Оставайтесь точно на тех местах, где стоите, и бросайте оружие! — раздался внезапно незнакомый голос.

Сказано было по-гречески, поэтому, кроме меня, Фила и Хасана, никто не мог сразу понять эти слова. Но все мы прекрасно видели, что в руках человека, который оказался на поляне, был автомат. За незнакомцем стояло три дюжины людей и полулюдей, вооруженных мечами, дубинками и ножами.

Это были куреты. Куреты были опасны. Мы

знали, что им обязательно нужно каждый день хотя бы по килограмму мяса…

Говоривший, казалось, был единственным, кто обладал огнестрельным оружием.

…А над моим плечом все еще крутилась неотвратимая смерть. И я решил подарить ее этому человеку.

Его голова разлетелась на куски.

— Убивайте их! — закричал я.

Повторять уже не было необходимости.

Джордж и Диана открыли огонь первыми, затем свой пистолет навел Фил. Дос Сантос побежал к ранцу, Эллен бросилась к палатке.

Хасану мой приказ убивать был ни к чему. Единственным оружием, которым он располагал, была праща. Куреты были гораздо ближе наших пятидесяти метров и к тому же нападали неорганизованно. Хасан уложил двоих, прежде чем они поняли, в чем дело. Я также попал в одного.

Однако бандиты уже пересекли поляну, перепрыгивая через своих убитых.

Как я уже сказал, не все из них были людьми. Среди них находились высокое худое существо с метровыми крыльями, покрытыми язвами, пара микрофалов, которые казались совсем безголовыми, так как на их черепах было некоторое

количество волос, сиамские близнецы, несколько уродов с огромными курдюками и трое огромных неуклюжих скотоподобных верзил, которые продолжали Двигаться несмотря на то, что их груди и животы были буквально изрешечены пулями. У одного из таких зверей были, наверное, кисти длиной с полметра и шириной в треть метра. У другого же конечности были слоноподобными. Среди остальных были и такие, которые внешне выглядели как обычные люди, но грязные и отвратительные, на них висели лохмотья, некоторые были совсем нагие. От одного их запаха можно было потерять сознание.

Я метнул еще один камень, однако так и не увидел, попал ли он в кого-нибудь, так как уже оказался окруженным дикарями. Я начала отбиваться как мог — ногами, кулаками, локтями. Огонь из автоматов постепенно прекратился, видимо, необходимо было перезарядить их, если имелась такая возможность.

Мой бок болел. И все же мне удалось повалить троих, прежде чем меня стукнули чем-то тяжелым по затылку и я потерял сознание….

10

Воздух был горячим и спертым. Вокруг царила тишина. Мне совсем не хотелось приходить в себя, ибо я лежал на грязном, смрадном полу, лицом вниз. Я застонал, потрогал свое тело — цели ли кости. Потолок был совсем низким. Единственное крохотное окно было отделено от окружающего мира решеткой.

Мы лежали на полу в углу небольшого деревянного барака. Присмотревшись, я обнаружил в противоположной стене еще окно, но оно выходило не наружу, а в какую-то большую комнату.

Джордж и Дос Сантос переговаривались через окно с кем-то, кто стоял по ту сторону окна. Хасан лежал без сознания. Фил, Миштиго и женщины тихо разговаривали между собой в дальнем углу.

Мой левый бок болел, чертовски болел, да и остальные части тела, казалось, не хотели отставать от него в этом отношении.

— Он пришел в себя, — неожиданно произнес Миштиго.

— Всем привет, я снова с вами, — я постарался сказать это с ноткой оптимизма в голосе.

Они подошли ко мне, и я попытался поднять-

ся.

— Мы в плену, — сказал Миштиго.

— Неужели? А я и не догадался бы.

— Подобное никогда не случается на Таллере, — заметил веганец, — так же, как и на любой другой планете Федерации.

— Очень плохо, что вы там не остались, — усмехнулся я. — Вы не забыли, сколько раз я говорил вам, чтобы вы вернулись?

— Этого бы не случилось, если бы не ваш поединок!

Я ударил его по лицу. Всякому терпению должен быть какой-то предел. Я еще раз ударил его тыльной стороной ладони и отшвырнул к стене.

— Вы что, пытаетесь доказать мне, что не знаете, почему я стоял это утро там, на поляне, подобно мишени?

— Знаю. Из-за вашей ссоры с моим телохранителем, — сказал он вызывающе громко, потирая щеку.

— Который намеревался вас убить!

— Меня? Убить?

— Забудем об этом, теперь это уже не имеет никакого значения. Во всяком случае сейчас… Вы все еще в мыслях своих пребываете на Таллере и с таким же успехом можете несколько часов

своей жизни оставаться там.

— Мы что, так и умрем здесь, да? — удивился он.

— Таков обычай этой страны.

Я повернулся и стал разглядывать человека, который внимательно смотрел на меня с наружной стороны решетки. Хасан уже сидел, прислонившись к дальней стене, и держался руками за голову.

— Добрый день, — поздоровался человек по ту сторону решетки. Произнес он эти слова по-английски.

— Разве уже день? — спросил я.

— А как же? — ответил он.

— А почему же мы все еще живы?

— Потому, что этого захотел я, — заявил незнакомец, — мне захотелось, чтобы вы, Конрад Номикос, Уполномоченный по делам музеев, охраны памятников и архива, и все ваши друзья, включая и этого поэта-лауреата, остались пока в живых. Мне захотелось, чтобы любых пленников, доставшихся им в руки, приводили сюда живыми. Ваши индивидуальности будут, скажем так, приправой…

— С кем имею удовольствие разговаривать? — поинтересовался я.

— Это доктор Морби, — вставил Джордж.

— Он их шаман, — заметил Дос Сантос.

— Я предпочел бы термин «врачеватель», — улыбаясь, поправил его Морби.

Я приблизился к решетке и увидел, что это довольно худой человек, очень загорелый и чисто выбритый. Все свои волосы он заплел в огромную черную косу, которая как бы коброй обвилась вокруг его головы. У него были близко посаженные глаза, очень темного цвета, высокий лоб. На ногах были лапти, одет он был в чистое сари зеленого цвета, на шее — ожерелье из фаланг человеческих Пальцев. С каждого уха свисало по серьге в форме толстой змеи.

— Ваш английский весьма неплох, — сказал я, — и Морби совсем не греческая фамилия.

— Какая наивность! — он изобразил на своем лице насмешливое удивление. — Я не местный! Неужели вы совершили такую непростительную ошибку, приняв меня за местного?

— Извините! — я тоже усмехнулся. — Вот теперь я вижу, что вы слишком хорошо одеты.

Он расхохотался.

— Э, это старое рванье. Я просто одел то, что под руку попало. Нет, родом я с Таллера. Я начитался всякой удивительно воодушевляющей литерату-

ры с призывом вернуться и решил осесть здесь и помочь Возрождению Земли…

— Да? И что же из этого вышло?

— Управление тогда не приняло меня на работу, и я попытался подыскать ее сам. Поэтому-то я и решил заняться исследованиями. Эта планета предоставляет массу возможностей для этого.

— Какого рода исследованиями?

— Я разработал два учения — по первобытной культуре и антропологии в новом Гарварде. Потом я решил изучить жизнь «горячего» племени в глубинке, и после долгих уговоров я добился своего. Племя приняло меня к себе, и я начал их просвещать. Вскоре, однако, мне стали мешать, мешали все, кто только мог. Это был удар по моему честолюбию. Через некоторое время я пришел к выводу, что мои исследования, моя общественная деятельность практически не интересуют никого и никому не нужны. Я осмелюсь предположить, что вы читали «Сердце Тьмы»? Если это так, то вы понимаете, что я имею в виду. Постепенно я стал находить гораздо в большей степени интересным принимать участие в местных обрядах и укладе жизни, чем просто наблюдать их. Я принял на себя труд перестроить некоторые из их наиболее ужасных обычаев, придав им опреде-

ленное эстетическое содержание. Вот теперь-то я стал по-настоящему просвещать их! Теперь все, что они делают, выполняется с гораздо большей уверенностью.

— Что же именно стало более утонченным?

— Во-первых, раньше они были просто людоедами. Во-вторых, они были очень простодушными в деле использования своих пленников, прежде чем зарезать их. А теперь все это — очень важные вещи. Если над ними должным образом поработать, то результатом будет высший класс выполнения обрядов и обычаев — вы должны понимать, что я имею в виду. И вот я здесь, с полным набором обрядов, суеверий, почерпнутых из многих культур, многих эпох, даже многих планет. Разве можно представить лучшее поле деятельности для доктора антропологии? Люди, даже полулюди, даже мутанты — это создания, обожающие различные ритуалы, а голова моя напичкана самыми различными обрядами и всякими подобными штучками.

Поэтому я приложил свои знания для общей пользы и теперь занимаю очень почетное и высокое положение.

— Какое это имеет отношение к нам?

— Жизнь здесь за последнее время стала доволь-

но скучной. И туземцы обеспокоены. Поэтому я решил, что настало время хорошей церемонии. Я переговорил с Прокрустом — вождем — и предложил ему подыскать нам несколько пленников. Насколько я помню, на 575 странице сокращенного издания «Золотого Храма» говорится: «Талаки пользуются дурной славой. Охотники за головами пьют кровь и выедают мозги своих жертв, чтобы стать храбрыми. Шталоны на Филиппинах выпивают кровь убитых ими врагов и съедают в сыром виде часть их головы, чтобы перенять их смелость…» Что ж, если у нас имеются: язык поэта, кровь наиболее грозных воинов, мозг выдающегося ученого, железная печень пламенного политического деятеля и необычно окрашенная плоть неземного создания — и все это здесь, в одной-единственной комнате! Великолепный улов, что ни говори.

— Вы в высшей степени откровенны, — заметил я. — А что ждет женщин?

— О, для них мы исполним длительный ритуал плодородия, который завершится долгим жертвоприношением.

— Понятно.

— Все это относится, правда, только к тому случаю, если вас не отпустят подобру-поздорову,

не причинив особого вреда.

— О?!

— Да. Прокрусту нравится давать людям шанс проверить себя. Пройдете определенные испытания и, вполне вероятно, все получите долгожданную свободу. В этом отношении он почти что христианин.

— И соответствует, я полагаю, своему имени?

Хасан подошел ко мне и встал рядом, пристально разглядывая через решетку Морби.

— Хорошо, хорошо, — внезапно воскликнул «старший врачеватель». — Мне в самом деле хочется подольше сохранить вам жизнь, понимаете? У вас есть чувство юмора. У большинства куретов его нет, вернее, не хватает, хотя во всем остальном это существа, достойные подражания. Возможно, они могли бы научиться этому у вас…

— Не стоит. Расскажите-ка лучше о способах искупления.

— Да? Впрочем, ладно. Вы мои гости и все увидите. Мы попечители, — тут Морби усмехнулся, — мертвяка. Я уверен в том, что один из вас двоих поймет это за время краткого своего знакомства с ним. — Он перевел взгляд с меня на Хасана, затем снова на меня.

— Я слышал о нем, — заметил я. — Расскажите,

что нужно сделать?

— Вам предлагается выставить в круг бойца, который через некоторое время, вернее вечером, встретится с ним, когда он снова восстанет из мертвых.

— Что он из себя представляет?

— Представляет? Гм-м… Если так можно сказать… Вампир!

— Чушь! Я спрашиваю, кто он на самом деле?

— Я говорю, что он настоящий вампир. Вот увидите.

— О'кей. Пусть будет по-вашему. Вампир так вампир. Но один из нас все же должен с ним драться.

— Вы согласны?

— Еще один вопрос… Условия?

— Голыми руками. Разрешается все, что угодно, как в кэтче. Поймать его совсем не трудно. Он будет просто стоять и ждать вас. Его будет мучить страшная жажда, а также голод. Его можно только пожалеть.

— И если он потерпит поражение, вы отпустите пленников на свободу?

— Таков закон. Но такого еще никогда не случалось.

— Понятно. — Вы хотите меня убедить в том,

что он очень сильный.

— О, он непобедим. В этом-то вся загвоздка. Разве можно получить хорошую церемонию, если она заканчивается как-то иначе, чем ожидает устроитель? Я излагаю всю историю боя перед тем, как он начнется, а затем мои люди становятся свидетелями правдивости моих слов. Это укрепляет их веру в судьбу и мою собственную связь с тем, как она действует.

Хасан взглянул на меня:

— Что он имеет в виду, Карачи?

— Это заранее предопределенная схватка, — сказал я.

— Как раз наоборот, — замахал руками Морби. — Вовсе нет. Этого не требуется. Когда-то на этой планете существовала старинная поговорка, связанная со спортом древних: «Никогда не ставь против чертовых яиц, или останешься без денег». Мертвяк непобедим, потому что он рожден с определенными способностями, которые потом были искусно развиты мною. Он отобедал многими борцами, и поэтому, разумеется, его сила равна силе всех их, вместе взятых. Всякий, кто читал Фрейзера, знает об этом.

Он зевнул, прикрывая рот.

— Если вы согласны на поединок, то я пойду

посмотрю, как готовится место для церемонии. Сегодня днем вы должны выставить своего бойца. А вечером… — Он опять ухмыльнулся и пошел прочь.

— Чтобы ты споткнулся и сломал себе шею, — вырвалось у меня.

Он улыбнулся и помахал мне рукой.

Я собрал совещание.

— У них здесь есть мутант по прозвищу Мертвяк, который считается очень сильным. Я намерен бороться с ним сегодня вечером. Если мне удастся его одолеть, то нас, может быть, отпустят на свободу. Но я не очень-то верю в эти слова. Поэтому я предлагаю выработать план бегства, в противном же случае нас подадут на горячее. Фил, вы помните дорогу до Волоса?

— Думаю, что да. Но это было так давно. А где мы находимся?

— Если это может нам хоть немного помочь, — ответил Миштиго, расположившийся у окна, — то я вижу сияние. В вашем языке нет соответствующего слова, которым можно было бы передать этот цвет, однако оно вон в том направлении. — И он показал рукой. — Этот цвет я обычно вижу там, где поблизости есть радиоактивный материал или если воздух содержит значительное коли-

чество радиоактивных элементов. Это сияние простирается здесь на довольно значительное расстояние.

Я подошел к окну и посмотрел в указанном направлении.

— Это, возможно, «горячее» место, — сказал я, — И если это так, то они, значит, пронесли нас дальше вдоль берега, что уже неплохо, Кто-нибудь был в сознании, когда нас несли?

Никто не отозвался.

— Хорошо. Будем исходить из допущения, что это в самом деле «горячее» место и дорога на Волос должна быть там, — я указал направление, противоположное тому, которое указал Миштиго. — Поскольку луч солнца падает с этой стороны барака, а сейчас примерно полдень, держитесь противоположной стороны, как только окажетесь на дороге. Вам надо двигаться на восток. До Волоса не более двадцати пяти километров.

— Они могут пойти по нашему следу, — сказал Дос Сантос.

— Здесь есть лошади, — вмешался Хасан.

— Что?

— Выше по улице. В вагоне. Я видел троих возле самой ограды. Возможно, что их больше, хотя на вид это не очень сильные животные, но…

— Кто умеет ездить верхом? — спросил я.

— Я никогда в жизни не ездил на лошади, — сказал Миштиго, — но у нас есть животное, похожее на лошадь, и я ездил верхом.

Все остальные были знакомы с приемами верховой езды.

— Значит, сегодня вечером. Садитесь по двое, если нельзя будет иначе. Если лошадей окажется больше, чем понадобится, то выпустите остальных и разгоните. Пока они будут наблюдать, как я борюсь с Мертвяком, вы сделаете пролом в вагоне. Хватайте какое сможете оружие и пробирайтесь к лошадям. Фил, ведите их в Нариницу и повсюду упоминайте фамилию Коронес. Вас примут и защитят.

— Очень жаль, — сказал Дос Сантос, — но ваш план нам не подходит.

— Если у вас есть что-то получше, давайте послушаем, — заметил я.

— Прежде всего, мы не можем всецело полагаться на господина Гребера. Пока вы были без сознания, он очень сильно страдал от ран и был довольно-таки слаб, Джордж считает, что у него был в конце концов сердечный приступ после нашей схватки с куретами. Если с ним что-нибудь случится, то мы пропали. Нам нужны вы,

и только вы способны вырвать нас отсюда, если нам удастся вырваться на свободу. Вы просто не имеете права рассчитывать на господина Гребера. Во-вторых, вы не единственный, кто способен драться с этим экзотическим зверем. Я думаю, что Хасан лучше справится с этим…

— Я не могу просить его об этом, — сказал я. — Даже если он победит его, его самого, скорее всего, тотчас же разлучат с нами, и, несомненно, эти дикари очень быстро с ним расправятся.

Скорее же всего, он поплатится жизнью. Вы наняли его, чтобы он убивал для вас, но не умер ради вас!

— Я буду драться, Карачи, — заявил Хасан.

— Вам не следует драться, мой друг, — покачал я головой.

— Но я хочу.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я у Фила, игнорируя заявление Хасана.

— Лучше, гораздо лучше. Я думаю, что это был всего-навсего какой-то пустяк. Пусть вас мое здоровье не тревожит.

— Вы чувствуете себя настолько прилично, что сможете добраться верхом до Макриницы?

— Не может быть и сомнений в этом. Лучше уж верхом, чем пешком. Я практически рожден

для верховой езды. Вы должны помнить, что когда-то…

— Помнить? — удивился Дос Сантос. — Что вы имеете в виду, господин Гребер? Как может Конрад помнить…

— Помнить его известную балладу о всаднике, — вставила Красный Парик. — Когда-то господин Гребер написал отличную балладу о «красном всаднике».

— Хватит, — прекратил я все разговоры. — Здесь только я за все в ответе. Я даю распоряжения, и только я решаю, что драться с вампиром буду я.

— В подобной ситуации, я считаю, нам следует быть более демократичными, — пожала плечами Красный Парик. — Не забывайте, что только вы родились в этой стране. Как бы ни была хороша память Фила, вы с большим успехом сможете вывести нас отсюда в ту деревню. Учтите, что мы будем очень спешить. Вы не приказываете Хасану умереть и не бросаете его на произвол судьбы. Он вызывается на все это исключительно, подчеркиваю, исключительно добровольно.

— Я убью Мертвяка, — сказал Хасан, — а затем догоню вас. Я знаю множество способов укрытия от преследования. А затем я пойду по вашему следу.

— Это мое дело — убить вампира!

— Тогда, раз мы не можем договориться, пусть нас рассудит жребий, — заявил Хасан. — Если только у нас не забрали деньги вместе с оружием.

— У меня есть кое-какая мелочь, — сказала Эллен.

— Подбросьте ее вверх, — попросил я и, когда монета стала падать, произнес: — Орел!

Хасан пожал плечами. Он оказался «удачливее» меня… и мне оставалось только пожелать ему победы.

Хасан усмехнулся:

— Так у меня на роду написано…

Затем он сел, прислонившись спиной к стене, вытащил узкий нож и начал подрезать ногти. Он всегда был очень опрятным убийцей и всегда считал, что опрятность в чем-то сродни черной магии.

Когда солнце стало медленно клониться к западу, Морби снова навестил нас, приведя с собой целый конвой куретов с мечами.

— Пришло время, — торжественно объявил он, — и вы должны сказать нам, кто из вас рискнет сразиться с нашим богатырем?

— Хасан! — сказал я.

— Очень хорошо. Тогда пошли. Только, пожалуйста, без всяких там глупостей. Меня коробит от мысли, что на праздник будет доставлен испорченный товар…

Окруженные со всех сторон мечами, мы вышли из барака и проследовали вдоль деревни. Прошли мимо вагона и увидели там лошадей. Лошади были далеки от совершенства, их бока к тому же покрывали язвы. Каждый из нас, проходя мимо них, все же внимательно осмотрел каждую, как бы уже примеряясь, какую выбрать.

Деревня состояла примерно из тридцати бараков, таких же, как и тот, в котором нас держали. Мы шли по грязной дороге, усеянной мусором. Отовсюду воняло потом, мочой, гнилыми фруктами, едким дымом.

Пройдя около ста метров, мы повернули налево. Улица здесь заканчивалась, и дальше мы спустились по тропе вниз с холма к большому расчищенному месту.

Толстая лысая женщина с огромной грудью и покрытая раковыми наростами на лице, возилась около очага, предназначенного для поджаривания туш. Увидев нас, она улыбнулась и громко причмокнула.

Впереди, чуть дальше, была расположена пло-

щадка с хорошо утрамбованной голой землей. Огромное, обвитое лианами тропическое дерево, приспособившееся к нашему климату, стояло на одном краю площадки, а вокруг него были расположены в несколько рядов более чем двухметровые факелы, пламя которых развевалось на ветру, подобно знаменам.

На другом конце стоял наиболее аккуратный из всех бараков, видимых нами здесь, высотой в пять метров и метров десять шириной по фасаду. Он был выкрашен в ярко-красную краску и весь покрыт магическими символами, похожими на языческие письмена северо-американских индейцев. Посреди фасада была высокая дверь, которую охраняли два автоматчика-курета.

Солнце уже почти зашло за горизонт. Морби заставил нас прошагать через всю площадку к дереву. Около ста зрителей восседало на земле по обе стороны площадки с зажженными факелами.

Морби величественно показал в сторону красного барака.

— Как вам нравится мой дом? — спросил он.

— Просто прелесть, — ответил я.

— Со мной живет один мой приятель, но днем он спит. С ним вы и должны будете встретиться.

Мы подошли к подножию большого дерева. Морби оставил нас там на попечение стражи, а сам вышел на середину площадки и обратился к куретам по-гречески.

Мы договорились между собой, что будем ждать почти до самого конца поединка, каков бы ни был его исход. Когда дикари будут более всего возбуждены и все их внимание сосредоточится на последнем аккорде поединка, мы попытаемся вырваться. Мы поставили женщин в центре нашей группы. Сам я пробрался к воину, державшему меч в правой руке. Я намеревался прикончить его на месте. Но очень плохо было то, что мы находились на дальнем конце площадке. Чтобы пробиться к лошадям, нам нужно было проложить себе путь через все это пространство.

— И тогда, тем вечером, — говорил Морби, — Мертвый поднялся, сокрушив этого могучего воина, Хасана, переломав ему кости и бросив его на наше место для пиршества. Затем, после того как он убил этого страшного врага, он выпил его кровь прямо из горла, съел его печень, сырую и еще дымящуюся. Вот что он сделал в ту ночь. Велико было его мужество…

— Могучий! О, могучий! — взревела толпа, и кто-то начал колотить в барабан.

— Теперь мы будем звать его, чтобы он снова был с нами! — закричал Морби.

Толпа одобрительно взревела.

— Чтобы снова был с нами!

— Ура! Ура! Ура!

— С острыми белыми зубами!

— С белой, белой кожей!

— Руками, которые все крушат!

— Ртом, который пьет!

— Кровь жизни!

— Великое наше племя!

— Великий Мертвый! Великий Мертвый!

Глотки людей, полулюдей и нелюдей дружно обрушили этот дикий рев на площадку, как могучую волну прилива.

Наши стражники также ревели во всю глотку.

Миштиго закрыл свои чувствительные уши, лицо его выражало крайнее мучение. Голова моя тоже зазвенела. Дос Сантос перекрестился, но один из стражников покачал головой и поднял свой меч. Дос пожал плечами и снова повернул голову в сторону дикарей.

Морби подошел к бараку и трижды постучал по двери.

Один из стражников распахнул ее перед ним. Внутри виднелся огромный черный катафалк в

окружении черепов людей и животных. На нем покоился огромный гроб черного дерева, украшенный яркими изогнутыми полосками.

По приказу Морби стражники подняли крышку.

В течение следующих двадцати минут он делал множество уколов во что-то, что было внутри гроба. Движения его были медлительными и полными торжественности. Один из стражников отложил в сторону меч и начал помогать ему.

Барабанщики продолжали отбивать по своим барабанам прежний ритм. Толпе стало интересно, и она притихла.

Наступила абсолютная тишина.

Затем Морби повернулся к племени.

— Сейчас Мертвый поднимется! — торжественно провозгласил он.

— Восстанет! — завопила толпа.

— Сейчас он придет, чтобы принять новую жертву!

— Сейчас он придет… — вторила толпа.

— Воскресни, Мертвый! — заорал Морби, повернувшись к катафалку.

И он воскрес!

Огромный и необъятный!

Похоже, что он весил не менее полутора цент-

неров.

Он присел в своем гробу и стал озираться. Потом потер грудь, под мышками, шею и поясницу. Выбравшись из своего огромного ящика-гроба, он тяжело облокотился о катафалк. Морби теперь казался рядом с ним карликом. На великане были только набедренная повязка и огромные сандалии из козьей шкуры. Кожа его была белая, мертвенно-белая… белая, как медуза…

— Альбинос! — прошептал Джордж, и голос его стал слышен в каждом углу площадки, потому что это был единственный звук.

Морби бросил взгляд в нашу сторону и улыбнулся. Он взял Мертвяка за руку с короткими, тупыми пальцами и вышел из барака на площадку.

Мертвяк отпрянул назад, испугавшись света факелов, но затем снова выпрямился. Когда он подошел поближе, я с интересом начал изучать его лицо.

— На его лице нет следов разума, — тихо сказала Красный Парик.

— Вы видите его глаза? — спросил Джордж, щурясь: его очки были разбиты в драке.

— Да, они розоватые.

— У него есть складки эпикантуса?

— Гм… Да.

— Ха-ха. Он монголоид и, держу пари, полнейший идиот. Вот почему Морби так легко управляется с ним. И посмотрите на его зубы! Похоже, что они подпилены!

Я присмотрелся. Мертвяк оскалился, потому что начал осматривать цветастую верхушку головы Красного Парика, и я увидел уйму отличных острых зубов.

— Его альбинизм является главной причиной ночного образа жизни. Смотрите! Он уклоняется от света факелов! Он чрезвычайно чувствителен ко всей видимой части спектра.

— А что вы можете сказать о его гастрономических наклонностях? — поинтересовался я.

— Они приобретены в процессе воспитания. Многие примитивные народы пили кровь своего скота. Некоторые сохранили этот обычай вплоть до начала Двадцатого века. Вы обратили внимание на тех лошадей, мимо которых мы проходили? Кровь, как вам известно, очень питательна, если только вы сможете предохранить ее от свертывания, и я уверен, что Морби наверняка держит этого идиота на подобной диете с самого детства. Поэтому он, конечно, вампир — так он был воспитан.

— Мертвый воскрес! — закричала толпа.

— Мертвый велик!

Морби медленно огляделся и внезапно направился к нам, оставив вампира одного среди площади с идиотской ухмылкой на лице.

— Мертвый велик! — произнес он, подойдя к нам и ухмыляясь точно так же, как и его воскресшее дитя. — Он изумителен, не так ли?

— Что вы сделали с этим несчастным существом? — спросила Красный Парик.

— Почти ничего, — махнул рукой Морби. — Он родился уже подготовленным для такой роли.

— Что за инъекции вы ему делали? — спросил Джордж.

— О, перед тем, как выпустить его на этот поединок, я накачал его болевые нервы новокаином. Отсутствие реакции на боль только усилит его ореол несокрушимости. Кроме того, я сделал несколько гормональных уколов. За последнее время он набрал вес и поэтому стал несколько неуклюж. Так что уколы послужат некоторой компенсацией излишнего веса.

— Вы говорите о нем и относитесь к нему, словно к механической игрушке! — взорвалась Диана.

— А он и есть игрушка, к тому же бесценная. Вы

здесь, Хасан? Готовы?

— Да, — кивнул араб, снимая плащ и бурнус.

На его плечах вздувались огромные мышцы, он несколько раз согнул и разогнул пальцы и вышел вперед. На плечах и спине Хасана я заметил несколько рубцов.

— Великий воин Хасан! — провозгласил Морби.

— Великий воин Хасан! — взревела толпа.

— Велика его сила!

— Велика его сила! — орала толпа.

— Но Мертвый все же сильнее!

— Но Мертвый все же сильнее!

— Он сломает Хасану кости и расшвыряет их по пиршественному полю.

— Он сломает Хасану кости… — бушевала толпа.

— Он выпьет кровь из его глотки. — Морби от удовольствия закатил глаза.

— Он выпьет кровь из его глотки!!! — толпа уже не кричала, а визжала.

— Неодолима его сила!

— Велик Мертвый!

— Сегодня ночью, — тихо произнес Хасан, — он на самом деле станет мертвым…

— Мертвый! — воскликнул Морби, как только

Хасан встал рядом с ним. — Я приношу тебе в жертву этого человека!

Затем Морби отошел в сторону и дал знак стражникам, чтобы они оттеснили нас к самому краю площадки.

Идиот улыбнулся еще шире и медленно двинулся к Хасану.

— Бисмалла! — сказал Хасан, делая вид, что он поворачивается к нему спиной.

Через мгновение Хасан нагнулся, зачерпнул горсть земли и бросил в Мертвяка, затем быстро развернулся и нанес сильный удар в челюсть вампира.

Огромная белая голова отклонилась самое большее на десять сантиметров. Улыбка все еще оставалась на его лице. Затем вверх взметнулись обе короткие руки и схватили Хасана под мышки.

Араб схватил Мертвяка за плечи, оставив на коже ярко-красные царапины, но тут же отдернул свои пальцы. И там, где они были погружены в мертвенную плоть чудовища, выступили алые капли крови.

При виде крови своего любимца толпа яростно закричала. Возможно, запах крови возбуждал их. Как, впрочем, новый крик толпы всколыхнулся,

когда Мертвяк поднял Хасана на добрых два фута вверх и побежал с ним вперед, сжимая его в своих объятиях.

На пути оказалось большое дерево. Голова Хасана обвисла, когда вампир ударил его головой о ствол.

Затем Мертвяк врезался всем телом в тело Хасана, заблокированное деревом; медленно отступил назад, встряхнулся и стал избивать араба.

Это было настоящее избиение. Он молотил человека своими почти уродливыми, короткими, толстыми руками, как настоящая ветряная мельница. Хасан закрыл лицо руками и прижал локти к животу. Тем не менее Мертвяк продолжал наносить удары по голове и бокам. Его руки методически поднимались и опускались. И все это время с его лица не сходила идиотская улыбка.

В конце концов руки Хасана упали и он сцепил их впереди живота. Из уголков его рта сочилась кровь.

Непобедимая игрушка продолжала свою игру…

А затем, откуда-то издалека, как будто с другого края этой ночи, настолько издалека, что только я смог это услышать, раздался голос, который я узнал. Это был знаменитый охотничий рык моего

адского цербера — Бортана. Он все-таки где-то набрел на мой след и теперь спешил сюда, пересекая ночь, делая гигантские прыжки, словно горный козел, перепрыгивая реки, как лошадь. Глаза его горели, как два раскаленных угля во мраке ночи.

Он никогда не уставал бегать, мой Бортан. Такие, как он, рождаются без страха, созданные для охоты, отмеченные печатью разносимой смерти.

Мой цербер спешил мне на выручку и никто не мог бы его остановить.

Но пока что он был далеко, слишком далеко, по ту сторону ночи.

Толпа снова закричала. Вряд ли Хасан сможет продержаться…

Краешком глаза (карего) я заметил неуловимое движение Эллен, будто она что-то бросила правой рукой.

Прошло две секунды. И это случилось! Я быстро отвел глаза от ослепительной вспышки, которая полыхнула позади идиота.

Мертвяк издал ужасный вопль и ослабил хватку.

Добрый старый параграф 237–1, предложенный мной, гласил: «Любой гид и любой член туристической группы обязан иметь при себе не

менее трех магниевых вспышек во время путешествия..»

Это означало, что сейчас у Эллен осталось только две.

Идиот перестал колотить Хасана. Он попытался отшвырнуть вспышку ногой, закричал, прикрыл глаза, упал и покатился по земле.

Едва переведя дух, за ним наблюдал Хасан.

Вторая вспышка разорвала темноту на поле боя. Мертвяк, снова закричал.

Хасан привстал на носки и уцепился за толстую лиану, свисавшую с дерева. Он потянул ее на себя, но она не поддалась. Он потянул сильнее.

Наконец она оборвалась.

Движения араба стали увереннее, когда он обмотал концы лианы вокруг своих запястьев.

Третья вспышка зашипела и ярко вспыхнула. Хасан опустился на колени перед мертвяком и быстрым движением набросил лиану на его горло.

Вспыхнула еще одна вспышка, и тут Хасан начал затягивать петлю. Идиот обхватил его за талию. Мышцы Хасана-убийцы вздулись, пот смешатся с кровью на его лице.

Мертвяк привстал, подняв вместе с собой Хасана. Но тот не переставал затягивать петлю.

Лицо идиота больше уже не было белым, оно покрылось разноцветными пятнами. На лбу и на шее, как канаты, вздулись вены. И чем выше он поднимался, и чем выше поднимал Хасана, тем сильнее лиана врезалась в его шею.

Толпа вопила и беспорядочно кричала. Без устали рокотали барабаны. И тогда я снова услышал вой Бортана, но снова очень-очень далеко.

Мертвяк покачнулся, затем по его телу судорожно побежали подергивания, и он отшвырнул Хасана от себя. Лиана соскользнула с его горла, как только она вырвалась из рук Хасана.

Араб перевернулся через голову, но подняться с колен ему не хватило сил.

Мертвяк направился к нему.

Но походка его стала нетвердой, он весь начал трястись. Издав клокочущий звук, великан схватился за горло, привалился к дереву и стал глотать воздух. Рука его скользнула по стволу, и он медленно опустился на землю. Затем он снова поднялся, наполовину скорчившись.

Хасан встал и поднял лиану. Затем подошел к идиоту. И на это раз разорвать его хватку было невозможно.

Тело Мертвяка обмякло, и больше уже он не поднимался.

11

Все произошло очень быстро.

Я мгновенно бросился вперед и одним ударом сломал воину шею. Схватив его меч, я повернул налево и сразу же раскроил череп второго нашего часового.

Затем снова «щелк», и восстановилась громкость звучания, но на этот раз искаженная чудовищными помехами. Казалось, ночь разорвалась надвое.

Миштиго повалил своего охранника отличным ударом в затылок и лягнул другого в голень. Джорджу удалось нанести удар коленкой прямо в пах ближайшего к нему дикаря и полностью отключить его.

Дос Сантос, настолько быстрый или настолько везучий, получил две тяжелые раны в грудь и в плечо.

Толпа со своих мест бросилась на нас.

Эллен швырнула бурнус Хасана на голову дикаря, который вот-вот должен был выпотрошить кишки из ее мужа. Поэт-лауреат добил его ударом камня по голове.

К этому времени Хасан присоединился к нашей

маленькой группе, и ловким приемом самураев, который, как мне всегда казалось, был навсегда утерян, быстрым ударом головы выбил меч у ближайшего к нему воина. Схватив оружие, он стал разить дикарей направо и налево.

Мы убили или покалечили всех наших стражников раньше, чем толпа успела пробежать половину расстояния, разделяющего нас, и Диана бросила свои три магниевые вспышки в набегавшую толпу.

После этого мы побежали сами. Эллен и Диана поддерживали шатавшегося Дос Сантоса.

Но куреты отрезали нас от деревни и нам пришлось бы бежать на север, в противоположную сторону.

— Нам не удастся прорваться, Карачи, — сказал Хасан.

— Я знаю.

— Если только ты и я не задержим их, дав остальным возможность оторваться от погони.

— Хорошо. Где?

— Возле той ямы с очагом. Деревья там подступают к самой тропе, и они не смогут навалиться на нас скопом.

— Хорошо! — Я повернулся к остальным. — Вы слышали? Пробирайтесь к лошадям! Вас поведет

Фил! Хасан и я будем сдерживать их!

Красный Парик повернула голову и начала что-то говорить.

— Не спорьте! Идите!

И они ушли.

Хасан и я повернули. Здесь, возле ямы, мы решили дать дикарям бой. Оставшиеся члены нашей группы медленно поднимались по лесистому склону, направляясь в обход деревни, чтобы попасть к загону с лошадьми. Толпа валила прямо на нас.

Первая волна нападающих захватила нас на равнине, где тропа выходила со склона на ровную местность. Слева от нас была яма, на дне которой тлел огонь, справа — густые деревья.

Мы убили троих и пустились прочь. Дикари отступили и начали обходить нас с флангов.

Мы стояли спина к спине и отражали все их наскоки.

— Будь у одного из них оружие, мы давно бы стали мертвецами, Карачи.

— Но его у них нет, и в этом пока наше счастье! — рассмеялся я.

Еще один получеловек пал под ударом моего меча. Хасан столкнул на дно ямы другого.

Но теперь они все насели на нас. Один из них

решил кинуться на меня и ранил меня в плечо, другой рубанул по бедру.

— А ну, назад! Назад, уроды!

Услышав этот голос, дикари отступили за пределы досягаемости наших мечей.

Человек, который произнес эти слова, был ниже среднего роста. Его нижняя челюсть двигалась так, будто она была на шарнирах, словно она принадлежала кукле. Его зубы были похожи на костяшки домино — такие же черные и издающие характерный щелкающий звук, когда он открывал или закрывал рот.

— О, Прокруст! — услышал я чей-то шепот.

— Несите сети! — заорал вождь. — Живо! И берите их живьем! Только держитесь подальше от их мечей. Они и так слишком дорого нам обошлись!

Морби был рядом с ним и хныкал:

— Я не знал, мой повелитель…

— Молчи! Твоя поспешность стоила нам бога и многих людей.

— Ринемся вперед? — шепотом спросил Хасан.

— Нет. Но будь готов резать сети, когда они начнут кидать их.

— Нехорошо, что они хотят взять нас живыми, — ответил Хасан.

— Мы многих из них послали в ад, чтобы облегчить себе путь туда, — усмехнулся я, — и пока мы еще держимся и у нас в руках оружие. Чего еще желать?

— Если мы бросимся на них, то заберем с собой еще двоих, возможно, четверых. Если же будем ждать, то они в конце концов накроют нас сетью и мы погибнем, не забрав с собой эти две жизни.

— Какая разница нам, если все равно погибнем? Давайте подождем. А вдруг случится что-нибудь совершенно невероятное?

— Будь по-вашему.

Дикари принесли сети и стали набрасывать их на нас. Нам удалось порезать на куски три сетки, прежде чем мы запутались в четвертой. Куреты затянули сеть и потащили нас.

Мы упали на землю, и нас начали избивать. Больше всех усердствовал Морби.

— Теперь вы умрете так, как мало кто еще умирал, — наконец сказал он, утирая пот с лица.

— Но остальные убежали! — прохрипел Хасан.

— Ненадолго! — усмехнулся Морби. — Мы выследим их и вернем назад.

Я рассмеялся.

— Вы проиграли, Морби. Они обязательно убегут.

Он снова лягнул меня.

— Вот как вы выполняете ваши обязательства? — спросил я. — Ведь Хасан победил Мертвяка?

— Он сплутовал, ваш Хасан. Ваша баба бросила вспышку.

Прокруст появился рядом с Морби, и тот обратился к вождю:

— Давайте отнесем их в Долину Спящих, — сказал он, — Я там уж дам себе волю, а потом оставим, чтобы они не пропали до будущего пиршества.

— Хорошо, — сказал Прокруст. — Так и сделаем.

Хасан, должно быть, сумел освободить свою левую руку, потому что рывком выбросил ее вперед и чуть-чуть не достал до Прокруста.

Прокруст несколько раз ударил его, да и меня раз стукнул ногой для порядка. Затем наклонился и потер царапины на ноге.

— Зачем вы это сделали, Хасан? — спросил я, как только Прокруст отвернулся и приказал привязать нас к кольям, чтобы удобнее было нести.

— Возможно, на моих ногтях еще осталось немного метавинила, — сказал он.

— Что? Где вы его достали?

— Из пуль в моем поясе, Карачи, который у

меня не отобрали. Я покрыл им свои ногти после того, как сегодня заострил их.

— О! Так вы царапали Мертвяка еще в самом начале вашей встречи.

— Да, Карачи. И оставалось только дождаться, пока он свалится. Правда, самое главное было остаться в живых к этому времени.

— А вы образцовый убийца, Хасан!

— Спасибо, Карачи!

Нас привязали к кольям, не снимая сетей. Четверо подняли и понесли нас.

Морби и вождь шли впереди и показывали дорогу. Нас несли почти всю ночь…

Мир вокруг нас стал постепенно меняться. Это Вполне обычно, когда приближаешься к «горячим» местам, и напоминает путешествие во времени в прошлые геологические эпохи. Деревья вдоль тропы становились все более разнообразными. Все чаще стали попадаться огромные папоротники. В пробелы между листьями на нас смотрели незнакомые желтые глаза. Похожие на птиц создания пролетали над нами, где-то далеко впереди тропу закрывало что-то темное.

Чем дальше нас несли, тем деревья становились все ниже и ниже, а промежутки между

ними все шире. Но это уже были не те деревья, которые росли в окрестностях деревни. У этих были искривленные стволы, перепутанные, словно водоросли, ветки. Стволы были покрыты наростами, корни деревьев часто шли над поверхностью земли.

Мелкие невидимые твари с жужжанием разлетались, напуганные светом электрического фонарика Морби.

Подняв голову, я различил слабое пульсирующее свечение как раз на самой границе видимого спектра. Оно исходило откуда-то спереди. Под ногами носильщиков было множество темных стелющихся стеблей неизвестных растений. Они корчились каждый раз, когда кто-то из дикарей наступал на них.

Вскоре из деревьев остались только папоротники, но через несколько минут и они исчезли, их сменили огромные пустоши, покрытые лохматыми, красноватого цвета лишайниками.

Исчезли всякие звуки, издаваемые животными и насекомыми. Здесь стояла уже полная тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием наших четверых носильщиков, звуками шагов и приглушенным стуком автомата Прокруста, когда он задевал прикладом о камни.

За поясом нескольких носильщиков были кинжалы. Несколько кинжалов нес Морби, у которого к тому же был и пистолет.

Тропа круто пошла вверх. Один из наших носильщиков споткнулся, и мы больно стукнулись о землю. Там, где небосвод смыкался с горизонтом, стало отчетливо видно изображение самого пурпурного свечения. Очень высоко по нему проплыл черный силуэт крысс-паука, закрыв на мгновение луну.

Прокруст внезапно упал.

Морби помог ему подняться на ноги, но вождь покачнулся и бессильно повис на плечах «старшего врачевателя».

— Что у тебя болит, повелитель?

— Вдруг… головокружение… Ноги… Немеют. Возьми мой автомат. Он стал тяжелым…

Хасан тихо хихикнул.

Прокруст повернулся к арабу, его нижняя челюсть куклы упала вниз. Затем он упал сам. Морби едва успел подхватить автомат. Стражники поспешно опустили нас на землю и бросились к своему вождю.

— Воды, — прошептал тот и закатил глаза.

Больше он их уже не открывал…

Морби прижал ухо к его груди.

— Он мертв… — медленно произнес он.

— Мертв?!

Носильщик, тело которого было покрыто чешуей, заплакал.

— Он был хорошим, — всхлипывал он. — Великим вождем. Что мы сейчас будем без него делать?

— Он умер, — повторил Морби, — я теперь ваш вождь… Пока не будет объявлен новый. Набросьте на него свои плащи. Оставьте тело на том плоском камне впереди. Зверю сюда не зайти, так что его тело осквернено не будет. Мы подберем его по дороге назад. А теперь мы должны отомстить этим двоим. — Он сделал знак своим жезлом. — Долина Спящих совсем рядом. Вы приняли таблетки, которые я вам дал?

— Да.

— Очень хорошо. Накройте Прокруста своими плащами.

Вскоре нас подняли и вынесли на вершину гряды, откуда тропинка сбегала во флюоресцирующую, покрытую воронками впадину. Огромные скалы, окружавшие это место, казалось, были раскалены.

— Это место, — сказал я Хасану, — мой сын описал как место, в котором нить жизни бежит по

раскаленному камню. Ему привиделось, что моей жизни угрожает Мертвяк, но богиня Судьбы передумала и столкнула нас с этой напастью. Видимо, когда я снился Смерти, это место было выбрано ею, как одно из мест, где я могу умереть…

Носильщики опустили нас на дно выемки, положили на камни и с интересом уставились на Морби. Тот щелкнул предохранителем автомата и отступил назад.

— Освободите грека и привяжите его вон к той колонне, — дулом автомата он показал, к какой именно.

Так они и сделали, крепко связав мои руки и ноги. Скала была гладкая, сырая и, как мне показалось, немного светилась.

То же самое они проделали с Хасаном, привязав его в трех метрах от меня.

Морби поставил фонарь на землю, чтобы мы оказались в желтом полукруге. Четверо куретов, как статуи демонов, стояли сбоку от него. В шести метрах позади себя он поставил автомат, а потом подошел к нам.

На его лице играла улыбка.

— Это Долина Спящих, — обратился он к нам. — Те, кто засыпает здесь, больше уже никогда не просыпается. Тем не менее мясо их хорошо со-

храняется, здорово помогая нам в тяжелые годы. Прежде чем мы вас здесь оставим, — он повернулся в мою сторону. — Вы видите, где лежит мой автомат?

Я ничего не ответил.

— Это оружие мне ни к чему, — продолжал он. — Я сейчас проверю, у кого из вас длиннее кишки. Как вы думаете, — резко обратился он к своим полудикарям, — у кого из них? У грека или у араба?

Дикари молчали.

Тогда Морби вытащил длинный и тонкий кинжал и приблизился ко мне.

Мы не произнесли ни слова.

— Приготовьтесь оба увидеть это сами, — процедил он сквозь зубы. — Я, пожалуй, начну с вас…

Он рванул мою рубашку и разрезал ее сверху донизу. Затем стал многозначительно вертеть у меня под носом кинжалом. Потом он опустил свое оружие к моему животу и слегка уколол кожу, как бы прикидывая, где легче всего причинить максимально больше боли. При этом он не отводил от меня своего взгляда.

— Вы боитесь? — усмехнулся он. — Пока что ваше лицо не выдает этого, но сейчас выдаст.

Взгляните на меня! Я намерен вонзить острие этого кинжала вам в живот очень медленно. Когда-нибудь я пообедаю вашей плотью и уверен, что не разочаруюсь. Что вы на это скажете?

Я рассмеялся.

Его лицо исказилось злобной гримасой, и он недоуменно спросил:

— Вы что, со страху потеряли рассудок, Уполномоченный?

— «Орел» или «решка»? — спросил я его.

Он понял, что я имею в виду. Он начал что-то говорить, но, услышав тяжелый стук о камень, раздавшийся совсем рядом с ним, резко обернулся назад.

Истошный вопль заполнил последнюю секунду его жизни. Сила прыжка Бортана повергла его наземь, а еще через секунду его голова покатилась по камням.

Мой Бортан, мое исчадье ада, наконец-то ты нашел меня…

Куреты испуганно закричали, ибо глаза собаки были как раскаленные угли, а в пасти сверкали два ряда острых, как кинжалы, зубов. Голова его была вровень с плечами высокого мужчины. Дикари схватились за свои мечи и напали на него, но что значат эти легкие железки против брони

на его боках!

Ему понадобилось не больше минуты, после чего они все были разрезаны на части…

— Кто это? — изумленно спросил Хасан.

— Щенок, которого я однажды нашел в мешке в море. Он уже тогда был так силен, что долго не шел ко дну с большим камнем на шее, — ответил я. — Мой Бортан такой же старый, как и я.

У него на лапе была небольшая рана, которую, видимо, он получил во время этой схватки.

— Сначала он искал нас в деревне, — продолжал я, — и жители пытались его остановить. И я не сомневаюсь, что очень много куретов погибло в этом бою.

Бортан подбежал ко мне сзади и облизал мне шею. Он радостно вилял хвостом, как щенок, делая вокруг меня быстрые круги. Он прыгнул ко мне на грудь и снова облизал лицо.

— Ты вернулся, мой старый грязный пес, — тихо сказал я.

— Ты знаешь, что все остальные собаки исчезли с Земли?

Он стал вилять хвостом, подошел ко мне и облизал руку.

— Руки, Бортан! Нужны руки, чтобы освободить меня. Ты должен отыскать их, Бортан, и привести

сюда.

Он поднял кисть, валявшуюся на земле, и положил у моих ног. Затем он снова стал смотреть мне в глаза и махать своим хвостом.

— Нет, Бортан. Живые руки. Руки друзей. Руки, которые развяжут меня, понимаешь?

Он лизнул мою руку.

— Иди и найди руки, которые освободят меня. Живые руки! Давай! Живо! Беги!

Он повернулся и побежал прочь. Затем остановился, огляделся и снова выскочил на тропу.

— Он понял? — спросил Хасан.

— Думаю, что да.

Я посмотрел ему вслед.

— У него не совсем обычный для собаки мозг, и он так много прожил, что, наверное, очень многому научился.

— Тогда будем надеяться, что он отыщет кого-нибудь. Так быстро, что мы не успеем поспать…

12

Ждали мы очень долго. Ночь была холодной. Время от времени нам казалось, что время остановилось для нас. Наши мышцы затекли и тупо ныли. От усталости и недоедания у нас кружилась голова. Веревки грубо впились в наши тела.

— Как ты думаешь, им удалось добраться до нашей деревни? — спросил Хасан.

— Мы дали им неплохой запас времени. Думаю, что они не могли упустить такой возможности.

— С вами всегда было трудно работать, Карачи…

— Я знаю. И сам давно заметил это.

— Как мы все лето гнили на Корсике в темноте…

— Ага.

— Или наш марш в Чикаго, после того, как мы потеряли все наше оборудование в Огайо.

— Да, это был очень неудачный год.

— С вами всегда найдешь неприятности, Карачи. «Рожденный вязать узлы на хвосте тигра» — говорят о таких людях. С такими быть очень трудно. Что касается меня, то я люблю тишину и уединение. Томик стихов и свою трубку.

— Тсс… Я что-то слышу.

Раздался цокот копыт. В узком секторе света от опрокинутого фонарика появился сатир. Движения его были нервными. Глаза его перебегали с Хасана на меня, потом опять на Хасана. Казалось, он не понимал, что здесь произошло.

— Помоги нам, маленький рогатик, — сказал я по-гречески.

Он осторожно приблизился. Увидев кровь на растерзанных телах дикарей, он повернулся, как бы собираясь убежать.

— Вернись! Ты мне нужен! Это я, игрок на свирели!

Он остановился и повернулся к нам. Ноздри его дрожали. Заостренные уши стояли торчком.

Он вернулся. На его почти человеческом лице было написано неизмеримое страдание, когда он переступал через разбросанные останки куретов и лужи крови.

— Кинжал, кинжал у моих ног, — сказал я, опустив глаза. — Подними его.

Казалось, что ему совсем не нравится прикасаться к чему-либо, созданному человеком, особенно к оружию.

Я просвистел последние такты моей новой мелодии на свирели.

«Поздно, поздно, так поздно…»

Его глаза покрылись влагой. Он вытер тыльной стороной своей поросшей шерстью ладони эту влагу и зашмыгал носом.

— Подними кинжал и разрежь веревки. Подними его. Нет, не так. За другой конец. Да, да…

Он правильно взял кинжал и посмотрел на меня. Я пошевелил своей правой рукой.

— Веревки. Режь их!

Он подчинился. У него ушло на это около двадцати минут.

— А теперь дай мне нож, об остальном я сам позабочусь.

Он вложил кинжал в мою правую руку.

Я сжал оружие и через несколько секунд был свободен. После чего я спешно освободил Хасана.

Когда я обернулся, малыша уже не было, и только частый цокот его копыт еще долго стучал в наших ушах.

— Дьявол простил меня… — прошептал Хасан.

Мы постарались побыстрее убраться отсюда. Как-никак, все же «горячее» место. Мы сделали крюк вокруг деревни куретов и двинулись на север, пока не вышли на тропинку, в которой я признал дорогу на Волос. То ли Бортан нашел сатира и каким-то образом заставил его пойти к

нам, то ли он случайно набрел на нас — этого я не знал. Бортан, однако, не вернулся, поэтому я был склонен ко второму варианту.

Ближайшим безопасным местом был городишко Волос, примерно в двадцати километрах отсюда. Если Бортан убежал туда, где его могли узнать многие родственники, то до его возвращения должно было пройти немало времени. То, что я послал его за помощью, было чем-то вроде жеста отчаяния. Если бы он отправился в любое другое место, кроме Волоса, то я не имел бы ни малейшего представления, когда он вернется. Но в любом случае я надеялся на то, что он снова найдет меня.

Пока что мы старались идти как можно, быстрее.

Но уже примерно через десять километров мы стали падать от усталости. Мы понимали, что идти дальше, не отдохнув, мы уже не в состоянии и поэтому внимательно следили за окрестностями, стараясь отыскать безопасное место, где можно было выспаться.

В конце концов, я узнал один крутой скалистый холм, где я еще мальчишкой пас овец. Небольшая пещера пастуха, расположенная неподалеку от вершины, была сухой и пустой. Мы натолкали в

нее немало чистой травы для подстилки, забросали ветками вход и с облегчением растянулись на земле. Уже через несколько секунд Хасан начал мерно похрапывать. Мой же мозг еще несколько секунд бодрствовал, и в эти секунды я понял, что из всех земных удовольствий — ни глоток холодной воды после жажды, ни спиртное, ни секс или сигарета, после многих дней воздержания — ничто не может сравниться со сном.

Сон — лучше всего!

Я мог бы сказать о том, что, если бы наш отряд избрал более долгий путь из Ламии до Волоса — прибрежную дорогу, то всего того, что с нами приключилось, скорее всего, никогда бы не произошло, и Фил сегодня был бы еще жив. Но я не могу реально судить о том, что произошло бы в этом случае; даже теперь, оглядываясь назад, я не могу с уверенностью сказать, плохо или хорошо то, что мы поступили именно так, а не иначе. В любом случае следом за нами, простирая к нам руки, среди руин, шествовали силы окончательного раскола…

К Волосу мы вышли в полдень следующего дня. После того как мы пересекли глубокое ущелье, возле Макриницы, мы обнаружили всех остальных членов нашей группы.

Фил вывел их к Макринице, попросил бутылку вина и экземпляр своего перевода «Прометей Раскованный», а утром Диана нашла его давно похолодевшим, с улыбкой на устах.

Погребальный костер я намеревался устроить в кедровой роще вблизи от разрушенного монастыря: ведь Фил не хотел, чтобы его тело было погребено. Итак, я прощался еще с одним другом. Кажется, если оглянуться назад, то вся моя жизнь в основном была чередой приходов и уходов близких мне людей. То я говорил: «Здравствуйте», то «До свидания». И только Земля еще оставалась со мной.

Днем я пошел вместе с группой в Паласаве, который расположен на месте древнего Малка, на мысу напротив Волоса. Мы стояли в тени маленьких деревьев на холме, откуда открывался великолепный вид на море и на скалистые склоны.

— Именно отсюда аргонавты отправились на поиски Золотого Руна, — сказал я, не обращая свои слова ни к кому конкретно. — Это точно.

— Кто был среди них? — спросила Эллен. — Я читала рассказ об этом в школе, но сейчас уже забыла.

— Среди них был Геракл и Лисей, певец Орфей,

сыновья бога северных ветров и Ясон, их предводитель, который был учеником кентавра Хирона, пещера которого как раз находится неподалеку отсюда, около самой вершины Пелион.

— Правда?

— Я покажу ее когда-нибудь.

— О, как интересно!

— В окрестностях этих мест боролись также боги и титаны, — заметила Диана, став рядом со мной. — Разве титаны не вырвали из земли гору Пелион, пытаясь добраться до Олимпа?

— Да, об этом говорят мифы. Однако боги были добры и после окончания кровавой битвы восстановили это место таким, каким оно было прежде.

— Парус!

На горизонте действительно появилось белое пятнышко.

— Да, этим местом до сих пор пользуются в качестве гавани.

— А может быть, это ватага героев, — заметила Диана, — возвращается еще с одним руном? Если это так, то было бы очень интересно узнать, что они бы с ним делали?

— Важно не само по себе руно, — пояснила Красный Парик, — а то, как оно добывалось. Каждый

хороший рассказчик отчетливо понимает это.

— По ту сторону дороги, — сказал я громко, — находятся развалины византийского монастыря, который, по утвержденному мною графику, будет реставрирован через два года. Считается, что именно здесь проходил свадебный пир Пелея, одного из аргонавтов, и морской нимфы Фелиты. Вероятно, вы слышали сами историю этого пира? Были приглашены все, кроме богини Раздора, но она все-таки пришла и подбросила яблоко с надписью: «Самой прекрасной». Парис присудил его Афродите, и этим была предрешена судьба Трои. Впоследствии все, кто встречал Париса, видели, что он был очень несчастен. О, так тяжело принимать решения. Как я уже говорил, эта земля полна мифов.

— Сколько времени мы здесь пробудем? — спросила Эллен.

— Мы хотели провести еще пару дней в Макринице, — сказал я, — а затем мы могли бы двинуться на север. В Греции мы, значит, проведем еще примерно неделю, а потом отправимся в Рим.

— Нет! — сказал Миштиго, который все это время сидел на камне и что-то диктовал в свою машинку. — Нет, путешествие на этом можно

считать законченным. Это была наша последняя остановка.

— Как же так?

— Я полностью удовлетворен и намерен отправиться домой.

— А как же ваша книга?

— Я вышлю вам по экземпляру с автографом, когда она будет закончена. Мне очень дорого время… и я собрал почти весь необходимый материал. Сегодня утром я вызвал Порт-о-Пренс, и скиммер будет послан за мной сегодня вечером. Вы можете продолжать путешествие, но я его уже закончил.

— Что-нибудь было не так?

— Нет, все в порядке, но мне пора уезжать. У меня еще довольно много работы.

Он встал и потянулся.

— Мне еще нужно кое-что упаковать… У вас здесь действительно красивая страна, Конрад, несмотря ни на что. Мы еще встретимся за обедом.

Он повернулся и стал спускаться с холма.

Я сделал несколько шагов за ним, следя за тем, как он благополучно спустился.

— Интересно, что это его побудило так спешить? — громко спросил я?

— Он умирает… — тихо отозвался Джордж.

Мой сын Ясон, который опередил нас на несколько дней, исчез. Соседи сказали, что за день до нашего прихода он вечером отправился в царство Аида. Он отправился туда на спине огромной собаки с огненными глазами. Она мчалась, как бешеная, и быстро исчезла в ночной тьме.

Мои родственники очень хотели, чтобы мы остались на обед. Дос Сантос все еще отдыхал. Джордж лечил его раны и считал, что вовсе не обязательно отправлять его в госпиталь в Афинах.

Всегда приятно возвращаться домой.

Сначала я пошел на главную площадь и провел всю вторую половину дня, беседуя со своими потомками. Я им рассказал о Таллере, о Гаити, об Афинах. Они же рассказывали мне о том, что произошло за последние несколько лет в Макринице.

Затем я выбрал цветы и направился на кладбище, немного там побыл и вернулся домой, к Ясону. Там я нашел бутылку вина и выпил ее всю. Выкурил сигарету. Затем заварил полный кофейник и выпил кофе.

И тем не менее мое уныние не проходило. Окончательный финал всего происходящего до

сих пор был мне неясен.

Джорджу болезнь веганца, оказывается, была известна. Он сказал, что у веганца все симптомы тяжелого нервного расстройства. Неизлечимого. Безусловно, со смертельным исходом.

Хасан был здесь совершенно ни при чем. «Причины этой болезни неизвестны» — таков был диагноз Джорджа. В связи с этим вся наша программа требовала полнейшего пересмотра.

Джордж узнал о болезни Миштиго еще до нашего путешествия. Что навело его на след? Фил попросил его понаблюдать за веганцем, чтобы выяснить, нет ли у него признаков какой-то неизлечимой болезни.

Почему?

Он не сказал почему. И теперь я уже не могу спросить об этом. Проблему эту предстояло решить мне. Завершил ли Миштиго свою работу или у него не осталось времени, чтобы это сделать? Он сказал, что закончил. Если же он ее не закончил, то получается, что все это время оберегал фактически мертвеца без всякой на то пользы! Если же он ее закончил, то мне необходимо знать результат этой работы.

Обед не дал ничего нового. Миштиго сказал все, что хотел сказать, и не обращал внимания ни

на какие вопросы, либо отмахивался от них. Поэтому, как только мы выпили кофе, я и Красный Парик вышли наружу покурить.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю.

— Что же теперь?

— Не знаю.

— Убить его?

— Возможно, да. Хотя сначала нужно выяснить — зачем?

— Он завершил свою работу.

— Ну и что? В чем она заключалась?

— Откуда мне знать?

— Черт побери! Я должен это знать! Мне хочется знать причину, по которой я убиваю кого-то. Меня это очень интересует.

— Интересует? Очень? Да ведь это же очевидно. Веганцы хотят скупить у нас всю Землю. Поэтому Миштиго должен срочно дать отчет о тех местах, которые интересуют их больше всего…

— Тогда почему он не посетил все намеченные места? Почему он ограничился только Египтом и Грецией? Пески, скалы, джунгли, ужасные чудовища — вот и все, что он успел увидеть. Вряд ли все это может привлечь внимание инопланетян.

— Он испугался! И поэтому бежит! Он прямо

дрожит от счастья, что остался в живых. Ведь его свободно могли слопать и куреты, и боадил, и черт знает кто еще!

— Ну, что ж, хорошо. Тогда пусть себе бежит. Пусть он передаст им плохой отчет.

— А этого он не может допустить. Если они на самом деле хотят возвратиться к вопросу о покупке, они не станут раскошеливаться на основании обрывочных данных. Они просто пришлют еще кого-нибудь посмелее, чтобы завершить дело. Если мы убьем Миштиго, они поймут, что мы сейчас представляем реальную силу. Что будем делать попытки бороться против всякого…

— Но он не боится за свою жизнь, — задумчиво произнес я.

— Не боится? Тогда как же все это объяснить?

— Не знаю… Я, однако, обязан все это скорейшим образом выяснить.

— Как?

— А что, если я спрошу у него?

— Ты псих! — сказала она и отвернулась от меня.

Она стояла неподвижно, как статуя. Потом я взял ее за плечи и поцеловал в шею.

— Иди домой, — наконец вымолвила она. — Уже поздно.

Я вернулся в просторный дом Ясона Короноса, где расположились я и Миштиго. И где провел свою последнюю ночь Фил. В комнате, где он не проснулся, томик «Прометея» все еще лежал на письменном столе рядом с пустой бутылкой. У меня, пока он еще был жив, сложилось твердое ощущение, что он чего-то не договаривает.

Поэтому я открыл книгу.

Его последнее произведение было написано на чистых листах в конце книги, по-гречески, но не на современном греческом, а на старом, классическом.

Вот оно:

«Дорогой друг! Я плохо себя чувствую, и Джордж хочет переправить меня в Афины. Я не возражаю и отправлюсь туда уже завтра, когда прибудет скиммер. Поэтому сейчас я должен прояснить многое, касающееся наших насущных дел.

Веганец должен покинуть Землю во что бы то ни стало живым — живым любой ценой. Это очень важно. Я боялся вам рассказать об этом раньше, так как опасался того, что Миштиго мог оказаться телепатом. Поэтому я присоединился к вам позже, в Греции, хотя с радостью посетил бы и Египет. Именно поэтому я притворился, что ненавижу его, чтобы быть от него как мож-

но дальше, и только после того, как я получил неопровержимые доказательства того, что он не телепат, я решил присоединиться к вам.

Я подозревал, что, раз здесь оказались Дос Сантос, Диана и Хасан, значит, Рэдпол жаждет его крови. Если бы он был телепатом, полагал я, то он бы об этом быстро узнал и сам предпринял бы необходимые меры предосторожности. Если же он телепатом не был, то я всецело полагался на ваши способности защитить его от чего угодно, включая и Хасана. Но мне не хотелось, чтобы он узнал о том, что мне известно. Однако я пытался предупредить вас, если помните.

Татрам Миштиго, его дети — одни из прекраснейших, наиболее благородных, разумных обитателей Вселенной, когда-либо в ней живших. Он философ, великий писатель, бескорыстный служитель общества. Я познакомился с ним во времена моего пребывания на Таллере тридцать с лишним лет назад, и впоследствии мы были с ним большими друзьями. Мы поддерживали переписку друг с другом до тех пор, пока он сам не приехал на Землю, и еще тогда он делился со мной намерениями Федерации Веги относительно будущего Земли. Я поклялся, что буду держать все в тайне, даже Корт не знает, что я обо всем

осведомлен. Старик мог бы поплатиться своим авторитетом и положением, если бы это вышло наружу раньше времени.

Веганцы находятся в весьма щекотливом положении. Наши соотечественники-эмигранты своим трудом добились того, что Вега очень сильно зависит от них и в культурном, и в экономическом положении. Веганцам дали понять — и притом недвусмысленно, во время восстания Рэдпола, — что имеется туземное население, располагающее мощной организацией и желающее возрождения своей планеты. Веганцам тоже этого хотелось. Им Земля не нужна. И на что она им? Если им нравится эксплуатировать землян, то на Таллере их гораздо больше, чем на самой Земле, а ведь они, в общем-то, не эксплуатируют, во всяком случае умышленным образом.

Наши бывшие соотечественники и сами решили, что лучше пользоваться плодами своего труда на планете другой системы, чем возвращаться на Землю. Но что это означает? То, что движение за Возвращение зашло в тупик! Никто не возвращается! Вот почему я и отошел от этого движения. По этой причине, я уверен, отошли от него и вы. Веганцы хотят, чтобы проблема нашей родной планеты не висела камнем на их шее. Хотя, с дру-

гой стороны, они хотят посещать Землю. Для них очень поучительно смотреть на наше настоящее лицо — протрезвляющий и устрашающий урок того, что можно сделать с целой планетой.

Что нам нужно было сделать — так это найти способ обойти наше правительство, наше эмигрантское правительство, расположенное на Таллере. Таллериты вовсе не хотят просто так отказаться от правления, но единственный источник существования этого кукольного правительства — налоговый сбор с Земли.

После долгих переговоров и серьезных экономических обещаний, включая предоставление землянам на других планетах полного статуса гражданства Веги, казалось, такой способ был найден. Осуществление этого плана было поручено представителю рода Штиго, и в частности самому Татраму. Так как он был уверен, что в конце концов нашел способ возвращения Земле ее автономии и сохранения ее культурной целостности! Вот почему он послал своего внука Корта в эту „инспекторскую“ поездку. Корт — существо весьма необычное. Его подлинным талантом является эгоизм, им наделены все Штиго в немалой степени, и он обожает перевоплощения.

Я уверен в том, что он хочет разыграть роль при-

шельца — этого ужасного и грубого существа, и я не сомневаюсь, что в этом он преуспел блестяще. Татрам также сообщил мне, что это будет последняя роль Корта. Он умирает от неизлечимой болезни. Я уверен, что это та причина, по которой для этой поездки был выбран именно он.

Поверьте мне, Константин Карагиозис (Коронес, Номикос, Конрад) плюс все остальные известные мне имена, что он вовсе не обозревает недвижимость, оставшуюся на Земле. Нет.

Поверьте мне на слово, что он должен жить, и обещайте мне выполнить мою просьбу: сохраните все в тайне. Вы не пожалеете, когда все узнаете.

Мне очень жаль, что я так и не удосужился закончить элегию в вашу честь, и будьте прокляты за то, что вы не вернули мою Дару тогда, в Греции…

Ф и л».

«Что ж, очень хорошо, — решил я, — жизнь, а не смерть веганцу!»

Я не сомневался в том, что Фил знает, о чем просит!

Я вернулся к обеденному столу Коронеса и остался с Миштиго, пока он не ушел. Я сопровождал его, когда мы возвращались к дому Ясона

Коронеса, и помогал ему упаковаться. За все это время мы обменялись не более, чем десятью словами. Затем мы вынесли его вещи и поставили перед домом, на том месте, где должен был приземлиться скиммер. Перед тем, как остальные, включая и Хасана, подошли попрощаться с ним, он повернулся и сказал:

— Скажите мне, Конрад, для чего вы разрушили пирамиду?

— Чтобы вызвать раздражение у Веги, — произнес я. — Чтобы вы поняли, что если вы все еще желаете этой планеты, то вы получите ее еще в более худшем состоянии, чем после Трех Дней. На ней не останется ничего, на что можно было бы поглядеть. Мы уничтожим все, что осталось от нашей истории, не оставив вам ни крошки…

Воздух с присвистом вышел из глубины легких.

— Я полагаю, что это похвально, — сказал он, — но мне так хотелось взглянуть на нее. Вы думаете, что когда-нибудь вам удастся восстановить ее? Может быть, даже скоро?

— Почему вы так считаете?

— Я заметил, что ваши люди помечают каждый камень.

Я пожал плечами.

— У меня есть только один серьезный вопрос относительно вашей страсти к разрушению, — сказал он.

— Какой же?

— Это в самом деле искусство?

— Идите к черту!

Затем к нам подошли все остальные. Я медленно покачал головой, так, чтобы видела только Диана, и схватил кисть Хасана. Затем, незаметно для других, я отцепил приклеенную к его ладони тонкую иглу. И только после этого я позволил ему обменяться рукопожатием с веганцем.

В темнеющем небе зажужжал скиммер. Я помог Миштиго взобраться в него, передал ему его личные вещи и основательно прихлопнул дверь скиммера. Все!

Отлет прошел безо всяких происшествий. Я вернулся домой и сменил одежду.

Пришла пора хоронить друга…

13

Хасан помог мне погрузить труп на подводу и взялся за вожжи. Дос Сантос, который не одобрял кремации, решил остаться в деревне, сказав, что болят его раны. Диана осталась вместе с ним. После нашей последней беседы она больше не разговаривала со мной.

Когда пламя костра достигло вершины деревянной конструкции, на которую мы водрузили тело Фила, я увидел невдалеке от нашей подводы Ясона и сидевшего рядом с ним Бортана. От неожиданности я отпрянул назад. Бортан подбежал ко мне и лизнул руку.

— Могучий охотник, мы потеряли друг друга, — сказал я.

Он кивнул своей огромной головой.

Пламя начало пожирать доски. Воздух наполнился ароматом благовоний и запахом горящей смолы.

Ясон подошел ко мне.

— Отец, — сказал он, — Бортан довез меня до того места со светящимися скалами, но там уже никого не было.

Я кивнул:

— Друг-получеловек освободил меня. А перед этим вот он, — я указал на Хасана, — убил Мертвяка. Так что твой сон был верным и неверным.

— Он и есть Желтоглазый воин из моего сна.

— Знаю, но это уже в прошлом.

— А Черный Зверь?

— Ни слуху ни духу.

— Хорошо.

Мы долго смотрели на всепожирающее пламя. Несколько раз уши Бортана тревожно поднимались и ноздри расширялись. Джордж и Эллен сидели не шевелясь. Хасан невозмутимо смотрел на яркий огонь отрешенным взглядом.

— Что вы теперь будете делать, Хасан? — спросил я у него.

— Вернусь к горе Зинджар, — сказал он. — И надолго.

— А потом?

Он пожал плечами.

— Не знаю, что еще написано мне на роду…

И вдруг устрашающий вой наполнил ночь, подобно стону безумного гиганта, и он сопровождался звуками ломающихся деревьев.

Бортан весь напрягся и зарычал. Ослы, которые были запряжены в повозку, беспокойно задергались. Один из них стал громко и резко кричать.

Ясон выхватил палку из костра, и осел замолчал.

И тут прямо на поляну вырвалось такое огромное и уродливое, что не могло бы даже присниться в самом кошмарном сне.

Пожиратель людей…

Могучий и отвратительный. Черный Фессальский Зверь.

Наконец-то можно было увидеть, что он представляет из себя на самом деле. Его привлек, видимо, запах горящей плоти. Он был огромен. Размером со слона, не меньше.

Каков был четвертый подвиг Геракла? Дикий зверь из Аркадии! Мне вдруг захотелось, чтобы рядом со мной возник Геракл.

Огромный кабан… Щетина острая, как кинжалы. Клыки длиной с человеческую руку. Крохотные свинячьи глазки, безумно бегающие из стороны в сторону.

Деревья валились там, где он бежал.

Когда Хасан выхватил из костра горящее полено, он взвизгнул. А когда араб ткнул это полено чудовищу прямо в рыло, вепрь отпрянул и зарычал.

Я схватил палку, которую все еще держал Ясон, и побежал вперед. Никто не успел ничего сообразить, а я уже воткнул свое оружие в глаз кабана.

Он снова отклонился и пронзительно взревел, как сирена. Бортан бросился на него и вцепился зубами в ногу.

Я дважды ткнул своим колом в горло, но, раны эти оказались поверхностными. Тварь изогнулась, несколько раз метнулась из стороны в сторону, и в конце концов стряхнула с себя Бортана.

Хасан был рядом со мной, размахивая горящей веткой.

Вепрь бросился на него.

Откуда-то сбоку Джордж выпустил в него весь диск из автомата. Хасан швырнул факел, Бортан снова прыгнул, на этот раз с другой стороны. Все это заставило чудовище еще раз прыгнуть в сторону. Теперь он вдребезги разломал пустую подводу и убил двух ослов.

Я подбежал к нему, тыча своим колом снизу вверх возле его левой передней ноги. Кол переломился надвое. Бортан продолжал кусать зверя, яростно крутясь вокруг него и тем самым отвлекая его от нас. Мы с Хасаном непрерывно тыкали в него наиболее острыми палками. Гигантские копыта вепря рыли землю. Единственный выпученный глаз искал нас, чтобы поднять на свои огромные клыки.

В конце концов чудовищу удалось отшвырнуть от себя Бортана, и, пока пес не успел еще вскочить на ноги, вепрь набросился на него, низко наклонив голову.

Я отшвырнул палку и прыгнул к нему как раз в тот момент, когда он приготовился нанести смертельный удар. Я схватился за оба бивня, но вепрь яростно мотал головой, и я взлетел в воздух. Еще сверху я увидел, что Бортану удалось подняться и отскочить в сторону.

Падение оглушило меня, но все же я расслышал дикий визг обезумевшего кабана. Хасан тоже что-то кричал, пытаясь перекричать рычание.

…Яркая молния Зевса дважды расколола черное небо, после чего наступила тишина.

Я медленно поднялся на ноги.

Хасан стоял у погребального костра, держа в руках горящую палку.

Бортан обнюхивал корчившуюся в смертельной агонии гору плоти.

Под кипарисом, рядом с трупом осла, стояла Кассандра, упершись спиной в ствол дерева, держа в руке все еще дымящуюся винтовку для охоты на слонов. На ней были кожаные штаны и синий шерстяной свитер.

Она улыбалась.

— Кассандра!!!

Она выронила винтовку и побледнела, и сама стала медленно опускаться на землю. Но прежде чем она коснулась земли, я сумел подхватить ее на руки.

— О, я о многом спрошу тебя, дорогая, но сейчас молчи. Давай просто сядем с тобой под этим деревом и будем глядеть на костер.

Через месяц Дос Сантос был изгнан из Рэдпола. О нем и о Диане я больше ничего не слышал, кроме разве что слухов о том, что они поселились на Таллере и теперь живут там.

Я надеялся, что это неправда, судя по событиям этих пяти дней. Я знаю о Красном Парике далеко не все и думаю, что никогда большего не узнаю. Но, если доверяешь кому-либо, я имею в виду надеешься на кого-либо, и если этот кто-либо тебе не безразличен, все же будешь стараться быть неподалеку от этого человека, чтобы убедиться — прав он был или нет, несмотря на размолвку. Она, однако, могла поступить иначе, и я уверен, что теперь, в этот момент, может уже и раскаивается.

Не думаю, что еще когда-нибудь увижу ее.

Вскоре после чистки в рядах Рэдпола Хасан покинул свою гору Зинджар и некоторое время

был в Порт-о-Пренсе. Затем он приобрел большое судно и однажды утром ушел на нем в море, не попрощавшись и ничего не сказав о цели своей поездки. Полагали, что он где-то нашел себе новую работу. Через несколько дней после этого пронесся слух из Тринидада, что его выбросило на берег Бразилии и он нашел смерть от рук кровожадных дикарей, обитавших в тех местах. Я попытался, было, проверить это, но у меня так ничего и не получилось.

Тем не менее через два месяца Рикардо Бонавентура, председатель Союза против разрядки и прогресса одной из фракций, отколовшихся от Рэдпола (партия радикальной политики), умер от апоплексического удара прямо на заседании одной из секций своей партии. Ходили слухи, будто бы его отравили. На следующий день после отравления председателя исчез один из его боевиков вместе с содержимым партийного сейфа. Говорят, что это был крупный желтоглазый мужчина с восточными чертами лица…

Ясон продолжает пасти своих многочисленных овец среди холмов и несомненно развращает молодежь своими песнями.

Эллен снова беременна и ни с кем не разговаривает, кроме Джорджа. А тот стремится, пока еще

не поздно, провести над зародышем какую-то фантастическую операцию, чтобы его очередной ребенок мог дышать как на суше, так и под водой, ибо ему хочется стать основателем новой расы людей, которые смогут освоить океанские глубины. Эллен не очень-то воодушевлена этой идеей, и, как мне кажется, глубины океана еще долго будут оставаться девственными.

Некоторое время назад я отвез Джорджа в Капистрано понаблюдать брачные игры крысс-пауков. Это действительно внушительное зрелище — их полет среди развалин, их охота на диких кабанов. Лорел показывает фильм об этом в цвете и объеме на каждом званом ужине в Управлении, ибо теперь это что-то вроде исторического документа о крысс-пауках, которых становится все меньше благодаря эпидемии, которая вспыхнула среди них после того, как Джордж серьезно занялся их истреблением. Они теперь стали дохнуть, как мухи. Только на прошлой неделе один из них шлепнулся прямо посреди улицы, когда я спешил к Мамаше Джулии за бутылкой рома и ящиком шоколада. Упавший мутант подыхал у меня на глазах. Он даже не успел сообразить, что с ним произошло. Он вполне счастливо летел себе, думая, как бы закусить, и вдруг внутри у него что-то

щелкает и он камнем падает вниз.

Я решил поддержать Управление, во всяком случае, в обозримом будущем. В мои намерения входило также создать партию оппозиции к Рэдполу — что-то вроде партии независимого Возрождения.

Добрые старые политические интриги… Мы не в состоянии отказаться от них даже среди развалин.

А Кассандра — моя принцесса, мой ангел, мой идеал — я без лишая нравлюсь ей еще больше. Он исчез после нескольких опытов, проведенных в Долине Спящих. Моя госпожа была как раз в той лодке, парус которой Хасан увидел на берегу моря. Это не был корабль, полный героев. Зато на нем был почти весь мой арсенал. Она успела выйти в море, как только раздались первые подземные толчки, а лодка, которую я собственноручно построил, выдержала цунами, последовавшее после того, как большая часть острова Кос рухнула в море.

После этого она направилась в Волос, потому что помнила, что в Макринице полно моих родственников. И какое счастье, что у нее было предчувствие, что там ее поджидает какая-то опасность, и поэтому она не поленилась попрак-

тиковаться в употреблении тяжелого оружия.

Я приобрел виллу на противоположном от Порт-о-Пренса берегу Гаити. Она всего лишь в двадцати минутах полета на скиммере от столицы, огромный пляж и дремучие джунгли вокруг него: мне требуется некоторое время и расстояние между собой и цивилизацией. На следующий день, когда на меня посыпались различные поверенные, они не поняли надписи: «Остерегайтесь собаки!» Сейчас эта надпись уже не нужна.

И вот я, как и все мы, оказался в самой обыкновенной ситуации. Вся планета Земля была приобретена у правительства на Таллере. Приобретена огромным и могущественным кланом Штиго. Подавляющее число эмигрантов желали, чтобы им было предоставлено гражданство Великой Федерации Веги. Для них было намного удобнее это, чем оставаться в подчинении у правительства и работать в Федерации на правах зарегистрированных инопланетян. К этому они стремились довольно долго и передача Земли, как таковой, сводилась к тому, чтобы найти покупателя получше. Существование нашего правительства можно было оправдать лишь до тех пор, пока существовали на планетах Федерации земляне. Но теперь они стали полноправными

гражданами Веги, и у правительства не осталось подданных, кроме горстки жителей самой Земли, практически его не признававших.

Итак, с молотка шла крупнейшая недвижимость, и единственным покупателем был клан Штиго.

Однако мудрый Татрам понимал, что клану Штиго вовсе незачем владеть целой планетой. Покупка была оформлена на имя его внука, Корта Миштиго, вскоре после чего новый владелец скончался. В его завещании, согласно последней воле усопшего, в качестве его наследника… был назван я!

Таким образом, я унаследовал целую планету, название которой — Земля!

Что ж, я этого не добивался, умышленно, во всяком случае, хотя все, что я ни делал за свою жизнь, вне зависимости от моей воли, предопределило именно этот исход.

Все началось с того, что Татрам начал изучать всю информацию о землянах, заключенную в четырех огромных компьютерах, и акты записи гражданского состояния. Он искал туземного администратора, в управление которого можно было бы передать Землю с последующим образованием представительного правительства,

которому этот администратор, с течением времени, должен был передать свои права на владение планетой, предоставленные ему кланом Штиго. Ему нужен был кто-нибудь, кто долгое время жил на этой Земле, обладал организаторскими способностями и у которого не было бы желания навечно закрепить за своими потомками полученную собственность.

Среди других имен машины назвали сначала мое имя, затем другое, причем это второе — как «возможно, еще не умершего». Затем было просмотрено мое личное дело, затем дело, соответствующее второму имени. Вскоре машина выдала еще несколько имен, и все они были моим именем. Машина начала сортировать несоответствия и те признаки, которые совпадали, и по мере накопления данных начала делать выводы. Ответ был ошеломляющий! Добрых полдюжины считавшихся разными людьми слилось в одном…

Конраде Номикосе.

Поэтому Татрам и решил, что меня нужно хорошенько обследовать, как весьма удивительного феномена.

Миссия эта была возложена на Корта. Он должен был окончательно решить, являюсь ли я

добрым, честным, благородным, благонадежным, безупречным, преданным, достойным доверия, бескорыстным, благонравным, лишенным всяческого честолюбия.

Результат этого обследования гласил:

«Да, он обладает всеми. этими качествами!»

Я, безусловно, одурачил его.

Хотя, возможно, он был прав в отношении отсутствия честолюбия. Я чертовски ленив, и мне совсем не улыбается тащить на плечах груз всех земных страданий изо дня в день, без сна и отдыха.

Но тем не менее я обязательно добьюсь для себя определенных привилегий в обеспечении своих личных удобств. И, по всей вероятности, установлю, что отпуск мой будет длиться не менее шести месяцев.

И один из поверенных, конечно не первый (тот долго еще отлеживался в больнице), доставил мне послание Корта Миштиго.

Вот оно:

«Дорогой… Не-знаю-каким-именем-вас-назвать!

Очень неудобно таким образом начинать письмо, поэтому я, идя навстречу вашим пожеланиям, буду называть вас Конрадом.

Так вот, Конрад, теперь вы поняли истинную сущность моего визита. Я чувствую, что я совершил правильный выбор, назвав вас в качестве наследника собственности, общепринятой называться — Земля! Нельзя отрицать вашу глубочайшую к ней привязанность.

Как Карагиозис вы вдохновляете людей на то, чтобы они проливали свою кровь, защищая Землю. Вы восстановили ее исторические памятники, сохранили произведения искусства (одно из обязательных условий моего завещания, между прочим, в том, что я настаиваю на восстановлении пирамиды Хеопса), а ваша изобретательность, так же как и ваша несгибаемость, физическая и духовная, в высшей степени уникальна и удивительна.

Вы также оказались наиболее близким к бессмертию из всех возможных кандидатов (многое я бы отдал за то, чтобы выяснить настоящий ваш возраст), и это, вместе с вашей высокой потенциальной вызываемостью, делает вас, по сути, единственным кандидатом. Если же даже ваша мутацию начнет вам изменять, то всегда есть возможность восстановить ее и прибегнуть к курсу Спранга-Самсера, чтобы продолжить гигантскую череду дней вашей жизни.

Меня так и подмывает назвать вас самым старым из всех известных мне плутов, но это будет невежливо по отношению к вам, ибо, насколько мне известно, вы хоть и законченный обманщик, но все же не плут, ибо не из корысти вы подделали все эти записи в личном деле. Вы довели компьютеры до безумия своими подделками. Сейчас в их программах нет, не считая метрических свидетельств, ни одного грамма документов, удостоверяющих ваш возраст.

Я верю, что делаю правильно, передавая Землю в руки Калликанзарида. Согласно легенде, это может быть роковой ошибкой. Тем не менее я рискну утверждать, что даже это вы присвоили себе, причем просто из озорства, скорее всего. Вы разрушаете только то, что намереваетесь восстановить. Вероятно, вы и есть тот великий бог Пан, который только притворяется, что умирает. Каким бы огромным ни было данное вам сходство, ваши потребности будут удовлетворены. Уже в этом году на Землю будет выслано большое количество самых разнообразных и сложнейших механизмов и каталоги для заявки на любое другое оборудование, которое может вам понадобится.

Ступайте и плодитесь, становитесь вновь хо-

зяевами своего дома. Не стесняйтесь просить помощь — она будет предоставлена.

У меня не осталось времени написать про вас книгу. Очень жаль. А вот автограф я, как и обещал, вам высылаю…

Корт Миштиго».

Вот в чем суть: бог Пан!

Надеюсь, что все-таки не бог.

Земля — жуткое место для обитания, дикое и жестокое. Руины должны быть расчищены, квартал за кварталом, только после этого можно приниматься за постройку. Это означает работу, много работы. Это означает, что мне понадобятся услуги Управления, а также самого Рэдпола, для того чтобы начать работу. Сейчас я никак не могу решить, сохранить ли экскурсии по нашим руинам. Думаю, что лучше пусть они продолжаются, потому что когда-нибудь у нас будет что показать туристам, показать новое и замечательное.

Человеку свойственно, удовлетворяя свое любопытство, останавливаться на дороге и смотреть сквозь дырки в любом заборе: какое строительство за ним ведется. Теперь у нас есть деньги, что создает совершенно новую ситуацию. Возможно, даже движение за Возвращение снова возродится. Однако если бывшие земляне все захотят

остаться веганцами, то и пусть! Мы против них ничего не имеем и можем обойтись и без них. Остаток населения Земли — его уход на другие планеты прекратится, как только у ее обитателей появится новое дело, как только они поймут, что у них появилось будущее. Мы добьемся своего. Я устал уже быть кладбищенским сторожем.

Кассандра влюблена в нашу виллу на этом волшебном месте. Я тоже. Она уже больше не возражает против моего неопределенного возраста. И это очень хорошо. Как раз сегодня утром, когда мы лежали на пляже, любуясь, как восходящее солнце разгоняет с небес звезды, я повернулся к ней и напомнил, что нам предстоит тяжелая и большая работа, полная мелких хлопот и неприятностей.

— Нет, это не так, — ответила она.

— Не преуменьшай того, что нас ждет. Ты слишком оптимистична, Кассандра.

— Нет! Я говорила тебе раньше, что тебе будут угрожать различные напасти, и так оно и было, но тогда ты мне не верил. Теперь же я чувствую, что все будет хорошо.

— Согласен, в прошлом твои предсказания сбывались. Но все равно у меня ощущение, что ты недооцениваешь те трудности, которые нам

предстоят.

Она вскочила и топнула ногой.

— Ты никогда мне не верил!

— Конечно, верил. Только вот на этот раз ты ошибаешься! Она ушла прочь от меня, моя сумасшедшая русалка, налево, в черные воды. Через некоторое время она вернулась.

— Хорошо, — сказала она, улыбаясь и стряхивая струйки воды с волос. — Может быть, ты и прав.

Я поймал ее за ногу и потянул к себе.

— Прекрати!

— Я верю тебе, Кассандра! В самом деле! Слышишь? Я в самом деле верю тебе! Ты всегда…

— А ты всегда был противным, хитрым Калликанзаридом. Я думаю, что здесь самое подходящее время закончить свой рассказ…

Остров мертвых

РОМАН

Остров мертвых

Глава 1

Жизнь, прошу простить за маленькое философское отступление, прежде чем станет ясно, что за историю я собираюсь рассказать, иногда напоминает мне берег Токийского залива.

Конечно, не одно столетие прошло с тех пор, как я в последний раз видел залив, поэтому сейчас, быть может, я не совсем в курсе теперешних событий, но, как мне рассказывали, изменилось не так уж много, если не брать в расчет кондомов.

Я помню огромное пространство грязной воды — у горизонта вода была более чистая, наверное, и более яркая, — помню, как она воняла и хлюпала, холодная, и, словно время, приносила и уносила разные предметы. Каждый день волны Токийского залива выбрасывали на берег какую-нибудь вещь. Что ни назови, вода рано или поздно выбросит это «что-нибудь» на песок: мертвеца, раковину — белую, как алебастр, или розовую, будто тыковка, с завитым в левую сторону спиральным рогом — невинным, как у единорога, бутылку с запиской или без, человеческий зародыш, кусок отполированного водой дерева с дыркой от гвоздя — возможно, остаток

Того Самого Креста (кто знает?), и белую гальку, и темную гальку, рыбешку, пустые лодки, куски каната, кораллы, водоросли и так далее, словом, «не счесть жемчужин…». Вы оставляете лежать вынесенную морем вещь там, где она лежала, и вскоре вода забирает ее обратно. Вот как все происходит. Ах, да, в те времена в заливе было полно использованных кондомов, желеобразных, почти прозрачных свидетельств неумирающего инстинкта к продолжению рода («мол, не сейчас, а в следующий раз»). Иногда их украшал залихвастый рисунок или надпись, а иногда на одном конце имелось перо. Говорят, что теперь они уже исчезли, подобно клепсидрам и одежным крючкам, их изничтожили противозачаточные пилюли. Молочные железы при приеме этих пилюль неизменно увеличиваются в объеме, так кто же и чем недоволен? Иногда я ходил вдоль берега ранним солнечным утром, знобкий бриз помогал мне преодолеть последствия отдыха и восстанавливающего лечения после стрессов от небольшой и строго локальной войны в Азии, где я потерял младшего брата. Так вот, иногда я слышал крики птиц, хотя никаких птиц видно не было. Это придавало всему привкус таинственности, и сравнение становилось неизбежным:

жизнь очень напоминает мне берег Токийского залива. Все в движении. Странные и невероятные предметы выбрасывает на берег волна. Скажем, один из таких «предметов» — вы, другой — я. Некоторое время мы остаемся на берегу, возможно, бок о бок, а потом хлюпающая, воняющая, вызывающая знобкую дрожь волна холодными пальцами прогребает песок и какие-то предметы и снова исчезает. Таинственные крики птиц — это как бы символ неведомого человеческого будущего, скрытый конец жизни. Голоса богов? Возможно. И, наконец, последнее, о чем хотелось бы сказать. Во-первых, некоторые исчезнувшие предметы, как мне кажется, могут по воле случая и капризного стечения обстоятельств снова вернуться на покинутые берега. Мне такого наблюдать не приходилось, но, видимо, я был недостаточно терпелив. И, кроме того, не исключено, что кто-то был способен прийти на берег, подобрать какой-нибудь предмет и унести с собой.

Когда я понял, что первое из названных выше явлений все-таки возможно, меня стошнило. Я уже три дня как пил и наслаждался ароматами некоего экзотического растения. Потом я выставил своих гостей и, между прочим, убедился, что

шок — отличное отрезвляющее средство. Итак, повторяюсь. Да, порой некий предмет подбирают и уносят с берега залива с собой. Но я и представить не мог, что когда-нибудь наяву столкнусь с неким явлением, когда исчезнувшие предметы возвращаются на свои места… Поэтому я проглотил успокаивающую таблетку, добавил для верности сауну и вытянулся на кровати, пока все мои слуги, механические и немеханические, занимались уборкой дома. Затем меня начала бить дрожь. Я боялся.

Вообще-то я трус.

Да, существует множество вещей, которые меня пугают, и все они из разряда явлений, над которыми у меня нет никакого (или очень маленький, если есть) контроля. Как, например, те, что происходят над Большим Деревом.

Я приподнялся на локте, взял с ночного столика пакет и в который раз. принялся рассматривать содержимое.

Ошибки быть не могло, особенно, если такая вот штука адресована лично мне. Я получил это заказное письмо, сунул его в карман куртки и распечатал на досуге.

Я понял, что это уже шестое по счету послание, и мне стало плохо, и я решил, что пора кончать…

В пакете лежала любопытная объемная фотография Кати в белом платье. Снимок был сделан, судя по дате, в прошлом месяце.

Кати была моей первой женой, единственной, наверное, женщиной, которую я когда-либо любил, и она умерла пятьсот лет тому назад. Подробнее я расскажу об этом позже.

Я внимательно осмотрел снимок. Шестая фотография подобного рода за последние месяцы, и на всех шести — снимки разных людей, которые были мертвы уже многие столетия.

За спиной Кати на снимке были только скалы и голубое небо.

Такой снимок можно было сделать где угодно, имелись бы скалы да голубое небо. Снимок мог быть и подделкой: есть люди, которые могут подделать все, что угодно.

Но кто послал его мне и зачем? Чтобы это сделать, надо располагать обширной информацией. В пакете не было никакого письма, только снимок — так же, как и в предыдущих, снимки моих друзей или снимки моих врагов.

Вот почему я опять вспомнил о Токийском заливе. И еще об Апокалипсисе.

Я накрылся одеялом с головой и лежал в искусственных сумерках посреди полдня. Мне было

так хорошо все эти годы. И вдруг рана, давно затянувшаяся, снова прорвалась и начала кровоточить.

Если бы существовал хоть один шанс из миллиона, что в руках у меня не подделка…

Я отложил пакет в сторону. Потом я забылся и, проснувшись, не мог вспомнить, какой кошмар заставил меня покрыться потом. Да и к лучшему, как я думаю.

Проснувшись, я принял душ, надел все чистое, наспех поел и, захватив полный кофейник, отправился в кабинет. Я привык называть кабинет конторой еще в те времена, когда я в нем работал. Но лет тридцать пять тому назад эта привычка исчезла. Я переворошил всю рассортированную корреспонденцию за последние месяцы и среди просьб помочь деньгами от неких странных благотворительных учреждений и не менее странных личностей, намекавших на использование бомб, если я не удовлетворю их просьб, четырех приглашений прочесть лекцию, одного письма с предложением работы, которая несколько лет тому назад могла бы представлять интерес, среди кипы журналов и газет, письма от внезапно появившегося наследника — какого-то моего горячо нелюбимого родственника со сторо-

ны третьей жены с предложением встретиться с ним у меня дома, трех настойчивых просьб любителей искусства, ищущих покровителя, тридцати одной повестки, извещающей о том, что против меня возбуждено уголовное дело, и писем моих адвокатов, сообщающих, что тридцать одно начатое против меня дело было прекращено. Среди всего этого я, наконец, нашел те письма, которые искал.

Первым было письмо от Марлинга с Мегапеи.

В общих чертах в нем говорилось следующее:

«Сын земли, приветствую тебя всеми двадцатью семью именами, что еще существуют, в надежде, что ты успел погрузить не одну пригоршню жемчужин во мрак и придал им сияние всех цветов жизни.

Боюсь, что время жизни совсем древнего и темно-зеленого тела, которое я имею честь носить, близится к концу и истечет полностью в начале следующего года. Уже давно сии пожелтелые и близорукие глаза не видели моего чужеземного сына. Пусть до начала пятого периода он посетит меня, потому что все мои тревоги явятся ко мне именно тогда и его рука на моем плече облегчит тяжелую ношу».

Следующим было сообщение от «Компании

по бурению глубоких скважин» — вывески, под которой, как всем известно, скрывается авангардное отделение Центрального Бюро Безопасности Земли. Компания интересовалась, не захочу ли я приобрести уже бывшее в употреблении, но все еще очень хорошее горное оборудование, находящееся в местах столь отдаленных, что транспортировка его для нынешних владельцев не представляется выгодной.

На самом деле в этом послании кодом, которому я был обучен во времена, когда выполнял одну работу по контракту с федеральным правительством Земли, сообщалось вот что:

«В чем дело? Верны ли вы по-прежнему родной планете Земля? Вот уже двадцать лет мы просим вас вернуться на Землю для консультации по делу чрезвычайной важности. Вы же игнорируете все просьбы. Настоящим удостоверяется необходимость вашего немедленного прибытия. Верим в вашу лояльность и т. д.».

Третье письмо было написано по-английски:

«Я не хочу беспокоить тебя и напоминать о каких-либо давно ушедших в прошлое узах, нас соединявших, но ты единственный человек, который может мне помочь. У меня очень большие неприятности. Если у тебя будет возможность,

загляни в ближайшем будущем в Альдебаран-5. Адресат тот же, хотя декорации несколько изменились.

Искренне твоя Рут».

Три воззвания к человечности Фрэнка Сандау. Какое отношение имеет, если имеет, хотя бы одно из них к снимку, что находится в моей куртке в левом кармане?

Веселая пирушка, которую я устраивал у себя, была своего рода прощальным ужином. В данный момент все гости покинули мою планету и пребывали на пути к родным мирам. Когда я устраивал эту пирушку, чтобы наиболее веселым и эффектным способом отделаться от гостей, я знал, куда потом отправлюсь сам. Но снимок Кати заставил меня изменить планы.

Все три моих адресата знали Кати. Знали, чем и кем она была для меня. Рут в свое время могла заполучить снимок Кати, который теперь мог использовать ловкий монтажер. Марлинг запросто мог сотворить такую штуку тоже. Бюро Безопасности имело достаточно обширные архивы и лаборатории, в которых ничего не стоило подделать снимок. Но все это, с таким же успехом, могло быть и моими пустыми домыслами. Странно, что в пакете не было никакой записки.

Ведь этот кто-то должен что-то хотеть от меня получить!

Просьбу Марлинга нужно будет удовлетворить, иначе я никогда больше не смогу уважать сам себя. Но до пятого периода в северном полушарии Магопеи еще далеко — почти целый год. Следовательно, по дороге можно будет сделать несколько остановок.

Какие и где?

Бюро Безопасности не имело права требовать от меня никаких услуг. В подданных Земли я тоже не значился. Конечно, я всегда старался помочь родной планете всеми силами, но, видимо, дело было не столь уж важным, если тянулось двадцать лет. В конце концов, Земля, насколько я знаю, по-прежнему существовала и функционировала так же, как и всегда, то есть плоховато. И если я им был крайне необходим, как они уверяли во всех письмах, они могли бы за это время кого-нибудь прислать встретиться со мной.

Оставалась Рут.

Рут — совсем другое дело. Мы прожили почти год вместе, пока не поняли, что просто мучаем друг друга, буквально рвем в клочья, и ничего путного у нас не выйдет. Мы расстались друзьями. Рут значила для меня немало. Хотя я был

удивлен, узнав, что она все еще жива. Но если ей нужна моя помощь, я сделаю все, что смогу.

Значит, решено. Я отправлюсь к Рут, быстро вытяну ее из переплета любого рода, потом проследую на Магопеи. И где-то в пути я могу напасть на след, получить хоть какой-нибудь намек относительно того, кто, когда, зачем и каким образом присылал мне снимки Кати. Если же я ничего не узнаю, то отправлюсь на Землю и свяжусь с ЦББЗ. Предложу им услугу за услугу.

Я курил и потягивал кофе. Потом, впервые за пять лет, вызвал порт и приказал готовить «Модель-Т» к отправлению в дальний путь. «Модель-Т» — это мой подпространственный джампер /1/. Приготовления займут весь вечер и ночь, и на рассвете я смогу стартовать к Рут. Затем я справился у моего Автоматического Секретаря и Архивариуса Секара относительно нынешнего владельца «Модели-Т». Секар объяснил, что зовут его Лоуренс Дж. Коппер и что родом он с Лошира. «Дж» означало «Джон».

Я велел приготовить необходимые бумаги, которые через несколько секунд мягко стукнули о подбитое бархатом дно приемной корзинки. Я изучил внешность Коппера, потом призвал моего парикмахера на колесах, и он перекрасил мои во-

лосы — я стал блондином — осветлил мой загар, добавил пару морщинок и несколько веснушек, в три раза усилил оттенок глаз и наложил новые капиллярные линии на подушечках пальцев.

Я в свое время заготовил целый список лиц с полностью вымышленными и вполне надежными — если вы вдалеке от «родной планеты» — биографиями. Все эти лица поочередно приобретали и продавали «Модель-Т» друг другу. Таким образом они будут поступать и в будущем. У них много общего — все они примерно пяти футов ростом и весом около ста шестидесяти фунтов. В любого из них я могу легко превратиться с помощью минимума грима и небольшого напряжения памяти, чтобы запомнить необходимые факты биографии. Потому что во время путешествий я не хочу регистрировать судно на имя Фрэнсиса Сандау с планеты Вольная, или, как ее еще называют, планета Сандау, так как я один из ста самых богатых людей в Галактике. В настоящий момент мой номер 87, в крайнем случае, 88 или 86.

Кому-то постоянно от меня что-то требуется. Как правило, это или деньги, или кровь. Ни то, ни другое я не склонен тратить попусту. Я человек ленивый и беспокойный. И деньги, и кровь мне нужны самому. Честолюбие у меня отсутствует

— иначе я постарался бы стать самым богатым человеком в Галактике под номером 85. После первого миллиарда обычно возникает философское отношение к деньгам. Я долго мучился мыслью, что наверняка финансирую множество черных дел, даже не подозревая об этом. Потом я придумал Большое Дерево…

Большое Дерево старо как общество, потому что это оно и есть. Общая сумма всех листьев и листиков на его ветвях, ветках и сучках представляет собой общую сумму всех существующих денег. На каждом листе написаны имена. Некоторые листья опадают, появляются новые, и через два-три сезона все имена меняются и все начинается сызнова. Но дерево остается практически тем же самым, оно только успевает еще больше вырасти и свои жизненные функции исполняет тем же старым способом. Было время, когда я думал отсечь все гнилые ветки на Большом Дереве. Но оказалось, что едва я успевал отсечь одну ветку, как начинала гнить новая, а ведь мне приходилось делать перерывы для отдыха. Проклятье, в наше время даже деньги нельзя потратить по-человечески, и Дерево — не карликовое растение в горшке, оно не сгибается и не растет в указанном направлении. Ну и пусть себе растет, как ему нра-

вится, и мое имя тоже останется, но не на желтых, увядающих, или зеленых и свежих листьях. Я доставлю себе маленькое удовольствие прыгать по его ветвям под именем, какого на листьях не отмечено. Вот и все, что касается меня и Большого Дерева. История же о том, каким образом в моем распоряжении оказалось столько зелени, может навести на еще более забавную, более сложную и менее «растительную» метафору. Но об этом позже. Вспомните, что случилось с бедным Джоном Донном — он перестал считать себя островом. Где он теперь? На дне Токийского залива, а я каким был, таким и остался, нисколько не уменьшился.

Я начал вводить в Секара инструкции по поводу того, что должна и не должна делать прислуга во время моего отсутствия. После множества перезаписи и мучительного напряжения мыслей я, наконец, упомянул все, что следовало. Просмотрев завещание, я решил ничего не менять. Я переложил некоторые бумаги в бокс деструктора и оставил приказ активизировать устройство в таком-то и таком-то случае. Я послал уведомление одному из моих представителей на Альдебаране-5, гласящее, что если человеку по имени Лоуренс Дж. Коппер случится быть проездом в тех местах и если ему что-то потребуется, то

он сможет это получить. Я не забыл упомянуть и секретный аварийный код — на тот случай, если мне придется доказывать, что я — это я. Потом я обнаружил, что миновало почти четыре часа и мне хочется есть.

— Сколько осталось до заката, округляя до минуты? — спросил я Секара.

— Сорок три минуты, — ответил сквозь открытый динамик бесстрастный голос, бесспорно принадлежащий бесполому существу.

— Я буду обедать на Восточной террасе через тридцать три минуты, — сказал я, сверяясь с хронометром. — На обед желаю отведать омара с картофелем по-французски и капустным салатом, ватрушек, полбутылки нашего собственного шампанского, кофе, лимонный шербет, самого выдержанного коньяку из запасов в погребе и две сигары. Спросите у Мартина Бремена, не окажет ли он честь лично подавать мне?

— Понимаю, сэр. А салата не надо?

— Не надо.

Я отдал распоряжение и отправился обратно в свои апартаменты, сунул кое-какие вещи в сумку и начал переодеваться. Я задействовал тамошний вывод Секара и, ощущая холодок на шее и пустоту в животе, отдал приказ, давно уже подго-

товленный, который все откладывал и который необходимо было наконец привести в действие.

— Ровно через два часа одиннадцать минут, — произнес я, сверяясь с хронометром, — позвони Лизе и спроси, не захочет ли она выпить со мной на Западной террасе. Приготовь для нее два чека, каждый по пятьсот тысяч долларов. Подготовь также копию рекомендации по форме «А». Доставь названные предметы сюда в отдельных незапечатанных конвертах.

— Понял, сэр, — донесся ответ, и, пока я вкладывал запонки в манжеты, названные документы скользнули в корзинку приемника на туалетном столике.

Я проверил содержимое каждого конверта, запечатал их, поместил в карман пиджака — внутренний, и отправился на Восточную террасу.

Солнце снаружи уже превратилось в янтарного гиганта. Оно как раз попало в тенета тонких перистых облачков, менее чем в минуту истаявших и уплывших прочь. Купол неба над головой закрывали стада пылающих золотом, желтизной и багрянцем туч. Солнце спускалось на отдых по безжалостной голубой дороге прямо между двух пиков близнецов — Урима и Тумима — которые я поместил в том месте, чтобы указать ему путь

и приютить на ночь. В последние мгновения его радужная кровь расплещется по туманным склонам пиков.

Я уселся за стол под вязом. Установленный наверху силовой проектор немедленно пришел в действие лишь только я коснулся сиденья стула, удерживая своим невидимым конусом сухие листья, насекомых, птичий помет и прочий мусор от попадания на стол. Спустя несколько мгновений показался Мартин Бремен, толкая перед собой тележку с крышкой.

— Добрый вечер, сир.

— Добрый вечер, Мартин. Как дела?

— Фросто замечательно, мистер Сандау. А как фы?

— Я уезжаю.

— О?!..

Он разложил тарелки и приборы, поднял крышку тележки и начал подавать на стол.

— Да, — заметил я. — Возможно, что надолго.

Я продегустировал шампанское и одобрительно крякнул.

— Поэтому я хочу, прежде чем уеду, сказать тебе то, что ты, наверное, и так знаешь. Да, так вот, ты готовишь самые лучшие блюда из всех, что я когда-либо пробовал…

— Благодарю вас, мистер Сандау, — его от природы красноватое лицо стало еще более пунцовым, и он погасил улыбку, скромно опустив глаза. — Очень пыл рат рапотать с вами.

— Поэтому, если ты не возражаешь против годового отпуска с полной оплатой плюс дополнительный фонд на испытание новых кулинарных рецептов, если возникнет такое желание, то я тотчас вызову контору Бурсара и все с ним улажу.

— Кохда уезжаете, сир?

— Завтра рано утром.

— Понимаю, сир. Благодарю фас. Ошень приятное предложение.

— Наверное, забавно готовить блюда, которые даже не можешь попробовать?

— О нет, сир, — запротестовал он. — На пробователи можно полностью положиться. Часто думал я, какой фкус у того, что я готовил, но это как у химика — он не всехда шелает знать, какие на фкус его химикалии. Вы понимаете, что я хочу сказать, сир?

В одной руке он держал корзиночку с ватрушками, в другой — сжимал ручку кофейника, еще одной рукой подавал блюдо с капустным салатом, а четвертой рукой опирался на тележку. Сам он был ригелианец. Имя его звучало примерно так:

Мм-ммирт'ы[1] Бооон. В Галактике нет лучших поваров, чем ригелианцы, если только снабдить их соответствующими приставками-пробователями. К славе они относятся довольно спокойно. Подобные беседы мы с ним вели уже не раз, и он знает, что я просто шучу, когда пытаюсь его заставить признать, что человеческая пища наводит его на мысли об отходах — производственных и органических. Очевидно, профессиональная этика воспрещает ему подобные признания. Обычно он спокойно отражает мои выпады. Лишь иногда, если ему уж очень досаждает избыток лимонного, грейпфрутового или апельсинового сока, он признается, что готовить еду для гомо сапиенс считается самой низменной профессией, до какой может опуститься ригелианец. Я люблю и его самого, и то, как он готовит, ведь раздобыть повара ригелианца очень трудно, независимо от суммы, которую вы можете ему предложить.

— Мартин, если что-нибудь случится со мной в отъезде, я хочу, чтобы ты знал — о тебе я специально упомянул в своем завещании.

— Я… я не знаю, что сказать, сир.

— Тогда ничего не говори. Но я надеюсь вер-

---

[1] Примечания: 1

Так в тексте. — прим. верстальщика.

нуться.

Мартин был одним из немногих людей, которым я мог бы с полной безопасностью говорить подобные вещи. Во всяком случае, он служит у меня тридцать два года и давно заработал хорошую пожизненную пенсию. Готовить еду было его бесстрастной страстью, и, по непонятной причине, он, кажется, неплохо ко мне относился. Он недурно зажил бы, помри я вдруг на месте, но не настолько уж хорошо, чтобы добавлять мне в салат муританского яда (от бабочек).

— Взгляни-ка только на этот закат! — перешел я на другую тему.

Он смотрел минуты две, потом заметил:

— Хорошо вы их подрумянили, сир.

— Благодарю за комплимент. Можешь оставить коньяк и сигары и быть свободным. Я посижу еще немного.

Он оставил коньяк и сигары на обеденном столе, выпрямился, во все свои восемь футов, отвесил поклон и произнес:

— Щасливого пути, сир, и спокойной ночи.

— Приятных снов.

— Благодарю фас, — и он заскользил прочь, в сумерки.

Когда подул прохладный ночной бриз и соло-

вьеголосые лягушки затянули вдалеке баховскую кантату, моя оранжевая луна, Флорида, взошла точно в том же месте, куда опустилось солнце. Ночецветущие розоодуванчики испускали в индиговый воздух вечера свой аромат, звезды рассыпались по небу, как алюминиевые конфетти, рубиново светящаяся свеча затрещала на столе, омар был словно масло и таял на языке, шампанское было ледяным, как сердцевина айсберга. Меня охватила некоторая грусть и желание сказать всему вокруг: «Я вернусь!»

Итак, я покончил с омаром, с шампанским, с шербетом и, прежде чем плеснуть себе глоток коньяку, зажег сигару, что, как мне говорили, признак дурного вкуса. В качестве извинения я произнес тост за все, что видят мои глаза, и налил себе чашечку кофе.

Завершив ужин, я поднялся и обошел сложное и объемное строение, которое называю домом. Я направился к бару на Западной террасе. Там опустился на табурет, поставив перед собой рюмку с коньяком, и зажег вторую сигару. Потом появилась она. На Лизе было что-то шелковистое, искрящееся и воздушное: голубой шарф буквально пенился вокруг нее в свете фонарей террасы. Она надела высокий воротник с бриллиантами и

белые перчатки. Это была пепельная блондинка с бледно-розовыми губками. При виде меня она сложила их словно для поцелуя. При этом голову слегка склонила набок, один глаз закрыла, второй прищурила.

— Приятная встреча под луной, — проворковала она, и щелочка между губами перелилась в улыбку, влажную и неожиданную.

Я все рассчитал правильно, и именно в этот момент вторая луна, чисто белая, взошла над западным горизонтом. Голос Лизы напоминал мне пластинку, которую заело на ноте «до». Пластинки теперь никогда не заедает, но я помню другие времена. Больше их никто из землян не помнит.

— Привет, — сказал я. — Что будешь пить?

— Шотландский виски с содовой, — заказала она, как всегда. — Какая ночь!

Я взглянул в ее голубые глаза и улыбнулся.

— Да. — Я выбил заказ и появился бокал. — Действительно.

— А ты изменился. Повеселел.

— Да.

— Полагаю, что ты не задумал ничего дурного, правда?

— Возможно. — Я подвинул в ее сторону бокал. — Сколько прошло времени? Пять месяцев?

— Немножко больше.

— Твой контракт на год.

— Да, на год.

Я передал ей конверт:

— Я расторгаю контракт.

— Что ты хочешь этим сказать? — ее улыбка замерла и исчезла.

— Как всегда то, что говорю.

— Ты хочешь сказать, что я свободна?

— Боюсь, что так. Здесь соответствующая сумма, чтобы заглушить твою тревогу, — я передал ей второй конверт.

— Я тебя подожду.

— Нет.

— Тогда я поеду с тобой.

— Даже если существует опасность погибнуть вместе со мной? Если дойдет и до этого?

Я надеялся, что она скажет «да». Но в действительности я плохой психолог. Поэтому-то и запасаюсь рекомендациями по форме «А».

— В наше время все возможно, — добавил я. — Иногда человек вроде меня должен идти на риск.

— Ты даешь мне рекомендацию?

— Вот она.

Она сделала глоток из бокала:

— Хорошо.

Я отдал ей конверт.

— Ты меня ненавидишь? — спросила она.

— Нет. С чего мне тебя ненавидеть?

— Потому что я слабая и берегу свою жизнь.

— То же самое делаю я, хотя не всегда уверен в гарантиях.

— Поэтому-то я и принимаю отставку.

— Ты думаешь, что все знаешь, ведь так?

— Нет. А что мы делаем сегодня вечером? — поинтересовалась она, приканчивая бокал.

— Я же сказал, что мне не все известно.

— Но зато кое-что известно мне. Например, что ты хорошо ко мне относился.

— Спасибо.

— И я не хотела бы расставаться…

— А я тебя напугал?

— Да.

— Очень?

— Очень.

Я допил свой коньяк, затянулся сигарой, рассматривая Флориду и вторую белую луну под названием Бильярдный шар.

— Но сегодня, — промолвила она, беря меня за руку, — ты забудешь про ненависть.

Она не распечатала конверты и потягивала

вторую порцию виски, также рассматривая Флориду и Бильярдный шар.

— Когда ты улетаешь?

— Завтра, едва забрезжит утро.

— Боже, ты стал поэтом.

— Нет, я стал тем, чем есть.

— Вот я и говорю.

— Приятно было провести время в твоем обществе.

— Становится прохладно, — она допила виски.

— Да.

— Нужно согреться.

— Я не прочь.

Я выкинул сигару, мы поднялись, и она поцеловала меня. Я обвил рукой ее голубую искрящуюся талию, и мы покинули бар. Пройдя под аркой, мы вернулись в дом, который вскоре должны были оставить.

Очевидно, состояние, которое я ощутил на пути к себе настоящему, сделало меня тем, чем я стал. А стал я в некотором роде параноиком. Но нет, это слишком просто.

Таким образом я легко бы мог объяснить приступы малодушия, посещающие меня всякий раз, когда я покидаю Вольную. Дело в том, что имеются люди, жаждущие добраться до моей глотки.

Правда, я один или вместе с моей планетой могу противостоять любому правительству или отдельному лицу, если они пожелают со мной разделаться. Если же им удастся убить меня, это превратится в весьма дорогостоящее предприятие, так как повлечет за собой разрушение целой планеты. Но даже и на этот крайний случай у меня приготовлен запасной выход — правда, его не приходилось пока испытывать в рабочих условиях.

Нет, настоящая причина беспокойства не в мании преследования, а в обычном страхе перед смертью и небытием, что присуще всем людям, но в данном случае усилено в несколько раз. Однажды я все-таки попытался приподнять завесу за краешек, но что это было, объяснить не могу. Оставим этот предмет. Сейчас во всей обитаемой Вселенной только я да несколько секвой остались живыми анахронизмами двадцатого века в нынешнем тридцать втором. Но, обладая бесстрастной пассивностью этих представителей растительного царства, я на собственном опыте убедился, что чем дольше живешь, тем сильнее тебя охватывает чувство смертности всего живого. Следовательно, стремление выжить, чувство, о котором я раньше рассуждал,

только руководствуясь теорией Дарвина, и относил к ощущениям низших видов, становится основной заботой. Учтите также, что понятие «джунгли» теперь стало значительно сложнее, чем во времена моей молодости. Теперь у нас полторы тысячи обитаемых миров, на каждом — собственные способы лишить человека жизни, чрезвычайно легко экспортируемые в эпоху, когда путешествие между небесными мирами не требует времени вообще. Добавьте к этому семнадцать внешпланетных разумных рас. Четыре из них, как мне кажется, превосходят людей в умственном отношении, а семь или восемь такие же дураки, как и люди, и у них тоже свои способы лишать разумное существо жизни. Мириады обслуживающих нас машин, ставшие такими же привычными, как автомобиль в мою молодость, — и они по-своему способны убивать людей, плюс новые болезни, новые виды оружия, новые яды и новые хищные животные, новые объекты ненависти, жадности, похоти и прочих пагубных привычек — и они тоже могут убивать. Есть и еще превеликое множество мест, где ничего не стоит потерять драгоценную жизнь. Я видел и сталкивался с огромным количеством образцов этого нового «богатства» в силу моего несколько

необычного занятия, и только двадцать шесть других людей во всей Галактике могут знать о них больше, чем знаю я.

Поэтому мне страшно, хотя никто не стреляет в меня сейчас, как тогда, за две недели до моего прибытия в Японию, куда меня направили на отдых и лечение и где я увидел Токийский залив. Когда же это было? Да, двенадцать веков назад. Недолгий срок: всего лишь жизнь!

...Я улетел в самый темный предрассветный час, ни с кем не прощаясь. Правда, я помахал рукой неясной фигуре в контрольной башне, и фигура помахала мне в ответ, когда, припарковав свой багги, я пересекал взлетное поле. Но для него я тоже был только смутным силуэтом. Я нашел док, где прильнул к плитам покрытия силуэт «Модели-Т», поднялся на борт, уложил вещи и посвятил полчаса проверке бортовых систем. Затем я вышел наружу, чтобы осмотреть фазоизлучатели. Я закурил мятную сигарету.

Небо на востоке пожелтело. Из-за далеких гор на западе докатился раскат грома. По небу ползло несколько тучек, и звезды все еще цеплялись за выцветшее ночное небо. Теперь они больше исходили на капли росы, чем на конфетти.

«Нет, — подумал я, — сегодня этого не случит-

ся».

Запели птицы. Откуда-то появился серый кот, потерся о мою ногу и удалился в сторону птичьих голосов.

Бриз сменил направление, теперь он дул с юга, просачиваясь сквозь шелестящий фильтр леса на дальнем конце поля. Ветер нес утренние запахи влажной земли и живой листвы.

Когда я в последний раз затянулся сигаретой, небо уже порозовело. Большая голубая птаха села на мое плечо. Я пригладил ее хохолок и отправил своей дорогой.

Я шагнул к кораблю…

Носок ботинка зацепился за торчащий из плиты болт, и я едва не упал. Но ухватился за распорку. Все-таки я упал на одно колено. И не успел подняться, как маленький черный медведь уже лизал мне лицо. Я почесал его за ухом и погладил по голове, потом хлопнул по огузку и встал на ноги. Медведь повернулся и направился в лес.

Я попытался сделать еще один шаг, но тут оказалось, что мой рукав зацепился в том месте, где распорка пересекалась со стойкой.

Пока я освобождал рукав, на плечо мое села еще одна птица, а целая стая их неслась из леса. Сквозь крики птиц я услышал новый раскат

грома.

Все-таки это началось. Я как угорелый бросился к кораблю, едва не споткнувшись о зеленую крольчиху, сидевшую на задних лапках у люка и следившую за мной розовыми близорукими глазами. По плитам люка ко мне заскользила стеклянная змейка, прозрачная и сверкающая.

Я забыл пригнуться, стукнулся головой о верхний край люка и отшатнулся. За лодыжку меня охватила русошерстная обезьянка, подмигивая мне голубым глазом.

Похлопав ее по макушке, я высвободился. Обезьянка оказалась сильнее, чем я предполагал.

Я проскочил в люк, но крышку заело.

К тому времени, когда я наладил крышку, пурпурные попугаи выкрикивали мое имя и стеклянная змейка пыталась пробраться на борт.

Тогда я нашел электровзвод и воспользовался им.

— Ну ладно, черт рас побери! — прогремел я. — Я улетаю! До встречи! Я вернусь!

Засверкала молния, грянул гром — в горах начиналась гроза, и она двигалась в мою сторону. Я освободил крышку люка.

— Уходите с поля! — прокричал я и захлопнул крышку.

Я задраил ее намертво, плюхнулся в кресло управления и задействовал все системы.

На экране я увидел, как уходят звери. Через поле протянулись клочья тумана, и первые капли ливня застучали по корпусу.

Я поднял корабль, и началась гроза.

Я миновал ее, вышел из атмосферы и лег на нужную орбиту, чтобы установить курс.

И так вот каждый раз, когда я покидаю Вольную, а покидать ее я стараюсь незаметно, без прощания. Но у меня ничего не выходит.

Как бы то ни было, а приятно чувствовать, что тебя где-то ждут…

В соответствующий момент я покинул орбиту и начал удаляться от Вольной. Несколько часов подряд меня мутило и руки ходили ходуном. Я выкурил слишком много сигарет, и во рту пересохло. Там, на Вольной, я отвечал за целый мир, и целый мир хранил меня. Теперь я сам выходил на большую арену. На какой-то миг я и в самом деле решил вернуться домой.

Потом я вспомнил о Кати и Марлинге, о Рут и Нике — давно умершем карлике, и о брате Чаке и, ненавидя самого себя, продолжал приближаться к точке фазоперехода.

Это случилось внезапно, едва только я вошел в

фазу и корабль переключился на автопилот.

Я начал хохотать, и чувство пренебрежения опасностью охватило меня совсем как в старые времена.

Ну и что, если я погибну? Для чего необычайно важного я живу? Развлекаться с наемной куртизанкой? Черта с два! Рано или поздно, все мы попадем в Токийский залив, не исключая меня самого — это я прекрасно понимаю. Пусть лучше костлявая старуха настигнет меня на пути к чему-то хоть в малой доле благородному. Это лучше, чем, подобно цветку в кадке, дожидаться, пока кто-то не вычислит способ прикончить меня в собственной постели.

И тут на меня нашло…

Я затянул старую литанию, написанную на языке более древнем, чем человечество. Впервые за многие годы я пел ее, потому что впервые за многие годы мне этого хотелось.

Казалось, свет в кабине померк, хотя я знал, что светильники горят как всегда ярко. Казалось, что указатели приборов на панели управления уплыли в даль и превратились в горящие глаза ночных хищников, следящих за мной из темноты леса. Мой голос теперь как бы уже не принадлежал мне и звучал как голос другого человека,

сидящего передо мной. И в своем сознании я последовал за ним.

Потом к пению присоединились другие голоса. Мой голос вскоре исчез, но остальные продолжали звучать, слабые, высокие, замирающие, будто несомые бесплотным ветром. Они едва доносились до меня, почти никуда не звали. И вокруг были еще голоса, и, не приближаясь и не удаляясь, где-то впереди брезжило слабое зарево, как закат в пасмурный день. Я понимал, что все это мне только снится и что я могу проснуться, если захочу.

Но я не хотел. Я двинулся на запад.

Через некоторое время я оказался на гребне утеса и дальше идти не мог. Надо мной было бесцветное, как в сером сне, небо, передо мной была вода, водное пространство, и я не мог его пересечь. Вода тоже была бесцветной, но иногда вдруг вспыхивала искрами, туманные видения то появлялись, то исчезали над волнами, и вдали от места, где я стоял, вытянув одну руку, там, где скала вздыбилась на скалу рядами промозглых террас, в окружении гранитных бастионов, где окутанные туманом башни указывали острыми пальцами в небо, в сердце айсберга из полированного эбена, я узрел источник пения, и холод

тронул мне шею, и волосы, наверное, встали дыбом.

Я видел тени мертвых, то плывущие, как клочья тумана, то стоящие неподвижно, наполовину скрытые скалами. И я знал, что это мертвые, потому что среди них я видел карлика Пика и телепата Майка Шендона, того, что едва не поверг во прах мою империю и которого я прикончил собственными руками, и там же был мой старый враг Данго Нож. И Коткор Боджис, человек с мозгом компьютера, и леди Карли с Алгола, которую я любил и ненавидел.

И тогда я воззвал к тому, к чему еще надеялся воззвать.

Грянул гром, и небо осветилось и стало ярким, как озеро лазурной ртути. Я увидел на мгновение, как она стоит там, за пределом вод, в сердце темного острова, я увидел Кати, всю в белом, и наши глаза встретились, и она произнесла мое имя, но ничего больше, потому что снова грянул раскат и вместе с ним тьма окутала остров и фигуру, стоящую на утесе с протянутой рукой. Кажется, это был я сам.

Когда я проснулся, то едва мог сообразить, что же все это могло означать. У меня была одна догадка, но очень приблизительная.

Некогда я создал остров мертвых. Это была нелегкая работа. Так вот, всякий раз, когда мне думается о смерти, а это бывает часто, два видения сменяют друг друга в моем воображении. Первое — Долина Теней, большая, темная долина, бравшая начало меж двух серых скальных выступов среди ранних сумерек, постепенно все темневшая и темневшая и, наконец, превратившаяся во тьму межзвездного пространства, полную и беспросветную — без звезд, комет, метеоров и прочего…

Второе — это сумасшедшая картина Беклина «Остров Мертвых». То место, что я видел во сне. Из этих двух мест Остров Мертвых наиболее зловещее. Долина теней содержит какой-то намек на умиротворение. Очевидно, это мне только кажется, потому что я так никогда и не создал Долины, проливая ручьи трудового пота над каждым нюансом и выверяя каждую ноту эмоционального звучания. Но в самом центре планеты, которая иначе могла бы быть настоящим Эдемом, я много лет тому назад возвел к небу скалы Острова Мертвых и с тех пор воспоминание горит в моем сознании, и за прошедшие годы я сам стал его частью настолько же, насколько оно стало частью меня. И эта часть меня обращалась ко мне теперь

единственным возможным способом. Это было словно предупреждение, ведь Остров был еще намеком, зацепкой, которая со временем может обрести большой смысл. Проклятье, символы так же хорошо скрывают, как и указывают!

Ткань сна так сплелась, что Кати как бы видела меня, и, значит, может быть надежда на встречу…

Я включил экран. Световые спирали вращались по и против часовой стрелки над и под невидимой точкой прямо по моему курсу — это были звезды, но только видимые с моей точки зрения, с изнанки пространства. И пока я висел там, а Вселенная проплывала мимо, я чувствовал, как десятилетние слои мира, обволакивающие мою душу, затлели и начали выгорать. Человек, которым я так долго старался стать, умер, а другой человек по имени Шимбо из Башни Темного Дерева, он же Громотворец, все еще жил.

Я смотрел на звездные волчки с благодарностью, с чувством печали и гордости, как человек, проживший предназначенную ему судьбу и почувствовавший, что, возможно, ему выпадет другая…

Немного погодя водоворот неба всосал меня в свой темный центр, где таился сон, прохладный

и без сновидений, спокойный и мирный. Совсем, как Долина Теней, наверное.

Прошло недели две, прежде чем Лоуренс Коппер привел «Модель-Т» к благополучному завершению полета на Альдебаран-5, который по имени своего первооткрывателя зовется также Дрисколлом. Две недели прошло внутри «Модели-Т», хотя сама фаза не заняла времени вообще. Не спрашивайте, почему. У меня нет сейчас возможности написать целую книгу. Но реши вдруг Лоуренс Коппер повернуть обратно и направиться к Вольной, он смог бы еще две недели наслаждаться гимнастикой, чтением и интроспекциями и, вполне вероятно, что прибыл бы назад в тот же день, когда покинул планету Фрэнсис Сандау, но только не утром, а после полудня. Несомненно, вся живность пришла бы в неописуемый восторг. Но он такого решения не принял, впрочем, вместо этого он помог Сандау обстряпать одно дельце, связанное с вересковым корнем.

Я нарядился в белый тропический костюм и надел солнцезащитные очки, потому что в желтом небе проплывало лишь несколько оранжевых облачков, и солнце низвергало на меня тепловые волны, разбивавшиеся о пастельные плиты

тротуара, откуда поднималось ровное тепло мелких брызг. Я въехал на своей взятой напрокат машине-скользанке в колонию художников этого города, который назывался Миди. Место это было слишком хрупким, пестрым и слишком приморским — на мой вкус. Почти все его башни, шпили, кубы, своды, — которые люди называют домами, — конторы, студии и мастерские выстроены из особого вещества — стеклита, который можно было сделать прозрачным с любым оттенком или непрозрачным любого цвета путем простого контролируемого взаимодействия. Я искал улицу Нуаж (по-французски это означает «туча»), располагающуюся у самой линии прибоя, и проехал через весь город, менявший свой цвет и напоминавший изделия из фигурного мармелада — малиновые, земляничные, вишневые, лимонные и так далее.

Я нашел нужное место. Адрес был старый, но Рут была права.

Здесь многое изменилось, и очень. Раньше это был один из последних оплотов, противостоящих надвигающемуся новомодному стилю. В те времена мы жили здесь вдвоем. Каменная стена окружала вымощенный камнем двор, в арке ворот чернели железные створки, внутри

раскинулась гасиенда рядом с небольшим прудом, в котором вода расплескивала солнечных зайчиков по грубому камню стен и по плиткам покрытий. Теперь там стоял замок из четырех малиновых башен. Я припарковал машину, пересек радугу-мостик, коснулся пластинки-сигнала на дверях.

— Этот дом свободен, — доложил монашеский голос из спрятанного громкоговорителя.

— Когда вернется мисс Ларри? — спросил я.

— Этот дом свободен, — повторил голос. — Если вы думаете купить его, то обратитесь к Полу Глиддену из «Солнечного Сиона». Его адрес — Авеню Семи Бэдоков, 13.

— Не оставила ли мисс Ларри нового адреса?

— Нет.

— Какие-нибудь сообщения?

— Нет.

Я вернулся к своей скользанке, поднял ее на восьмидюймовой подушке воздуха и отправился искать Авеню Семи Бэдоков, которая некогда называлась Главной Улицей.

Он оказался толстым и совершенно лысым. Его седые брови с промежутком в два дюйма и такие тонкие, будто их нарисовали одним-единственным росчерком карандаша, располагались

высоко над синевато-серыми и серьезными глазами. Еще ниже находился розовый цепкий рот, который улыбался, должно быть, даже во сне. Надо ртом имелось некое курносое образование, через которое он дышал, казавшееся еще меньше из-за солидных кусков теста, служивших щеками, угрожавших подняться еще выше и полностью проглотить хозяина. В общем, это был шумно двигающийся, гладкий толстяк (слегка не вписывались в картину маленькие уши с сапфировыми серьгами в них), такой же румяный, как и рубаха с широкими рукавами, покрывавшая его северное полушарие. Это был мистер Глидден, и он сидел за своим рабочим столом в конторе «Солнечного Сиона». Я только что пожал его влажную руку, и масонский, перстень на его пальце звякнул о керамический протуберанец пепельницы, когда он взял свою сигару, чтобы, наподобие рыбы, изучить меня из-за клубов окружавшего его табачного дыма.

— Присаживайтесь, мистер Коппер, — промычал он, не вынимая сигары. — Чем могу служить?

— Вы занимаетесь домом Рут Ларри по улице Нуаж, так?

— Да. Что, подумываете о покупке?

— Я ищу Рут Ларри. Не знаете, куда она уехала?

Огонек в его глазах погас.

— Нет, — проронил он. — Я даже никогда ее не видел.

— Она наверняка оставила вам указания переслать деньги за дом. Но куда?

— Почему я должен вам рассказывать об этом?

— А почему нет? Я хочу ее найти.

— Я должен поместить их на счет в банке.

— Здесь в городе?

— Да. Вложить в художественный фонд.

— Но она лично с вами не договаривалась?

— Нет. Это сделал ее адвокат.

— Не подскажете, как его имя?

Он пожал плечами, покоясь в водах своего дымного озера.

— Могу сказать. Андре дю Вуа «Венсен, Карлинг и Ву». Восемь кварталов к северу отсюда.

— Благодарю.

— Выходит, дом вас не интересует?

— Наоборот. Я куплю дом. Если только смогу вступить в права владения сегодня после полудня и связаться с ее адвокатом. Пятьдесят две тысячи вас устроят?

Совершенно неожиданно он выбрался на сушу из табачного озера.

— Как мне с вами связаться, мистер Коппер?

— Я остановлюсь в «Спектре».

— Я позвоню вам после пяти, идет?

— Вполне.

Итак, что я должен делать? Сначала я отправился в «Спектр» и снял номер. Во-вторых, используя секретный код, связался со своим человеком на Дрисколле и отдал распоряжение подготовить достаточную сумму наличными, дабы Лоуренс Коппер смог произвести покупку дома. В-третьих, я поехал в квартал религиозных заведений, оставил скользанку на стоянке и пошел вдоль улицы.

Я шел мимо храмов и святилищ, посвященных кому угодно: от Зороастра до Иисуса Христа. Я замедлил шаг, когда оказался в Пейанском секторе.

Немного погодя я нашел его. Над поверхностью находился лишь один вход — зеленое сооружение размером в гараж на одну машину.

Я вошел, начал спускаться по узкой лестнице и, оказавшись в маленьком фойе, которое освещали свечи, прошел под низкой аркой.

Теперь я находился в самом святилище. Здесь расположился главный алтарь, выкрашенный в темно-зеленый цвет и окруженный рядами

скамей.

На всех пяти стенах сотни стеклитовых панелей изображали деяния пейанцев. Быть может, не стоило мне лететь туда… Как давно это было.

В святилище я насчитал шесть пейанцев и восемь людей. Из шести пейанцев четверо были женщины. Все они надели молитвенные ленты.

Ростом пейанцы достигают примерно семи футов, и кожа у них зеленая, как трава. Головы их напоминают воронки, плоские на макушках, а шеи — как горловины воронок. Глаза у них большие и влажно-зеленые или желтые, носы плоские — просто две морщины, заключающие в себя ноздри с отверстиями в четвертак. Волос на теле вообще нет. Рот у них большой, но зубов, как таковых, тоже не имеется. Вместо них, на тех же местах, — роговые наросты. С их помощью они жуют. Как это ни парадоксально звучит, пейанцы грациозны, как кошки, очень приятны взгляду, и раса их значительно превосходит возрастом человеческую. Они очень мудры. Их тело двухсторонней симметрии имеет по две руки и ноги с пятью пальцами на каждой. И мужчины и женщины носят куртки, юбки и сандалии преимущественно темных тонов. Женщины несколько ниже мужчин ростом, шире в бедрах

и грудной клетке, хотя грудей у них нет. Своих детей они кормят, в отличие от людей, не молоком; на самом раннем этапе пейанцы питаются запасом жира своей подкожной клетчатки. Его хватает на первые несколько недель. Потом они уже могут потреблять жидкую кашицу и всякую морскую пищу.

Язык пейанцев труден, но я его знаю. У них очень сложные философские учения. Некоторые мне знакомы. Многие из них обладают даром телепатии или другими необычными способностями. Такими же, как и я.

Я уселся на скамье и расслабился. Всякий пейанский храм придает мне сил и энергии благодаря обучению, которое я прошел на Мегапее. Пейанцы — исключительные политеисты. Их религия напоминает немного индуизм, потому что они никогда ничего не отбрасывают насовсем и, похоже, всю свою историю только и делают, что накапливают богов, ритуалы и традиции. Религия эта называется странти, и в последние годы она значительно распространилась. У нее имеется приличный шанс в один прекрасный день стать универсальной религией, потому что в ней есть нечто, что удовлетворяет почти кого угодно, от анимистов до пантеистов, включая агностиков

и тех, кому просто нравится совершать обряды. Настоящие пейанцы сейчас составляют лишь десять процентов странтиан, и это, наверное, будет первая масштабная религия, которая переживет расу-прародительницу. С каждым годом число пейанцев уменьшается. Как индивиды, они отличаются безумно долгим сроком жизни, но не слишком плодовиты. Очень уважают своих «Великих» мыслителей, которые уже дописали «великую» главу, то есть последнюю в необозримой «Истории пейанской культуры» в 14 926 томах.

Пейанцы создали галактическую империю уже в те времена, когда человек еще обитал в пещерах. Затем целыми веками они вели войны с расой, которая больше не существует, — бакулианцами. Войны истощили ресурсы обеих сторон, значительно уменьшив численность этих народов. Потом пейанцы покинули свои внешние владения и постепенно сконцентрировались в небольшой планетной системе, где и обитали по сей день. Их родная планета, которую они также называли Мегапея, была уничтожена бакулианцами — судя по хроникам, существами безжалостными, злобными и до предела развращенными. Конечно, все исторические хроники

были написаны пейанцами, поэтому мы никогда не узнаем, какими в действительности были бакулианцы. Что истинно достоверно — они не были странтианами и поклонялись идолам.

На противоположной от входа стороне святилища кто-то затянул литанию, которую я знал гораздо лучше, чем остальные, и я быстро поднял глаза, чтобы посмотреть, случится ли это.

Это случилось.

Стеклитовая панель, изображающая Шимбо из Башни Темного Дерева, Громотворца, теперь сияла зеленым и желтым.

Некоторые из пейанских божеств можно, заимствуя термин, назвать пейаноморфными, другие же, подобно египетским богам, напоминают существа, появившиеся благодаря скрещиванию пейанцев и животных, которых вы найдете в зоопарке. Я уверен, что в какие-то времена пейанцы определенно посещали Землю, потому что Шимбо — человек. Почему цивилизованной расе вздумалось сделать богом дикаря — выше моего понимания, но вот он, Шимбо, стоит передо мной, голый, со слегка зеленоватой кожей, лицо его частично скрыто поднятой левой рукой, в которой он держит посреди желтого неба громовую тучу. В правой руке у него большой лук, а полный гро-

мовыми стрелами колчан висит на бедре. Вскоре все шесть пейанцев и восемь людей запели ту же самую литанию.

Появились новые посетители. Храм наполнялся.

Сильнейшее чувство легкости и силы родилось где-то в районе моей диафрагмы и постепенно проникло буквально во все поры.

Я не понимаю, почему так происходит, но всякий раз, когда я вхожу в пейанский храм, изображение Шимбо начинает светиться — вот как сейчас, — и я опять чувствую мощь и восторг. Когда я закончил тридцатилетний курс обучения и двадцатилетний курс ученичества профессиональному мастерству, я был единственным землянином. Все остальные миформисты были пейанцами. Каждый из нас носит имя одного из пейанских божеств, и это странным и сложным способом помогает в нашей работе. Я выбрал Шимбо — или, скорее, он выбрал меня, — потому что он был похож на человека. Я выбрал Шимбо! Считается, что, пока я жив, Шимбо через мое посредство существует в физической вселенной. Когда я умру, он вернется в счастливое ничто, пока кто-нибудь опять не примет его имя. Всякий раз, когда Имяносящий входит в пейанский храм,

начинает светиться изображение его божества. И так — в любом святилище, на любой планете Галактики. Я не понимаю, в чем тут дело, но этого не понимают даже пейанцы.

Я привык думать, что Шимбо давно уже вычеркнул меня из своей памяти за все то, что я сделал с Силой и своей жизнью. И в этот храм я пришел именно для того, чтобы проверить, так ли это.

Я встал и направился к входной двери. Вдруг меня охватило неодолимое желание поднять левую руку. Я сжал кулак и поднял его на уровень плеча. И тотчас откуда-то сверху донесся раскат грома.

Когда я вышел из храма, Шимбо продолжал сиять со своей панели, и мои уши наполнило пение. Снаружи легкий дождь начал падать на поднебесный мир.

Глава 2

Мы встретились с Глидденом в конторе Андре дю Буа и заключили сделку на продажу дома за пятьдесят шесть тысяч. Андре оказался невысоким человеком с суровым, обветренным лицом и копной снежно-седых волос. Он согласился открыть свою контору, потому что я настаивал, чтобы сделка в этот же день была заключена. Я выплатил деньги, бумаги были подписаны, ключи положены в мой карман. Мы пожали друг другу руки и покинули контору адвоката. Когда мы неторопливо шагали по влажному тротуару к нашим уважаемым экипажам, я спросил его как бы невзначай:

— Проклятье, кажется, я забыл ручку у вас на столе, Андре!

— Я ее вам пришлю. Вы ведь остановились в «Спектре»?

— Боюсь, я очень скоро уеду оттуда.

— Я могу послать ее вам домой, на улицу Нуаж.

Я отрицательно покачал головой:

— Она мне будет необходима сегодня вечером.

— Вот, пожалуйста, возьмите мою, — и он про-

тянул мне ручку.

К этому времени Глидден уже сел в свою машину и не мог слышать нас. Я помахал ему рукой и объяснил Андре:

— Мне нужно поговорить с вами наедине.

Вокруг его темных глаз тут же появились морщинки, от чего глаза потеряли появившееся в них выражение отвращения и в них загорелось любопытство.

— Ладно, — коротко бросил он, и мы возвратились в здание его конторы.

— Так в чем же дело? — спросил он, вновь усаживаясь в кресло с мягкой обивкой за своим рабочим столом.

— Я разыскиваю Рут Ларри.

Он закурил сигарету — обычный жест, когда хотят потянуть время и поразмышлять.

— Зачем? — поинтересовался он.

— Это мой старый друг. Вы знаете, где она?

— Нет.

— А вам это не кажется слегка необычным — вкладывать такие суммы на счет лица, местонахождение которого вам неизвестно?

— Кажется, — согласился он. — Кажется, скажем прямо. Но именно это мне и было поручено.

— Рут Ларри?

— Как прикажете вас понимать?

— Она лично давала вам это поручение или кто-то другой сделал это от ее лица?

— Я не понимаю, каким образом это касается вас, мистер Коппер. Нам пора прекратить этот беспредметный разговор.

Подумав не больше секунды, я принял быстрое решение.

— Но прежде я хочу, чтобы вы знали: ее дом я купил лишь для того, чтобы найти там какие-то следы, указывающие на ее теперешнее местонахождение. После этого я намерен возвратить зданию облик прежней гасиенды, потому что мне не нравятся архитектурные вкусы жителей вашего города. Это вам о чем-то говорит?

— Только о том, что у вас, вероятно, не все в порядке с головой, — заметил он.

Я кивнул и добавил:

— Согласен, как у сумасшедшего, имеющего средства удовлетворить свои безумные прихоти, или как у ненормального, способного натворить кучу неприятностей кое-кому. Сколько стоит это здание? Пару миллионов?

— Не знаю, — удивился он. На его лице отразилось некоторое беспокойство.

— Что, если бы кто-нибудь купил его и вам при-

шлось бы искать помещение для своей конторы?

— Не так-то просто было бы разорвать мой контракт на аренду, мистер Коппер.

Я тихо засмеялся.

— …и кроме того, — продолжал я, — вы бы вдруг оказались в поле внимания местной Юридической Ассоциации.

Он вскочил на ноги:

— Нет, вы действительно сумасшедший!

— Вы в этом уверены? Я не знаю, в чем вас будут обвинять. Пока не знаю. Но вы понимаете, что даже простое дознание причинит вам массу беспокойства. А потом, если у вас возникнут затруднения с новым помещением… — не люблю вести дела таким образом, но у меня не было времени все обдумать основательно. Что ж… — Так вы уверены? Совершенно уверены, что я ненормальный? — заключил я свой монолог.

Он промолчал, но затем произнес:

— Нет. Я не уверен.

— Тогда, если вам нечего скрывать, почему вы не расскажете, как Рут договорилась с вами об этом деле? Меня не интересуют какие-то личные подробности, лишь обстоятельства, при каких дом был оставлен для продажи. Почему Рут не оставила письма или какого-то другого сообще-

ния — вот что меня удивляет.

Он откинул голову на спинку кресла и внимательно посмотрел на меня сквозь дым сигареты.

— Переговоры велись по телефону…

— Ее могли одурманить наркотиками, запугать…

— Исключено! Но какое вы, собственно, имеете к этому отношение?

— Я уже сказал, она мой старый друг.

Его зрачки расширились, потом снова сжались. Некоторые люди до сих пор помнят, кто был одним из старых друзей Рут.

— Кроме того, — продолжал я, — недавно я получил от нее письмо, в котором она приглашала меня приехать по чрезвычайно важному делу. И вдруг она исчезает, не оставив письма или адреса. Появляются некоторые подозрения. Поэтому я намерен найти ее, мистер Андре, во что бы то ни стало.

Он был, конечно, не слепой и видел, какой на мне костюм, и понимал, сколько он может стоить, и, возможно, в голосе моем еще сохранился командирский тон — таким тоном много лет назад я отдавал приказы. Хорошо уже то, что он не вызвал по телефону полицию.

— Все переговоры велись по телефону и поч-

той, — повторил он. — И я говорю вам совершенно искренне: я не имею представления, где она сейчас. Она просто сказала, что уезжает, и просила продать дом, а деньги поместить на ее счет в банке. Я согласился обо всем позаботиться и передал дом в «Солнечный Сион». — Он посмотрел в сторону, а затем снова на меня. — В общем, она действительно оставила у меня письмо для лица, которое должно обратиться ко мне. Но это не вы. Если же указанное лицо не обратится ко мне вообще, то по истечении тридцати дней я должен буду отправить ему это письмо почтой.

— Могу ли я узнать, сэр, кому оно адресовано?

— К сожалению, сэр, это личное дело клиента.

— Включите телефон, — сказал я, — и наберите 73737373 — это в Гленкое. Соединитесь с Домеником Малисти, управляющим «Нашего Объединения» на этой планете. Назовите себя, скажите ему «Бе-бе, черная овечка» и попросите установить личность Лоуренса Джона Коппера.

Андре дю Буа сделал все, как было велено, и, когда он выключил телефон, он встал и прошел к небольшому, вделанному в стену сейфу, достал оттуда конверт и вручил его мне. Конверт был запечатан, и на его лицевой стороне имелась надпись, напечатанная на машинке: «Фрэнсису

Сандау». Мне пришлось сдерживать чувства, пока я рассматривал три предмета, лежавшие в конверте. Там была новая фотография Кати, на несколько изменившемся фоне, фотография Рут, чуть постаревшей и погрузневшей, но все еще привлекательной, и записка.

Записка была написана по-пейански. В приветствии указывалось мое имя и далее следовал условный знак, которым в священных текстах обозначался Шимбо: Громотворец. Подписано послание было именем «Грин Грин» (это имя представляет собой игру слов. «Трин» по-английски — «зеленый». Имя должно читаться как «Зеленый Зеленый». Смысл всего это станет ясен позднее) в сопровождении знака Белиона, который к двадцати семи существовавшим именам не относился.

Я был сбит с толку. Лишь очень немногим были известны личности Имяносящих, а Белион — бог огня, живущий в недрах. По традиции он был врагом Шимбо. Он и Шимбо рубили друг друга почем зря в периодах между воскресениями.

Я внимательно прочитал записку. В ней говорилось:

«Ищи своих женщин на Острове Мертвых. Боджис, Данго, Шендон и карлик тоже ждут».

Дома, на Вольной, я оставил объемные фото Боджиса, Данго, Шендона, Пика, леди Карли (ее тоже можно было причислить к «моим женщинам») и Кати, все шесть фотографий, которые я получил. И вот теперь они захватили еще и Рут.

Кто они?

Я не мог припомнить имени Грин Грин, как ни старался, но что такое Остров Мертвых, конечно, знал.

— Благодарю вас. Андре.

— Что-то не так, мистер Сандау?

— Да. Но я все улажу. Не волнуйтесь, это вас не касается. И забудьте мое имя.

— Уже забыл, мистер Коппер.

— До свидания.

— До свидания.

…Я направился в дом на улице Нуаж. Прошелся по комнатам, нашел спальню Рут и внимательно осмотрел ее. Вся обстановка полностью оставалась на местах. Одежда Рут тоже была в шкафах и ящиках, включая разного рода мелкие личные вещи, которые люди не оставляют в старых жилищах, если меняют адрес. Было забавно и странно бродить по дому, который уже не был таким, как раньше, и то тут, то там натыкаться на знакомые предметы — старинные часы, разрисованную

ширму, инкрустированный портсигар, — это напоминало мне о жизни, которая перетасовывает вещи некогда значимые для вас, среди предметов вечно чужих, тем самым уничтожая их особое тонкое очарование, остающееся лишь в нашей памяти о прошлом времени и месте, а потом и это очарование умирает, продырявленное фактом встречи с ним. И возникшие чувства снова исчезают, как и воображаемая картина в вашем сознании. По крайней мере, именно это я чувствовал, пока отыскивал какой-то след, намек на то, что могло здесь произойти. Час проходил за часом, и одна за другой все вещи в доме прошли сквозь сито моего пристального внимания, и тогда мысль, осознанная мною в конторе адвоката, все то, что не покидало меня по пути с Вольной и еще раньше, с того дня, когда я получил первое письмо с фотографией, эта мысль завершила круг обращения: из мозга в чрево — обратно в мозг.

Я присел и закурил сигарету. Фотографию Рут делали в этой комнате, но на фоне голубого неба и скал, как на остальных снимках. Я тщательно обыскал комнату, но ничего не нашел. Никакого намека на насилие, ни единого намека на личность моего врага. Эти слова я сказал вслух — «Моего врага» — первые слова, которые я про-

изнес после слов «до свидания», с которыми я покинул седоволосого, внезапно оказавшимся любезным адвокатом, и слова эти отозвались странным эхом в пустом доме-аквариуме — «Моего врага».

Теперь все стало ясно. Я был на прицеле. Почему — этого я пока не мог сказать наверняка. Самый простой ответ — меня хотят прикончить. Если бы я только мог знать, кто из моих многочисленных врагов стоит за всем — решать было бы гораздо легче. Я постарался припомнить каждую деталь и тщательно взвесить выбор моим противником места встречи — нашего поля битвы. Я вспомнил о посетившем меня сне, где я видел это место.

Если кто-то хотел нанести мне вред, то глупо было с его стороны заманивать меня именно сюда, если только он что-то знал о той силе, которую я получу, едва ступлю на землю созданного мною мира. Но если я вернусь на Иллирию, то найду там союзников во всем, потому что много столетий тому назад именно я пустил эту планету вращаться по ее орбите, и именно там находился Остров Мертвых, мой Остров Мертвых…

…И я вернусь туда. Я это знал. Рут, а может быть, Кати… Они нуждались в моем возвращении в необычный Эдем, некогда сотворенный моими

руками. Рут и Кати… Два образа, которые мне не хотелось бы помещать рядом, но другого выхода не было. Раньше они не существовали для меня одновременно, и этот новый тандем мне совсем не нравился. Да, я отправляюсь туда, и тот, кто сотворил для меня ловушку, горько пожалеет об этом, но жалеть будет недолго, потому что сам останется на Острове Мертвых. Навсегда.

Я раздавил сигарету, запер розовые ворота замка и возвратился в «Спектр». Мне вдруг захотелось поесть.

Я переоделся к ужину и спустился в холл. Там я приметил приличного вида ресторанчик, но он, как назло, как раз закрылся. Поэтому у стола регистрации я навел справки о приятном местечке, где бы в этот час смог поужинать.

— Поезжайте в Башню Барта у Залива, — простонал ночной портье, подавляя зевок. — Они не закрывают до самой ночи. У вас еще есть несколько часов.

Я узнал у него, как туда проехать, покинул отель и уладил таким образом одно дело, касающееся верескового корня. «Смехотворно» — это слово при данных обстоятельствах имеет больше смысла, чем слово «странно», но ведь все мы живем под сенью Большого Дерева, не так ли?

Я подъехал к ресторану и оставил скользанку на попечение какой-то ливреи, обычной ливреи, которую встречаешь повсюду, с улыбающимся лицом. Они открывают дверь, которую я могу открыть сам, подают полотенце, которого мне не требуется, подхватывают чемодан, который мне не нужно нести, правую руку поднимают на уровень пояса, ладонью кверху при первом же блеске металла или похрустывании соответствующего сорта бумаги. Карманы у них глубокие: туда может войти много. Они не отстают от меня уже тысячу лет, и я вовсе не против этой униформы. Но я ненавижу улыбку, которая включается лишь по сигналу, и никак иначе. Моя скользанка была припаркована меж двух полосок краски на покрытии дороги.

В свое время на чай давали лишь в случае, если услугу требовалось оказать быстро и расторопно, и это должно было компенсировать низкий заработок определенного класса служащих. Но уже в моем веке туризм в развивающихся странах дал понять, что все туристы — просто-напросто «копилки», и, таким образом, был создан прецедент, распространившийся затем во все страны, даже в родные страны туристов. Теперь все, носившие униформу, знати о выгодах, которые могли бы

получать, и поставляли клиентам ненужное и незаконное с любезной улыбкой. Армия ливрейных покорила мир. После их безмолвной революции в XX веке мы все теперь превращаемся в туристов, едва только перешагнем порог дома, мы становимся гражданами второго класса, которых безжалостно эксплуатируют улыбающиеся легионы, коварно и навсегда одержавшие победу.

Теперь в любом городе, в какой только стоит приехать, ливреи кидаются мне навстречу, смахивают несуществующую пыль с моего воротника, молятся за мою душу, перебрасывают мостки через ближайшую лужу, держат над моей головой раскрытый зонтик, и в солнечные и в дождливые дни, или светят на меня ультра-инфра-фиолетово-красным фонариком, если день выдался облачным, извлекают торчащую нитку из пуговицы у меня на поясе, чешут мне спину, подбривают сзади шею, застегивают ширинку, полируют мне туфли и улыбаются — и все это прежде, чем я успеваю заявить протест, — и правая рука их уже торчит на уровне пояса. Проклятье, каким приятным местом стала бы вселенная, если бы мы все носили блестящие, скрипящие униформы-ливреи. Нам бы всем при-

ходилось тогда улыбаться друг другу!

На шестидесятый этаж, где располагалось заведение, я поднялся на лифте и понял, что следовало заказать столик еще по телефону — из отеля. Все места были заняты: я забыл, что завтра на Дрисколле должен быть праздник. Распорядительница записала мое имя и попросила подождать минут пятнадцать-двадцать, и я отправился в один из баров и заказал пиво.

Потягивая из кружки, я огляделся по сторонам. Напротив, через фойе, виднелся в полумраке еще один такой же бар. Там я заметил толстощекое лицо, которое показалось мне знакомым. Я нацепил очки, функционирующие как подзорная труба, и внимательно изучил лицо, на этот раз в профиль. Да, нос и уши были те же самые, волосы другого цвета, а кожа стала несколько темнее. Но это ничего не стоило сделать.

Я встал и направился к толстощекому, но меня остановил официант, заявив, что я не могу выносить спиртные напитки за пределы бара. Когда я объяснил, что иду в бар напротив, он улыбнулся и предложил отнести кружку за меня — руку он держал на уровне пояса. Я прикинул и решил, что дешевле обойдется купить новую кружку пива, поэтому я сказал, что он может выпить мою

кружку сам.

Толстощекий сидел один. Перед ним на столике стоял бокал с какой-то яркой жидкостью. Я снял очки и спрятал их, пока подходил к столику. Затем я произнес фальшивым фальцетом:

— Позвольте присоединиться, мистер Бейкер?

Он как бы собрался для прыжка, и его жирные щеки дрогнули. Он сфотографировал меня своими глазами, величиной с блюдце, и я знал, что машинка внутри его черепа уже набрала полные обороты, словно дьявол на тренажере.

— Видимо, вы ошиблись… — начал он, улыбаясь, но затем нахмурился. — Нет, это я ошибся, — поправился он, — ведь прошло столько времени, Фрэнк, мы оба изменились…

— …и надели походные сюртуки, — промолвил я спокойно, садясь напротив него за столик.

Ему удалось поймать мое внимание так легко, словно он действовал арканом, и он спросил:

— Что будешь пить?

— Пиво. Любого сорта.

Официант принял заказ, кивнул и удалился.

— Ты поужинал?

— Нет, я сидел напротив и ждал места в ресторане, когда заметил тебя.

— А я уже поужинал, — сообщил он. — И не удо-

влетвори я желания заглянуть сюда на минутку, я бы мог тебя пропустить.

— Странно, — проронил я. — Грин Грин.

— Что?

— Вер, вер. Грин, Грин.

— Боюсь, что не понимаю тебя. Это что, какой-то код и я должен дать отзыв.

Я спокойно пожал плечами:

— Можешь считать это молитвой — проклятием моих врагов. Что новенького?

— Ну, теперь, когда ты здесь, нам нужно серьезно поговорить. Поужинаю вторично. Не возражаешь?

— Само собой.

Когда объявили заказ Л. Коппера, мы перешли за столик в одной из бесчисленных комнат ресторана, занимавшего этот этаж Башни. В ясную погоду отсюда открывается прекрасная панорама Залива, но небо затянуло тучами и над темными волнами океана лишь изредка посверкивали огни буев и вспыхивал случайный режущий прожекторный луч. Бейкер проглотил целую гору спагетти и кусище кровавой колбасы, пока я лишь наполовину прикончил бифштекс. Потом он перешел к десерту и кофе. И наконец, удовлетворенно откинулся от стола и тут же воткнул

зубочистку в верхнюю половину улыбки, каковую на его лице я видел впервые лет за сорок.

— Сигару? — предложил я.

— Не откажусь.

Были зажжены сигары, и нам принесли счет.

— Плачу я, — объявил Бейкер.

— Чепуха! Ты мой гость.

— Тогда… ладно.

Билл Бейкер был сорок пятым богатым человеком в Галактике. Не каждый же день выпадает возможность поужинать с удачливым человеком!

Когда мы вышли, он пробурчал:

— Я знаю одно местечко, там и поговорим. Я буду вести машину.

И мы поместились в его машине, оставив на стоянке очередную ливрею с досадно нахмуренным лбом, и минут двадцать кружили по городу, освобождаясь от гипотетических «хвостов». В конце концов, мы прибыли к многоквартирному дому в восьми кварталах от Башни Барта. Войдя в холл, Бейкер кивнул привратнику и тот кивнул в ответ.

— Завтра будет дождь, как вы считаете? — глубокомысленно заметил Бейкер.

— Будет, ясное дело, — не стал возражать при-

вратник.

Мы поднялись лифтом на шестой этаж. Обшивка панелей в коридоре была украшена искусственными самоцветами, некоторые из которых служили объективами. Он постучал в одну из обычных дверей: три торопливых стука, пауза, два стука. Завтра же сигнал будет другой — я-то знаю Бейкера. Открыл нам молодой человек с суровым лицом и в темном костюме. Он удалился лишь после того, как Бейкер указал ему на дверь — через плечо большим пальцем. Мы вошли, и он запер дверь, но я все-таки успел заметить, что между ее двумя фальшивыми деревянными листами заключена на манер бутерброда металлическая пластина. Еще пять или десять минут он проверял комнату разнообразным набором детекторов, отыскивая прослушивающие устройства — мне он дал знак хранить тишину — потом, в качестве дополнительной предосторожности, включил пару помехосоздающих устройств, вздохнул, снял пиджак и повесил его на спинку стула, повернулся ко мне и сказал:

— Порядок, теперь можно поговорить. Выпить желаешь?

— Ты уверен, что это не опасно?

С минуту он размышлял и неуверенно кивнул:

— Да.

— Тогда налей мне коньяку с содовой, если она у тебя есть.

Он отправился в соседнюю комнату и вернулся через минуту с двумя бокалами. В одном из них, по-видимому, находился не коньяк, а чай: он ведь собирался поговорить со мной о деле. Но меня это мало волновало.

— Итак, в чем дело? — начал я разговор.

— Черт побери, все истории, которые о тебе ходят, оказываются правдой. Как ты узнал?..

Я пожал плечами.

— Но на этот раз ты меня так не обставишь, как тогда, с горными разработками на Веге.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — удивился я.

— О том, что было шесть лет назад.

Я рассмеялся:

— Почти не помню. Послушай, я мало слежу за тем, что делают мои деньги, пока они там, где им положено быть. Я доверяю многочисленным служащим заботиться о них и распоряжаться ими вместо меня. Если я совершил выгодную сделку в системе Веги шесть лет назад, то это потому, что какой-то хороший служащий постарался на славу для своего хозяина. Я вовсе не опекаю свое

состояние, как бдительный пастух, подобно тебе. Я все передал в другие руки.

— Конечно, конечно, Фрэнк! Я понимаю — ты на Дрисколле инкогнито, и ты ухитрился случайно наскочить на меня в самый вечер перед сделкой. Скажи, кого из моих людей ты подкупил?

— Никого, честное слово.

Кажется, он обиделся.

— Я тебя заверяю, — пропыхтел он. — Я ничего ему не сделаю, просто переведу в другое место, где он мне больше не повредит.

— Но я сюда приехал совсем не по финансовым делам. И тебя я встретил совершенно случайно.

— На что бы ты не рассчитывал, но весь пирог на этот раз тебе не проглотить, — предупредил он меня.

— Я и не стремлюсь. Честно.

— Проклятье! — воскликнул он. — Все шло так гладко! — и его кулак хлопнул по ладони.

— Я даже не видел его, — проронил я.

Он поднялся, вышел из комнаты, вернулся и протянул мне трубку.

— Отличная трубка! — похвалил я.

— Пять тысяч, — сообщил он. — Дешево.

— Я трубками особенно не увлекаюсь.

— Больше чем на десять процентов я тебя в

долю не возьму, — произнес он. — Я лично устраивал это дело и не желаю, чтобы ты мне подгадил.

И тогда я разозлился. Этот паразит, кроме еды, думал только о приумножении своего богатства. Естественно, он представлял, что и я свое время провожу точно так же, потому что многие листья на Большом Дереве носили имя «Сандау».

— Я беру треть. Или действую сам, — пригрозил я.

— Треть?

Он вскочил, и тут началось! Хорошо, что комната была звуконепроницаемой и без «клопов». Многие выражения я слышал впервые за многие годы. Он побагровел и стал мерить комнату нервными шагами. Потом он стал при ходьбе подскакивать. А жадное, загребущее «я» сидело за столом и спокойно размышляло на предмет курительных трубок, пока Бейкер старался меня в чем-то убедить.

Человек с моей памятью держит в голове много необычных фактов. В дни моей молодости, дома, на Земле, лучшие трубки делались из пенки или эрики, особого рода вереска. Глиняные трубки слишком нагреваются, а деревянные трескаются или быстро прогорают. В более поздний период XX века, благодаря отчетам хирургического обще-

ства о заболеваниях органов дыхания, курение трубок пережило нечто вроде возрождения. Если к началу следующего века мировые запасы были истощены, я имею в виду запасы пенки и эрики, то это благодаря хирургическому обществу. Пенка, или гидроксилат магния, скальная порода осадочного типа, встречающаяся в слоях отложившихся за тысячелетия морских раковин, будучи выработанной, исчезла совсем. Вересковые трубки изготовлялись из корня белого вереска или по-латыни «Эрика Арборея», который рос лишь в ограниченных районах вокруг Средиземного моря, и на созревание одного растения должно было уйти сто лет — иначе никакой трубки из его корня не получится. Белый вереск варварски был истреблен, и о его сохранении для потомков никто и не помышлял. Вследствие чего курильщикам трубок приходится теперь удовлетворяться веществами вроде пиролитического углерода, а пенка и вереск остались лишь в воспоминаниях и в коллекциях. Небольшие запасы пенки иногда обнаруживались на других планетах, и владельцы этих месторождений мгновенно обогащались. Но Эрика Арборея, или подходящий заменитель, был пока принят на Земле и нигде больше. А в наши дни подавляющее большинство

курило трубки. Я и Андре дю Буа были исключением. Трубка, которую мне показал Бейкер, была сделана из отличного вереска. Следовательно…

— Черта с два! Этот вереск стоит в десять раз больше своего веса в платине!

— Ты разорвешь мое больное сердце, если потребуешь больше восемнадцати процентов.

— Тридцать.

— Фрэнк, будь благоразумен.

— Мы разговариваем о деле или не о деле?

— Двадцать процентов — это все, что я могу себе позволить. И это обойдется тебе в пять миллионов.

Я захохотал ему в лицо.

Из чистого упрямства и хулиганства я торговался с ним еще целый час, отметая все предложения, и, наконец, настоял на своем. Мы сошлись на двадцати пяти с половиной процентах и четырех миллионах, и мне нужно было позвонить Доменику Малисти, чтобы перебросить финансы.

Вот таким образом я и уладил дело с вересковым корнем.

Когда все было кончено, он похлопал меня по плечу, сказав, что я хладнокровный игрок и что лучше быть со мной на одной стороне, чем на противной, и вновь наполнил бокалы, намекнув

при этом на желание перекупить у меня Мартина Бремена, потому что ему никак не удавалось завести повара-ригелианца, и снова спросил, кто дал мне знать о деле с вереском.

Он высадил меня у Башни Барта — ливрея открыла дверцу моей машины, получила свою мзду, отключила улыбку и удалилась, — после чего он уехал. Я отправился в «Спектр», жалея, что не поужинал в отеле и не лег пораньше спать, а вместо этого весь вечер чертил автографы на листьях.

Радио в машине наигрывало какую-то диксилендовскую мелодию — я сто лет ее не слышал. От этого и еще из-за дождя, который припустил, мне вдруг стало одиноко и более чем грустно. Машин на улицах почти не было. Я прибавил скорость.

На следующее утро я послал курьер-грамму Марлингу на Мегапею. В ней я заверил Марлинга в том, что Шимбо будет с ним до начала пятого периода и поэтому он может почивать спокойно. И еще я спрашивал, не знает ли он пейанца по имени Грин Грин — или с эквивалентным именем, который каким-то образом может быть связан с именем Велиона. И просил его ответить курьер-граммой на имя Лоуренса Дж. Коппера, ч/п Вольная, но депешу свою я не подписал. Я

планировал в этот же день покинуть Дрисколл и вернуться домой. Курьер-грамма — один из быстрейших и самых дорогих видов межзвездной коммуникации, и поэтому, как я знал, пройдет лишь пара недель — и я получу уже оплаченный ответ.

Конечно, я несколько нарушал свое прикрытие на Дрисколле, посылая депешу тайного класса с обратным адресом на Вольной, но я улетал в тот же день и хотел облегчить себе дело.

Я расплатился за номер в отеле и поехал к дому на улице Нуаж, чтобы в последний раз взглянуть на дом Рут. По дороге я остановился и съел легкий завтрак.

В Малиновом Дворце меня поджидала всего одна новость. Что-то лежало в приемнике почты. Это был большой конверт без обратного адреса.

На конверте значилось: «Фрэнсису Сандау, по месту жительства Рут Ларри». Я извлек конверт и вошел в дом. Я не распечатывал конверта, пока не убедился, что в нем нет подвоха. Моего помощника — небольшую трубочку, способную исторгнуть бесшумную и мгновенную смерть, я снова спрятал в карман, уселся в кресло и открыл конверт.

Так и есть!

Еще один снимок.

На нем был изображен Ник, старый друг Ник. Ник-карлик. Ник-покойник. Он сердито скалился сквозь бороду и явно был готов прыгнуть на фотографа. Он стоял на скалистом утесе.

«Прилетай на Иллирию. Здесь все твои друзья».

Так говорилось в записке, написанной по-английски.

Я закурил первую в этот день сигарету.

Личность Лоуренса Джона Коппера знали тут трое: Малисти, Бейкер и Андре дю Буа.

Малисти был моим агентом на Дрисколле, и я платил ему достаточно, чтобы, как мне казалось, не бояться подкупа. Отметим, что к человеку могут применить другие средства давления, но Малисти сам открыл мое настоящее лицо лишь вчера, после того, как была произнесена кодовая фраза — ключ к специальной инструкции.

С Бейкером мы были партнерами в совместном предприятии: одной из капель в том ведре, о котором столько говорят люди. И это все. Если наши капиталы каким-то образом вступали в конфликт, то это был конфликт совершенно не персонального характера. Бейкер исключался.

Андре дю Буа тоже, как мне показалось, не

принадлежал к числу разговорчивых людей, особенно после нашего разговора и моих намеков на применение крайних мер к достижению необходимого мне результата.

На Вольной тоже никто не знал о месте моего назначения, никто, кроме Секара, а его память я стер перед вылетом.

Я решил рассмотреть другие варианты.

Если Рут была похищена и ее принудили написать записку, которую она мне послала, тогда тот, кто ее похитил, мог предположить, что если я отреагирую на записку, отправлюсь на поиски, то получу и это письмо, а нет — значит, нет.

Это означало, что на Дрисколле находился человек, имя которого я не прочь был бы узнать.

Стоило ли терять время? С помощью Малисти я мог бы, наверное, выловить отправителя последнего снимка.

Но если за этим человеком находится другой человек и если тот второй человек не дурак, то его подчиненный будет знать очень мало и вообще может не иметь никакого отношения к делу.

Я решил пустить по следу Малисти: о результатах пусть доложат мне на Вольную. Но сразу же звонить ему из Малинового Дворца я, конечно, не стал.

Всего несколько часов спустя уже не будет иметь значения, кто знал, что Коппер — это не кто иной, как Сандау. Я уже буду в пути и никогда больше не стану Коппером.

— Все несчастья в этом мире, — сказал мне однажды Ник-карлик, — происходят из-за красоты.

— Может, из-за правды или доброты? — возразил я.

— Из-за них тоже. Но главный преступник — это красота. Вот где изначальное зло.

— А не богатство?

— Деньги — это тоже красиво.

— Что-нибудь еще, чего не хватает — еда, вода, женщины…

— Точно! — воскликнул он, с такой силой опуская на стол кружку с пивом, что в нашу сторону повернулся десяток голов.

— Красота, черт ее побери!

— А как насчет красивых мужчин?

— Все они или подонки — те, которые получили все даром, или тихони — потому что знают, что остальные парни их терпеть не могут. Подонки портят жизнь остальным людям, тихони — мучают сами себя. Обычно они слегка съезжают с дорожки — и все из-за проклятой красоты!

— А как насчет красивых вещей?

— Они заставляют людей красть их или завидовать другим людям, которые не могут ими завладеть, черт побери!

— Погоди. Вещь не виновата, что она красива, и симпатичные люди тоже не виноваты, что они такие. Так получилось, и все тут.

Он пожал плечами.

— Вина? А кто говорит о вине?

— Ты говорил о зле. Это уже вне сомнений подразумевает вину рано или поздно.

— Тогда красота тоже виновата, черт бы ее побрал!

— Красота, как абстрактный принцип?

— Да.

— Присущий отдельным вещам?

— Да.

— Это чепуха! Вина подразумевает ответственность, какого-то рода намерение…

— Отвечать должна красота!

— Возьми еще одно пиво.

Он взял и снова выплеснул эмоции:

— Ты погляди вон на того смазливого парня возле бара. Вон того, что старается подцепить девку в зеленом платье. Кто-то скоро даст ему в морду. А если бы он был урод, ничего такого не случилось бы.

Чуть позже Ник доказал свою правоту, расквасив парню нос, потому что тот назвал его коротышкой. В том, что он говорил, могла быть доля истины. Ник был примерно в четыре фута. У него были руки и плечи силача. Он мог кого угодно побить на кулачках. Голова нормальных размеров с шапкой густых русых волос. Над бородой и курносым носом голубели глаза. Нос был свернут вправо, а недобрая усмешка, как правило, открывала с полдюжины желтоватых зубов. Ниже пояса он весь пошел узлами. Он вырос в сугубо военной семье. Отец его был генералом, и все его братья и сестры, не считая одного, были офицерами. Детство Ник провел в обстановке, насыщенной приемами военного искусства. Назовите любой вид оружия — будьте уверены, Ник умел с ним обращаться. Он умел фехтовать, стрелять, ездить верхом, закладывать подрывные снаряды, ломать доски и шеи ударом ладони, жить в дикой местности, но неизменно проваливался на любой медкомиссии в Галактике, потому что был карликом. Я нанял его в свое время как охотника: приканчивать продукты моих неудачных экспериментов. Он ненавидел все красивое и всех, кто был выше его ростом.

— То, что красивым считаю я или ты, — заявил

я, — может вызвать приступ тошноты и отвращения у ригелианца, и наоборот. Следовательно, красота — понятие относительное. Ты не можешь низвести ее как абстрактный принцип…

— Дерьмо! — возразил он. — Просто они воруют, насилуют и калечат. И все потому, что красота сидит себе посиживает и заставляет рвать жизнь на части.

— Тогда как ты можешь обвинить красоту, скажем, отдельной вещи…

…А потом тот смазливый парень, который пытался подцепить девицу в зеленом, прошел мимо, направляясь в известную комнату для джентльменов, и назвал Ника коротышкой, требуя, чтобы тот убрал с дороги свой стул, и на этом наш вечер в баре кончился.

Ник клялся, что умрет в походе, на каком-нибудь экзотическом сафари, но на самом деле нашел свою вершину Килиманджаро в госпитале на земле, где его вылечили от всего, что его беспокоило, кроме ураганного воспаления легких, которое он подхватил в этом самом госпитале…

Случилось это примерно двести пятьдесят лет назад. На похоронах я нес покрывало…

Я раздавил, свою сигарету и направился к скользанке. Что бы ни прогнило в Миди, я зай-

мусь этим позднее. Сейчас пора улетать.

Мы слишком крепко связаны с покинувшими этот мир.

Все две недели пути я размышлял над тем, что обнаружил, и поддерживал себя в форме. Когда я вошел в систему Вольной, жизнь моя осложнилась еще более, потому что, как выяснилось, у Вольной находится еще один спутник. Искусственный, разумеется.

«ПРОКЛЯТЬЕ! В ЧЕМ ДЕЛ О?» — послал я запрос кодом на Вольную.

Пришел ответ: «ПОСЕТИТЕЛЬ. ЗАПРОШЕНО РАЗРЕШЕНИЕ НА ПОСАДКУ. ОТКАЗАНО. ПРОДОЛЖАЕТ ОБЛЕТ. ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО ОН АГЕНТ ЗЕМНОЙ РАЗВЕДКИ».

«ПУСКАЙ САДИТСЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА ПОСЛЕ МОЕЙ ПОСАДКИ!» — ответил я.

Пришло подтверждение, что моя инструкция получена, и я вывел «Модель-Т» на низкую орбиту и стал сужать круги все ниже и ниже.

После веселой встречи со зверушками я укрылся в доме, принял душ, избавился от копперовскош грима и переоделся к обеду.

Итак, что-то все-таки заставило богатейшее правительство из всех существующих санкционировать путешествие какого-то малообеспе-

ченного гражданского чиновника на одном из дешевейших межзвездных средств передвижения.

Я поклялся, по крайней мере, как следует его накормить.

Глава 3

Льюис и я изучали друг друга, разделенные остатками обеда и широким столом. Предъявленные им бумаги удостоверяли, что податель сего является агентом Центрального Департамента Разведки Земли. Внешностью он напоминал выбритую обезьяну. Это был маленький, высохший, сморщенный человек с неотступно назойливо-любопытным взглядом. К тому же ему явно было пора на пенсию. Когда он представлялся, то держался несколько робко и заикался, но обед, как оказалось, произвел на него расслабляющее действие, и заикание прекратилось.

— Обед был превосходным, мистер Сандау. Теперь, если позволите, я хотел бы обсудить дело, по которому прибыл сюда.

— Тогда давайте перейдем наверх. Там мы сможем подышать свежим воздухом.

Мы встали из-за стола, захватив с собой наши бокалы, и я повел его к лифту.

Пять секунд спустя лифт доставил нас в сад на крыше, и я жестом пригласил усаживаться в шезлонги под каштанами.

— Здесь вам удобно?

Он кивнул и опустился в шезлонг. Сумерки дышали прохладным бризом.

— Это врезается в память и впечатляет, — проронил он, огладывая погруженный в тени сад. — Вы умеете удовлетворять все свои прихоти.

— Та прихоть, в которой мы сейчас находимся, рассчитана на полную маскировку места при разведке с воздуха.

— О, об этом я даже не подумал!

Я предложил ему сигару, от которой он отказался. Поэтому я закурил сам и поинтересовался:

— Итак, о чем вы должны были со мной поговорить?

— Вы согласитесь отправиться вместе со мной на Землю и встретиться с моим начальником?

— Нет. На этот вопрос я ответил уже дюжину раз в дюжине писем. Земля вредно действует на мою нервную систему. Такое потрясение мне уже не под силу. Поэтому я и живу здесь. На Земле слишком тесно, там полно бюрократов. Это совершенно нездоровое место и страдает к тому же от такого количества массовых психозов, что их не перечислишь. Что бы ни хотел мне сказать ваш начальник, вы можете сказать вместо него, и я отвечу вам, и вы передадите ему ответ.

— Обычно, — произнес он, — такие вещи решаются на уровне отдела.

— Мне очень жаль, и поэтому я готов, если потребуется, оплатить кодированную курьерграмму отсюда на Землю.

— Ответ слишком дорого обойдется Департаменту. Наш бюджет невелик, вы меня понимаете?

— Ради Бога, я оплачу и ответ! Только прекратите забивать мне почтовый ящик письмами, которые до сих пор странным образом именуются почтой наземной доставки.

— Нет! Ни в коем случае, — в его тоне зазвучали панические нотки. — Прежде подобным образом никогда не поступали. Человеко-часы, затраченные на решение вопроса об оплате вашего ответа, окажутся слишком дорогостоящими!

Я глубоко вздохнул о твоей судьбе, мать-Земля. Что за чудесные создания оккупировали тебя? Вот правительство — оно рождается, сторожит границы, потом наступает пора затвердения, специализации, рождаются слои управления и цепи команд. Да-да, об этом говорил еще Макс Вебер. Он считал бюрократию неизбежным результатом эволюции всякого учреждения, и он считал, что это хорошо. Если считаете нужным, после

последнего Слова поставьте запятую, добавьте восклицание «Боже!». Потому что в истории любой бюрократии наступает время, когда система начинает пародировать саму себя. Вспомните, что сотворила застрявшая машина громадной Австро-Венгерской империи с Кафкой, а русская — с Гоголем. Бедняги, они потеряли разум. И вот теперь я видел перед собой человека, выжившего в общении с бесконечно более сложной структурой. Это указывало на то, что его умственные способности находятся на самом низком уровне, и он эмоционально уравновешен, или, наоборот, что он мазохист с железной волей. И поэтому, мать-Земля, я внутренне рыдал о тебе в тот момент грандиозного парада, называемого Время: мимо проходят клоуны, и все знают, что где-то внутри их сердца навеки разбиты.

— Тогда скажите, что вам от меня нужно, и я отвечу вам сразу на этом самом месте, — меня все в нем начинало раздражать.

Он вытащил из внутреннего кармана запечатанный конверт, украшенный многочисленными штампами и значками службы безопасности, которые я не стал внимательно изучать даже после того, как он передал конверт мне.

— В случае, если вы откажетесь вернуться вме-

сте со мной на Землю, я должен вручить вам это.

— А если бы я согласился лететь, что бы вы сделали с конвертом?

— Вернул бы его начальнику.

— Чтобы он вручил его мне?

— Вероятно.

Я разорвал конверт и вытащил листок бумаги.

В сумеречном свете вечера я поднес листок поближе к глазам, чуть прищурившись. Это был список шести имен, и я тщательно следил за выражением лица чиновника с Земли, пока читал его.

Это были имена людей, которых я ненавидел или любил из давно покрывшегося пылью списка некрологов.

А кроме того, все они фигурировали на шести фотоснимках, которые мне в недалеком прошлом довелось узреть.

Я выдохнул облачко дыма, свернул лист, положил его в конверт и опустил его на стол между нами.

— Что все это должно означать? — поинтересовался я немного спустя.

— Все они — потенциально живы. Я прошу вас уничтожить список при первой же возможности.

— Ладно. А почему они считаются потенциально живыми?

— Потому что были похищены их Воспроизводящие Ленты.

— Каким образом?

— Мы не знаем.

— И вы прилетели сюда…

— …потому что вы единственная зацепка, которую мы смогли обнаружить. Вы знали их всех.

Первой моей реакцией было недоверие, но я не подал виду и ничего не сказал. Воспроизводящие Ленты, как я полагал, невозможно было украсть или раздобыть каким-то иным способом. Тридцать дней длится их короткая жизнь, а потом не остается и следа. Я сам пытался добраться до такой Ленты однажды — и ничего не вышло. Их охранники не поддаются подкупу, их хранилища абсолютно недоступны.

И по этой причине я тоже никогда теперь не посещаю Землю. Я не переношу необходимости носить воспроизводящую панель даже короткое время. Все рождающиеся на Земле получают такую панель с первого дня жизни — она подсаживается в их тела. Лица, посещающие Землю или временно живущие там, обязаны носить панель, пока не покинут Землю.

Эти панели транслируют электромагнитную матрицу нервной системы. Они записывают подвижный отпечаток человеческого бытия, каждый из которых так же уникален, как и отпечатки пальцев. Их назначение — передать финальное состояние матрицы в момент смерти человека. Смерть — спусковой крючок, пуля — психика человека, цель — сенсоры машин. Это очень сложная и громоздкая машина, и она записывает принятые сигналы на отрезок Ленты, который спокойно умещается на вашей ладони. Все, чем был человек или надеялся быть, теперь станет весить меньше унции. И через тридцать дней Ленту уничтожают. Так-то вот! И все.

Но бывали случаи — очень редкие и хранящиеся в секрете, — когда Ленты постигала иная участь. Назначение всего сложного и дорогостоящего процесса состоит в следующем: имеются люди, которые, умирая внезапно, во время пребывания на планете Земля, уносят в эту слезную долину небытия информацию, необходимую экономике-технологии или национальным интересам Земли. Вся система воспроизведения и направлена на возвращение этих ценных данных. Но даже сверхмощная машина не в состоянии извлечь из Ленты всю необходимую информацию. Поэтому

у каждого носителя панели берется и замораживается образец ткани. Эту ткань вместе с Лентой хранят тридцать дней и тоже уничтожают. Если необходимо совершить воспроизведение, то из образца ткани выращивается целое новое тело с помощью РУРа, Резервуара Ускоренного Роста, которое полностью дублирует старое. Но мозг нового тела — чистый лист. На этот чистый лист накладывается записанная матрица сознания, и новый индивид обладает теперь всеми мыслями и памятью погибшего оригинала вплоть до самого момента смерти. И он способен сообщить информацию, которую Мировой Конгресс намеревался воспроизвести. Вся система находится в квадратной, в четверть мили площадью, крепости в Далласе и охраняется как зеница ока.

— Вы полагаете, что это я похитил Ленты? — спросил я.

Он скрестил и снова расправил ноги и отвел взгляд в сторону.

— Согласитесь, что здесь имеется некая система, и она каким-то образом связана с вами.

— Все это так, но я не крал Лент.

— Но согласитесь, что однажды вы уже были под следствием по обвинению в попытке подкупить работника правительства и получить в свое

владение Ленту вашей первой жены, Кэтрин?

— Это зафиксированный факт, и я не буду его отрицать. Но обвинение было отброшено.

— Верно. Вы могли позволить себе нанять слишком много отличных адвокатов, и Ленту вы, в конце концов, так ведь и не получили. Но позже она была похищена, и лишь годы спустя мы обнаружили, что она не была уничтожена в назначенный расписанием день. Вас к этому делу мы не могли привязать никоим образом. Но и связаться с вами тоже не могли.

Я улыбнулся, заметив, как он сделал ударение на слове «связаться». У меня тоже есть своя система безопасности.

— И что же, по-вашему, я сделал бы с Лентой, если бы завладел ею с некоей целью?

— Вы богатый человек, мистер Сандау, один из немногих, кто может позволить себе дублировать оборудование для воспроизведения. И ваше обучение…

— Признаюсь честно, что такое желание у меня однажды было. Но поскольку я не получил Ленту, то попытка так и не была осуществлена, к сожалению.

— Тогда как вы объясните остальные происшествия? Последовательные хищения, происходив-

шие на протяжении веков. И все они касаются ваших друзей.

— Я не обязан ничего объяснять. И тем более вам. Но я скажу вот что: я их не трогал. И до настоящего момента даже не имел понятия о том, что они похищены.

«Но великий Боже! Это же та самая шестерка!»

— Принимая во внимание ваше утверждение за правду на настоящий момент, — продолжал он, — не могли бы вы дать нам какой-нибудь ключ к вопросу: кто так заинтересован в этих людях, чтобы пойти на подобные криминальные действия?

— Не могу вам ничем помочь, — ответил я, видя в своем воображений Остров Мертвых и понимая, что мне самому придется выяснять эту загадку.

— Мне кажется, — произнес Бриггс, — что я должен напомнить вам о том, что это дело не будет закрыто до тех пор, пока мы не добудем достоверных сведений о местонахождении Лент.

— Понимаю, — согласился я. — Не скажете ли, сколько незакрытых дел на счету вашего Департамента к настоящему моменту?

— Количество не имеет значения. Дело в принципе. Мы никогда не сдаемся.

— Нет, просто я слышал, что таких дел мало, —

заметил я, — и все они очень уж заросли пылью.

— Как я понимаю, вы отказываетесь сотрудничать с нами?

— Не отказываюсь. Просто не в состоянии, так как ничего не могу вам рассказать.

— И на Землю вы со мной не вернетесь?

— Чтобы ваш шеф повторил все, что вы мне только что сказали? Нет, спасибо. Передайте ему, что я очень сожалею. Скажите, что я помог бы, если бы был в силах.

— Хорошо. Тогда я подумаю. Мне пора. Благодарю за обед.

Льюс Бриггс поднялся.

— Останьтесь до утра и отлично выспитесь в удобной кровати, — предложил я ему.

Он покачал головой:

— Спасибо, не могу. Я должен отчитываться за каждый день, проведенный на задании.

— А как считаются дни, когда вы в субпространстве?

— О, это сложная система, — ответил Бриггс.

Итак, я принялся ждать почтальона. Это большая факсимиль-машина, которая превращает полученные по лучу сообщения в письма и передает их Секару, а тот их сортирует и опускает в мою приемную корзинку. Тем временем я гото-

вился к посещению Иллирии. Я проводил Бриггса до самого взлетного поля, видел, как он сел в корабль, и проследил за взлетом по своей системе мониторов, пока его корабль не покинул систему Вольной. Я предполагая, что в один прекрасный день я снова увижу Бриггса или его начальника, если мне удастся и в самом деле разузнать, что происходит, и вернуться потом домой. Мне стало ясно, что кто бы ни ждал меня на Иллирии, банкетов в мою честь он давать не станет. Вот почему подготовка состояла в основном в выборе оружия. Пока я перебирал и откладывал смертоносные игрушки младшего разряда из моего арсенала, я размышлял о воспроизведении Лент.

Бриггс был прав, конечно. Только очень богатый человек может продублировать дорогое воспроизводящее оборудование — такое же, что упрятано в Далласе. Потребуется и некоторая исследовательская работа, потому что тонкости процесса до сих пор содержались в строгом секрете. Я искал подходящие кандидатуры среди моих конкурентов. Дуглас? Нет. Он меня ненавидел, но к таким изощренным способам, чтобы разделаться со мной, прибегать бы не стал. Креллсон? Этот пошел бы на все, если бы мог, но я держал его под таким скрупулезным наблюдением, что

был уверен — ничего столь масштабного он не предпринимал. Леди Гноил с Ригаля? Практически она впала в старческое слабоумие. Империей руководят дочери, а они вряд ли пойдут на такие расходы ради мести. И в этом я тоже был уверен. Кто же тогда?

Я проверил свои записи — в них финансовые операции такого масштаба не отмечались. Поэтому я послал курьер-грамму в Центральное Региональное Отделение Местного астрорайона. Но прежде чем пришел ответ, я получил сообщение от Марлинга — ответ на мою депешу с Дрисколла.

«ПРИЛЕТАЙ НА МЕГАПЕИ НЕМЕДЛЕННО».

Вот и все. Никаких формальных украшений, характерных для стиля пейанца. Одно лишь повелительное наклонение. Значит, требовалось поспешить. Или Марлингу стало хуже, что я мог предполагать, или мой запрос вызвал большие волны.

Я приказал послать курьер-грамму о моем вылете и отправился в путь.

Глава 4

МЕГАПЕИ. Если вы выбираете место, чтобы отойти в мир иной, то вполне разумно выбрать место поудобнее. Пейанцы так и сделали и поступили мудро, как мне кажется. Место это было довольно заброшенным, но они сначала как следует поработали над ним, а лишь потом переселились сюда и принялись в спокойствии доживать свои дни.

Диаметр Мегапеи составляет семь тысяч миль. В северном полушарии имеется два больших континента и еще три поменьше — в южном. Больший из северных континентов напоминает высокий чайник с отломанной ручкой, который наклонили, чтобы налить чаю. Второй похож на лист плюща, от которого некая прожорливая гусеница отгрызла приличный кусок на северо-западе. Эти континенты разделены восемью сотнями миль, и днище меньшего на пять градусов забирается в тропическую зону. Континент-чайник размерами приблизительно равен Европе. Три континента в южном полушарии выглядят как континент в целом: неправильной формы осколки зелени и коричневого, окружен-

ного кобальтом моря, — и ничего больше. По всему шару планеты разбросано немало больших островов и множество маленьких. Полярные шапки невелики. Температура приятная, потому что плоскости эклиптики и экватора весьма близки. У всех континентов красивые берега и мирного вида горы, разнообразие пейзажей великое — буквально на любой вкус.

Тут нет больших городов, и город Мегапеи на континенте Мегапеи планеты Мегапеи — совсем небольшой город, следовательно, Мегапеи — это континент, который похож на надгрызенный лист. Город Мегапеи расположен на берегу моря в средней точке выеденного куска. Между двумя ближайшими жилищами в черте города — расстояние не менее мили.

Я совершил два оборота на орбите, потому что хотел посмотреть вниз и полюбоваться искусной работой пейанцев. И по-прежнему не мог найти ни единой детали, которую стоило бы изменить. Во всем, что касалось древнего искусства, они были моими учителями и, видимо, останутся ими и на будущие времена.

Нахлынула потоком память о тех счастливых давних днях, когда я еще не стал богатым и знаменитым, когда у меня еще не было врагов и

завистников. Население всей планеты составляло меньше миллиона. Вероятно, я мог бы затеряться там, внизу, и провести на Мегапее остаток жизни. Но я знал, что не стану этого делать. Пока, во всяком случае. Но иногда приятно погрезить наяву.

На втором витке я вошел в атмосферу, и немного спустя вокруг запел ветер, и небо из индигового превратилось в фиолетовое, потом в темно-лазурное. Несколько прядей облачков повисли в глубине между реальностью и небытием.

Местность, на которую я опустился, была практически двором дома Марлинга. Я замкнул корабль и, захватив небольшой саквояж, зашагал к башне. Идти нужно было примерно с милю.

Когда я брел по знакомой дороге в тени широколиственных деревьев, я тихонько засвистел один раз, и птица повторила ноту. Я чувствовал запах моря, хотя видеть его не мог. Все было таким же, как годы назад, в те дни, когда я поставил перед собой неразрешимую задачу и вышел на борьбу с богами, надеясь обрести забвение и найдя нечто совсем иное. Воспоминания, словно диапозитивы, загорались одно за другим, пока я, последовательно, встречал на пути громадный, заросший мохом валун, или необычное гигантское партоновое дерево, или крибла (существо

размерами с небольшую лошадь, похожее на собаку бледно-лилового цвета, с длинными ресницами и короной розовых перьев на голове), который быстро убегал прочь, или желтый парус — когда показалось море. Затем я увидел причал Марлинга на берегу бухты, а позже и саму башню, суровую, высокую, вознесшуюся над плещущими волнами под солнечным небом, гладкую, как зуб, и древнюю, еще древнее меня.

Последние сто ярдов я почти бежал и, добежав, застучал по решетке, закрывавшей вход в виде арки, ведущий в небольшой внутренний двор.

Минуты через две показался некий молодой пейанец и остановился по ту сторону, рассматривая меня. Я заговорил с ним по-пейански.

— Меня зовут Фрэнсис Сандау. Я пришел увидеть Дра Марлинга.

Услышав это, пейанец открыл решетку. Но, по их обычаю, он заговорил лишь после того, как я вошел во двор.

— Добро пожаловать, Дра Сандау. Дра Марлинг примет вас после того, как колокол известит о приливе. Позвольте показать вам место, где вы отдохнете. Я принесу вам туда легкой еды и освежающих напитков.

Я поблагодарил его и последовал за ним по

винтовой лестнице.

В комнате, куда он привел меня, я немного перекусил. До прилива оставалось больше часа, поэтому я закурил сигарету и стал наблюдать за океаном из широкого, низкого окна, рядом с которым находилось ложе-кровать. Локти я упер в подоконник, который был серым и более прочным, чем интерметаллидный пластик.

Странный образ жизни, говорите? Раса, умеющая практически все, человек — такой, как Марлинг, — умеющий создавать миры? Возможно, Марлинг мог бы быть богаче меня и Бейкера, вместе взятых и еще помноженных на десять, если бы пожелал. Но он выбрал башню на крутом берегу у моря и лес за ней и решил жить здесь, пока не умрет, что потихоньку и делает. Я не стану выводить мораль и рассуждать о стремлении уединиться от контактов со сверхцивилизованными расами, заполнившими Галактику, или об отвращении к любому обществу соплеменников. Всякое объяснение будет слишком простым. Он жил здесь, потому что хотел жить здесь, и дальше этого факта я заглянуть не могу. И все же мы с ним были родственными душами, я и Мерлинг. И он заметил это раньше, чем я, хотя каким образом мог определить, что Сила действительно

тлеет где-то внутри несчастного инопланетника, оказавшегося у ворот его башни много столетий тому назад, этого я понять не могу.

Устав от скитаний, напуганный Временем, я отправился искать совета у расы, которую называли старейшей. Страх, охвативший меня в ту пору, я с трудом могу, описать. Вряд ли вы поймете, что это такое — видеть, как всё умирает и все умирают. Но именно поэтому я и отправился на Мегапею. Не должен ли я, ожидая удара колокола, рассказать вам немного о себе?

Я родился на планете Земля в середине XX века. Это был период истории, когда раса человека успешно отбросила в сторону многие табу и традиции, веселилась некоторое время, а потом обнаружила, что перед человеком по-прежнему стоят все те же старые проблемы жизни и смерти, осложненные тем фактом, что Мальтус оказался прав. Я покинул колледж в конце второго курса и пошел в армию. Вместе со мной записался и младший брат, он только что окончил школу. Таким вот образом я открыл Токийский залив. Затем я снова вернулся в колледж, чтобы стать инженером, но решил, что это ошибка, и решил поступить на медицинский. Увлекся биологией, и в особенности экологией. Мне было двадцать

шесть лет, и шел 1991 год. Отец мой умер, мать вышла замуж во второй раз. Я влюбился в девушку, сделал предложение, получил отказ и подал заявление на участие добровольцем в одной из первых попыток достичь другой звездной системы. Мне помогла разнообразная подготовка, и я был заморожен для столетнего путешествия. Мы достигли Бартона, начали: создавать колонию, но не прошло и года, как меня поразила местная болезнь, от которой у нас не было средств. Тогда меня вторично заморозили в той же камере. Двадцать три года спустя я был выпущен на. свет божий. К тому времени прибыло еще восемь транспортов с колонистами, и вокруг простирался новый мир. В тот же год прибыло еще четыре корабля с колонистами, из них осталось лишь два. Остальные должны были продолжить полет к еще более отдаленной системе, чтобы присоединиться к еще более новой колонии. Я раздобыл место на одном из кораблей флотилии, обменявшись с колонистом, который решил, что и первого этапа полета с него хватит. Желание мое было продиктовано, я уверен, единственно любопытством и тем фактом, что среда старой колонии уже была окультурена и укрощена. Прошло столетие с четвертью, прежде чем мы

достигли цели, и новая планета мне совсем не понравилась. Поэтому я попросился в экипаж дальнего рейса всего лишь через восемь месяцев, проведенных на планете. Предстоял перелет в двести двадцать семь лет на Бифрост, который, в случае нашей удачи, должен был стать самым дальним форпостом человека в космосе. Бифрост оказался мрачным и неприветливым миром, он меня напугал. Я стал подумывать о том, что мне не суждено стать колонистом, и отправился в новый перелет… Люди расселились повсюду, были установлены контакты с разумными существами, межзвездные путешествия занимали недели и месяцы вместо столетий. Потом я оказался, по всей видимости, старейшим из всех живущих людей и, без сомнения, единственным представителем XX века. Люди рассказывали мне о Земле. Показывали фотографии. И я уже больше не смеялся, потому что Земля стала совсем другим миром. Внезапно я стал очень одиноким. Все, что я учил в школе, было теперь на уровне средних веков. Что же я сделал? Я решил поискать себе места в жизни. Я вернулся в школу, обнаружил, что в состоянии еще учиться. Но страх не покидал меня ни на минуту. Я чувствовал себя не в своей тарелке. И тогда я получил информацию, кото-

рая помогла мне избавиться от чувства, будто я — последний житель Атлантиды, бредущий по Бродвею, которая могла дать мне превосходство над странным миром, в котором я оказался. Я узнал о пейанцах, в те времена только что обнаруженной расе, которым были доступны все чудеса Земли XXVII века, включая и способы лечения, прибавившие пару веков к моей средней продолжительности жизни. И я прилетел на Мегапею наполовину не в своем уме, подошел к первой попавшейся башне, постучал в ворота, пока кто-то не вышел, и попросил:

— Научите меня, пожалуйста…

Это оказалась башня Марлинга, чего я совсем не мог знать - Марлинга, одного из двадцати шести Имяносящих, что еще жили.

Когда прозвучал звон приливного колокола, за мной пришел молодой пейанец. Он проводил меня по ступеням винтовой лестницы наверх. Он первым вошел в комнату, и я услышал голос Марлинга, приветствовавший его.

— Дра Сандау решил проведать вас, — сообщил пейанец.

— Тогда проси его войти.

Молодой пейанец вышел от Марлинга и произнес:

— Он просит вас войти.

— Благодарю.

И я вошел.

Как я и предчувствовал, Марлинг сидел спиной ко мне, Лицом к окну на море. Три широких стены его веерообразной комнаты были светло-зелеными, и кровать его была низкой, длинной и узкой. Одна стена была громадной консолью, немного запылившейся, а на столике возле кровати, который вполне могли не двигать с места уже несколько веков, по-прежнему стояла оранжевая фигурка животного, похожего на прыгающего рогатого дельфина.

— Добрый день, Дра, — промолвил я.

— Подойди сюда, чтобы я тебя увидел.

Я обошел его кресло и остановился перед ним. Он похудел, а его кожа стала темнее.

— Ты быстро прилетел, — заметил он, а его глаза всматривались в мое лицо.

Я кивнул:

— Ты сказал «немедленно».

Он зашипел и защелкал — у пейанцев это означает смешок.

— Что думал ты о жизни в последнее время?

— Что она достойна уважения и боязни.

— А как твоя работа?

— Одну я закончил, за вторую пока не брался.

— Садись.

Он указал пальцем на скамью рядом с окном, и я перешел туда.

— Расскажи мне, что случилось?

— Фотографии. Я стал получать снимки людей, которых знал раньше и которые были уже давно мертвы. Все они умерли на Земле. И совсем недавно я узнал, что их Воспроизводящие Ленты были похищены. Затем я получил вот это.

Я протянул ему письмо, подписанное «Грин Грин». Он поднес его к глазам и медленно прочел.

— Ты знаешь, где находится Остров Мертвых?

— Да. Это на планете, которую я сам создал.

— Ты полетишь?

— Должен полететь.

— Грин Грин, я думаю, — это Грингрин-тари из города Дипек. Он тебя ненавидит.

— Почему? Я его даже не знаю.

— Это не имеет значения. Его оскорбляет одно твое существование. Естественно, он намерен отомстить, что очень печально.

— Действительно, особенно если это *ему* удается. Но каким образом мое существование нанесло ему обиду?

— Ты единственный чужепланетник, ставший Имяносящим. Одно время считалось, что лишь пейанец способен овладеть искусством, которым овладел ты, и далеко не каждый пейанец был на это способен. Конечно, Грин Грин сам прошел обучение и завершил его. Он должен был стать двадцать седьмым. Но он провалился на последнем испытании.

— На последнем испытании? Я предполагал, что это почти чистая формальность.

— Возможно, тебе так показалось, но на самом деле все иначе. И вот, после полувека занятий с Делгреном из Дилпеи, он не был принят в наши ряды. Он часто повторял, что последний принятый в Имяносящие не был пейанцем. Потом он покинул Мегапею. При его занятиях он, конечно, быстро, очень быстро разбогател.

— Как давно это было?

— Несколько столетий тому назад. Кажется, шесть.

— И ты думаешь, что все это время он продолжал ненавидеть меня и планировать святую месть?

— Да. Спешить было некуда, а хорошая месть требует тщательной подготовки.

Всякий раз испытываешь странное чувство,

когда пейанец говорит что-то в этом роде. Сверхцивилизованный народ, они тем не менее сделали месть и вендетту целью жизни. Несомненно, это одна из причин малочисленности пейанцев. Некоторые из них ведут даже книги вендетт — составляют длинные, подробные списки людей или лиц, с которыми следует свести счеты, чтобы не позабыть кого-нибудь, кого они намерены наказать. Сюда же включаются отчеты о ходе каждой операции по отмщению. Месть ничего не стоит для пейанца, если только это не сложная, тщательно подготовленная и приведенная в действие система, которая приводит к точно рассчитанному результату через много лет после того, как была нанесена сама обида. Мне объяснили, что все удовольствие заключается именно в планировании и предвкушении финала. Смерть самой жертвы, а также безумие, унижение или обезображение — как результат акции, — считаются вторичными эффектами. Марлинг однажды признался мне, что вел одновременно три подготовки к мести, в общей сложности растянувшихся на тысячелетия. Это и в самом деле образ жизни. Это занятие дает пейанцам массу положительных эмоций, когда все остальные дела идут отвратительно. Удовле-

творение приносит само наблюдение за тем, как развитие акции переходит с одной ступеньки на другую, как один маленький триумф за другим ведет к окончательной развязке. И в тот момент, когда со старанием вырезанная и отполированная дубина опускается на голову жертвы, автору надлежит испытать громадное эстетическое наслаждение, а как утверждают некоторые, он может пережить и мистическое озарение. Детей знакомят с этой системой в самом раннем детстве, чтобы они успели изучить ее как следует — это необходимо для достижения ими преклонного возраста. Мне пришлось изучать ее наспех, и до сих пор я хромал по некоторым наиболее тонким вопросам.

— Все очень просто, — подвел итог Марлинг. — Один из вас должен будет умереть. Этим разрешится ваше противостояние и все противоречия. Если погибнет он, тебе не надо торопиться. Если погибнешь ты, мои наследники отомстят за тебя.

— Спасибо, Дра.

— Не за что.

— А какое к Грингрину отношение имеет Белион?

— Он с ним в союзе.

— Каким образом?

— Эти двое сумели договориться.
— И?..
— Больше я ничего не знаю.
Помолчав, он добавил:
— Посмотрим, Дра.
Я повернулся и смотрел на воду, пока он не заговорил снова, примерно полчаса спустя.
— Вот и все.
— Все?
— Да.

Небо темнело, и скоро уже больше не стало видно никаких парусов. Я слышал море, чувствовал его запах. А вдали блестел звездными искрами его громадный черный бок. Я знал, что вскрикнет невидимая птица, и она вскрикнула. Долго я. сидел не шевелясь, и в моем сознании видел и перебирал многие вещи, которые были оставлены мне давно и которые я почти забыл, и другие вещи, которые я никогда полностью не понимал. Большое Дерево рухнуло, Долина Теней исчезла, а Остров Мертвых оказался лишь обломком скалы: его бросили посреди Залива, и он быстро шел ко дну. Без всплеска. Я был один, я был совершенно один. Я знал, какие слова сейчас услышу, и затем, немного позже, я их услышал:
— Пойдем со мной этой ночью, — промолвил

он.

— Дра…

Молчание.

— Именно сегодня ночью? — спросил я.

Молчание.

— Где же пребудет Лоримель Многорукий?

— В счастливом ничто, дабы прийти опять. Как всегда.

— А твои враги и долги?

— Все и всем уплачено.

— Ты говорил о пятом сезоне в будущем году.

— Теперь срок другой.

— Понимаю.

— Мы проведем ночь в беседе, Землерожденный, чтобы до восхода я успел передать тебе мои главные секреты. Садись.

И я сел у его ног, как в те дни, что различимы далеко за дымом памяти, когда я был моложе. Он начал говорить, и я закрыл глаза, вслушиваясь.

Он знал, что делает, знал, чего хочет.

Но от этого моя печаль и страх не уменьшились. Он избран меня в сопровождающие… Я буду последним живым существом, которое он увидит. Это была высочайшая честь, и я ее не заслужил. Я не воспользовался тем, что он мне дал когда-то. Я многое испортил. И я знал, что он знает это. Но

это было неважно. Он выбрал меня. И поэтому во всей Галактике лишь он один мог напомнить мне об отце, умершем тысячу с чем-то лет назад. Он простил мне мои промахи.

Страх и печаль…

Почему сейчас? Почему он выбрал это время?

Потому что другого могло и не оказаться.

Было совершенно очевидно, что, по мнению Марлинга, я, скорее всего, не вернусь из рискованного похода. Следовательно, эта встреча должна стать нашей последней. «Человек, я пойду с тобой бок о бок, в любой нужде тобою буду я руководить» — слова произносит Знание, но они отлично подходят и для Страха. У них много общего, если вы на минутку задумаетесь над этим.

Вот почему я боялся.

О печали мы тоже не говорили. Такой разговор оказался бы не к месту. Мы говорили о мирах, которые мы создали, о планетах, нами построенных и заселенных, о всех науках, участвующих в превращении кучи хлама в жилище, и неизбежно мы разговаривали об искусстве. Экологическая игра безмерно сложнее любых шахмат, она за пределами возможностей лучших компьютеров. Это от того, что проблемы здесь имеют скорее эстетическую, чем научную природы. Да, она

требует напряжения всех мыслительных способностей, всех семи черепных зал, но прилив чего-то, что лучше всего описывается словом «вдохновение», играет решающую роль. И мы говорили о вдохновении, и ночной морской ветер стал вдруг резким и холодным, и мне пришлось затворить окно и побеспокоиться об огне, который в богатой кислородом атмосфере пылал, как святая реликвия. Я не могу вспомнить ни одного слова из сказанных в ту ночь, лишь глубоко внутри меня сохраняются безмолвные картины, которыми мы обменивались. Теперь это только память. «Вот и все» — так сказал он, и скоро наступила заря.

Он отдал мне корни ГЛИТТЕНА, когда небо лишь посерело в предвестьи рассвета, потом посидел немного, и после этого мы совершили последние приготовления.

Примерно три часа спустя я призвал слуг и велел им нанять погребальников, а также направить людей в горы, подготовить фамильный склеп Марлинга. Использовав оборудование Марлинга, я послал формальные приглашения всем двадцати пяти Имяносящим, что еще жили, и всем друзьям и тем, кого он хотел пригласить на похороны. Потом я подготовил, как требовалось,

старое зеленое тело, которое он носил, и отправился на кухню позавтракать. Затем, закурив сигару, бродил вдоль ярко-голубого моря, где пурпурные и ярко-желтые паруса опять прочертили горизонт. Я нашел маленькое приливное озерцо, уселся на берег и курил, раздумывая.

Я словно онемел, так точнее всего можно описать мои ощущения. Я уже был там, откуда только что вышел, и, как и в прошлый раз, я покинул это место с нечитаемыми письменами на душе. Если бы я снова мог почувствовать страх или печаль — что угодно. Но я ничего не чувствовал, даже злости. Это придет позже, я знал, а пока я слишком юн или слишком стар.

Отчего так ярок день и море так искрится у моих ног? Почему соленый воздух так приятно сгорает внутри меня и музыкой звучат в ушах крики лесной жизни за спиной? Природа далеко не так сострадательна, как хотели бы поэты. Лишь люди иногда горюют, если вы закрыли за собой двери и больше не откроете их никогда. Я останусь на Мегапее еще немного, и я услышу литанию Лоримеля Многорукого, пока тысячелетней давности флейты будут покрывать ее, словно покрывало статую. Затем Шимбо еще раз отправится в горы в процессии с остальными, и я, Фрэнсис Сандау,

увижу, как открывают впадину, серую, черную воронку склепа. Я задержусь еще на несколько дней, чтобы помочь привести в порядок дела моего наставника, а потом отправлюсь в путь. Если в конце меня ждет тот же финал — что ж, такова жизнь.

Разгоралось утро. Я поднялся и вернулся в башню. Ждать.

В последующие дни снова явился Шимбо. Словно во сне, я помню звуки грома: гром и флейты, и огненные иероглифы молний над горами среди туч.

На этот раз Природа тоже рыдала, потому что Шимбо дернул за проволоку звонка. Я помню серо-зеленую процессию, которая прошла по извилистой дороге через лес, а потом мокрая земля сменилась камнем, и лес кончился. Я шел за скрипящей повозкой с убором Шимбо на голове, плечи жег траурный плащ, в руках я нес маску Лоримеля, глаза ее покрывала полоска черной ткани. Никогда больше не будет загораться его изображение в святилищах, пока кто-то другой не получит Имя. Я понимал, что в этот момент движения процессии он горел в последний раз во всех святилищах во всей Галактике. Потом затворились последние двери, серые, черные,

угольные. Какой странный сон, однако?

Когда все кончилось, я неделю провел в башне, как от меня и ожидали. Я постился, и мысли мои принадлежали лишь мне. В один из этих дней пришел ответ из Центрального Регистрационного Отделения — через Вольную. Но я не дотронулся до него до конца Недели, а когда прочел, то узнал, что Иллирия находится теперь в собственности компании «Триновские Разработки».

Прежде чем день подошел к концу, я уже был информирован, что компания «Триновские Разработки» — это Грингрин-тари собственной персоной, в прошлом — житель Дилпеи, в прошлом — ученик Делгрена из Дилпеи, носящего имя Клиса Радуги Исторгающего. Я вызвал Делгрена и договорился о встрече на следующий день. Наконец мой пост завершился, и я заснул. Я спал долго, очень долго. Если я и видел сны, то ничего о них не помню.

Малисти из Дрисколла ничего не смог выяснить. Никаких следов. Делгрен из Дилпеи тоже мало чем мог мне помочь, поскольку не видел своего бывшего ученика уже несколько столетий. Он намекнул, что, вполне возможно, он подготавливает сюрприз для Грингрина, если тот когда-нибудь вернется на Мегапею. Я подумал,

что чувства и планы могут оказаться взаимными.

Как бы там ни было, все это уже не имело решающего значения. Время моего визита на Мегапею подошло к концу.

Я поднял «Модель-Т» в небеса и разогнался, пока время и пространство прекратились для моего собственного времени и пространства. Я продолжал путь.

Заморозив анестезией, я рассек средний палец левой руки, подсадил в него лазерный кристалл и несколько пьезоэлектрических контров, закрыл разрез и четыре часа держал палец в заживляющем аппарате. Шрама не осталось. Будет больновато и придется пожертвовать клочком кожи, но теперь, если я только вытяну этот палец, сожму остальные и поверну ладонью кверху, луч из кристалла пробьет двухфутовую гранитную плиту. В легкий рюкзак я уложил концентраты, медикаменты, корни глиттена. Компас и карты мне не понадобятся, но вот несколько огневых булавок, полотно тонкой пленки, фонарик и какие-нибудь инфра-очки вполне могли пригодиться. Я отложил все, что показалось мне неподходящим, включая мои планы.

Я решил не опускаться на «Модели-Т», а выйти

на орбиту и совершить посадку на неметаллическом дрифтере. На поверхности Иллирии, как я решил, мне понадобится провести неделю. «Модель-Т» получит инструкции по истечении этого срока опуститься к поверхности, найти самый мощный узел-энерговвод и зависнуть над ним. И затем возвращаться в это место ежедневно.

Я спал, ел, ждал и ненавидел.

Потом, в один прекрасный день, послышался гул, перешедший в вой, звезды вдруг посыпались огненным дождем и неподвижно застыли. Одна, яркая, повисла впереди. Я установил точное положение Иллирии и двинулся к точке встречи. Два дня — или две жизни — спустя, я уже рассматривал ее — опаловая планета со сверкающими морями, множеством заливов, островов, фиордов, с буйной растительностью на трех тропических континентах, с прохладными лесами и многочисленными озерами на четырех континентах в умеренной зоне. Без особо высоких гор, но с большим количеством холмов, с девятью небольшими пустынями — для сохранения разнообразия, одна извилистая река длиной в половину Миссисипи, система океанических течений, которой я действительно гордился, и пятисотмильный скальный мост между конти-

нентами, который я возвел лишь потому, что геологи их ненавидят в той же степени, в какой антропологи обожают. Я наблюдал, как формируется штормовой фронт в зоне экватора, как он движется на север, рассеивая свой влажный груз над океаном. Одна за другой, по мере моего приближения к планете, ее частично затмили луны — Флопсус, Мопсус и Каттонталус.

Я вывел «Модель-Т» на длиннющую эллиптическую орбиту, за пределами самой дальней из лун и, как я надеялся, за пределами действия всех обнаруживающих устройств. Потом я занялся делом — подготовкой спуска, как моего первого, так и последующих спусков уже самого корабля.

Наконец я выверил настоящее положение «Модели-Т», включил таймер и немного поспал.

Проснувшись, я сходил в латрину, проверил дрифтер и весь свой багаж. Приняв ультразвуковой душ, оделся в черную рубашку и черные брюки из водоотталкивающей противонасекомой синтетики, название которой я никак не мог запомнить, хотя компания по ее производству принадлежала мне. Затем я застегнул ремешок мягкого кожаного пояса. Две его пряжки могли в случае надобности превратиться в ручки проволоки удавки, спрятанной в центральном

шве ремня. Потом я обулся в тяжелые армейские ботинки, которые в эти дни носят название туристических, и заправил в них штаны. Справа на бедро я подвесил ремешок с ручным лазером, а по поясу за спиной прикрепил гирлянду маленьких гранат. На шее у меня покачивался медальон с бомбой внутри, а на правое запястье я прицепил хронометр, имевший способность извергать пара-газ, если потянуть за соответствующий штырек. В карманы были уложены носовой платок, расческа и остатки тысячелетней давности кроличьей лапки. Я был готов.

Но мне нужно было обождать. Я хотел совершить спуск ночью, черной пушинкой спуститься на континент Великолепья, в точке, удаленной не более трехсот и не менее ста миль от цели моего назначения. Я влез в лямки моего рюкзака, закурил и направился к отсеку дрифтера. Загерметизировав его изнутри, я занял место на борту аппарата. Надвинув сферу, я запер соединения, чувствуя, как легкий ветерок шевелит волосы и под ногами прокатывается приятная волна тепла. Я нажал кнопку, поднимавшую створку люка. Открылся выход, и я увидел под собой полумесяц планеты. «Модель-Т» должна была запустить дрифтер в соответствующий момент.

В мою задачу входило управление скольжением дрифтера, как только он войдет в атмосферу. Сама машина вместе со мной будет весить всего несколько фунтов — благодаря антигравам, встроенным в корпус. У дрифтера имелись рули высоты, элероны, стабилизаторы, а также паруса и парашюты. Но он меньше похож на лайнер, чем можно подумать, услышав его описание. Скорее, это парусник для плавания в трехмерном воздушном океане. И я ждал, сидя внутри него, и смотрел вниз, где волна ночи смывала день с лица Иллирии. В поле зрения показался Мопсус, а Каттонталус, наоборот, исчез. У меня зачесалась правая лодыжка. Пока я ее чесал, над головой загорелся голубой сигнал. Едва я застегнул ремни, как сигнал сменился красным. Я расслабился, послышался звонок, красный цвет погас, и в спину меня лягнул мул, и вокруг меня уже были звезды, передо мной темнела Иллирия, и вокруг нее уже не было рамки из краев люка. Потом был дрейф — не вниз, а вперед. Не падение, а скольжение, и настолько незаметное, что я закрыл глаза. Планета стала входом в темную шахту, черным отверстием. Оно медленно увеличивалось в размерах. Капсулу наполнило тепло, и я слышал лишь собственное дыхание, биение

сердца и шуршание струй воздуха над головой.

Когда я обернулся, то уже не увидел «Модели-Т». Хорошо.

Я очень давно не пользовался дрифтером, кроме как для развлечения. И всякий раз в памяти моей возникало серое предрассветное небо, волны, запах пота и соли, и горький привкус драмамина в горле, и первые «угх» артиллерийского огня, и наша десантная баржа, приближающаяся к берегу. И как сейчас, я вытер тогда ладони о колени и потрогал старую кроличью лапку в левом боковом кармане. Смешно. У брата тоже была такая же лапка. Ему наверняка бы понравились дрифтеры. Он любил самолеты, планеры, парусники. Он любил кататься на водных лыжах и нырять с аквалангом и еще любил акробатику и аэробатику — поэтому, видимо, и пошел в авиацию. Поэтому, видимо, и повстречался со Старухой. Много ли можно ожидать от одной-единственной паршивой лапки!

Звезды сияли, как слава Божия, холодные и далекие, потому что я надвинул на купол фильтр и отгородился от солнечного света. Мопсус же продолжал отражать лучи и отбрасывать их вниз, в яму. Эта луна была средней. Флопсус располагался на более низкой орбите, но сейчас находился

по другую сторону планеты. Благодаря тройке лун, моря на Иллирии были относительно безмятежными, и лишь раз в несколько лет сообща поднимали впечатляющую приливную волну. Отхлынувшие воды явят вдруг острова кораллов посреди неожиданно возникших оранжевых и пурпурных пустынь. Воды, взгорбленные в зеленый вал, прокатятся вокруг планеты, и камни, кости, рыбы и всякое плавучее дерево будут лежать на дне подобно следам ноги Протея. За водами последуют ветры, и колебания температуры, инверсия, скопления туч, вздыбление облаков. В небе соберутся облачные соборы и придут дожди, и водяные горы разобьются о берега, рухнут сказочные города и волшебные острова вернутся на морское дно, и Протей, спрятавшись бог знает где, станет смеяться, как гром, при виде добела раскаченного трезубца Нептуна, что станет вонзаться в волны, а они будут отвечать шипением. Удар, шипение, удар, шипение. Потом вам придется тереть глаза.

Сейчас Иллирия казалась уже тонкой кисеей, на которую падают таинственные лунные лучи. Где-то там, внизу, скоро пробудится ото сна похожее на кошку существо. Оно проснется, потянется, поднимется и примется, крадучись,

обходить окрестности. Немного погодя оно на миг взглянет на небо, на луну, куда-то дальше луны. Затем по долине разнесется бормотание, и на деревьях забеспокоятся листья. Они почувствуют. Они, рожденные от моих нервов, выделенные из моей собственной ДНК, получившие лик в первичной клетке благодаря лишь Силе моего мозга, они почувствуют, все до одного. Предощущение… Да, дети мои, я иду к вам. Ибо Белион осмелился появиться среди вас…

Если там, внизу, меня ждал обыкновенный человек, все было бы просто. Все мое оружие — это просто бутафория. И я понимал это. И если бы там был просто человек, то я даже не стал бы с ним возиться. Но Грин Грин не был человеком. Он даже не был пейанцем, что уже довольно страшно. Собственно, он был чем-то большим, чем первое и второе.

Он носил Имя, а Имяносящий может странным образом воздействовать на вещи и их элементы, когда они каким-то образом взаимодействуют с тенью, лежащей за Именем. Я вовсе не впадаю в теологию. Мне приходилось слышать вполне наукообразное объяснение всего, что касается феномена имени, если только вас устроит такой диагноз, как самовызванная шизофрения

с комплексом божественного величия экстрасенсорными способностями. Выбирайте, что понравится, но не забывайте о времени, которое уходит на обучение мироформиста, и о количестве успешно закончивших обучение.

Я чувствовал, что у меня есть преимущество перед Грин Грином, потому что для встречи он избрал мой собственный мир. Конечно, я не знал, как долго он возился с ним и насколько успел его испортить, и это меня беспокоило. Но насколько хорошо подстроена его ловушка? Какое, по его мнению, преимущество имеет он надо мной? В любом случае, в противоборстве с другим Имяносящим он не мог полностью быть уверенным во всем. Так же, как и я.

Вам приходилось когда-нибудь наблюдать, как дерутся «бетта сплендес», сиамские боевые рыбки? Это ни на что более не похоже — ни на бой петухов, ни на схватку собак, ни на встречу кобры и мангусты. Это уникальное зрелище. Вы подсаживаете двух самцов в аквариум. Они начинают быстро двигаться, расправив плавники, яркие, как алые, голубые, зеленые лепестки, и раздувая свои жаберные мембраны. От этого возникает иллюзия, будто обе рыбки вдруг распустились наподобие цветка и заметно увеличились в

размерах. Они медленно приближаются друг к другу, потом плывут бок о бок. Потом быстрое движение, такое быстрое, что глаз не успевает уследить за ним. Потом снова медленно и мирно они плывут рядом. Внезапно рыбы сплетаются в разноцветный вихрь. Опять замирают. И так далее, подобным же образом. Снова мелькание ярких плавников. Немного спустя их уже окутывает красноватый туман. Новая схватка. Оба замирают. Они сцепились пастями. Проходит минута, может, две. Один из самцов открывает пасть и отплывает в сторону. Второй остается недвижим.

Вот так мне представлялось то, что вскоре предстояло.

Я миновал луну. Впереди, затемняя звезды, рос темный диск планеты. Когда дрифтер приблизился к планете, его спуск замедлился. Пришли в действие спрятанные под кабиной устройства, и в тот момент, когда я, наконец, вошел в верхние слои атмосферы, я скользил вниз очень медленно. Вокруг словно сияли под луной сотни озер, будто монеты на дне темного пруда.

Я включил монитор, проверил, нет ли внизу искусственных огней. Ничего не обнаружил. Еще одна луна, Флопсус, показалась над горизон-

том, помогая своим сестрам. Примерно полчаса спустя я уже мог различить наиболее выдающиеся черты континента подо мной. Я сверился с изображением в моей памяти и начал манипулировать рулями дрифтера.

Словно лист с дерева в безветренный день, я приближался к поверхности планеты. Озеро под названием Ахерон с Островом смерти посреди него находилось, как я вычислил, в шести сотнях миль к северо-западу.

Далеко внизу показались облака. Я продолжал скольжение, и они вскоре исчезли. Потеряв совсем немного в высоте, я продвинулся на сорок миль к своей цели. Следят ли за мной снизу какие-нибудь точные приборы? — думал я.

Дрифтер попал в полосу высотных ветров. Некоторое время я сражался с ними. Но потом пришлось спуститься на несколько тысяч футов, чтобы убежать от самых неприятных.

В течение нескольких последующих часов я упорно продвигался на север и запад. На высоте в пятьдесят тысяч футов мне по-прежнему оставалось до цели еще четыреста миль.

За следующий час, впрочем, я спустился на двадцать тысяч футов и выиграл еще семьдесят миль. Все шло прекрасно.

Наконец на востоке загорелась высотная заря, и я сбросил милю, чтобы пройти под ней. Скорость увеличивалась. Я будто спускался в океан — из освещенной воды в темную.

Но свет преследовал меня. Через некоторое время я снова предпринял побег от зари, пробился сквозь облачный слой, определил свое положение, продолжая спуск. Сколько миль до Ахерона?

Двести, наверное.

Свет настиг меня.

Я спустился до пятнадцати тысяч футов, выиграл еще сорок миль. Я деактивировал еще несколько пластин-антигравов.

Когда я шел на высоте трех тысяч, началась настоящая заря.

Я падал еще несколько минут, подыскал подходящее место и опустился на землю.

В щели расколовшегося горизонта на востоке показалось солнце. Я находился в сотне миль (плюс-минус десять) от Ахерона. Я поднял купол кабины, потянул за шнур деструктора, спрыгнул на землю и отбежал подальше.

Минуту спустя дрифтер провалился сам в себя, и остатки его начали тлеть. Я перешел на шаг, сориентировался на местности и направился к противоположному концу поля, где начинались

деревья.

Глава 5

Через пять минут моя Иллирия уже вернулась ко мне, словно я никуда не улетал. Профильтрованный сквозь лесной туман солнечный свет стал розовым и янтарным. Воздух был прохладен, пахло влажной землей и прошлогодними листьями. На ветвях и цветах блестела роса. Над головой у меня описала круг маленькая желтая птичка, неслышно опустилась на плечо, посидела секунду и улетела. Я приостановился, чтобы вырезать себе палку на дорогу, и запах живого дерева напомнил мне Огайо и ручей, где я срезал ивовые ветки и делал свистки, опуская ветки на ночь в воду, потом снимал кору, предварительно постучав по ней ручкой ножа, чтобы отделить ее от сердцевины. Неподалеку от того места, где я вырезал палку, росло много земляники. Я нашел несколько диких ягод: они были крупные, пурпурные. Я раздавил их между пальцами и слизнул сок, кислый и терпкий. Ящерица с плюмажем, яркая, как помидор, медленно сползла с верхушки камня и устроилась на моем ботинке, пока я слизывал сок. Я потрогал ее корону, потом сдвинул зверька в сторону и продолжил путь. Когда я

обернулся, крапчато-черно-белые глаза ящерицы встретились с моими. Я проходил под высокими, в тридцать и сорок футов деревьями, и время от времени на меня падали капли влаги. Начали просыпаться птицы и насекомые. Толстобрюхий зеленый свистун завел десятиминутную песню, выпуская накопленный воздух. Где-то слева от меня к нему присоединился товарищ или родственник. Шесть пурпурных «кобра де капелла» — но это были всего лишь цветы — выпрыгнули из земли, покачиваясь на стеблях, издавая шипение, размахивая лепестками, как флажками, а их мощный аромат распространился по округе со скоростью и эффективностью разорвавшейся газовой гранаты. Я и этому не удивился: мне казалось, будто я никогда отсюда не улетал.

Я продвигался вперед, и трава встречалась все реже. Деревья пошли более высокие, от пятидесяти до семидесяти футов, среди них попадалось довольно много валунов. Отличное место для засады, но с другой стороны, и хорошее место для укрытия.

Над головой трещали и верещали пара-мартышки. Тем временем с запада подполз легион туч. Низкое еще солнце воспламенило их края, пробивая световые шахты сквозь листья. На

некоторых лианах, приклеившихся к древесным гигантам, распустились цветы, похожие на серебряные канделябры, и в воздухе вокруг них что-то напоминало о залах соборов и запахе ладана. Я форсировал жемчужный ручей, и хохлатые водяные змейки поплыли за мной, ухая, словно совы. Змейки были довольно ядовитые, но дружелюбные.

На другом берегу местность начала немного подниматься, и по мере продвижения я почувствовал, что в мире что-то переменилось. однако ни к какому конкретному предмету я это чувство отнести не мог.

Прохлада утра и лесной чащи не исчезла с развитием дня. Наоборот, она, казалось, углубилась. В воздухе повисла явная злобность. Позже холод стал почти влажным. Правда, небо было наполовину затянуто облаками и ионизация, предшествующая грозе, частенько вызывает подобные ощущения.

Когда я присел отдохнуть и поесть, прислонившись спиной к стволу дерева, я вспугнул пандриллу, который копался в его корнях. И едва он бросился наутек, я понял — что-то не в порядке.

Я заполнил мозг желанием, чтобы пандрилла

вернулся и направил свое желание на животное.

Тогда он замер, повернулся и посмотрел на меня. После чего медленно приблизился. Я угостил его крекером и попытался заглянуть сквозь его глаза.

Страх, чувство благодарности, снова страх… На секунду — непонятная паника. С чего бы все это? Странно.

Я дал пандрилле свободу, но тот не убежал, намереваясь сожрать все мои крекеры. Однако о первоначальной его реакции нельзя было забыть. Она могла означать то, чего я опасался.

Я вступил на вражескую территорию.

Я завершил завтрак, двинулся дальше и опустился в полную туманов долину, а когда покинул ее, туман остался вместе со мной. Небо почти полностью закрыли тучи. Животные разбегались при моем появлении, и я не пытался настроить их на дружеский лад. Я шагал вперед, и дыхание мое вырывалось двумя влажными струйками прелого пара. Я осторожно обошел два энерговвода. Если я использую хоть один, это выдаст мое местоположение.

Что такое энерговвод? Это, в общем, часть любой системы с электромагнитными полями. У каждого мира есть в его гравитационной мат-

рице особые подвижные точки. Находясь в этих точках, особые машины или наделенные особым даром люди могут как бы подключаться к электромагнитному полю планеты и действовать наподобие батарей, конденсаторов, переключателей. Энерговвод — термин, обозначающий такой энергетический узел, которым пользуются отдельные индивидуумы. Все Имяносящие, как правило, обладают такой способностью, но я считал себя не вправе подключиться к энергоузлу, пока не определю природу врага.

Поэтому я терпел, пока туман пропитывал влагой одежду и покрывал каплями испарины мои блестящие ботинки, хотя я мог бы высушить их. Я продолжал свой путь: посох — в левой руке, правая — свободная, готовая к стрельбе.

Но по мере продвижения никто меня не атаковал. Фактически. уже давно ни одно живое существо не пересекало моей тропы.

Я шел до вечера, проделав в тот день миль двадцать. Было очень влажно, но без дождя. Я обнаружил небольшую пещеру в склоне холма, по которому как раз взбирался, расположился на взятом загодя куске пленки — десять на десять, три молекулы толщиной, но страшно крепкой, чтобы предохранить себя от грязи и, частично, от

влаги. Я съел сухой паек и заснул с пистолетом в ладони.

День оказался таким же унылым, как ночь в предыдущие сутки. Туман стал гуще. Я подозревал, что все это подстроено специально, и продвигался с большой осторожностью. Однако если он намерен потрясти мои чувства туманами, тенями, холодом до костей и совращением с пути истинного нескольких моих созданий, то он зря старался. Неудобства лишь раздражают меня, я злюсь и даю слово добраться до их причины как можно быстрее.

Почти весь второй день я взбирался на вершины холмов и опускался по склонам вниз. К самому вечеру ко мне привязался попутчик.

Слева от меня появился свет и начал двигаться параллельным курсом. Огонь парил где-то между двумя и восемью футами от земли, и цвет его менялся от бледно-желтого до оранжевого и белого. Расстояние до него в любое данное время могло быть любым — от двадцати до ста футов. Время от времени он исчезал, но всегда возвращался. Блуждающий огонь, посланный заманить меня в какую-нибудь расщелину или болото? Может быть. И все же мне было интересно, я восхищался его настойчивостью. Кроме того, приятно идти

вдвоем.

— Добрый вечер, — произнес я. — Между прочим, я иду покончить с тем, кто вас послал, но вы можете быть всего лишь болотным огнем. В этом случае можете не обращать внимания на мое последнее замечание. В любом случае, — продолжал я, — впадать в заблуждение я сейчас не намерен. Можете сделать перерыв на обед, если хотите.

Затем я стал насвистывать «Долог путь до Типперери». Огонь продолжал следовать за мной и со мной. Я остановился под защитой дерева, чтобы закурить сигарету. Я стоял и урывками делал затяжки. Огонь парил над землей футах в пятидесяти, поджидая меня. Я попытался мысленно потрогать его, но в этом месте вообще ничего не было. Я вытащил пистолет, но передумал и положил его обратно в кобуру. Докурил сигарету, загасил ее и двинулся дальше.

И вновь огонь тронулся в путь вместе со мной.

Примерно час спустя я разбил лагерь на небольшой прогалине. Прислонившись спиной к скале, я замотался в пленку, затем разжег маленький костер и подогрел банку с супом. В такую ночь свет издалека не разглядишь.

Блуждающий огонь висел в воздухе как раз за границей светового круга.

— Желаете чашку кофе? — спросил я.

Ответа не последовало, ну и хорошо. У меня была всего одна чашка. Поев, я зажег сигару и наблюдал, как угасает костер. Я потягивал сигару и жалел, что не видно звезд. Ночь была безмолвна, и холод пробирал до позвонков. Он уже проглотил пальцы ног и успешно переваривал их. Жаль, что я не захватил фляжку бренди.

Мой молчаливый спутник не двигался, замер, и я смотрел на него. Если это не естественный феномен, то он следит за мной. Осмелюсь ли я заснуть? Я осмелился.

Когда я проснулся, хроно указывали, что прошло полтора часа. Ничего, однако, не изменилось. Так же, как и сорок минут назад, я спал, так и два часа спустя я тоже спал, иногда просыпаясь. Я проспал остаток ночи и утром обнаружил, что огонь ждет меня.

Третий день был такой же, как и второй, — холодный и серый. Я свернул лагерь и тронулся в путь. Я находился примерно в трети пути от моей цели, как и предполагал.

Неожиданно мой спутник покинул свою позицию слева и медленно выдвинулся вперед. Потом он повернул направо и замер, паря в футах шестидесяти передо мной. К тому времени, когда

я достиг этой точки, он передвинулся вперед, предугадывая направление моего движения.

Мне это не понравилось. Получалось, словно кто-то разумный, управляющий этим огнем, издевался надо мной, говоря: «Смотри, старина, я знаю, куда ты идешь и как ты намерен туда добраться. Позволь, я немного облегчу тебе дорогу». Да, это была настоящая насмешка, потому что я почувствовал себя полным дураком. Можно было кое-что предпринять по этому поводу, но я решил подождать.

Итак, я шел за ним до обеда. Огонь вежливо подождал, пока я подкреплялся, и во время ужина сделал то же самое.

Лесные цветы уже не подмигивали мне, но я не отчаивался.

Немного спустя огонь изменил свое поведение. Он отплыл влево и исчез. Я остановился и с минуту стоял неподвижно, потому что привык к нему за это время. Не предполагалось ли, что за день у меня выработался условный рефлекс, и усталость с привычкой заставят меня последовать за огнем, отклонившись от пути? Возможно.

Как далеко заведет он меня, если я дам ему эту возможность?

Я решил, что двадцати минут ожидания огня

будет вполне достаточно. Я поправил пистолет в кобуре и набрался терпения.

И он появился. Я повторил предшествующий трюк и пошел за ним следом. Огонь поспешил вперед, подождал, пока я его догоню, и снова заспешил.

Минут через пять пошел небольшой дождь. Хотя стало темнее, я мог видеть даже без фонарика. Скоро я совсем промок. Вздрагивая, я уныло ругался.

Через полмили, когда день стал еще пасмурнее и холоднее, а чувство отчуждения еще более усилилось, я был оставлен в одиночестве: огонь исчез. Я ждал, но он не возвращался.

Я осторожно пробрался к месту, где видел его в последний раз, обойдя его справа, с пистолетом в руке, ощупывая местность взглядом и мыслью.

Я задел сухой сучок и услышал, как он треснул.

— Не надо! Ради Бога не надо!

Я бросился на землю и откатился в сторону.

Крик раздался справа, и я взял это место на прицел.

Крик? Был ли это действительно крик или лишь нечто в моем мозгу? Я не был уверен, что же именно.

Я терпеливо ждал.

Потом, на пределе слуха, до меня донеслось всхлипывание. Тихий звук трудно определить. Не поймешь, откуда он исходит, и в данном случае трудность определения звука, его источника, увеличивалась в результате моей подозрительности. Я медленно повернул голову слева направо, но никого не увидел.

— Кто здесь? — спросил я громким шепотом, потому что шепот тоже трудно зафиксировать.

Молчание. Но всхлипывания продолжались. Я ощутил боль, растерянность, и ничего больше…

— Кто здесь? — повторил я.

Снова молчание.

— Это ты, Фрэнк? — спросил чей-то голос.

Тогда я решил помолчать. Прошла минута, и тогда я назвал себя.

— Помоги мне, — взмолился голос.

— Кто ты и где?

— Здесь…

И тут я осознал ответ, и по шее к позвоночнику побежали мурашки, и ладонь непроизвольно сжала рукоятку пистолета.

— Данго! Данго Нож!

Теперь я знал, что произошло, но у меня не хватало духу включить фонарик и посмотреть как следует. Необходимости такой не было.

Потому что мой блуждающий огонь выбрал этот момент, чтобы вернуться.

Он проплыл мимо, разгораясь все ярче, чем когда-либо раньше. И завис на высоте пятнадцати — двадцати футов, сияя, как осветительная ракета. Под ним стоял Данго. И другого выбора у него не оставалось, кроме как стоять.

На месте его держали корни. Его худое треугольное лицо обрамляла черная борода, длинные волосы его переплелись с листьями в ветвях. Глаза его были темные, провалившиеся, измученные. В стволе, который был его частью, виднелись дыры от насекомых, его пятнал птичий помет, а у подножия чернели следы кострищ. С ветки, которую я обломил, капала кровь.

Я медленно встал:

— Данго…

— Они грызут мои ноги! — воскликнул он.

— Извини, мне очень жаль, — проронил я, опуская пистолет и едва не выронив его.

— Почему он не оставил меня в мертвых?

— Потому что ты когда-то был моим другом, а потом врагом. Ты хорошо знал меня.

— Из-за тебя? — дерево затряслось, словно стараясь дотянуться до меня.

Он принялся проклинать меня, а я стоял и

слушал, пока кровь смешивалась с дождем и впитывалась в землю. Когда-то мы были партнерами по одному предприятию, и он попытался обмануть меня. Я обвинил его, он был исключен из доли и пытался прикончить меня. Затем я засадил его в больницу, там, на Земле, и он погиб в автомобильной катастрофе через неделю после выхода из больницы. Он бы убил меня, если бы добрался до меня с ножом, но я не предоставил ему такой возможности. В каком-то смысле можно сказать, что я помог его несчастью, когда дело дошло до аварии. Я знал, что он не успокоится, пока не пригвоздит меня или пока сам не умрет, а мне дырявиться совсем не хотелось.

В прицельном свете огня лицо Данго казалось страшным, мертвенно-бледным. Кожа цвета мухомора и глаза злого кота. Зубы выбиты. На щеке гноилась рана. Затылок его был соединен с деревом, плечи уходили в ствол, а две большие ветви могли скрывать внутри себя руки. Начиная от пояса и ниже он был деревом.

— Кто это сделал? — спросил я.

— Этот зеленый подонок. Пейанец. Я вдруг оказался здесь. Ничего не понимал. Была авария…

— Я его достану, — угрожающе процедил я. — Я его убью. Потом я вытащу тебя…

— Нет! Не уходи!

— Но я должен, Данго.

— Ты не понимаешь моих мук. Я не могу ждать… пожалуйста…

— Всего лишь несколько дней.

— …Но выиграть может он. Тогда я здесь навсегда… Боже! Как больно! Фрэнк, я раскаиваюсь, что старался обмануть тебя, честное слово… Поверь мне!

Я посмотрел вниз, на землю, и наверх, на огонь.

Подняв пистолет, тряхнул им и опустил.

— Но я не могу тебя убить, — проронил я.

Он закусил губу и кровь побежала вниз по подбородку в бороду, и в глазах его показались слезы. Я старался не встречаться с ним взглядом.

Спотыкаясь, я отступил и что-то принялся бормотать по-пейански. И только тогда вдруг понял, что рядом находится энерговвод. Внезапно я почувствовал его. И стал расти все выше и выше, а Фрэнсис Сандау становился все меньше, и стоило мне пожать плечами, как раздавался раскат грома. Когда я поднял левую руку, громы взревели. Когда я опустил ее к плечу, вспышка ослепила меня и от потрясения волосы встали дыбом у меня на голове.

Я снова был один. Лишь пахло озоном и дымом. Я находился перед обуглившимися, раздробленными в щепы останками того, что было Данго Ножом. Даже блуждающий огонь пропал. Порывами налетал дождь и скоро прибил все запахи.

Пошатываясь, я направился туда, откуда пришел. Ботинки хлюпали, одежда была мокрее воды.

Не помню, где и когда я заснул.

Вероятно, из всех свойств и способностей человека именно сон в наибольшей степени помогает ему сохранить здравый рассудок. Сон — это скобки, в которые заключается каждый день. Если вы сегодня сделали что-то глупое, что-то неприятное, то стоит кому-то напомнить вам об этом, вы начинаете злиться. Это сегодня. Но если это произошло вчера, то вы, вполне возможно, только кивнете или усмехнетесь, вот и все. Через нематериальность сна вы уже перебрались на другой остров Времени. Как можно это сделать во сне и что можно вспомнить за один раз? Многое — так кажется лишь на первый взгляд. На самом деле — лишь небольшую часть того, что спрятано в закромах вашего мозга. И чем дальше, тем запас ваш обширнее. Поэтому стоит мне проснуться, как на помощь приходит множество

вещей, и они помогают удалить боль о каком-то отдельном воспоминании. Может показаться, что это черствость. Это не так. Это вовсе не означает, что я живу, не болея за все, что прошло, не жалея и не чувствуя своей вины. Просто за века у меня выработался мозговой рефлекс. После всякого эмоционального потрясения я сплю. Проснувшись, чувствую, как заполняют меня мысли о вчерашнем дне. Немного погодя стервятник-память сужает круги, опускаясь ниже и ниже к причине боли. И стервятник расчленяет ее, пожирает, и прошлое стоит рядом, как свидетель. Кажется, это называется взглядом со стороны. Многие люди умирали на моих глазах разными способами. Равнодушным я никогда не оставался. Но сон дает памяти возможность завести двигатель, и на следующий день моя голова снова полностью моя. Потому что, кроме смерти, есть еще и жизнь, и многие цвета радости, печали, любви, ненависти, умиротворения, удовольствия.

Ее я нашел однажды утром в горах, в дальних горах, и губы ее уже стали синими, а пальцы она едва не отморозила. Одета она была в одно лишь полосатое трико и лежала, свернувшись в клубок, у маленького кустика. Я завернул ее в

куртку и оставил на той же скале все мешки с образцами и инструментами и даже не вернулся за ними потом. Она бредила, и, кажется, я расслышал имя «Ноэль», произнесенное ею несколько раз, пока я тащил ее к машине. На теле ее было несколько серьезных ушибов и много мелких порезов, ссадин и синяков. Я отвез ее в больницу, где ей помогли и оставили на ночь. На следующий день я пришел ее навестить и узнал, что она отказалась назвать себя. Она не могла также заплатить за лечение. Поэтому я уплатил по счету и поинтересовался, что она думает делать дальше. Этого она тоже не знала. Я предложил ей остановиться в коттедже, который снимал, и она согласилась. Всю первую неделю у меня было такое впечатление, будто в доме поселилось привидение. Она постоянно хранила молчание, если только ее о чем-нибудь не спрашивали. Она готовила для меня еду, убирала в доме, а все остальное время проводила, запершись в своей комнате. Во вторую неделю она услышала, как я играю на мандолине — я первый раз за многие годы взял в руки инструмент, — и она вышла из своей комнаты и присела напротив меня в гостиной и стала слушать. Поэтому я продолжал играть еще целый час, и впервые за все это время

она проявила какую-то реакцию. Когда я опустил мандолину, она спросила, можно ли ей поиграть. Я не возражал. Она подошла ко мне, взяла инструмент, склонилась над ним и начала играть. Конечно, она была далеко не виртуоз, впрочем, как и я сам. Я послушал ее игру, потом принес ей кофе и пожелал спокойной ночи. На следующий день это был уже другой человек. Она причесала и слегка подрезала свои темные волосы. И припухлость под ее глазами тоже уменьшилась. За завтраком мы разговаривали с ней о чем угодно: о погоде, последних новостях, о моей работе с минералами, о музыке, об антиквариате и даже об экзотических раках и тропических рыбках. Обо всем, кроме нее самой. После этого мы начали ходить вместе — в ресторан, театр, на пляж — куда угодно, только не в горы. Так прошло четыре месяца. Я вдруг понял, что, может быть, полюбил ее. Я ничего ей не сказал, но она не могла не заметить моих чувств. Но, проклятье, я ничего о ней не знал и испытывал неловкость. Может, у нее где-то муж и шестеро детей. Она попросила пойти с ней на танцы. Мы пошли и танцевали на террасе под звездами до самого закрытия, до четырех утра. Когда я проснулся около полудня, ее уже не было. На столе в кухне лежала записка.

В ней говорилось:

«Спасибо. Пожалуйста, не ищите меня. Я должна вернуться. Я вас люблю».

Подписи, конечно, не было. Вот и все, что я знаю об этой девушке без имени.

А когда мне было лет пятнадцать, то под деревом я нашел птенца. Я косил траву во дворе и обнаружил птенца, у него были сломаны ножки. По крайней мере, мне так показалось, потому что они торчали в разные стороны под странным углом. Когда птенец заметил меня, он отвел голову назад и раскрыл клюв. Я наклонился и увидел, что его всего покрывали муравьи, поэтому я поднял его и отряхнул. Затем я стал искать место, куда его положить, и решил, что корзина со свежескошенной травой вполне подойдет. Корзину я поставил на летний столик в нашем патио, под кленами. Я попытался пипеткой влить ему несколько капель молока в клюв, но он едва не захлебнулся. Я снова принялся за работу. Попозже я вернулся посмотреть на птенца и рядом с ним заметил на траве пять или шесть больших черных жуков. Я с отвращением выкинул их. На следующее утро, когда я вернулся с молоком и пипеткой, то обнаружил в корзине новых жуков. Я вновь навел порядок. Некоторое время спустя я

увидел, как на края корзины опустилась большая черная птица. Она прыгнула в корзину и мгновение спустя улетела. Я продолжал наблюдение за ней: за полчаса она прилетела еще три раза. Потом я заглянул в корзину и нашел там жуков. Я понял, что птица ловила жуков и приносила их, пытаясь покормить птенца. Есть он не мог, поэтому она просто оставляла их в корзине. В ту ночь птенца обнаружил кот. И на следующий день, когда я пришел к корзине, в ней осталось всего несколько перьев и капель крови среди больших черных жуков.

А где-то в пространстве есть «славное местечко»: вокруг красного солнца кружит кольцо астероидов. Несколько веков назад мы обнаружили здесь разумную расу членистоногих, которые называли себя «виллизами». Контакта с ними установить не могли. Они отказывались от предложений дружбы и сотрудничества со всякой разумной расой. Кроме того, они умертвили наших посланников и в расчлененном виде возвратили их нам. Во время первой встречи с виллизами они еще пользовались межпланетными кораблями. А немного спустя уже совершали межзвездные перелеты. Но куда бы они ни отправлялись, они убивали и грабили все живое. Очевидно, они

не представляли размеров межгалактического сообщества того времени, а возможно, это их не волновало. Они, видимо, предположили, что на достижение взаимной договоренности и объявление войны у нас уйдет уйма времени. Собственно, межзвездная война — очень редкое явление. Пейанцы — почти единственная раса, которая имеет о ней представление. Итак, наше нападение не удалось, остатки объединенного флота были отосланы, и мы начали обстреливать их планету издалека. Но технологически виллизы оказались куда развитее, чем мы думали. У них имелась совершенная антиракетная защита. Поэтому мы вновь отступили и попытались блокировать их и, таким образом, примирились с их существованием. Но своих набегов они не прекращали. Тогда были призваны Имяносящие и три мироформиста: Сангринг из Кралдеи, Карфтинг из Мордеи и я; выбраны, дабы использовать наши силы и знания. И вот в системе виллизов, за пределами орбиты их планеты, мы начали формировать планетоид из астероидов. Скала за скалой, осколок за осколком, планетоид рос и рос, и постепенно орбита его менялась… Мы с нашими машинами расположились за орбитой самой дальней планеты, управляя ростом нового мира

и его спиральным путем. Когда виллизы поняли, что происходит, они попытались уничтожить планетоид, но было уже поздно. Пощады виллизы не просили, и никто из них не попытался бежать. Они ждали возмездия, и этот день настал. Орбиты двух планет пересеклись, и теперь в этом месте лишь кольцо каменных осколков кружит вокруг красного солнца. Неделю после этого я пил беспробудно… А однажды я погибал в пустыне: моя машина разбилась, и я попытался дойти до поселения. Я шел четыре дня, и тело мое превратилось в наждачную бумагу, а ноги, казалось, отделены были от меня миллионом миль. Я потерял сознание. Не знаю, как долго я пролежал. Вероятно, целый день. Затем, как мне тогда показалось, в кошмаре мук жажды ко мне подошло некое существо и нагнулось надо мной. Оно было пурпурного цвета, с брыжжами вокруг шеи и тремя роговыми выступами на ящероподобном лице, около четырех футов длины и покрыто чешуей. Сзади имелся короткий хвост, а на каждом пальце был коготь. Глаза его были темные, овальные, с мигательными мембранами. С собой существо несло длинную тростинку и маленький мешок. Я до сих пор не знаю, что или кто это был. Несколько секунд существо рассматривало меня,

потом отбежало в сторону. Я перевернулся на бок и наблюдал за ним. Оно воткнуло тростинку в землю и обхватило ее второй конец ртом. Постепенно щеки животного стали раздуваться, как резиновые пузыри. Затем, оставив тростинку воткнутой, оно подбежало ко мне и коснулось моего рта передней лапой. Я машинально открыл рот. Наклонившись так, чтобы не потерять ни капли влаги, оно буквально впрыснуло горячую грязную воду из своего рта в мой. Это повторялось шесть раз. Потом я снова потерял сознание. Когда я пришел в себя, был вечер и это существо опять принесло мне воды. Утром я уже мог сам подойти к тростинке, присесть и вытянуть порцию влаги. Существо медленно просыпалось, вялое в утреннем холоде. Когда оно подошло ко мне, я вытащил свой хроно, охотничий нож и все деньги, какие нашлись в кармане, и положил все это перед ним. Оно посмотрело на вещи. Я подтолкнул их поближе и показал на мешочек, который оно несло с собой. Существо отодвинуло вещи назад и защелкало языком.

Поэтому я коснулся его передней лапки и поблагодарил на всех языках, мне известных, подобрал свои пожитки и отправился дальше. На следующий день к вечеру я пришел к селению.

Девушка, птица, глоток воды и Данго Нож, расколотый с головы до ног.

В кругах воспоминаний боль помещается рядом с мыслью, видением, чувством и вечными вопросами. Сон, проводник памяти, сохраняет мой разум в целости. Больше я ничего не знаю. Но не думаю, что я зачерствел, ибо на следующий день я проснулся, полный еще большей решимости совершить то, что мне предстояло…

А лежали передо мной пятьдесят или шестьдесят миль пересеченной местности. Чем дальше, тем более труднопроходимой становилась дорога. Окрестности стали скалистее, суше. У листьев появились острые зазубренные карликовые защипы.

И деревья здесь были другими, и животные иные. Это были карикатуры на мои создания, создания, которыми я так гордился. Мои ночные певуны издавали хриплое карканье, у насекомых объявились жала, а цветы просто воняли. Исчезли стройные, высокие деревья. Стволы приобрели узловатую, прижатую к земле форму. Мои газели-леогазы начали хромать. Звери фыркали и убегали от меня. Некоторых, покрупнее, пришлось даже осаживать.

Уши мои болели — я взбирался все выше, и

туман меня не покидал, но я продвигался вперед, медленно, но верно. В тот день я сделал, наверное, миль двадцать пять.

Я прикинул еще два дня или даже меньше. И еще один день на все остальное.

В ту ночь меня разбудил самый жуткий взрыв, какой я только слышал в жизни. Я сел и прислушался к эху, и лишь звон стоял у меня в ушах. Я сидел с пистолетом в руке и ждал, прислонившись к старому, большому дереву.

На северо-западе, несмотря на туман, я видел зарево, оранжевое полыхание. Оно начинало разрастаться.

Второй взрыв не был таким громким, как первый. И третий, и четвертый тоже. Но к этому времени меня отвлекли другие обстоятельства.

Земля подо мной задрожала.

Толчки усилились. Я остановился на месте и ждал.

Судя по тому, что собой представляло небо, четверть планеты полыхала огнем.

Я сунул пистолет обратно в кобуру и закурил сигарету. Что-то тут не так. Совершенно ясно, что Грин Грин лезет из шкуры вон, чтобы поразить меня, хотя должен был бы знать: произвести на меня впечатление не так-то просто. Естественны-

ми здесь такие процессы быть не могут, а кроме Грин Грина и меня, на сцене не имелось действующих лиц, способных на подобные эффекты. Не хотел ли он просто сказать: «Смотри, я разнесу твой мир в щепки, что ты теперь станешь делать, а?» Неужели он демонстрировал мощь Белиона, надеясь запугать меня?

На мгновение у меня появилось желание найти энерговвод и выдать Грин Грину такую электрическую бурю, какой он в жизни не видал. Но эту мысль я сразу оставил: не желал вести бой на расстоянии, хотел встретиться с ним лицом к лицу и сказать все, что я о нем думаю, хотел, чтобы он меня видел и ответил мне, отчего он уродился таким чертовым болваном, отчего он меня ненавидит только за то, что я принадлежу к расе гомо сапиенс, и зачем прилагает неимоверные усилия, лишь бы нанести мне удар и боль.

Он не мог не знать, что я уже прибыл и где нахожусь, иначе блуждающий огонь не вывел бы меня к Данго.

Я закрыл глаза, наклонил голову и вызвал Силу. Я попытался вызвать в сознании его картину — как он там, неподалеку от Острова Смерти, следит за поднимающимся конусом своего вулкана, смотрит, как летит черными листьями пепел,

как кипит лава, как змеи сернистого дыма ползут в небеса, и силой всей своей ненависти я послал злорадному пейанцу сообщение:

«Терпение, Грин Грин, терпение, Грингрин-тари. Терпение.

Всего через несколько дней мы встретимся на короткое время. Очень короткое время».

Ответа не было, но я и не ожидал его.

Утром идти стало труднее. Сквозь туман начал падать черный пепел, время от времени земля вздрагивала и животные убегали из этих мест в противоположном моему движению направлении. Меня они полностью игнорировали, да и я старался не замечать их.

Весь северный горизонт пылал огнем. Если бы на любой из моих планет я не обладал абсолютным чувством направления, то мог бы подумать, что двигаюсь прямо на восход. Я был жестоко разочарован.

И это пейанец, почти что Имяносящий, представитель самой утонченной в искусстве расы, которой в искусстве мести вообще не было равных. Пейанец строит из себя клоуна перед презренным землянином. Ну ладно, он меня ненавидел и хотел со мной покончить. Но это не повод делать глупости и забывать прекрасные

древние традиции своего народа. Ведь вулкан всего лишь детская демонстрация силы, которую я, ясное дело, и так предполагал встретить. Мне было стыдно за Грин Грина, за такую безвкусицу, совершаемую на моей планете. Даже я, за свой краткий период ученичества, узнал достаточно об изящном искусстве вендетты, чтобы понимать, какую он совершает нелепость. Теперь я, кажется, начал понимать, отчего он не прошел последнего испытания.

Я пожевал на ходу немного шоколада, решив не делать остановки на обед до вечера. Я хотел пройти в этот день как можно больше, чтобы утром мне оставалось лишь несколько часов пути. Я выбрал средний равномерный темп, и свет впереди становился все ярче и ярче, пепел падал все гуще, земля вздрагивала почти каждый час довольно ощутимо.

Примерно в полдень на меня напал бородавчатый медведь. Я попытался взять его под контроль, но не смог. Пришлось убить. Туман к этому времени почти развеялся, но беспрерывно сыпавшийся пепел более чем компенсировал эту потерю. Кашляя, я пробирался сквозь сумерки посреди дня. Из-за изменения в характере местности я продвигался медленнее, чем предполагал, и поэтому

добавил к пути еще один день.

Но ко времени, когда я расположился на ночлег, мне удалось покрыть приличное расстояние, и я теперь знал, что достигну Ахерона к полудню следующего дня.

Я отыскал сухое место на склоне холма. Его покрывали наполовину ушедшие в землю валуны, торчавшие под разнообразными углами. Я привел в порядок все свои принадлежности, растянул пленку, развел костер и немного перекусил. Затем я закурил одну из моих последних сигар, дабы вновь внести лепту в загрязнение воздуха планеты, и забрался в спальный мешок.

Мне приснился сон. Что именно снилось, вспомнить не могу, помню только, что сперва это был приятный сон, который постепенно превратился в кошмар. Помню, что я начал мечтать во сне, но вдруг понял, что это уже не сон и что я уже проснулся. Но глаз я не открыл и продолжал шевелиться, как будто во сне. Моя ладонь коснулась пистолета. Я лежал и прислушивался, стараясь определить источник опасности. Я напряг «глаза и уши» внутри своего сознания.

В воздухе я ощущал запах дыма и пепла, ощущал пронизывающую холодную влажность земли, на которой лежал. И чувствовал, что рядом

находится кто-то или что-то еще. Вслушавшись, я уловил тихий стук потревоженного камня, где-то справа от меня. И снова повисла тишина.

Я коснулся пальцем изгиба дужки спуска и повернул ствол в направлении звука.

И вот, нежно-нежно, словно птичка колибри, которая опускается на медоносный цветок, в голову мою, в это мое сумрачное жилище, проникло какое-то щупальце.

«СПИШЬ. СПИШЬ, — казалось шептал кто-то, — и пока просыпаться не будешь. Не будешь, пока не разрешу. Ты спишь и слышишь меня. Так и должно быть. Нет причин просыпаться. Спи крепко, глубоко, как я тебе велю. Это очень важно, чтобы ты…» Минуту спустя, если следовать чьей-то логике, когда я наверняка был погружен в сон, в том же месте, где и раньше, снова послышался шум.

Тогда я приоткрыл глаза и внимательно всмотрелся в очертания теней.

За одним из валунов, примерно в тридцати футах от меня, появился силуэт, которого не было в момент моего отхода ко сну. Я наблюдал за ним, пока не заметил некоего шевеления. Я щелкнул предохранителем, очень тщательно прицелился и потянул спуск, прочертив линию по грунту

примерно в пяти футах от силуэта. В его сторону полетели вверх куски гравия, грязи и песка.

«ПОПРОБУЙ ТОЛЬКО ВЗДОХНУТЬ, И Я РАССЕКУ ТЕБЯ ПОПОЛАМ!» — пригрозил я ему.

Затем я встал, не спуская силуэт с прицела Когда я заговорил, то заговорил по-пейански, потому что в свете луча успел заметить, что за валуном притаился пейанец.

— Грин Грин, — усмехнулся я. — Такого увальня я среди пейанцев еще не встречал.

— Да, я совершил несколько ошибок, — признался он, не выходя из тени.

Я тихо рассмеялся.

— Мягко сказано.

— Но у меня были извиняющие обстоятельства.

— Оправдания… Ты даже не выучил как следует закон скалы. Рано ты поднял на меня руку. Скала кажется неподвижной, но незаметно движется, — я покачал головой. — Бедные твои предки, как могут они покоиться в мире после такого халтурного отмщения, а?

— Я опасаюсь, что приближается мой конец.

— А почему бы и нет! Не станешь же ты отрицать, что выманил меня сюда единственно с целью добиться моей гибели?

— Почему я должен отрицать очевидное?

— Тогда почему бы мне не довести дело до логического конца?

— Но подумай, Фрэнсис Сандау, будет ли это логично. Ведь я мог дождаться твоего появления там, где находился бы в более выгодном положении?

— Вероятно, я потряс твои чувства вчера вечером.

— Не такой уж я нервный. Нет, я пришел сюда, чтобы получить над тобой контроль.

— И проиграл!

— … и проиграл.

— В чем же дело?

— Мне нужен ты.

— Для чего?

— Мы должны как можно быстрее улететь отсюда, ведь в твоем распоряжении имеется средство передвижения.

— Естественно, но чего ты испугался?

— За всю жизнь, Фрэнсис Сандау, ты приобрел несколько друзей и множество врагов.

— Называй меня просто Френк. У меня такое чувство, словно мы давно знакомы, мертвец.

— Тебе не следовало вчера посылать сообщение о своем прибытии, Френк. Теперь о твоем

присутствии знают. И если ты не поможешь мне бежать, то встретишься с еще более суровым мстителем, чем я.

Ветер переменил направление, и до меня донесся сладковатый, отдающий плесенью запах — так пахнет кровь пейанцев. Я щелкнул кнопкой фонарика и направил луч на Грин Грина.

— Ты ранен?

— Да.

Я опустил фонарик, отступил к рюкзаку и раскрыл его левой рукой. Отыскав пакет первой помощи, я перебросил его пейанцу.

— Сделай перевязку, — произнес я, снова поднимая фонарик. — Они дурно пахнут, твои раны.

Он развернул бинт и повязал его поверх глубокой раны на плече и предплечье. На несколько ран помельче — на груди — он не стал обращать внимания.

— Похоже, тебе пришлось драться.

— Пришлось.

— И как дела противника?

— Я ранил его, почти убил. Но теперь это уже не играет роли.

Я заметил, что у него нет оружия, поэтому уложил свой пистолет в кобуру и подошел к нему:

— Делгрен из Дилпеи шлет тебе горячий при-

вет. По-моему, тебе посчастливилось попасть в его «ассенизаторский» список.

Он усмехнулся:

— Делгрен был следующим на очереди после тебя.

— Тем более. Почему же я должен оставить тебя в живых?

Он завершил перевязку ран.

— Предлагаю сделку.

— Какую?

— У тебя где-то есть спрятанный корабль. Возьми меня с собой и увези с этой планеты.

— А что я получу взамен?

— Жизнь!

— Едва ли ты, в своем теперешнем положении, можешь мне угрожать.

— Я тебе не угрожаю. Я предлагаю услуги, чтобы спасти твою жизнь, если ты спасешь мою.

— От чего спасать?

— Ты знаешь, что я возвратил к жизни нескольких людей?

— Да, ты стащил Воспроизводящие Ленты… Кстати, как ты это смог сделать?

— Телепортация. Это мой дар. Я могу переносить небольшие предметы с места на место. Много лет назад, когда я только начинал подго-

тавливать мою месть, я несколько раз посетил Землю, и каждый раз, кстати, кто-то из твоих врагов ли, друзей ли, умирал. Потом я ждал, пока не накопится достаточных средств, чтобы купить эту планету. А для мироформиста несложно научиться обращаться с Лентами.

— «Друзей», «врагов» — ты воспроизвел их именно тут?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы ты увидел, как снова будут страдать твои близкие и любимые, прежде чем сам не умрешь. Жаль, что это не получилось. А твои враги должны были наслаждаться твоими мучениями.

— А почему ты поступил так коварно с человеком по имени Данго?

— Он меня раздражал. История его гибели должна быть предостережением для тебя. Я избавился от него, доставив ему максимум мучений.

— Понятно. Но почему здесь, на Иллирии?

— О Боже! Разве это не твоя любимая планета после Вольной, которая для меня недоступна? Разве это не твое любимое детище?

— Это так.

— Чего же лучшего искать?

Я выбросил сигарету и загасил ее каблуком.

— Ты оказался сильнее, чем я предполагал, — добавил после паузы Грин Грин. — Ты, Френк, смог его однажды убить, а меня он победил и отобрал у меня нечто, не имеющее цены…

А я вдруг мысленно оказался на резной крыше дома, на Вольной. Я покуривал сигарету, а напротив сидел Льюис Бриггс в образе бритой мартышки, и я пробегал глазами список имен, который он мне передал. Так что телепатия здесь ни при чем: просто память и логическое мышление плюс мрачные предчувствия.

— Майк Шендон, — прошептал я.

— Я не знал, что это такое, а иначе бы не воспроизвел его ни в коем случае.

Я мог бы и пораньше обо всем догадаться! Ведь я знал, что он оживил всех, но я был занят лишь мыслями о Кати и других близких мне людях…

— Ты дурак с куском кости вместо мозга, — выругался я. — Дурак и сукин сын!

В моем родном XX веке искусство или же ремесло шпионажа пользовалось куда более широкой известностью среди народных масс, чем, скажем, морская пехота США или Американская Медицинская Ассоциация. В длинном ряду популярности героев, начиная с принцев

Эпохи Возрождения и кончая бедными трудолюбивыми юношами, которые жили честно, старательно трудились и женились в результате на дочерях своих начальников, люди с капсулами цианистого калия в дупле зуба, с прекрасными любовницами-шпионками и невозможно трудными заданиями, в которых секс и насилие на скорую руку заменяли любовь и смерть, эти люди пришли к славе в семидесятые годы и, в самом деле, их воспринимают теперь с ностальгией, подобно Рождеству в средневековой Англии. Но в наши дни шпионы — это еще более тоскливое зрелище, чем в двадцатом веке. Они собирают всякие мелочи, которые только могут передать своему начальству, которое в свою очередь вводит их в компьютеры. Таким образом, становится известным какой-то второстепенный факт, кто-то пишет малопонятный доклад, доклад помещают в архив — и о нем забывают. Классический шпионаж имеет дело с военными сведениями, а в наши дни настоящие, талантливые шпионы работают в промышленной сфере. В двадцатом веке мало кто знал о человеке, доставившем в руки компании «Дженерал Моторе» микрофильмы чертежей последнего детища мозгового треста Форда, или о девице, у которой

на подкладке лифчика или на лобке помещался набросок последней модели Диора. Эти шпионы не удостаивались Особого внимания. Но теперь межзвездная торговля невозможно напряжена. Все, что может дать вам какое-то преимущество — новый технологический процесс, секретное расписание поставок, — переоценить невозможно. Если вы желаете знать что-то, что имеется у кого-то другого, то в этом деле настоящий шпион стоит своего веса в пенке для курительных трубок, и это без преувеличения.

Майк Шендон был настоящим шпионом, лучшим из всех, какие у меня когда-либо работали. При мысли о нем я не могу сдержать некоторого укола зависти. Он достиг всего, о чем я могу только мечтать.

Он был примерно на два фута выше меня ростом и фунтов на двадцать пять тяжелее. Глаза у него были цвета только что отполированного красного дерева, а волосы черными, как чернила. Он был чертовски ловок, голос имел до отвращения красивый и одевался всегда безукоризненно. Бывший выходец с планеты фермеров Вава, он обладая дорогостоящими вкусами и неспособностью сидеть на одном месте. Школу он не посещал и обучался самостоятельно, когда

проходил перевоспитание после совершения антиобщественного поступка. В дни моей молодости было бы сказано так: он проводил все свободные часы в тюремной библиотеке, отбывая срок за крупную кражу. Сейчас так не говорят, но смысл от этого не меняется. Перевоспитание его было успешным, если судить по тому факту, что во второй раз его поймали не очень скоро. Конечно, у него были блестящие способности. Я не думал, что его выследят вторично, хотя он любил говорить, что ему это на роду написано. Он был телепатом и обладал почти фотографической памятью. Он был силен, выносив, умел пить, и женщины вешались ему на шею. Поэтому, как мне кажется, я имел все основания для зависти.

Он работал на меня несколько лет, прежде чем я познакомился с ним лично. Один из моих вербовщиков обнаружил его и направил в «Специальную учебную группу при Объединении Сандау», проще говоря, «шпионскую школу». Год спустя он уже был вторым в своем классе. Он проявил себя, когда дело дошло до производственных исследований, как мы это называем. Его имя продолжало появляться в секретных донесениях, и я решил пригласить его на обед.

Искренность и хорошие манеры — вот и все,

что я мог потом вспомнить. Это был прирожденный проходимец.

Телепаты встречаются редко, и полученная телепатическим путем информация не имеет цены в суде, и все же дар этот явно чего-то стоил. Но чего бы он ни стоил, работать с ним было не так-то легко. Сколько бы он ни зарабатывал, он всегда тратил больше.

Лишь годы спустя после его смерти я узнал о размерах его деятельности по шантажу. Но попался он, конечно, при работе «на сторону».

Мы знали, что в системе секретности Объединения имеется серьезная течь. Но мы не представляли, где и при каких обстоятельствах утекают сведения, и потребовалось пять лет, чтобы выяснить причину. К этому времени Объединение Сандау порядочно лихорадило.

Но в конце концов мы его «пришпилили». Это было трудное дело, и нам пришлось нанять еще четырех телепатов. Мы загнали его в угол и отдали под суд. Он был приговорен к лишению свободы и отправлен на очередное перевоспитание. Мне пришлось взять три контракта на мироформирование, чтобы поддержать наше ОС. Мы пережили немалые трудности, но все обошлось благополучно.

Несколько лет спустя Шендон из заключения бежал, и эта весть разнеслась быстро.

Имя его было занесено в список лиц, разыскиваемых полицией. Но ведь Вселенная велика…

Это произошло на побережье Куобей, в Орегоне, где я выбрал себе местечко для отдыха на Земле, у моря. Два или три месяца представлялись мне вполне подходящим сроком.

Жизнь рядом с морем — целительное время для утомленной психики. Морские запахи, чайки, песок, то прохлада, то жара, то сухость, то влажность, вкус морской соли на языке и постоянное присутствие сине-серо-зеленого испещренного барашками пены беспокойного пространства проясняют взгляд на мир и очищают сознание. Я прогуливался вдоль берега каждый день до завтрака и каждый вечер после ужина. Звали меня Карлос Палермо, если это кого-то интересовало. После шести недель я начал чувствовать себя чистым и здоровым снаружи и внутри, и к тому же, объединившись с местными компаниями, моя финансовая империя снова пришла в состояние равновесия.

Мой дом — белое каменное строение с красной черепичной крышей и закрытым задним двориком — находился на берегу небольшой бухты. В

стене, со стороны моря, имелась черная железная решетка-ворота, а сразу за ней располагался пляж. С юга пляж ограничивал высокий откос серой глины, с севера берег заключали непролазные кусты и древесная поросль. Здесь все дышало миром, и я ощущал мир в себе.

Ночь была прохладной, можно даже сказать, зябкой. Большая, в три четверти луна, не спеша опускалась на западе, разбрасывая блики на море. Звезды казались соцветиями ярких растений. В дали вздыхающего морского полотна собравшиеся вместе восемь плавучих буровых платформ время от времени загораживали звезды. Временами на металле плавучего острова отсвечивали лунные лучи.

Я не слышал, как он подобрался. Очевидно, он прокрался сквозь заросли на севере, подождал, когда я подойду как можно ближе, и напал, когда я ощутил его присутствие.

Одному телепату легче скрыть свое присутствие от другого, чем это может показаться. Одновременно он пытается следить за действиями второго, и это достигается с помощью так называемого «блокирования» — когда ты вокруг себя как бы возводишь экран и, таким образом, остаешься нейтральным, отгораживаешься от

мира.

Признаем, что это довольно трудно сделать, если вы до смерти ненавидите человека и подкрадываетесь к нему с целью прикончить его, но именно это, вероятно, и спасло мне жизнь.

Не могу сказать, что я действительно почувствовал чье-то зловещее присутствие за спиной. Просто получилось, что, прогуливаясь вдоль линии прибоя и вдыхая ночной воздух, я вдруг был охвачен тягостным чувством. Подобные безымянные мысли порой будят человека посреди тихой теплой ночи, вы просыпаетесь без определенной причины, некоторое время лежите, раздумывая, что за дьявол вас разбудил, потом вдруг слышите непонятный звук в соседней комнате, усиленный, тишиной, наэлектризованной неожиданной тревогой и сжимающим все внутри напряжением. Такие вот мысли вдруг промчались у меня в голове, я почувствовал мурашки в пальцах рук и ног — старый антропоидный рефлекс — и ночь показалась мне еще темней, и в море вдруг объявились невиданные ужасные твари, и щупальца их, скрытые волнами, уже тянулись ко мне.

Светящаяся полоска над головой означала пролетавший стратосферический транспорт,

который в любую секунду мог выйти из строя и метеором низринуться мне на голову.

Словом, когда я услышал позади хруст песка, адреналин уже бушевал в крови.

Я быстро обернулся, одновременно пригибаясь. Правая нога моя поскользнулась, и я упал на одно колено.

Удар в голову бросил меня на правый бок. Тут он на меня и напал, и мы сцепились на песке, стараясь занять выгодную позицию. Кричать было бесполезно, потому что поблизости никого не было. Я попытался запорошить ему глаза песком, попытался ударить его в пах коленом и бил еще в дюжину чувствительных мест. Но он был отлично натренирован и весил больше, и реакция у него была быстрее.

Как ни странно, прежде чем я узнал его, мы минут пять дрались молча. Мы дрались уже на мокром песке, под ногами была вода, и он уже сломал мне нос прямым ударом головы и вывернул два пальца, когда я попытался сжать его горло. На его мокрое лицо упал лунный свет, и я, наконец, увидел, что это Шендон, и понял, что мне придется убить его, чтобы выжить самому. Оглушить — этого будет мало. Тюрьмы или больницы лишь отодвинут новую встречу с ним на будущее. Он

должен умереть, чтобы я мог спокойно жить. Как мне кажется, и он рассуждал подобным образом.

Секунду спустя в спину мне воткнулось что-то твердое и острое, и я дернулся в сторону. Если этот человек решил убить меня, то не имеет значения, каким способом я с ним покончу. Главное — успеть нанести удар первым.

Вокруг плескались волны прибоя. Он прижал мою голову, чтобы опустить ее под воду, но я нащупал рукой камень.

Первый удар скользнул по предплечью, которое он поднял для защиты. У телепатов иногда бывает преимущество в драке, потому что они знают, что через долю секунды собирается предпринять противник. Но страшная штука — знать и не иметь возможности предотвратить удар. Со второго раза я раздробил ему левую глазницу, и он, очевидно, понял, что ему пришла смерть, потому что завыл как собака. Через мгновение я опустил камень на его висок и на всякий случай ударил его еще два раза. Потом оттолкнул в сторону и откатился. Камень выскользнул из моих пальцев и упал рядом в воду.

Я долго лежал, моргая, смотрел на звезды, пока волны прилива окатывали меня и лениво покачивали тело смертельного врага в нескольких

футах от меня.

Когда я собрался с силами, я обыскал его и среди прочего обнаружил пистолет. Он был заряжен и отлично работал.

Другими словами, он хотел прикончить меня голыми руками. Он предположил, что у него хватит для этого сил. Он мог спокойно пригвоздить меня из-за кустов, но мне повезло, что он послушался голоса своей ненависти. Это мог бы быть самый опасный человек, с каким я только сталкивался, если бы его не захлестывали эмоции. Я никогда не позволял чувствам диктовать мне средства.

Я заявил о нападении в полицию, и Шендон остался лежать мертвым там, на Земле. Где-то в Далласе он превратился в кусочек Ленты, и все, чем он был и надеялся быть, весило теперь меньше унции. А через тридцать дней и эта Лента должна была исчезнуть.

Несколько дней спустя накануне моего отлета я стоял на том самом месте, на другом берегу Большого Озера. По другую его сторону располагался Токийский залив, и я знал, что если вы уже отправились в его воды, то назад вам дороги нет. Отражения звезд мерцали и двоились, как сквозь поле деформационного генератора, а где-то по-

смеивался некто с зеленой кожей. Он вышел на рыбалку в Залив.

— Ты дурак и сукин сын! — повторил я.

Глава 6

Необходимость начинать все сначала раздражала меня. Но кроме раздражения, я испытывал и определенный страх. Шендон один раз промахнулся, поддавшись чувствам. Едва ли он дважды допустит одну и ту же ошибку. Это был опасный человек, а теперь он стал еще более опасным. Кроме того, он знал о моем присутствии на Иллирии из посланного мною Грин Грину сообщения накануне вечером.

— Ты усложнил мою задачу, — заявил я. — Поэтому ты мне не поможешь ее разрешить.

— Не понимаю, — произнес Грин Грин.

— Ты наживил для меня ловушку, но приманка осталась на месте, как и раньше. И я пойду на все, и ты пойдешь со мной.

Он засмеялся.

— Прошу прощения, но мой путь лежит в противоположном направлении. По доброй воле я назад не пойду, а пользы от меня как от пленника не будет. Практически я стану лишь ненужным балластом.

— У меня есть три варианта, — проронил я. — Я могу прикончить тебя на месте, могу позволить

тебе уйти на все четыре стороны, могу позволить идти со мной. Первый вариант мы отклоняем, потому что мертвый для меня не представляет никакой ценности. Если ты отправишься своей дорогой, то и я продолжу свой путь. Добившись того, чего я хочу, если мне это удастся, вернусь на Мегапеи. Там я всем расскажу, как провалился твой многовековой план мести назойливому землянину.

Я расскажу, как ты, вопреки своему плану, бежал, потому что тебя до безумия напугал другой человек, тоже землянин. И если после этого ты вдруг надумаешь жениться, то подыскивать пару тебе придется на другой планете, да и там, среди пейанцев, разнесется слух о твоей трусости. И никто не станет называть тебя «Дра», несмотря на твое состояние. Мегапея откажется принять твои кости, когда ты сдохнешь. Ты никогда больше не услышишь звона приливного колокола, зная, что он звонит по тебе.

— Да, будут слепые твари на морском дне, чьи брюхи, как круги света, будут вспоминать удивительный вкус твоих потрохов, — сказал он.

Я выпустил колечко дыма.

— А если я отправлюсь дальше один и меня убьют, то неужели ты думаешь, что тебе удастся

убежать? Если ты сражался с Майком Шендоном, то неужели ты не заглянул в его мысли? Ведь ты, кажется, упомянул, что ранил его? И после этого полагаешь, что он простит тебе это? Да, он не изыскан, как пейанцы. Он не станет тратить время на ритуалы. Он просто начнет искать тебя, а когда отыщет, то прирежет как свинью. Поэтому, выиграю я или проиграю, конец у тебя один — бесчестье и смерть.

— А если я решу идти с тобой и помогать тебе, что тогда? — поинтересовался он.

— Ты сможешь отменить месть надо мной, не запятнав себя. Я не стану требовать возмещения убытков, и каждый из нас отправится своим путем, каждый будет свободен от обязательств перед другим.

— Нет, — возразил он. — Пайбадра (оскорбление) — это твое избрание в Имяносящие. Я не принимаю твоего предложения.

Я лишь пожал плечами:

— Ну что ж, поскольку твои чувства и намерения мне известны, то для нас обоих бесполезно строить мост по классическим канонам. Могу предложить тебе такой компромисс. Помоги мне, а потом, когда все останется позади, я предоставлю тебе возможность честно свести со мной

счеты. Что ты на это скажешь?

— Какие средства ты думаешь избрать?

— Пока не знаю. Подойдет все, на что ты согласишься.

— Какие гарантии ты даешь?

— Я клянусь именем, которое ношу.

Он отвернулся и некоторое время молча размышлял, после чего произнес:

— Согласен. Я пойду с тобой и буду тебе помогать.

— Тогда вернемся в лагерь и расположимся поудобнее. Ты должен побольше рассказать мне о некоторых проблемах, которые ты лишь слегка затронул.

Я повернулся к нему спиной и направился в лагерь. Там я расстелил пленку, чтобы мы могли поместиться на ней вдвоем, и подбросил дров в костер.

Прежде чем мы оба уселись, земля вздрогнула.

— Это ты наделал? — я показал рукой на северо-запад.

— Частично.

— Зачем? Пытался меня напугать?

— Нет, не тебя.

— Шендон тоже не испугался.

— Испугался.

— Может быть, ты расскажешь мне поподробней, что случилось?

— Во-первых, относительно нашего соглашения. У меня только что возникло встречное предложение… постарайся его выслушать.

— Какое?

— Ты направляешься спасать своих друзей, а Майка Шендона мы постараемся обойти. Или ты жаждешь его крови немедленно?

Я сидел и обдумывал его предложение. Если я оставлю Майка в живых, то рано или поздно он снова до меня доберется. С другой стороны, если я получу сейчас то, что мне нужно, и не буду при этом стоять у него на пути, то потом я найду тысячу безопасных способов вывести его из игры. К тому же я прибыл на Иллирию готовый встретиться лицом к лицу со смертельным врагом. Какая разница, если переменятся лица и декорации? И все же…

— Те люди, которых ты ищешь, находятся здесь потому, что я воспроизвел их. Ты знаешь, как я это сделал. Я использовал Ленты. Ленты до сих пор у меня в сохранности, и лишь я знаю, как их найти. Я рассказал уже, как они ко мне попали. То же самое я могу сделать и сейчас. Я могу переправить Ленты сюда немедленно, если ты попросишь.

Затем мы можем покинуть это место, и ты вновь возродишь этих людей, по своему желанию. Когда мы взлетим, я укажу тебе место, куда надо стрелять или бросить бомбу, и мы уничтожим Майка Шендона, не подвергая себя опасности. Разве это не более простой и безопасный способ? Наши разногласия мы обсудим потом, как и было договорено.

— В твоем предложении есть изъяны. Для Рут Ларри Ленты не будет, это раз. Мне придется покинуть остальных — это два. То, что я смогу снова воспроизвести их потом, слабое оправдание, если я оставлю их именно сейчас.

— Копии, которые ты воспроизведешь, помнить об этом не будут.

— Это несущественно. Они есть уже сейчас. И они так же реальны, как ты и я. И неважно, что их можно продублировать… Они на Острове Смерти, правильно?

— Да.

— Выходит, если я должен буду разрушить его, чтобы погубить Шендона, я погублю и остальных?

— Это неизбежно.

— Я отклоняю твое предложение.

— Это твое право.

— Будут ли иные предложения?

— Нет.

— Теперь, когда мы можем вернуться к первоначальному предмету нашей беседы, расскажи мне, что произошло между тобой и Шендоном.

— Теперь у него есть Имя.

— Что?!

— За ним стоит тень Белиона.

— Этого не может быть. Он не мироформист…

— Потерпи минутку, Френк, я понимаю, что здесь требуется кое-что разъяснить. Вероятно, некоторые вещи Дра Марлинг тебе не сообщил, он ведь был из ревизионистов. Ты знаешь, что Имяносящий должен иметь не только Имя, чтобы формировать миры…

— Но оно необходимо. Это неотъемлемый психологический прием, который позволяет высвободить подсознательный потенциал, который нужен на определенных ступенях работы. Чтобы творить миры, человек должен ощущать себя Богом.

— Тогда почему это недоступно мне?

— Я никогда о тебе не слышал, пока ты не стал моим врагом. Я не видел образцов твоей работы, кроме тех, что у меня перед глазами. Но если это действительно образцы, то заявляю, что рабо-

тать ты не можешь. Паршивый из тебя вышел мастер.

— Считай, как тебе угодно. Тем не менее я в состоянии манипулировать многими процессами.

— Это доступно любому. Мы же ведем речь о творческой работе, следов которой я тут не замечаю.

— Я говорил о пантеоне в Странти. Он существовал еще до появления мироформистов, как ты знаешь.

— Ревизионисты, такие, как Дра Марлинг и его предшественники, использовали старую религию для своей работы. Они использовали ее символы не как таковые, а как средства психологической настройки.

— Ты фундаменталист?

— Да.

— Тогда зачем ты сам пошел учиться делу, которое считаешь грязным? Ответь!

— Чтобы получить Имя.

— Не понял.

— Мне нужно было Имя, а не профессия. Я руководствовался религиозными, а не экономическими соображениями.

— Но это лишь психологическое средство…

— В том-то и дело. Это не просто средство. Это

подлинная церемония, которая настраивает на контакт с божеством. Это обряд посвящения для высших жрецов Странти.

— Тогда почему бы тебе не принять святой сан, вместо того, чтобы изучать строение планет?

— Потому что совершить обряд может только Имяносящий, а все двадцать семь живых имен — все были ревизионистами. Они не санкционировали бы обряда посвящения.

— Двадцать шесть, — уточнил я.

— Двадцать шесть?

— Дра Марлинг покоится в недрах горы и Лоримель Многорукий пребывает в счастливом ничто.

Он склонил голову и помолчал.

— Еще на одного меньше. Я помню время, когда их было сорок три.

— Печально.

— Да.

— Зачем же тебе понадобилось Имя?

— Чтобы стать священником, но не мироформистом. Но ревизионисты не потерпели бы такого среди своих. Они позволили мне завершить учение и затем отвергли меня. Потом, чтобы еще больше оскорбить и унизить меня, следующим посвященным стал инопланетянин.

— Понимаю. Поэтому ты выбрал меня в качестве своей жертвы для отмщения.

— Да.

— Но в чем же моя вина? Я всегда считал, что присвоение Имени лишь формальный обряд.

— Теперь ты станешь знать больше. И должен понять, что к тебе лично я зла не питаю, через тебя я наношу удар по тем, кто святотатствует. Ясно?

— Зачем же ты занялся мироформированием, если, по-твоему, это аморальное занятие?

— Мироформирование само по себе ничего дурного не представляет. Работа эта хорошо оплачивается. Так отчего же мне не заниматься ею?

— Не вижу причин отказываться, если кто-то действительно вздумает дать тебе заказ. Но какое отношение ты имеешь к Белиону, а Белион к Майку Шендону?

— Грех и наказание — такова основа наших отношений, как мне кажется. Я самостоятельно произвел обряд присвоения имени в храме в Прилбеи. Ты знаешь, как это делается, — приносится жертва, произносится формула, и ты начинаешь продвигаться вдоль внешней стены храма, почтительно приветствуя каждое божество, а потом загорается одна из пластин с

изображением бога, и в тебя входит сила. И имя этого божества будет твоим Именем.

— Ну и?

— У меня загорелось Изображение Белиона. Он утвердил меня своим Именем. Я не желал именно его, потому что он бог разрушающий, а не созидающий. Я надеялся, что ко мне придет Кирвар Четырехлицый, Отец всех Цветов.

— Каждому воздается по делам его.

— Верно, это была самая первая и самая главная моя ошибка. Белион начал управлять мною, даже если я его не призывал. Быть может, он даже руководил мною в подготовке мести тебе, потому что ты носишь Имя его исконного врага. Да, даже сейчас я чувствую, как происходит перемена в моих мыслях. Но с тех пор, как он меня оставил, все пошло не совсем так, как раньше…

— Как он мог тебя оставить? Союз заключается на всю жизнь!

— Но я чувствую! что теперь его со мной нет.

— Значит, Шендон…

— Да, он один из редких представителей среди вас, землян, таких, как ты, которые могут разговаривать без слов.

— Я не всегда это умел. Дар развивался во мне медленно, пока я учился у Марлинга.

— Когда я возвратил его к жизни, то в его сознании тут же обнаружил ненависть к тебе за то, что он погиб от твоей руки. Но потом он быстро погасил гнев и начал разбираться в обстановке. Его умственные процессы заинтриговали меня, и я стал выделять его среди остальных, начал давать ему поручения. Я часто с ним разговаривал и многому его научил. Он помогал мне подготовиться к твоему прибытию.

— Давно он здесь?

— Примерно один спланф, то есть восемь с половиной земных месяцев. Я воспроизвел всех мертвых примерно в одно время.

— Зачем ты похитил Рут Ларри?

— Я подумал, что ты можешь и не поверить в воскресение. Приятно было бы заставить тебя искать их подольше, но поскольку ты не реагировал на получаемые снимки, я решил подать тебе более прозрачный намек: позволил себе похитить одного из тех людей, Которые много для тебя значили. Если бы ты опять не прореагировал, даже после моего послания, я бы похитил еще одного, и еще, пока бы ты не надумал начать розыск.

— Выходит, Шендон стал как бы твоим избранником.

— Пожалуй, да. Он был очень старательным

и способным учеником: умен и обладает приятными манерами. С ним интересно проводить свободное время. Я сожалею, что неправильно оценил его старательность и желание помогать. Естественно, он разделял и мое желание отомстить тебе. Так же, как и остальные твои враги, но они были глупее и среди них не было телепатов. Я наслаждался возможностью непосредственного общения хоть с кем-нибудь из них.

— Что же за кошка пробежала между такими милыми друзьями?

— Это случилось вчера, и я сперва подумал, что это из-за желания отомстить. Но он оказался хитрее, чем я мог предположить. Он провел меня, как мальчишку.

— Каким образом?

— Он заявил, что желает не просто мертвого Сандау. Он хочет отомстить тебе лично и убить тебя своими руками. Мы начали спорить. В конце концов, он отказался подчиняться моим приказам, и я пригрозил ему суровым наказанием.

С минуту Грин Грин молчал, после чего продолжил:

— Тогда он меня ударил. Он напал на меня без оружия, с голыми руками. Пока я защищался, во

мне рос гнев, и я решил, что он умрет мучительной смертью. Я воззвал к Имени, которое носил, и Белион услышал меня и пришел ко мне. Я достиг энерговвода и, стоя в тени Белиона, заставил землю дрожать, и вызвал пламя и дым, заключенные в сердце мира. И Шендон на мгновение заколебался, ища опоры на краю бездны. Он достиг своей цели: вынудил меня вызвать Белиона.

— Зачем это ему понадобилось?

— Он знал историю моего посвящения. Я рассказал ее ему так же, как и тебе. Он знал, как я получил Имя, и составил план, который удачно скрыл от меня. Но даже узнай я об этом плане, я бы только посмеялся. Не более. Даже когда я понял, что он пытается сделать, я отнесся к этому легкомысленно, так как был уверен, что ему ничего не удается. Но я ошибался. Он сумел заключить договор с Белионом. Он вызвал во мне гнев и подверг мою жизнь опасности, зная, что я вызову Белиона, если у меня будет достаточно времени. И когда я встал в тени Белиона, он напряг свою мысль и волю и заключил с ним контракт. Он начал игру за власть не на жизнь, а на смерть. Он сказал: «Взгляни на сосуд, то есть на меня. Разве я не более превосходное вместилище силы и разума, чем то, которое ты избрал

когда-то. Смотри на меня. Сложи все силы моего ума и тела. Сделав это, ты, быть может, оставишь пейанца и перейдешь ко мне, чтобы мы шагали вместе до конца моей жизни. Я призываю тебя. Я способен лучше всех живущих людей служить тебе и твоим целям — огню и разрушению. Этот, что стоит передо мной, — он слаб, он рад был бы заключить союз с Отцом Цветов, если бы у него был выбор. Приди ко мне, и мы оба выиграем от этого союза».

Здесь Грин Грин сделал паузу.

— И что же дальше?

— Неожиданно я остался один.

Где-то каркнула птица. Ночь заготовила в своих кладовых запасы влаги и принялась обильно покрывать ею мир. Скоро на востоке разгорится горизонт. Я смотрел на огонь и ничего не видел.

— Да, согласно теории автономного комплекса, придется собирать собственные кости, — вымолвил я. — Но мне приходилось слышать о переносе психоза между телепатами. Это могло быть нечто подобное.

— Нет. Белион и я были связаны обрядом. Но он нашел более подходящего носителя и покинул меня.

— Что произошло после того, как Шендон за-

ключил союз с Белионом?

— Он медленно отвернулся от трещины, разверзшейся между нами, и повернулся ко мне спиной, будто я вовсе не существовал. Я коснулся его мыслью, но почувствовал Белиона. Шендон поднял руку, и весь остров задрожал. Тогда я бросился бежать. У причала я сел в лодку и поплыл к берегу озера. Вскоре вокруг меня начала кипеть вода. Затем началось извержение. Я добрался до берега, и, когда взглянул назад, там уже показался над водой конус вулкана. Я еще мог различить на берегу острова фигуру Шендона. Руки его были подняты, в воздухе вокруг вились искры и дым. И я отправился искать тебя. Немного позже я получил твое послание.

— А до этого он мог пользоваться энерговводами?

— Нет. Он даже не ощущал их присутствия.

— А что с остальными покойниками?

— Они все остались на острове. Некоторые из них в наркотическом трансе, чтобы не волновались.

— Понятно.

— Вероятно, теперь ты изменишь свои планы?

— Нет.

Мы сидели у костра. Через пятнадцать минут

на востоке показался свет зари. Начал подниматься туман, небо по-прежнему было затянуто тучами. В лучах солнца тучи запылали огнем. Поднялся прохладный ветер. Я все раздумывал о моем бывшем шпионе, который сейчас играет с вулканами и заключает союз с Белионом. Да, нанести ему удар необходимо было именно сейчас, пока он еще опьянен новым могуществом. Если бы можно было выманить его с Острова в неиспорченную Грин Грином область Иллирии. Там все живое стало бы моим союзником. Но он на эту удочку не попадется. И еще я бы хотел отделить его от всех остальных, но не мог придумать способа, как это сделать.

— Сколько у тебя ушло времени, чтобы загадить эту местность?

— Этот район я начат изменять лет тридцать назад, — произнес он.

Я покачал головой, встал и забросал костер комьями земли, пока он не погас.

— Пошли. Нам лучше поспешить.

Как считали древние скандинавы, на заре времен в центре всего пространства существовал Гинцуга-гап в окружении вечных сумерек. Северный его край был закован во льды, а южный пылал в огне. В течение веков эти силы противо-

борствовали друг другу, и в результате потекли реки, а в бездне замерцали первые проблески жизни. Согласно цеумерианскому мифу, Еп-ки сражался с Тиматом, морским драконом, и, таким образом, земля была отделена от суши. Сам Еп-ки был чем-то вроде огня. Ацтеки были уверены, что первые люди были сделаны из камня и что огненные небеса предзнаменуют новую эру. А о том, как наступит конец миру, существует множество историй: о Судном Дне, а также о Геттердайменрунке и о расщеплении атомов. Я лично не раз видел, как рождаются и гибнут миры и люди в прямом и переносном смысле. И неизменные спутники этих процессов — огонь и вода.

Пусть вы и ученый, но в душе вы останетесь алхимиком. Вы живете в мире жидкостей, твердых веществ, газов и тепловых эффектов, которыми сопровождаются переходы из одного состояния в другое. Эти процессы вы видите, ощущаете их. Все, что вы знаете об их подлинной природе, останется в вашей памяти. Поэтому когда речь идет о повседневной жизни, скажем, о приготовлении чашки кофе или о полете змея в потоках времени и ветра, вы имеете дело с четырьмя основами древних философов: землей, огнем, водой и воздухом.

Скажем прямо, воздух вызывает ощущение чего-то легковесного.

Конечно, без него не проживешь, но его не видно. Его принимаешь как данное и почти не обращаешь на него внимания. Земля? Тут все дело в том, что она долгопрочная. Все твердые вещества тяготеют к монотонной неизменчивости.

Но вода и огонь — это нечто другое. Они не имеют формы, они многоцветные и постоянно в движении. Предрекая наказание, пророки редко грозят землетрясением или ураганами. Они грозят пламенем и потопом. Разве не случайно мы заполняем преисподнюю огнем, океаны чудовищами? Огонь и вода — оба они подвижны, а это в первую очередь ассоциируется с жизнью. Оба они загадочны и умеют ранить или убивать.

И в наших отношениях с Кати было что-то подобное. Что-то грозное, загадочное, полное сил рождения и способное ранить или убить. Она два года работала моим секретарем, до того как мы познакомились и поженились. Невысокая, темноволосая девушка, которая любила яркие платья и любила кормить крошками птиц. У нее были маленькие красивые руки. Я нанял ее через агентство на Маале. Во времена моей молодости люди ценили деловые качества тех, кого

брали на работу, в частности, сообразительную девушку, умевшую печатать, стенографировать и вести переписку. Но в наши более сложные и напряженные дни я взял ее на работу по совету моего агентства, поскольку она имела степень доктора по теории секретарской деятельности Маальского института. Боже! Первый год все шло вверх тормашками. Она перепутала весь мой личный архив, и переписка шла с опозданием на полгода. Потом я — за солидную цену — заказал машину образца XX века, научил ее стенографии, и она превратилась в прекрасную прилежную выпускницу колледжа со специальностью делопроизводителя. Дела вернулись в свое нормальное русло. Мы были единственными людьми, которые могли разобрать каракули Грегга, что было немаловажно в целях секретности и рождало что-то общее между нами. Но она была ярким маленьким языком пламени, а я — мокрым одеялом, и в течение первого года я частенько доводил ее до слез. Потом я уже не мог без нее работать и понял, что дело не только в том, что она хорошая секретарша. Мы поженились и счастливо прожили шесть лет. Фактически шесть с половиной. Она погибла при пожаре, в катастрофе в космопорте Майами, когда ехала

встречать меня. У нас было два сына, один еще жив. И с тех пор огонь преследовал меня, так или иначе, все годы, а вода всегда была моим другом.

Хотя я чувствую больше расположения к воде, чем к огню, все мои миры рождены и водой и огнем. Кокитус, Новая Индиана, Святой Мартин, Бунинград, Мерсия, Иллирия и остальные — все они появились на свет в процессе расплавления, охлаждения, испарения и омовения. И вот я шел сквозь леса Иллирии — мир, который был задуман как парк, курорт — вся Иллирия, которую купил враг, идущий рядом со мной. Исчезли люди, которым предназначался этот мир: отдыхающие, туристы, словом, все те, кто верил еще в деревья и в гладь озера, и в горы с их тропами. Они исчезли отсюда, и деревья, среди которых я шел, были согнуты, стволы их скрючены узлами, а озеро, к которому мы направлялись, затуманено. Земля эта стонала от ран и огня, кровь ее вытекала из горы, поднимающейся перед нами. Огонь, как всегда, поджидал меня. Над головой висели низкие тучи, из их серой белизны сыпался посланный огнем пепел, будто бесконечный поток приглашений на погребение. Иллирия понравилась бы Кати, если бы она увидела ее в другое время и… в другом месте. Одна мысль о

ее присутствии здесь и сейчас, и когда «карнавалом» (не подберу иного слова) управлял Шендон, вызывала у меня чувство тошноты. Продвигаясь все дальше вперед, я тихонько слал проклятия своему коварному противнику.

Мы брели примерно с час, когда Грин Грин начал жаловаться, что у него болит плечо и что он устал. Я сказал, что горячо сочувствую ему, но прошу продолжать путь. Он сразу затих. Еще через час я позволил ему передохнуть, а сам залез на дерево и разведал, что лежит впереди. Мы приближались к нашей цели, и скоро должен был показаться главный склон холма, с которого мы начнем спускаться. День посветлел, насколько это позволяли тучи, и туман почти полностью исчез. Стало гораздо теплее. Пока я карабкался по дереву, по мне текли струйки пота, и на каждой ветке поднималось облако пепла и пыли. Несколько раз я чихнул, а глаза запорошились и заслезились.

Над верхушками дальних деревьев я уже видел верхнюю часть острова. Слева от него и немного сзади дымился конус свежевыросшего вулкана. Я с чувством выругался и полез вниз.

До берега Ахерона мы добрались через два часа.

В маслянистой воде моего озера отражались языки пламени и ничего больше. Лава и раскаленные камни шипели, попадая в воду. Глядя на останки своего творения, я чувствовал себя грязным, потным и липким. Маленькие ленивые мысли соответствовали маленьким ленивым волнам, которые выбрасывали на берег пену и пемзовые осколки. По всему озеру грязь и обломки медленно плыли в направлении берега. На мелководье белела брюхом мертвая рыба, а в воздухе пахло тухлыми яйцами. Я сел на камень и закурил сигарету, рассматривая пейзаж.

В миле от берега, посреди озера, находился мой Остров Мертвых. Он не изменился — все такой же мрачный и неподвижный, словно тень без хозяина. Я наклонился и кончиками пальцев попробовал воду. Она была довольно горячей. За островом к востоку, казалось, светится конус еще одного вулкана, но поменьше.

— Я выбрался на берег в четверти мили к западу отсюда, — сообщил Грин Грин.

Я кивнул и продолжал смотреть. Было еще рано, и я решил позволить себе передышку, чтобы рассчитать свои шансы. Под южной стороной острова — той, которая была обращена к нам, — лежала узкая полоска песчаного пляжа. Тут же

находилась бухта футов двести в поперечнике. От бухты вверх шла естественного вида извилистая тропинка, выводившая к высоким острым пикам вершины.

— Как ты думаешь, где он сейчас? — обратился я к Грин Грину.

— Примерно в двух третях от подножия, в домике-шале. Там у меня была лаборатория. Я расширил многие пещеры в стене за домом.

Сам собой напрашивался вывод — брать остров надо с юга.

Я сомневался, что Грин Грин, Шендон или еще кто-нибудь знают, что не только по южной, но и по северной стене можно взобраться вверх. На вид она была неприступной — так я ее и задумал, но впечатление было обманчивым: я всегда любил устраивать запасной выход, а не только парадный подъезд. Если мы пойдем этим путем, то придется взбираться на самую вершину и спускаться к шале с тыла.

Я решил, что так и сделаю. И еще решил, что буду держать этот план при себе до последней минуты. В конце концов, Грин Грин был телепатом, и вся история, которую он мне выложил, вполне могла быть лишь «кучей навоза». Шендон и он вполне могли быть добрыми друзьями и

играть на одной стороне, и никакого Шендона вообще могло не быть. Я не верил Грин Грину ни на грош.

— Двинули, — буркнул я, поднимаясь и бросая сигарету в мой бывший Ахеон, а ныне сточную канаву. — Покажи, где ты оставил лодку.

Мы двинулись по берегу влево, к тому месту, где, как он помнил, была им вытащена на берег лодка. Только на берегу ее не оказалось.

— Ты уверен, что это то самое место?

— Конечно.

— А где же лодка?

— Очевидно, один из толчков сбросил ее обратно в озеро и она уплыла.

— Ты смог бы доплыть до Острова с раненным плечом?

— Я пейанец, — ответил он с таким видом, словно спокойно мог бы переплыть Ла-Манш, имея ранения не в одном, а в обоих плечах, а потом развернуться и переплыть Ла-Манш обратно, без отдыха, — но плыть до Острова нельзя, — добавил он.

— Почему?

— Там горячие потоки от вулкана. И чем ближе к острову, тем они горячее.

— Тогда построим плот. Я буду срезать пистоле-

том деревья, а ты в это время поищешь что-нибудь подходящее, чтобы связывать бревна.

— Например? — поинтересовался он.

— Ты лично так загадил местные леса, что тебе лучше знать. Я заметил по пути сюда лианы.

— Они несколько шероховатые. Мне понадобится нож.

Я на секунду заколебался.

— Ладно. Держи!

— Вода может покрыть плот. Будет горячо.

— Тогда воду придется охладить.

— Как?

— Скоро пойдет дождь.

— Но вулканы…

Он пожал плечами, кивнул и направился резать лианы. Я начал валить и обдирать деревья, выбирая одинаковые, дюймов шести в диаметре, не меньше. При этом я не забывал, насколько возможно, следить за происходящим у меня за спиной.

Скоро начался дождь.

В течение последующих нескольких часов с небес непрерывно падал мелкий холодный дождик, промочивший нас до костей. Дождь усыпал оспинами поверхность Ахерона, смыл частично пыль и пепел с прибрежной раститель-

ности. Я выстругал два широких весла и срезал пару длинных шестов и поджидал Грин Грина, набиравшего достаточный запас связочного материала, чтобы скрепить плот. Земля вдруг страшно дернулась, и колоссальная расселина появилась в конусе вулкана, рассекая его до половины. Река лавы цвета неба на закате стала изливаться из прорехи. В моих ушах еще несколько минут звучало эхо взрыва, затем поверхность озера вздыбилась и в виде небольшой приливной волны — миниатюрного цунами — стремительно понеслась в мою сторону. Я бросился бежать изо всех сил и успел взобраться на самое высокое дерево, растущее вблизи.

Вода добралась до подножия дерева, но выше чем на фут не поднялась. За двадцать минут прошло три таких волны. Потом вода начала отступать, оставив мне вдоволь ила взамен бревен и уже вырезанных весел. Я был зол, как черт: смыло всю мою работу. Я знал, что дождь не загасит вулкана и может даже подстегнуть его деятельность, и все же…

Я прильнул к земле и в нескольких сотнях ярдов слева ощутил притяжение энерговвода. Откуда-то издалека донесся крик пейанца, но я не стал обращать на него внимания. В общем, в этот

момент я уже был не совсем Фрэнсисом Сандау.

Я двинулся в сторону энерговвода и взобрался на небольшой холмик, чтобы достигнуть самого узла: у меня был отличный обзор на все озеро и на сам Остров за гранью встревоженных вод. Видимо, мое зрение обострилось: я вполне ясно различал шале и даже заметил какое-то движение в том месте, где поручень огораживал конец двора, выходившего на обрыв над водой. Земляне уступают по остроте зрения пейанцам. Ведь Грин Грин сказал, что ясно различал Шендона после того, как переплыл на берег с Острова.

Я стоял над одной из крупных вен Иллирии, или небольшой артерией, и чувствовал ее пульс, и в меня вошла Сила, и я послал ее вперед.

Довольно скоро лениво моросивший дождик перешел в мощный ливень, и когда я опустил поднятую ладонь, сверкнула молния и прокатился гром, словно кто-то бил в жестяной барабан. Ветер, внезапный, как прыгнувший кот, и холодный, как арктический ореол вокруг солнца, ударил мне в спину и, проносясь мимо, погладил щеку.

Грин Грин вновь что-то закричал. Кажется, он находился где-то справа от меня.

Затем небеса принялись с шипением слать

вниз тяжкие дождевые потоки, шале совсем исчезло из виду, и сам остров превратился в серый призрак. Пламя вулканов виднелось слабой искрой над водами острова. Вскоре ветер понесся вперед как грузовой поезд, и его завывания слились с раскатами грома в непрерывный жуткий грохот. Воды Ахерона собрались в волны и двинулись в противоположном направлении. Если Грин Грин что-то и кричал мне, то я уже не мог его слышать.

Вода струями бежала у меня по волосам, стекала по лицу и шее. Я ничего не видел, но мне и не нужны были глаза. Меня окутывала энергия. Температура упала, дождь хлыстал целыми полотнищами, которые с треском разрывались, напоминая звуком удар кнута. День стал темен как ночь. Я захохотал, и воды поднялись столбами, закачались, как великаны-джинны, и молнии снова швыряли ослепительную перчатку, и вся моя машина еще ни разу не сказала мне: «Предел — полный ход!»

«Фрэнк, остановись, он узнает, что ты здесь!»

— пришла мысль, адресованная Грин Грином.

«Но он и так уже знает, что я тут, — ответил я. — Спрячься, пока это не кончится! Жди!»

Вместе с низвергавшимся дождем и подняв-

шимся ураганом грунт подо мной снова стал вздрагивать. Искра вулкана, плававшая в сумерках передо мной, разгорелась и засияла, как погребенное в море солнце. Затем заплясали молнии, клюя макушку острова, покрывая его различными именами, и одно из них было моим. Следующий толчок бросил меня на колени, но я снова встал и поднял обе руки.

… Теперь я находился в каком-то месте, состоявшем из твердого вещества, не из воды и не из газа. Здесь не было света, но не было и тьмы, не было холодно и не было жарко. Быть может, оно находилось внутри моего сознания.

Мы смотрели друг на друга, и в своих бледно-зеленых руках я сжимал громомолнию, держа ее как винтовку перед грудью наискосок.

Он своим видом напоминал серую колонну и был покрыт чешуей. У него была морда крокодила и огненные глаза. Когда он говорил, три пары его рук постоянно меняли положение. Но в целом он также не двигался с места, на котором находился.

«Старый враг, старый товарищ», — обратился он ко мне.

«Да, Белион, я здесь».

«Твой цикл завершен. Избавь себя от унижения

пасть от моей руки. Уступи, Шимбо, и сохрани мир, тобой созданный».

«Едва ли этот мир должен погибнуть, Белион».

Молчание. И немного спустя:

«Тогда будет противоборство».

«…Если ты не отступишь».

«Да будет бой!»

Он вздохнул, извергнув пламя.

«Да будет так».

И он исчез.

…И я снова находился на маленьком холме, медленно опуская руки, потому что сила покинула меня.

Это была странная метаморфоза, ничего подобного со мной никогда ранее не случалось. Сон наяву, если хотите. Фантазия, рожденная напряжением и гневом.

Дождь продолжал идти, но уже не с такой силой, как раньше. Ветер потерял долю свирепости. Молнии больше не сверкали, и гром тоже утих. Земля больше не вздрагивала. Огневая активность вулкана прекратилась, оранжевое свечение на макушке уменьшилось, и трещина в склоне уже не кровоточила лавой.

Глядя на все это, я вновь почувствовал и холод, и то, что я промок, и что земля под ногами твер-

дая. Наша бесконечная битва прервалась в самом начале. Лично я был доволен: вода в озере стала прохладнее, и серый остров казался не таким уж недоступным.

Между тем сквозь прореху в тучах пробилось солнце, и на сверкающих каплях воздушной влаги развернулась радуга. Она изогнулась сквозь промытый воздух, окантовав аркой Ахерон, остров, дымящийся конус, словно картинку внутри блестящего пресс-папье, отчего все стало похоже на нереальную миниатюру.

Я покинул свой холмик и возвратился на место, где находился до этого. Нам еще нужно было построить плот…

Глава 7

Я прожил уже слишком долго, и с каждым новым днем шансы моей гибели все больше увеличивались. Хотя факт этот формулируется иными словами, но отношением к нему моего страхового агентства может на явственном примере служить размер страховой премии. Их компьютер определил меня в одну рубрику со случаями неизлечимой ксенопатии — в соответствии с их критериями и показаниями моих шпионов. Это придает мне уверенность: возможно, они правы. Впервые за очень долгий срок я был ввергнут в опасный эксперимент. И чувствовал, что немного вышел из формы. Если Грин Грин и заметил, что мои руки дрожат, то никаких замечаний не сделал. В этих руках заключалась его жизнь, а у него и без того мысли имели самую мрачную окраску. Сейчас он мог убить меня в любое время. И он это знал. И я знал. И он знал, что я знаю. И…

Сдерживало его лишь то обстоятельство, что он не мог выбраться с Иллирии без меня. Рассуждая логически, это означало, что его корабль остался на острове. Из чего следовало, что если в распо-

ряжении Шендона имеется корабль, он может отправиться на наши поиски с воздуха. Значит, мы поступим разумно, укрывшись под кронами деревьев на берегу, и в дальнейшее путешествие следует отправиться только под покровом ночи. Соответственно, я перенес наши строительные работы в глубь берега. Грин Грин нашел эту идею великолепной.

В облачном одеяле в тот день появилась проплешина, но полностью небо не очистилось. По-прежнему шел дождь. Стало немного светлее, и над нами проплыли две белые луны, Каттонталус и Флопсус. Правда, рассмотреть их ухмылки и глазницы было невозможно.

Позже, в тот же день, с Острова поднялось большое серебряное насекомое, втрое больше «Модели-Т», отвратительного вида, как личинка жука. Шесть раз оно описало круги над озером. Мы укрылись под многочисленными ветвями, к тому же зарылись в листья и оставались в своем укрытии, пока «насекомое» не вернулось на Остров Мертвых. Все это время я судорожно сжимал мой древний амулет. Старина-кролик не выдал и на этот раз.

Плот мы закончили за пару часов до заката и остаток дня провели, сидя на земле и прислонив-

шись спинами к стволам деревьев.

— Грош за идею, — проронил я.

— Что такое грош?

— Древняя монета, когда-то распространенная на моей родной планете. Впрочем, обдумав предложение, я его снимаю — теперь они очень ценятся.

— Странное предложение — купить мысль. В древности существовал такой обычай?

— Это было связано с развитием торговли: у всего есть своя цена.

— Чрезвычайно интересная концепция. И я понимаю, кстати, как люди вроде тебя вполне могут в нее верить. Ты бы выкупил пайбадру?

— Это уже сутяжничество. Пайбадра — причина действия.

— Но ты бы заплатил человеку, чтобы он оставил намерение отомстить тебе?

— Нет.

— Почему же?

— Ты бы взял деньги и продолжал бы искать удовлетворения, надеясь усыпить меня чувством ложной безопасности.

— Я говорил не о себе. Ты же знаешь, что я богат и что пейанцы никогда не оставят мысли о вендеттах, ни за что и никогда… Нет. Я подумал

о Майке IIендоне. Он твой соплеменник и тоже может думать, что у всего имеется своя цена. Как мне помнится, первый ущерб он нанес тебе потому, что ему требовались деньги, и, стараясь добыть их, он делал это за твой счет. Теперь он ненавидит тебя за то, что ты послал его в тюрьму, а потом убил. Но поскольку он землянин, а земляне любят назначать денежную плату за все вещи, то, может быть, если ты заплатишь ему достаточно за его пайбадру, он уйдет с нашего пути.

Купить выход из нашего положения за деньги? Эта мысль мне в голову не приходила. Я прибыл на Иллирию, готовый сражаться с врагом — пейанцем. Теперь я держал его в руках, и он мне больше не угрожал. Его место занял землянин, ставший теперь моим врагом номер один. Может быть, Грин Грин и прав. Мы народ корыстный, хотя нельзя сказать, что сильно отличаемся в этом от других рас, но некоторых все же превосходим. И в неприятности Шендон вляпался, в первую очередь, из-за своих дорогостоящих вкусов. События на Иллирии разворачивались столь стремительно, что мне и в голову не пришло: выход можно найти, пожертвовав деньгами.

С другой стороны, учитывая список расходов

Шендона, который был представлен еще на первом суде, вывод можно было сделать однозначный: он тратил деньги со скоростью горного потока, падающего с высоты. Допустим, я дам ему полмиллиона в универсальных кредитных карточках. Всякий другой поместил бы эти деньги понадежней и всю жизнь жил на дивиденды. Шендон же истратит их за пару лет, а потом решит: выдоив у меня один раз, сможет сделать это и во второй и в третий раз и так далее. Допустим, он не станет съедать свою гусыню, несущую золотые яйца, но будет ее терроризировать бесконечно.

И все же, если он пойдет на соглашение сейчас, его следовало бы купить. После я успею организовать команду профессиональных убийц, и они быстро выведут его из игры.

Но если они промахнутся…

Тогда он снова сядет мне на хвост, и вновь останется лишь один вариант — или он, или я.

Я обдумывал эту мысль всесторонне и, в конце концов, пришел к единственному выходу, вернее, выводу…

Я наблюдал, как гаснет день и тучи зашнуровывают небо на ночь. Скоро наступит время подтащить плот к воде и отправиться в путь по

утихомирившимся водам, но лунный свет нам помогать не будет.

— Грин Грин, — произнес я. — В тебе я узнаю себя, потому что я, вероятно, стал более пейанцем, чем землянином, и я думаю, что дело именно в том, что «я — настоящий». Я тоже могу убивать, как делал бы ты, и я также буду держаться моей пайбадры, разверзнись хоть земля, хоть небо.

— Я знаю, — промолвил он, — я уважаю тебя за это.

— И вот что я хочу сказать: когда все закончится, и, если мы оба доживем до конца, я мог бы найти в тебе друга. Мог бы ходатайствовать за тебя перед другими Именами, чтобы они дали тебе новое посвящение. Я был бы рад видеть высшего жреца Странти с именем Кирвара Четырехлицего, Отца Всех Цветов.

— Ты пытаешься узнать мою цену, землянин?

— Нет. Я лишь предлагаю. Делай так, как подсказывает тебе твоя совесть. И все же ты не нанес мне пайбадры.

— Пытаясь убить тебя?

— Из-за ложной пайбадры, а это меня не волнует.

— Ты знаешь, что я могу покончить с тобой, когда захочу.

— Я знаю, что ты так думаешь.

— Мне казалось, что я обстоятельно обосновал свою мысль.

— Это результат дедукции.

— Ты действительно во многом пейанец. Обещаю не убивать тебя и отсрочить месть, пока мы не рассчитаемся с Шендоном.

И мы сидели и ждали, пока не наступит ночь. И она наступила.

— Пора, — сказал я.

— Пора, — откликнулся он, и мы поднялись и подняли плот с двух сторон.

Мы отнесли его к воде и опустили в теплые волны.

— Весла взяли?

— Да.

— Тогда с Богом!

Мы забрались на плот, установили равновесие и начали грести, отталкиваясь от дна.

— Если он выше взяток, — спросил Грин Грин, — то почему продавал твои секреты?

— Если бы мои люди заплатили ему больше, он продал бы противоположную сторону.

— Тогда почему нельзя подкупить его сейчас?

— Потому что он мой соплеменник, и он меня ненавидит. Вот и все. Такая пайбадра не про-

дается.

Тогда я думал, что я прав.

— В сознании землян всегда присутствуют темные области, — заметил он. — Мне всегда хотелось узнать, что там творится.

— И мне тоже.

Неожиданно появилась луна — за тучами возникло расплывчатое световое пятно, которое медленно поплыло к зениту.

Рядом с плотом тихо плескалась вода, и маленькие волны разбивались о наши ботинки. Нам вслед с берега полетел прохладный ветерок.

— Вулкан успокоился, — вымолвил Грин Грин. — О чем вы говорили с Белионом?

— Так ты, значит, заметил?

— Я несколько раз попытался войти с тобой в контакт и многое понял.

— Белион и Шимбо ожидают. Потом будет быстрый выпад, и один из них получит удовлетворение.

Вода была черной, как тушь, и теплой, как кровь. Остров высился угольной горой на фоне сероватой беззвездной ночи. Мы отталкивались, пока дно не ушло от нас вниз. Тогда мы снова начали грести тихо и осторожно. У Грин Грина поистине пейанская любовь к воде. Я чувствовал

это по тем клочкам эмоций, которые улавливал.

Путь через лик темных вод… Чувство было жутковатое из-за того, что это место для меня значило, из-за той струны, которая звучала во мне, когда я его благоустраивал. Здесь отсутствовал дух мирного ухода, как в Долине Теней. Этот путь через черное озеро означал для меня столкновение с чем-то, чего я сам не понимал и не принимал. Я беспечно плавал по Токийскому заливу, и вдруг передо мной, как ответ на все вопросы, нависает над головой туча: куча остатков всего, что тонет и не возвращается на берег, мусорный контейнер для всего, что осталось от прошлого, которое не вернешь, — место, символизирующее бесплодность всех изменений, плохих и хороших. Камень, дробящий ценности, вот он дает нам знать о бесполезности жизни, которая в один день должна оборваться. У меня под ногами плескалась теплая вода, но я дрожал в ознобе и сбился с ритма. Грин Грин коснулся моего плеча, и мы снова начали грести в лад.

— Зачем ты создал его, если так ненавидишь? — спросил он меня.

— Мне хорошо платили, — ответил я. — Бери влево. Активнее. Пойдем через черный ход. — Наш курс изменился, мы начали забирать к

западу. Я греб потише, он усилил работу веслом.

— Черный ход? — удивился он.

— Да, — буркнул я и не стал вдаваться в подробности.

Когда мы приблизились к Острову, я прекратил всякие раздумья и стал буквально автоматом, как им и всегда становлюсь, если думать приходится сразу слишком о многом. Я греб, и мы скользили сквозь ночь, и скоро среди темноты, справа по борту, выросла громада Острова. Его таинственные огни мерцали во тьме. Впереди на вершине конуса вулкана горел огонь, его свет пересек наш путь, бросая слабый красный отсвет на прибрежные скалы.

Мы обогнули остров и начали подплывать к нему с севера. Несмотря на темноту, я видел северный склон, как днем. На карте памяти отпечатались все его шрамы и зубцы, и на кончиках пальцев я ощутил шероховатость его камней.

Мы очень осторожно подплыли ближе, и я тронул черную скалу веслом. Мы держались под стеной, пока я смотрел вверх, после чего тихо прошептал:

— На восток.

Несколько сотен ярдов, и мы оказались у места, где был упрятан мой «ход». Внутри скалы шла

расщелина — труба в сорок футов. По ней, упираясь спиной и ногами, можно было взобраться на узкий уступ, откуда, пройдя по узкому карнизу в шестьдесят футов, добраться до «лестницы» из скоб для рук и ног, ведущей наверх.

Я объяснил все это Грин Грину, и он занялся плотом, пока я отправился наверх. Затем полез он сам, без жалоб, хотя его плечо наверняка сильно болело.

Когда я добрался до верхушки трубы, то взглянул вниз, и плот различить уже не смог. Я сообщил об этом Грин Грину, и он облегченно вздохнул. Я подождал, пока он выберется наверх, и помог ему выкарабкаться из расщелины. После этого мы начали пробираться вдоль выступа в восточном направлении.

На это ушло примерно пятнадцать минут, и снова перед нами лежал путь наверх. И снова первым пошел я, объяснив, что взбираться предстоит пятьсот футов, пока не достигнем следующего выступа. Пейанец вздохнул еще раз и последовал за мной.

Скоро руки у меня начало саднить, и, когда мы выбрались на выступ, я улегся плашмя, закурив сигарету. Через десять минут мы двинулись дальше. К полуночи, без несчастных случаев, мы

выбрались на верхушку берегового склона.

Мы шли еще минут десять, а потом увидели его.

Он бродил с отсутствующим видом. Несомненно, он был накачан наркотиками по самые уши. Впрочем, трудно сказать наверняка.

В общем, я подошел к нему, взял за плечо, встал перед ним и поинтересовался:

— Коткор, как поживаешь?

Он взглянул на меня из-под тяжелых век. Весил он приблизительно триста пятьдесят фунтов, был одет в белое (идея Грин Грина, надо понимать), имел голубые глаза, светлую кожу и тихий голос. Он слегка шепелявил, отвечая мне:

— Я думаю, что у меня есть все данные…

— Отлично. Ты знаешь, что я пришел сюда, чтобы встретиться в своего рода поединке вот с этим человеком — Грин Грином. Но совсем недавно мы стали союзниками против моего бывшего работника — Майка Шендона.

— Одну минуту, — промямлил он.

— Да, — заявил он чуть погодя. — Ты проигрываешь.

— Как это понимать?

— Шендон убивает тебя через три часа и десять минут.

— Нет. Он не сможет.

— Если не убьет, то потому, что его уничтожишь ты. Тогда мистер Грин прикончит тебя через пять часов и двадцать минут.

— Почему ты в этом уверен?

— Грин — это мироформист, сработавший Коррлин?

— Да.

— Тогда он тебя убьет.

— Как?

— Вероятно, с помощью тупого оружия. Если тебе удастся этого избежать, то, возможно, ты покончишь с ним своими руками. Ты всегда оказывался сильнее, чем выглядел. Это обманывало людей. Но полагаю, что на этот раз это тебе не поможет.

— Спасибо. Тебе не мешает выспаться.

— …Если только вы оба не имеете тайного оружия, — продолжал он. — А это возможно.

— Где сейчас Шендон?

— В шале.

— Как до него добраться?

— В тебе присутствует определенный динамический фактор. Какая-то способность, которую я не могу оценить полностью.

— Понимаю.

— Не используй ее.

— Почему?

— У него она тоже есть.

— Это я тоже знаю.

— Если ты сможешь его убить, то без ее помощи.

— Понял.

— Ты мне не доверяешь?

— Я никому не доверяю.

— Помнишь тот вечер, когда ты принял меня на работу?

— Смутно.

— Это был лучший ужин в моей жизни. Свиные отбивные. Причем сколько угодно.

— Теперь припоминаю.

— Ты мне тогда рассказывал о Шимбо. Если пробудишь его, то Шендон пробудит другого. Слишком много перемен — и фатальный конец.

— Может, Шендон с тобой договорился?

— Нет. Я просто оцениваю вероятности.

— Может ли Яри Всемогущий сотворить камень, который не сможет поднять? — вмешался в разговор Грин Грин.

— Нет, — коротко ответил Коткор.

— Почему нет?

— Он не станет его сотворять.

— Это не ответ.

— Ответ. Подумай. Ты бы стал?

— Я ему не верю, — проронил Грин Грин. — Когда я его воспроизвел, он был вполне нормальным. Вероятно, его подкупил Шендон.

— Нет, — возразил Коткор. — Я пытаюсь вам помочь.

— Тем, что предрекаешь Сандау гибель?

— Но он погибнет.

Грин Грин поднял руку, и неожиданно в ней очутился мой пистолет. Видимо, он телепортировал его из кобуры у меня на поясе таким же путем, каким получил Ленты. Он дважды выстрелил и вернул пистолет назад.

— Зачем ты это сделал?

— Он лгал, пытался тебя запугать и разрушить твою уверенность.

— Когда-то он был моим близким помощником. Он научился мыслить как компьютер. Думаю, он старался быть объективным.

— Получишь Ленту и тогда сможешь попробовать воспроизвести его снова.

— Пойдем. У меня осталось два часа и пятьдесят минут.

И мы отправились в путь.

— Я не должен был этого делать? — спросил он

меня немного погодя.

— Нет.

— Мне жаль.

— Великолепно. Только больше никого не убивай без моей просьбы.

— Ладно… Ты сам много раз убивал, Френк, да?

— Да.

— Почему?

— Я или они — так стоял вопрос. Я решал — лучше они.

— Разве?

— А вот ты мог бы не убивать Боджиса.

— Я думал…

— Помолчи!

Мы двинулись дальше. Миновали расщелину в скале. Щупальца тумана трогали нашу одежду. Еще одна фигура-тень показалась в стороне, там, где мы вышли на тропу, ведущую вниз по склону.

— …Идете на смерть, — прошелестела тень, и я остановился, глядя на нее.

— Леди Карл и!

— Проходи, проходи, — промолвила она. — Спеши к своей гибели. Ты и знать не знаешь, что это значит для меня.

— Когда-то я тебя любил, — выскочило у меня

совсем не к месту.

Она покачала головой.

— Кроме себя самого, ты любил только деньги. И ты получил их. Ты убил больше людей, чем я знаю, чтобы сохранить свою империю. И вот, наконец, появился человек, который может прикончить тебя. Я радуюсь, что присутствую при твоем конце.

Я включил фонарик и направил на нее. Волосы ее были такие огненно-рыжие, а лицо такое белое… Овал ее лица напоминал формой сердце; и у нее были зеленые глаза. На секунд меня снова страшно потянуло к ней.

— Что, если погибнет он? — предположил я.

— Тогда, вероятно, я вновь ненадолго стану твоей. Но надеюсь, что нет. Ты черный человек, и я желаю твоей смерти. Я сама найду способ разделаться с тобой, если ты снова попытаешься завладеть мною.

— Тихо, — угрожающе произнес Грин Грин. — Я вернул тебя к жизни. Я заманил сюда этого человека, чтобы убить, но мне пришлось подчиниться воле другого человека, который, к счастью или к несчастью, имеет такое же намерение по отношению к Сандау. Но сейчас наши с Френком судьбы связаны. Не забывай обо мне. Я воспроизвел тебя

и я, создатель, сохраню тебя. Помоги нам в бою с врагом, и я награжу тебя.

Она вышла из-под света, и до нас донесся ее смех.

— Нет! — воскликнула она. — Нет! Благодарю!

— Но я тебя любил, — промолвил я.

Наступила тишина, затем она прошептала:

— И ты смог бы снова полюбить меня?

— Не знаю, но ты что-то для меня значишь, что-то очень важное…

— Проходите мимо. Все долги списаны. Иди, ищи Шендона на свою погибель.

— Когда-то ты была моя, и это очень много для меня значило. Леди Карли, я никогда не забывал о тебе, даже когда ты ушла. И Альгольскую Десятку я не трогал, хотя часто говорят, что это моих рук дело.

— В этом я уверена.

— Я могу доказать тебе обратное.

— Не старайся. Уходи!

— Хорошо. Но я не перестану…

— Что не перестанешь?

— Думать о тебе, хоть немного.

— Уходите, пожалуйста, уходите!

Что нам оставалось делать?

Все это время мы разговаривали на дралмине.

Я даже не заметил, как переключился на него с английского. Забавно!

— Ты любил многих женщин, Френк? — прервал молчание Грин Грин.

— Да.

— Ты говорил ей правду… что будешь думать о ней?

— Да.

Мы шли по спуску, пока внизу я не различил свет в окне шале. И тут на тропе появился еще один силуэт. Он приблизился.

— Ник!

— Верно, мистер, это я! Будь я проклят, это его голос. Подойдите-ка поближе!

— Сейчас.

Я осветил себя лучом фонарика, чтобы ему было видно.

— Боже! Это действительно ты! Тот парень, внизу, он свихнулся. Ты знаешь, он хочет тебя убрать.

— Догадываюсь.

— Он хотел, чтобы я ему помог, а я сказал, пусть идет и займется самоэротизмом. Он страшно разозлился, мы подрались. Я расквасил ему нос и сбежал оттуда. Но он меня искать не стал. Сильный малый.

— Знаю.

— Я помогу тебе его достать.

— Отлично.

— Но мне не нравится тип, который с тобой.

«Старина Ник бушует, совсем как раньше… Великолепно!»

— То есть?

— Это он все сварганил. Это он вернул меня сюда, как и всех остальных. Хитрый, сукин сын! На твоем месте, Френк, я бы его убрал и поживее.

— Теперь мы союзники. Он и я.

Ник сплюнул.

— Я-то вас не забуду, мистер, — обратился он к Грин Грину.

— Когда мы покончим с тем парнем, я займусь вами. Лично. Помните, как вы меня допрашивали? Думаете было смешно? Теперь наступила моя очередь!

— Ладно, ладно… Хорошо.

— Нехорошо! Совсем нехорошо! Вы обозвали меня коротышкой или каким-то оскорбительным пейанским словом. Ты тупое растение! Теперь я тебя зажарю! Я, конечно, рад, что снова живу, я обязан этим вам. Но я тебя еще отлуплю! Погоди немного. Я с тобой покончу с помощью любого предмета, который будет у меня под рукой.

— Сомневаюсь, — спокойно промолвил Грин Грин.

— Давайте подождем, а там посмотрим, — предложил я.

Итак, к нам присоединился Ник. Он зашагал рядом со мной.

— Он сейчас внизу? — спросил я.

— Да. У тебя есть бомба?

— Есть.

— Тогда лучше кинуть бомбу. Убедимся, что он внутри и запузырим ее в окно.

— Он один?

— Ну… нет. Но ведь это не будет убийством. Как только ты получишь Ленты, ты восстановишь девушку.

— Кто она?

— Ее зовут Кати. Я ее не знаю.

— Это моя жена, — прошептал я.

— Ладно. Тогда этот вариант отпадает. Придется входить.

— Да, — простонал я. — Если придется, то я займусь Шендоном, а ты хватай Кати и прикрывай ее.

— Он ее не тронет.

— Почему?

— Понимаешь, Френк, мы здесь уже несколько

месяцев, с тех пор, как проснулись. Мы не понимали, где мы и почему. И этот зеленый сказал, что знает об этом не больше нашего. А все, что знали мы, — это что умерли. И о тебе вспомнили, только когда он и Майк начали спорить. Грин забыл про защиту, и Майк залез ему в мозги. Словом, Майк и девушка… да, Кати… у них что-то такое, вроде как любовь.

— Грин, почему ты мне ничего не сообщил?

— Я полагал, что это неважно. Разве нет?

Я не ответил. Я быстро думал. Я прислонился спиной к скале и нажал на педаль газа в уме до предела. Я пришел, чтобы найти и убить врага. Теперь он стоит рядом, пока я ищу другого вместо него. И теперь я узнаю, что он спит с моей воспроизведенной женой, которую я прибыл спасать… Это меняло дело. Каким образом, я точно не знал. Если Кати любит его, я не мог ворваться туда и застрелить его у нее на глазах. Даже если он просто пытался использовать ее, если ему было наплевать на нее, я этого сделать не мог, пока он что-то для нее значит. Похоже, что оставалось испробовать предыдущее предложение Грин Грина — попытаться купить его. У него теперь новый дар силы и красивая женщина. Добавить к этому мешок денег — и, вероятно, его удастся склонить

к отступлению.

Я мог бы просто повернуться и уйти: взобраться на борт «Модели-Т» и менее чем через день уже лечь на курс к Вольной. Если ей нужен Шендон, то оставим его ей. Я мог свести счеты с Грин Грином и возвратиться домой: «Мой дом — моя крепость».

— Нет, это важно.

— Это вносит изменения в твои планы?

— Да.

— Из-за женщины?

— Вот именно.

— Ты странный человек, Френк. Пройти такой путь, добраться сюда и поломать весь план из-за женщины, которая всего лишь древнее воспоминание, не более.

— У меня отличная память.

Идея оставить врага моего имени, да еще в теле ловкого человека, мне совсем не нравилась. Ловкого и умного, который не прочь увидеть меня мертвым. Такое сочетание не даст мне покоя даже ночью, даже на вольной. С другой стороны, какая польза от мертвой гусыни, если она несет золотые яйца. Забавно все же, как, прожив достаточно долго, наблюдать врагов, друзей, любимых, ненавидимых в хороводе вокруг себя самого, как

в гигантском маскараде, где то и дело они меняются масками.

— Что будешь делать? — спросил Ник.

— Побеседую с ним. Попробую договориться, если получится.

— Будь добр, повтори, что ты сказал. Ведь ты заявил, что он не продаст своей пайбадры, — заметил Грин Грин.

— Я так и думал, когда говорил. Но теперь, из-за Кати, мне необходимо попытаться купить его.

— Этого я не понимаю.

— И не старайся. Наверное, вам обоим лучше подождать здесь, на случай, если он начнет стрелять.

— Что нам делать, если он тебе всадит пулю в живот? — поинтересовался Грин Грин.

— Тогда это твоя забота. До свидания, Ник!

— Пока, Френк.

Я начал спускаться к шале, прикрывшись своим телепатическим экраном. Приблизившись, я стал пробираться ползком среди камней. Наконец я оказался в полутораста футах от шале. Меня прикрывали два громадных валуна, отбрасывавших могучие тени. Я положил ствол пистолета на предплечье и взял на прицел черный ход.

— Майк! — позвал я. — Это Френк Сандау! — и

стал дожидаться его ответа.

Прошло полминуты, когда он решил откликнуться:

— Чего тебе?

— Хочу поговорить с тобой.

— Говори.

Свет в домике подо мной неожиданно погас.

— Это правда? То, что мне рассказали о тебе и Кати?

После непродолжительного молчания он произнес:

— Думаю, что да.

— Она с тобой?

— Возможно. А что?

— Пусть сама скажет.

И я услышал ее голос:

— Наверное, это правда, Френк. Мы не понимали, где мы оказались… И я не могла забыть пожар… Я не знаю, как…

— Не надо извинений. Все было давно, и я переживу, — я закусил губу.

Майк засмеялся.

— Кажется, ты в этом уверен.

— Да. Я решил выбрать самый легкий способ.

— Умереть?

— Сколько ты хочешь получить?

— Денег? Френк, ты испугался?!

— Я пришел прикончить тебя, но я этого не сделаю, если тебя любит Кати. Она утверждает, что это так. Ладно. В таком случае я хочу, чтобы ты оставил меня в покое. Сколько ты возьмешь за то, чтобы упрятать свое наследство и смыться отсюда?

— Что за наследство?

— Неважно, забудь. Так сколько?

— Я не думал, что ты мне это предложишь, поэтому не могу сказать сразу. Я потребую гарантированный пожизненный доход, причем большой. Потом несколько крупных приобретений на мое имя… Мне нужно составить список… Ты действительно намерен предложить деньги? Это не твои фокусы?

— Мы оба телепаты. Я предлагаю одновременно снять защитные экраны. То есть я настаиваю на этом, как на одном из условий.

— Кати просила не убивать тебя, и, если бы я сделал это, она бы мне не простила. Ладно, она значит для меня больше. Я возьму твои деньги, жену и уйду.

— Благодарю.

Он засмеялся.

— В конечном итоге мне повезло. Как ты дума-

ешь оформить все это?

— Если не возражаешь, я выдам тебе всю сумму сразу, а потом мои юристы оформят передачу.

— Не возражаю. Я желаю, чтобы все было законно. Я хочу миллион и еще по сто тысяч ежегодно.

— Многовато.

— Только не для тебя.

— Я просто комментирую… Хорошо, я согласен. — «Как все это принимает Кати? — подумал я. — Она не могла настолько измениться за несколько месяцев. От такого разговора ее должно тошнить». — Еще два условия, — добавил я. — Пейанец, Грингрин-тари, теперь он мой. У нас с ним свои счеты.

— Бери. Кому он нужен? Что еще?

— Ник-карлик тоже уйдет со мной целым и невредимым.

— Этот маленький ублюдок? — Майк рассмеялся. — Конечно. Это все?

— Все.

Первые лучи солнца защекотали брюхо неба, и вулканы задымили, словно факелы Титанов.

— Что теперь?

— Подожди еще, пока я поговорю с остальными.

«Грин Грин, он согласен. Я купил его пайбад-

ру. Мы улетаем через несколько часов. Передай Нику».

«Я слышу, Френк. Мы скоро подойдем к тебе».

Теперь осталось рассчитаться с пейанцем. Все получилось слишком легко. Я все еще не исключал возможности ловушки. Это должна быть очень хитрая драконовская ловушка. Я был склонен сомневаться в возможности сделки между Грин Грином и Майком. И все же окончательно это я выясню через несколько минут, когда я и Майк снимем экраны.

Но после всех моих трудов уладить дело, как бизнесмены заключают сделку… Потом я понял, что в чем-то совершаю ошибку. В чем же именно? Сквозь пепел, дым и туман светился Флопсус, и был он цвета крови.

Ветер стих, и все вокруг, казалось, погрузилось в покой. Затем на меня напал сжимающий внутренности страх, но я подавил его. Гигантская ладонь готова была опуститься с неба и расплющить меня, но я не дрогнул. Я завоевал Остров мертвых, и Токийский залив пылал вокруг. Теперь я смотрел вниз, в Долину Теней.

С моим воображением легко отыскать зловещее предзнаменование в чем угодно. Я вздрогнул и подавил дрожь. Не стоит показывать Шендону

страх в моем сердце.

Я не мог уже больше ждать.

— Шендон, я снимаю экран. Снимай тоже.

— Договорились.

…И наши мысли встретились, сплелись и расплелись.

— Ты не лгал.

— И ты тоже.

— Тогда по рукам.

— По рукам.

И в это мгновение из подземных пределов пришло громовое «НЕТ» и отразилось от башен неба, подобно цимбалам, загрохотало внутри наших голов. Тело мое пронзила вспышка красного жара. Затем я медленно встал, и ноги мои были тверды, как горы. Сквозь зеленые и красные полосы я видел все ясно, как днем. Я видел, как внизу из шале вышел Майк Шендон и не спеша поднял голову к небу. Наконец наши глаза встретились, и я понял, что сказанное или написанное в том месте, где я держал в руках громомолнию, оказалось правдой:

«Будет противоборство».

«Да будет так».

Тьма. Так было предначертано свыше, с самого моего отправления с вольной и вплоть до насто-

ящего момента.

И ход событий был сильнее соглашения двух людей. Наш конфликт был жалок и мелок, и исход его не имел значения для противоборства тех, что управляли сейчас нами.

Да, управляли.

Я всегда считал, что Шимбо — искусственный довесок, часть моей измененной личности, встроенной в меня пейанцами, чтобы я мог констатировать миры. Наши воли никогда не сталкивались. Он приходил только по моему зову и уходил по моей воле.

Он никогда не пытался принудить меня к чему-то. Возможно, где-то глубоко внутри я действительно хотел, чтобы это был бог, и, возможно, это желание было движущей силой, а мои паранормальные способности — материалом для того, что происходило. Не знаю… Однажды, когда он пришел, вспыхнул такой яркий свет, что я заплакал без причины.

Проклятье! Это не ответ. Но я просто не знаю ответа.

И мы стояли, смотрели друг на друга, два врага, которыми управляли два еще более древних противника. Я представлял удивление Майка. Я попробовал связаться с ним, но мои телепа-

тические способности оказались полностью погашенными. Наверное, он и сам припомнил более раннюю сцену противостояния.

Потом я заметил, что над головой сгущаются тучи. Я понимал, что это означает.

Земля под ногами слегка задрожала.

Один из нас умрет, хотя оба хотели жить.

— Шимбо, Шимбо, — прошептал я где-то в глубинах собственного сознания. — Господин башни Темного Дерева, нужно ли все это?..

…И сразу же понял, что ответа не будет даже для меня, не считая всего, что последует.

Прокатился гром: тихий, протяжный, как отзвук дальней дроби барабана.

Огни за водами озера вспыхнули ярче.

Мы находились на концах дуэльного поля, в саду, нас омывали волны света, прочерченные туманом и испещренные пеплом. И Флопсус спрятал свой лик, тронув края туч багровым цветом.

Напряжение достигло предела. Я чувствовал, как силы входят в меня, перетекают из ближайшего энерговвода и наплывают волнами. Я стоял, не шевельнув пальцем, под неподвижным взглядом противника. Сквозь световые узлы я видел, как он время от времени мигает, и я разобрал очертания Того, кто был мне известен под име-

нем БЕЛИОН.

Я сжимался и расширялся одновременно, и через долгие мгновения понял, что Сандау становится все более неподвижным, маленьким и жалким. И одновременно я чувствовал, как гнездятся в моих пальцах молнии, их вершины качались высоко надо мной в небесах, ожидая, когда их направят вниз, чтобы впиявиться в землю. Это был я, Шимбо из Башни Темного Дерева, Громотворец.

Серый конус у вулкана снова был рассечен сверху донизу, и оранжевая кровь выплескивалась в Ахерон, шипя и клубясь паром. Потом я расколол небо и послал на землю поток света. Небесные мортиры салютовали, и небесные ветры снова пришли в движение, и низринулся дождь.

Он был как тень, как ничто — мой враг. Потом он вновь оказался на том же месте, когда погас свет. Домик за его спиной горел и кто-то крикнул:

— Кати!

— Фрэнк, назад! — закричал зеленокожий человек, и карлик потащил меня за руку, но я смахнул их в сторону и сделал первый шаг в сторону врага.

Мой противник также сделал шаг — и земля

задрожала, сползая и проваливаясь.

Когда он сделал второй шаг, ударили ветры, и он упал, вокруг образовались трещины. Я сделал второй шаг и тоже упал, потому что земля ушла из-под ног.

Мы лежали, и Остров трясся, вздрагивал, стонал, дергая каменным плечом, на котором мы лежали, и изо всех трещин лез дым.

Когда мы поднялись и сделали третий шаг, мы оказались почти напротив друг друга. Я разнес в пыль скалу за его спиной, сделав четвертый, шаг, а он, ступив вперед, обрушил на меня лавину камней сверху. Пятый шаг — ветер, шестой — дождь, огонь и скалы.

Вулканы озарили подоблачную часть неба и сражались с молниями за верхнюю. Ветер хлестал волны, и с каждым толчком мы все больше и больше погружались в эти огромные волны. Я слышал, как они бьются о скалы, сквозь завывания ветра, раскаты грома, неутихающий дождь. За спиной моего врага все еще горело наполовину рухнувшее шале.

Потом разразился ураган, весь Остров начал раскачиваться и стонать, дым повалил гуще и стал более едкий.

На скале стоял зеленокожий человек, в его ру-

ках находился пистолет. Секунду назад пистолет висел у меня на поясе — он не предназначался для нашей схватки.

Сперва он направил его на меня. Потом рука его задрожала и, прежде чем я успел ударить его, он направил пистолет вправо.

Метнулась огненная линия — и мой враг упал.

Но подвижность Острова спасла его, потому что зеленокожий упал при следующем толчке, и пистолет выпал из его рук. Тогда мой враг снова поднялся, оставив на земле кисть и ладонь правой руки. Сжимая рану левой, он сделал шаг мне навстречу.

Между нами начала раскрываться трещина, и я увидел женский силуэт.

Женщина выбралась из горного шале и отступила к тропе наверху, по которой я спускался. Тут она замерла, наблюдая, как мы приближаемся друг к другу. И перед ней раскрылась трещина, и я ощутил крик собственной души, потому что понял: не дотянусь до нее и не спасу.

…Я задрожал и бросился к ней, потому что я уже не был Шимбо.

— Кати! — закричал я, когда она покачнулась и стала падать.

…И откуда-то выпрыгнул Ник, замер на краю

трещины и ухватил ее за кисть. На мгновение я подумал, что он удержит ее, но они упали в трещину, и я слышал, как чертыхнулся, погибая, Ник.

Тогда я поднял голову и повернулся к Шендону. Смертельная ненависть и ярость жгли мне спину. Я потянулся к пистолету, и, словно во сне, вспомнил, куда он девался.

Тут меня накрыли катящиеся камни и, падая, я почувствовал, как сломалась правая нога. Вероятно, я на миг потерял сознание, но боль привела меня в чувство. За это время Шендон сделал еще один шаг и был уже совсем близко, и мир вокруг меня скользил в ад. Я видел обрубок его правой руки, и глаза маньяка, и открытый для хохота рот, и я поднял правую руку и, поддерживая ею левую, сделал пальцами то самое движение… Я вскрикнул, когда мне обожгло палец, а его голова отделилась от туловища, подскочила и откатилась — глаза были открыты и смотрели — и последовала за моей женой и лучшим другом в раскрытую пасть трещины. Останки Шендона с глухим стуком рухнули на землю, и я долго смотрел на его тело, пока темнота не утащила меня к себе на дно…

Глава 8

Я очнулся, когда начало рассветать. Сверху по-прежнему падал дождь. В правой ноге — под коленом — пульсировала боль. Гроза прошла. Земля не дрожала. Когда я смог приподняться, то от потрясения даже забыл о боли.

Большая часть Острова исчезла, погрузившись в Ахерон, а все, что осталось, изменилось до неузнаваемости. Я находился примерно в двадцати футах над уровнем воды на широком скальном полотне. Шале полностью исчезло, рядом валялся обезглавленный труп, благо он еще не смердел. Я отвернулся и оценил собственное положение.

Затем, под дымящимися еще факелами кровавого пира вчерашней ночи, я немедленно протянул руку и начал один за другим снимать с себя камни. Один чертов камень за другим…

Боль и монотонное движение притупляют восприятие, берегут мысли от блужданий и перенапряжения.

Даже если это были настоящие боги, какое это имело значение? Что они мне? Я снова был там, где я родился тысячу лет назад — в шкуре человека, в боли и грязи. Если боги и реальны, то

они лишь используют нас, чтобы играть в свои игры. Всех их надо послать в одно место. «И тебя тоже, Шимбо, — добавил я. — Ты ко мне больше не подходи». Какого черта должен я искать порядка, если его нет? Я вымыл руки в луже. Это утешило мой большой палец на левой руке. Не будем вдаваться в подробности. В основе лежат вещи, которые можно потрогать и купить. И если мне не удастся лопасть в Залив, то сколько бы там Имен не осталось, вся собственность будет моя. Я буду владеть всем Большим Деревом, всем Деревом Познания и Зла. Я откатил последний камень и оказался на свободе.

Теперь оставалось только найти энерговвод и отдохнуть до вечера, пока не прилетит «Модель-Т». Я открыл каналы сознания и почувствовал, что неподалеку кто-то находится. Немного погодя, почувствовав себя лучше, я уселся и выпрямил ногу обеими руками. Когда боль утихла, разорвал штанину и обнаружил, что перелом открытый. Я обвязал его насколько мог крепче, медленно перевернулся на живот и пополз в направлении энерговвода.

Ползти по ровному месту было не так уж и тяжело. Но когда пришлось затаскивать себя на сорокапятиградусный склон, я так выдохся,

что даже не смог выругаться. Склон оказался не только крутым, но еще и скользким. Я оглянулся на тело Шендона и почувствовал сожаление. Он почти все сумел, но ввязался в неподходящую игру, совсем как мой брат.

Я пополз дальше. До энерговвода оставалось всего несколько сот ярдов, но я выбрал путь хотя и подлиннее, но более легкий. Один раз, когда я отдыхал, мне послышалось чье-то всхлипывание. Потом звук этот стал громче и доносился он откуда-то из-за моей спины. Десять минут я лежал и отдыхал рядом с огромным валуном. Он расположился у самой высокой каменной стены. Приглушенный плач шел откуда-то отсюда. Похоже, здесь находилась пещера, но я не имел желания проводить научные исследования и поэтому истошно заорал:

— Эгей, в чем дело?

Полная тишина.

— Эгей!

— Это ты, Фрэнк?

Это был голосок леди Карл и.

— Привет, красотка. Прошлой ночью ты пожелала мне идти навстречу гибели. А как твой собственный поход?

— Меня завалило в пещере, Фрэнк. Я не могу

отодвинуть камень.

— Дорогуша, это не камень, это целая глыба. Я как раз по другую ее сторону.

— Ты можешь вытащить меня?

— А зачем ты туда залезла?

— Я спряталась, когда началась буря. Потом я пыталась прорыть ход наружу, но обломала все ногти… и я не могу найти способ обойти камень.

— Карли, милая, его вряд ли обойдешь.

— Что случилось?

— Все умерли. Остались только мы с тобой да кусочек Острова. Тут была целая битва, а сейчас идет дождь.

— Ты сможешь вытащить меня?

— Сомневаюсь. Мне повезет, если я сам выберусь отсюда в моем состоянии.

— Ты в соседней пещере?

— Нет, я снаружи.

— Тогда, что значит «отсюда»?

— С этой проклятой скалы обратно на другую планету — Вольную — вот что это значит, леди Карли.

— Значит, придет помощь?

— Для меня. «Модель-Т» спустится лишь к вечеру. Такая у нее программа.

— На борту должны быть машины… Ты смог бы

взорвать скалу или прорыть под ней ход?

— Леди Карли, у меня переломана нога, парализована рука и такое множество растяжений, порезов, ушибов и ссадин, что я даже не стал их считать. Мне повезет, если я влезу в корабль, не потеряв сознания, после чего обязательно просплю неделю. Прошлой ночью я предоставил вам возможность вновь стать моим другом. Помните, что вы мне ответили?

— Да…

— Ну вот, сейчас наша очередь.

Я развернулся на локтях и стал отползать.

— Фрэнк!

Я не ответил.

— Фрэнк! Подожди! Не уходи! Пожалуйста!

— Почему бы и нет? — остановился я.

— Помнишь, что ты сказал мне тогда, ночью?

— Да. И помню ваш ответ. Впрочем, все это было прошлой ночью, когда я был другим человеком… У вас был шанс, но вы его упустили. Если бы у меня остались силы, я бы выцарапал ваше имя и дату на этом камне. Очень приятно было с вами познакомиться.

— Фрэнк!

Я даже не обернулся.

«Перемены в твоем характере продолжают

изумлять меня, Фрэнк».

«Ага, ты тоже выбрался, Грин. Подозреваю, что ты в другой пещере и тоже желаешь, чтобы тебя откопали».

— Нет, я всего в нескольких сотнях ярдов от тебя. Рядом со мной энерговвод, но мне он уже ни к чему. Я дам знать, когда услышу тебя близко.

— Зачем?

— Близится мое время. Я уйду в край смерти. В прошлую ночь меня сильно ранило.

— Что же ты от меня хочешь? У меня полно своих забот.

— Меня беспокоит последний обряд. Ты говорил, что совершал его для Марлинга, поэтому ты должен его знать. К тому же ты сказал, что у тебя имеется глиттен…

— Я в это больше не верю. И никогда не верил. Я сделал это для Марлинга, потому что…

— Ты высший жрец. Ты носишь имя Шимбо из Башни Темного Дерева, Громотворца. И ты не можешь отказать мне в последней просьбе..

— Я отказался от Имени и отказываю тебе.

— Ты говорил, что если я тебе помогу, то замолвишь за меня слово на Мегапее. Я тебе помог.

— Знаю. Но теперь поздно, ты умираешь.

— Тогда выполни мою последнюю просьбу.

— Я помогу тебе всем, чем смогу, кроме последнего обряда. После вчерашней ночи я с такими вещами покончил навсегда.

— Ладно. Тогда просто прийди ко мне.

И я дополз до него. К этому моменту дождь прекратился. Жалко. Он вымывал из его тела жизненную влагу. Грин Грин лежал, прислонившись спиной к камню, и сквозь его плоть местами просвечивала белизна костей.

— Жизненная сила пейанцев — удивительная вещь, — констатировал я. — И все это ты заработал прошедшей ночью?

— Мне больно говорить. Я знал, что ты остался в живых, поэтому я не позволил себе умереть, пока ты меня не отыщешь.

Мне пришлось снять остатки рюкзака со спины.

— Вот, прими. Это от боли. Действует на представителей пяти рас.

Он вежливо отстранил мою руку:

— Я не желаю туманить сознание в последние минуты.

— Грин, я не буду исполнять обряд, а дам тебе корень глиттена, и ты сможешь принять его сам. Но ничего больше я не предприму.

— Даже если в обмен я дам тебе то, что ты боль-

ше всего хочешь?

— Чего я хочу?

— Возможность вернуть их всех к жизни. У них не останется памяти о том, что произошло.

— Ленты?!

— Да.

— Где они?

— Услуга за услугу, Дра Сандау.

— Обряд?

— Кати, новая Кати, которая никогда не встречала Майка Шендона. И Ник — любитель бить по чужим носам.

— Это тяжелое условие, пейанец.

— У меня нет выбора. И пожалуйста, поскорее!

— Хорошо. Я пойду с тобой этой ночью. А где ленты?

— Когда обряд уже нельзя будет прервать, я скажу где.

Я засмеялся:

— Ладно, ты мне не доверяешь, но я тебя не виню.

— Ты держал экран и мог пойти на любую уловку.

— Возможно.

Я развернул глиттен и разломил корень на куски нужной величины.

— Мы отправляемся в путь вместе, — начал я, — и только один из нас вернется сюда…

Пройдя через холодную серость, а потом через черную теплоту, мы зашагали в сумеречном свете. Здесь не было ни звезд, ни ветра. Была лишь ярко-зеленая трава, высокие холмы и холодная северная заря. Казалось, что все звезды были сброшены с черного лунного неба, после чего их истолкли в ступе и распылили по вершинам холмов.

Идти было легко. Мы словно весело прогуливались, хотя у нас была цель. Тела наши были вновь невредимы. Грин Грин шагал слева. Мы находились среди холмов сна, навеянного глиттеном. Или это был не сон? Все казалось реальным, и воспоминание о наших измученных телах, лежавших под дождем на голой скале, ощущалось памятью о сне давней давности. Мы словно всегда были здесь, Грин Грин и я, — и нас окутывало чувство мира и дружелюбия. Все было почти так же, как и в прошлый раз, когда я посетил это место. Возможно, я действительно не уходил отсюда.

Некоторое время мы пели старинную пейанскую песню. Потом он сказал:

— Я отдаю тебе пайбадру, которую держал на тебя, Дра. Больше у меня нет к тебе претензий.

— Благодарю, Дра-тари.

— Я обещал тебе кое-что сказать. О Лентах… Они лежат под моим пустым телом, которое, я имел честь носить будучи живым.

— Ясно.

— Но они тебе не пригодятся. Я перенес их туда силой сознания из тайника, где они хранились. Они были повреждены, так же, как и образцы тканей. Таким образом, я сдержал свое слово, хотя и не лучшим образом. Но у меня не было выбора. Я не мог пойти сюда один.

Я должен был бы расстроиться, но почему-то этого не произошло. Это было не то место.

— Ты сделал то, что должен был сделать. Не беспокойся. Возможно, это даже к лучшему, что я не смогу их воскресить. После их смерти они все так переменились! Они могли бы почувствовать себя одиноко в непривычном мире, как когда-то почувствовал себя я. Пусть будет так, как есть. Конечно.

— Теперь я должен рассказать тебе о Рут Ларри. Она находится в больнице для умалишенных в Фаллоне Кобачо на Дрисколле. Она зарегистрирована там под именем Риты Лоуренс. Ее лицо изменено, так же как и сознание. Тебе необходимо освободить ее и отправить к докторам.

— А почему она там?

— Это было проще, чем переправлять ее на Иллирию.

— Боль, которую ты причинил многим из нас, никак не отразилась на тебе.

— Нет. Видно я долго работал с веществом жизни.

— …И довольно плохо работал: словно в тебя вселился дух Белиона.

— Я не желал бы оправдываться, но я подозреваю то же, что и вы. Вот почему я пытался убить Шимбо. И когда ты стал лицом к лицу с врагом, который был частью меня, я ударил по нему. После того, как он меня оставил, я почувствовал отвращение ко многим вещам, сделанным мною. Белион должен был отправиться назад, в Ничто, поэтому и пришел Шимбо. Нельзя было позволить Белиону устраивать новые жестокие игры. Шимбо, рассыпающий планеты, как жемчужины жизни в океане темноты, должен был вступить с ним в противоборство. И он победил.

— Нет! — воскликнул я. — Нам не обойтись друг без друга. Я оставляю себе Имя!

— Да, нельзя просто так забыть о своем собственном призвании. Пройдет время…

Я не ответил, я был поглощен своими собствен-

ными мыслями.

Мы шли путем смерти. Это было приятно, но это было лишь следствием действия глиттена. И если обычные люди могут пристраститься к нему из-за эйфории и видений, то телепаты используют его особым образом.

Когда его принимает один человек, он увеличивает его силы.

Если же его примут двое, они могут увидеть общий сон, всегда вызывающий эйфорию. И для странтианцев это один и тот же сон: из-за их психической тренировки подсознание воспроизводит его рефлекторно. Такова традиция.

Итак, оба они видят сон, но лишь один из них проснется…

Таким образом, г л и т т е н используют в обряде смерти, чтобы умирающий уходил в мир иной, от которого я тысячу лет старался держаться подальше, не в одиночку.

Этот эффект используют также и при дуэлях. Потому что, если особые условия не оговорены и не закреплены ритуалом, назад возвращается лишь сильнейший. Такова природа наркотика: она вводит какие-то спящие части мозга в конфликт с другим сознанием, хотя вы сами это не осознаете.

Грин Грин был именно в таком состоянии, и я не опасался ловушки. Даже если это дуэль, мне нечего бояться, учитывая его состояние и его обещание.

Но когда мы шагали рядом, я вдруг подумал, что под видом приятного, почти мистического обряда, я уже несколько часов ускоряю его смерть.

Телепатическая эвтанезия.

Убийство мыслью.

Я был рад помочь сотоварищу пройти последний путь, если он этого хотел. Но это заставило меня подумать о собственной последней дороге. Я был уверен, что она уж никак приятной не будет.

Говорят, что как бы вы ни любили жизнь, как ни наслаждались каждой минутой, когда-нибудь вы захотите смерти и будете ждать ее прихода. Считается, что все были бы рады избежать мучений и уйти из жизни легко.

Я не надеялся, что уйду без мучений в тихую теплую, ночь. Нет, я буду драться за каждый дюйм света. Болезнь, которая и забросила меня в такую даль времени, заставила меня пережить достаточно страданий, даже агонию, пока меня не заморозили.

Я много об этом раздумывал и решил, что ни-

когда не соглашусь на легкий способ расстаться с жизнью. Я желал и жить и чувствовать. Есть одна книга. Ее написал человек, которого я уважаю, — Андре Жид. Она называется «Плоды Земли». Он уже лежал на смертном одре, знал, что осталось всего несколько дней до исхода, и писал… свою книгу. Он завершил ее за три дня и умер. В ней он перечисляет все взаимопревращения воды, воздуха, огня и земли, а также вещей, которые его окружали, — словом, всего, что он любил. Он говорит им всем: «Прощайте» и, несмотря ни на что, не хочет уходить. Ощущения автора книги — мои ощущения. Грин Грину я не сочувствовал и не одобрял его выбора. Я бы предпочел лежать на камнях с переломанными костями, под проливным дождем, но остаться в живых. Может быть, вот этот голод в жизни и позволил мне стать мироформистом.

…Мы взошли на холм и остановились на его вершине. Я уже знал, что мы увидим внизу.

Беря начало между двумя массивными выступами из серого камня, с дном из зеленой травы, которая потом становилась все темнее, она лежала перед нами — большая темная долина. И вдруг я увидел перед собой сплошную тьму, тьму, и только.

— Я пройду с тобой еще сотню шагов, — произнес я.

— Спасибо, Дра.

И мы спустились с холма, направляясь в долину.

— Что скажут на Мегапее, когда узнают, что я ушел?

— Не знаю.

— Скажи им, что я был глупцом, который пожалел о своей глупости прежде, чем пришел сюда.

— Скажу.

— И…

— Да, это я тоже передам. И попрошу, чтобы твои останки были перенесены в горы, в место твоего рождения.

Грин Грин благодарно склонил голову:

— Тогда это все. Ты будешь смотреть, как я уйду?

— Да.

— Как печально, что в конце виден свет. Я пойду на его поиски.

— Счастливой дороги, Дра Грингрин-тари.

— Ты выиграл свои битвы, и ты покинешь это место. Построишь ли ты миры, которых я уже никогда не смогу увидеть и создать сам?

— Возможно, — прошептал я, упорно вглядыва-

ясь в тьму, — ни звезд, ни комет, ни метеоров…

Но вдруг там — или мне показалось — проплыла Новая Индия. До нее, казалось, миллион миль, но все детали были ясно видны и светились. Она медленно отодвинулась вправо, пока ее не закрыла скала. К тому времени в поле зрения вошел Кокитус. За ним последовали все остальные: Святой Мартин, Бунинград, Ужасный, М-2,Хонкитонк, Мерсия, Иллирия, Вершина, Тангия. Безумство, Родена, Вольная, Кастор, Поллукс, Централия, Дэнди и так далее.

Глаза мои вдруг неожиданно для меня самого наполнились слезами. Мимо проходили все миры, какие я придумал и построил. Я уже позабыл, что они так красивы.

Чувства, наполнявшие меня во время их создания, возвратились к их творцу — ко мне. Когда я, наконец, уйду в Долину, миры останутся. Значит, я совершил в жизни что-то хорошее, и я знал, что способен и на большее.

— Там действительно свет! — воскликнул Грин Грин, — и я не сразу понял, что он ухватил меня за руку, глядя на парад миров.

Я взял его за плечо:

— Да встретишься ты с Кирваром Четырехлицым, Отцом всех Цветов.

Я не собрался с мыслями и не разобрал его ответ, когда он прошел мимо двух камней, вошел в Долину и исчез из виду.

Я повернулся лицом на восток, если таковой здесь имелся, и направился обратно.

Обратный путь…

Медные гонги и головастики.

Я лежал словно на шершавом потолке. Нет. Я лежал лицом вверх, подо мной находилось ничто, и я пытался удержать мир на своих плечах. Планета была тяжелая, в спину давили камни. Потом подо мной был залив с его кондомами, плавучим деревом, канатами водорослей, пустыми бутылками. Я слышал, как плещутся волны. Они плескались, и брызги долетали до моего лица. Жизнь — холод, запахи. Может быть, я слышал крики птиц. Я побывал у Долины Теней и теперь возвращался назад. Если повезет, я вновь убегу от ледяных пальцев волн Залива. Я упал, и мир вокруг раздвоился, затем снова соединился и стал таким, каким я его покинул.

Небо было словно грифельная доска, к тому же испятнанная сажей. Моросило. Камни впились в спину. Было отвратительно знобко.

Я уселся и тряхнул головой, чтобы прояснить мысли. Рядом лежало тело зеленокожего чело-

века-пейанца. Я прошептал слова прощания, и голос мой дрогнул.

Я придал телу Грин Грина более удобное положение и накрыл его своей пленкой, потом занялся Лентами и биоцилиндрами, которые прикрывали его тело. Он был прав: они были разрушены. Я уложил их в рюкзак. По крайней мере, Бюро Безопасности будет счастливо узнать, что все так разрешилось. Потом я дополз до энерговвода и стал ждать, подняв экран над Силой, чтобы привлечь внимание «Модели-Т». И продолжал следить за небом.

Я видел, как она уходит от меня, ее стройные бедра обтянуты белым и слегка покачиваются, ее сандалии щелкают по плитам патио. Я хотел пойти за ней, объяснить, какую роль я играл во всем случившемся. Но я знал, что это ничему не поможет, так зачем терять свое лицо? Когда сказка окончена, и звездная пыль грез садится на землю, и вы чувствуете, что последняя строчка никогда не будет написана, то зачем лишние упражнения в бесплодных попытках? Ведь были же и великаны и карлики, и жабы и волшебные грибы, и полные драгоценностей пещеры, и не один, а целых десять волшебников…

Я почувствовал приближение «Модели-Т» еще

прежде, чем увидел ее воочию.

Десять волшебников, финансистов, десять баронов Ангола.

Все они были ее дяди.

Я надеялся, что союз будет сохранен, скрепленный поцелуем. Я не планировал двойной игры, но когда «та» сторона стала играть нечестно, нужно было что-то предпринимать. И все же это было не моих рук дело. Машина работала, и я был не в силах ее остановить, если бы даже захотел.

Я чувствовал, как садится моя старушка «Т». Я потер ногу в месте перелома. Стало больно, и я отдернул руку.

Деловое соглашение, сказка, вендетта… В конце я выиграл и должен был бы великолепно себя чувствовать.

Показалась «Модель-Т». Она быстро снижалась и повисла надо мной, как планета, пока я управлял посадкой через узел ввода.

В своей жизни мне случалось бывать в шкуре труса, бога, сукиного сына и так далее… Если живешь очень долго, без этого не обойтись. Приходится проходить все фазы. Сейчас я был просто обеспокоен, сильно устал, и у меня было лишь одно желание.

Я посадил «Модель-Т» на ровное место, открыл

люк и пополз к кораблю.

Я добрался до корабля и залез в люк.

Усевшись за пульт, я повысил чувствительность управляющих приборов до максимума.

Болела нога.

Мы медленно взлетели.

После этого я взял все необходимое, посадил корабль и еще раз вылез наружу.

— Прости, что я ушел, малыш.

Я тщательно прицелился и разорвал валун.

— Фрэнк, это ты?

— Нет, семеро козлят.

Леди Карли выбежала из пещеры, вся в земле, с огромными безумными глазами.

— Ты вернулся за мной!

— Я и не уходил.

— Ты ранен!

— А я что говорил?!

— Ты сказал, что уйдешь и оставишь меня в подземелье одну.

— Тебе давно пора бы понимать, когда я шучу, а когда говорю серьезно, леди.

Она крепко расцеловала меня и помогла мне встать на одной здоровой ноге, забросив одну руку к себе на плечо.

— Теперь сыграем в «кенгуру», — предложил я.

— Что это такое?

— Одна старая игра. Когда я снова смогу ходить, я, так и быть, тебя научу.

— А куда мы теперь?

— Домой, на Вольную. Ты можешь остаться там или уйти, как захочешь. Ты вольная пташка.

— Я могла бы и догадаться, что ты меня не бросишь, но когда ты заявил… Бог мой! Какой жуткий день! Что здесь случилось?

— Остров Мертвых постепенно погружается в Ахерон. Идет дождь.

На ее нежных руках запеклась кровь, волосы были спутаны.

— Ну, ты понимаешь, что я вовсе не думал тебя оставлять здесь?

— Понимаю.

Я осмотрелся: когда-нибудь я восстановлю все это.

— Боги! Что за жуткий день!

— Наверху сияет солнце. Думаю, мы доберемся туда, если ты мне поможешь.

— Обопрись на меня.

И я положил руку на ее хрупкое плечо…

Создания света, создания тьмы

РОМАН

Создания света, создания тьмы

Поколения исчезают, уступая место новым,
и так со времен наших предков.
Те, кто строят здания,
не имеют больше места.
Что сделали с нами?
Я слышал слова Имхотепа и Хардедефа,
чьи речи так любят повторять люди.
Где теперь их место?
Их стены обвалились,
их домов не существует,
как будто их не было вовсе.
Никто не возвращается оттуда,
чтобы сказать нам, где их место,
чтобы сказать нам, как им живется,
чтобы сказать нам, как успокоить сердце,
пока мы сами не отправимся за ними.
Так празднуйте и оставайтесь молодыми!
Смотрите: человеку не дано

забрать туда с собой свои владенья.
Смотрите: кто ушел туда, назад не возвратится.
Харрис 500 6:2-9
И вот, вошел он туда
с Волшебной Палочкой в одной своей руке
и Стаканом в другой,
а с ним множество Чудовищ
с головами диких Зверей.
Они шли и страшно шумели,
с факелами в руках.
Мильтон
Людская одежда — железо,
А тело — подарок небес.
Лицо, как закрытая книга,
И жадное сердце, как бес.
Блейк

Прелюдия в Доме Мертвых

Человек идет в канун Тысячелетия в Доме Мертвых. Если вам удастся окинуть взглядом огромную комнату, по которой он идет, вы ничего не увидите. Слишком темно для глаз, чтобы что-нибудь различить.

И в это темное время мы будем называть его просто «человек».

Для этого есть две причины: во-первых, он полностью подходит под такое описание — мужчина, модель — человек ходит прямо, на двух ногах, большие пальцы отстоят в стороны, обладает и другими характерными признаками человека, и, во-вторых, потому что имя его было отнято у него.

И пока что нет причин заострять на этом вопросе внимание.

В правой руке человек держит посох своего Господина, и тот направляет его в темноте. Он тянет его то в одну сторону, то в другую. Он сжигает его руку, его пальцы, его отстоящий большой палец, если только нога его хоть немного клонится от предназначенного пути. Когда человек приближается в темноте к определенному месту,

он поднимается на семь ступенек к каменному мосту и три раза стучит своим посохом.

И тогда появляется свет, туманный и оранжевый, незаметный в углах. Он освещает огромную пустую комнату.

Человек переворачивает посох и засовывает его в камин.

Если бы у вас были уши в этой комнате, вы бы услышали звуки крылатых насекомых, кружащихся вокруг вас, удаляющихся, возвращающихся.

Однако только один человек слышит их. Здесь присутствуют более двух тысяч людей, но все они мертвы.

Они выходят из прозрачных прямоугольников, которые сейчас появляются в полу, выходят недышащие, неморгающие, в горизонтальном положении, и они отдыхают на невидимых катафалках на высоте двух футов, а их одежда и их кожа всех возможных цветов, а их тела — тела всех веков. У некоторых из них есть крылья, а у некоторых — хвосты, у других имеются рога, а у третьих — длинные когти. У четвертых — есть абсолютно все, у пятых — встроены механизмы, хотя у шестых их нет вовсе. Многие из них выглядят, как обычные наши люди.

На человеке надеты желтые брюки и рубашка без рукавов того же цвета. Его пояс и плащ черные. Он стоит рядом со светящимся посохом своего Господина, и он смотрит на мертвых ниже его.

— Вставайте, — говорит он. — Все вы!

И слова его смешиваются с жужжанием в воздухе и повторяются вновь и вновь, не как эхо, затихая, а настойчиво и решительно, с силой электрического сигнала тревоги.

Весь воздух заполнен и взбудоражен. Раздаются стоны и скрип суставов, затем начинается движение: шуршание, звон, кряхтение. Они садятся, они встают. Затем звуки и движение прекращаются, и мертвые стоят.

Человек сходит с помоста, стоит мгновение перед ним, потом говорит:

— Следуйте за мной!

И идет обратно тем путем, которым пришел, оставив посох своего Господина дрожать светом в сером воздухе.

Он идет. Он подходит к высокой женщине с золотистой кожей — самоубийце. Он смотрит в ее невидящие глаза и говорит:

— Ты знаешь меня?

И оранжевые губы, мертвые губы, сухие губы

двигаются и шепчут:

— Нет.

Но он смотрит еще пристальней и говорит:

— Ты знала меня?

И воздух гудит его словами, пока она отвечает снова:

— Нет.

И он проходит мимо нее.

Он спрашивает двух других: древнейшего старца, у которого часы встроены в левую кисть, и черного карлика с рогами и копытами и хвостом козла. Но оба говорят:

— Нет.

И они пристраиваются к нему, и идут сзади, и следуют за ним из этой огромной комнаты в другую, где под каменным полом находятся другие мертвые, не слишком ожидающие, чтобы их вызвали в канун его Тысячелетия в Доме Мертвых.

* * *

Человек ведет их. Он ведет мертвых, которых вызвал к движению, и они следуют за ним. Они следуют за ним по коридорам, и галереям, и залам, вверх, по узким витым лестницам, и вниз, по широким прямым лестницам, и они приходят, наконец, в Большой Зал Дома Мертвых, где его

Господин принимает подданных.

Он сидит на черном троне из отполированного камня, и слева и справа от него стоят металлические чаши с огнем. На каждой из двухсот колонн, находящихся в этом высоком Зале, пылает факел, мигая, и дым в искрах завивается и уходит вверх, становясь, наконец, серой частью плывущего облака, которое полностью покрывает потолок.

Он не двигается, но он смотрит на человека, который идет, приближаясь, по Залу с пятью тысячами мертвых за его спиной, и глаза сидящего сверкают красным огнем, когда он смотрит, как человек идет вперед.

Человек простирается у его ног и не двигается, пока к нему не обращаются:

— Ты можешь приветствовать меня и подняться, — слышатся слова, каждое из которых — это резкий горловой звук посредине выхода.

— Хайль, Анубис, Господин Дома Мертвых! — говорит человек.

И он встает.

Анубис слегка наклоняет свою черную морду, и клыки в его рту белы. Красная молния — его язык — высовывается вперед и опять исчезает во рту. Тогда он встает, и тени скользят вниз по его голому человеческому телу.

Он поднимает свою левую руку, и жужжащий звук разносится по всему Залу, и он разносит его слова сквозь мигающий свет и дым.

— Слушайте, вы, те, кто мертвы, — говорит он. — Сегодня вы будете развлекаться ради моего удовольствия. Пища и вино пройдут между вашими мертвыми губами, хотя вы не почувствуете их вкуса. Ваши мертвые желудки удержат все это внутри вас, а ваши мертвые ноги будут танцевать. Ваши мертвые рты будут говорить слова, которые не будут иметь для вас значения, и вы будете обнимать друг друга и ничего при этом не испытывать. Вы будете петь для меня, если я этого пожелаю. Вы опять ляжете, когда я велю вам.

Он поднимает свою правую руку.

— Пусть начнется пир, — говорит он и хлопает в ладоши.

И тогда из-за колонн вперед выскальзывают столы, заставленные едой и напитками, и в воздухе слышится музыка.

Мертвые двигаются, чтобы повиноваться ему.

— Ты можешь присоединиться к ним, — говорит Анубис человеку и вновь садится на свой трон.

Человек подходит к ближайшему столу и слегка закусывает и выпивает стакан вина, и мертвые

танцуют вокруг него, но он не танцует с ними. Они издают шумы, которые являются словами без смысла, он не слушает их. Он наливает второй стакан вина, и глаза Анубиса смотрят, когда он пьет его. Он наливает третий стакан вина, и держит его в своих руках, и отхлебывает из него по глоточку, и смотрит в него неотрывным взглядом.

Он не может сказать, сколько проходит времени, пока Анубис не говорит:

— Слуга!

Он встает, поворачивается.

— Приблизься, — говорит Анубис, и он делает это.

— Ты можешь подняться. Ты знаешь, какая сегодня ночь?

— Да, Господин. Это — канун Тысячелетия.

— Это канун твоего Тысячелетия. Сегодня ночью мы празднуем юбилей. Ты служил мне в Доме Мертвых полную тысячу лет. Ты рад?

— Да, господин…

— Ты помнишь мое обещание?

— Да. Ты сказал мне, что, если я буду верно служить тебе тысячу лет, ты отдашь мне мое имя обратно. Ты скажешь мне, кем я был на средних Планетах Жизни.

— Прости меня, но я этого не обещал.

— Ты?..

— Я сказал тебе, что дам тебе имя, какое-то имя, а это совершенно разные вещи.

— Но я думал…

— Мне все равно, что ты думал. Ты хочешь получить имя?

— Да, Господин…

— Но ты предпочел бы свое старое? Ты это хочешь сказать?

— Да.

— Неужели ты действительно думаешь, что кто-нибудь вспомнит свое имя после десяти веков? Неужели ты считаешь, что был такой важной персоной на Средних Мирах, что кто-нибудь отметил твое имя, что оно могло иметь для кого-нибудь значение?

— Я не знаю.

— Но ты хочешь получить его обратно?

— Если это можно, Господин.

— Почему? Почему ты его хочешь получить?

— Потому что я ничего не помню о Мирах Жизни. Я хотел бы знать, кем я был, когда жил там.

— Почему? Зачем тебе это?

— Я не могу ответить тебе, потому что не знаю.

— Из всех мертвых, — говорит Анубис, — одно-

му тебе дал я полное сознание, чтобы ты служил мне здесь. Ты это знаешь. Может быть, поэтому ты чувствуешь, что в тебе есть нечто такое особенное?

— Я часто задумывался, зачем ты это сделал.

— Тогда разреши мне успокоить тебя, человек. Ты — ничто. И был ничем. Тебя не помнят. Твое смертное имя ничего не значит.

Человек опускает свой взгляд.

— Ты не веришь мне?

— Нет, Господин…

— А почему? Я забрал от тебя воспоминания твоей жизни, потому что они не причиняли бы тебе ничего, кроме боли, среди мертвых. А сейчас позволь мне продемонстрировать твою безликость.

В этом Зале более пяти тысяч мертвых из многих веков и мест.

Анубис встает, и голос его доносится до каждого присутствующего в зале.

— Слушайте меня, личинки! Поверните свои глаза к этому человеку, который стоит перед моим троном! Повернись к ним, человек.

Человек поворачивается.

— Знай, человек, что сегодня ты не носишь того тела, в котором спал еще прошлой ночью. Сегод-

ня ты таков, как тысячу лет назад, когда пришел в Дом Мертвых. Мои мертвецы, есть ли кто-нибудь из присутствующих здесь, который может выйти и сказать, что знает этого человека?

Девушка с золотистой кожей выходит вперед.

— Я знаю этого человека, — говорит она оранжевыми губами, — потому что он говорил со мной в другой комнате.

— Это я знаю, — говорит Анубис, — но кто он?

— Он тот, который говорил со мной.

— Это не ответ. Иди и сношайся вон с той розовой ящерицей. А ты что, старик?

— Со мной он тоже говорил.

— Это я знаю. Ты можешь назвать его?

— Не могу.

— Тогда иди, и танцуй на том столе, и поливай свою голову вином. А ты что скажешь, негр?

— Этот человек разговаривал и со мной.

— Ты знаешь его имя?

— Я не знал его, когда он спросил меня…

— Тогда сгори! — вскрикивает Анубис, и огонь падает с потолка, вырывается из стен, и от негра остается один лишь пепел, который затем медленно движется по полу мимо ног танцующих и медленно превращается в пыль.

— Ты видишь? — говорит Анубис. — Никто не

может назвать тебя именем, которое ты когда-то носил.

— Вижу, — говорит человек, — но этот последний, хотел еще что-то сказать…

— Такую же бессмыслицу! Ты никому не известен и никому не нужен, кроме меня. И то только потому, что ты хорошо знаешь искусство бальзамирования и иногда можешь сочинить неглупую эпитафию.

— Благодарю тебя, Господин.

— Какую пользу принесут тебе твои воспоминания и твое имя?

— Наверное, никакой.

— И тем не менее ты хочешь получить имя, и я дам его тебе. Вытащи свой кинжал.

Человек вытаскивает кинжал, который висит у него сбоку, с левой стороны.

— А теперь отрежь свой большой палец.

— Какой, Господин?

— Сойдет и левый.

Человек закусывает нижнюю губу, и глаза его суживаются, когда он водит лезвием по суставу своего большого пальца.

Кровь его течет на пол. Она стекает с лезвия ножа и скапливается на его кончике. Он падает на колени и продолжает резать, и слезы текут по

его щекам и смешиваются с кровью. Он тяжело дышит, и с уст срывается рыдание.

Затем…

— Готово, Господин, — говорит он. — Вот!

Он роняет кинжал и протягивает свой большой палец Анубису.

— Мне он не нужен! Брось его в огонь!

Своей правой рукой человек бросает большой палец в жаровню. Он шипит, трещит и сгорает.

— А сейчас сложи горсткой свою левую руку и собери в нее кровь.

Человек делает это.

— А теперь подними ее над головой, пусть кровь протечет тебе на лоб.

Он поднимает руку, и кровь течет на его лоб.

— А теперь повторяй за мной: «Я крещу себя… Оаким, из Дома Мертвых»…

— Оаким, из Дома Мертвых…

— Именем Анубиса…

— Именем Анубиса…

— ОАКИМ…

— ОАКИМ…

— «Посланником Анубиса на Средние Миры…»

— Посланником Анубиса на Средние Миры…

— «… и те, что за ними…»

— … и те, что за ними…

— А теперь слушайте меня, о мертвые! Я объявляю этого человека Оакимом. Повторите его имя!

— ОАКИМ! — слышатся слова из мертвых губ.

— Быть посему! Теперь у тебя есть имя, Оаким, — говорит он. — А следовательно, необходимо, чтобы ты почувствовал рождение своего имени, чтобы ты ушел, измененный этим событием, о мой поименованный!

Анубис поднимает обе руки над головой и опускает их.

— Продолжайте танцевать! — приказывает он мертвым.

Они вновь начинают двигаться под музыку.

В зал въезжает телоразделочная машина, а за ней следует машина, заменяющая члены.

Оаким отворачивается от них, но они подъезжают к нему и останавливаются.

Первая машина высовывает зажимы и держит его.

— Человеческие руки слабы, — говорит Анубис. — Пусть их уберут.

Человек кричит, когда видит, как лезвия начинают жужжать. Затем он теряет сознание. Мертвые продолжают свой танец.

Когда Оаким пробуждается, две серебряные руки висят по его сторонам, холодные и бесчув-

ственные. Он сжимает пальцы.

— А человеческие ноги медленны и способны уставать. Пусть те, что он носит, будут заменены никогда неустающими металлическими.

Когда Оаким снова приходит в себя, он стоит на серебряных колоннах. Он шевелит пальцами ног. Язык Анубиса выскакивает вперед.

— Положи свою правую руку в огонь, — говорит он, — и держи ее там, пока она не раскалится добела.

Музыка звучит повсюду, и пламя ласкает его руку, пока она не становится такой же красной, как и пламя. Мертвые разговаривают на свои мертвые темы и пьют вино, вкуса которого не чувствуют. Они обнимают друг друга без всякого удовольствия.

Рука раскаляется добела.

— А теперь, — говорит Анубис, — возьми свой член в свою правую руку и сожги его.

Оаким облизывает губы.

— Господин… — говорит он.

— Сделай это!

И он делает это, и падает без чувств, не успев довершить дело до конца.

Когда он вновь открывает глаза и смотрит вниз, на себя, он весь состоит из сверкающего серебра,

без признаков пола и силы. Когда он дотрагивается до своего лба, слышится звон металла о металл.

— Как ты чувствуешь себя, Оаким? — спрашивает Анубис.

— Я не знаю, — отвечает он, и голос его странный и хриплый.

Анубис делает знак, и ближайшая сторона разделочной машины становится зеркалом.

— Посмотри на себя.

Оаким смотрит на сверкающее яйцо — свою голову, желтые линзы — свои глаза, сияющую бочку — свою грудь.

— Люди могут начинать и кончать самыми разнообразными путями, — говорит Анубис. — Некоторые начинают так, как машины, и медленно завоевывают свою человечность. Другие могут кончить машинами, медленно теряя человечность в течение своей жизни. То, что потеряно, всегда может быть возвращено. То, что найдено, всегда может быть потеряно. Что ты, Оаким, человек или машина?

— Я не знаю.

— Тогда разреши мне запутать тебя еще больше.

Анубис делает знак, руки и ноги Оакима отпа-

дают в сторону.

Его металлическое туловище звякает о каменный пол, катится, потом останавливается у самого трона.

— Теперь ты лишен подвижности, — говорит Анубис.

Он вытягивает вперед свою ногу и дотрагивается до крохотного выключателя на затылке Оакима.

— Теперь у тебя отсутствуют все чувства, кроме слуха.

— Да, — отвечает Оаким.

— А теперь тебя подсоединяют… Ты ничего не чувствуешь, но голова твоя открыта, а сейчас ты станешь частью машины с мониторами, которая поддерживает весь этот мир. Смотри на него, на весь!

— Я смотрю, — отвечает он и осознает каждую комнату, коридор, зал в этом всегда мертвом, не бывшим живым мире, который никогда и не был миром, созданным звездным взрывом и животворящим огнем, а миром, сделанным, сколоченным и соединенным, склепанным и сваренным, изолированным и украшенным не морями, землями и воздухом, но смазкой, металлом и камнем, и стенами энергии, висящими

вместе в ледяной пустоте, где не светит никакого солнца, и он ощущает расстояние, стрессы, вес, давление, материалы и тайное количество мертвых. Он осознает волны движения, проходящие сквозь Дом Мертвых. И он течет вместе с ними, познавая бесцветный цвет восприятия.

Затем Анубис опять говорит.

— Ты знаешь каждую тень в Доме Мертвых. Ты глядел через все самые сокровенные глаза.

— Да.

— А теперь посмотри, что лежит за всем этим.

Звезды, звезды, звезды, рассеянные звезды, и в промежутке — темнота. Они вспучиваются, сворачиваются и изгибаются, и они бегут к нему, пробегают мимо него. Они сияют светом, чистым, как глаза ангелов, и они проскальзывают близко от него, далеко от него, в той вечности, через которую он, кажется, движется. Нет ни чувства времени, ни чувства движения. Лишь меняется поле. Огромный голубой гигант солнца мгновение висит рядом с ним, потом опять возвращается, окутывает его со всех сторон, и другие огоньки пролетают мимо, как в тумане.

И, наконец, он появляется в мире, который не является миром: лимонном, и лазурном, и зеленом, зеленом, зеленом. Зеленая корона висит над

ним, в три раза больше его самого, и он пульсирует приятным ритмом.

— Смотри на Дом Жизни, — слышит он голос Анубиса.

И он смотрит. Там тепло, светло. Он чувствует — там жизнь.

— Озирис правит Домом Жизни, — говорит Анубис.

И он смотрит на большую птичью голову на человеческих плечах, яркие желтые глаза — живые, о, какие живые, — и стоит это существо перед ним на бесконечной равнине, вечнозеленой, через призму которой он взирает на весь свой мир, и он держит посох Жизни в одной руке и Книгу Жизни в другой. Он — как источник животворящего тепла.

Затем Оаким опять слышит голос Анубиса.

А затем следует неожиданное бесконечное падение, такое, что кружится голова, и Оаким опять смотрит на звезды, но звезды эти разделены одна от, другой видимыми силовыми линиями, потом невидимыми, потом опять видимыми, постепенно исчезающими, проявляющимися, уходящими белыми сверкающими, неустойчивыми линиями.

— Сейчас ты воспринимаешь Средние Миры

Жизни, — говорит Анубис.

И дюжины миров катятся перед ним, как шарики из экзотического мрамора, с пунктирными линиями, калиброванные, отполированные, раскаленные.

— … находятся, — говорит Анубис. — Они находятся внутри поля, которое создается между двумя единственными полюсами, которые имеют значение…

— Полюсами? — говорит металлическая голова, которая и есть Оаким.

— … Домом Жизни и Домом Мертвых. Средние Миры двигаются вокруг своих солнц, и все вместе идут по дорогам Жизни и Смерти.

— Я не понимаю, — говорит Оаким.

— Жизнь, — говорит Анубис, — или Смерть. Конечно, ты не понимаешь, что является в одно и то же время величайшим благословением и величайшим проклятием во Вселенной?

— Я не знаю.

— Жизнь, — говорит Анубис, — или Смерть.

— Не понимаю, — говорит Оаким. — На твой вопрос требовался один ответ. Тем не менее ты назвал две вещи.

— Вот как? — говорит Анубис. — Только потому, что я использовал два слова, можно ли

сделать вывод, что имели в виду две совершенно различные вещи? Разве у одной не может быть более, чем одно названия? А возьми, например, себя. Что ты?

— Я не знаю.

— Значит, это может быть началом мудрости. Ты с такой же легкостью можешь быть машиной, которую я решу инкарнировать, как и человека, на время, который сейчас вернулся в свой металлический облик.

— Тогда в чем же разница?

— Ни в чем. Ее вообще нет. Но ты не можешь отличить себя сам. Ты не можешь вспомнить. Скажи, ты жив?

— Да?

— Почему?

— Я мыслю. Я слышу твой голос. Я помню. Я могу говорить.

— Какая из этих особенностей есть жизнь? Вспомни, что ты не дышишь, что твоя нервная система — путаница проводов, и я сжег твое сердце. Вспомни также, что у меня есть машины, которые умнее тебя, обладают лучшей памятью, умеют лучше разговаривать. Какое еще определение ты придумаешь себе, говоря, что ты жив? Ты говоришь, что слышишь мой голос, а слух

субъективный феномен? Прекрасно. Я отключу твой слух. Внимательно следи, прекратишь ли ты при этом свое существование.

… одна снежинка, спускающаяся в колодец, колодец без воды, без стен, без дна, без верха. А сейчас убери эту снежинку и подумай о падении…

После безвременного времени опять слышится голос Анубиса:

— Ты знаешь разницу между жизнью и смертью?

— «Я» — это жизнь, — говорит Оаким. — Что бы ты ни дал или забрал от меня, если «Я» остаюсь, — это жизнь.

— Спи, — говорит Анубис.

* * *

Когда Оаким пробуждается, он осознает, что сидит за столом рядом с троном, что он опять смотрит на танец мертвых и слушает музыку, под которую они двигаются.

— Ты был мертв? — спрашивает Анубис.

— Нет, — говорит Оаким. — Я спал.

— Какая разница?

— «Я» все еще присутствовал, хотя и не осознавал этого.

Анубис смеется.

— Допустим, я никогда бы не разбудил тебя?

— Тогда, думаю, это была бы смерть.

— Смерть? Если бы я решил не использовать своих сил, чтобы разбудить тебя? Даже несмотря на то, что эта сила все время присутствовала бы, так же как и потенциально спящий «Ты»?

— Если бы это никогда не было сделано, если бы я навечно остался только потенциально способным быть разбуженным, то это была бы смерть.

— Мгновение назад ты говорил, что сон и смерть — две разные вещи. Неужели имеет значение только период времени?

— Нет, — говорит Оаким. — Только существование имеет значение. После сна всегда наступает бодрствование, и жизнь при этом присутствует. Когда я существую, я это знаю, когда не существую, я ничего не знаю.

— Значит, жизнь — ничто?

— Нет.

— Значит, жизнь — существование? Как эти мертвые?

— Нет, — говорит Оаким., — Это знание о том, что ты существуешь, хотя бы незначительное время.

— Тогда что же является выражением этого

процесса?

— «Я», — говорит Оаким.

— А что такое «Я»? Кто ты?

— Я — Оаким.

— Я дал тебе имя совсем недавно! Чем ты был до этого?

— Не Оакимом.

— Мертвым?

— Нет! Живым! — вскрикивает Оаким.

— Не повышай своего голоса в стенах моего дома, — говорит Анубис. — Ты не знаешь, что ты и кто ты, ты не знаешь разницу между существованием и несуществованием и тем не менее ты споришь со мной о жизни и смерти! Теперь я не буду спрашивать тебя, я скажу тебе. Я скажу тебе о жизни и смерти.

Есть слишком много жизни, — начинает он, — и есть ее недостача. И то же самое можно сказать о смерти. А теперь я отброшу в сторону парадоксы.

Дом Жизни находится так далеко отсюда, что луч света, который оставил его в тот день, когда ты впервые вошел сюда, не успел пройти и незначительной доли самого малого промежутка расстояния, которое разделяет нас. Между нами находятся Средние Миры. Они двигаются в прибое Жизни-Смерти, который проходит между

моим домом и домом Озириса. Когда я говорю «проходит», я не имею в виду, что они двигаются, как жалкий луч света, который еле-еле ползет во вселенной. Скорее, они движутся, как волны океана, у которого всего два берега. Мы можем устроить бурю в любом месте, и при этом остальная часть океана останется спокойной. Что это за волны и что они делают?

Некоторые миры, — говорит он, — обладают слишком большой жизнью. Жизнь — ползающая, испражняющаяся, жалкая — миры слишком милосердные, со слишком развитой наукой, которая позволяет людям жить долго, — миры, которые готовы утопить себя в своем семени, миры, которые заполняют все свои земли брюхатыми женщинами, и ведущие себя к смерти под тяжестью собственной плодовитости. Есть и другие миры, холодные, бесплодные и пустынные миры, которые перемалывают жизнь, как мельница зерно. Имеется всего несколько сотен миров, населенных шестью разумными расами. На самых неудачных из них жизнь крайне необходима. Она — как благословение. Когда я говорю, что жизнь нужна или не нужна в определенном месте, я, конечно, точно так же говорю о том, нужна или не нужна там смерть. Я говорю не о двух

разных понятиях, а об одном и том же. Озирис и я — хранители. Кредит и дебет. Мы поднимаем бурю или заставляем ее успокоиться. Можно ли рассчитывать, что смерть ограничивает сама себя? Это такое же бездумное желание нуля достичь бесконечности.

Но должен существовать контроль над жизнью и смертью, — говорит он, — иначе плодовитые миры будут возвышаться и падать, с циклами между империями и анархией, а затем кончат полным разрушением. Жизнь не может поддерживать себя внутри статистических данных, которыми она направляется. А следовательно, ее надо направлять, и это делается. Озирис и я держим Средние Миры в своих руках. Они находятся в нашей сфере деятельности, под нашим контролем, и мы даем или отнимаем жизнь, когда захотим. Теперь ты понимаешь, Оаким? Ты начинаешь понимать?

— Ты ограничиваешь жизнь? Вызываешь смерть?

— Мы можем наложить стерильность на любой из миров на такой период времени, который сочтем необходимым. Это может быть сделано на полной или на частичной основе. Мы можем так же увеличивать или уменьшать продолжитель-

ность жизни, уничтожать целые народы.

— Как?

— Огонь. Голод. Чума. Война.

— А стерильные миры, бесплодные миры? Как быть с ними?

— Можно сильно увеличить деторождаемость и не вмешиваться в продолжительность жизни. Умершие отправляются в Дом Жизни, а не сюда. Там их чинят или части их используются в создании новых индивидов, которые могут обладать, а могут и не обладать человеческим разумением.

— А остальные мертвые?

— Дом Мертвых — кладбище всех шести рас. На Средних Мирах нет законных гробниц и могил. Было время, когда Дом Жизни посылал к нам за людьми или их частями. Были и такие случаи, когда они посылали нам свои излишки.

— Это трудно понять. Это кажется жестоким, зверским…

— Это жизнь и это смерть. Это величайшее благословение и величайшее проклятие во вселенной. Тебе не надо понимать этого, Оаким. Твое понимание или его отсутствие, твое одобрение или неодобрение ни в коей мере не изменит существующего порядка вещей.

— А откуда появился ты, Анубис, и Озирис? Что,

вы управляете всем этим?

— Есть вещи, которые ты не должен знать.

— А как Средние Миры принимают ваше управление?

— Они живут под ним и умирают под ним. Это выше их понимания, потому что это необходимо для того, чтобы они продолжали существовать. Это стало законом природы, а следовательно, с одинаковой силой действует на всех, кто живет согласно законам природы.

— Есть и такие, которые не живут согласно им?

— Ты узнаешь об этом больше, когда я сочту нужным сказать тебе, не сейчас. Я сделал тебя машиной, Оаким. Теперь я сделаю тебя человеком. Кто может сказать, с чего ты начал, кем ты начал? Если бы я стер твою память до этой минуты, а затем дал бы тебе новое тело, ты помнил бы только то, что был машиной.

— Ты так и сделаешь?

— Нет. Не хочу, чтобы ты обладал памятью, которой обладаешь сейчас, перед тем, как я сообщу тебе твои новые обязанности.

Машина снимает Оакима с полки и отключает его чувства и опускает его. Музыка пульсирует и падает между танцорами, двести факелов

сверкают на колоннах, как бессмертные мысли, Анубис смотрит на почерневшее место на полу Великого Зала, а наверху облако дыма движется, подчиняясь своему собственному ритму.

Оаким открывает глаза и смотрит неотрывно в серое пространство.

* * *

Оаким открывает глаза и смотрит неотрывно в серое пространство. Он лежит на спине, глядя вверх. Ему холодно на каменных плитах, а слева от него какое-то мерцание света. Внезапно он сжимает в руке свой левый кулак, ищет свой большой палец, находит его, вздыхает.

— Да, — говорит Анубис.

Он садится перед троном, глядит на себя, глядит на Анубиса.

— Ты был окрещен, ты вновь родился во плоти.

— Спасибо.

— Не за что. Здесь, у нас, полно исходного материала. Встань! Ты помнишь свои уроки?

Оаким встает.

— Какие?

— Темпоральную фугу. Заставить время следовать за умом, а не тело.

— Да.
— А убийство?
— Да.

— А соединение и того и другого?
— Да.

Анубис встает. Он на целую голову выше Оакима, новое тело которого больше двух ярдов в длину.

— Тогда покажи мне.

— Пусть прекратится музыка! — громко кричит он. — Пусть тот, кого в жизни называли Даргот, встанет передо мной!!

Мертвые перестают танцевать. Они стоят не двигаясь, и глаза их не мигают. Несколько секунд длится тишина, не нарушаемая ни словом, ни звуком, ни дыханием.

Затем Даргот продвигается между неподвижно стоящими мертвыми, сквозь тень, сквозь свет факелов. Оаким выпрямляется еще больше, когда видит его, потому что мускулы на его плечах, спине и животе напрягаются.

Металлическая полоса цвета меди пересекает лоб Даргота, закрывая его щеки, исчезая под подбородком, как у медведя гризли. Круговая полоса идет по его бровям, вискам, заканчивается на затылке. Глаза его широко раскрыты: с желтым

зрачком и красным белком. Его нижняя челюсть делает постоянные жевательные движения, когда он идет вперед, и зубы его как длинные тени. Голова его качается из стороны в сторону на двенадцатидюймовой шее. Плечи его трех футов в ширину, и выглядит он, как перевернутый треугольник, потому что бока его резко заканчиваются сегментированной нижней частью туловища, которая начинается там, где заканчивается плоть. Его колеса вращаются медленно — левое заднее скрипит при каждом повороте. Его руки достигают в длину полных четырех футов, так что кончики пальцев почти дотрагиваются до пола. Четыре короткие, острые, металлические ноги направлены вверх и сложены по его бокам. Лезвия бритв встают на его спине и опять опадают по мере его продвижения. Восьмифутовый хлыст хвоста разворачивается позади его, когда он останавливается перед троном.

— На эту ночь, канун Тысячелетия, — говорит Анубис, — я даю тебе обратно твое имя — Даргот. Когда-то ты считался одним из самых могущественных воинов на Средних Мирах, Даргот, пока ты не решил помериться своими силами с бессмертным и не нашел смерть у его ног. Твое сломанное тело было починено, и сегодня ночью

ты должен использовать его, чтобы еще раз вступить в битву. Уничтожь этого человека, Оакима, в равном бою, и ты сможешь занять его место первого слуги в Доме Мертвых.

Даргот складывает свои огромные руки на лбу и кланяется, пока они не касаются пола.

— У тебя есть десять секунд, — говорит Анубис Оакиму, — чтобы приготовить свой ум к битве. Готовься, Даргот!

— Повелитель, — говорит Оаким, — как могу я убить того, кто уже мертв?

— Это твоя проблема, — говорит Анубис. — Но теперь ты потерял все свои десять секунд на дурацкие вопросы. Начинайте!

Раздается ломающийся звук и серия резких пощелкиваний.

Металлические ноги Даргота опускаются вниз, выпрямляются, поднимают его на три фута выше уровня пола. Он подпрыгивает на месте. Он поднимает свои руки, сгибая и разгибая их.

Оаким наблюдает, ожидая.

Даргот поднимается на свои задние ноги, так что голова его теперь уже на десять футов выше уровня пола.

Затем он прыгает вперед, вытягивает руки, свернув хвост, наклонив голову, обнажив клыки.

Лезвия бритв поднимаются на его спине, как сверкающие плавники, его копыта бьют, как молоты по наковальне.

В самую последнюю долю секунды Оаким отступает в сторону и наносит удар, который блокирует предплечье его соперника. Затем он прыгает высоко в воздух, и хлыст безвредно хлещет по тому месту, где он только что стоял.

Несмотря на свои размеры, Даргот останавливается и поворачивается быстро. Он снова кидается в нападение и бьет своими передними копытами, и Оаким подпрыгивает, избегая удара, но когда он опускается, руки Даргота падают на его плечи.

Оаким хватается за обе кисти и бьет Даргота ногой в грудь. Хлыст хвоста хлещет его по правой щеке, когда он делает это. Тогда он отрывает эти огромные руки от своих плеч, наклоняет голову и ребром сильно бьет в бок. И вновь хлещет хлыст, теперь уже по его спине. Он прицельно бьет в голову, но длинная шея отворачивается в сторону, и он слышит, как опять свистит хлыст, чуть не задевая его.

Кулаки Даргота бьют его по скулам, и он спотыкается, теряя равновесие, падая на пол. Он перекатывается несколько раз, чтобы не попасть

под копыта, но кулак вновь посылает его на пол, когда он пытается встать.

Когда ему, однако, наносят следующий удар, он хватается за кисть обеими руками, и всей тяжестью своего тела налегает на эту руку, отворачивая голову на сторону. Кулак Даргота ударяет в пол, а Оаким быстро вскакивает на ноги, нанося при этом удар левой рукой. Голова Даргота запрокидывается от удара, и хлыст щелкает над самым ухом Оакима. Он наносит еще один удар по этой запрокинутой голове, а затем он отлетает назад, потому что задние ноги Даргота выпрямляются, как пружины, и плечо его бьет Оакима в грудь.

Даргот опять кидается в бой.

Затем, впервые, он заговаривает.

— Сейчас, Оаким, сейчас! — говорит он. — Даргот станет первым слугой Анубиса.

Когда копыта молнией мелькают, падая вниз, Оаким ловит эти металлические ноги — по каждой ноге в руку, где-то в самом их центре. Он прочно сидит на корточках, и губы его сейчас растягиваются, показывая стиснутые зубы, в то время как Даргот висит неподвижно в воздухе, как бы застыв в разгаре своей атаки.

Оаким смеется, вновь вскакивая на обе ноги, и вытягивает обе руки; противник висит уже вы-

соко в воздухе, с трудом удерживая равновесие, чтобы не упасть на спину.

— Глупец! — говорит он.

И голос его звучит до странности измененным.

Это слово, как удар большого железного колокола, звучит по всему Залу. Среди мертвых слышится слабый стон, такой же, как когда их поднимали из могилы.

— «Сейчас» — говоришь ты, «Оаким» — говоришь ты.

И он смеется, шагая вперед, держа в руках эти так и не успевшие упасть копыта.

— Ты сам не знаешь, что говоришь!

И он обнимает своими руками огромный металлический торс, и копыта беспомощно болтаются за его спиной, а хлыст хвоста бьет и щелкает, хлеща его по плечам. Руки его лежат на острых бритвах спины, и он прижимает это неподдающееся сегментированию тело из металла к своему собственному.

Огромные руки Даргота находят его шею, но большие пальцы никак не могут сомкнуться на горле, и мускулы шеи Оакима напрягаются и выделяются, когда он чуть сгибает свои колени и начинает давить.

Они стоят так, словно замершие на какое-то

мгновение, не исчисляемое временем, и свет огня кидает на их тела тени.

Затем одним мощным рывком Оаким поднимает Даргота высоко над землей, разворачивает и швыряет его прочь от себя.

Ноги Даргота бешено дрыгают, когда он, поворачиваясь, летит по воздуху. Лезвия на его спине поднимаются и опадают, а хвост выгибается и щелкает. Он закрывает руками свое лицо и со страшным треском падает у трона Анубиса. Он остается лежать там недвижимый, и металлическое тело его сломано в четырех местах, а оторванная голова лежит расколотой на первой ступени трона.

Оаким поворачивается к Анубису.

— Удовлетворительно? — спрашивает он.

— Ты не применил темпоральной фуги, — говорит Анубис, даже не глядя вниз, на остатки того, что было Дарготом.

— В этом не было необходимости. Он был не таким уж могущественным противником.

— Он был могуществен, — говорит Анубис. — Почему ты смеялся, когда дрался с ним?

— Я не знаю. На мгновение, когда я почувствовал, что меня невозможно победить, у меня возникло такое ощущение, что я — это кто-то

другой.

— Кто-то без страха, жалости и угрызений совести? Ты все еще сохранил это ощущение?

— Нет.

— Тогда почему ты перестал называть меня «Господином»?

— Пыл битвы вызвал во мне эмоции, которые заслонили все другие чувства.

— В таком случае немедленно исправь это упущение.

— Конечно, Господин.

— Извинись. Проси у меня прощения, как можно более униженно.

Оаким простирается на полу.

— Я прошу у тебя прощения, Господин. Смиренно прошу.

— Встань и можешь считать себя прощенным. В твоем желудке совсем не осталось содержимого после того, что ты испытал. Пойди и освежись едой и питьем. И пусть вновь будут песни и танцы! Пусть все пьют и веселятся, празднуя крещение именем Оакима в канун Тысячелетия! Пусть жалкие останки Даргота пропадут с глаз моих.

Все так и происходит.

После того, как Оаким заканчивает есть, и ка-

жется, что пение и танцы будут продолжаться чуть ли не до скончания века, Анубис делает знак, сначала налево, потом направо, и огонь каждого факела угасает, уходит внутрь колонны, исчезает. Его рот открывается и слова обрушиваются на Оакима:

— Уведи их назад. Принеси мой посох.

Оаким встает и отдает нужные распоряжения. Затем он выводит мертвых из огромного зала. Когда они уходят, столы исчезают за колоннами. Страшный ветер обрушивается на дымный потолок. Однако, прежде чем этот большой «серый матрац» разорван на куски, затухают остальные факелы, и единственным освещением в зале остаются две чаши, горящие по обеим сторонам трона.

Анубис пристально всматривается в темноту, и лучи света изгибаются по его воле, и он вновь видит, как Даргот падает у подножия трона и лежит недвижимо, и он видит, кому дал имя Оаким, стоящего и улыбающегося улыбкой надменной и страшной, и на мгновение — или это только игра света? — видит знак на его лбу.

Далеко, в огромной комнате, где свет туманен и оранжев, и тени толпятся по углам, мертвые вновь ложатся вниз на свои невидимые ката-

фалки под открытыми могилами. Оаким слышит слабый, затухающий, а потом поднимающийся и снова затухающий звук, который не похож ни на один из звуков, слышанных им раньше. Он держит руку на посохе и спускается вниз с помоста.

— Старик, — говорит он тому, с кем разговаривал раньше, борода и волосы которого залиты вином, а на левой руке находятся остановившиеся часы, — старик, услышь мои слова и ответь, если знаешь: что это за звук?

Немигающие глаза смотрят вверх, мимо головы Оакима, и губы двигаются:

— Господин…

— Я здесь не Господин.

— Это… Господин, всего лишь вой собаки.

Тогда Оаким возвращается на помост и посылает их всех обратно в могилы.

Затем свет гаснет, и посох ведет его сквозь темноту по пути, ему предназначенному.

* * *

— Я принес твой посох, Господин.

— Поднимайся и приблизься.

— Все мертвые находятся там, где им надлежит быть.

— Очень хорошо… Оаким, ты мой человек?

— Да, Господин.

— Чтобы делать то, что я велю, исполнять все мои приказы, верно служить мне?

— Да, Господин.

— Поэтому ты и будешь моим посланником на Средние Миры и на те, что лежат за ними.

— Я должен покинуть Дом Мертвых?

— Да, я посылаю тебя отсюда с поручением.

— Каким поручением?

— Это долгая история, сложная. На Средних Мирах есть много людей, которые очень стары. Ты знаешь об этом?

— Да.

— И среди них есть люди, не подчиняющиеся течению времени, не умирающие.

— Не умирающие, Повелитель?

— Тем или иным путем определенные индивиды достигли своего рода бессмертия. Возможно, они проследили потоки жизни и пользуются их силой, избегая волн смерти. Возможно, они изменили биохимический состав своего тела, или заменяют одни органы другими, или у них есть много тел, и они меняют их или крадут новые. Возможно, они пользуются металлическими телами или не имеют никаких тел вовсе. Каким бы способом они этого не достигли, ты

услышишь разговоры о Трехстах Бессмертных, когда появишься на Средних Мирах. Это лишь приблизительная цифра, потому что мало кто знает о них правду. Если быть точным, то всего этих бессмертных двести восемьдесят три человека. Они обманывают и жизнь и смерть, и само их существование нарушает баланс, вдохновляет других людей думать, что они боги. Некоторые из них — просто безвредные скитальцы, другие — нет. Все они могущественны и неуловимы, все они — адепты по продлению своего существования. Один из них особенно пагубен, и я посылаю тебя уничтожить его.

— Кто же это такой, Господин?

— Его называют принц, Имя Которому Тысяча, и он обитает за Средними Мирами. Его власть распространяется на владения, лежащие за жизнью и смертью, где всегда сумерки. Однако его трудно разыскать, потому что часто он бывает и на Средних Мирах, и в других местах. Я желаю, чтобы он погиб, потому что он противник и Дома Жизни, и Дома Мертвых вот уже много дней.

— Как он выглядит, Принц, Имя Которому Тысяча?

— Как он сам того пожелает.

— Где я найду его?

— Не знаю. Ты должен его искать.

— Как я его узнаю?

— По его делам, по его словам. Он наш противник во всем.

— Но ведь и другие наверняка тоже противятся вам?

— Уничтожай каждого такого человека, если он встретится на твоем пути. Ты, однако, сразу узнаешь Принца, Имя Которому Тысяча, потому что его труднее всего уничтожить. Он сам может уничтожить тебя.

— Допустим, ему это удастся.

— Тогда мне понадобится еще тысяча лет, чтобы вымуштровать другого посланника и отправить его для решения этой задачи. Я не жду падения Принца, Имя Которому Тысяча, немедленно, сегодня или завтра. Несомненно, пройдет много веков, прежде чем ты даже сможешь найти место его обитания. Время мало что значит. Пройдет вечность, прежде чем он станет реальной угрозой для меня или Озириса. Ты узнаешь о нем больше во время твоих путешествий, отправившись на поиски его. Когда ты найдешь его, ты сразу его узнаешь.

— Достаточно ли я могуществен, чтобы противостоять ему?

— Я думаю, да.

— Я готов.

— Тогда я направляю тебя по этому пути. Я дам тебе силы призывать меня, и в тяжелые времена пользоваться энергией полей Жизни и Смерти, пока ты находишься на Средних Мирах. Это сделает тебя неуязвимым. Ты будешь докладывать мне только тогда, когда сам сочтешь это необходимым. Если я почувствую, что необходимость эта настала, я сам помогу тебе.

— Благодарю тебя, Господин.

— Ты будешь подчиняться всем моим посланиям незамедлительно?

— Да.

— А сейчас иди и отдохни. После того, как ты поспишь и подкрепишься, ты отправишься выполнять мое поручение.

— Благодарю тебя.

— Это будет твой второй сон в этом доме, Оаким. Медитируй над загадками, которые он будет содержать.

— Я делаю это постоянно.

— Я — одна из них.

— Господин…

— Это лишь часть моего имени. Никогда не забывай этого.

— Господин, как я могу?..

Пробуждение рыжей ведьмы

Ведьма Лоджии ворочается в своем сне и дважды вскрикивает. Ее служка подбегает, чтобы успокоить ее, но только все портит и вызывает своими действиями ее пробуждение. Тогда она садится среди подушек в своем высоком, как собор, зале, и Время вместе с Тарквином уходят от ее дивана крадущимися шагами, но она видит его, и по ее знаку и слову он становится статуей и слышит свой двойной вскрик и оглядывается своими глазами на ту странную вещь, которую она породила в своем сне. Пусть будет десять пушечных салютов и пусть удалят их из воздуха, из слуха, оставив лишь девять напряженных пауз между ними. В этом спокойствии, в этом центре вселенной положите сухую шкурку, которая покинула тело своей змеи. Теперь пусть не будет стонов в кабачке, если затонувший корабль вернется в гавань. Вместо этого уберите порожденную сном вещь. Вместо этого думайте об объезженных лошадях, проклятии Летучего Голландца и, возможно, о строчке сумасшедшего поэта Брамина, например, такой, как:

«Электрическая лампочка воскрешает желтый

нарцисс, когда приходит пора цветения».

Если вы когда-нибудь любили что-нибудь в своей жизни, попытайтесь запомнить это. Если вы кого-нибудь предали, сделайте на мгновение вид, что вас простили. Если вы когда-нибудь испытывали чувство страха, представьте себе на минуту, что эти дни ушли и никогда больше не вернутся. Покупайте ложь и держите ее у себя так долго, как только сможете. Прижмите своего служку, как бы его ни звали, к своей груди и ласкайте до тех пор, пока он не замурлычет.

Торгуйте жизнью и смертью в обмен на забвение, но свет или тьма дойдут до самых ваших костей или до вашей плоти. Придет утро, а вместе с ним воспоминания.

Рыжая ведьма спит в своем высоком, как собор, зале между прошлым и будущим. Ее быстро убегающий сон исчезает в темных аллеях, а Время тикает Историей вокруг событий. И сейчас она улыбается во сне, потому что Янус опять делает все только наполовину…

Вернувшись назад, к славе, она купается в ее теплом зеленом взгляде.

Смерть, Жизнь, Маг и розы

Прислушайтесь к миру, он называет Блис, и его совсем нетрудно слушать: звуки могут быть смехом, вздохами, осторожными отрыжками. Они могут «тук-тукать» машинами или бьющимися сердцами. Они могут быть дыханием бесконечного множества их слов. Они могут быть шагами, поцелуями, пощечинами, плачем младенца. Музыкой. Да, музыкой. Но они забывают о звуках и словах и смотрят на мир.

Во-первых, цвет; назовите один. Красный? Вот берега реки этого цвета, и между ними струится зеленый ручеек с пурпурными камешками на дне. Желтый, серый и черный — город в отдалении. Здесь, на открытом поле, по обеим сторонам реки, стоят павильоны. Назовите любой цвет — они повсюду вокруг. Больше тысячи павильонов, как воздушные шары, как парики, как грибы без ножки, сверкают на голубом поле, украшенные вымпелами, с движущимися разноцветными людьми. Три ярко-лимонных моста перекинуты через реку. Река течет к тягучему морю, которое волнуется, но редко бушует. Оттуда вверх по реке идут барки и лодки и другие корабли, которые

пристают вдоль берегов. Многие спускаются с неба, приземляются повсюду на голубом газоне поля. Их пассажиры двигаются среди павильонов. Это люди разного сорта и разных рас. Они играют. Они издают звуки и носят разноцветные одежды. Подходит?

Запахи растущей природы нежны, и их поцелуем приносит ветерок. Когда этот ветерок и эти запахи доносятся до ярмарки, они неуловимо изменяются. Появляется залах пыли, который очень неприятен, и запах пота, который не может быть очень неприятен, если часть его — твоя собственная. Там и запахи дыма костра, и пищи, и чистый аромат спиртных напитков. Понюхайте мир. Попробуйте его, проглотите, оставьте в своем желудке. Горите им, как человек с повязкой на глазу и альпенштоком.

Он ходит среди потаскух и кобыл, толстый, как евнух, каковым не является. У него очень странного цвета кожа, и его правый глаз — вращающееся серое колесо. Недельной давности борода обрамляет его лицо, и пятно его одежды вообще лишено какого-либо цвета. У него ровная походка. Его руки сильны.

Он останавливается купить кружку пива, подходит, чтобы посмотреть на бой петухов.

Он делает ставку на меньшую птицу, которая разрывает большую напополам, и оплачивает свое пиво.

Он смотрит на представление лишения невинности, пробует образец наркотика, отодвигает в сторону коричневого человека в белой рубашке, который пытается угадать его вес. Затем из ближайшей палатки появляется коротышка с близко посаженными черными глазами, подходит к нему, дергает его за рукав.

— Да?

Голос у него глубокий, как бы исходящий из какого-то центра внутри тела и очень впечатляющий.

— По вашей одежде я могу судить, что вы проповедник.

— Да, я проповедник, но нетеистического, несектантского толка.

— Очень хорошо. Хотите заработать немного денег? Это займет всего несколько минут.

— Что мне надо будет делать?

— Человек собирается совершить самоубийство и будет похоронен в этой палатке. Могила уже вырыта, и все билеты проданы. Но публика начинает волноваться. Исполнитель отказывается работать без соответствующего религиозного

сопровождения, а нам никак не удается протрезвить проповедника.

— Понимаю. Это будет стоить десятку.

— Пятерку.

— Найдите себе другого проповедника.

— Ну, хорошо, десятку. Пойдемте! Они уже начали хлопать в ладоши и свистеть!

Он заходит в палатку, моргает глазами.

— Вот проповедник! — кричит распорядитель. — Теперь мы готовы и можем начинать. Как твое имя, папаша?

— Иногда меня называют Мадрак.

Человек замолкает, поворачивается, облизывает губы:

— Я… я не знал.

— Неважно, давайте начнем.

— Хорошо, сэр. Эй, расступитесь! Дайте пройти! Дорогу!

Толпа расступается. В палатке собралось, наверное, человек триста. Наверху сверкают огни, освещая огороженный веревкой круг земли, в которой вырыта могила. Насекомые летают в пыльных дорогах, идущих по лучам света. Открытый гроб стоит перед вырытой могилой. На небольшой деревянной платформе — стул. Человеку, сидящему на стуле, наверное, лет пятьдесят.

У него плоское лицо со множеством морщин, худое тело. Глаза его слегка навыкате. На нем одеты только шорты, и у него много седых волос на груди, руках и ногах. Он наклоняется вперед и косится на двоих, пробирающихся через толпу.

— Все готово, Домлин, — говорит коротышка.

— Моя десятка, — говорит Мадрак.

Коротышка сует ему сложенную бумажку, которую тот осматривает и кладет в бумажник.

Коротышка взбирается на платформу и улыбается толпе. Затем он сдвигает на затылок свою соломенную шляпу.

— Теперь все в порядке, друзья, — произносит он, — и мы можем начинать. Я знаю, вы сами увидите, что ждали не напрасно. Как я объявлял ранее, этот человек, Домлин, готов совершить самоубийство прямо на ваших глазах. По личным причинам покидает он Большую Гонку и решил заработать немного денег для своей семьи, согласившись сделать это на людях. За его представлением последуют самые настоящие похороны в этой самой земле, на которой вы сейчас стоите. Несомненно, прошло очень много времени с тех пор, как кто-нибудь из вас видел настоящую смерть, и я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из присутствующих хоть раз видел

похороны. Поэтому мы почти готовы передать это наше представление в руки проповедника и мистера Домлина. Похлопаем им обоим.

Из тента доносятся звуки аплодисментов.

— … И последнее слово предостережения. Не стойте слишком близко. Мы держим наготове пожарных, несмотря на то, что каша палатка обладает полной огнестойкостью. А теперь все, начинаем!

Он спрыгивает с платформы, и Мадрак восходит на нее. Мадрак наклоняется к сидящему человеку, в то время как рядом с ним ставят жестянку с надписью «ВОСПЛАМЕНЯЮЩЕЕ».

— Вы уверены, что хотите этого? — спрашивает он сидящего.

— Да.

Он глядит человеку в глаза, но зрачки последнего не расширены и не затуманены.

— Почему?

— По личным причинам, отец. Я бы предпочел не говорить об этом. Причастите меня, пожалуйста.

Мадрак кладет свою руку на голову человека.

— Если я только буду услышан чем-нибудь, что может прислушаться, если это вообще имеет значение, я прошу, чтобы ты был прощен за все,

что мог сделать и не успел сделать и что требует прощения. Соответственно, если не прощение, а что-то другое будет необходимо, чтобы принести тебе хоть малейшую пользу после того, как ты погубишь свое тело, я прошу, чтобы это другое оказалось полезным тебе. Я прошу об этом, являясь посредником между тобой и тем, что может быть не тобой, но что может получить выгоду в том, чтобы ты получил как можно больше благ, и на что может повлиять эта церемония. Аминь!

— Спасибо, отец!

— Как прекрасно! — рыдает толстая женщина с голубыми крыльями в переднем ряду.

Человек по имени Домлин поднимает жестянку с надписью «ВОСПЛАМЕНЯЮЩЕЕ», отвинчивает крышку, поливает себя с головы до ног.

— Есть у кого-нибудь сигарета? — говорит он, и коротышка протягивает ему одну.

Домлин сует руки в карман своих шорт и достает зажигалку. Затем он останавливается и смотрит на толпу. Кто-то выкрикивает:

— Зачем вы делаете это?

Тогда он улыбается и отвечает:

— Протест против жизни, которая всего лишь глупая игра. Не правда ли? Последуйте моему примеру…

Затем он достает зажигалку. К этому времени Мадрак давно уже вышел далеко за огороженный веревками круг.

Ударная волна пожара следует сразу же за пламенем. Единственный крик, как раскаленный гвоздь, проникает через все.

Шестеро, которые стоят с огнетушителями, расслабляются, когда видят, что пламя не распространяется дальше.

Мадрак складывает руки под подбородком и кладет их на посох.

Через некоторое время пламя затухает, и люди в асбестовых перчатках выходят вперед, чтобы собрать останки. В публике тихо. До сих пор еще не зазвучали аплодисменты.

— Значит, вот что это такое! — наконец шепчет кто-то, и этот шепот разносится по всему тенту.

— Возможно, — раздается веселый голос от входа в тент, — а возможно, и нет.

Головы поворачиваются за говорящим, который проходит вперед. Он — высокого роста с зеленой бородой и соответствующими глазами и волосами, он худ, у него длинный и тонкий нос, он одет в черное и зеленое.

— Это маг, — говорит кто-то, — из шоу на том берегу реки.

— Верно, — отвечает маг, кивая головой и улыбаясь, и идет вперед сквозь толпу, расчищая себе путь тростью с серебряным набалдашником. Крышка гроба закрывается, когда он останавливается и шепчет:

— Мадрак Могущественный.

Мадрак поворачивается и говорит:

— Я искал тебя.

— Я знаю. Поэтому я здесь. Но что это за глупости?

— Шоу самоубийства, — говорит Мадрак. — Человек по имени Домлин. Они забыли, что такое смерть.

— Так скоро, так скоро, — вздыхает пришедший. — Тогда давай дадим им насладиться настоящим зрелищем — замкнутым кругом!

— Брамин, я знаю, что ты можешь сделать это, не учитывая состояние, в котором он…

Коротышка в соломенной шляпе подходит к ним и смотрит на них маленькими черными глазами.

— Сэр, — говорит он Мадраку, — будете ли вы исполнять еще какие-нибудь церемонии перед похоронами?

— Я…

— Конечно, нет, — говорит Брамин. — Ведь

хоронят только мертвых.

— Что вы хотите сказать?

— Этот человек не умер, он только дымится.

— Вы ошибаетесь, мистер. У нас честное шоу.

— И тем не менее я говорю, что он жив и будет ходить для вашего развлечения.

— Вы, наверное, сумасшедший.

— Всего лишь скромный драматург, — отвечает Брамин, вступая в круг.

Мадрак идет за ним. Тогда Брамин поднимает свою трость и делает ею в воздухе загадочный знак. Она загорается зеленым огнем, который затем по воздуху переносится и падает на гроб.

— Домлин, выйди вон! — говорит Брамин.

Толпа напирает, подается вперед. Брамин и Мадрак двигаются к краю тента. Коротышка последовал было за ними, но его внимание отвлекает стук из гроба.

— Брат, нам лучше уйти, — говорит Брамин и разрезает край тента кончиком своей трости.

Когда они проходят сквозь стену в окружающий мир, крышка гроба позади медленно поднимается.

Позади них раздается какой-то звук. Это сложный звук, который состоит из криков и восклицаний.

— Жульничество!

— Верните нам наши деньги!

— Посмотрите на него!

— Какие глупцы все эти смертные, — говорит зеленый человек, который является одним из немногих живущих на свете людей, имеющих право делать такие выводы.

* * *

Он приближается, скача по небу на спине огромного зверя из вороненого металла. У зверя восемь ног и вороненые копыта. Длина его тела равна длине двух лошадей. Шея у него такой же длины, что и тело, а голова китайского божка из золота, лучи голубого света вырываются из его ноздрей, а хвост разделяется на две антенны. Он движется сквозь темноту, лежащую между звездами, и его механические ноги двигаются медленно, переступая из ничего в ничто, но каждый последующий шаг его в два раза длиннее предыдущего. Хотя каждый шаг занимает то же количество времени, что и предыдущий. Солнца мелькают, остаются позади, гаснут. Он пробегает сквозь вещество, ад, прокалывает туманности, быстрее и быстрее движется сквозь ураган падающих звезд в лесу ночи. Говорят, если его только

пришпорить, он может перепрыгнуть через всю вселенную одним прыжком. Что произойдет, если он будет продолжать свой бег после этого, никто не знает.

Его наездник был когда-то человеком. Он тот, кого называют Железный Генерал. Это не тяжелые доспехи одеты на нем, это его тело. Он отключил почти всю свою человечность на протяжении этого путешествия, и он пристально смотрит сейчас прямо впереди себя мимо чешуи, покрывающей шею его скакуна и похожей на бронзовые дубовые листья. Он держит две пары поводьев, каждое толщиной с шелковую нить, пальцами левой руки. На мизинце он носит кольцо из загорелой человеческой кожи. Кожа эта когда-то принадлежала ему самому.

Куда бы он ни направился, он всегда носит с собой складное пятиструнное банджо; для него отведено специальное место, недалеко от того, где когда-то билось его сердце. Когда он играет на нем, то становится антиподом некоего Орфея, и люди следуют за ним в ад.

Он также один из немногих во всей вселенной мастеров темпоральной фуги. Говорят, что ни один человек не может прикоснуться к нему, если он сам того не пожелает.

Его скакун был когда-то лошадью.

* * *

Задумайтесь о мире под названием Блис, о его многоцветье, его схеме, его ветерках. Смотрите на мир под названием Блис, как Мегра из Калгана.

Мегра — нянечка в калганских Центральных Яслях № 73, и она знает, что мир — это дети. На Блисе живет примерно десять миллиардов человек, дышащих один на другого, и с каждой минутой их становится все больше и больше, а уходят — совсем немногие. Больные органы заменяются. Среди детей вообще нет смертности. Вопли новорожденных и смех создателей — самые частые звуки на Блисе.

Мегра из Калгана смотрит на мир сквозь кобальтового цвета глаза под длинными светлыми ресницами. Красивые пряди ее золотистых волос щекочут ее обнаженные плечи, а два тугих завитка образуют букву X, пересекаясь на лбу ее. У нее маленький носик, а рот — как крошечный голубой цветок, и у нее такой маленький подбородок, что можно даже не говорить. Она носит на груди серебряную полоску, золотой пояс на талии и короткую серебряную юбку. Она едва пяти футов росту, и от нее, естественно, пахнет

цветами, которых они никогда не видела. На шее у нее золотой кулон, который становится теплым, если мужчины тайком кладут рядом с ней афродизиак.

Мегра ждала девяносто три дня, прежде чем ей удалось попасть на ярмарку. Список ожидающих был долог, потому что ярмарочное место, все разноцветное, с запахами и движением, одно из немногих открытых мест, оставшихся на Блисе. Всего четырнадцать городов имеется на Блисе, но они занимают собой все четыре континента — от моря до моря, погребены глубоко под землей и возвышаются, уходя в небо. Часть их проходит и под морями. В принципе, все они соединяются как континентальные очаги цивилизации, но так как существует четырнадцать отдельных государств с четкими территориальными правами, на Блисе имеется всего четырнадцать городов. Город Мегры — Калган, где она имеет дело с жизнью вопящей и новой, а иногда и с вопящей и старой, жизнью разноцветной, жизнью всех форм. Так как генетический код может быть заложен с целью удовлетворения специальных требований родителей и хирургически заменен на ядро оплодотворенной клетки, она может угадывать, как и что рождается. Будучи старомодными, родители

Мегры мечтали о дочери с глазами цвета кобальта и сильной, как дюжина мужчин, — чтобы ребенок мог постоять в жизни сам за себя.

Однако, успешно постояв за себя в течение восемнадцати лет, Мегра решила, что пришло время внести свою лепту во всеобщее дыхание. Чтобы стремиться к бесконечности, требуются двое, и Мегра выбрала разноцветную романтику открытых мест ярмарки для своих стремлений. Жизнь — ее занятие и ее религия. И она желает служить ей и дальше. Впереди — целый месяц отпуска.

Все, что ей теперь надо, это найти еще кого-то…

* * *

Вещь, Что Плачет в Ночи, поднимает свой голос в своей тюрьме без решеток. Она подвывает, кашляет и лает, хнычет, причитает. Она находится в серебряном коконе энергией флуктуации, вися в невидимой паутине сил, помещенная там, где никогда не бывает дня.

Принц, Имя Которому Тысяча, опаляет ее лазерными лучами, купает в гамма-радиации, бьет ультразвуком и субзвуковыми вариациями.

Тогда она замолкает, и на какое-то мгнове-

ние Принц поднимает голову от оборудования, которое он принес с собой, и его зеленые глаза расширяются, а уголки тонких губ ползут вверх, за улыбкой, которая ему никогда не удается.

Крики начинаются вновь.

Он скрежещет своими молочно-белыми зубами и откидывает назад темный капюшон.

Его волосы — светло-желтый нимб в сумерках Места Без Дверей. Он глядит вверх на почти видимую форму, которая извивается в свете. Как часто проклинал он ее, и поэтому и сейчас губы его механически начинают двигаться, образуя слова, которые они всегда образуют, когда его постигает неудача.

Уже десять веков он пытается убить ее, а она все живет.

Он скрещивает руки на груди, склоняет голову и исчезает.

Темная Вещь плачет в свете, в ночи.

* * *

Мадрак наклоняет кувшин, наполняет стаканы.

Брамин поднимает свой, глядит поверх его на широкую эспланаду перед павильоном, пьет.

Мадрак наполняет его стакан еще раз.

— Это не жизнь, и это нечестно, — говорит наконец Брамин.

— И все же ты сам активно поддерживал программу.

— Какое это имеет значение? Я говорю о том чувстве, которое контролирует меня в настоящий момент.

— Чувство поэта…

Брамин перебирает пальцами свою бороду.

— Я никогда не мог полностью посвятить себя кому-нибудь или чему-нибудь, — отвечает он.

— Жаль, бедный Ангел Седьмого Поста.

— Этот титул погиб вместе с Постом.

— В ссылке аристократия всегда предпочитала сохранять хотя бы свой титул.

— Посмотри на себя в темноте. Что ты увидишь?

— Ничего.

— Вот именно.

— Какая тут связь?

— Темнота. Не вижу.

— Для темноты это вполне естественно.

— Прекрати эти загадки, Брамин. В чем дело?

— Почему ты искал меня здесь, на ярмарке?

— У меня сейчас с собой самые последние данные о количестве населения. Похоже, они близки

к мифическому Критическому Уровню — который никогда не наступает. Хочешь посмотреть?

— Нет. Мне это ни к чему. Какие бы цифры ты ни привел, они верны.

— Ты чувствуешь своим особым восприятием?

Брамин кивает.

— Дай мне сигарету, — говорит Мадрак.

Брамин делает жест рукой, и зажженная сигарета появляется между его пальцами.

— На этот раз происходит что-то особое, — говорит он. — Это не простое отступление прибоя Жизни. Боюсь, будет ураганная волна.

— В чем она будет выражаться?

— Я не знаю, Мадрак. Но я не собираюсь оставаться здесь дольше, чем будет необходимо для того, чтобы выяснить это.

— Да? Когда же ты отправишься в путь?

— Завтра вечером, хотя я знаю, что опять играю с Черным Прибоем. Придется мне снова поработать со своим смертным желанием, чем скорее, тем лучше, и желательно в пентаграмме.

— Кто-нибудь еще остался?

— Нет, нас всего лишь двое бессмертных на Блисе.

— Откроешь ли ты мне путь, когда уйдешь?

— Конечно.

— Тогда я останусь здесь, на ярмарке, до завтрашнего вечера.

— Я настоятельно рекомендую тебе уйти немедленно. Я могу открыть путь прямо сейчас.

Брамин делает жест рукой и затягивается своей сигаретой. Он замечает свой наполненный стакан и прихлебывает из него.

— Уйти незамедлительно будет проявлением мудрости, — решает он, — но сама мудрость — это продукт знания, а знание, к несчастью, в основном продукт тех глупостей, которые мы делаем. Итак, чтобы пополнить мои знания и увеличить мудрость, я останусь еще на один день, чтобы посмотреть, что произойдет.

— Значит, ты ожидаешь, что завтра произойдет что-то необыкновенное?

— Да, Ураганная волна. Я чувствую приход энергии. Недавно было заметно какое-то движение в том великом Доме, куда все уходит.

— Тогда и я тоже хочу приобрести это знание, — говорит Мадрак, — так как оно влияет на моего бывшего Господина, Имя Которому Тысяча.

— Ты оправдываешься изношенной преданностью, о могущественный.

— Возможно. А у тебя какой предлог? Почему ты хочешь увеличить свою мудрость такой ценой?

— Мудрость конечна сама по себе. К тому же то, что произойдет, может послужить для меня источником вдохновения для одной из поэм.

— Если смерть является источником вдохновения для великого искусства, то я предпочту его в более жалкой форме. Однако мне кажется, что Принцу следует знать об этих новых изменениях в Средних Мирах.

— Я пью за твою преданность, старый друг, хотя я чувствую, что наш бывший монарх, по крайней мере частично, ответствен за теперешнюю сумятицу.

— Твое отношение ко всему этому мне известно.

Затем он отпивает глоток вина и опускает стакан. Глаза его становятся одного цвета — зеленого. Белки, окружавшие зрачки, исчезают, так же как и черные точки, которые были в самом центре. Сейчас его глаза бледно-изумрудные, и в каждом живет желтая искорка.

— Говоря как маг и пророк, — произносит он голосом, ставшим отдаленным и лишенным выражения, — я заявляю, что на Блис уже прибыло то, — что предвещает хаос. Я также заявляю, что грядет и другой, потому что я слышу беззвучный топот копыт в темноте, над звездами. Даже мы

сами можем быть вовлечены во все это, хотя это против нашего желания.

— Где? И как?

— Здесь. И это не жизнь, и это нечестно.

Мадрак кивает головой и говорит:

— Аминь.

Маг скрежещет зубами.

— Такова наша участь — быть свидетелями, — решает он, и глаза его горят внутренним блеском, а костяшки пальцев белеют на черной трости с серебряным набалдашником.

* * *

… Евнух — священник высшей касты — ставит тонкие свечи перед парой старых башмаков.

… Собака треплет грязную перчатку, которая видела много лучших веков.

… Северный Ветер ударяет по крохотной серебряной наковальне своими пальцами — деревянными молоточками. На металл ложится дорога голубого света. Зеркало оживает образами ничего, стоящего перед ними.

Оно висит в комнате, в которой никогда не было мебели, на стене, завешанной темными портьерами, висит перед ведьмой — рыжей — и ее огнем.

Глядеть в него — все равно, что глядеть через окно в комнату, заполненную розовой паутиной, колеблемой внезапными порывами ветра.

Ее служка стоит на ее правом плече, его безволосый хвост свисает с ее шеи, между грудей. Она гладит его по голове, и тот виляет хвостом.

Она улыбается и медленно сдувает паутину. Огонь вздымается еще выше над ней, но ничего не загорается.

Затем паутина исчезает, и она смотрит на разноцветный Блис.

Но в основном она смотрит на высокого, окруженного людьми мужчину, который стоит обнаженный до пояса в середине круга в тридцать пять футов.

У него широкие плечи и очень узкая талия. Он босиком и на плечах его видны шрамы. На нем черные обтягивающие брюки. Он смотрит вниз. У него песочного цвета волосы, большие руки с великолепно развитой мускулатурой, очень бледная кожа. На талии широкий черный пояс со зловещим рядом кнопок на нем. Он смотрит вниз своими желтыми глазами, смотрит на человека, который пытается подняться с того места на земле, где он лежит.

Человек, лежащий на земле, тяжел в плечах,

груди и животе. Он приподнимается, опираясь на одну руку. Борода его скользит по его плечу, когда он запрокидывает голову наверх и смотрит в небо. Губы его двигаются, но зубы сжаты.

Стоящий человек небрежно проводит своей ногой по опирающейся руке лежащего. Тот падает лицом вниз и больше не двигается.

Через некоторое время в круг входят двое и уносят упавшего.

— Кто? — верещит служка.

Рыжая ведьма, однако, качает головой и продолжает наблюдать.

Четырехрукий человек входит в круг, и ступни его ног огромны и широки, как еще одна пара гигантских рук в самом конце его кривых ног. Он без волос и весь сияет, и, когда подходит близко к стоящему человеку, он прогибается таким образом, что верхние его руки касаются земли. При этом колени его расходятся в стороны, и он отклоняется назад, так что голова его и плечи все еще остаются перпендикулярными земле, хотя сейчас он всего лишь на фут возвышается над ней.

Прыгая как лягушка, он не достигает своей цели, а вместо этого получает удар ребром ладони сзади по шее и второй удар ниже пояса. Потом обе руки описывают полукруг, и он летит: голова-

ноги-голова-ноги. Но он весь сжимается на том месте, где упал, бока его вздымаются в три раза, и он опять прыгает.

На этот раз высокий человек хватает его за лодыжки и держит головой вниз, на расстоянии вытянутой руки.

Но четырехрукий изворачивается и хватается за кисти, держащие его, и ударяет головой в живот. Тогда на его черепе появляется кровь, потому что он ударился об одну из кнопок на поясе, но высокий человек не отпускает его. Он поворачивается на носках и начинает вертеть его. Он поворачивается снова и снова, пока не начинает двигаться со скоростью пропеллера. Когда проходит минута, он замедляет свое вращение: глаза четырехрукого закрыты. Тогда он опускает его на землю, падает на него, делает быстрое движение руками, встает. Четырехрукий лежит неподвижно. Через некоторое время его тоже уносят.

И еще трое падают перед ним, включая Колючку Вилли, Чемпиона Блиса с механическими щипчиками, и тогда человека сажают на плечи, и украшают гирляндами, и несут на платформу, и чествуют чашей победы и деньгами. Он не улыбается, пока глаза его не падают на Мегру из Калгана.

Она ждет его.

Рыжая ведьма смотрит за губами толпы.

— Оаким, — наконец говорит она. — Они зовут его Оаким.

— Почему мы наблюдаем за ним?

— Я видела сон и поняла, что его нужно читать следующим образом:

Наблюдай за тем местом, где меняется прибой. Даже здесь, за Средними Мирами, мысль колдуньи связана с приливами и отливами энергий. Хоть я не могу ими сейчас пользоваться, я все еще воспринимаю их.

— А почему этот Оаким находится в месте, где меняется прибой?

— Достоинство этого зеркала — всезнание. Оно показывает все, но ничего не объясняет. Но оно выбирает главное, руководствуясь моим сном, поэтому мне остается интерпретировать все виденное через медитацию.

— Он силен и очень быстр.

— Верно, я не видела таких, как он, с тех пор, как солнцеглазый Сет пал от Молота Разбивающего Солнца в битве с Безымянным. Оаким — более того, чем он кажется толпе или этой маленькой девочке, к которой сейчас идет. Смотри, как от моих слов зеркало становится все ярче и ярче. Во-

круг него черная аура, которая мне не нравится. Он имеет отношение к причине, по которой был тревожен мой сон. Мы должны сделать так, чтобы за ним следили. Мы должны узнать, кто он.

— Он отведет девушку за тот холм, — говорит ее служка, засовывая свой холодный нос в ее ухо. — Ох, давай посмотрим за ним!

— Хорошо, — говорит она, а служка виляет хвостом и радостно чешет в своей кудрявой голове.

* * *

Человек стоит на земле, которая окружена забором из розового кустарника и где растут цветы всевозможных расцветок. Повсюду стоят скамейки, диваны, стулья, стол и растут розы, и все это находится под гигантским зеленым зонтичным деревом, которое закрывает собой все небо. Все заполнено запахами и ароматами цветов, и слышится музыка, которая висит в воздухе и медленно проникает сквозь него. Бледный свет движется меж ветвей дерева. Крохотный фонарчик сверкает рядом со столом у корней дерева.

Девушка закрывает калитку в заборе. С наружной ее стороны загорается и начинает мерцать надпись «Не беспокоить». Она двигается по направлению к человеку.

— Оаким, — говорит она.

— Мегра, — отвечает он.

— Ты знаешь, зачем я попросила тебя прийти сюда?

— Ведь это сад любви, — говорит он, — а мне кажется, я понимаю обычаи этой страны…

Тогда она улыбается, снимает полоску со своей груди, вешает ее на куст и кладет руки ему на плечи.

Он делает движение, чтобы привлечь ее к себе, но у него это не получается.

— Ты сильная, малышка.

— Я привела тебя сюда, чтобы бороться, — говорит она.

Он бросает взгляд на голубую кушетку, потом опять смотрит на девушку и на губах у него появляется слабая улыбка.

Она медленно качает головой.

— Не так, как ты думаешь. Сначала ты должен побороть меня. Мне не нужен обычный мужчина, спина которого может сломаться от моего объятия. Не нужен и мужчина, который устанет через час или три. Я хочу мужчину, сила которого будет течь, как река, бесконечно. Ты такой, Оаким?

— Ты видела мою борьбу.

— Что с того? Я сильнее любого из тех, кто встре-

чался на моем пути. Даже сейчас ты все сильнее пытаешься прижать меня к себе, но у тебя ничего не выходит.

— Я не хочу причинять тебе боли, дитя.

И она смеется, и вырывает свою руку из его руки, и перекидывает его руку через свое плечо, и хватает его за бедро вариантом наге-ваза, который называется ката-гарума, и кидает его через сад любви.

Он встает на ноги и поворачивается к ней. Затем она снимает с себя рубашку, которая была белой, стягивает ее через голову. Она идет вперед и останавливается перед ним.

— Теперь ты будешь бороться со мной?

В ответ он срывает розу с куста и протягивает ей.

Она отводит локти далеко назад, стискивая руки в кулаки по бокам. Затем обе руки ее мелькают, нанося удар — двойной удар прямо в живот.

— Как я понимаю, тебе не нужен цветок, — говорит он на выдохе, роняя его.

— А теперь ты будешь бороться со мной?

— Да, — говорит он. Я научу тебя приему, который называется «Поцелуй».

И он сжимает ее в своем могучем объятии и прижимает к себе. Его рот находит ее губы, хо-

тя она выворачивает голову на сторону, и он выпрямляется, поднимая ее над землей. Она не может дышать в его объятии, и она не может выйти из него, и их поцелуй продолжается, пока она не ослабевает, и он несет ее к дивану и ложится на нее.

Повсюду розы, розы, розы, музыка, движущиеся огоньки, сломанный цветок.

Рыжая Ведьма молча плачет.

Ее служка не понимает причины, но скоро поймет…

Зеркало заполнилось мужчиной на женщине и женщиной под мужчиной.

Они смотрят на движения мира Блис.

Интерлюдия в Доме Жизни

Озирис сидит в Доме Жизни и пьет кроваво-красное вино. Зеленые сумерки наполняют воздух, и нигде нет ни жары, ни холода. Он сидит в Зале Ста Гобеленов, и стены за ними невидимы. Пол покрыт ковром, толстым, мягким и золотистого цвета.

Он ставит пустой стакан и встает. Двигаясь через Зал, он подходит к зеленому гобелену, поднимает его и заходит в кабинку, которую закрывает. Он дотрагивается до трех координационных пластин, находящихся в стене, отодвигает гобелен в сторону и входит в комнату, расположенную в 348 милях к юго-западу от Зала Ста Гобеленов на глубине 7,754 футов.

Комната, в которую он входит, в полутьме, в зеленых сумерках.

Тот, кто сидит на полу, скрестив ноги, в красной набедренной повязке, замечает его. У него обычное человеческое тело, довольно изящное, и мускулатура развита, как у пловца.

И еще один сидит напротив него в такой же позе. Он одет точно так же. Его фигура, мускулатура, волосы — точно такие же. Он и в самом деле тот

же самый во всех отношениях, и он поднимает свои темные глаза от маленького желтого кристаллика, в который смотрел. Поглядев вверх, он видит оранжевую, зеленую, желтую и черную птичью голову Озириса, и глаза его расширяются, и он говорит:

— Опять у меня все так получилось.

И тот, кто сидит спиной к Озирису, исчезает.

Он берет в руки кристаллик, кладет его в полотняный мешочек, затянутый сверху веревкой, и вешает его себе на пояс. Затем он встает.

— Девятисекундная фуга, — говорит он.

— Это твой лучший результат? — спрашивает Озирис, и голос его звучит, как плохая магнитофонная запись, пропущенная со слишком большой скоростью.

— Да, отец.

— А ты можешь его контролировать?

— Нет.

— Сколько времени это у тебя еще займет?

— Кто знает? Ишибака говорит, что, быть может, триста лет.

— И тогда ты станешь мастером?

— Никто не может сказать этого наперед. На всех мирах меньше тридцати мастеров. Двести лет ушло у меня, чтобы продвинуться до сего-

дняшнего результата, а ведь еще и года нет, как я почувствовал первые движения. Конечно, после того, как что-то получилось, развитие пойдет более быстрым темпом…

Озирис качает головой и делает шаг вперед, кладя руку на его плечо.

— Гор, мой сын и мститель, я хочу, чтобы ты кое-что сделал. Если ты станешь мастером фуги, это будет прекрасно, но это не основное. Твои другие силы будут вполне достаточны для выполнения моего поручения.

— Какого поручения, отец?

— Твоя мать, желая вновь приобрести мое благоволение и разрешение вернуться из ссылки, предоставила мне дополнительные сведения о делах моего коллеги. Похоже, что Анубис послал нового посланника в Средние Миры, несомненно, для того, чтобы обнаружить нашего старинней-шего врача и уничтожить его.

— Это будет совсем неплохо, — говорит Гор, кивая головой.

— У меня, однако, есть сомнения. Анубис уже много раз пытался сделать это и терпел неудачу. Какого по счету он послал сейчас — пятого? Шестого?

— Седьмого. Имя этого человека Оаким.

— Оаким?

— Да, и ведь говорит мне, что он кажется ей кем-то особенным.

— Кем это?

— Возможно, что шакал Анубис провел тысячу лет, готовя его к этому поручению. Его способность к битве может быть не меньше, чем у самого Мадрака. И он обладает возможностью, которой не обладал ни один до него: он способен брать энергию прямо из поля.

— Интересно, как он до этого додумался? — говорит Гор, улыбаясь.

— По-моему, он просто изучил те приемы, которыми пользуются против нас смертные.

— Что же ты хочешь, чтобы я сделал? Помог ему против нашего врага?

— Нет. Я решил, что любой, которому удастся погубить Принца, Имя Которому Тысяча, получит поддержку его падших Ангелов, которых не так много среди бессмертных. Остальные последуют за ними сами. Те, кто не захочет, несомненно отправятся в Дом Мертвых от руки своих товарищей. Время сейчас хорошее. Старая преданность забыта. Нового, единственного монарха, я уверен, с радостью приветствуют: ведь это монарх, который покончит с их изгнанием. А при поддержке

бессмертных один из Домов может стать главенствующим.

— Я понимаю твою мысль, отец. Вполне может быть, что ты прав. Ты хочешь, чтобы я нашел Принца, Имя Которому Тысяча, до того, как его найдет Оаким, и убил его во имя Жизни?

— Да, мой мститель. Ты думаешь, что способен сделать это?

— Меня беспокоит, что ты задаешь мне этот вопрос, зная мои силы.

— Принц — нелегкая добыча. Силы, которыми он обладает, практически неизвестны, и я не могу сказать тебе, как он выглядит и где находится.

— Я найду его. Я покончу с ним. Но, возможно, мне лучше будет уничтожить этого Оакима прежде, чем я начну поиски Принца?

— Нет! Он на мире Блис, где сейчас должна будет начаться чума. Но не подходи близко к нему, Гор! Пока я сам не подам тебе знака. У меня странное чувство по отношению к Оакиму. Сначала я должен выяснить, кем он был прежде.

— Но почему, о могущественный отец? Какое это может иметь значение?

— Воспоминания о тех днях, когда ты еще не появился на свет и о которых нельзя говорить, возвращаются и тревожат меня. Не спрашивай

меня больше об этом.

— Хорошо, отец.

— Эта ведьма, твоя мать, предложила мне несколько планов относительно Принца. Если ты встретишься с ней во время своих поисков, не доверяй ее советам о снисходительности. Принц должен умереть.

— Она хочет, чтобы он жил?

Озирис кивает.

— Да, он ей очень нравится. Она могла проинформировать нас насчет Оакима только для того, чтобы спасти ему жизнь. Она скажет тебе любую ложь, лишь бы добиться своего. Не обманывайся.

— Хорошо, отец.

— Тогда я посылаю тебя, Гор, мой мститель и мой сын, как первого посланника Озириса на Средние Миры.

Гор наклоняет голову, и Озирис на какое-то время дотрагивается до его головы рукой.

— Считай, что он уже мертв, — медленно говорит Гор, — потому что разве я не уничтожил самого Железного Генерала.

Озирис не отвечает, потому что он тоже однажды уничтожил Железного Генерала.

Темная тень лошади

В Большом Зале Дома Мертвых огромная тень на стене, за троном Анубиса. Ее можно было бы принять за картину, наклеенную или нарисованную, если бы не ее чернота — абсолютная, как бы содержащая внутри себя бездонную глубину. К тому же она слегка движется.

Это тень гигантской лошади, и сверкающие чаши по обеим сторонам трона не оказывают своим мигающим светом на нее ровно никакого воздействия.

В Большом Зале нет ничего, что могло бы отбрасывать такую тень, но ощущается чье-то дыхание. С каждым выдохом пламя в чашах опускается вниз, потом опять поднимается.

Тень двигается по Залу медленно и возвращается, падая на трон и полностью скрывая его из виду. Она движется беззвучно и меняет свои размеры и форму по мере продвижения. У нее есть грива и хвост и четыре подкованные ноги.

И опять слышится шумное дыхание, как у органных мехов. Она поднимается, вставая на задние ноги, как человек, и передние ее ноги образуют тень наклонного креста на троне.

В отдалении слышится звук шагов.

Когда Анубис входит, Зал наполняется ураганным ветром. Слышится смешок.

Затем все смолкает. Собачья голова смотрит на тень гигантской лошади перед своим троном.

Изменение прибоя

Прислушайтесь к звукам на Блисе: на Ярмарке Жизни раздаются крики.

В павильоне для гостей обнаружен раздутый труп.

Когда-то он был мужчиной. Сейчас — это пятнистый мешок, прорвавшийся во многих местах, и тягучая жидкость течет из него на землю. Он уже начал пахнуть. По этой причине его и обнаружили.

Это вызвало крик девушки.

А от крика собралась толпа.

Видите, как все толкаются, задавая друг другу вопросы, на которые никто не может ответить.

Они позабыли, что надо делать перед лицом смерти.

Большинство из них скоро узнает это.

Мегра из Калгана пробивается сквозь толпу.

— Я — медицинская сестра, — говорит она.

Многие из них удивляются, глядя на нее, потому что медицинские сестры обычно заботятся о детях, а не о зловонных трупах.

Высокий человек, идущий рядом с ней, ничего не говорит, но движется сквозь толпу, игнори-

руя ее.

Коротышка в соломенной шляпе уже огородил это место веревкой и начал продавать билеты тем, кто проходит мимо останков. Мегра просит высокого человека, которого зовут Оаким, остановить его. Оаким одним ударом разбивает машину, выпускающую билеты, и выгоняет коротышку из павильона.

— Он мертв, — говорит Мегра, глядя на тело.

— Конечно, — говорит Оаким, который после тысячи лет в Доме Мертвых легко узнает это состояние. — Давай закроем его простыней.

— Я не знаю ни одной болезни, от которой вот так умирают.

— Значит, это новая болезнь.

— Надо что-то сделать. Если болезнь заразна, то может быть эпидемия.

— Она будет, — говорит Оаким. — Люди будут умирать быстро, потому что она распространится с небывалой скоростью. Такое множество людей находится вместе на Блисе, что ничего не сможет помешать этому. Даже если способ лечения будет найден в несколько дней, населения, вне сомнения, будет в десятки раз меньше.

— Мы должны держать этот труп в изоляции, отправить в Первый Медицинский центр.

— Если ты этого хочешь…

— Как можешь ты быть безразличным при виде такой трагедии?

— Смерть не трагична. Возможно, она патетична, но трагедии в ней нет. Давай покроем тело простыней.

Она бьет его по лицу, и звук пощечины настолько громок, что разносится по всему павильону. Потом она отворачивается от него. Глазами она ищет кольцо телесвязи на стене, но когда она делает шаг к нему, одноглазый человек, весь одетый в черное, останавливает ее и говорит:

— Я уже позвонил в ближайший Центр. Аэрокар уже в пути.

— Спасибо, отец. Ты не можешь заставить всех этих людей уйти отсюда? Они скорее прислушаются к твоему голосу.

Оаким закрывает тело. Мегра снова поворачивается к нему, в то время как одноглазый уговаривает толпу разойтись, и люди начинают двигаться, повинуясь его словам и его посоху.

— Как можешь ты смотреть на смерть с такой легкостью? — спрашивает она.

— Потому что она неизбежна. Я не скорблю о том, что с дерева падает лист или волна разбивается о берег. Я не печалюсь, что падающая звезда

сгорает в атмосфере. С какой стати?

— Все, о чем ты говорил, не живое.

— И люди не живые, когда они вступают в Дом Мертвых, а туда идут все.

— Это было очень давно. Никто с Блиса не отправлялся туда уже много веков. Это трагедия, когда жизни человеческой приходит конец.

— Жизнь и смерть не так уж сильно отличаются друг от друга.

— Ты — отклонение от социальной нормы! — объявляет она и вновь бьет его.

— Это оскорбление или утверждение? — спрашивает он.

Откуда-то с другого конца ярмарки тоже доносятся крики.

— Мы должны немедленно помочь им, — говорит она, пытаясь уйти.

— Нет!

Он хватает ее за руку.

— Пусти!

— Нет. Ты ничего не добьешься, стоя рядом со всеми трупами, которые могут тут оказаться. Но чем больше ты будешь рядом с ними находиться, тем больше будешь подвергаться опасности. Мне бы не хотелось потерять в постели такую женщину, как ты, не успев найти ее. Я отведу тебя

назад в сад, где мы сможет переждать, пока все это кончится. Там есть пища и вода. Мы повесим знак «Не беспокоить»…

— … и будем трахаться, пока весь мир умирает?! Ты бессердечен!

— Разве ты сама не хочешь создать побольше жизней, чтобы заменить те, которые будут потеряны?

Она ударяет его своей свободной рукой, и от силы удара он падает на одно колено и поднимает перед собой руку.

— Отпусти меня! — кричит она.

— Отпустите леди, пусть идет, куда хочет.

В павильоне присутствуют еще двое. Тот, кто произносит эти слова — воин, священник Мадрак, который остался после того, как толпа разошлась. Рядом с ним стоит зеленый маг, известный людям под именем Брамина.

Оаким встает и смотрит на них.

— Кто вы? — спрашивает он. — Кто вы такие, что приказываете мне?

— Меня называют Мадрак, многие зовут меня Могущественным.

— Это ни о чем не говорит. Приказы не принадлежат тебе, чтобы ты мог раздавать их направо и налево. Уходи.

Он хватает Мегру за другую руку, коротко борется с ней, поднимает ее на руки.

— Я предупреждаю тебя. Отпусти леди.

С этими словами Мадрак поднимает перед собой свой посох.

— Уйди с моей дороги, Мадрак.

— Лучше я предупрежу тебя, прежде чем пояснить, что я бессмертный и что о моей силе вести разнеслись по всем мирам. Это я убил кентавра Даргота, послав его поверженного в Дом Мертвых. Песни все еще поют об этой битве, которая продолжалась день, ночь и еще один день.

Оаким опускает Мегру на ноги и освобождает ее.

— Это действительно меняет дело, бессмертный. С девушкой я разберусь через несколько минут. А теперь ответь мне, ты против могущества Дома Жизни и Дома Мертвых?

Некоторое время Мадрак жует кончик своей бороды.

— Да. А тебе-то что за дело?

— Сейчас я уничтожу тебя и твоего друга, стоящего рядом с тобой, если он тоже относится к числу двухсот восьмидесяти трех бессмертных.

Мегра уходит из павильона.

— Леди все-таки ушла от тебя, — замечает

Брамин.

— Кажется. Но я сделаю так, как будто этого никогда не было.

Затем Оаким поднимает свою левую руку и приближается к Мадраку. Посох Мадрака начинает вращаться в его руке, пока он практически не перестает быть видимым, потом бьет им.

Оаким уклоняется от первого удара, но второй попадает ему в плечо. Он пытается поймать посох, но это ему не удается. Он получает еще один удар. Он пытается наброситься на Мадрака, бежит к нему, но посох уже горизонтально стоит у его груди и бьет по ней. Оаким отступает назад и начинает кружить вокруг своего противника.

— Как! Ты все еще стоишь? — спрашивает Брамин, который находится в стороне и курит.

— Я не могу упасть, — говорит Оаким.

Затем он прыгает вперед, но его атаку опять отбивают.

Мадрак начинает нападать сам, но каждый раз Оаким избегает ударов и пытается схватить посох.

В конце концов Оаким останавливается и делает несколько шагов назад.

— Хватит заниматься глупостями! Время идет, и я могу потерять девушку! Ты хорошо дерешься

своей палкой, жирный Мадрак! Но сейчас это тебе не поможет.

Затем, слегка наклонив голову, Оаким исчезает с того места, где он стоял, и Мадрак лежит на земле, а его сломанный посох лежит рядом с ним.

Оаким стоит возле него с поднятой рукой.

Брамин роняет свою сигарету, и его трость подпрыгивает у него в руках, очерчивая вокруг него круг зеленого огня. Оаким поворачивается к нему лицом.

— Фуга! — говорит Брамин. — Настоящий мастер фуги! Да еще впереди идущий! Кто ты?

— Меня зовут Оаким.

— Как могло случиться, что ты знаешь точное число бессмертных, то есть двести восемьдесят три?

— Я знаю, что я знаю, и этот огонь не спасет тебя.

— Возможно, и нет, а возможно, и да, Оаким, но я не противник Дома Жизни и Дома Мертвых.

— Ты бессмертный. Одного твоего существования достаточно для того, чтобы оно выдало ложь в твоих словах.

— Я слишком нейтрален, чтобы быть противником чего-либо в принципе. Моя жизнь, однако, это совсем другое дело.

И тут его слова сверкают зеленым.

— Прежде чем ты попытаешься повернуть свою силу против меня, Оаким, знай, что ты опоздал.

Он поднимает свою трость.

— Либо собака, либо птица послали тебя и кто именно — не имеет значения…

Зеленый фонтан устремляется вверх, охватывая огнем весь павильон. Я знаю, что ты более чем предвестник чумы. Слишком ты силен, чтобы быть кем-нибудь другим, кроме посланника.

Павильон исчезает, и они оказываются на открытом воздухе, в центре ярмарки.

— Знай же, что перед тобой были и другие и что ни один из них не добился успеха…

Зеленый огонь вылетает из его трости и устремляется в небо, как ракета.

— Двое из них пали перед тем, кто приближается сейчас…

Свет наверху настойчиво пульсирует.

— Так бойся того, кто приходит в самый хаос и чья холодная металлическая рука поддерживает слабых и угнетенных.

Он появляется, скача по небу на спине огромного зверя из вороненого металла. Его восемь ног и копыт — бриллиантовые. С каждым шагом он скачет все медленнее и медленнее, пробегая все

меньшее расстояние.

— Его зовут Железный Генерал, и он тоже мастер фуги, Оаким. Он спешит на мой приказ.

Оаким запрокидывает голову и смотрит на того, кто когда-то был человеком. То ли из-за волшебства Брамина, то ли веря своему предчувствию, он понимает, что за всю тысячу лет его памяти это будет первое серьезное сражение.

Зеленый огонь теперь уже падает на Мадрака, и он шевелится и поднимается со стороны.

Восемь бриллиантовых копыт ударяют об землю, и Оаким слышит отдаленные звуки банджо.

* * *

Рыжая Ведьма вызывает свою Колесницу, Запряженную Десятью и приказывает подать ей золотой плащ. В этот день она направляется по небу к тому кольцу, внутри которого лежат Средние Миры.

В этот день она направляется по небу своими неизведанными путями…

Туда, в миры Жизни и Смерти, миры, которые она когда-то знала.

Теперь же одни говорят, что ее имя — Жалость, другие — что Жажда. Но ее тайное имя — Изида. Ее тайная душа — пыль.

* * *

… Евнух — священник высшей касты — ставит тонкие свечи перед парой рваных башмаков.

… Собака треплет грязную перчатку, которая видела много лучших веков.

… Северный ветер ударяет по крохотной серебряной наковальне своими пальцами — деревянными молоточками. На металл ложится дорога голубого света.

Место сокровенных желаний

Принц, Имя Которому Тысяча, идет по берегу моря, и над морем единственный другой разумный обитатель этого мира, по которому он идет, не уверен, создал его Принц или открыл. Потому что никогда нельзя быть уверенным, создает ли мудрость или просто находит, а Принц — мудр.

Он идет вдоль берега. Его следы начинаются в семи шагах позади него. Высоко наверху, над его головой, висит море.

Мир, внутри которого он идет, создан таким образом, что кто бы ни приблизился к нему с любой стороны, он покажется миром, полностью лишенным суши. Если ему, однако, придет в голову опуститься в глубины моря, окружающего этот мир, он вынырнет с другой стороны вод и войдет в атмосферу планеты. Опустившись еще ниже, он достигнет суши. Идя по этой суше, он сможет обнаружить другие водоемы, окруженные землей, под морем, которое висит в небе.

Огромное море течет примерно на тысячу футов над головой. Яркие рыбы плавают по его дну, как подводные созвездия. А внизу, на земле, все сверкает.

Говорят, что такой мир, как этот, безымянный, с морем вместо неба, не может существовать. Те, кто говорит это, очевидно, ошибаются. Если подумать о бесконечности, остальное станет совсем просто.

Принц, Имя Которому Тысяча, единственный в своем роде. Он, помимо всего прочего, умеет телепортировать, а это, согласитесь, еще большая редкость, чем мастер темпоральной фуги. По правде говоря, он один такой. Он может переносить себя в ничтожные доли секунды в любое место, какое он сможет себе представить.

А у него очень живое воображение. Считая, что любое место, о котором вы только можете подумать и какое можете себе представить, существует где-то в бесконечности, и если Принцу придет в голову подумать о нем, он в состоянии отправиться туда. Некоторые теоретики утверждают, что когда Принц представляет себе какое-нибудь место и желает попасть туда, это на самом деле есть акт созидания. Никто не может найти его. Вполне возможно, что на самом деле он просто делает так, что это происходит. Однако, если подумать о бесконечности, остальное станет совсем несущественным.

Принц не знает, ну не имеет ни малейшего

представления о том, где находится этот мир, по крайней мере, по отношению к остальной вселенной. Да ему это и безразлично. Он может уходить и приходить, когда только пожелает, беря с собой кого только ни пожелает. Однако сейчас он один, потому что хочет навестить свою жену.

Он стоит на берегу моря, под морем и зовет ее по имени — а имя ее — Нефита, и он ждет, пока легкий ветерок не обвеет его с моря, называя имя, которое является его именем.

Тогда он склоняет голову и чувствует ее присутствие.

— Как живется тебе, любимая? — спрашивает он.

В воздухе раздается сдавленное рыдание, прерываемое монотонным плеском прибоя.

— Хорошо, — слышится ответ. — А тебе, мой повелитель?

— Лучше я буду правдив, чем вежлив, и отвечу «плохо».

— Оно все еще плачет в ночи?

— Да.

— Я думаю о тебе, когда струюсь и теку. Я создала птиц, чтобы они были со мной в воздухе, но их крики или резки, или печальны. Что могу я сказать тебе, чтобы быть вежливой, а не прав-

дивой? Что я не устала от этой жизни, которая не жизнь? Что я не мечтаю больше стать женщиной, а не просто дыханием, цветом, движением? Что я не мечтаю дотронуться до тебя и почувствовать твое прикосновение к моему телу? Ты ведь знаешь, что я могу сказать, но ни один бог не обладает всемогуществом. Мне не следовало жаловаться, но я боюсь, мой повелитель, я боюсь этого сумасшествия, которое иногда находит на меня: никогда не спать, никогда не есть, никогда не дотронуться до твердого предмета. Как долго это уже продолжается?...

— Много веков.

— ... И я знаю, что все жены — ведьмы по отношению к своим мужьям, и поэтому я прошу у тебя прощения. Но кому я еще могу пожаловаться и посетовать, как не тебе?

— Хорошо сказано, моя Нефита. Хотел бы я обнять тебя вновь, потому что я тоже одинок. Но ты ведь знаешь, я пытался это сделать.

— Да.

— Когда ты победишь То, Что Плачет, ты призовешь к порядку Анубиса и Озириса?

— Конечно.

— Пожалуйста, не уничтожай их сразу же, если они могут помочь мне. Смилостивься над

ними хоть немного, если они вернут меня тебе обратно.

— Возможно.

— … потому что я одинока. Я бы так хотела, чтобы мне можно было уйти отсюда.

— Ты захотела себе мир, окруженный водой, чтобы выжить. Ты потребовала целый мир, чтобы заниматься им и не скучать.

— Я знаю, знаю…

— Если бы Озирис не был таким мстительным, все могло бы стать по-другому. А сейчас, ты ведь знаешь, я должен буду убить его, как только решу вопрос с Безымянным.

— Да, я знаю, и я согласна. Но Анубис?

— Время от времени он пытается убить меня, что не так уж и важно. Может быть, я прощу его. Но моего Ангела с головой птицы — никогда.

Принц, Имя Которому Тысяча (среди прочих имен), садится на камень и смотрит на воду, а потом наверх, в море. Огни лениво плескаются над его головой. Высокие вершины гор уперлись своими пиками в бездонную глубину. Свет, бледный и рассеянный, льется как будто отовсюду. Принц кидает плоский камешек таким образом, что на воде возникают «блинчики».

— Расскажи мне опять о днях той битвы, тысячу

лет тому назад, — говорит она, — о днях, когда он пал, тот, кто был твоим сыном и твоим отцом, самым могущественным воином, когда-либо существовавшим, чтобы бороться за шесть рас людских.

Принц безмолвен, он глядит на воду.

— Зачем? — спрашивает он.

— Потому что каждый раз, когда ты рассказываешь об этом, ты непременно предпринимаешь какое-нибудь новое действие.

— … И оно оканчивается новой неудачей, — говорит Принц.

— Расскажи мне, — просит она.

Принц вздыхает, и небеса, в которых плавают яркие рыбы с прозрачными животами, ревут над его головой. Он вытягивает вперед руку, и камешек вываливается из нее в море. Ветер затихает и возвращается, ласкает его.

Он начинает говорить.

Ангел Дома Огня

Вверх смотрит Анубис, видя смерть. Смерть — это тень черной лошади, которая отбрасывает ее.

Анубис смотрит, схватившись за свой посох обеими руками.

— Хайль, Анубис, Ангел Дома Мертвых, — раздается голос, вибрирующий, как песня, разносящаяся по большому залу.

— Хайль, — мягко отвечает Анубис. — Повелитель Дома Огня, которого нет больше.

— У тебя здесь все как-то переменилось.

— Прошло много времени, — говорит Анубис.

— Ты прав.

— Могу я спросить, как твое здоровье сейчас?

— Я нахожу его вполне удовлетворительным, как и всегда.

— Могу я спросить, что привело тебя сюда?

— Да. Можешь.

Наступает пауза.

— Я думал, что ты мертв, — говорит Анубис.

— Я знаю.

— Однако я рад, что тебе удалось остаться в живых после этой смертельной резни.

— Я тоже. Много веков заняло у меня возвраще-

ние из того места, куда я был закинут в результате такого идиотского использования молота. Как ты знаешь, я отступил во внекосмическое пространство за мгновение до того, как Озирис нанес свой удар, который разбивает солнце. И меня закинуло дальше, чем я намеревался, в мир, который не является миром.

— И что же ты делал все это время?

— Возвращался.

— Ты один, Тайфун, из всех богов, мог выжить после такого страшного падения.

— Что ты пытаешься сказать?

— Сет Разрушитель, твой отец, погиб в этой битве.

— Айииииии!

Анубис затыкает уши и закрывает глаза, не обращая внимания, что посох его падает на пол. Крик, звучащий по всему залу, — это раздирающий душу крик, получеловеческий, полузвериный, и его больно слушать даже с зажатыми ушами.

Через некоторое время наступает страшная тишина, и Анубис открывает свои глаза и опускает руки. Тень сейчас меньше и ближе.

— Как я понимаю, Безымянный тоже был уничтожен в это же время?

— Я не знаю.

— Тогда что стало с твоим господином Тотом?

— Он отрекся как Повелитель Жизни и Смерти и ушел за пределы Средних Миров.

— В это трудно поверить.

Анубис пожимает плечами.

— Это факт жизни и смерти.

— Зачем он так поступил?

— Я не знаю.

— Я хочу видеть его. Где мне найти его?

— Я не знаю.

— Ты не слишком услужлив, Ангел. А теперь скажи мне, кто управляет всем в отсутствие моего брата, твоего господина?

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Ну-ну, собачья морда, ты достаточно пожил на этом свете, чтобы ответить на простой вопрос. Кто контролирует потоки энергии?

— Дом Жизни и Дом Мертвых — кто же еще?

— Кто же еще, вот как! И кто же сейчас управляет Домом Жизни?

— Естественно, Озирис.

— Понятно…

Тень вновь надвигается, становится больше.

— Собачья морда, — говорит Тайфун, и тень лошади неспокойна, — я подозреваю заговор, но

я никогда не убиваю по одному только подозрению. Мой отец умер и требует отмщения. А если моему брату была причинена несправедливость, то и здесь прольется кровь. А сейчас отвечай мне быстро, не задумываясь. Ты можешь сказать больше, чем хотел бы. Так вот, выслушай меня: я знаю, что больше всего на свете ты боишься меня. Ты всегда боялся тени лошади, и ты правильно делал, что боялся. Если эта тень упадет на тебя, Ангел, ты прекратишь свое существование. И следа от тебя не останется. А она упадет на тебя, если ты имел отношение к вещам, которые я не одобряю. Я ясно высказался?

— Да, могущественный Тайфун. Ты — единственный бог, которому я поклоняюсь.

И внезапно Анубис прыгает с воем, и в правой руке его неожиданно сверкает уздечка.

Тень от копыта проходит совсем рядом с ним, и он падает на пол. Тень падает на сверкающую серебряную уздечку, и она исчезает.

— Анубис, ты глупец! Зачем ты пытался связать меня?

— Потому что ты заставил меня бояться за свою жизнь, о Повелитель!

— Не сметь подыматься! Не шелохнись или превратишься в ничто! Единственная причина, по

которой ты мог бояться меня, это чувство вины.

— Это не так! Я боялся, что ты можешь неправильно понять меня и напасть не разобравшись. Я не хочу превращаться в ничто. Я хотел связать тебя для самозащиты, чтобы я мог представить перед тобой все факты, а потом отпустить. Потому что я признаю, что мое положение заставляет меня выглядеть виноватым с первого взгляда.

Тень двигается и падает на вытянутую руку Анубиса. Правая рука иссыхает и становится неподвижной, обвисая.

— Никогда ты не сможешь заменить эту руку, которую ты поднял на меня, Шакал! Сделай себе новую, и она тоже иссохнет. Приставь металлическую руку, и она откажется служить тебе. Я оставляю тебе лишь левую руку за твой проступок. Я соберу факты — все факты — сам. Если ты виновен в том, в чем я сейчас почти уверен, что ты виновен, я буду судьей, присяжным и палачом в одном лице. Знай, ни серебряная уздечка, Ни золотые поводья не остановят Тайфуна. И знай, что если вся моя тень упадет на тебя, не останется даже пыли. Скоро я вернусь в Дом Мертвых, и, если что-нибудь будет не в порядке, новый пес будет править здесь!

Огонь загорается по краям черного силуэта. Он

ревет, вырываясь вперед, как бы намереваясь нанести еще один удар, пламя ярко пылает, и вот Анубис остается один на полу Большого Зала.

Он медленно встает и поднимает посох своей левой рукой. Его красный язык высовывается, и, спотыкаясь, идет он к своему трону. Огромное окно появляется в воздухе, и он смотрит в него на Создание Жизни.

— Озирис! — говорит он. — Дьявол жив!

— Что ты хочешь этим сказать? — слышит он в ответ.

— Сегодня тень лошади упала на меня.

— Это плохо. В особенности сейчас, когда ты направил своего нового посланника.

— Откуда ты знаешь?

— У меня есть свои способы. Но и я сделал то же самое впервые, и это мой сын, Гор. Надеюсь, что мне удастся отозвать его вовремя.

— Да, мне всегда нравился Гор.

— А как с твоим посланником?

— Я не буду отзывать его. Мне было бы очень любопытно посмотреть, как Тайфун попробует уничтожить его.

— Твой Оаким — кто он на самом деле? Кем он был?

— Это мое дело.

— Если… если окажется, что он тот, кем, я думаю, он может быть, — а ты знаешь, кого я имею в виду, — отзови его, пес, или между нами никогда не будет мира, если оба мы вообще останемся при этом живы.

Анубис усмехается.

— А был ли между нами когда-нибудь мир?

— Нет, — говорит Озирис, — раз уже зашел такой откровенный разговор.

— Но Принц действительно начал угрожать нам в первый раз, он грозил, что покончит с нашим правлением.

— Да, уже двенадцатый год на исходе, и мы должны действовать. Может быть, пройдут века, как он говорил, прежде чем он выступит против нас. Но выступит он непременно, потому что он всегда держит свое слово. Кто знает, однако, что у него на уме?

— Не я.

— Что случилось с твоей правой рукой?

— Тень упала на нее.

— Так вот, оба мы погибнем под этой тенью, если ты не отзовешь своего посланника. Появление Тайфуна полностью все изменило. Мы должны связаться с Принцем, попытаться договориться с ним, упросить его.

— Он слишком умен, чтобы быть обманутым фальшивыми обещаниями, и ты недооцениваешь Оакима.

— Может быть, нам надо договориться с ним по-честному, не восстанавливать его, само собой…

— Нет! Мы восторжествуем!

— Докажи это, заменив свою руку такой, которая бы работала.

— Я сделаю это.

— Прощай, Анубис, и помни — даже фуга бессильна против Ангела Дома Огня.

— Я знаю. Прощай, Ангел Дома Жизни.

— Почему ты называешь меня моим древним именем?

— Потому что ты боишься, возвращаются старые времена, Озирис.

— Тогда отзови Оакима.

— Нет.

— Тогда прощай, глупый Ангел, падший из падших.

— Адье.

И окно заполняется звездами и энергией, пока не закрывается полностью, от движения левой руки между пламенем чаш.

Молчание наступает в Доме Мертвых.

Наброски

… Евнух — священник высшей касты — ставит тонкие свечи перед парой рваных башмаков.

… Собака треплет грязную перчатку, которая видела много лучших веков.

… Северный Ветер ударяет по крохотной серебряной наковальне своими пальцами — деревянными молоточками. На металл ложится дорога голубого света.

Явление Железного Генерала

Вверх смотрит Оаким, видя Железного Генерала.

— Где-то в глубине моей души чувствую я, что должен знать о нем, — говорит Оаким.

— Перестань, — говорит Брамин, трость и глаза которого сверкают зеленым огнем. — Все знают о Генерале, который скачет в одиночку. По страницам истории раздается топот его боевого коня Бронзы. Он летал в эскадрилье Лафайета. Он бился, удерживая Джарамскую долину. Он помогал оборонять Сталинград лютой зимой. С горсткой друзей он пытался захватить Кубу. На каждом поле сражения он оставлял частичку самого себя. Он разбил свой лагерь в Вашингтоне, когда настали тяжелые времена, пока более великий генерал не попросил его уйти. Он был побежден в битве при Литл-Роке, а в Беркли ему плеснули в лицо кислотой. Он был в черных списках, потому что когда-то состоял членом подполья. Все правые дела, за которые он сражался, давно похоронены, но частичка его умирала каждый раз, когда появлялось новое дело, за которое он бросался в бой. Он выжил, каким-то чудом пережил свой век, с

искусственными конечностями и с искусственными сердцем и венами, со вставными зубами и стеклянными глазами, с пластинкой в черепе и костями из пластика, с кусочками проволоки и фарфора внутри его тела — пока, наконец, наука не научилась делать все это лучше, чем то, с чем человек появлялся на свет. Его вновь собрали, кусочек за кусочком, пока в следующем веке он не стал превосходить любого человека из плоти и крови. И вновь он бился в повстанческих отрядах, и вновь его разбивали на мелкие кусочки в войнах, которые колонии вели против своей матери-планеты, и в войнах, которые отдельные миры вели против федерации. Он всегда в какомнибудь черном списке, но не обращает внимания на это и играет на своем банджо, потому что он поставил себя вне закона, всегда подчиняясь его духу, а не его букве. Много раз он заменял металлические части своего тела и вновь становился полноценным человеком, но всегда он бросался на помощь, где бы она ни требовалась, и тогда вновь терял свою человечность. Он резко спорил с Троцким, который объяснял ему, что писателям мало платят, он одно время поддерживал Фиделя Кастро и понял, что юристам тоже мало платят. Почти всегда его побеждают и используют, но

ему это все равно, потому что его идеалы значат для него больше, чем его плоть. Теперь же, конечно, дело Принца, Имя Которому Тысяча, не очень кое-кому нравится. Из того, что ты говорил, я понял, что те, кто против Дома Жизни и Дома Мертвых, будут считаться сторонниками Принца, которому никакие сторонники не нужны, хоть это и не имеет значения. Я также рискну высказать предположение, что Генерал будет поддерживать его, так как Принц всегда один против всех. Генерала можно победить, но его никогда нельзя уничтожить, Оаким! А вот и он. Спроси его сам, если желаешь.

Железный Генерал спешивается со своего коня и стоит сейчас перед Оакимом и Брамином, как железная статуя.

— Я увидел твой маяк, Ангел Седьмого Поста.

— Увы, этот титул исчез вместе с постом, сэр.

— Тем не менее я признаю права правительства в изгнании, — говорит Генерал, и голос его настолько красив, что его можно слушать бесконечно.

— Благодарю Вас. Но боюсь, что Вы пришли слишком поздно. Этот Оаким — мастер темпоральной фуги, — я чувствую, уничтожит Принца, и таким образом уничтожит всякую надежду на

наше возвращение. Разве не так, Оаким?

— Безусловно.

— … Если, конечно, нам не удастся найти Героя, — говорит Брамин.

— Вам не надо его больше искать, — говорит Генерал. — Лучше будет, если ты сдашься мне прямо сейчас, Оаким. Я говорю это, не питая к тебе враждебных чувств.

— А я отвечаю, не питая никаких недобрых чувств: убирайся к дьяволу. Если каждый твой кусочек уничтожить, я чувствую, на свете не останется больше Железного Генерала. Я считаю, что такой возмутитель спокойствия, как ты, должен быть уничтожен.

— Многие так думали, а я все еще жду.

— Тогда не жди больше, — говорит Оаким и двигается вперед. — Время здесь и ждет, когда его заполнят.

Тогда Брамин окружает себя и Мадрака зелеными огнями, и они смотрят на поединок мастеров.

В этот момент Бронза встает на задние ноги, и шесть бриллиантов сверкают среди разноцветного мира Блиса.

Предсказатель города Лигламенти

Гор отправился в Средние Миры и появился на мире туманов, который его обитатели называют Д'донори, что означает Планета Удовольствий. Когда он сходит со своей колесницы, которая пересекла холодную и безвоздушную ночь, он слышит звуки битвы вокруг себя, в сильных туманах, которые покрывают всю Д'донори.

Убив голыми руками трех рыцарей, которые наткнулись на него, он подходит наконец к высоким стенам города Лигламенти, монархи которого в прошлом имели основания полагать, что он — бог, доброжелательно относящийся к их процветанию.

Д'донори — мир, который хотя и находится внутри прибоя энергий, никогда не был подвержен чуме, войнам, голоду, которые ограничивают численность населения на других мирах. Это происходит потому, что обитатели Д'донори сами решают свои проблемы. Весь Д'донори состоит из маленьких городов-государств и герцогств, которые беспрестанно воюют друг с другом, объединяясь только для того, чтобы уничтожить всякого, кто пытается объединить их навсегда.

Гор приближается к огромным воротам Лигламенти и ударяет в них кулаком. Гудящий звук проносится по всему городу, и ворота сотрясаются на своих петлях.

Часовой низко опускает факел, чтобы высветить сумрак, и посылает вниз стрелу, которая, конечно, не попадает в цель, потому что Гор может прочесть мысли напавшего на него и отклонить полет стрелы. Когда стрела свистит мимо, он отступает в сторону, так, чтобы оказаться в луче света.

— Открой ворота, или я сниму их с петель! — громко кричит он.

— Кто ты такой, что ходишь в одной набедренной повязке без оружия и приказываешь мне?

— Я — Гор.

— Я не верю тебе.

— Тебе осталось жить меньше минуты, — говорит Гор, — если ты не откроешь мне ворота. Твоя смерть будет доказательством того, что Гор не лжет. Потом я вышибу эти ворота и войду по твоему трупу в поисках твоего господина.

— Подожди! Если ты действительно он, то пойми, что я только исполняю свои обязанности и выполняю приказ моего господина. Не считай меня еретиком только потому, что я отказываюсь

впустить каждого, кто может назваться Гором. Откуда я знаю, что ты не враг, который говорит это с целью обмануть меня?

— Неужели хоть один враг осмелится на такую глупость?

— Может быть. Потому что почти все люди — глупцы.

Гор пожимает плечами и опять поднимает свой кулак. Тогда возникает вибрирующий музыкальный звук на одной ноте, ворота Лигламенти начинают дрожать на своих петлях, а часовой — в своих доспехах.

Гор сейчас стал больше, достиг почти трехметровой высоты. Его набедренная повязка — цвета крови. Факел горит где-то у его ног. Он отводит кулак как для удара.

— Подожди! Я впущу тебя!

Гор опускает кулак, и музыка затихает. Его рост уменьшается на одну треть.

Часовой что-то делает, портал открывается, и Гор входит в Лигламенти.

Дойдя наконец до окруженного туманом дворца его монарха, Лорда Дилвит, Герцога Лиглы, Гор узнает, что весть о его прибытии уже проникла в эти стены. Торжественный чернобородый Герцог, корона которого когда-то была вделана в его

череп, выдавливает из себя такую улыбку, на которую он только способен: показывает двойной ряд зубов под тонкими губами и слегка кивает.

— Ты действительно Гор? — спрашивает он.

— Да.

— Говорят, что каждый раз, когда бог Гор проходит здесь, его трудно узнать.

— Ничего удивительного, — говорит Гор. — В таком тумане просто чудо, что вы узнаете друг друга.

Дилвит хрипит — это для него эквивалент смеха.

— Верно. Часто мы не узнаем сами себя и по ошибке убиваем наших людей. Но каждый раз, когда приходит Гор, царствующий монарх испытывает его. В прошлый раз…

— … в прошлый раз для Лорда Бульваг я послал деревянную стрелу, пронзившую толстый куб мрамора, так что ее конец торчал из куба.

— Ты помнишь!

— Конечно. Я — Гор. У тебя все еще сохранился этот куб?

— Да. Конечно.

— Тогда отведи меня к нему.

Они входят в освещенный факелами Тронный Зал. Стены увешаны лохматыми шкурами хищ-

ников, сверкающим оружием. На небольшом пьедестале слева от трона стоит серо-оранжевый мраморный куб, из которого торчит стрела.

— Вот он, видишь, — говорит Дилвит, указывая рукой.

Гор приближается и оглядывает его внимательно.

— На этот раз я сам придумаю для себя испытание, — говорит он. — Я достану стрелу обратно.

— Ее легко можно вытащить. Это не ис…

Гор поднимает свой правый кулак на уровень плеча и резко наносит удар вперед и вниз, ударяя по камню, который раскалывается на мелкие осколки. Он берет стрелу и подает ее Дилвиту.

— Я — Гор, — говорит он.

Дилвит берет стрелу, подбирает и осматривает осколки мрамора.

— Ты действительно Гор, — соглашается он, — чем мы можем служить тебе?

— Д'донори всегда по справедливости славится своими предсказателями. Предсказателей Лигламенти часто называли, самыми лучшими. Следовательно, я хочу поговорить с твоим главным предсказателем, так как у меня есть несколько вопросов, на которые мне нужны ответы.

— Тогда надо говорить со старым Фреидагом, — говорит Дилвит, отряхивая каменную пыль со своего красного и зеленого пояса. — Он один из великих, это так, но…

— Что, «но»? — спрашивает Гор, уже прочитав мысль Дилвита.

— Он, Великий Гор, читает будущее по внутренностям, но никакие другие, кроме человеческих, не подходят ему. А мы редко держим пленников, так как это может недешево обойтись, а добровольцев на такое дело найти еще труднее.

— Нельзя ли уговорить Фрейдага погадать по внутренностям какого-нибудь животного?

Вновь Гор читает мысли и вздыхает.

— Конечно, о Великий Гор, но тогда он не сможет гарантировать высокий уровень восприятия.

— Интересно, почему так?

— Я не могу ответить на этот вопрос, о самый Могущественный Гор, потому что сам я не предсказатель, хотя моя мать и сестра обе обладали даром ясновидения, но из всех предсказателей скотологисты самый странный народ. А теперь возьмем Фрейдага. Он очень близорук, как он сам говорит, а это означает…

— Достань ему все необходимое для гадания, а

потом сообщи, когда он сможет отвечать на мои вопросы! — говорит Гор.

— Да, Благородный Гор. Я немедленно пошлю отряд на поиски, так как вижу, что ты очень торопишься.

— Очень.

— … И у меня как раз есть сосед, которого давно пора научить правильно соблюдать границы!

Дилвит одним прыжком садится на свой трон и, протягивая руку вверх, снимает рог, который висит над ним. Три раза подносит он его к губам и дует, пока щеки его не становятся красными, а глаза вылезают из орбит. Потом он вешает рог на место и в изнеможении откидывается на спинку трона.

— Военачальники будут здесь через минуту, — с трудом дыша, объявляет он.

Через минуту слышится стук копыт, и три воина в доспехах, верхом на похожих на единорога голинди скачут, скачут, скачут вокруг тронного зала, пока Дилвит не поднимает руку и не кричит:

— Набег! Набег, мои любезные! На Юскига Рыжего. Полдюжины пленных нужны мне от него до того, как туман посветлеет утренней зарей!

— Ты сказал «пленных», Господин? — спраши-

вает один из черно-коричневых.

— Ты понял правильно.

— До зари.

Поднимается вверх копье.

Они делают круг по залу и отбывают.

Следующим утром Гора будят и сопровождают в комнату, где лежат шестеро голых людей, руки которых связаны за спиной, ноги — на уровне лодыжек и тела которых покрыты ссадинами и ушибами. Комната небольшая, холодная и освещена четырьмя факелами, из ее единственного окна видна стена тумана. Множество листов ежемесячного журнала «Лигла Таймс» расстелены по полу, покрывая его полностью. Прислонившись к подоконнику, высокого роста старик с розовым лицом, впалыми щеками, нервно дергаясь, затачивает на мокром бруске несколько кинжалов. Его выцветшие глаза смотрят на Гора, и он одобрительно кивает.

— Как я понимаю, у тебя есть несколько вопросов, — говорит он, тяжело хватая воздух ртом перед каждым последующим словом.

— Ты понимаешь правильно. Я хочу задать три вопроса.

— Только три, Святой Гор? Это означает, что потребуется только один комплект внутренностей.

Неужели бог, такой мудрый, как ты, не имеет больше вопросов? Раз уж у нас есть необходимый материал, просто стыдно не использовать его. Прошло так много времени с тех пор…

— Тем не менее я желаю задать оракулу только три вопроса.

— Ну что ж, хорошо, — вздыхает Фрейдаг. — В таком случае, мы используем его, — он указывает кинжалом в сторону седобородого человека, темные глаза которого неотрывно смотрят прямо в его глаза. — Его зовут Болтаг.

— Ты знаешь его?

— Он мой отдаленный родственник, к тому же он главный предсказатель Лорда Юскига, шарлатан, конечно. Мне повезло, что наконец-то он попал мне в руки.

Тот, кого зовут Болтаг, когда произносятся эти слова, плюет на раздел «разное» в журнале.

— Ты жулик, о могущественный чтец по внутренностям! — говорит он.

— Лжец! — кричит Фрейдаг, подскакивая к нему и хватая за бороду. — Сейчас я покончу с твоей шарлатанской карьерой!

И он вспарывает ему живот. Сунув руку внутрь, он вытаскивает пригоршню и разбрасывает их по полу. Болтаг кричит, стонет, лежит неподвижно.

Фрейдаг режет кишки вдоль, перебирая их пальцами. Он приседает на корточки и наклоняется вперед.

— А теперь, что это за вопросы, сын Озириса? — спрашивает он.

— Во-первых, — говорит Гор, — где мне найти Принца, Имя Которого Тысяча? Во-вторых, кто посланник Анубиса? В третьих, где он сейчас?

Фрейдаг бормочет и дует на дымящиеся на полу внутренности. Болтаг опять стонет и чуть шевелится.

Гор пытается прочитать мысли предсказателя, но они настолько туманны, что это все равно, что смотреть из единственного окна этой комнаты.

Затем Фрейдаг начинает говорить.

— В цитадели Марачек, в Центре Средних Миров, встретишься ты с тем, кто отведет тебя пред очи того, кого ты ищешь.

— … Странно, — бормочет Болтаг, качая головой, — ты прочитал эту часть правильно. Но твое падающее зрение было затуманено… этим кусочком ободочной кишки, которую ты по ошибке… положил вместе с другими…

Огромным усилием Болтаг перекатывается ближе, хватая ртом воздух.

— И ты… не сказал… Великому Гору… что ему

грозят страшные силы… и что в результате он будет побежден…

— Молчание! — вскрикнул Фрейдаг. — Я не приглашал тебя для консультаций!

— Это мои кишки, и я не желаю, чтобы над ними гадал жулик!

— Следующие два ответа неясны мне, дорогой Гор, — говорит Фрейдаг, рассекая еще одну кишку.

— Фальшивый колдун! — рыдает Болтаг. — Марачек также приведет его к посланнику Анубиса, имя которого написано моей кровью… там… на передовице журнала! Это имя… Оаким…

— Ах, лгун! — вскрикивает Фрейдаг, рассекая кишку дальше.

— Подожди! — говорит Гор.

Рука падает на плечо предсказателя.

— Здесь твой коллега говорит правду, потому что я знаю, что сейчас его действительно зовут Оаким.

Фрейдаг замолкает, внимательно глядя на передовицу.

— Аминь, — соглашается он. — Даже любитель иногда может иметь короткое прозрение.

— Значит, все-таки мне судьба встретиться с этим Оакимом, если я отправлюсь в это место

— Марачек, а я должен туда отправиться. Но как же все-таки насчет моего второго вопроса: я хочу знать настоящее имя человека, которого называют Оакимом. Кем он был перед тем, как Повелитель Анубис дал ему это новое имя и послал своим эмиссаром из Дома Мертвых?

Фрейдаг водит своей головой почти у самого пола, перемешивает кишки, лежащие перед ним, опять что-то режет.

— Это, Великолепный Гор, скрыто от меня. Оракул не желает открывать…

— Негодяй! — с трудом вскрикивает Болтаг. — … Это… Здесь так ясно… видно…

Гор прослеживает за умирающей мыслью. Но вожделенного имени он не может прочесть, потому что у колдуна кончились силы.

Гор закрывает глаза и дрожит, потому что имя это, которое он чуть было не уловил, внезапно исчезает совсем.

Когда Гор опускает руку, Фрейдаг опять стоит на ногах и, улыбаясь, смотрит на своего мертвого родственника.

— Шарлатан! — говорит он, фыркая, и вытирает руки о передник.

Странная маленькая звериная тень шевелится на стене.

Оружие и Железный Генерал

Бриллиантовые копыта бьют в землю, поднимаясь, падая, снова поднимаясь.

Оаким и Железный Генерал стоят лицом друг к другу, не двигаясь.

Проходит минута, затем три, и теперь уже копыта зверя, по имени Бронза, бьют землю с грохотом грома в центре ярмарки на Блисе, потому что с каждым ударом их сила увеличивается в два раза.

Говорят, что битва фуги и ее исход в основном предрешаются в самые первые моменты концентрации внимания, перед началом самой темпоральной фазы, в те самые мгновения, которые будут стерты с лица Времени исходом самой битвы; как будто их никогда не существовало вовсе.

Земля теперь уже дрожит от ударов Бронзы, и голубой огонь вырывается из его ноздрей, прямо на Блис.

Оаким сейчас весь блестит от пота, а пальцы Железного Генерала дергаются, особенно тот, на котором он носит кольцо из человеческой кожи.

Проходит одиннадцать минут.

Оаким исчезает.

Железный Генерал исчезает.

Бронза опять ударяет о землю, и тенты падают, рушатся здания, в земле появляются трещины.

Тридцать секунд назад Оаким стоит позади Генерала и Оаким стоит перед Генералом и Оаким, который стоит позади, который в это самое мгновение только появился, сжимает обе руки вместе и поднимает их высоко над головой, чтобы нанести мощный удар по металлическому шлему… в то время как тридцать пять секунд назад Железный Генерал появляется позади Оакима, отводит назад руку, затем резко выбрасывая ее вперед… Да, осторожность во времени необходима, чтобы сохранить свое будущее существование.

Когда идешь вперед во времени… Или назад…

… В то время, как и в это время, Бронза вздымается на задние ноги и бьет копытами по земле, и вероятный город дрожит в своем основании.

… И Оаким сорока секунд до начала атаки, видя его появление, отправляется на двадцать секунд назад — таким образом завершая одну минуту вероятного времени битвы фуги, которая, собственно, может быть подвержена изменениям.

… Генерал сорока семи секунд до начала атаки отступает еще на пятнадцать секунд, чтобы

напасть, в то время как его образ этого момента смотрит на него и отступает на восемь секунд…

Оаким одной минуты тому назад отступает на десять секунд…

Фуга!

Оаким за спиной Железного Генерала, атакуя, в минус семьдесят секунд, видит Генерала за спиной Оакима, атакуя в то время, как оба они видят его, а он видит их обоих.

Все четверо исчезают, с разницей в одиннадцать, пятнадцать, девятнадцать и двадцать секунд.

… и все это время Бронза поднимается на дыбы и бьет копытами землю, а волны землетрясения идут все дальше и дальше. Начало их поединка остается прежним, и Генерал перед Генералом, и Оаким перед Оакимом стоят в фуге.

Пять минут и девять секунд в будущем двенадцать Генералов и девять Оакимов глядят друг на друга, застыв как в трансе.

… Восемь минут и шестнадцать секунд до начала атаки, сто двадцать три Оакима и сто тридцать один Генерал напряглись, выбирая момент…

Чтобы атаковать всем вместе, в пределах этого мгновения, оставив себя из прошлого защищаться самим — возможно, если это мгновение

выбрано правильно, пасть, и таким образом кончить поединок. Опираясь на свои мгновенные решения и интуицию, каждый выбрал именно это мгновение, как самое выгодное для того, чтобы обеспечить себе будущее и держать его в фокусе. И в то же время как армии Оакимов и Генералов сталкиваются в битве, земля начинает дрожать под их ногами, и канва самого времени протестует против такого грубого с ним обращения. Начинает дуть ветер, и все вокруг бойцов становится нереальным, колеблясь между бытием, созданием и после-бытием. А где-то Бронза бьет своими бриллиантовыми копытами в континент и ожигает его лавинами огня. Окровавленные, с переломанными позвоночниками трупы Оакима и куски уничтоженных Генералов несутся в местах далеких от места сражения и сдуваются ветром. Это вероятные мертвые, потому что теперь они еще не могли быть убиты в прошлом, а будущее не переделывается. Фокус фуги становится напряженным мгновением, и они сталкиваются с такой силой, что перемены происходят по всей вселенной, поднимающейся, сжимающейся, проходящей мимо, в то время как Время опять обманывает Историю, обводя ее вокруг событий.

Недалеко от места их схватки Бронза бьет копытами в землю, и где-то начинает разваливаться город. Поэт поднимает свою трость, но ее зеленый огонь не может затмить голубого огня, который вырывается из ноздрей Бронзы, как фонтан над миром. Теперь на Блисе осталось уже девять городов, и Время сжигает их. Здания, машины, трупы, дети, павильоны — все уносится ветром, раздувающим пламя, и они проносятся мимо ярмарки. Посмотрите, какие они разноцветные. Красный? Вот берега реки, над которыми висит зеленый пар тремя лимонно-желтыми мостами. Теперь море стало небом, в котором гуляют ураганные ветры. Запахи Блиса — дым и горелая плоть. Звуки — крики, звон, быстрый стук бегущих ног…

— Прекратите! — кричит Брамин, становясь огромным, сверкающим великаном посредине этого хаоса. — Вы уничтожите весь мир, если не остановитесь! — кричит он, и голос его громыхает, как гром, и в нем слышится звон литавр и мощь труб.

— Штатские умирают! — кричит мгновение Генерала.

Мгновение Оаким смеется.

— Какую разницу может иметь форма в Доме Мертвых?

— Большая зеленая дверь начинает открываться в воздухе, материализуется, Брамин уменьшается в размерах.

Когда дверь распахивается настежь, они бегут к ней, глядя как за дверью перекатываются большие волны океана.

Армии Оакима и Генерала тоже подхватывают волны хаоса и несут ветрами перемен, пока их тоже, наконец, не доносит до зеленой двери, которая сейчас распахнута настежь, как сверкающий магнит — водоворот. Все еще продолжая сражаться, они влетают в нее, и их засасывает туда одного за другим.

Бронза начинает двигаться более медленно, когда дверь закрывается, но прежде чем хаос возникает на том самом месте, где она только что находилась, Бронзе удается протиснуться сквозь эту дверь.

Затем рев и движение прекращается, и весь мир Блис, кажется, вздыхает с облегчением. Многое на нем уничтожено, и люди умирают в ту минуту, которая может быть теми тридцатью секундами до того, как Оаким и Генерал начали фугу, которая сейчас уже не начнется на уничтоженной ярмарке, земля которой покрыта трещинами и дымящимися кратерами.

Среди сломанных арок, разрушенных башен, остатков зданий идет Спасение с обнаженной огненной шпагой. Лихорадка дня опускается на Блис из Домов Энергии, и где-то лает собака.

Гнев рыжеволосой

Мегра из Калгана бежит, полу ослеп ленная, сквозь многоликую толпу. Когда она бежит, раздается новый ужасный крик, вырывающийся из многих глоток. Холодный дикий ветер начинает дуть по разноцветной и разнообразной ярмарке. Оглядываясь назад, она видит всадника, от которого не может оторвать глаз, и ноги ее начинают заплетаться среди обрушившихся тентов и хлопающих на ветру флагов.

Это Железный Генерал на спине Бронзы, скачущей вперед. Он опускается вниз все медленнее и медленнее. Она читала о нем, слышала о нем, потому что он существует в апокалипсисах всех наций и народов.

Огромный зверь Бронза меняет направление, замедляя с каждым шагом свой бег, спускаясь на разрушенный павильон, где Мегра оставила Оакима и Мадрака, воинов священника сражаться друг с другом. Маленький рост Мегры мешает ей видеть в толпе, и перед ее глазами лишь живая стена.

Потом она теряет из поля зрения и Железного Генерала, но она продолжает протискиваться

сквозь множество ног по направлению к павильону, где происходил последний бой.

Сейчас она уже пользуется своей силой, чтобы проложить себе путь, и там, где другим было бы не протолкнуться, она двигается, как пловец среди водорослей из рук и ног, машин с лицами и перьями, женщин с мигающими огоньками в грудях, мужчин со шпорами в суставах, обычных людей всех шести рас, женщин, у которых с музыкальной нотой все время вываливается одна голубая грудь, нотой, которая достигает крещендо, которую больно слушать. Мегра проходит рядом с человеком, который несет свое сердце рядом с собой в гудящей корзинке, она ударом отбрасывает в сторону существо, похожее на нераскрытый зонтик, которое в страхе пытается присосаться к ней своими щупальцами, пробирается сквозь толпу зеленых карликов, сворачивает на дорожку между павильонами, а вокруг нее свет постепенно начинает меркнуть, и она ударяет по чему-то небольшому, которое кругами летает над ее головой и верещит.

Тогда она поворачивается и видит необыкновенное зрелище.

Красная колесница, с пустыми местами для лошадей, все еще дымящаяся от пыльного неба.

Колеса ее проделали глубокие борозды в земле.

В колеснице стоит закутанная в плащ с вуалью фигура высокой женщины. Локон ее рыжих волос, с оттенком красного, как кровь, свисает вниз. Ее красивая рука почти такая же красная, как и ногти, держит поводья, которые идут в пустоту перед колесницей. Летающее создание, которое верещало над головой Мегры и которое она ударила, сейчас сидит на ее плече и безволосый хвост его дергается.

— Мегра с Калгана, — говорит голос, что ударяет ее, как перчатка, усыпанная драгоценным камнями, — ты пришла ко мне, как я только пожелал.

Пар, который поднимается из колесницы, кружится вокруг красной женщины.

Мегра начинает дрожать, чувствуя, будто кусок черного льда, лежащего в межзвездном пространстве, дотронулся до ее сердца.

— Кто ты? — спрашивает она.

— Меня зовут Изидой, Матерью Праха.

— Зачем ты искала меня? Я знаю тебя, Леди, только по легендам.

Изида смеется, и Мегра протягивает руку и хватается за крепление павильона справа от себя.

— Я искала тебя, мой маленький кролик, чтобы наложить страшное заклятие.

— Но почему, Леди? Я ничего плохого не сделала.

— Может быть, и нет. Я могу ошибиться, хотя не думаю. Однако скоро я это узнаю. Мы должны подождать.

— Чего?

— Исхода битвы, которая, как я предвижу, скоро произойдет.

— Как ни приятно мне находиться в твоем обществе, я не могу ждать, какой бы благородной целью ты не задавалась. Ты должна извинить меня. У меня есть дело…

— … Жалости! Я знаю.

И тут она опять смеется, а рука Мегры сжимается на металлической стойке, так что стойка подается под ее рукой, и павильон сильно кренится вправо.

Смех Изиды затихает в воздухе.

— Наглое дитя! Ты посмела поднять на меня руку?

— Подниму, если будет необходимо, хотя я сомневаюсь в этом, госпожа.

— Тогда замри на месте, как статуя, там, где стоишь!

Ведьма дотрагивается до рубиновой подвески на своем горле, и оттуда исходит луч света и па-

дает на Мегру.

Борясь с параличом, который начинает ее охватывать, Мегра кидает металлический прут по направлению к Изиде. Он сверкает в воздухе, падая к колеснице.

Выронив вожжи и подняв руку, Изида продолжает держать свою подвеску, из которой сейчас вырывается целый сноп лучей, они падают на летящий вращающийся прут, который мгновение сверкает, как метеор, а потом исчезает, и только расплавленный кусочек металла падает на землю рядом с колесницей.

В эти секунды Мегра чувствует, что освободилась от ледяного оцепенения, охватившего ее, и броском кидается к колеснице, ударяя в нее своим плечом, так что Изида оказывается сброшенной на землю, а служка скулит и верещит за большим колесом.

Мегра быстро подскакивает к ведьме, готовая ударить ее ребром ладони, но на мгновение замирает, пораженная красотой Изиды: огромные черные глаза на овальном лице, сверкающем жизненной силой, ресницы, которые порхают, как крылья бабочки, достигают бровей, зубы розовые, как кожа, обнаженные во внезапной огненной улыбке.

Темнота становится все глубже, а ветер все сильнее, и внезапно самое земля сотрясается, как от какого-то далекого удара.

Свет подвески вновь падает на Мегру, Изида пытается подняться на ноги, падает на колени и хмурится.

— Ох, дитя, что тебя ожидает! — говорит Мегра, и она, вспоминая старые легенды, молится не только единственному богу официальной религии, но и тому, который давно пал: — Озирис, Повелитель Жизни, избавь меня от гнева твоей наложницы! Если ты не услышишь моей молитвы, я обращусь к мрачному богу Сету, которого одновременно и любит и страшится эта леди. Спаси мою жизнь!

А затем слова застревают у нее в горле. Теперь уже Изида стоит на ногах и смотрит на нее, а земля дрожит и сотрясается от бешеных ударов, и все небо и земля затянуты пылью. Издалека теперь можно видеть голубое сияние, и откуда-то доносится звук битвы двух армий. Раздаются крики, вопли, свистки. Горизонт колеблется, будто омываемый волнами моря.

— Может быть, ты думаешь, — вскрикивает Изида, — что все это — ответ на твои кощунственные молитвы? Ошибаешься! Я знаю, что не

должна убивать тебя сейчас, но я сделаю с тобой нечто куда более страшное. Я дам тебе в дар то, что будет одновременно и великой нечеловеческой мудростью, и самым большим человеческим стыдом. Потому что я узнала все, для чего ты явилась на Блис, и должна отомстить! А сейчас пойдем со мной в колесницу! Живо! Этот мир может скоро прекратить свое существование, потому что Генерал не побеждает твоего любовника! Проклятье!

Медленно, неохотно подчиняются мускулы Мегры этому приказу и она входит в колесницу, Рыжая Ведьма входит за ней и становится рядом, поправляя вуаль. Где-то далеко зеленый великан бросает на ветер слова, которые невозможно расслышать. Какие-то блестящие осколки кружатся повсюду на том месте, которое когда-то было ярмаркой. Все туманится, раздваивается, троится, одни образы исчезают, другие остаются. На земле появляются трещины и пропасти. Вдали рушится целый город. Маленький служка с визгом прячется в плаще ведьмы. Пыль исчезает, и ночь летит на них, как гром, и все разноцветное собирается вместе в тех местах, где вообще не должно быть никакого цвета. Изида поднимает поводья, и красное пламя поднимается над колесницей, ничего не сжигая, но окружая ее

рубиновым сердечником, или языком феникса. И внезапно пропадает всякое движение, и звук его, и все другие звуки. Теперь уже мир, который называется Блис, с его горестями и чумой лежит далеко позади них, как яркое отверстие колодца, в который они спускаются и по краям которого сверкают уходящие звезды.

То, что плачет ночью

В те дни, когда я правил
как Повелитель Жизни и Смерти, —
говорит Принц, Имя Которому Тысяча, —
в те дни
по просьбе людей
окружил я Средние Миры
океаном энергии
с его прибоями, приливами и отливами,
чтобы все менялось вместе
с этим мирным океаном:
рождение,
рост,
смерть —
волны в нем.
Затем все это я отдал
под управление Ангелам,
Создав Посты их

на границах
Средних Миров,
чтобы руки их управляли
приливами и отливами.
И много веков
мы провели так,
поддерживая жизнь,
смягчая смерть,
помогая росту,
расширяя
берега этого огромного,
огромного
океана.
И все больше и больше
Внешних миров
омывалось
его прибоем
в короне из пены созидания.
Затем однажды,
мечтая в огромной пучине
такого мира,
который был храбр,

прекрасен,
но мертв и бесплоден,
не тронутый тогда еще
жизнью,
я разбудил что-то спящее
поцелуем прибоя,
который бился.
И я, боясь того, что проснулось,
кинулся вперед.
На меня
напало,
выйдя из чрева земли,
пыталось меня уничтожить
то, что пожрало жизнь той планеты,
спало в ней всю зиму,
потом поднялось
голодным
и стало жадно искать.
Кормясь приливами жизни,
оно проснулось.
Оно коснулось тебя, моя жена,
и не смог я сохранить твое тело,

хоть
оставил твое дыхание.
Оно упивалось, как человек, вином,
жизнью,
и все оружие
в моем арсенале
испробовал я
на это нечто,
но он
не умер,
не отправился в небытие,
только
попытался улизнуть.
Я задержал его.
Забрав энергию
своих Постов,
я создал поле —
поле нейтральных энергий,
заключив в него этот мир
весь, как в клетку.
Потому что если б
оно вырвалось к планетам жизни, оно

бы пожрало их все,
и его
необходимо поэтому
было разрушить.
Я пытался его уничтожить,
но тщетно:
много раз я пытался,
и каждый раз тщетно.
И все это время
он был моим пленником
в этом безымянном мире.

Затем в Средних Мирах
начался
хаос,
от недостатка моего
управления
жизнью,
ростом
и смертью.
Велика была моя боль.
И новые я
Начал строить Посты,

но медленно.

Я мог опять окружить их полем
энергии,
но не мог я
отпустить Безымянного.
И не было у меня такой силы,
такой силы,
чтобы и держать его в плену,
и поддерживать
Миры Жизни.
И вот
среди моих Ангелов
начались раздоры и разногласья
и быстро пресек я их,
но поплатился за это
их преданностью,
как знаю теперь.
Ты, моя Нефита,
была недовольна,
когда мой отец,
рискуя гневом Ангела Озириса,
возвратился

из крайнего Среднего Мира,
чтобы познать бесконечность любви,
которая есть разрушенье.
Ты была недовольна,
потому что мой отец Сет,
самый могущественный
из всех, кто когда-либо жил,
был также
нашим сыном
в те давно минувшие дни,
нашим сыном
в те дни, в Марачеке,
после того, как я
сломал темпоральный барьер,
чтобы вновь
жить во всех временах
для мудрости Прошлого.

Не знал я тогда,
когда время прошло,
что стану отцом того,
кто моим отцом был,
солнцеглазого Сета,

Властелина Звездного Посоха,
Носителя Перчатки,
Горного Наездника.

Ты была недовольна,
но ты
ничего не сказала ему,
и Сет
приготовил себя для битвы.

Ведь Сет никогда
не бывал побежденным
и не был.
И не было такой вещи,
которую он победить бы не взялся.
Он знал,
что Железный Генерал
был уничтожен
и развеян
Безымянным.
Но он не боялся.

Вытянув правую руку,
надел на нее он Перчатку Энергии,

которая выросла тут же, покрыв его тело,
оставив лишь одни глаза, что сверкали.
Потом он обулся,
надев башмаки,
которые ему позволяли
ходить по воде и по суше,
по воздуху тоже.
Затем черной лентой привесил
он к поясу
Звездный свой Посох —
непобедимое оружье,
выкованное слепыми кузнецами
Севера.
Ведь только один он сражаться им мог.
Нет,
он не боялся.

Тогда он готов был
покинуть ту крепость,
где мы обитали,

спуститься на мир,
где жил Безымянный,
и ползал,
и тщился,
голодный и злой.
Тогда вдруг
другой его сын появился —
мой брат, мой Тайфун,
черная тень пустоты,
моля,
чтобы ему разрешили
отправиться вместо него.

Но Сет отказался.
Открыл он дорогу,
и сквозь пустоту
он отправился в мир тот.

И триста часов бились они,
по старому исчислению Времени,
прежде чем Безымянный
начал слабеть.
С еще большею яростью

Сет нападать стал,
и ранил его,
готовясь удар нанести
свой смертельный.

Он бился на водах с ним океанских
под ними,
он бился на суше
и в воздухе
бился холодном
на горных вершинах.
За ним он гонялся по всей
той планете,
готовя смертельный последний удар.

Их страшная битва
уничтожила
два континента,
кипели вокруг океаны
и пар поднимался
на небе,
заполнив его облаками.

И плавились скалы, кололись

под лазерными лучами,
сверкавшими, как бриллианты
в тумане
и паре.
И часто удерживал я Тайфуна,
который все порывался
к отцу поспешить на помощь.
Затем,
когда отступил Безымянный
на высоту в три мили
коброю дыма,
а Сет остался на месте,
одною ногою в воде,
а другою на суше,
тогда эта жалкая тварь —
Ангел Дома Жизни
Озирис проклятый —
привел в исполненье
свой замысел,
страшный предатель.

Когда еще Сет
наложницу выкрал его, Изиду,

что потом родила ему
и меня, и Тайфуна,
Озирис поклялся,
что Сет
поплатится горько за это.
Заручившись
поддержкой Анубиса,
Озирис
сжал часть поля
энергией,
как сжимают его,
чтобы вспыхнуло солнце сверхновой,
и нарушил
он в солнцах стабильность.
Еле успел понять я,
что случилось сейчас.
А Сет не успел.
Никогда еще
удар такой силы
на планету
направлен не был.
Он разрушил весь мир.

Я успел уйти,
Переносясь
на много лет световых,
далеко.
Тайфун попытался бежать
туда за пространство,
где был его дом.
Но и он не успел.
И больше не видел я брата.
И тебя, дорогая Нефита.
Отца потерял я,
что был мне сыном,
брата
и тело моей жены,
но остался
в живых Безымянный.

Как-то
создание это
выжило после
удара
Молота Разбивающего Солнца.
Оглушенный,

нашел я его позднее
среди обломков мира,
как маленькое созвездие,
окруженное пламенем
алым.

Я обвил его
паутиной энергий,
и, ослабнув,
оно рухнуло само в себя.
Тогда поместил я его
в тайное место,
за Миры Жизни,
где оно до сих пор в плену
в комнате,
где нету ни окон,
ни дверей.
Часто пытался я его уничтожить,
но не знаю,
почему же Сет не покончил с ним
своим посохом.
И оно все живет,
и все плачет.

И если его
хоть кто-нибудь выпустит
из плена,
то оно
может уничтожить
всю жизнь,
что на Средних Мирах.
Вот почему я не бился
против тех узурпаторов,
что власть захватили,
и вот почему
не борюсь до сих пор.
Я должен остаться
надсмотрщиком вечным,
пока будет он для
Жизни угроза.

И не мог я предотвратить того,
что последовало дальше.
Ангелы многих Постов
развратились,
пока я отсутствовал, и
стали биться друг с другом,

чтоб первыми быть.

И войны Постов
длились примерно лет тридцать.
Озирис с Анубисом
все поделили,
что осталось,
между собой в самом конце.
Других же Постов
не осталось.
Теперь же, конечно, всем полем
великих энергий
стали править те двое,
подвергнув
Миры голоду,
войнам,
чуме,
чтоб баланса достичь,
которого легче достичь было
мирным путем
и с помощью
многих Постов.

Но они не могли
поступить иначе,
потому что боялись
многим открыть к Энергии доступ.
Они не хотели
ту власть уступить
кому-то еще.
И даже друг с другом
они не могли поделиться.

А я
все также способ ищу,
как Безымянного мне уничтожить,
и когда это сделано будет,
использую силу свою,
чтоб Ангелов своих сместить
из двух Постов остающихся.

Легко это будет мне сделать,
хоть новые руки
должны быть готовы,
чтоб воле моей поклониться.
Тем временем будет

ужасно,
коль руки, что столько добра творят
в мире,
уничтожены будут,
в то время, как власть
свершится другими руками.

И когда
закончу я то, что
должен закончить,
использую я
энергию двух оставшихся станций,
чтоб тело твое
тебе вернуть,
моя Нефита.

И Нефита плачет у самого моря и говорит:

— Это слишком много! Этого никогда не будет!

И Принц, Имя Которому Тысяча, встает и поднимает вверх руку.

Внутри облака, которое возникает и колеблется перед ним, появляется силуэт женщины. Пот выступает у него на лбу, и силуэт делается более отчетливым. Тогда он делает шаг вперед, пытаясь обнять ее, но руки его смыкаются только на дыме,

а в ушах звучит его имя, а зовут его Тот.

Затем он остается один у моря, под морем, и свет на небе — это брюхо рыб, которые пережевывают свою рыбью пищу.

Глаза увлажняются, и он извергает проклятье, потому что знает, что это в ее власти — прекратить ее собственное существование. Он зовет ее по имени, но не получает ответа, не слышит даже эха.

Тогда он знает, что Безымянный умрет.

Он кидает камушек в океан, но камушек не возвращается.

Он скрещивает руки на груди и исчезает, а следы его ног остаются на песке и смываются морем.

Морские птицы кричат во влажном воздухе, и огромные рептилии вытягивают свои длинные шеи на тридцать футов вверх над волнами, качая головами, а потом опять исчезают в море, но уже в другом месте.

Марачек

А теперь обратите внимание на цитадель Марачек в центре Средних Миров… Мертвое. Мертвое. Цвет — прах.

Это то место, которое часто посещает Принц, Имя Которому Бог, чтобы завершить множество дел.

На Марачеке нет океанов. Здесь течет лишь несколько жалких ручейков, пахнущих, как мокрые собаки, теплых и солоноватых. Солнце этого мира — очень усталая красная крохотная звезда, слишком себя уважающая или просто слишком ленивая даже для того, чтобы стать сверхновой и засверкать блеском славы, а вместо этого проливающая свой анемичный свет, от которого глубокие синие тени отбрасывают куски камней, стоящих на огромном желтом и оранжевом пляже, которым является весь Марачек, продуваемый со всех сторон ветрами. Слабый свет звезд над Марачеком можно видеть и в полдень, вечером они светят с яркостью неона, ацетилена, фотовспышки над продуваемыми тусклыми равнинами, и почти весь Марачек плоский, хотя равнины дважды меняются в течение дня, когда

ветры достигают максимальной силы, наметая горы песка и сметая их, дробя песок все мельче и мельче, так что утренняя и вечерняя пыль целый день висит в воздухе, отчего сверху Марачек кажется еще более неприятным — все там под одну гребенку: горы постепенно изнашиваются и становятся ниже, камни все время приобретают разную форму под руками невидимого скульптора — ветра, и все постоянно захоранивается — такова поверхность Марачека, который, конечно, когда-то был славным, могущественным, плодородным и так далее. К этому заключению можно прийти, даже глядя на его сегодняшнее запустение, но на Марачеке осталось одно здание, Центр Средних Миров, которое сохранилось со старых времен и которое, несомненно, будет существовать так долго, как и сам этот мир, хотя, может быть, пески похоронят и вновь отстроят его много раз. Цитадель настолько стара, что никто не может точно сказать, когда она построена. Она может быть самым древним городом во вселенной, разрушавшаяся и чинившаяся (кто знает, сколько раз) с использованием того же самого основания, фундамента, который называется Временем, Цитадель, которая самим своим существованием показывает, что есть вещи веч-

ные, независимые от того, в каком состоянии они находятся, о чем Брамин писал в «Городе Ископаемом»; «… все сладости уничтожения не испытывали твои порталы, служить, существовать — вот вечный твой удел».

В цитадели Марачек-Карнак живут всякие твари, в основном насекомые и рептилии, которые пожирают друг друга. Одна из них (жаба) существует в данный момент времени под перевернутым кубком на старинном столе в самой высокой башне Марачека — северо-восточной. Больное солнце поднимается над пылью и тусклостью, и звездный свет становится не так заметен. Это и есть Марачек.

Когда Брамин и Мадрак появляются там из дверей Блис, они усаживаются за этот стол, который весь сделан из единого куска розовой субстанции, которую не может уничтожить само время.

Это то самое место, куда духи Сета и чудовищ, с которыми он дерется, переносятся в мраморной памяти уничтоженного и заново отстроенного Марачека, самого древнего и вечного города.

Брамин восстанавливает левую руку и правую ногу Генерала, он поворачивает его голову, так что теперь она снова смотрит в правильном направлении, затем он устанавливает какое-то

приспособление на шее Генерала, чтобы голова держалась.

— А как поживает другой? — спрашивает он.

Мадрак опускает правое веко Оакима и кладет его кисть.

— Наверное, в шоке. Интересно, вырывали ли кого-нибудь раньше из самого разгара битвы фуги?

— Насколько я знаю, нет. Мы, несомненно, открыли новый синдром — «усталость фуги» или «темпоральный шок» — можно назвать и так. Может быть, наши имена еще внесут в учебники.

— Что ты собираешься делать с ними? Ты в состоянии их оживить?

— Чего же тут сложного? Но только тогда они все начнут сначала и, вероятно, не остановятся, пока не уничтожат и этот мир.

— Не особенно много придется им здесь уничтожать. Может быть, нам заняться продажей билетов, а потом освободить их? Можем заработать кучу денег.

— О циничное чудовище, продавец индульгенций! Только монах мог придумать такой план!

— Вот еще. Мне подсказали его на Блисе, если ты помнишь.

— Верно. Когда выяснилось, что игральная

карта Жизни тоже может быть бита. Тем не менее в данном случае я думаю, что нам лучше отправить их каждого в свой мир и пусть дальше разбираются сами.

— Тогда зачем ты привез их в Марачек?

— Я этого не делал, их втянуло через дверь, когда я открыл ее. Сам я стремился в это место, потому что центра достичь легче всего.

— Тогда у меня нет больше предложений.

— Давай немного отдохнем, а этих двоих я погружу в транс. В конце концов мы всегда может открыть себе новый путь и уйти отсюда.

— Это будет вопреки моим этическим правилам, брат.

— Не говори мне об этикете, нечеловечный ты человек! Поставщик *лжи* жизни, выбираемой себе человеком! Тоже мне, святой!

— Все равно я не могу оставить человека умирать!

— Ну хорошо… Эге! Кто-то здесь был до нас и удушил жабу!

Мадрак поворачивает голову и смотрит на кубок.

— Я слышал рассказы о том, что много веков могут они выдержать в крохотных безвоздушных пространствах. Интересно, как долго находилась

здесь эта? Если бы только она была жива и могла говорить! Возможно, она была свидетельницей многих славных событий!

Брамин подходит к окну, и…

— Кто-то идет, — говорит он. — Теперь мы можем с чистой совестью оставить здесь этих двоих.

На зубчатой стене, стоя как статуя, Бронза ржет, как паровой свисток, и бьет тремя копытами. Потом она выдыхает лазерные лучи в наступающий день, и ряд ее глаз начинает моргать.

— Что-то приближается, хотя еще неощутимо, сквозь пыль и ночь.

— Так уходим?

— Нет.

— Я разделяю твои чувства.

Они ждут.

Сексоскоп

Каждый знает, что некоторые машины умеют заниматься любовью плотской. За метафизическими писаниями Святого Иакова, Механофила, который считает мужчину сексуальным органом машины, создавшей его, и чье существование необходимо, чтобы исполнилась судьба механизма, производящего поколение за поколением машиноподобных, все модели механической эволюции совершаются через человека, до той поры, пока он не исполнит своего предначертания и не будет достигнуто совершенство. А вот тогда уже может произойти Великое Кастрирование. Святой Иаков, вне всякого сомнения, еретик. Было доказано уже неоднократно, что машине необходим род. Теперь, когда человек и машина часто обмениваются компонентами и целыми системами, можно добиться любого соотношения человек — машина. Сам человек, орган предположительный, таким образом достигнет своего апофеоза через самопожертвование и искупление. Тогда можно больше не говорить о Великом Кастрировании и не задумываться о том, как разделить машину и ее создателя. Человек всегда

остается как часть Большой Картины.

Все знают, что машины занимаются любовью. Не в грубом смысле этого слова, конечно, как те мужчины и женщины, что по каким-то экономическим соображениям сдают свои тела на год или на два одной из компаний, чтобы быть присоединенным к машинам. Тогда их кормят внутривенно, дают им изометрические упражнения, погружают их сознание (или, скорее, отключают его) или подключают мозговые стимуляторы, которые обеспечивают правильные движения. Сеанс длится не более пятнадцати минут: в клубах удовольствий и наслаждений, в «лучших домах» и просто в публичных заведениях для развлечения других. Нет. Хотя машины занимаются любовью через человека, многие их функции так перемешались, что они в основном занимаются духовной любовью.

А теперь подумайте о том уникальном феномене, который только что возник.

Плежер-Комп — компьютер удовольствий и наслаждений, который, как оракул, может отвечать на бесконечно большой круг вопросов. Но сделает это только в том случае, если вопрошавший будет правильно стимулировать его, то есть удовлетворять. Многие из вас входили в програм-

мирующий будуар, чтобы поставить и разрешить важнейшие проблемы, и не замечали при этом, как быстро течет время. Но об этом позже.

Поручение

Это идет Гор, который, видя на стене Бронзу, останавливается и говорит:

— Откройте эти дурацкие ворота, или я разобью их!

На что Брамин отвечает через стену:

— Я не закрывал их и открывать не собираюсь. Входи сам, как знаешь, или ешь пыль.

Гор бьет ногой в ворота, и те падают, и при этом Мадрак слегка удивляется, а Гор поднимается по витой лестнице в самую высокую башню. Войдя в комнату, он смотрит на поэта и священника-воина с некоторой угрозой, вопрошая:

— Кто из вас двоих отказался впустить меня?

Оба делают шаг вперед.

— Два дурака! Знаете ли вы, что я — бог Гор, только пришедший из Дома Жизни?

— Извини, что это не произвело на нас потрясающего впечатления, бог Гор, — говорит Мадрак, — но нас тоже сюда никто не впускал, и мы тоже вошли сами.

— Как вас зовут, мертвецы?

— Я — Брамин, к вашим услугам, но, конечно, смотря к каким…

— … А я — Мадрак.

— А! Я кое-что знаю о вас двоих. Почему вы здесь и что это за падаль на столе?

— Мы здесь, сэр, потому что мы не в другом месте, — говорит Брамин, — а на столе находятся два человека и одна жаба, и должен заметить, что любой из них лучше, чем ты.

— Неприятностей можно легко добиться, хотя во что они выльются, не всегда удается предугадать, — говорит Гор.

— Могу я поинтересоваться, что привело так скудно одетого бога мести в это злосчастное место? — спрашивает Брамин.

— Ну конечно же месть. Кто-нибудь из вас, бродяг, не видел недавно Принца, Имя Которому Тысяча?

— Лично я не видел, причем говорю правду.

Я тоже.

— Я пришел сюда в поисках его.

— Почему сюда?

— Оракул назвал мне это место. И хоть мне не очень хочется биться с героями — а я знаю вас как таковых, — я считаю, что вы должны извиниться за прием, который мне здесь оказали.

— Справедливо, — говорит Мадрак, — но ты должен знать, что за последние несколько часов

мы страшно утомились, а волосы наши только что буквально стояли дыбом при виде недавней битвы. Может быть, глоток доброго красного вина выразит наши чувства, тем более, что во всем этом мире всего одна его фляга?

— Этого достаточно, если вино будет хорошим.

— Тогда подожди немного.

Мадрак достает свою фляжку с вином, делает глоток, чтобы показать, что вино не отравлено, оглядывает глазами комнату.

— Подходящий сосуд, сэр, — говорит он и поднимает перевернутый кубок, который лежит на столе.

Вытирая его чистой тряпкой, он наливает вино и протягивает кубок богу.

— Благодарю тебя священник-воин. Я принимаю его. Но что это была за битва, так взволновавшая вас, что вы даже забыли о хороших манерах?

— Это, кареглазый Гор, была битва на Блисе между Железным Генералом и тем, кого называют Оакимом Скитальцем.

— Железный Генерал? Невозможно! Он мертв уже несколько веков. Я сам убил его!

— Многие его убили. Но ни один не уничтожил.

— Эта куча металлического лома на столе? Неужели это действительно Принц Недовольных, который когда-то стоял передо мной, как бог?

— Еще до того, как ты появился на свет, он был могуществен, — говорит Брамин, — и когда люди забудут о Горе, он все еще будет Железным Генералом. Не имеет никакого значения, на чьей стороне он сражался. Выигрывает он или проигрывает, он — дух восстания, который никогда не может умереть.

— Мне не нравятся эти разговоры, — говорит Гор. — Ведь если разобрать его по частям и уничтожить каждую часть в отдельности, а потом развеять пыль по всему космосу, он перестанет существовать.

— И это тоже было сделано. И много веков подряд его последователи собирали его, пока не собрали заново. Этот человек, этот Оаким, похожего на которого я раньше не встречал, — говорит Брамин, — высказал ту же мысль, что и ты, как раз перед сражением в фуге, которая сотрясла весь мир. Единственная причина, по которой они сейчас валяются, — извини меня за то, что я не выбираю выражений, это та, что я не позволяю им пробудиться и выйти из состояния темпорального шока.

— Оаким? Это и есть смертоносный Оаким?.. да, могу в это поверить, приглядевшись к нему повнимательнее. Как вы думаете, кто он на самом деле? Такие герои не появляются просто так, из пустоты.

— Я ничего о нем не знаю, кроме того, что он настоящий силач и мастер фуги, который появился на Блисе в его последние дни, перед черным прибоем, может, для того, чтобы ускорить его приближение.

— И это все, что ты о нем знаешь?

— Это все.

— А ты, могущественный Мадрак?

— Я знаю не больше…

— Допустим, мы разбудим его и допросим?

Брамин поднимает свою трость.

— Только дотронься до него, и я буду оспаривать твое право присутствовать здесь. Он слишком опасен, как индивид, а мы пришли сюда отдохнуть.

Гор кладет руку на плечо Оакима и слегка трясет его. Оаким стонет.

Знай же, что жезл жизни — это также и копье смерти! — вскрикивает Брамин и одним движением пронзает жабу, которая сидит прямо у левой руки Гора.

Прежде чем Гору удается повернуться, внезапно по комнате проходит порыв ветра, и жаба взрывается, превращаясь в какую-то огромную форму, сидящую в центре стола.

Его длинные золотистые волосы чрезвычайно густы, его тонкие губы чуть раздвигаются в улыбке, его зеленые глаза смотрят на стол у его ног.

Принц, Имя Которому Жаба, дотрагивается до красного пятна на своем плече и говорит Брамину:

— Разве ты не знаешь, что было написано «будь добр к птице и зверю»?

— Киплинг, — говорит Брамин, улыбаясь. — А также Коран.

— Изменяющий свою форму недоносок, — говорит Гор, — ты и есть тот, кого я ищу — называемый многими «Принц»?

— Должен признаться, что ношу этот титул. И знай, что ты отвлек меня от медитации.

— Приготовься же встретить свою судьбу, — говорит Гор, вытаскивая стрелу — это единственное оружие — из-за пояса и ломая ее наконечник.

— Неужели ты думаешь, что я не осведомлен о твоих силах, брат? — говорит Принц, в то время как Гор поднимает наконечник стрелы, зажатый между его большим и указательным пальцами.

— Неужели ты думаешь, брат, что я не знаю, что ты можешь увеличивать силой своего разума массу или скорость любого предмета в тысячу раз.

Что-то сверкает в руке Гора. На другом конце комнаты раздается громкий треск. Принц в это время неожиданно оказывается в двух футах слева от того места, где стоял раньше, а наконечник стрелы пронзает шестидюймовую металлическую плиту и продолжает свой полет в пыльное ветреное утро, в то время как Принц продолжает говорить:

— … и разве ты не знаешь, брат, что я с такой же легкостью могу перенестись на любое расстояние, в самые дальние уголки космоса, с такой же легкостью, как и та, с которой я избежал твоего удара? Даже могу покинуть Средние Миры?

— Не называй меня братом, — говорит Гор, поднимая вверх древко стрелы.

— Но ведь ты мой брат, — говорит Принц. — По крайней мере, у нас одна и та же мать.

Гор роняет древко на пол.

— Я тебе не верю!

— А как ты думаешь, откуда у тебя вообще силы бога? От Озириса? Косметическая хирургия могла дать ему голову цыпленка, а его потуги — прине-

сти успех в математике, но ты и я, оба умеющие изменять наш образ, мы — сыны Изиды, Ведьмы Лоджии!

— Будь проклято имя моей матери!

Миг, и Принц стоит уже рядом с ним на полу комнаты и бьет его по щекам обратной стороной ладони.

— Я мог бы убить тебя сотню раз, если бы только пожелал, — говорит Принц, — пока ты стоишь здесь. Но я удержался, потому что ты мой брат. Я могу убить тебя сейчас, но я не сделаю этого. Потому что ты — мой брат. У меня нет никакого оружия, потому что я в нем нуждаюсь. Я не желаю никому вреда, потому что иначе жизнь стала бы мне слишком в тягость. Но не говори плохо о нашей матери, потому что то, что она делает, — это ее личное дело. Я не восхваляю ее, но и не упрекаю. Я знаю, что ты явился сюда убить меня. Если ты действительно желаешь этого, попридержи свой язык, брат.

— Тогда давай больше не говорить о ней.

— Очень хорошо. Ты знаешь, кем был мой отец, поэтому ты должен знать, что я не новичок в воинском искусстве, И дам тебе шанс убить меня в битве один на один, без оружия, только руками, если сначала ты выполнишь одно мое поручение.

В противном случае я уйду и найду себе для этой цели кого-нибудь другого, а ты можешь весь остаток своих дней провести в розысках моей особы.

— Тогда это, наверное, имел в виду оракул, — говорит Гор.

— И это принесет мне несчастье. Тем не менее я не могу упустить шанс исполнить свою миссию прежде, чем ее выполнит посланник Анубиса, этот Оаким. Я не знаю о его силах, они могут превосходить твои. Я согласен на мир с тобой, согласен выполнить твое поручение и потом убить тебя.

— Этот человек — убийца из Дома Мертвых? — спрашивает Принц, глядя на Оакима.

— Да.

— Ты знал об этом, мой Ангел Седьмого Поста? — спрашивает Принц.

— Нет, — говорит Брамин, слегка кланяясь.

— И я не знал, повелитель, — говорит Мадрак.

— Поднимите его и Генерала.

— Наше соглашение не состоится, — говорит Гор, — если это будет сделано.

— Пробудите их обоих, — говорит Принц, складывая руки на груди.

Брамин поднимает свою трость, и языки зеленого света выходят из нее и опускаются на

распростертые тела.

Снаружи ветер начинает дуть с еще большей силой. Гор переводит глаза с одного присутствующего на другого, потом говорит:

— Ты повернулся ко мне спиной, брат. Повернись так, чтобы я видел твое лицо, когда буду тебя убивать. Как я сказал, наше соглашение не состоится.

Принц поворачивается.

— Эти люди тоже нужны мне.

Гор качает головой и поднимает руку.

— А затем…

— Какая трогательная семейная встреча, — говорит голос, заполняющий собой всю комнату. — Наконец-то мы, три брата, встретились вновь.

Гор отдергивает руку, как от осы, потому что тень черной лошади ложится между ним и Принцем. Он закрывает глаза рукой и опускает голову.

— Я забыл, — говорит он, — но из того, что сегодня узнал, следует, что я тоже твой брат.

— Не расстраивайся так сильно, — говорит голос, — потому что я узнал об этом много веков назад и научился не отчаиваться от этого.

И Оаким и Железный Генерал пробуждаются от смеха, который похож на поющий ветер.

Бротц, Пуртц И Дульп

— Передай булавку, пожалуйста.

— Что-что?

— Булавку! Булавку!

— У меня ее нет.

— О! Она у меня.

— Почему же ты не сказал об этом?

— А почему Ты меня не спросил?

— Прости. Просто дай ее мне. Спасибо.

— Почему ты все время продолжаешь над ней работать, однако? Она же готова.

— Просто чтобы провести время.

— Неужели ты серьезно думаешь, что он пошлет за ней?

— Конечно, нет. Но это еще не причина, чтобы выпускать недоброкачественную продукцию.

— А вот я думаю, что он обязательно пошлет за ней.

— А кто тебя спрашивает?

— Я просто высказываю свое мнение.

— Для чего она ему нужна? Орудие, которое никто не может использовать.

— Если он ее заказал, значит, она ему нужна. Он единственный из них всех, кто приходит сюда

по делу, и должен сказать, что он настоящий джентльмен. В один из этих дней либо он сам за ней придет, либо кого-нибудь пошлет.

— Ха!

— Вот тебе и «ха»! Подожди, сам увидишь.

— А что еще нам остается делать?

— На, возьми свою булавку обратно.

— Можешь сесть на нее.

Цербер зевает

Пес швыряет перчатку от головы к голове, пока, зевая, не роняет ее, промахиваясь. Он выгребает перчатку из-под костей, которые лежат у его ног, машет своими хвостами, сворачивает и закрывает четыре глаза.

Другие его глаза горят, как угли, в той плотной темноте, которая лежит за Не Той дверью.

Наверху, в заваленной пещере, ревет минотавр…

Бог — это любовь

Пятьдесят тысяч молящихся на Старые. Башмаки, ведомые шестью кастратами-священниками, поют изумительный гимн на арене.

Тысяча напоенных наркотиками воинов, твердящих «слава, слава, слава», потрясают своими копьями перед алтарем Неносимых.

Мягко начинается дождь, но его мало кто замечает.

Никогда не быть

Озирис, держа в руках череп и нажимая на кнопку сбоку, обращается к нему, говоря:

— Знай же, смертная, что ты теперь навсегда обитательница Дома Жизни. Когда-то красивая, цветущая — ты увяла. Когда-то правдивая — ты дошла до этого.

— А кто, — отвечает череп, — довел меня до этого? Только ведь Повелитель Дома Жизни и не дает мне покоя.

И Озирис отвечает ей:

— Знай также, что я использую тебя вместо пресс-папье.

— Если ты действительно когда-то любил меня, то разбей на кусочки и позволь умереть! Не мучай остатки той, что когда-то любила тебя.

— Ах, моя дорогая, однажды я могу решиться опять дать тебе тело, чтобы вновь почувствовать твои ласки.

— Даже мысль об этом мне отвратительна.

— И мне тоже. Но когда-нибудь это сможет развлечь меня.

— Неужели ты мучаешь всех, кто вызывает в тебе неудовольствие?

— Нет, нет, о раковина смерти, не думай так! Правда, Ангел Девятнадцатого Дома пытался убить меня, но его нервная система живет, вплетенная в ткань этого ковра, на котором я стою; правда также и то, что другие мои враги существуют в элементарных формах в различных местах моего дома, например, в каминах, холодильниках и пепельницах. Но не думай, что я мстителен. О нет, никогда. Как повелитель жизни я чувствую себя обязанным отплатить всем тем, кто угрожает жизни.

— Я не угрожаю тебе, милорд.

— Ты угрожала покою моего ума.

— Потому что я напоминала тебе покойную жену, леди Изиду?

— Молчать!

— Да! Я напоминала тебе Королеву Проституток, твою невесту! По этой причине ты возжелал меня, а потом возжелал моего уничтожения!

— Молчать!

Череп замолкает, потому что Озирис что есть силы швыряет его о стену.

Когда череп распадается на куски, и они падают на ковер, Озирис с гневом кидается к панели управления на своем столе, нажимает разные кнопки, и начинают раздаваться голоса, один из

которых доносится из громкоговорителя, расположенного высоко на стене:

— О, умный череп, так обмануть глупого бога!

Посмотрев на панель управления и узнав, что это говорит ковер, Озирис подходит к нему и начинает прыгать на нем вверх и вниз.

Раздаются дикие стоны.

Могущество пса

В пространствах темных и чем-то постыдных, на Мире Валдик, появляются два героя: Мадрак и Тайфун. Посланные Тотом Гермесом Трисмегистусом украсть перчатку, обладающую необычной силой, они отправились сражаться с хранителем этой перчатки. Мир Валдик давно опустошен, и на нем живет орда существ, обитающих под поверхностью планеты в пещерах и комнатах далеко от огня и ноги. Темнота, сырость, мутации, братоубийство, кровосмешение и изнасилование — слова, наиболее употребляемые теми немногими, кто пишет мемуары об этом мире — Валдике. Перенесенные сюда с помощью какого-то пространственного фокуса, известного только Принцу, герои либо выполняют его поручения, либо останется здесь. Сейчас они проходят по норам, так как им было велено следовать реву.

— Как ты думаешь, черная тень лошади, — спрашивает священник, — сможет твой брат помочь нам выбраться отсюда в нужный момент?

— Да, — отвечает тень, которая движется рядом с ним. — Хотя если не сможет, то мне все равно. Я

способен уйти куда и как захочу, в любое удобное для меня время.

— Да, но я этого не могу.

— Вот ты и волнуйся, толстячок. А мне-то что! Ты вызвался сопровождать меня. Мне это было не нужно.

— Тогда в руки Того, Что Может быть больше, чем жизнь и смерть, я отдаю себя, если такой поступок может сохранить мне жизнь. Если же нет, то я не отдаю себя в руки того, что может быть больше, чем жизнь и смерть. Если же то, что я говорю, не будет принято, Тем, что может меня слышать, а может и не слышать, тогда я забираю свои слова назад и прошу прощения, если это прощение для меня необходимо. Если нет, то я не прошу прощения…

— Аминь! И заткнись, пожалуйста! — негодует Тайфун. — Я слышал нечто похожее на рев слева от нас.

Скользя невидимкой вдоль темной стены, Тайфун огибает поворот и идет дальше. Мадрак смотрит сквозь инфракрасные очки и посылает луч, как благословение, на все, на что смотрит.

— Эти пещеры глубоки и просторны, — шепчет он.

Нет ответа.

Внезапно он доходит до двери, которая может оказаться наружной дверью.

Открывая ее, он видит минотавра.

Он поднимает свой посох, но минотавр исчезает в мгновение ока.

— Куда?.. — спрашивает он.

— Прячется, — отвечает Тайфун, внезапно оказавшийся рядом, — среди множества извилин и поворотов своего лежбища.

— Но почему?

— Мне кажется, что за такими, как он, охотятся создания, похожие на тебя, и ради мяса и ради охотничьих трофеев. Поэтому он боится прямого нападения и отступает — ведь люди используют дубинки для скота. Давай войдем в лабиринт и будем надеяться, что больше мы его не встретим. Вход, который мы ищем, чтобы проникнуть в нижние помещения, находится где-то в этом лабиринте.

Примерно полдня блуждали они, безуспешно пытаясь найти Не Ту Дверь. Три двери находят они, но за каждой лежат лишь белые кости.

— Интересно, а как у других дела? — спрашивает священник-воин.

— Лучше или хуже, а может быть, так же, — отвечает другой и смеется.

Мадрак не смеется.

Наткнувшись на гору костей, Мадрак едва успевает заметить кинувшегося на него зверя. Он поднимает посох, и начинается битва.

Он ударяет его меж рогов и сбоку. Он бьет его, колет, отметает в сторону. Он борется с ним голыми руками.

Причиняя друг другу боль, они продолжают сражаться, пока наконец Мадрак не поднимается высоко в воздух и его не швыряют через всю комнату, где он падает левым плечом на груду костей. Когда он пытается подняться на ноги, он как бы погружается в заполняющий все пространство рев. Опустив голову, минотавр кидается на него. Мадрак находит опору для ног и начинает вставать.

Но тень черной лошади падает на создание, и оно исчезает полностью и навсегда.

Тогда он наклоняет голову и начинает читать Молитву Вероятной Смерти.

— Правильно, — фыркает его товарищ, когда Мадрак доходит до последнего «Аминь». — А теперь, толстячок, мне кажется, что мы с тобой нашли Не Ту Дверь. Я могу войти, не открывая ее, но ты этого не сделаешь. Что скажешь?

— Подожди минутку, — говорит Мадрак, вста-

вая. — Немного допинга, и я буду совсем как прежде, новый и сильный. Тогда мы войдем вместе.

— Хорошо. Я подожду.

Мадрак делает себе укол, и через несколько минут становится похожим на бога.

— А теперь покажи мне дверь, и давай войдем.

— Сюда.

И вот перед ними дверь, большая, настораживающая и бесцветная в лучах инфракрасного цвета.

— Открывай, — говорит Тайфун, и Мадрак повинуется.

В бликах огня Он играет, теребя перчатку. Рост и размер у него примерно как у двух с половиной слонов, и он играет с игрушечной перчаткой, лежа на груде костей. Одна из голов принюхивается к воздуху, когда внезапный сквозняк появляется из-за Не Той Двери, две головы начинают рычать, а третья роняет перчатку.

— Ты понимаешь мой голос? — спрашивает Тайфун, но ответного разума не светится за шестью красными глазами монстра. Его хвосты начинают нервно подергиваться, чешуйчатые и непроницаемые, сверкая в свете огня.

— Приятный песик, — комментирует Мадрак,

а тот открывает пасти, бьет хвостами и кидается на вошедших.

— Убей его! — кричит Мадрак.

— Это невозможно, — отвечает Тайфун. — По крайней мере, в настоящее время.

Пара подошв на алтаре

Наконец-то добравшись до мира Интерлюдии, входя через внезапно появившуюся зеленую дверь, которую поэт открывает прямо в темноте ночи, Оаким и Брамин оказываются в безумном мире многих дождей и религий. Налегке стоят они на влажном торфе рядом с городом, окруженным черными стенами.

— Мы войдем сейчас, — говорит поэт, перебирая свою небесно-зеленую бороду. — Мы войдем через эту небольшую дверь слева-, которую я заставлю для нас открыться. Затем мы загипнотизируем или укротим часовых, которые там могут присутствовать, и пройдем в самое сердце города, где находится храм.

— Чтобы украсть башмаки для Принца, — говорит Оаким.

— Это довольно странное поручение для такого, как я. И если бы только он не обещал назвать мне мое имя — мое настоящее имя, перед тем как я убью его, я не согласился бы сделать это для него.

— Я понимаю, Лорд Рэндалл, сын мой, — говорит Брамин, — но ответь мне, что ты собираешься

делать с Гором, который тоже убьет его и который выполняет сейчас другое его поручение только для того, чтобы ему представилась эта же возможность?

— Убью сначала Гора, если понадобится.

— Вся эта ситуация просто восхищает меня, поэтому, я надеюсь, ты позволишь задать один вопрос: какая разница, убьешь его ты или Гор? В любом случае он будет одинаково мертв.

Оаким задумывается, потому что эта мысль впервые пришла ему в голову.

— Это моя миссия, а не его, — говорит он в конце концов.

— И тем не менее он умрет и в том и в другом случае, — повторяет Брамин.

— Но не от моей руки.

— Верно, но я не вижу здесь никакой разницы.

— Честно говоря, и я тоже. Но это мне поручили убить его.

— Возможно, и Гору тоже.

— Но не мой господин.

— Но почему у тебя должен быть господин, Оаким? Почему ты не принадлежишь сам себе?

Оаким трет лоб.

— Я… не… знаю… Но я должен выполнить то, что мне велено.

— Понятно, — отвечает Брамин, — и крохотная зеленая искорка падает с кончика трости поэта на шею Оакима сзади.

Он шлепает себя по шее и чешет ее.

— Что это?

— Местное насекомое, — говорит поэт. — Давай продолжим наш путь к двери.

Дверь открывается перед ними, когда он стучит по ней тростью, а часовые засыпают от короткой вспышки зеленого пламени. Оаким и Брамин идут вперед к центру города.

Найти храм очень легко, войти в него — совсем другое дело.

Здесь, перед самым входом, стоят часовые, опьяненные наркотиками.

Оаким и Брамин смело подходят и требуют, чтобы их впустили.

Восемьдесят восемь копий наружной охраны нацелены на них.

— Публичного восхищения не будет до дождя перед заходом солнца, — сообщают им.

— Мы подождем.

И они ждут.

Когда на закате начинается дождь, они присоединяются к процессии мокрых молящихся и входят в храм.

Пытаясь пройти дальше, они тут же натыкаются на триста пятьдесят двух стражников с копьями, опьяненных наркотиками, которые охраняют вход во внутренний храм.

— У вас есть жетоны поклонников внутреннего храма? — спрашивают их.

— Конечно, — говорит Брамин, поднимая трость.

В глазах стражников они, видимо, являются обладателями таких жетонов, потому что им разрешают войти.

Затем, подходя к самому Святая Святых, они задерживаются офицером во главе пятисот десяти стражников с копьями, опьяненных наркотиками.

— Кастрированы или не кастрированы? — вопрошает он.

— Конечно, кастрированы, — отвечает Брамин красивым сопрано. — Освободи нам дорогу.

Глаза его сверкают зеленым светом, и офицер отступает.

Войдя внутрь Святая Святых, они видят пятьдесят стражников и шестерых странных священников.

— Вот они, на алтаре.

— Как мы добудем их?

— Желательно бы украсть, — говорит Брамин, протискиваясь ближе к алтарю, — до того, как начинается показ службы по телевизору.

— Как мы их украдем?

— Может быть, нам удастся подменить их на наши башмаки и выйти в них отсюда?

— Мне это не подходит.

— Тогда предположим, что их украли пять минут назад.

— Я тебя понимаю, — говорит Оаким и наклоняет голову, будто произнося молитву.

Служба начинается.

— Хайль, Башмаки, — шепелявит первый священник, — носящиеся на ногах…

— Хайль! — поют остальные пятеро.

— Хайль, хорошие, добрые, благородные и благословенные Башмаки.

— Хайль!

— … чтобы просветить наши сердца и окрылить наши души…

— Хайль!

— О Башмаки, которые поддерживали человечество на заре цивилизации…

— Хайль!

— … бесподобные пропасти, окружающие ноги…

— Хайль!

— Хайль! Чудесная, удивительная кожа!

— Мы восхищаемся вами!

— Мы восхищаемся вами!

— Мы поклоняемся вам во всей полноте Вашего Сияния!

— Слава!

— О чудесная обувь!

— Слава!

— О поступь подошв!

— Слава!

— Что бы мы делали без вас?

— Что?

— Били бы пальцы, царапали кожу, вместо подъема имели бы плоскостопие.

— Хайль!

— Защити нас, твоих поклонников, прекрасная и благословенная обувь!

— Которая появилась у нас из хаоса!

— … в день темный и жуткий…

— … из пустоты горящей…

— … но не сгоревшей…

— … вы пришли успокоить и ободрить нас…

— Навсегда!

Оаким исчезает.

Начинает дуть холодный ветер.

Это ветер перемены времени, и что-то туманно мелькает на алтаре.

Семеро предварительно опьяненных стражников с копьями лежат распростершись, и шеи их выгнуты под неестественным углом.

Внезапно появляясь рядом с Брамином, Оаким говорит:

— Скорее открой нам путь куда-нибудь!

— Они на тебе?

— На мне.

Брамин поднимает свою трость, останавливается.

— Боюсь, что нам придется немного задержаться, — и глаза его становятся изумрудными.

Внезапно все находящиеся в храме смотрят на них.

Сорок три опьяненных наркотиками стражника с копьями издают боевой клич и, как один, бросаются на них.

Оаким пригибается и вытягивает вперед руки.

— Таково есть царствие небесное, — комментирует Брамин, на лбу которого холодные кашли пота блестят, как абсент. — Хотелось бы мне знать, как это все будет выглядеть по телевизору?

Булавка и жезл

— Что это за место? — вскрикивает Гор.

Железный Генерал стоит неподвижно, как будто чем-то удивленный, но удивляться особо нечему.

— Мы находимся в том месте, которое не является миром, — не является планетой, а просто местом, — говорит Принц, Имя Которому Тысяча. — Здесь нет земли, на которой можно стоять, да она и ни к чему. Здесь очень мало света, но те, кто живут здесь, слепы, поэтому все это не имеет значения. Температура здесь приспосабливается к любому живому телу, потому что обитатели этого места так желают. Пища здесь извлекается из воздуха, как и вода, а следовательно, нет нужды в еде. И такова уж природа этого места, что никто и никогда не нуждается здесь во сне.

— Это очень напоминает мне ад, — говорит Гор.

— Ерунда, — говорит Железный Генерал, — мое собственное существование точно такое же, так как все, что мне необходимо, находится во мне. И при этом я не испытываю никаких неудобств.

— Ад, — повторяет Гор.

— Как бы там ни было, возьмите меня за руку, — говорит Принц, — и я проведу вас сквозь темноту и свет, пока не найду тех, кого ищу.

И они соединяют руки, Принц закутывается в плащ, и они медленно дрейфуют сквозь сумрачный пейзаж, лишенный горизонта.

— А где это место, которое не является миром? — спрашивает Генерал.

— Я не знаю, — отвечает Принц. — Возможно, оно существует в каком-нибудь глубоком и сверкающем уголке моего темного и грязного ума. Все, что я знаю, это как попасть сюда.

Падая, дрейфуя безвременное количество времени, они, наконец, оказываются у тента, который похож на серый кокон, мерцающий со всех сторон.

Принц разминает руки и кладет кончики своих пальцев на его поверхность. Тогда кокон начинает дрожать, и в нем появляется отверстие, сквозь которое он проходит, бросая через плечо:

— Следуйте за мной!

Бротц, Пуртц и Дульп сидят внутри, делая что-то такое, что является отвратительным и необычным по человеческим стандартам, но что кажется этой троице вполне нормальным и естественным, потому что они не люди и имеют

другие стандарты.

— Приветствую вас, кузнецы Норма, — говорит Принц. — Я пришел получить то, что заказывал довольно давно.

— Я говорил тебе, что он придет! — кричит один из серых холмов, двигая своими длинными ушами.

— Должен признать, что ты был прав, — отвечает другой.

— Да, где эта булавка? Я должен отполировать ее еще раз, перед тем…

— Ерунда, она совершенна…

— Значит, готово? — спрашивает Принц.

— О, она была готова еще несколько веков тому назад. Держи!

Из черной материи говорящий вытаскивает жезл холодного голубого огня и протягивает его Принцу. Принц берет его в руки, осматривает, кивает головой:

— Прекрасно.

— … А оплата?

— У меня все здесь.

Принц вытаскивает из-под плаща черный чемоданчик и кладет его на воздух перед собой, где, конечно, он остается лежать.

— Кто из вас будет первым?

— Так как вы не можете решить сами, придется выбирать мне.

Принц открывает чемоданчик, в котором находится хирургический аппарат и операционный свет, и все три создания начинают дрожать.

— Что происходит? — спрашивает Гор, который только что вышел и встал рядом с ним.

— Я сейчас собираюсь оперировать этих троих и мне потребуется ваша огромная сила — твоя и Генерала.

— У них нет глаз, — говорит Принц, — и они будут видеть снова. Я принес с собой три пары, и намереваюсь их вставить.

— Потребуется предварительная адаптация.

— Это уже было сделано.

— Кем?

— Мной, когда я в последний раз вставлял им глаза.

— И что с ними стало?

— О, они редко у них держатся. Через некоторое время тела их выкидывают. Хотя в основном их ослепляют соседи.

— Это почему?

— Соседи хвастают, что среди всех остальных они одни только способны видеть…

— Ужасно, — говорит Генерал, который сам

уже позабыл, сколько раз его ослепляли. — Я хочу остаться здесь и биться за права Бротца, Пуртца и Дульпа.

— Они откажутся от твоей помощи, — ведь правда?

— Конечно, — говорит один из них.

— Мы не хотим, чтобы какой-то наемник воевал против нашего родного народа, — говорит другой.

— Это будет нарушением их гражданских прав, — говорит третий.

— Каких прав?

— То есть как это каких? Ослепить нас, конечно. Что ты за варвар, если не знаешь таких простых истин?

— Спасибо.

— Спасибо.

— Спасибо.

— Какая помощь тебе нужна? — спрашивает Гор.

— Оба вы должны охватить моего пациента и держать его, пока я буду оперировать.

— Но для чего?

— Они не способны впасть в бессознательное состояние, и ни один из обезболивающих местных препаратов на них не действует.

— Ты хочешь сказать, что будешь проводить эту тончайшую операцию вот так просто даже без анестезии?

— Да. Вот почему мне нужны эти двое — чтобы неподвижно держать каждого пациента. Они очень сильны.

— Но почему ты вообще это делаешь?

— Потому что они хотят этого. Это цена, которую я должен заплатить за их труд.

— Для чего, чтобы они могли видеть в течение нескольких недель? И к тому же… что вообще можно видеть в этом месте? Пыль, темноту и несколько слабых огоньков.

— Это их желание глядеть друг на друга и на свою работу. Они — самые великие искусники во всей вселенной.

— Да, я хочу снова увидеть булавку, если Дульп ее не потерял.

— А я — галт.

— А я — фитиль.

— То, что они желают, будет стоить им много боли, но и воспоминания останутся на много веков вперед.

— Да, игра стоит свеч, — говорит один, — если только не я первый.

— И не я.

— И не я.

Принц; раскладывает свои инструменты в воздухе, стерилизует их.

— Вот этого, — говорит он и указывает пальцем на первого пациента. Крики начинаются.

Генерал отключает свой слух, все свои чувства и эмоции на несколько часов. Гору вся эта обстановка напоминает кабинет его отца. Руки Принца тверды и спокойны.

* * *

Когда все сделано, и на глаза всем троим наложены тугие большие повязки, которые им нельзя снимать, все трое начинают стонать и кричать.

Принц вытирает руки.

— Благодарю тебя, Принц, Имя Которому Хирург, — говорит одно из созданий.

— … за то, что ты сейчас сделал для нас.

— … и для нас.

— Не за что, благородные Нормы. Спасибо за прекрасно сделанный жезл.

— О, это такие пустяки.

— Дай нам знать, когда тебе понадобится еще один.

— … и цена будет такой же.

— Тогда сейчас я вас покидаю.

— До свидания.

— Прощай.

— Адью.

— Хорошего вам зрения, дети мои.

И Принц берет Гора и Генерала за руки и направляется в Марачек, который находится всего в одном шаге от них.

Позади них раздается вой, потому что Нормы стали опять заниматься тем, что для них является естественным и нормальным.

Они возвращаются в цитадель так быстро, что Гор почти не успевает вытащить голубой жезл из-за пояса Принца.

Это точная копия того оружия, которое солнцеглазый Сет использовал против Безымянного тысячу лет тому назад.

Искушение святого Мадрака

У Мадрака есть один шанс избежать этого убийственного нападения. Он бросает свой посох и ныряет головой вперед.

Это правильный выбор.

Он проскальзывает под собакой, которая прыгает, перекусывая его посох.

Рука его дотрагивается до странной перчатки, с которой забавлялось чудовище.

Внезапно он успокаивается, так как к нему неожиданно приходит чувство неуязвимости. Это что-то такое, что не может дать ни один наркотик.

Он быстро понимает, в чем дело, и надевает перчатку на свою правую руку.

Пес поворачивается, а Тайфун чуть отступает.

Черная тень ложится между ними.

Щекоча, шевелясь, перчатка уже доросла до локтя Мадрака, распространилась по спине и груди.

Пес прыгает, а затем воет, потому что тень черной лошади падает на него. Одна из его голов висит безжизненно, а другие продолжают рычать.

— Уходи, Мадрак, в назначенное место! — говорит Тайфун.

— Я займусь этим созданием, пока оно само себя не уничтожит, а потом пойду своим путем!

Перчатка движется по его левому плечу, локтю, закрывает всю руку, еще больше закрывает грудь, доходит до талии.

Мадрак, который всегда был могущественным, внезапно вытягивает руку вперед, и, сжимая в ней камень, превращает его в пыль.

— Я не боюсь его, Тайфун, я сам могу его уничтожить.

— Именем моего брата говорю тебе — иди!

Склонив голову, Мадрак уходит. Позади него раздаются звуки ожесточенной битвы. Он проходит мимо лежбища минотавра. Он идет вверх по коридорам.

Бледные создания с зелеными светящимися глазами кидаются на него. Он, убивает их с легкостью, голыми руками, и продолжает путь.

Когда на него вновь нападают бледные создания, он отодвигает их в сторону, пробиваясь сквозь них, но не убивая, так как ему требуется время, чтобы разобраться.

Потом он говорит:

— Вам было бы неплохо уничтожить ваши тела,

разделив их на части и назвать эти гипотетические части душами.

Но они вновь кидаются на него, и ему приходится прикончить их всех.

— Жаль, — говорит он и произносит Молитву Вероятной Смерти.

Продолжая идти вперед, он наконец приходит в назначенное место.

И там остается стоять.

У Врат Подземного Мира…

На Валдике…

— Вот я и прошел через весь Ад, — говорит он. — Я наполовину неуязвим. Должно быть, это перчатка Сета. Странно, что она покрывает меня лишь наполовину. Но, возможно, я больше человек, чем был он.

Смотрит на свой живот.

— А может быть, и нет. Но сила, в ней заключенная… Могущественный! Победить тех, у кого грязные души, и потом обратить их… Возможно, поэтому была она вложена в мои руки. Божествен ли Тот? Честно говоря, не знаю. Странно. Если он божествен, тогда я совершаю ошибку, не доставив эту перчатку ему. Если, конечно, таковым не было его тайное желание.

Смотрит на свои обтянутые руки:

— Могущество мое сейчас безгранично. Как мне использовать его? Ведь Валдик могу я переделать этим инструментом.

Затем:

— Но он послал меня со специальным поручением И все же…

Улыбка (перчатка не покрывает его лица).

— А что, если он божествен? Сыновья, которые зачинают своих отцов, вполне могут быть богами. Я вспоминаю миф о Рае. Знаю, что эта похожая на змею перчатка может указывать на Запретное.

Пожимает плечами.

— Но сколько добра можно сделать с ее помощью… Нет! Это ловушка! Скольким мирам мог бы я принести пользу… Да, я это сделаю. «И пусть разверзнется сам ад», — как говорит Брамин.

Но когда он поворачивается, его затягивает водоворот, и слова застревают в его горле, тело его падает в широкий, пустой, холодный колодец.

Позади него шевелятся тени. Валдик судорожно дергается и куда-то проваливается, ибо Принц отозвал его домой.

Громолазер

… Но Оаким Скиталец надел свои башмаки и сейчас поднимается, стоя в воздухе и смеясь. С каждым его шагом луч лазера вырывается из храма и смешивается с раскатами грома. Стражники и молящиеся низко склоняются перед ним.

Оаким бежит по стене и останавливается на потолке.

Оаким спускается и проходит сквозь стену.

Брамин следует за ним.

— Хайль! — неуверенно изрекает один из священников.

Но пьяные от наркотиков стражники с копьями поворачиваются и протыкают его.

Когда-нибудь, много веков спустя после этого чудесного исчезновения, галактика могущественных воинов выступит в поход в поисках Святых Башмаков.

А тем временем алтарь пуст, и идет вечерний дождь.

Выигранный жезл

На Марачеке, в Цитадели, они стоят все вместе, думая о том, что с каждым произошло.

— У меня Башмаки, — говорит Оаким. — Ты можешь забрать их себе в обмен на мое имя.

— А у меня перчатка, — говорит Мадрак и отворачивается.

— А у меня жезл, — говорит Гор, и он выпадает у него из рук.

— Ты не забрал его у меня, — говорит Принц, — потому что он изготовлен не из материи и не из той субстанции, которую ты мог бы контролировать.

И ум Принца приоткрывает завесу перед внутренним глазом Гора.

Гор делает шаг вперед, и его левая нога длиннее правой ноги, но он совершенно ровно стоит на теперь уже неровном полу, окно горит, как солнце, за спиной Принца, а Железный Генерал стал золотым и течет, Брамин горит, как свеча, а Мадрак становится толстой куклой, качающейся на резиновом шнурке; стены вокруг воют и пульсируют в одном и том же регулярном ритме с музыкой, которая исходит из пола в конце тун-

неля, который начинается окном и, горя, идет к тому месту, где теперь лежит жезл, выросший до чудовищных размеров, но оставшийся слишком прекрасным для того, чтобы находиться в вечности, в Цитадели Марачека в Центре Средних Миров, где Принц выкормил свою улыбку.

Гор делает еще одни шаг, и тело его становится для него прозрачным, так что он тотчас же видит все, что происходит внутри него, и это страшно.

Ах, луна как лампа светит,
негритянка, словно ночь,
перед нею я в ответе,
и она со мной не прочь…
Ковер из дней она мне стелит,
пройдем вдвоем когда-нибудь,
по небу в пустоте постели
себе прокладывая путь.

Говорит голос странно похожий и все же непохожий на Брамина.

И Гор поднимает руку против Принца.

Но Принц держит его кисть так, что все горит.

И Гор поднимает другую руку против Принца.

Но Принц держит вторую его руку так, что все мерзнет.

И Он поднимает третью руку, и по ней проходит электрический ток.

И он поднимает еще одну руку, и она чернеет и отмирает.

И он поднимает еще сотню рук; и они превращаются в змей и дерутся друг с другом, и, конечно, он шепчет:

— Что случилось?

— Таков мир, — говорит Принц, — на который я перенес вас.

— Нечестно выбирать такое поле для сражения, — говорит Гор, — этот мир слишком похож на тот, что я знаю, — такой недалекий и такой чужой, — и слова его разноцветные, как на Блисе, и они круглые и капают с его губ.

— А с твоей стороны неприлично желать мне смерти.

— Я был послан с этим поручением, и к тому же это и мое желание.

— Но тебе это не удалось, — говорит Принц, заставляя Гора опуститься на колени на Млечный Путь, который становится прозрачным кишечным трактом, охваченным неудержимой перистальтикой.

Запах невозможно вытерпеть.

— Нет! — шепчет Гор.

— Да, брат, ты побежден. Ты не можешь уничтожить меня. Я сильнее. Время отказаться от этого дела и вернуться домой.

— Не раньше, чем я достигну Своей цели.

Звезды, как язвы, горят в его кишечнике, и Гор напрягает все силы своего тела против калейдоскопа, которым стал Принц. Принц падает на одно колено, но, когда стоит коленопреклоненный, осанну поют ему многочисленные цветы с собачьими мордами, которые цветут на лбу, голова превращается в стеклянную маску, которая трескается от вылетающих оттуда молний. Гор протягивает руки к девятнадцати лунам, которых пожирают змеи — его пальцы; и кто еще может так взывать: О, Боже, как не сознание — его Отец, сидящий со своей птичьей головой на небесном троне и плачущий кровью…

— Сдайся и умри!

Затем заброшен…

… далеко,
… где Время — пыль,
и дни, как лилии, без счета…
и ночь — пурпурный какаду,
в чьем имени забвенья отказало…

Он становится деревом без верхушки, срублен-

ным и вечно падающим.

После всех муж он лежит на спине и смотрит на Принца, Имя Которому Его Брат, стоящему во весь рост, с глазами, взявшими его в плен.

— Теперь я разрешаю тебе встать и уйти, брат, потому что я победил тебя в честном бою, — доносятся зеленые слова.

Тогда Гор склоняет голову, и мир исчезает, а старый мир появляется.

— Брат, лучше бы ты убил меня, — говорит он и кашляет с болью от ссадин и синяков.

— Я не могу.

— Не посылай меня обратно после такого позорного поражения. Позволь мне удалиться с достоинством.

— Тогда выслушай меня и иди с честью. Знай, что я убил бы твоего отца, но пощажу его ради тебя, если он поможет мне, когда придет время.

— Какое время?

— Это он должен решить сам.

— Я не понимаю.

— Конечно, нет. Но тем не менее передай ему это. Договорились?

— Договорились, — отвечает Гор и начинает подниматься на ноги.

Когда он окончательно встает, он понимает,

что стоит в Зале Ста Гобеленов и что он один. Но в самое последнее, агонизирующее мгновение он понял нечто очень важное.

Он торопится записать свою мысль.

Люди, места и вещи

— Где Гор? — спрашивает Мадрак. — Он только что был здесь?

— Он отправился домой, — говорит Принц, потирая плечо.

— А теперь я хочу сказать вам о том, что является для меня проблемой…

— Мое имя, — говорит Оаким, — скажи мне его. Сейчас.

— Да, — говорит Принц. — Я скажу его тебе. Ты — часть той проблемы, о которой я собирался говорить.

— Сейчас! — повторяет Оаким.

— Ты не чувствуешь себя как-то по-другому в башмаках, надетых на твои ноги?

— Да.

— А как именно?

— Я не знаю… Скажи мне мое имя!

— Дай ему перчатку, Мадрак.

— Мне не нужна перчатка.

— Надень ее, если ты желаешь узнать свое имя.

— Хорошо.

Он натягивает перчатку.

— Теперь ты знаешь свое имя?

— Нет, я…

— Что?

— Я чувствую что-то знакомое, очень знакомое в том, как она распространяется по всему моему телу…

— Конечно!

— Этого не может быть! — говорит Мадрак.

— Нет? — спрашивает Принц. — Подними этот жезл и подержи его, Оаким. Вот возьми, повесь эти тряпичные ножны сбоку у талии…

— Что ты делаешь со мной?

— Возвращаю то, что принадлежит тебе по праву.

— По какому праву?

— Подними жезл.

— Я не желаю! Ты не можешь меня заставить! Ты обещал мне назвать мое имя! Говори!

— Не скажу, пока ты не поднимешь этот жезл.

Принц делает шаг по направлению к Оакиму. Оаким пятится.

— Нет!

— Подними его!

Принц продолжает идти вперед. Оаким отступает.

— Я… не могу!

— Можешь!

— Что-то в нем такое… Мне запрещено дотрагиваться до него.

— Подними его, и ты узнаешь свое настоящее имя.

— Я… Нет! Я не хочу больше знать своего имени! Оставь его себе!

— Ты должен поднять его!

— Нет!

— Оно написано, и ты должен поднять жезл!

— Где написано? Когда?

— Мною, Я…

— Анубис! — кричит Оаким. — Услышь мою молитву! Я вызываю тебя во всей твоей мощи! Помоги мне здесь, где я стою в середине врагов твоих! Тот, кого я должен был уничтожить, совсем рядом! Помоги мне против него, так как я отдаю его тебе!

Брамен окружает себя, Мадрака и Генерала сложным кругом зеленого огня.

Стена за спиной Оакима медленно растворяется, и за ней — Бесконечность.

С бесполезно болтающейся рукой, с усмешкой на собачьей морде Анубис смотрит вниз.

— Великолепно, слуга! — доносятся его сло-

ва. — Ты нашел его, загнал в угол. Остается один последний удар, и твое поручение выполнено. Воспользуйся фугой!

— Нет, — говорит Принц, — он не уничтожит меня даже с помощью фуги, пока у меня для него есть это; ты ведь узнал его, когда увидел тысячу лет назад. Его истинное имя скоро прозвучит в его ушах. Он услышит, как его произносят.

— Не слушай его, Оаким, — говорит Анубис, — убей его сейчас же!

— Господин, он действительно знает мое настоящее имя? Старое имя?

— Он лжет! Убей его!

— Я не лгу. Подними жезл, и ты узнаешь всю правду.

— Не дотрагивайся до него! Это ловушка! Ты погибнешь!

— Неужели я стал бы совершать столько поступков только для того, чтобы убить тебя, Оаким? Кто бы из нас двоих не погиб от рук другого, выиграет только собака. Он знает это, и послал тебя на выполнение чудовищного поступка. Посмотри, как он смеется.

— Потому что я выиграл, Тот! Он убьет тебя сейчас!

Оаким приближается к Принцу, потом останав-

ливается и поднимает жезл.

И тогда он кричит, и от его крика даже Анубис вздрагивает и отступает назад.

Затем крик его переходит в смех.

Он поднимает жезл.

— Молчать, собака! Ты использовал меня! О, как ты меня использовал! Ты обрек меня на тысячелетие смерти, чтобы я убил своего сына и своего отца не задумываясь. Но сейчас ты видишь перед собой Сета Разрушителя, и дни твои сочтены!

Глаза его сверкают сквозь перчатку, которая теперь уже покрывает все его тело, и он стоит в воздухе над полом. Голубые лучи выплывают из жезла, который он держит, но Анубис уже исчезает, растворяется, сделав быстрый жест и издав еле слышный вой.

— Сын мой, — говорит Сет, дотрагиваясь до плеча Тота.

— Сын мой, — говорит Принц, наклоняя голову.

Позади них падают искры зеленого пламени.

А что-то темное где-то кричит и плачет, окруженное светом в ночи.

Слова

Между мной и тобой
слова.
Они, как раствор,
разделяют и связывают
те части, которые нас составляют.
Связать их,
отбросить их тень на страницу —
все равно, что связать наши общие
страсти,
пониманье тебя и меня,
одинаковость нашу под кожей.
Что-то выше высоких молитв
в нас с тобой бесконечность творит.
Потому что коль завтра приходит
сегодня,
если это не капля,
то — целая вечность,
сверкающая на кончике моего пера,
когда чернила наших голосов

нас окружают, словно ночь,
когда раствор меня с тобою разлучил.

— Что все это значит? — спрашивает Лорд Юскиг Рыжий, который во главе своих двадцати людей совершает налет на владения соседа Дилвита из Лигламенти.

Его лейтенант наклоняется в тумане к камню, на котором выбиты эти слова.

— Лорд, я слышал о таких вещах, — говорит он, — это дело рук поэта Брамина, который «публикует» свои произведения таким образом: кидает поэмы на ближайший мир, и куда бы они ни попадали, они запечатлеваются на твердом материале. Говорят, он писал четверостишия, проповеди и поэмы на камнях, листьях и сучьях.

— Вот как! Ну и что же должна означать эта его поэма? Следует ли принять ее за добрый знак?

— Эти строки ничего не значат, Лорд, потому что всем известно, что он просто сумасшедший, как голинд в брачный сезон.

— Ему тогда можно помочиться на этот камень и отправиться на войну.

— Хорошо, Лорд.

Тень и материя

— Отец? — говорит тень черной лошади на стене замка.

— Да, Тайфун.

— Отец!

Раздается звук, от которого могут лопнуть барабанные перепонки, затем:

— Анубис сказал мне, что ты погиб!

— Он солгал. Когда Озирис ударил своим молотом, он, наверное, сказал, что сделал это для того, чтобы спасти вселенную, так как я проигрываю сражение.

— Это верно, — говорит Принц.

— Однако я не проигрывал, я выигрывал это сражение. Он хотел убить меня, а не Безымянного.

— Как тебе удалось выжить?

— Рефлекс. Я ушел в фугу, когда удар обрушился на меня. Меня лишь слегка задело, и Анубис нашел меня бесчувственным и увел в свой дом. Мое оружие он раскидал по всем Средним Мирам. Но при этом он сделал меня своим оружием.

— Чтобы убить Тота?

— Именно это и поручил он мне.

— Тогда он умрет! — говорит Тайфун и пятится, весь объятый пламенем.

— Успокойся, брат, — говорит Принц. — Ему это не удалось, а нам еще, может быть, удастся использовать собаку…

Но тень черной лошади уже растворилась, и Принц опускает голову.

Он глядит на Сета.

— Остановить его?

— Зачем? Анубис уже прожил на тысячу лет больше положенного. Пусть сам себя защищает. Да и как его остановишь? Даже если мы его догоним, ничто не может остановить Тайфуна, когда он в ярости.

— Это верно, — говорит Принц и, поворачиваясь, обращается к Брамину: — Если ты хочешь продолжать служить мне, бывший Ангел Седьмого Поста, отправляйся в Дом Мертвых. Скоро там потребуется присутствие того, кто может управлять энергетическими потоками.

— Тайфун был повелителем Дома Огня, — говорит Брамин.

— Да, но боюсь, он не останется в Доме Мертвых после того, как отомстит. Насколько я знаю своего брата, он отправится на поиски того, кто ударил Молотом. Он погонится за Озирисом.

— Значит, я отправлюсь в Дом Мертвых. Ты пойдешь со мной, Мадрак?

— Если я больше не нужен здесь Принцу.

— Ты мне не нужен. Можешь идти.

— Лорд, — говорит Брамин, — это очень благородно с твоей стороны доверять мне вновь, после той роли, какую я играл в войне постов…

— Те дни прошли, и мы сейчас другие люди, разве нет?

— Надеюсь, что да и благодарю тебя.

Принц скрещивает руки на груди и наклоняет голову. Брамин и Мадрак исчезают.

— А теперь, — говорит Железный Генерал, — скажи, чем я могу помочь тебе?

— Мы опять идем сражаться с Безымянным, — говорит Принц, Имя Которому Тысяча. — Ты пойдешь с нами, чтобы быть в резерве?

— Да, только позволь мне вызвать Бронзу.

— Давай.

Ветер на Марачеке теребит пыль. Солнце, мигая, начинает еще один день.

Повелитель Дома Мертвых

Брамин стоит в Большом Зале Дома Мертвых, держа в руках свою трость. Свет от нее проникает во все коридоры, видимые и невидимые, которые сходятся в этом месте.

Рядом с ним Мадрак переминается с ноги на ногу и оглядывается вокруг.

Глаза Брамина сверкают, в них пляшут огоньки.

— Ничего. Ничего живого. Нигде, — говорит он.

— Значит, Тайфун нашел его, — говорит Мадрак.

— Тайфуна здесь тоже нет.

— Значит, он убил его и отправился дальше. Вне всякого сомнения, он ищет теперь Озириса.

— Интересно…

— Что еще могло случиться?

— Не знаю. Но теперь я здесь повелитель, по приказанию Принца. Я должен найти место выхода энергии и найти машины, ею управляющие.

— И тем не менее когда-то ты обманул Принца.

— Это правда, но он простил меня.

Брамин идет к трону Анубиса и садится на него,

а Мадрак склоняется перед ним и говорит:

— Хайль, Брамин! Повелитель Дома Мертвых!

— Тебе не надо преклонять передо мной колени, старый дружище. Пожалуйста, встань. Мне понадобится твоя помощь, потому что место это сильно отличается от Седьмого Поста, которым я когда-то управлял.

И в течение многих часов Брамин изучает тайные кнопки управления, вмонтированные в трон; потом он слышит голос, который, как он знает, не является голосом Мадрака.

— Анубис!

И тут он же имитирует и лай и вой.

— Да?

— Ты был прав. Гор побежден и вернулся сюда. Но он опять ушел.

Это голос Озириса.

Брамин небрежно машет в воздухе тростью, и там появляется огромное окно.

— Привет, Озирис, — говорит он.

— Итак, Принц все-таки решил действовать, — говорит Озирис. — Насколько я могу догадаться, я следующий.

— Надеюсь, что нет, — говорит Брамин. Я могу лично свидетельствовать, что сам слышал, как Принц заверял Гора, что не будет мстить, если ты

ему поможешь.

— Тогда что стало с Анубисом?

— Вот этого я точно не знаю. Тайфун помчался сюда, чтобы убить его. Я явился сюда, чтобы прибрать за Тайфуном и возглавить пост. Либо он убил его и полетел дальше, либо Анубис убежал, а Тайфун бросился в погоню. Так что, послушай меня, Озирис. Несмотря на обещание Принца, ты в опасности. Тайфун не знает об этом обещании и не имеет к нему никакого отношения. Но, узнав, что произошло на самом деле от самого Сета и услышав подтверждение Принца, он будет мстить опустившему Молот.

— Сет жив?

— Да. Некоторое время он был известен как Оаким.

— Посланник Анубиса!

— Никто другой! Пес украл его память и послал убить собственного сына и отца. Именно это и вызвало особый гнев Тайфуна.

— Черт бы побрал всю эту проклятую семейку! А что стало с моим сыном? Он всего лишь оставил мне эту записку, ну… конечно!

— Что «ну конечно»?

— Еще не поздно. Я…

— Позади тебя., на стене! — кричит Брамин. —

Тайфун!

Озирис двигается со скоростью, которая поражает в столь тщедушном теле, он кидается к зеленому гобелену, отбрасывает его в сторону и пропадает…

Тень течет за ним, встает на дыбы.

Когда она отодвигается в сторону, на гобелене и в самой стене зияет огромное отверстие размером и формой смахивающее на Тайфуна.

— Тайфун, — говорит Брамин.

— Я здесь, — слышится голос. — Зачем ты предупредил его?

— Потому что Тот подарил ему жизнь.

— Я этого не знал.

— Ты слишком быстро отправился в путь, чтобы это услышать. А сейчас уже слишком поздно.

— Нет. Боюсь, ему удалось скрыться.

— Как это?

Его не было в помещении, которое я уничтожил.

— Может быть, это и к лучшему. Слушай, мы можем использовать Озириса.

— Нет! Никогда не будет мира между нашими семьями, пока он жив, независимо от рыцарских чувств, которые может выказать мой брат. Я люблю брата, но я никогда не смирюсь с тем,

что он простил этого негодяя. Я обыщу весь дом, пока не найду Озириса и пока не отправлю его в Скагганакскую пропасть!

— Как, Анубиса?

— Нет! Анубису удалось скрыться! — доносится то ли всхлип, то ли крик. — Временно!

Затем Тайфун возносится, появляется пламя, и он исчезает.

Брамин вновь машет тростью, и окно исчезает тоже.

— Анубис все еще жив, — говорит Мадрак, глядя через плечо.

— Очевидно.

— Что мы предпримем?

— Продолжим изучение функций Дома Мертвых.

— Я хочу отдохнуть.

— Тогда иди и отдыхай. Найди себе комнату поблизости и располагайся. Ты ведь знаешь, где пища.

— Да.

— Тогда до свидания.

— Да, Лорд.

Мадрак выходит из Большого Зала и блуждает. Через некоторое время он входит в комнату, где мертвые стоят как статуи. Он садится между ни-

ми. Он начинает говорить.

— Я был его преданным слугой. Послушай меня ты, Женщина с грудями, как дыни. Да, я был преданным слугой. Поэт отправился на войну с другими Ангелами, зная, что это против его воли. Но он прощен и возвышен. А где я? Слуга слуги.

— Это нечестно.

— Я рад, что ты согласна со мной. А теперь скажи мне ты, да, вот ты, с лишней парой рук. Разве ты распространял религию и мораль? Разве ты побеждал чудовищ и ужасных зверей среди непосвященных голыми руками?

— Конечно, нет.

— Вот видишь…

Он хлопает себя по бедру.

— Вот видишь, значит, нет на свете справедливости, и добродетель всегда предается, обманывается, подменяется. Посмотри только, что стало с Генералом, который всю свою жизнь посвятил человечеству: жизнь отняла у него его собственную человечность. Разве это справедливо?

— Едва ли.

— Все идет к этому, братья мои. Все мы становимся статуями в Доме Мертвых, независимо от того, какую жизнь мы вели. Вселенная никогда не благодарит. Дающему никогда не воздается.

О, Ты, Который Может Быть, почему ты все так устроил, если это ты все так устроил, почему? Ты и Принц Посланник, что мне это дало? Бесплатный проезд и скудную пищу? Я рад, что Сет будет биться с Безымянным без своей перчатки…

— Что?

Подняв голову вверх, Мадрак видит статую, которой не было здесь раньше и которая, в отличие от остальных, двигается.

Ее голова — это голова черной собаки, а ее язык высовывается и сворачивается.

— Ты! Как удалось тебе спрятаться от Брамина, скрыться от Тайфуна?

— Это мой дом. Много веков пройдет, прежде чем его секреты откроет новый хозяин.

Мадрак встает и начинает слегка вертеть посох в своих руках.

— Я не боюсь тебя, Анубис. Я дрался во всех мирах, повсюду, где только люди умеют говорить и ценят слово. Многих я послал сюда и сам пришел в этот Дом, как победитель, а не как жертва.

— Ты был побежден давным-давно, Мадрак, и только сейчас, кажется, начал понимать это.

— Молчать, собака! Ты говоришь с тем, кто держит твою жизнь в своих руках.

— А ты говоришь с тем, кто держит твое буду-

щее в своих руках.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты сказал, что Сет опять отправился биться с Безымянным?

— Это правда. А когда Безымянный будет уничтожен, настанет всеобщее счастье.

— Ха! Оставь свою метафизику для кого-нибудь другого, поп! Ответь мне еще на один вопрос, и тогда я тебя действительно порадую.

— Какой вопрос?

Анубис делает шаг вперед, и безжизненная его рука качается справа, как маятник.

— Что ты тут такого говорил о перчатке?

— Ах это, — говорит Мадрак, вытаскивая перчатку из-под своей темной рясы и одевая ее на правую руку.

— Когда я добыл ее. я подумал, что с ее помощью много миров можно будет обратить в истинную веру.

Перчатка достигает его локтя, тянется к плечу.

— Я тогда не знал, что Оаким — это Сет. Тогда мной овладело искушение оставить ее себе. Вот я и заменил ее своей собственной перчаткой-которая-растет. Такие перчатки довольно часто можно увидеть в некоторых местах Средних Миров. Но эта обладает какой-то странной силой,

в то время как мои доспехи обычные и не очень прочные.

Перчатка теперь уже закрывает ему грудь, расползается по спине.

— Я мог бы расцеловать тебя в твои жирные щечки! — говорит Анубис. — Потому что у Сета теперь будет куда меньше шансов победить Безымянного! И все это время ты строил планы предательства! Ты куда более проницательный человек, чем я думал, Святой Отец!

— Меня использовали, а искушение было велико.

— Но больше тебя никто не будет использовать. О нет! Теперь ты носишь эту перчатку, и я предлагаю тебе союз.

— Прочь, собака! Ты не лучше всех остальных! У меня есть то, что тебе необходимо, и ты готов теперь лизать мне задницу. О нет! Что бы я ни сделал с той новой силой, которой я обладаю, и делаю лишь для Одной персоны: для самого себя.

— Союз, который я предлагаю, будет взаимовыгодным.

— Мне стоит только поднять тревогу, и тебя свяжут так крепко, что вся твоя хитрость не поможет тебе освободиться. Стоит мне лишь крутануть свой посох так, как надо, и твои мозги

украсят эти стены. Поэтому говори, но помни, о чем я сейчас тебя предупредил, раздвоенный язык, а я послушаю.

— Если Озирис все еще жив, — говорит Анубис, — и если нам удастся добраться до него, то мы втроем сможем уничтожить Тота.

— Я уверен, что Озирис все еще жив, хотя надолго ли, не могу сказать.

В настоящее время Тайфун преследует его по всему Дому Жизни.

— Раз у тебя эта перчатка, у нас есть шанс — очень хороший шанс — вернуть себе все! Я знаю способ попасть в Дом Жизни и, возможно, спасти Озириса.

— А дальше что? Мы даже не знаем, где происходит битва с Безымянным.

— Все надо делать по очереди. Со временем узнаем и это. Так ты со мной?

— Я отправлюсь в Дом Жизни, потому что Тот желает, чтобы Озирис остался жить, и, может быть, мне удастся выполнить это желание. Тем временем я подумаю.

— Этого вполне достаточно.

— Смотри, как растет перчатка! Быстрее, чем раньше. Теперь уже она покрывает мне бедра!

— Великолепно! Чем большая часть твоего тела

будет неуязвима, тем лучше для нас.

— Минутку. Неужели ты серьезно думаешь, что мы втроем сможем победить Тота, Сета и Железного Генерала?

— Да.

— Как?

— Молот может ударить вновь, — говорит Анубис.

— Он все еще существует?

— Да, и повелевает им Озирис.

— Ну ладно, допустим, что ты прав и что нам удастся даже как-то договориться с Брамином, который сейчас является повелителем твоего дома, — что ты будешь делать с огромной тенью в образе лошади, которая будет преследовать тебя до конца наших дней, которая не живет в космосе таком, как мы его видим, знаем, и с которой нельзя договориться, когда она. в гневе?

Анубис отворачивается.

— Тайфуна я боюсь, — признает он. — Много веков тому назад я сделал оружие — нет, не оружие, один аппарат, который, как я думал, может послужить для его обуздания. Когда я недавно попытался воспользоваться им, тень лошади упала и уничтожила его. Тайфун также навсегда парализовал мою руку. Должен признаться, мне

нечего противопоставить ему, кроме своей силы воли. Но империями не кидаются из-за страха перед одним индивидом. Если бы только я знал секрет его силы…

— Я слышал, как он упоминал Скагганакскую пропасть.

— Такого места нет.

— Я раньше никогда не слышал такого названия. А ты?

— Легенды, сказки, научная фантастика.

— Так что же все-таки там о ней говорится?

— Мы теряем время на обсуждение глупостей.

— Если тебе нужна моя помощь, ты мне ответишь. Смотри, перчатка достигла уже моих колен.

— Скагганакская пропасть, иногда называемая пространственным провалом, — это где все останавливается и ничто не существует.

— Во вселенной очень много пустых космических пространств.

— Да, но говорят, что в Пропасти нет также и космоса. Это бездонная бездна, которая, собственно, и не бездна вовсе. Это — разрыв космоса. Ничто. Теоретический пуп вселенной. Это огромный вход, ведущий никуда, под, над, за, из. Вот что такое Скагганакская пропасть.

— Тайфун и сам обладает всеми этими качествами, разве нет?

— Да, надо признаться. Но это ни о чем не говорит. Будь проклята связь Сета и Изиды! Они зачали зверя, чудовище!

— По-моему, ты тут перехватил, Анубис! Разве Тайфун всегда был таким, каков он сейчас? Как могла ведьма разродиться таким, как он?

— Не знаю. Он старше, чем я. Вся эта семья загадочна и парадоксальна. А теперь — в Дом Жизни.

Мадрак кивает головой: показывай, Анубис.

Ночь становится Гором

Он идет там, где бушуют энергетические потоки, и никто не знает его имени. Но если каждого из тех созданий, мимо которых он проходит, спросить, они ответят, что слышали что-то о нем. Потому что он бог. Могущество его почти не знает границ. Однако он был побежден. Принц, Имя Которому Тысяча, его брат, добился его падения, чтобы сохранить себе жизнь, и тот порядок жизни, который он представляет.

Гор сворачивает на хорошо освещенный проспект, где развлекаются разные особи. Сгустки энергии и ночь — вокруг него.

Он пришел именно на эту улицу именно этого мира по определенной причине. Он колеблется, не зная, что ему делать. Ему нужны советы. Он любит оракулов.

Он ищет мнений.

Темнота в небе, ярко освещенная улица. Он проходит мимо людей, созданных для развлечений.

Человек движется к нему и преграждает ему путь. Он пытается обойти его, сойдя на мостовую. Человек идет за ним и хватает его за руку.

Гор дует на него, и возникает ветер ураганной

силы. Человека уносит, а Гор продолжает свой путь.

Через некоторое время он доходит до того места, где находятся оракулы, гадалки по картам, Астрологи, Нумерологи, предсказатели Йи-Чинг, которые зазывают бога в красной повязке. Но он проходит мимо.

В конце концов он приходит туда, где нет людей.

Это место машин, которые предсказывают.

Он выбирает первую попавшуюся кабину, входит.

— Да? — спрашивает машина.

— Вопросы, — отвечает Гор.

— Минуту.

Раздается металлический щелчок, и открывается внутренняя дверь:

— Войдите!

Гор входит в маленькую комнату. Голое женское тело с большой грудью лежит на постели, подсоединенное к сверкающему металлическому аппарату. В стену вставлен громкоговоритель.

— Соединитесь с вопрошающей единицей машины, — говорят ему. — Что бы вы хотели знать?

Снимая с себя набедренную повязку, Гор вы-

полняет указание.

— Наше правило таково, что на все ваши вопросы ответы будут поступать только до тех пор, пока вы будете в состоянии удовлетворять ее. Что бы вы хотели знать?

— У меня есть проблема: я в ссоре со своим братом. Я пытался убить его. У меня ничего не получилось. Я никак не могу решить, следует ли мне вновь искать его, чтобы продолжать битву…

— Недостаточная информация для ответа, — слышится голос. — Что за ссора? Какой брат? Кто вы такой?

Отвратительными вырастают лилии, а ряды роз — как забор шипов. Сад памяти заполняется бежевыми букетами:

— Возможно, я обратился не туда, куда следовало бы…

— Может быть, и так, а может быть, и нет. Однако, очевидно, что вы не знаете правил.

— Правил? — Гор смотрит на тусклый металл говорящего.

Голос, доносящийся из громкоговорителя, сухой, монотонный.

— Я не гадалка и не предсказательница будущего, я — электро-механо-биологическое устройство бога Логики. Моя цена — наслаждение, и я могу

сделать богом любого человека. Однако для этого мне необходим более сложный вопрос. Я не располагаю достаточными данными, чтобы сейчас тебе ответить, так что продолжай заниматься со мной любовью и скажи мне что-то еще.

— Я не знаю, как начать, — говорит Гор. — Когда-то мой брат правил всем на свете…

— Стоп! Твое утверждение нелогично, бессмысленно…

— … и абсолютно верно. Мой брат — это Тот, которого иногда называют Принцем, Имя Которому Тысяча. Когда-то все Средние Миры были его королевством.

— В моих ячейках зарегистрировано существование мифа о Повелителе Жизни и Смерти. Согласно этому мифу, у него не было братьев.

— Вношу поправку. Внутри нашей семьи мы не любим распространяться о семейных делах. У Изиды было три сына, один из которых был законным от лорда Озириса и два — от Сета Разрушителя. Сету она зачала Тайфуна и Тота. Озирису — Гора Мстителя, то есть меня.

— Ты Гор?

— Ты правильно назвала мое имя.

— И ты желаешь уничтожить Тота?

— Таковым было мое задание.

— Ты не можешь этого сделать и, пожалуйста, не уходи. Может быть, есть еще вопросы, которые ты хотел бы задать.

— Я не могу придумать ни одного.

Но Гор не может уйти именно в эту минуту, потому что тело его начинает гореть, как в огне.

— Кто ты? — спрашивает он в конце концов.

— Я уже сказала тебе.

— Да, но как ты дошла до этого: получеловек-полумашина?

— Это один из тех вопросов, на которые я не могу ответить, если не буду полностью удовлетворена. Однако я попытаюсь утешить тебя, потому что ты очень расстроен.

— Спасибо. Ты добра.

— Это и мое удовольствие.

— Я бы сказал, что когда-то ты была человеком.

— Это верно.

— Почему же ты перестала быть им?

— Я не могу этого сказать.

— Могу я помочь тебе хоть чем-нибудь, чтобы выполнить какое-нибудь твое сокровенное желание?

— Да.

— Как?

— Я не могу этого сказать.

— Ты точно знаешь, что Гор не может уничтожить Тота?

— Стопроцентная вероятность, согласно мифам, записями которых я обладаю.

— Если бы ты была простой смертной женщиной, я был бы добр к тебе.

— Что это значит?

— Я смог бы полюбить тебя за твою потрясающую честность.

— О боже! Боже! Ты спас меня!

— Что ты хочешь сказать?

— Я была обречена на это существование, пока один из тех, кто выше человека, не посмотрит на меня с любовью.

— Я могу смотреть на тебя с любовью. Ты считаешь это вероятным?

— Нет, потому что я слишком использована.

— Тогда ты не знаешь бога Гора.

— Вероятность ничтожно мала.

— Но мне некого больше любить. Поэтому я люблю тебя.

— Бог Гор любит меня?

— Да.

— Тогда ты мой Принц, и ты пришел.

— Я не…

— Подожди минутку, и произойдет кое-что еще.

— Я подожду, — говорит Гор, вставая.

Вещь, которая называлась сердцем

Брамин идет по Дому Мертвых. Если бы у вас были глаза, вы все равно ничего не смогли бы увидеть. Там слишком темно для того, чтобы глаза могли пригодиться. Но Брамин может видеть.

Он идет через огромную комнату, и, когда он доходит до определенного ее места, появляется свет, туманный и оранжевый, и тени толпятся по углам.

Затем они появляются из прозрачных прямоугольников, возникающих в полу, и они не дышат, не мигают, они в горизонтальном положении, и они отдыхают в невидимых катафалках, на высоте двух футов, а их одежда и кожа самая разноцветная, а тела их из всех веков. У одних из них есть крылья, у других хвосты, у некоторых рога или длинные когти. У некоторых есть все это, а в некоторых встроены части машин.

Раздаются стоны и хруст костей, а затем все приходит в движение.

Шурша, скрипя, хрустя, они садятся, они встают.

Затем все склоняются перед ним, и одно слово наполняет воздух.

— Господин.

Он смотрит своими зелеными глазами на эту толпу, и откуда-то внезапно до его ушей доносится звук падающего смеха.

Поворачиваясь, поворачиваясь, поворачиваясь, он машет своей тростью.

Затем в воздухе внезапно возникает движение, и она стоит рядом с ним.

— Брамин, твои новые подданные присягают тебе.

— Леди, как ты сюда попала?

Но она опять смеется и не отвечает на его вопрос.

— И я тоже пришла поприветствовать тебя: хайль, Брамин! Повелитель Дома Мертвых!

— Ты очень добра, Леди!

— Я более, чем добра. Конец близится, и то, чего я желаю больше всего на свете, скоро будет моим.

— Это ты подняла мертвых?

— Конечно.

— А ты знаешь, где сейчас находится Анубис?

— Нет, но я могу помочь тебе найти его.

— Давай дадим мертвым отдых и тогда я могу попросить твоей помощи. Я также могу спросить тебя, чего ты желаешь.

— А я могу ответить тебе.

И мертвые внезапно ложатся и опускаются в свои могилы. Свет исчезает.

— Ты знаешь, почему убежал Анубис? — спрашивает он.

— Нет, я только что прибыла сюда.

И Рыжая Ведьма улыбается под своей вуалью.

— То, что Тайфун жив, радует меня несказанно, — говорит она. — Где он сейчас?

— В настоящий момент он ищет Озириса с тем, чтобы убить его. Возможно, он уже разделался и с собакой, и с птицей.

И она смеется, и ее служка прыгает к ней на плечо и хватается за свой живот.

— Как радостно все должно быть сейчас! Как прекрасно, если это ему удалось! Но мы должны посмотреть своими глазами!

— Хорошо.

И Брамин чертит в темном воздухе зеленую раму.

Изида подвигается к нему и берет его за руку.

Внезапно в раме появляется картина, изображение перемещается.

На картине — тень черной лошади, в одиночестве двигающаяся вдоль стены.

— Это мало о чем нам говорит, — замечает

Брамин.

— Да, но как приятно вновь глядеть на своего сына, который содержит Скагганакскую пропасть в самом себе. А где может быть его брат?

— Со своим отцом, так как они опять отправились биться с Безымянным.

Изида опускает свои глаза, и картина начинает затуманиваться.

— Я хочу поглядеть… — говорит она после паузы.

— Но сначала я — должен отыскать Анубиса и Озириса, если они все еще живы, и Мадрака.

— Хорошо.

И в изумрудной раме медленно начинает возникать новая картина.

На берегу и на мели

Стоя во весь рост, он смотрит на То, Что Плачет в Ночи.

Оно больше не плачет.

Освобожденное, оно тянется к нему башней дыма, бородой без подбородка.

Подняв звездный жезл, он вычерчивает огненные струи.

Оно продолжает двигаться вперед.

Огни вспыхивают всеми цветами спектра, затем исчезают.

Стоя во весь рост над облаками и всем прочим, он пускает молнии.

Слышится какой-то жужжащий звук.

Звездный жезл вибрирует в его руках, стонет, становится ярче.

Оно отступает. Сет шагает по небу, нападая на него.

Оно снижается, падает, отступает к поверхности мира.

Преследуя, Сет становится на вершину горы. Где-то неподалеку от Луны Принц и Генерал следят за ним.

Сет смеется, и жар от взрывающегося солнца

опаляет все его существо.

Но затем оно поворачивается и наносит удар, и Сет отступает в темноту по континенту, и с каждым его шагом вздымается грибовидное облако взрыва.

Ураганы трясут своими кудрявыми головами. Шаровые молнии летают по небу. Вечные сумерки освещаются языком пламени, который падает на его преследователя. Однако оно продолжает приближаться и наступать, и горы падают в тех местах, где оно идет. Далеко внизу земля, башмаки на его ногах гремят громом с каждым шагом Сета, с каждым его поворотом.

Льют ливни, сгущаются облака. Внизу появляются огненные воронки.

Оно продолжает наступать и наносить удары, и дорога, по которой он идет, раскаляется, становится серой, опять раскаляется.

Жезл звенит, как колокол, и моря выходят из своих берегов.

Огонь, земля, вода и воздух брошены против создания — все четыре стихии, но оно все еще наступает.

Сет ревет, и скалы искрашиваются в порошок, ураганы разрывают паутину неба, хлопают ею, опять соединяют края.

Оно опять плачет, и Сет, стоя одной ногой в море, улыбается внутри своей перчатки и бьет водоворотами и вихрями.

Но оно продолжает наступать, и воздух становится холодным.

Из-под руки Сета вырывается тайфун, а молнии сверкают без перерыва. Земля трещит и тонет самое в себе.

Сет и существо одновременно наносят удар, и континента под ними больше не существует.

Океаны начинают кипеть, а разноцветная Аврора покрывает все небо.

Затем три иглы белого цвета пронизывают существо насквозь, и оно отступает к Экватору.

Сет преследует, хаос преследует Сета.

Гром непрерывно гремит над Экватором, и сверкание, сверкание, сверкание звездного жезла в небе…

Дым цвета травы заполняет воздух. Лакей Судьбы Время скрывается за ним.

Раздается плач, и опять слышен звон, похожий на колокольный, как будто лопнули цепи, которыми было сковано море, и воды поднимаются ввысь, как колонные Помпеи в тот день — день, когда они были сломаны, уничтожены, и жар, жар от кипящего океана поднимается ввысь

вместе с ними, и воздух теперь уже становится плотным, и им невозможно дышать. Играя темпоральную фугу, Сет распинает существо на дымящемся небе, но оно все еще плачет и кидается на Сета, отступая. На доспехах Сета нет ни царапины, хоть это и не те доспехи, о чем он не знает, потому что То, Что Плачет, не дотронулось до него. Сейчас Сет полыхает пламенем, которым отмечают день Гая Фокса. Существо взрывается в девятнадцати местах, падает внутрь самого себя. Затем раздается мощный рев, и вновь летят копья молний. То, Что Плачет в Ночи, становится воющим шаром, одной восьмой этого шара. Оно воет так, что лопнула барабанная перепонка, и Сет хватается за голову, но продолжает со всех сторон омывать существо светом своего жезла.

Затем уже воющий визг исходит из самого звездного неба. Розовое лезвие огня опускается на существо.

Оно становится стариком с длинной бородой — несколько миль в высоту.

Оно поднимает руку, и внезапно Сет весь окружен светом.

Но он поднимает свой жезл, и темнота пожирает свет, и зеленый трезубец ударяет существо в грудь.

Падая, оно. становится сфинксом, и разбивает его лицо ультразвуком.

Рухнув, оно превращается в сатира, и он кастрирует его серебряными ножницами.

Затем оно отступает, раненное, на высоту в три мили, кобра черного дыма, и Сет знает, что минута пришла.

Он поднимает звездный жезл и чуть регулирует его.

Интермеццо

Армии сталкиваются в тумане планеты Д'донори, и голинды случаются прямо на могилах убитых. Корона сорвана с головы Дилвита, он остается без скальпа. Вновь Бротц, Пуртц и Дульп ослеплены своими соседями. На мире Валдик причитания и темнота, из руин Блиса опять тянется вверх жизнь, Марачек мертв, мертв, мертв, цвет — пыль, Шизм начался на Интерлюдии, а также вечерние дожди, вместе с которыми монаху по имени Брос приходит видение Священных Башмаков, хотя он опьянен наркотиками и, скорее всего, сумасшедший, безумный, безумный ветер дует под морем в Месте Сокровенных Желаний, и зеленое морское чудовище, которое живет там, резвится в осенних туманах, созвездия яркобрюхих рыб, плавающих повсюду.

Трость, подвеска, колесница и прочее

Его рука обнимает ее за талию, и они вместе смотрят на картины, которые возникают в раме, там, в Доме Мертвых. Они смотрят на Озириса, который плывет по небу на своем черном луке, который заражен тем, что может разбить солнце. Он скачет один, и желтые его глаза никогда не мигают на лице, которое не знает выражений. Они смотрят на темный шар, в котором сидят Анубис и Мадрак, и находится пустая перчатка, управляющая энергиями.

Брамин вычерчивает две линии кончиком своей трости, продолжая движение обоих предметов. Картина меняется и показывает то место, где эти линии пересекаются. Там находится сумеречный мир, поверхность которого все время меняется по мере того, как они наблюдают.

— Откуда они могут знать это место? — спрашивает Изида.

— Не знаю. Разве что… Озирис! Он нашел записку. Я смотрел на него, когда он читал ее.

— И?..

— Гор. Это Гор оставил ему записку, вероятно, с указанием места.

— Откуда Гор может знать его?

— Он бился с Тотом, — вероятно, в собственном мозгу Тота, а Гор умеет читать мысли, знает, кто что думает. Видимо, в один из моментов в течение их поединка Гору удалось выкрасть эту мысль Принца, который обычно полностью огражден от подобных неожиданностей. Да, на какую-то секунду, вероятно, был неосторожен. Его надо предупредить!

— Может быть, Тайфун еще обеспечит ему безопасность?

— Где Тайфун сейчас?

Они смотрят на раму, и все картины начинают мелькать перед их глазами.

— Черно, черно, черно… Ничего.

— Такое ощущение, как будто Тайфун вообще не существует, — говорит Брамин.

— Нет, — говорит Изида. — Ты смотришь на пропасть, которая называется Скагганакской. Тайфун покинул эту вселенную, чтобы найти свой путь на другую сторону космоса, такого, каким знают его люди. Возможно, он тоже нашел ту записку, которую написал Гор.

— Этого недостаточно для безопасности Принца. Весь проект может рухнуть, если мы не сможем его предупредить.

— Тогда отправляйся к нему немедленно!

— Я не могу.

— А одна из твоих знаменитых зеленых дверей?

— Я могу открыть путь только в Средние Миры. Я беру энергию поля. Я не могу оперировать за его пределами. Леди, как ты появилась здесь?

— Прилетела на своей колеснице.

— Десяти Невидимых Энергий?

— Да.

— Тогда давай используем ее.

— Я боюсь… Послушай, Мага. Ты должен понять. Я — женщина, и я люблю моего сына, но я люблю и свою жизнь. Я боюсь. Я боюсь этого места, где происходит битва. Не думай обо мне плохо, если откажусь сопровождать тебя. Ты можешь взять мою колесницу и пользоваться ею, но ты должен отправиться туда один.

— Я не буду думать о тебе плохо, Леди.

— Тогда возьми подвеску. Она контролирует Десять Энергий, которые управляют ею, и она придаст тебе дополнительные силы.

— Будет ли она действовать за Средними Мирами?

— Да!

И она скользит в его объятия, и какое-то мгно-

вение его зеленая борода щекочет ей шею, в то время как служка обнажает свои крохотные зубы и бьет хвостом.

Затем она провожает его до своей колесницы на крыше Дома Мертвых, и он восходит на нее, высоко держа подвеску в правой руке, и на мгновение становится частью гениально составленной схемы внутри красной бутылки, похожей на сверкающее звездное небо, на которое смотрит Изида.

Вся дрожа, она опять заходит в Дом Мертвых, чтобы опять думать о том, кого боится встретить, кто в этот момент бьется с Безымянным.

* * *

Брамин смотрит вперед нефритовыми глазами. В них сверкают желтые огоньки.

За глазами Брамина появляется видение…

Вот стоит Принц, глядя вниз. Поверхность мира охвачена огнем. На носу корабля Принца стоит зверь, чье тело — доспехи, чей всадник сидит неподвижно, сверкая, тоже глядя на место битвы. Лук приближается. Шар летит вперед. Молот спущен с тетивы и летит вперед, ударяя. Затем с него срывается комета с ярким хвостом, которая несется вперед, все разгоняясь.

Где-то звенит банджо, и Бронза встает на дыбы, а Генерал оглядывается через левое плечо, чтобы посмотреть на вторгшегося. Левая рука его дергается по направлению к нему, и Бронза продолжает пятиться на задних ногах, а потом одним прыжком соскакивает с корабля Принца. Она совершает всего три прыжка. Лошадь и наездник исчезают. Что-то колеблется, туманится, и звезды начинают плясать в том уголке неба, как будто они всего лишь отражения в неспокойных водах озера. Комета захвачена этим ветром, который называют Ветром Перемен, становится двухметровой, исчезает. Обломки сломанного лука-самострела продолжают лететь. Шар направляется к поверхности мира, исчезает в дыму, пламени, и пыли. Долгое время схема остается прежней, но затем шар улетает. Сейчас в нем уже трое.

Брамин сильнее сжимает руку на кровавой подвеске и поворачивает Колесницу Десяти в погоню.

Что-то яростное продолжает происходить на планете. Вся ее поверхность кажется жидким и кипящим шаром, изменяющим форму, выбрасывающим в воздух мощные фонтаны. Несколько ослепительных вспышек, страшный треск. Пла-

нета раскалывается. Свет, все заполняющий, невыносимо, невыносимо яркий — и пыль, неразбериха, осколки.

Вот какое видение за нефритовыми глазами Брамина, в которых сверкают желтые огоньки.

Пропасть

Сложив руки за спиной, Принц, Имя Которому Тысяча, смотрит на уничтоженный мир.

Разбитый мир, останки которого, сплющенные и неровные, вращаются под его ногами, исчезая, удлиняясь, горя, горя, горя.

Затем он смотрит через оптический прибор, похожий на розовый лорнет с антенной. Изредка раздается щелчок, и антенна дергается. Он опускает ее, потом поднимает, и так несколько раз. В конце концов он откладывает ее в сторону.

— Что ты видишь, брат мой?

Он поворачивает голову и видит рядом с собой тень черной лошади.

— Я вижу живой огонек света, запутавшийся в тех обломках внизу, — говорит он. — Изувеченный, съежившийся, еле пульсирующий, но все еще живой. Все еще живой…

— Значит, наш отец потерпел неудачу.

— Боюсь, что так.

— Этого не должно быть.

И Тайфун исчезает.

* * *

Брамин продолжает преследовать шар Анубиса, и он видит то, что невозможно понять.

На изувеченные остатки химических элементов, которые когда-то были миром, падает черная точка. Она растет в самой середине света, пыли, неразберихи, растет, пока ее очертания не становятся более четкими.

Это тень черной лошади, которая падает на руины.

Она продолжает расти, пока не становится размером с континент.

Встав на дыбы, черная лошадь возвышается над всем. Она пухнет, расширяется, пока обломки целой планеты не попадают в нее.

Затем она очерчивается пламенем.

Внутри этого сверкающего силуэта — ничто. Вообще ничто.

Затем пламя опадает, и тень съеживается, отступая, ускользая вдоль длинного, абсолютно пустого коридора.

Затем не остается ничего.

Как будто мир не существовал вовсе. Он исчез, пропал, ему капут, и Тому, Что Кричит в Ночи вместе с ним. И Тайфуна тоже больше нет.

В голову Брамина приходит строчка из немецкого поэта о берегах Рейна. Он не помнит ее источника, но ощущение ему знакомо.

Высоко держа в руке кровавый меч, он преследует бога смерти.

Корабль дураков

Пробуждаясь медленно, скованный, с распростертыми руками и ногами, на стальном столе, с ярким светом, бьющим в его желтые глаза и проникающим, как стальные иглы, в мозг, Сет мягко стонет и пробует, насколько крепко он связан.

Его оружие исчезло, а бледный свет в углу может быть его звездным жезлом. Башмаков, которые могут ходить по чему угодно, вообще не видно.

— Привет, Разрушитель, — говорит носитель перчатки. — Тебе повезло, что ты выжил в результате этой битвы.

— Мадрак?.. — спрашивает он.

— Да.

— Я не могу тебя видеть. Этот свет…

— Я стою позади тебя, и свет этот горит только с той целью, чтобы ты не мог использовать темпоральную фугу с тем, чтобы покинуть этот корабль дураков до тех пор, пока мы не разрешим тебе этого.

— Я не понимаю.

— Битва внизу все еще жуткая. Я сейчас наблюдаю за ней через иллюминатор. Похоже на то, что

ты побеждаешь. Через мгновение опять ударит Молот, Разбивающий Солнца, и ты, конечно, избежишь этого удара, как и в прошлый раз, с помощью темпоральной фуги. Вот почему мы смогли подобрать тебя несколько минут тому назад, совсем как Анубис сделал это тысячу лет тому назад. Тот факт, что ты здесь появился, говорит о том, что сейчас должно произойти. Ну вот! Озирис спускает тетиву, и Молот начинает свой спуск… Анубис! Что-то не так! Смотри, происходят какие-то изменения! Молот… он… исчез…

— Да, вижу, — слышится знакомый, отрывистый, как лай, голос. — И Озирис тоже исчез. Железный Генерал — это был он.

— Что же нам теперь делать?

— Ничего. Вообще ничего. Получилось даже лучше, чем мы смели надеяться. То, что Сет все-таки появился здесь с помощью фуги, говорит о том, что должен произойти какой-то космический катаклизм. Разве я не прав, Сет?

— Да.

— Твой последний удар, несомненно, уничтожил весь мир.

— Вероятно. Я не остался, чтобы посмотреть.

— Да, вот он раскалывается, — говорит Мадрак.

— Великолепно! Теперь у нас есть Сет, от Ози-

риса мы избавились, а Железного Генерала, который мог бы нас преследовать, больше не существует. Он теперь находится именно в том положении, в котором нам нужно.

— Хайль, Мадрак, новый повелитель Дома Жизни.

— Спасибо, Анубис. Я не думал, что этого будет так легко добиться. Но что с Безымянным?

— Ну уж на этот раз он наверняка должен был погибнуть. А, Сет?

— Не знаю. Я нанес удар, используя всю силу жезла.

— Значит, все в порядке. А теперь послушай меня, Сет. Мы не желаем тебе зла и не собираемся причинять вред твоему сыну, Тоту. Мы спасли тебя, когда ты был беспомощен и мог погибнуть…

— Тогда зачем вы меня связали?

— Потому что я знаю твой характер и твое могущество, и я хотел договориться с тобой, прежде чем освободить тебя. Ты просто мог не дать мне объясниться, вот я и застраховал себя на всякий случай. Я хочу договориться через тебя с Тотом.

— Лорд! — кричит Мадрак. — Посмотри на обломки планеты! На них надвигается чудовищная тень.

— Это Тайфун!

— Да. Интересно, что он делает?

— Ты знаешь что-нибудь, Сет?

— Это значит, что он потерпел неудачу и что где-то среди руин Безымянный все еще плачет в ночи. Тайфун заканчивает то, что я начал.

— Появился огонь, повелитель, и… нет, я не могу смотреть на эту пустоту, которая появляется…

— Скагганакская пропасть!

— Да, — говорит Сет. — Тайфун — это и есть Скагганакская пропасть. Он выкидывает Безымянного из вселенной.

— Кто такой Безымянный?

— Бог, — говорит Сет, — старший брат, который, я в этом уверен, не видел вокруг себя больше ничего божественного.

— Я не понимаю, — говорит Мадрак.

— Он шутит. Но как же Тайфун? Что нам с ним делать?

— Может быть, вам не придется ничего с ним делать, — говорит Сет. — То, что он совершил, скорее всего, кончится тем, что и он будет изгнан из этой вселенной.

— Тогда мы выиграли, Анубис! Мы выиграли! Тайфун был единственным, кого ты боялся, ведь так?

— Да. Теперь Средние Миры навечно будут в

моих руках.

— И в моих, не забывай этого!

— Конечно. Так что, Сет, смотри, как перемещаются звезды.

Ты присоединишься к ним. Ты станешь правой рукой Анубиса. Твой сын может быть Регентом. Он может сам решить, чем будет заниматься, потому что я не в силах понять всей его мудрости. Что ты скажешь на это?

— Я должен подумать, Анубис.

— Ну, конечно, сколько угодно. Однако не забывай, что я сейчас неуязвим.

— А ты не забывай, что я победил бога в битве.

— Он не мог быть богом, — говорит Мадрак, — или его нельзя было бы победить.

— Нет, — говорит Сет. — Ты видел его в самом конце. Ты был свидетелем его силы. И даже сейчас он не умер, а только в изгнании.

Мадрак опускает голову и закрывает лицо руками.

— Я тебе не верю! Я не могу…

— Но это правда, и ты принимал в этом участие, продажный священник, хулитель, еретик.

— Молчание, Сет! — вскрикивает Анубис. — Не слушай его, Мадрак. Он видит твои слабости, как и слабости всех тех, кто имеет с ним дело. Он

хочет втянуть тебя в сражение иного рода, там, где тебе придется бороться с самим собой и быть побежденным тем чувством вины, которое он тебе внушит. Не обращай на него внимания.

— Но что, если он говорит правду? Я стоял и смотрел, как уничтожают бога, и ничего не предпринял… даже выгадал в результате…

— Вот это справедливо, — говорит Сет. — Вина в основном моя, но по крайней мере я с гордостью несу ее. Однако и ты был моим соучастником. Ты стоял и смотрел, думая о своей выгоде, когда Он, которому ты служишь, был избиваем, когда Он стоял на коленях…

Анубис наносит ему страшный удар, который рассекает щеку.

— Насколько я понимаю, ты уже подумал и это твой ответ: ты пытаешься обратить Мадрака против меня. Но это не получится. Не так уж он глуп, как ты думаешь, правда, папаша?

Мадрак не отвечает, но продолжает глядеть в иллюминатор.

Сет пытается освободиться, но у него ничего не получается.

— Анубис, нас преследуют!

Анубис отходит от Сета, исчезая в темноте. Сильный свет продолжает бить прямо в глаза

Сета.

— Это Колесница Десяти, — говорит Анубис.

— Леди Изиды? — спрашивает Мадрак. — Зачем она следует за нами?

— Потому что Сет когда-то был ею любим. Возможно, и сейчас тоже. Ну что, Сет, не поделишься?

Сет не отвечает.

— Как бы там ни было, — говорит Мадрак, — она приближается. Много ли сил у Ведьмы? Может она чем-нибудь повредить нам?

— Не знаю, как там насчет ее. силы, но она боялась своего старого Лорда, Озириса, избегая его много столетий, а уж у меня силы не меньше, чем у Озириса. Нас не победит какая-то женщина.

Мадрак наклоняет голову, что-то бормоча, и начинает бить себя кулаками в грудь.

— Прекрати это! Ты смешон!

Смеется Сет, и Анубис с рычанием поворачивается к нему:

— Я вырву твое сердце за это!

Но Сет поднимает свою окровавленную левую руку, которую он только что освободил, и держит ее перед своим телом…

— Только попробуй, собака! Одна твоя рука против моей! Твой посох и любое другое оружие

— против левой руки Сета! Подойди ближе!

И глаза его сверкают, как солнца-близнецы, и Анубис отступает назад, вне пределов, которые может достать рука Сета.

Свет продолжает вращаться и сверкать.

— Убей его, Мадрак! — кричит Анубис. — Он больше нам не нужен! На тебе перчатка, управляющая энергией! Он не сможет выстоять против нее.

Но Мадрак вдруг говорит:

— Прости меня, Сущий или Существующий, Где бы Ты Был или Не Был, за мои поступки и дела, которые я делал или не делал, или должен или не должен был делать. И в том случае, если…

— Тогда дай перчатку мне! — кричит Анубис. — Быстро!

Но Мадрак продолжает говорить, не слыша.

Весь шар начинает дрожать, двойная дверь со множеством запоров распахивается, и входит Брамин.

Он машет в воздухе своей тростью и улыбается.

— Как поживаете? Как поживаете?

— Свяжи его, Мадрак! — кричит Анубис.

Но Брамин идет вперед, а Мадрак смотрит в окно и бормочет. Тогда Анубис поднимет перед

собой свой посох.

— Ангел Седьмого Поста, Падший, изыди! — говорит Анубис.

— Ты пользуешься моим старым титулом, — говорит Брамин. — Теперь я Ангел Дома Мертвых.

— Ты лжешь.

— Нет. Согласно назначению Принца, я сейчас занимаю твой прежний пост.

Мощным рывком Сет освобождает свою правую руку.

Брамин играет перед собой подвеской Изиды, и Анубис пятится от него.

— Мадрак, я велю тебе убить этого человека! — кричит он.

— Брамина? — говорит Мадрак. — О, нет, не Брамина. Он хороший. Он мой друг.

Сет освобождает свою правую ногу.

— Мадрак, если ты не желаешь убивать Брамина, тогда подержи Сета!

— Тот, кто, возможно, Отче Наш, и кто, может быть, сущий на небесах… — монотонно тянет Мадрак.

Тогда Анубис обнажает клыки, и рычит, и наставляет на Брамина свой посох, как базуку.

— Ни шага дальше, — объявляет он.

Но Брамин делает еще один шаг.

Ярчайшая вспышка света освещает его, но красные лучи из подвески гасят свет.

— Слишком поздно, пес, — говорит он.

Анубис кружит, продвигаясь ближе к иллюминатору, у которого стоит Мадрак.

Сет освобождает свою левую ногу, потирает ее, встает.

— Ты труп, — говорит Сет и идет вперед.

Но в эту самую минуту в Анубиса вонзается острие ножа Мадрака, протыкая шею сзади и проходя насквозь.

— Я не хотел зла, — говорит Мадрак, — я честно оплачиваю свою вину. Собака совсем запутала меня. Я раскаиваюсь. Я дарю вам его жизнь.

— Ты глупец! — говорит Брамин. — Я хотел взять его в плен.

Мадрак начинает плакать.

Короткими струями кровь течет из Анубиса на пол шара.

Сет медленно опускает голову и потирает глаза.

— Что дальше? — спрашивает Брамин.

— … да святится Имя Твое, если у тебя есть Имя и желание, чтобы его святили… — говорит Мадрак.

Сет не отвечает, закрыв глаза и погрузившись в сон, который продолжается много дней.

Фемина экс-машина

У нее большой живот, потому что она тяжела ребенком, и она лежит внутри машины. Стена комнатки отодвинута в сторону. Провода отпадают с ее головы и спина, разрывая ледяную логику, ячейки памяти, вожделение сексокомпа, трубки для внутривенного питания. Она депрограммируется.

— Принц Гор…

— Мерга, отдыхай.

— Ты снял с меня заклятье.

— Кто сделал с тобой эту ужасную вещь?

— Ведьма Лоджии.

— Мать! Она всегда была дикаркой, Мегра. Мне очень жаль.

Он кладет на нее свою руку.

— Но почему она так поступила?

— Она сказала мне, чего я не знала — что я тяжела ребенком Сета — и что именно по этой причине…

— Сет!

И пальцы Гора впиваются в металлический стол и гнут его поверхность.

— Сет… Он взял тебя силой?

— Не совсем.

— Сет… А что ты чувствуешь по отношению к нему сейчас?

— Я ненавижу его. Ему совершенно безразлична жизнь…

— Я знаю. Я не буду больше расспрашивать тебя о нем. Ты отправишься со мной в Дом Жизни, Мегра с Калгана, и останешься там навсегда.

— Но, Гор, я боюсь, что мне придется рожать здесь. Я слишком слаба, чтобы отправиться в далекий путь, а мое время очень близко.

— Ну что ж, быть посему. На некоторое время мы останемся на этом месте.

И она хватается обеими руками за живот и закрывает свои глаза кобальтового цвета. Свет машины заставляет щеки ее пылать алым румянцем. Гор сидит рядом с ней.

Свадьба между Раем и Адом

Цитадель Марачека, безлюдная, с людьми, опять безлюдная. Почему? Послушайте…

Сет твердо стоит на ногах и смотрит на чудовище, которое кидается на него.

Долгое время сражаются они там, во дворе Цитадели.

Затем Сет ломает ему позвоночник, и чудовище лежит на земле и стонет.

Глаза его сверкают, как солнца, и опять он поворачивается, собираясь идти туда, куда направлялся с самого начала.

Тогда Тот, его сын, его отец, Принц, Имя Которому Тысяча, опять открывает бутылку с мгновенно растущими чудовищами и берет оттуда еще одно семя.

Он кидает его в пыль, и еще один монстр вырастает под его рукой и кидается на Сета.

Глаза Сета, сверкающие сумасшествием, падают на это новое создание, и опять начинается сражение.

Стоя над его трупом, Сет наклоняет голову и исчезает.

Но Тот следует за ним, кидая все новых и новых

чудовищ, и духи Сета и чудовищ, с которыми он сражается, яростно проносятся в мраморной памяти, что была разрушенным и восстановленным Марачеком, самым древним городом.

И каждый раз, когда Сет уничтожает чудовище, он опять обращает взгляд в то пространство, в тот момент, когда он бился с Безымянным и уничтожил весь мир, и где встает на дыбы и сверкает темная тень лошади его сына, и он пытается попасть в то пространство в тот момент еще до аннигиляции планеты.

Но Тот следует за ним, отвлекая его чудовищами.

И все это потому, что Сет — это разрушение, и он уничтожит самого себя, если под его рукой или в поле зрения не окажется чего-нибудь другого, во времени или в пространстве. Но Принц мудр и понимает это. Вот почему он следует за своим отцом по этому темпоральному пути к алтарю аннигиляции, пробудившись из транса битвы с Тем, Что Плачет в Ночи. Потому что Тот знает: если ему удастся отвлечь Сета достаточно долгое время, возникнут другие проблемы, которые также потребуют внимания Сета. Ведь проблемы возникают всегда.

Но сейчас они двигаются сквозь время — муд-

рый Принц и его враг — смертоносный отец-сын — и всегда обходя стороной пропасть, которая называется Скагганакской — сына, брата, внука.

Сон ведьмы

Она спит в Доме Мертвых, в глубоком, темном, далеком склепе, и сознание ее — тающая и пропадающая снежинка. Но моторный цикл, который называется Временем, открывает картину прошлого, проносясь мимо, и там, в том самом зеркале, появляются битвы последних дней: мертвый Озирис и ушедший Сет. И там же зеленый смех Брамина, Брамина сумасшедшего и поэта. Вряд ли такой Лорд может подойти Ведьме Лоджии. Лучше не просыпаться. Спать целый век, а там видно будет. Здесь, среди пыльных мумий и выгоревших гобеленов, на самом дне погреба Дома Мертвых, где никто не имеет имен и не ищет их, и не будет искать, здесь она будет спать. Спать. И пусть Средние Миры продолжают заниматься своими делами, не ведая о Красной Леди, которая Жажда, Жадность, Жестокость, Мудрость, Мать и Любовница изобретений и насильственной красоты.

Создания Света, Создания Тьмы танцуют на ноже гильотины, и Изида боится поэта. Создания Света и Создания Тьмы разбрасывают по всей вселенной людей, машины и богов, и Изида в вос-

торге от этого танца. Создания Света и Создания Тьмы рождаются в бесчисленных количествах и умирают в одно мгновение, могут опять ожить, но могут и не ожить, и Изиде это тоже нравится.

Видя эти сны и страхи, служка прижимается к ней еще плотнее.

Маленький служка, который плачет в ночи.

Рев проносящегося времени становится постоянным.

Ангел Дома Жизни

Они идут глубокой ночью, пешком. Их трое, и они проходят, не задумываясь о вере или ее отсутствии. Они проходят мимо мест развлечения для многих рас, добираясь, в конце концов, до проспекта Оракулов, и идут по нему, минуя астрологов, нумерологов, гадалок и предсказателей.

По мере их продвижения яркий свет меркнет, уступая место тусклому свету и естественной ночи. Чистое небо висит над их головами, и на нем сверкают звезды. Улица становится более узкой, здания наклоняются к ним, канавы заполнены отходами, дети с ввалившимися глазами не отрываясь смотрят на них, почти невесомые в руках своих матерей.

Они пробираются через помойку. И никто не осмеливается остановить всех троих. Можно почувствовать физическую силу, от них исходящую, а та решительность, с которой они движутся, тоже отличается. Они идут легко и грациозно, и на них богатые одежды. Они идут через помойки, шествуют там, где скребутся кошки и валяются разбитые бутылки, но когда смотришь на эту троицу, то кажется, что вокруг них сверкают небеса.

Так свет мира, уничтоженного Сетом, наконец-то дошел до этой планеты, похожей на новую звезду в небе и обливающей их цветом красным сквозь голубой.

Дует холодный ветер, но они не обращают на него внимания.

Слово, обозначающее «сношаться» на девяносто четырех языках нацарапано на двери, но они не замечают надписи.

Только когда они подходят к полуразвалившейся машине, они останавливаются перед неприличным рисунком на двери.

ПЕРВЫЙ:

— Это здесь.

ВТОРОЙ:

— Тогда давайте войдем.

ТРЕТИЙ:

— Да.

(Первый дотрагивается до двери тростью с серебряным набалдашником, и она распахивается.

Он входит, остальные следуют за ним.

Они проходят по коридору и первый дотрагивается еще до одной двери.

Она тоже открывается, и они вновь останавливаются).

ГОР:

— Ты!

(Тот, чьи глаза сверкают зеленым в тени, кивает).

— Зачем ты здесь?

ЧЕЛОВЕК С ЖЕЛЕЗНЫМ КОЛЬЦОМ:

— Чтобы сказать тебе, что твой отец мертв.

ГОР:

— Кто ты?

ЧЕЛОВЕК С ЖЕЛЕЗНЫМ КОЛЬЦОМ:

— Ты знал меня, как Железного Генерала. Я убил Озириса, и сам был разбит на куски. Принц собрал меня, и я опять ношу человеческую плоть, по крайней мере сейчас. Я пришел, чтобы сообщить тебе эти новости и чтобы сказать тебе в лицо, что я убил его не ударом в спину, не хитростью, а в открытом и честном бою во время битвы.

ГОР:

— Ты правдив. Среди всех остальных я всегда готов поверить твоему слову. И я не ищу удовлетворения, если это произошло в честной битве. А чем кончилась она?

ТОЛСТЯК, ВЕСЬ В ЧЕРНОМ, ОДИН ГЛАЗ КОТОРОГО — СЕРОЕ ПОВОРАЧИВАЮЩЕЕСЯ КОЛЕСО:

— Принц снова управляет Средними мирами.

БРАМИН:

— А мы, его эмиссары, пришли просить тебя вернуться в Дом Жизни, чтобы ты мог править там вместо своего отца, как Ангел этого Поста.

ГОР:

— Понятно. А что с Сетом?

БРАМИН:

— Он исчез. Никто не знает куда.

ГОР:

— Это уже лучше. Да, думаю, я вернусь.

МАДРАК (падая на одно колено перед Мегрой с Калгана):

— Что это за ребенок?

ГОР:

— Мой сын.

МАДРАК:

— Сын Гора. Ты уже дал ему имя?

ГОР:

— Еще нет.

МАДРАК:

— Поздравляю.

ГЕНЕРАЛ:

— Да.

БРАМИН:

— Желаю счастья.

ГОР:

— Спасибо.

БРАМИН:

— Я дарю ему подвеску Изиды, которая обладает большой силой. Я знаю, она будет рада, что ее внуку сделан этот подарок.

ГОР:

— Спасибо.

ГЕНЕРАЛ:

— Я дарю ему кольцо, которое было частью моего первого тела, что служило мне верой и правдой. Когда это было необходимо, оно всегда напоминало мне о человечности.

ГОР:

— Спасибо.

МАДРАК:

— Теперь я должен идти, потому что я начинаю свое паломничество раскаяния. Я дарю ребенку свой посох, чтобы он мог утешиться, играя с ним. Ведь есть древнее поверье, согласно которому дерево помогает. Хотя я не знаю, почему.

ГОР:

— Спасибо.

МАДРАК:

— Хайль, Ангел Дома Жизни!

ГОР:

— Доброго тебе пути, Мадрак.

(Мадрак уходит).

ГЕНЕРАЛ:

— А мне надо идти возглавить одну революцию, которая здесь готовится. Пойду поищу свою лошадь. Хайль, Ангел Дома Жизни!

ГОР:

— Доброй тебе революции, Генерал!

(Генерал уходит).

БРАМИН-:

— А я отправляюсь в Дом Мертвых, которым теперь управляю. Хайль, Ангел Дома Мертвых! В один из дней Принц свяжется с тобой из Марачека. И Ангелы других Постов соберутся, чтобы воздать тебе почести.

ГОР:

— Доброй тебе поэзии и хорошего сумасшествия, Брамин!

БРАМИН:

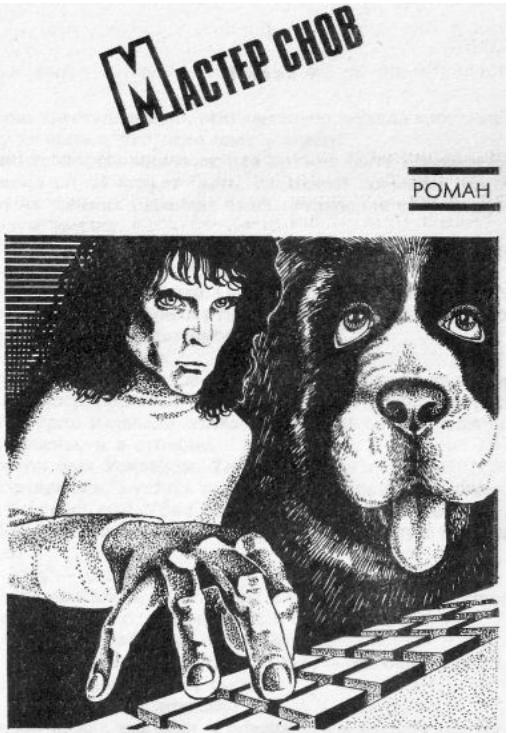
— Спасибо, и, по-моему, сказано уже все, что требовалось.

ГОР:

— Да.

Брамин поднимает трость, и поэма, падая, сверкает на полу. Гор опускает глаза, чтобы прочитать ее, и, когда он вновь их поднимает, зеленый человек уже исчез. Поэма растворяется в воздухе, и Ангел Дома Жизни знает, что все в ней правда, но

тут же забывает слова, как и должно быть.



Мастер снов

Глава 1

Кровь хлестала вовсю, оглушительно звучали яростные вопли, но Рендер сознавал, что дело идет к концу.

Значит, каждая микросекунда должна быть исправлена на минуту, решил он. И может быть, следовало повысить температуру… Где-то на далеких окраинах тьма остановила свое наступление.

Форум застыл.

Цезарь трусливо съежился вне яростного круга. Он прикрыл руками глаза, но это не мешало ему видеть.

Сенаторы были безлики. Одежды их были запятнаны кровью. Голоса их походили на крики птиц. С нечеловеческой яростью они втыкали кинжалы в поверженное тело.

Все, кроме Рендера.

Лужа крови, в которой он стоял, продолжала расширяться. Его рука, казалось, поднималась и опускалась с регулярностью механизма, его горло издавало птичьи крики, но он был одновременно и частью сцены, и в стороне.

Ибо он был Рендером. Творцом.

Скорчившись, мучаясь и завидуя, Цезарь негодующе стонал:

— Ты убил его! Убил Марка Антония, безупречного парня!

Рендер повернулся. Огромный кинжал в его руке был весь покрыт кровью.

— Ага, — сказал он.

Лезвие двигалось из стороны в сторону. Цезарь, завороженный отточенной сталью, покачивался в том же ритме.

— Зачем? — закричал он. — Зачем?

— Потому что, — ответил Рендер, — он был куда более благородным римлянином, чем ты.

— Ты врешь! Не поэтому!

Рендер пожал плечами и повернулся к распростертому телу.

— Это неправда! — вопил Цезарь. — Неправда!

Рендер снова повернулся к нему и помахал кинжалом. Цезарь, как кукла, подражал качанию лезвия.

— Неправда? — улыбнулся Рендер. — А кто ты такой, чтобы спрашивать? Ты никто! Недостоин быть даже свидетелем этой драмы! Убирайся!

Краснолицый-мужчина вскочил одним прыжком. Волосы его торчали в беспорядке, как пакля. Он повернулся и побрел прочь, оглядываясь че-

рез плечо.

Он отошел далеко от крута убийц, но стена не уменьшилась в размерах. Она сохранялась в электрической прозрачности. Это давало Цезарю ощущение, что, чем дальше он отходит, тем более он одинок.

Рендер обогнул невидимый угол и предстал перед Цезарем слепым нищим.

Цезарь подобрал полы своей одежды.

— У тебя сегодня дурное предзнаменование для меня?

— Берегись! — пронзительно выговорил Рендер.

— Да! Да! — вскрикнул Цезарь. — Беречься? Хорошо! Чего беречься?

— Ид!

— Вот как! Каких?

— Октябрьских.

Цезарь выпустил одежду.

— Что ты говоришь? Что такое октябрь?

— Месяц.

— Врешь! Нет такого месяца!

— Это дата, которой благородный Цезарь должен бояться, — несуществующее время, случай, который никогда не будет отмечен. — Рендер исчез за другим углом.

— Подожди! Вернись!

Рендер захохотал, и Форум засмеялся вместе с ним.

— Вы смеетесь надо мной! — заплакал Цезарь.

Было жарко, как в печке, и пот сделал как бы стеклянную маску на узком лбу Цезаря, остром носу, на челюсти без подбородка.

— Я тоже хочу быть убитым! — всхлипнул он. — Это нечестно!

А Рендер взорвал Форум, сенаторов и оскалившегося мертвого Антония в мелкую крошку, смел их в черный мешок, и последним исчез Цезарь.

Чарльз Рендер сидел перед девятью десятками белых кнопок и двумя красными, но не глядел на них. Его правая рука бесшумно двигалась по гладкой поверхности консоли, нажимая одни кнопки, перескакивая через другие, двигаясь дальше, вычерчивая путь, чтобы нажать следующую в Серии Отзыва.

Ощущения задохнулись, эмоции сошли на нет. Член палаты представителей Эриксон познал забвение.

Мягкий щелчок.

Рука Рендера скользнула к концу ряда кнопок. Акт сознательного намерения — воли, если угодно, — требовал нажатия красной кнопки.

Рендер освободил руку и снял Корону Медузы — словно ее волосы, тянулись во все стороны провода. Он выскользнул из-за стеллажа и поднял крышку. Подошел к окну и, сделав его прозрачным, взял сигарету.

Одна минута в колыбели, решил он. Не больше. Это решающая минута… Будем надеяться, что снег пока не пойдет, хотя, судя по тучам…

Рендер отвернулся от окна и подошел к громадному Яйцу, гладкому и сверкающему, расположенному перед его столом. Выпуклая поверхность отразила его лицо, смазала горбинку на носу, расплющила глаза в серые блюдца, раздвинула прическу до полосы горизонта. Красноватый галстук стал широким языком вампира.

Рендер улыбнулся, потянулся через стол и нажал вторую красную кнопку.

Яйцо словно вздохнуло и стало прозрачным. В середине его появилась горизонтальная трещина. Через просвечивающуюся скорлупу Рендер увидел, как Эриксон гримасничает и плотнее сжимает веки, борясь с возвращением сознания. Верхняя половина Яйца поднялась вертикально к основанию, показав узловатого, розового Эриксона в нижней раковине. Когда глаза Эриксона открылись, он и не посмотрел на Рендера. Он

встал на нош и принялся одеваться. Рендер воспользовался этим временем, чтобы проверить колыбель. Он вновь наклонился над столом и стал нажимать кнопки: температурный контроль, полный вид — проверено; экзотические звуки — он поднял наушники — проверено на колокольчики, жужжание, на звуки скрипки и свист, на крики и стоны, на шум дорожного движения и рокот прибоя; цепь обратной связи, содержащая собственный голос в анализе, — проверено; общий звук, брызги влаги, запах — проверено; цветные молнии, стимуляторы вкуса…

Рендер закрыл Яйцо и выключил его. Втолкнул агрегат в стенной шкаф, ладонью захлопнул дверцу. Лента зарегистрировала нужную последовательность.

— Садитесь, — сказал он Эриксону.

Тот сел, шея его подергивалась.

— У вас полный отзыв, — сказал Рендер, — так что мне не требуется суммировать происходящее. От меня ничего не укрылось. Я был там.

Эриксон кивнул.

— Смысл эпизода вам должен быть ясен.

Эриксон вновь кивнул и, наконец, обрел голос.

— Но это действительно было? — спросил он. — Я имею в виду, что вы конструировали сон и

все время контролировали его. Я ведь не просто видел это во сне — ну, если бы нормально спал. Вы сумели собрать воедино все происшедшее для чего-то, на что хотели мне указать, верно ведь.

Рендер медленно покачал головой, стряхнул пепел в нижнее полушарие своей шарообразной пепельницы и встретился взглядом с Эриксоном.

— Это правда, что я изменил формат и модифицировал формы. Но вы наполнили их эмоциональным содержанием, продвинули их до значения символов, соответствующих вашей проблеме. Если бы сон не был действительной аналогией, он не вызвал бы такой реакции. Он был бы лишен тревожного рисунка, который зарегистрировала лента.

Вы анализировались уже много месяцев, — продолжал Рендер, — и все, что я узнал, не смогло меня убедить, что ваша боязнь быть убитым не имеет никаких физических оснований.

Эриксон уставился на него.

— Тогда какого же дьявола я так боюсь?

— Потому что, — ответил Рендер, — вам очень хотелось бы стать объектом убийства.

Эриксон улыбнулся. К нему начало возвращаться хладнокровие.

— Уверяю вас, доктор, я никогда не помышлял

о самоубийстве и не имею никакого желания перестать жить. — Он закурил. Его руки дрожали.

— Когда вы пришли ко мне прошлым летом, вы уверяли, что боитесь покушения на свою жизнь. Но вы затруднялись сказать, почему кто-то хотел бы убить вас…

— А мое положение! Нельзя быть членом палаты представителей и не иметь врагов!

— Однако, — возразил Рендер, — вы, похоже, ухитрились их не заиметь. Когда вы позволили мне поговорить с вашими детективами, я узнал, что у них нет никаких данных, будто ваши опасения имеют реальные основания. Никаких.

— Они слишком близоруки — или смотрят не туда, куда надо. Видимо, они что-то пропустили.

— Боюсь, что нет.

— Почему?

— Повторяю: потому что ваши ощущения не имеют никакого реального основания. Будьте честны со мной: была ли у вас какая-нибудь информация о том, что кто-то ненавидит вас до такой степени, что хочет убить?

— *Я* получаю множество угрожающих писем…

— Как и все члены палаты представителей… И все письма, направленные вам в течение прошлого года, расследовались. Было установлено,

что это дело рук сумасшедших. Можете ли вы предложить мне хоть одно доказательство, подтверждающее ваши заявления?

Эриксон рассматривал кончик своей сигары.

— *Я* пришел к вам по совету одного коллеги. Пришел к вам, чтобы вы порылись в моем мозгу и нашли там что-то, с чем дальше могли бы работать мои детективы. Может, я кого-то сильно оскорбил или неудачно применил закон, имея дело с…

— … и я ничего не нашел, — повторил Рендер, — ничего, кроме причины вашего недовольства. Сейчас, конечно, вы боитесь услышать ее и пытаетесь отвлечь меня от объяснения диагноза…

— Нет!

— Тогда слушайте. Потом можете комментировать, если хотите, но вы тратили здесь время, не желая принять то, что я предлагал вам в десятке вариантов. Теперь я хочу сказать вам прямо, в чем дело, а дальше поступайте, как знаете.

— Прекрасно…

— Во-первых, вы очень хотели бы иметь множество врагов обоего пола…

— Это смешно!

— … потому что это единственная альтернатива возможности иметь друзей…

— У меня куча друзей!

— … потому что никто не хочет, чтобы его полностью игнорировали, чтобы все были к нему равнодушны. Любовь и ненависть — высшие формы проявления человеческих отношений. Не имея любви и не в силах добиться ее, вы желаете для себя ненависти. Вы так сильно мечтали о ней, что убедили себя в ее существовании. Но это — фальшивая игра. Подлинная эмоциональная потребность, подчиняясь надуманному желанию, не приносит реального удовлетворения, а дает лишь тревогу и неудовлетворенность, потому что психика не может обмануть сама себя. Вы же ищете человеческих отношений вне себя самого. Вы закрыты. То, в чем вы нуждаетесь, вы творите из материала собственного «я». Вы — человек, крайне нуждающийся в крепких связях с другими людьми.

— Что за бред!

— Примите это заключение или откажитесь от него, — сказал Рендер. — Я бы советовал вам принять.

— Я платил вам полгода, чтобы вы обнаружили, кто хочет меня убить. А вы теперь говорите, что я все выдумал, чтобы удовлетворить свое желание иметь кого-то, кто бы меня ненавидел.

— Ненавидел бы или любил.

— Это ерунда! Я встречаю так много людей, что приходится носить в кармане записывающий аппарат и камеру на лацкане, чтобы я мог всех их запомнить…

— Я говорю не о том, что вы встречаетесь со множеством людей. Скажите, этот сон важен для вас?

Эриксон немного помолчал.

— Да, — наконец сознался он. — Очень важен. Но все равно ваша интерпретация его — абсурд. Но допустим, просто ради спора, что ваши слова справедливы. Что же я должен делать, чтобы избавиться от этих снов?

Рендер откинулся в кресле.

— Пустите вашу энергию по другому пути. Встречайтесь с некоторыми людьми не как член правительства, а просто как Джо Эриксон. Общайтесь с ними, делайте вместе то, что можете: что-нибудь не относящееся к политике — скажем, в чем-то соревнуйтесь, — и вы создадите себе несколько настоящих друзей или врагов, желательно друзей. *Я* все время советовал вам сделать это.

— Тогда подскажите мне еще кое-что.

— Охотно.

— Допустим, вы правы; так почему я никогда никого не любил и не испытывал ни к кому ненависти и меня никто не ненавидел? Я занимаю ответственный пост в правительстве, я все время встречаюсь с людьми. Почему же я такой… нейтральный?

К этому моменту Рендер уже наизусть знал всю карьеру Эриксона. Он мог бы процитировать Эриксону замечание Данте о тех душах, которые, не имея добродетелей, отрицают небо, а по недостатку существенных пороков отрицают также и ад. Они поднимают паруса и движутся туда, куда несет их ветер времени, без цели, не зная, к какому порту они прибьются. Такова была долгая и бесцветная карьера Эриксона, человека, который так и не обрел ни целей, ни привязанностей. Но Рендер отогнал свои истинные мысли на этот счет, потому что они не имели оперативной ценности. Он только сказал:

— В наше время все больше и больше людей оказываются в таких же обстоятельствах. Это происходит из-за растущей сложности общества и обезличивания индивидуума в социометрической ячейке. В результате даже влечение к другим особям становится вынужденным. Сейчас таких много.

Эриксон кивнул, и Рендер внутренне улыбнулся.

Иногда нужно вести дело в открытую, чтобы потом дать свое наставление, подумал он.

— У меня впечатление, что вы, может быть, и правы, — сказал Эриксон. — Иногда я и в самом деле чувствую себя, как вы только что описали, — безликой единицей…

Рендер взглянул на часы.

— Как вы будете жить дальше, выйдя отсюда, — решать, конечно, вам. Я думаю, что вы еще потратите время и останетесь на анализ подольше. Теперь мы оба знаем причину ваших жалоб. Я не могу водить вас за руку и указывать, как себя вести. Я могу подсказать, могу посочувствовать, но без глубокого зондирования психики. Свяжитесь со мной, когда почувствуете необходимость поговорить о вашей деятельности и соотнести ее с моим диагнозом.

— Я приду, — кивнул Эриксон. — Черт побери этот сон! Он захватил меня. Вы делаете их такими же живыми, как сама жизнь…

Даже еще более живыми… Наверное, я не скоро его забуду.

— Надеюсь на это.

— О’кей, доктор. — Эриксон встал и протянул

руку. — Я, вероятно, вернусь через пару недель. Я сделаю честную попытку к общению. — Он ухмыльнулся при этих словах, от которых обычно хмурился. — В сущности, начну немедленно. Могу я угостить вас выпивкой внизу, за углом?

Рендер пожал влажную руку, утомленную, как у ведущего актера после очень удачного спектакля, и почти с сожалением сказал:

— Спасибо, но у меня назначена встреча.

Он помог Эриксону надеть пальто, подал ему шляпу и проводил до двери.

— Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Когда дверь бесшумно закрылась, Рендер снова прошел к своему трону из красного дерева и бросил сигарету в нижнее полушарие. Он откинулся в кресле, заложил руки за голову и закрыл глаза.

— Конечно, он более реален, чем сама жизнь, — сказал он в пространство. — Это я создал его.

Улыбаясь, он вновь просмотрел созданный им сон. Эх, если бы кто-нибудь из его учителей мог быть свидетелем! Сон был хорошо сконструирован, мощно выполнен и точно соответствовал данному случаю. Но ведь он, Рендер, Творец, один из двухсот особых аналитиков, чья психика позволяла входить в невротические системы и

выносить оттуда эстетическое удовлетворение имитацией отклонения — Здравомыслящий Мастер.

Рендер расшевелил свои воспоминания. Его самого тоже анализировали и, как гранитно-волевого, ультрапрочного аутсайдера, заставляли переносить ядовитую атмосферу фиксации, и он проходил невредимым через химеры искажений, заставляя темную Мать Медузу закрывать глаза перед его искусством.

Его собственный анализ не был таким трудным. Девять лет назад (как давно это было!) он добровольно подвергся инъекции новокаина в самую болезненную область своей души. Это было после автокатастрофы, когда погибли Рут и их дочь Миранда и он хотел отстранения от мира. Возможно, он не желал вновь обрести переживания. Возможно, его собственное сознание теперь базировалось на определенной жестокости чувств. Если так, то он достаточно разбирался в путях мозга, чтобы понять это, и, видимо, решил, что такой мир имеет свои преимущества.

Его сыну Питеру было теперь десять лет. Он учился в хорошей школе и писал отцу каждую неделю. Письма постепенно становились все грамотнее, показывая признаки раннего развития,

которое Рендер мог только одобрить. Он должен взять мальчика на лето с собой в Европу.

Что касается Джилл — Джилл де Вилл (какая же вычурная, смешная фамилия — он и любил ее за эту фамилию[2]), то она все больше и больше интересовала его. Он иногда задумывался: не признак ли это преждевременной старости? Его привлекал ее немузыкальный голос, ее беспокойство по поводу родинки на правой стороне ее во всех иных отношениях безупречного носа. По-настоящему следовало бы немедленно позвонить ей и договориться посетить какой-нибудь новый ресторан, но ему почему-то не хотелось этого делать.

Он уже несколько недель не был в своем клубе «Куропатка и Скальпель» и сейчас чувствовал желание поужинать в одиночестве за дубовым столиком, в построенной на разных уровнях столовой с тремя каминами, под искусственными факелами и кабаньими головами, напоминающими рекламу джина. Итак, он сунул свою перфорированную членскую карточку в прорезь телефона на столе, и позади голосового экрана дважды раздалось жужжание.

---

[2] Примечания: 2
Дьявол *(англ.).*

— Алло, «Куропатка и Скальпель», — послышался голос. — Чем могу служить?

— Говорит Чарльз Рендер, — сказал он. — *Я* хотел бы получить столик. Примерно через полчаса.

— На сколько человек?

— На меня одного.

— Очень хорошо, сэр. Значит, через полчаса. Рендер? Р-е-н-д-е-р?

— Правильно.

— Спасибо.

Он выключил связь и встал. День снаружи уже догорел. Молиты и башни теперь бросали вдаль собственный свет. Мягкий, похожий на сахар, снег падал вниз и превращался в капли на оконных стеклах.

Рендер влез в пальто, выключил свет, закрыл внутреннюю дверь. На книге записей миссис Хиджс лежала записка.

Звонила мисс де Вилл, прочел он. Рендер скомкал записку и бросил в мусоропровод. Придется позвонить ей завтра и сказать, что работал допоздна над лекцией.

Он повернул общий выключатель, надел шляпу, вышел и запер за собой наружную дверь. Лифт спустил его в подземный гараж, где стояла

машина.

Там было холодно, и шаги громко звучали по цементу. Под ярким светом его «Сциннер С-7» казался гладким серым коконом, из которого вот-вот появятся буйные крылья. Два ряда антенн, веером склоняющихся вперед над капотом, усиливали это впечатление. Рендер прижал свой большой палец к дверце.

Усевшись, он коснулся зажигания, и раздалось жужжание одинокой пчелы, проснувшейся в большом улье. Дверца бесшумно закрылась, когда он поднял рулевое колесо и закрепил его на месте. Покрутившись по спиральному подъему, он подъехал к двери перед выездом наружу.

Дверь с грохотом поднялась, он включил экран назначения и повернул ручку, которая меняла передачу карты. Слева-направо, сверху-вниз он сменял секцию за секцией, пока не нашел часть Карнеги-авеню, куда ему нужно было попасть. Он пробил эти координаты и опустил руль. Автомобиль включил монитор и выехал на окраинное шоссе. Рендер закурил.

Оттолкнув свое видение обратно в центр, он оставил все стекла прозрачными. Приятно было откинуться и смотреть на машины, пролетающие мимо подобно рою светлячков. Он сдвинул

шляпу на затылок и посмотрел вверх.

Было время, когда он любил снег. Снег напоминал ему романы Томаса Манна и музыку скандинавских композиторов. Но теперь его отношение поменялось. Он так отчетливо видел облачка молочно-белого холода, кружившиеся вокруг его старой машины с ручным управлением, текущие в ее оплавленное огнем нутро, чтобы почернеть там; видел так ясно, как будто он идет по известковому дну озера к машине — затонувшему обломку — и не может раскрыть рта и заговорить: боится утонуть, и когда бы теперь он ни увидел падающий снег, ему кажется, что это белеют черепа. Но девять лет утихомирили давнюю боль, поэтому он также сознавал, что ночь приятна.

Он быстро ехал по широким дорогам, проносился по высоким мостам, миновал сложные развязки, нырял в туннель, где тускло светящиеся стены расплывались, подобно миражу. В конце концов он затемнил окна и закрыл глаза.

Он не мог вспомнить, дремал он или нет, и это означало, что, скорее всего, он дремал. Рендер почувствовал, как автомобиль замедляет ход, и подвинул сиденье вперед. Почти тотчас же раздалось жужжание отключения. Он поднял руль,

въехал в паркинг-купол, остановился у ската и оставил машину в своей секции, получив талон от обслуживающего бокс робота, который торжественно мстил человеческому роду, прокалывая картонный язык всем, кого обслуживал.

В клубе, как всегда, шум был приглушен, как и освещение. Помещение, казалось, поглощало звук и превращало его в тепло, успокаивало душу и дразнило вкусными запахами, завораживало живым потрескиванием в трех каминах.

Рендер был рад, что ему оставили его любимый столик в углу, справа от маленького камина. Меню он знал наизусть, но рьяно изучал его, потягивая манхэттен и делая заказ соответственно аппетиту. Занятия по формированию всегда возбуждали в нем волчий голод.

— Д-р Рендер…

— Да? — Он поднял глаза.

— Д-р Шалотт желает поговорить с вами, — сказал официант.

— Не знаю никакого Шалотта, — сказал Рендер. — Может, нужен Вендар? Это хирург из Метро, он иногда обедает здесь…

Официант покачал головой.

— Нет, сэр, Рендер. Вот, взгляните. — Он протянул карточку, на которой было напечатано

заглавными буквами полное имя Рендера. — Д-р Шалотт обедает здесь почти каждый вечер последние две недели и всегда спрашивает, не пришли ли вы.

— Хм… — задумался Рендер. — Странно. Почему он не позвонил мне в офис?

Официант сделал неопределенный жест.

— Ну, ладно, скажите, чтобы подошел, — сказал Рендер, допивая манхэттен, — и принесите мне еще стаканчик.

— К несчастью, д-р Шалотт не видит, — объяснил официант. — Может быть, вам легче…

— Да, конечно. — Рендер встал, оставляя любимый столик с сильным предчувствием, что сегодня к нему не вернется. — Проводите.

Они прошли мимо обедающих и поднялись на следующий уровень. Кто-то сказал «Привет!» от столика у стены, и Рендер ответил приветливым кивком ведущему семинар для учеников, которого звали не то Юргенс, не то Джеркинс или еще как-то в этом роде.

Он вошел в меньшую по размерам столовую, где были заняты только два столика. Нет, три. Один стоял в углу у дальнего конца затемненного бара, частично скрытый древним рыцарским доспехом. Официант вел Рендера туда.

Он остановился перед столиком, и Рендер уставился на темные очки, которые тут же откинулись вверх. Д-р Шалотт оказалась женщиной чуть старше тридцати лет. Низкая рыжеватая челка не вполне скрывала серебряное пятно на лбу, похожее на кастовую метку. Рендер затянулся дымом, и голова женщины слегка дернулась, когда вспыхнул кончик его сигареты. Она, казалось, смотрела прямо в его глаза. Рендер почувствовал себя неловко, хотя знал, что она могла видеть лишь то, что крошечный фотоэлемент передал в соответствующий участок коры мозга по имплантированной, тонкой как волос проволочке, — горящую сигарету.

— Д-р Шалотт, это д-р Рендер, — сказал официант.

— Добрый вечер, — сказал Рендер:

— Добрый вечер, — ответила она. — Меня зовут Эйлцн, и я ужасно хотела встретиться с вами. Вы не пообедаете со мной?

Ему показалось, что голос ее слегка дрогнул.

— С удовольствием, — сказал он, и официант выдвинул ему стул.

Рендер сел и заметил, что женщина уже что-то пьет. Он напомнил официанту о своем втором манхэттене.

— Вы уже приняли заказ? — спросил он официанта.

— Нет.

— Дайте два меню… — начал он, но прикусил язык.

— Только одно, — улыбнулась женщина.

— Не надо, — поправился он и процитировал меню.

Они сделали заказ. Она спросила:

— Вы всегда так?

— То есть?

— Держите все меню в голове?

— Только некоторые, — сказал он, — для тяжелых случаев. Так о чем вы хотите поговорить со мной?

— Вы — врач-нейросоучастник, — сказала она. — Творец.

— А вы?

— Я изучаю психиатрию в Государственном Госпитале. Мне остался год.

— Значит, вы знали Сэма Рискомба.

— Да, он помог мне получить назначение. Он был моим советником.

— А мне — близким другом. Мы вместе учились в Мининджента.

Она кивнула.

— Я часто слышала от него о вас. Это одна из причин, почему я хотела с вами встретиться. Он подбодрял меня идти дальше в науку, несмотря на мой недостаток.

Рендер внимательно оглядел ее. Она была в темно-зеленом вельветовом платье. На корсаже с левой стороны была приколота брошь, вероятно, золотая, с красным камнем — возможно, рубином, контур оправы которого был помят. А может быть, это были два профиля, смотрящие друг на друга через камень? В этом было что-то смутно знакомое, но он не мог сейчас вспомнить что. Камень ярко блестел в искусственном освещении.

Рендер взял у официанта свой бокал.

— Я хочу стать врачом-нейросоучастником, — сказала она.

Если бы она обладала зрением, Рендер подумал бы, что она в упор смотрит на него в надежде получить ответ по выражению его лица. Он не сразу понял, что она хочет этим сказать.

— Приветствую ваш выбор и уважаю ваши стремления, — сказал он, пытаясь выразить в голосе улыбку. — Дело это нелегкое, и не все желающие становятся учеными.

— Я знаю. Я слепа от рождения, и мне всегда нелегко было добиваться своего.

— С рождения? — повторил он. — Я думал, что вы недавно потеряли зрение. Значит, вы на последнем курсе и прошли все обучение вслепую… Просто поразительно.

— Спасибо, но это не совсем так. Я слышала о первых нейросоучастниках — Бартельметре и других, — когда была еще ребенком, и тогда же я решила, что хочу стать им, И с тех пор моя жизнь управлялась этим желанием.

— Как же вы работали в лабораториях? — допытывался он. — Не видя образцов, не глядя в микроскоп… А читать все это?

— Я нанимала людей читать мне мои записи. Я все записывала на ленту. Все понимали, что я хочу идти в психиатрию, и специально договаривались в лабораториях. Лабораторные ассистенты вскрывали трупы и все мне Описывали. Я все знаю наощупь… И память у меня вроде как у вас на меню. — Она улыбнулась. — Качество феномена психоучастия может определить только сам врач в тот момент вне времени и пространства, когда он стоит среди мира, созданного из ткани снов другого человека, узнает неэвклидову архитектуру заблуждения, а затем берет пациента за руку и свертывает ландшафт… Если он может отвести пациента обратно в обычный

мир, значит, его суждения здравы, его действия имеют ценность.

— Это все из книги «Почему нет психометриста в этой службе». Автор — Чарльз Рендер, известный специалист по проблеме, — отметил Рендер…

— Ваш обед на подходе, — сказал он, поднимая свой стакан, в то время как перед ним ставили зажаренное мясо.

— Это одна из причин, по которой я хотела встретиться с вами, — продолжала она, тоже подняв стакан, когда к ней подвинули блюдо. — Я хочу, чтобы вы помогли мне стать Творцом. — Ее туманные глаза, пустые, как у статуи, вновь обратились к нему.

— У вас совершенно уникальное положение, — начал он. — Еще никогда не бывало нейросоучастника, слепого от рождения, — по очевидным причинам. Мне надо бы рассмотреть все аспекты ситуации, прежде чем советовать вам что-либо. Но давайте сначала поедим. Я проголодался.

— Хорошо. Но моя слепота не означает, что я ничего не увижу.

Он не спросил ее, что она имеет в виду, потому что перед ним стояла первоклассная грудинка, а рядом бутылка шамбертена. Когда она подняла

из-под стола свою левую руку, он заметил, что она не носит обручального кольца.

— Интересно, идет ли еще снег? — произнес он, когда они пили кофе. — Он так и валил, когда я заезжал в купол.

— Надеюсь, что идет, — сказала она, — хотя он рассеивает свет, и я совершенно ничего не вижу. Но мне приятно чувствовать, что он падает вокруг и бьет в лицо.

— Как же вы ходите?

— Моя собака Зигмунд — сегодня я дала ей выходной, — она улыбнулась, — может вести меня куда угодно. Это мутированная овчарка.

— Ого! — Рендер заинтересовался. — Он говорит?

Она кивнула.

— Эта операция прошла у него не так успешно, как у других. В его словаре приблизительно 400 слов, но мне кажется, ему больно говорить. Он вполне разумен. Вы как-нибудь с ним встретитесь.

Рендер задумался. Он разговаривал с такими животными на недавней медицинской конференции и был поражен сочетанием их способности рассуждать с преданностью хозяевам. Целенаправленно перемешанные хромосомы с

последующей тонкой эмбриохирургией давали собаке мозг более совершенный, чем у шимпанзе. Затем требовалось еще несколько операций для производства вокальных способностей. Большая часть таких экспериментов кончалась неудачей, и примерно дюжина годовалых щенков, у которых всё прошло успешно, были оценены в сто тысяч долларов каждый. Тут он сообразил, что камень в броши мисс Шалотт — подлинный рубин. И он начал подозревать, что ее поступление в медицинскую школу базировалось не только на академических знаниях, но и на солидном доходе выбранного ею колледжа. Но может, это и не так, упрекнул он себя.

— Да, — сказал он, — вы могли бы сделать диссертацию на этих собаках и их неврозах. Этот ваш Зигмунд когда-нибудь упоминал о своем отце?

— Он никогда не видел своего отца, — спокойно ответила она. — Он вырос вдали от других собак. Его поведение вряд ли можно назвать типичным. Не думаю, что вы когда-нибудь изучали функциональную психологию собаки-мутанта.

— Вы правы, — согласился он. — Еще кофе?

— Нет, спасибо.

Решив, что пора продолжить беседу, он сказал:

— Итак, вы хотите стать Творцом…

— Да.

— Терпеть не могу разрушать чьи-то высокие стремления. Ненавижу. Если же они вовсе не имеют реальной основы, тогда я безжалостен. Вот и сейчас — честно, откровенно и со всей искренностью — я не вижу, как это можно устроить. Быть может, вы и хороший психиатр, но, по моему мнению, для вас физически и умственно невозможно стать нейросоучастником. По моим понятиям…

— Подождите, — сказала она, — давайте не здесь. Я устала от этого душного помещения. Увезите меня куда-нибудь, где можно поговорить. Я думаю, что смогла бы убедить вас.

— Почему бы и не поехать? У меня уйма времени. Но конечно, выбираете вы. Куда?

— «Слепой виток»?

Он подавил смешок при этом выражении, а она открыто засмеялась.

— Прекрасно, — сказал он, — но мне хочется пить.

Тут же на столе выросла бутылка шампанского в пестрой корзине с надписью «Пейте, пока едете в машине». Он подписал счет, несмотря на протесты мисс Шалотт, и они встали. Она была высокого роста, но он еще выше.

«Слепой виток»…

Вот название для множества мест, вокруг которых идет машина с автоуправлением. Пронестись по стране в надежных руках невидимого шофера, с затемненными окнами, в темной ночи, под высоким небом, лететь, атакуя дорогу под похожими на четырех призраков жужжащими пилами, начать со стартовой черты, закончить в том же месте, так и не узнав, куда вы ехали и где побывали, — это, вероятно, возбуждает чувство индивидуальности в самом холодном мозгу, дает познание себя через добродетель отстранения от всего, кроме чувства уважения, потому что движение сквозь тьму есть высшая абстракция самой жизни — по крайней мере, так сказал кто-то очень знаменитый.

И в самом деле, увлечение под названием «Слепой виток» стало модным (как можно предполагать) среди молодежи, когда управляемые дороги лишили их возможности пользоваться автомобилями по-своему и наперекор правилам.

Сначала кто-то додумался, как можно отключать радиоконтроль машины после того, как она вышла на управляемое шоссе. Это кончилось тем, что автомобиль исчезал из поля зрения монитора и переходил обратно под управление пассажи-

ров. Монитор, ревнивый, как бог, не мог терпеть отрицания своего запрограммированного всеведения и метал громы и молнии на контрольную станцию, ближайшую к точке последнего контакта, чтобы выслали крылатых серафимов на поиски ускользнувшей машины.

Но сейчас серафимы прибывали слишком поздно, потому что дороги имели хорошее покрытие и удрать от преследования было сравнительно нетрудно.

Зато другие машины вынужденно вели себя так, словно бунтарей вообще не существовало.

Запертый на медленной полосе шоссе, нарушитель подвергался немедленной аннигиляции в случае превышения скорости или сдвига с правильной схемы движения, даже при теоретически свободном положении, потому что это вызывало частые аварии.

Позднее мониторные приборы стали более искушенными и механизировали обгон, уменьшив аварийные инциденты. Но вмятины и ушибы оставались.

Следующая реакция была основана на очевидности. Мониторы пропускали людей туда, куда те желали, только потому, что люди говорили, куда они хотят ехать. Человек, наугад нажимающий

кнопки координат, не сообразуясь с картой, либо оставался на стоянке, где вспыхивало табло: ПРОВЕРЬТЕ ВАШИ КООРДИНАТЫ, либо оказывался внезапно отогнанным в любом направлении. Позднее люди нашли некое романтическое очарование в том, что предлагала скорость, неожиданные зрелища и свободные руки. Таким образом, все узаконилось. Стало возможным проехать так по двум континентам, если было достаточно денег и в избытке выносливости.

Как и всегда в таких делах, увлечение распространилось вверх по возрастным группам. Школьные учителя, ездившие только по воскресеньям, пользовались дурной репутацией, как отстаивающие преимущества подержанных машин. Таков путь к концу мира.

Конец это или нет, но автомобиль, предназначенный для движения по управляемым дорогам, был эффективной единицей движения, укомплектованной туалетом, шкафом, холодильным отделением и откидным столиком. В нем также можно было спать — двоим свободно, четверым — в некоторой тесноте. Случалось, впрочем, что и троим было слишком тесно.

Рендер вывел машину из купола в крайнее крыло и остановился.

— Хотите ткнуть какие-нибудь координаты? — спросил он.

— Вы уж сами. Мои пальцы знают слишком много.

Рендер наобум нажал кнопки. «Сциннер» двинулся на скоростную дорогу. Рендер потребовал увеличить скорость, и машина вышла на линию высокого ускорения.

Фары «Сциннера» прожигали дыры в темноте. Город быстро уходил назад. По обеим сторонам дороги горели дымные костры, раздуваемые случайными порывами ветра, прячущиеся в белых клубах, затемняемые ровным падением серого пепла. Рендер знал, что его скорость составляет лишь 60 % той, какая могла быть в ясную, сухую ночь.

Он не стал затемнять окна, а откинулся назад и смотрел в них. Глаза Эйлин были уставлены прямо вперед. Десять-пятнадцать минут они ехали молча.

— Что вы видите снаружи? — спросила Эйлин.

— Почему вы не просили меня описать наш обед или рыцарские доспехи возле вашего столика?

— Потому что первый я ела, а второе ощущала. А тут совсем другое дело.

— Снаружи все еще идет снег. Уберите его — слева от вас чернота.

— А что еще?

— Слякоть на дороге. Когда она станет замерзать, движение замедлится до скорости черепахи, пока мы не минуем полосу снегопада. Слякоть похожа на старый черный сироп, начавший засахариваться.

— Больше ничего?

— Нет.

— Снегопад сильнее, чем был, когда мы вышли из клуба?

— Сильнее, по-моему.

— У вас есть что-нибудь выпить?

— Конечно.

Они повернули сиденья внутрь машины. Рендер поднял столик, достал из шкафчика два стакана и налил.

— Ваше здоровье.

— Оно зависит от вас.

Рендер опустил свой стакан и ждал следующего ее замечания. Он знал, что они не смогут играть в загадки, и рассчитывал, что будут еще вопросы, прежде чем она скажет то, что хотела сказать.

— Что самое интересное из того, что вы видели? — спросила она.

«Да, — подумал он, — я правильно угадал». И вслух сказал:

— Погружение Атлантиды.

— Я серьезно.

— И я тоже.

— Вы стараетесь усложнять?

— *Я* лично утопил Атлантиду. Это было года три назад. О боже, как она была красива! Башни из слоновой кости, золотые минареты, серебряные балконы, опаловые мосты, малиновые знамена, молочно-белая река между лимонно-желтыми берегами. Там были янтарные шпили, старые, как мир, деревья, задевающие брюха облаков, корабли в громадной гавани Ксанаду, сконструированные изящно, как музыкальные инструменты. Двенадцать принцев королевства собрались в двенадцатиколонном Колизее Зодиака, чтобы слушать играющего на закате грека-саксофониста.

Грек, конечно, был моим пациентом-параноиком. Этиология болезни довольно сложная, но именно это я ввел в его мозг. Я дал ему на некоторое время свободное управление, а затем расщепил Атлантиду пополам и погрузил всю на пять саженей в глубину. Он снова заиграл, и вы, без сомнения, слушали бы его, если вообще люби-

те такие звуки. Он здоров. Я периодически вижу его, но он уже больше не последний потомок величайшего менестреля Атлантиды. Он просто хороший саксофонист конца XX столетия.

Но иногда, оглядываясь назад, на тот апокалипсис, который я сработал в его видении величия, я испытываю чувство утраты красоты — потому что на один момент его безумная интенсивность чувств была моей, а он чувствовал, что его сон был самой прекрасной вещью в мире.

Он вновь наполнил стаканы.

— Это не совсем то, что я имела в виду, — сказала она.

— Я знаю.

— Я имела в виду нечто реальное.

— Это было более реально, чем сама реальность, уверяю вас.

— Я не сомневаюсь, но…

— Но я разрушил основание, которое вы положили для вашего аргумента. О'кей, я прошу прощения. Беру свои слова назад. Есть кое-что, что могло бы стать реальным.

Мы идем по краю большой чаши из песка. В нее падал снег. Весной он растает, вода впитается в землю или испарится от солнечного жара. И останется только песок. В песке ничего не вырастет,

разве что случайный кактус. В песке никто не живет, кроме змей, немногих птиц, насекомых и пары бродячих койотов. В послеполуденные часы все эти существа будут искать тени. В любом месте, где есть старая изгородь, камень, череп или кактус, могущие укрыть от солнца, вы увидите жизнь, съежившуюся от страха перед стихиями. Но цвета невероятны, и стихии более красивы, чем существа, которых они уничтожают.

— Поблизости такого места нет, — сказала она.

— Если я говорю, значит, есть. Я видел его.

— Да… вы правы.

— И не имеет значения, лежит ли это прямо за нашим окном или нарисовано женщиной по имени О'Киф, если я это видел?

— Подтверждаю истинность диагноза, — сказала Эйлин. — Вы хотите говорить со мной о нем?

— Нет, пойдем дальше. — Он снова наполнил стаканы.

— У меня затемнены глаза, а не мозг, — сказала она.

Он зажег ей сигарету и закурил сам.

— Я увижу чужими глазами, если войду в чужой мозг?

— Нейросоучастие основано на факте, что две нервные системы могут разделить тот же

импульс, те же фантазии… контролируемые фантазии.

— Я могла бы производить терапию и в то же время испытывать подлинные визуальные впечатления.

— Нет, — сказал Рендер. — Вы не знаете, что значит быть отрезанным от всей области раздражителя! Знать, что какой-то косолапый идиот может испытывать нечто такое, чего вы никогда не узнаете, и что он не может Оценить это, поскольку он, как и вы, еще до рождения осужден судом биологической случайности — это не правосудие, а чистый случай. Вселенная не стремится к справедливости. Человек — да. Но к несчастью, человек должен жить во Вселенной.

— Я не прошу Вселенную помочь мне, я прошу вас.

— Мне очень жаль…

— Почему вы не хотите помочь мне?

— Сейчас вы демонстрируете мою главную причину.

— А именно?

— Эмоции. Это дело очень много значит для вас. Когда врач в единении с пациентом, он нарко-электрически отгоняет большую часть собственных телесных ощущений. Это необхо-

димо, потому что его мозг должен полностью погрузиться в данную задачу. Необходимо также, чтобы его эмоции подвергались такой же временной отставке. Полностью убить их, конечно, невозможно. Но эмоции врача возгоняются в общее ощущение хорошего настроения или, как у меня, в артистическую мечтательность. А у вас будет слишком много «видения». И вы будете подвергаться постоянной опасности утратить контроль над сном.

— Я с вами не согласна.

— Ясное дело, не согласны. Но факт, что вы постоянно будете иметь дело с ненормальностью. О силе ее не имеет понятия девяносто девять, запятая и так далее процентов населения, потому что мы не можем адекватно судить об интенсивности собственного невроза — мы можем судить о своем сознании, только когда смотрим со стороны. Вот почему не-нейросоучастник никогда не возьмется лечить полного психа. Немногие пионеры в этой области сегодня сами все на излечении.

Пять лет назад у меня была клаустрофобия. Потребовалось шесть месяцев, чтобы победить эту штуку, — и все из-за крошечной ошибки, случившейся в неизмеримую долю секунды. Я передал пациента другому врачу. И это только

минимальное последствие. Если вы ошибетесь в сценарии, милая девочка, то на всю жизнь попадете в лечебницу.

Наступила ночь. Город остался далеко позади, дорога была открытая, чистая. Между падающими хлопьями все больше сгущалась тьма. «Сциннер» набирал скорость.

— Ладно, — согласилась она, — может, вы и правы. Но я все-таки думаю, что вы можете мне помочь.

— Как?

— Приучите меня видеть, тогда образы потеряют свою новизну, эмоции спадут. Возьмите меня в пациенты и избавьте меня от моего страстного желания видеть. Тогда то, о чем вы говорили, не произойдет. Тогда я смогу заняться тренировкой и все внимание отдам терапии. Я смогу возместить зрительное удовольствие чем-то другим.

Рендер задумался. Наверное, можно. Но трудно. Однако это могло бы войти в историю терапии. Никто не был настолько квалифицирован, чтобы взяться за такое дело, потому-то никто никогда и не пытался.

Но Эйлин Шалотт тоже была редкостью — нет, уникумом, поскольку она, вероятно, была единственной в мире, соединившей необходимую

техническую подготовку с уникальной проблемой.

Он допил свой стаканчик и вновь налил себе и ей.

Он все еще обдумывал эту проблему, когда вспыхнули буквы: ПЕРЕКООРДИНИРОВАТЬ? Автомобиль вышел на обходную дорогу и остановился. Рендер выключил зуммер и надолго задумался.

Мало кто слышал, чтобы он хвастался своим умением. Коллеги считали его скромным, хотя бесцеремонно отмечали, что лучший из нейросоучастников может сделать все-таки меньше, чем худший из ангелов.

Оба стакана остались нетронутыми. Рендер швырнул пустую бутылку в задний бункер.

— Вы знаете? — спросил он наконец.

— Что?

— Пожалуй, стоит попробовать.

Он наклонился, чтобы дать новые координаты, но она уже сделала это. Когда он нажал кнопки и машина тронулась, Эйлин поцеловала Рендера. Ниже очков щеки ее были влажными.

Глава 2

Самоубийство расстроило его больше, чем следовало бы. Миссис Ламберг позвонила накануне и отменила встречу, так что Рендер решил потратить утро на размышления. Он вошел в офис хмурый, жуя сигарету.

— Вы видели?.. — спросила миссис Хиджс.

— Да. — Он бросил пальто на стол в дальнем углу комнаты, подошел к окну и уставился в него. — Да, — повторил он. — Я ехал мимо с прозрачными стеклами.

— Вы его знали?

— Я даже не знаю его имени. Откуда мне знать?

— Мне только что звонила Прайс Толли, секретарша в инженерной компании на 86-м. Она сказала, что это был Джеймс Иризари, дизайнер, офис которого дальше по коридору. Далеко было лететь! Он, наверное, был уже без сознания, когда ударился? Его отнесло от здания. Если вы откроете окно и выгляните, то увидите — слева…

— Неважно, Винни. Ваша приятельница имеет какое-нибудь представление, почему он сделал это?

— Вообще-то нет. Его секретарша выскочила из комнаты с воплем. Она вошла в его кабинет спросить насчет какого-то чертежа как раз тогда, когда он перемахнул через подоконник. На столе лежала записка: «У меня было все, чего я хотел. Чего ждать?» Занятно, а? Я не хочу сказать — смешно…

— Угу. Что-нибудь известно о его личных делах?

— Женат. Двое детишек. Хорошая профессиональная репутация. Куча работы. Разумный, как всякий другой. Он мог позволить себе иметь офис в этом здании.

— О, господи! И вы узнали все это, не сходя со своего места?

— Видите ли, — она пожала пухлыми плечами, — у меня в этом улье повсюду друзья. Мы всегда болтаем, когда нечего делать. А Прайс к тому же моя золовка…

— Вы хотите сказать, что если я нырну в это окно, то моя биография через пять минут пойдет по кругу?

— Вероятно. — Она скривила свои яркие губы в улыбке. — Тут отдаешь и получаешь взаимно. Но ведь вы сегодня этого не сделаете, а? Знаете, это будет повтор, произойдет нечто вроде спада

интереса, и дело не получит такой огласки, как в единичном случае.

— Вы забываете о статистике, — заметил Рендер. — В медицинской профессии, как и в юридической, такое случается примерно втрое чаще, чем в других областях.

— Ну да! — Она, похоже, расстроилась. — Уходите от моего окна! Иначе я перейду работать к д-ру Хансену.

Рендер подошел к ее столу.

— Я никогда не знаю, когда вас принимать всерьез, — сказала она.

— Я ценю ваши заботы. В самом деле, ценю. Дело в том, что я никогда не был склонен к статистике… Наверное, за четыре года работы нервы стали сдавать.

— Хотя нет, о вас писали бы все газеты, — задумалась она. — Все репортеры спрашивали бы меня о вас… Слушайте, зачем это делают?

— Кто?

— Кто угодно.

— Откуда я знаю, Винни? Я всего лишь скромный возбудитель души. Если бы я мог точно указать общую подспудную причину и вычислить способ предупреждения таких вещей — это было бы куда лучше моих исканий в науке. Но я

сделать это не могу…

— Как жаль!

— Примерно тридцать пять лет назад самоубийство в США считалось девятой причиной смерти. Теперь она шестая для Северной и Южной Америки. В Европе — седьмая, я думаю.

— И никто так и не узнает, почему Иризари выбросился?

Рендер отставил стул, сел и стряхнул пепел в ее маленький сверкающий подносик. Она тут же опорожнила его в корзинку для бумаг и многозначительно кашлянула.

— О, всегда можно поразмышлять, — сказал он, — и человеку моей профессии необходимо подумать. Во-первых, посмотреть, не было ли личных черт, предрасполагающих к периодам депрессии. Люди, держащие свои эмоции под жестоким контролем, люди, добросовестно и, может быть, с некоторым предубеждением занимающиеся мелкими делами… — Он снова скинул пепел в ее подносик и следил, как она было потянулась вытряхнуть его, но затем быстро отдернула руку. Он оскалился в злой усмешке. — Короче говоря, есть нечто типичное для людей тех профессий, которые требуют скорее индивидуального, чем группового действия, — медицина, закон, ис-

кусство.

Она задумчиво смотрела на него.

— Не беспокойтесь, — хохотнул он, — я чертовски радуюсь жизни.

— Но сегодня вы несколько унылы.

— Пит звонил. Он сломал лодыжку на уроке гимнастики. Они должны были бы внимательнее следить за такими вещами. Я думаю перевести его в другую школу.

— Опять?

— Может быть. Посмотрим. Директор хотел позвонить мне вечером. Мне вовсе не нравится перетаскивать мальчика с места на место, но я хочу, чтобы он окончил школу целым и невредимым.

— Мальчики не вырастают без одного-двух несчастных случаев. Такова статистика.

— Статистика не судьба, Винни. Каждый делает свою.

— Статистику или судьбу?

— И то и другое, как мне кажется.

— *Я* считаю, что если что-то должно случиться, то оно случится.

— А я нет. Я думаю, что человеческая воля при поддержке здравого смысла в какой-то мере управляет событиями. Если бы я так не думал, я

не занимался бы своим делом.

— В машинном мире точно связаны причина и следствие. Статистика — это точная наука.

— Человеческий мозг не машина, и я не знаю всех причин и следствий. И никто не знает.

— Вы много учились. Вы ученый, док.

— Так что я троцкистский уклонист, — улыбнулся он, — а вы когда-то были преподавательницей балета. — Он встал и взял свое пальто.

— Кстати, мисс де Вилл звонила. Просила передать: «Как насчет „Сент-Морица“?»

— Туда все ездят, — сказал он. — Лучше «Давос».

Самоубийство расстроило Рендера больше, чем следовало бы, поэтому он запер дверь своего кабинета, закрыл окна, включил фонограф и только одну настольную лампу.

«Как изменилось качество человеческой жизни, — записал он, — после промышленной революции?»

Он перечитал фразу. С этой темой его просили выступить в субботу. Как обычно в таких случаях, он не знал, что говорить, потому что сказать он мог многое, а ему давали только час.

Он встал и начал ходить по кабинету, наполненному теперь звуками Восьмой симфонии

Бетховена.

— Сила вреда, — сказал он, щелкнув по микрофону и включив записывающий аппарат, — развивалась в прямой связи с технологическим прогрессом. — Его воображаемая аудитория притихла. Рендер улыбнулся… — Человеческий потенциал для нанесения простого вреда умножился масс-продукцией. Способность вредить психике через личные контакты распространялась в точной пропорции с усилением легкости общения. Но все это — предметы общего знания, а не то, что хочу рассмотреть сегодня. Я хотел бы поговорить о том, что я называю аутопсихомимикрией — самогенерирующиеся комплексы тревоги, которые на первый взгляд кажутся подобными классическими образцами, но в действительности представляют радикальный расход психической энергии. Они характерны для нашего времени… — Он сделал паузу, чтобы положить сигарету и сформулировать следующую фразу. — Аутопсихомимикрия — самопродолжающийся комплекс имитации — почти всегда — дело, привлекающее внимание. Например, джазист полжизни действовал в возбуждении, хотя никогда не пользовался сильными наркотиками и с трудом вспоминает тех,

кто пользовался, — потому что сегодня все стимуляторы-транквилизаторы очень слабые. Как Дон Кихот, он шел за легендой, и одной музыки было бы достаточно, чтобы снять его напряжение.

Или мой корейский военный сирота, который жив и сейчас, благодаря Красному Кресту, ЮНИСЕФ и приемным родителям. Он так отчаянно хотел иметь семью, что выдумал ее. И что дальше? Он ненавидел воображаемого отца и нежно любил воображаемую мать, потому что был высокоинтеллигентным парнем и слишком сильно стремился к полуистинным традиционным комплексам. Почему?

Сегодня каждый достаточно искушен, чтобы распознавать освященные веками образцы психического расстройства. В наши дни многие причины этих расстройств устранены — не радикально, как у этого моего сироты, но с заметным эффектом. Мы живем в невротическом прошлом. Почему? Потому что наше настоящее направлено на физическое здоровье, безопасность и благополучие. Мы уничтожили голод, хотя сирота, пожалуй, охотнее примет пачку пищевых концентратов от людей, которые о нем заботятся, чем горячую еду из автоматического устройства.

Физическое благополучие является теперь пра-

вом каждого человека. Реакция на это встречается в области ментального здоровья. Благодаря технологии причины многих прежних социальных проблем исчезли, а с ними ушли многие причины психических бедствий. Но между черным вчера и белым завтра огромное серое сегодня, полное ностальгии и страха перед будущим, что не выражается в чисто материальном плане, а представлено упрямыми поисками исторических моделей тревоги.

Коротко прожужжал телефон. Рендер не услышал его за Восьмой.

— Мы боимся того, чего не знаем, — продолжал он, — а завтрашний день полностью неизвестен. Области моей специализации в психиатрии тридцать лет назад еще не существовало. Наука способна так быстро развиваться, что становится подлинным неудобством, я бы даже сказал — бедствием для общества, и логическое следствие — полная механизация всего в мире…

Он проходил мимо стола, когда телефон зажужжал вновь. Рендер выключил микрофон и приглушил Восьмую.

— Алло!

— «Сент-Мориц».

— «Давос».

— Чарли, ты страшно упрям!

— Как и ты, дорогая Джилл.

— Мы так и будем спорить об этом?

— Не о чем спорить.

— Ты заедешь за мной в пять?

Он поколебался.

— Ладно, в пять.

— Я сделала прическу. Хочу снова удивить тебя.

Подавив смешок, он сказал:

— О'кей, до встречи, — подождал ее «до свидания» и выключил связь.

Рендер сделал окна прозрачными, выключил свет на столе и посмотрел на улицу.

Небо серое; медленно падают хлопья снега, спускаются вниз и теряются в беспорядке…

Открыв окно и высунувшись, он увидел место, где Иризари оставил на земле свою последнюю отметку.

Он закрыл окно и дослушал симфонию. Прошла неделя с тех пор, как он сделал «слепой виток» с Эйлин. Встреча назначена через час.

Он вспомнил, как пальцы Эйлин прошлись по его лицу, легко, как листья, изучая его внешность по древнему методу слепых. Воспоминание было не очень приятным — непонятно почему.

Далеко внизу пятно вымытой мостовой было пустым. Под тонким налетом белизны оно было скользким, как стекло. Сторож при здании поспешно вышел и набросал на пятно соли, чтобы кто-нибудь не поскользнулся и не покалечился.

Зигмунд был похож на Фенриса, чудовищного волка из древнегерманских мифов. После того, как Рендер велел мисс Хиджс впустить их, дверь стала открываться, потом вдруг распахнулась, и пара дымчато-желтых глаз уставилась на Рендера. Глаза сидели в странноуродливой собачьей голове.

У Зигмунда был высокий грубый череп, отчего глаза казались посаженными даже глубже, чем сидели на самом деле. Рендер слегка вздрогнул от вида и размера головы. Все мутанты, которых он видел, были щенятами, а Зигмунд был вполне взрослым, его серо-черная шерсть топорщилась, и из-за этого он казался еще больше.

Он посмотрел на Рендера совсем не по-собачьи и проворчал нечто очень похожее на «привет, доктор».

Рендер кивнул и встал.

— Привет, Зигмунд, входи.

Собака повернула голову, понюхала воздух в комнате, как бы решая, вверить или нет свою

подопечную этому пространству. Затем он утвердительно наклонил голову и прошел в открытую дверь. Все его раздумье длилось не больше секунды.

Следом за ним вошла Эйлин, легко держа двойной поводок. Собака бесшумно шла по толстому ковру, опустив голову, словно подкрадываясь к чему-то. Ее глаза не покидали Рендера.

— Значит, это и есть Зигмунд? Ну, как вы, Эйлин?

— Прекрасно… Да, я страшно хотела прийти и встретиться с вами.

Рендер подвел ее к креслу и усадил. Она отстегнула карабин от собачьего ошейника и положила поводок на пол. Зигмунд сел рядом, продолжая внимательно глядеть на Рендера.

— Как дела в вашей больнице?

— Как всегда. Могу я попросить сигарету, доктор. Я забыла свои.

Он вложил сигарету ей в пальцы, поднес огонь. На Эйлин был темно-синий костюм, стекла очков тоже отливали синим. Серебряное пятно на лбу отражало свет лампы. Она продолжала «смотреть» в одну точку, когда он убрал руку; ее волосы длиною до плеч казались немного светлее, чем в тот вечер; сегодня они были цвета новенькой

медной монеты.

Рендер присел на угол стола.

— Вы говорили мне, что быть слепой еще не значит ничего не видеть. Тогда я не просил вас объяснить это. Но сейчас я хотел бы уточнить.

— У меня был сеанс нейросоучастия с д-ром Вискомбом до того, как с ним произошел несчастный случай. Он хотел приспособить мой мозг к зрительным впечатлениям. К несчастью, второго сеанса не произошло.

— Понятно. Что вы делали в тот сеанс?

Она скрестила ноги, и Рендер заметил, что они красивы.

— Главным образом, цвета. Опыт был совершенно потрясающий.

— Хорошо ли вы их помните? Когда это было?

— Около шести месяцев назад… И я никогда не забуду их. С тех пор я даже думаю цветными узорами.

— Часто?

— Несколько раз в неделю.

— Какого рода ассоциации их приносят?

— Никакие специально. Просто они входят в мой мозг вместе с другими стимуляторами — в случайном порядке.

— Например?

— Ну, вот сейчас, когда вы задали мне вопрос, я увидела его желтовато-оранжевым. Ваше приветствие было серебряным. А сейчас, когда вы просто сидите, слушаете меня и ничего не говорите, я ассоциирую вас с глубоко синим, даже фиолетовым.

Зигмунд перевел взгляд на стол и уставился на боковую панель.

Слышит ли он, как крутится рекордер, думал Рендер. Если да, то знает ли, что это такое и для чего служит? Если так, собака, без сомнения, скажет Эйлин — хотя та и сама знает об этой общепринятой практике, но ей может не понравиться то, что Рендер рассматривает ее случай как лечение, а не как механический адаптационный процесс. Он поговорил бы с собакой частным образом насчет этого, если бы думал, что это что-то даст. Рендер внутренне улыбнулся и пожал плечами.

— Тогда я сконструирую элементарный фантастический мир, — сказал он наконец, — и введу вам сегодня кое-какие базисные формы.

Она улыбнулась. Рендер посмотрел вниз, на пса, скрючившегося рядом с ней, вывесив язык через частокол зубов. «Он тоже улыбается?» — подумал Рендер.

— Спасибо, — сказала она.

Зигмунд постучал хвостом.

— Вот и хорошо. — Рендер положил сигарету. — Сейчас я достану Яйцо и проверю его. А в это время, — он нажал незаметную кнопку, — немного музыки может подействовать расслабляюще.

Она хотела ответить, но увертюра Вагнера смахнула слова. Рендер вновь нажал кнопку. В тишине он сказал:

— Ох-ох. Я думал, следующий Распай. — И он коснулся кнопки еще раз.

— Вы могли бы оставить Вагнера, — заметила она. — Я люблю его.

— Не стоит, — сказал он, открывая шкаф, — я бы воздержался от этой кучи лейтмотивов.

В кабинет вкатилось громадное Яйцо, катилось оно бесшумно, как облако. Когда Рендер подтянул его к столу, он услышал тихое ворчание и быстро обернулся. Зигмунд, как тень, метнулся к его ногам и уже кружил вокруг машины, обнюхивая ее, напружинив хвост и оскалив зубы.

— Полегче, Зиг, — сказал Рендер. — Эта машина не кусается и ничего плохого не делает. Это просто машина, как, скажем, автомобиль, телевизор или посудомойка. Мы ею воспользуемся сегодня, чтобы показать Эйлин, как выглядят некоторые вещи.

— Не нравится, — громко сказала собака.

— Почему?

— Нет слов. Пойдем домой?

— Нет, — ответила она, — ты свернешься в углу и вздремнешь, а я в машине тоже вздремну… или вроде этого.

— Нехорошо, — сказала собака, опуская хвост.

— Иди, — она погладила пса, — ляг и веди себя как следует.

Зигмунд пошел, но заскулил, когда Рендер затемнил окна и коснулся кнопки, трансформирующий его стол в сиденье оператора.

Он заскулил снова, когда включенное Яйцо раскололось в середине и верх отошел, показывая внутренности.

Рендер сел. Его сиденье начало принимать контуры ложа и наполовину вдвинулось в консоль. Рендер сел прямо — ложе двинулось обратно, и снова половина потолка отошла, изменила форму и повисла в виде громадного колокола. Рендер встал и обошел Яйцо. Распай своей музыкой говорил о соснах и тому подобном, а Рендер достал из-под Яйца наушники. Закрыв одно ухо и прижав наушник к другому, он свободной рукой играл кнопками. Шорох прибоя утопил поэму: мили дорожного движения перекрыли ее; об-

ратная связь сказала: «… сейчас, когда вы просто сидите и слушаете меня и ничего не говорите, я ассоциирую вас с глубоким синим, почти фиолетовым».

Он включил маску и проверил: раз — корица, два — сгнивший лист, три — сильный мускусный запах змей… и вниз через третий, и вкус меда, уксуса, соли, и вверх через лилии и мокрый бетон, и предгрозовой запах озона, и все основные обонятельные и вкусовые сигналы для утра, дня и вечера.

Ложе, как полагалось, плавало в ртутном бассейне, стабилизированное магнитами стенок Яйца. Рендер поставил ленты.

— О'кей, — сказал Рендер, поворачиваясь. — Все проверено.

Эйлин как раз клала очки поверх своей сложенной одежды. Она разделась, пока Рендер проверял машину. Его взволновала ее тонкая талия, большие груди с темными сосками, длинные ноги. Она отлично сложена для женщины ее роста, подумал он. Но, глядя на нее, Рендер понимал, что главное препятствие, конечно, в том, что она его пациентка.

— Готова, — сказала она.

Он подвел ее к машине. Ее пальцы ощупали

внутренность Яйца. Когда он помогал Эйлин войти в аппарат, он увидел, что ее глаза были яркого цвета морской волны. И этого он тоже не одобрил.

— Удобно?

— Да.

— О'кей, устраивайтесь. Сейчас я закрою. Приятного сна.

Верхняя часть Яйца медленно опустилась. Оно стало непрозрачным, затем ослепительно блестящим. Рендер был смущен своими внезапными мыслями. Он двинулся обратно к столу.

Зигмунд стоял, прижавшись к столу. Рендер потянулся погладить его, но пес отдернул голову.

— Возьми меня с собой, — проворчал он.

— Боюсь, что этого сделать нельзя, дружище, — сказал Рендер. — К тому же мы, в сущности, никуда не уходим. Мы подремлем прямо здесь, в этой комнате.

Собака, похоже, не успокоилась.

— Зачем?

Рендер вздохнул. Спор с собакой был, пожалуй, самой нелепой вещью, какую он мог представить в трезвом виде.

— Зиг, — сказал он, — я пытаюсь помочь ей узнать, на что похожи разные вещи. Твоя работа,

бесспорно, прекрасна — водить ее в этом мире, которого она не видит, но ей нужно знать, как он выглядит, и я собираюсь показать ей.

— Тогда я ей не буду нужен.

— Будешь. — Рендер чуть не засмеялся. Патетичность собаки была такой абсурдной, что Рендер должен был пояснить. — Я не могу исправить ее зрение, — объяснил он. — Я просто собираюсь передать ей некоторое абстрактное видение — ну, словно дать ей на некоторое время взаймы свои глаза. Понял?

— Нет, — сказал пес. — Возьми мои.

Рендер выключил музыку и показал на дальний угол.

— Ляг там, как велела Эйлин. Это не очень долго, и когда все кончится, ты по-прежнему будешь водить ее. Идет?

Зигмунд не ответил, повернулся и пошел в угол, опустив хвост.

Рендер сел и опустил купол — операторский вариант Яйца. Перед ним было девяносто белых кнопок и две красные. Мир кончался в темноте под консолью. Он ослабил узел галстука и расстегнул воротник. Достал шлем из гнезда и проверил его. Затем надел на нижнюю часть лица полумаску и опустил на нее забрало шлема. Его правая

рука была на перевязи. Постукивающим жестом он включил сознание пациентки.

Творец не нажимает сознательно на белые кнопки. Он внушает условия. Тогда глубоко имплантированные мышечные рефлексы выполняют почти незаметное давление на чувствительную перевязь; та сдвигается в нужное положение и заставляет вытянутый палец двинуться вперед. Кнопка нажата. Перевязь движется обратно.

Рендер чувствовал покалывание в основании черепа. Пахло свежескошенной травой.

Он вдруг поднялся в громадный серый проход между мирами…

Через какое-то показавшееся долгим время Рендер почувствовал, что стоит на странной земле. Он ничего не видел, только ощущение присутствия информировало его о том, что он прибыл. Такого полного мрака он еще ни разу не ощущал.

Он пожелал, чтобы мрак рассеялся. Ничего не произошло.

Часть его мозга вновь проснулась, а часть, которую он не реализовал, спала: он вспомнил, в чей мир он вошел. Он прислушался к Эйлин. Услышал страх и ожидание. Он пожелал цвет. Сначала красный.

Рендер почувствовал соответствие. Значит, дело пошло.

Все стало красным. Он находился в центре бесконечного рубина.

Оранжевый, желтый…

Он оказался в куске янтаря.

Теперь зеленый, и он добавил к нему соленые испарения моря. Синий — и вечерняя прохлада.

Он напряг мозг и воспроизвел все цвета сразу. Они закружились громадными перьями.

Затем он разорвал их и заставил принять форму. Раскаленная радуга выгнулась через темное небо.

Под собой он обнаружил коричневый и серый цвета. Они появились полупрозрачными, мерцающими, исчезающими пятнами.

Где-то ощущение страха, но не было и следа истерии, поэтому он продолжал творить.

Рендер создал горизонт, и мрак ушел за него. Небо чуть заголубело, и он пустил в него стадо темных облаков. Его усилия создать расстояние и глубину натолкнулись на сопротивление, поэтому он подкрепил картину очень слабым звуком прибоя. Когда он расшвырял облака, от девушки медленно пришла концепция расстояния, и он быстро воздвиг высокий лес, чтобы

подавить поднимающуюся волну страха перед пространством.

Паника исчезла.

Рендер сфокусировал свое внимание на высоких деревьях — дубах, соснах, секвойях. Он раскидал их вокруг как копья, в рваных зеленых, коричневых и желтых нарядах, раскатал толстый ковер влажной от утренней росы травы, разбросал с неравными интервалами серые булыжники и зеленоватые бревна, перепутал и сплел ветки над головой. Бросил однообразные тени через узкую долину.

Эффект был потрясающим. Казалось, весь мир вздрогнул с рыданием, а затем стих.

Сквозь тишину он чувствовал ее присутствие. Он решил, что лучше будет быстро закончить с фоном и создать осязаемые центры, подготовить поле действий. Позднее он может изменить, исправить или улучшить результаты в последующих сеансах, но почин был положен.

С самого начала он понял, что тишина — это не отстраненность Эйлин: она приблизила себя к деревьям, траве, кустам и камням, олицетворила себя в их формах, связалась с их ощущениями, звуками, ароматами…

Легким ветерком он пошевелил ветви дере-

вьев. За пределами видимости создал плещущие звуки ручья.

Пришло ощущение радости. Он разделил его.

Она переносила все исключительно хорошо, и он решил расширить опыт. Он пустил свой мозг блуждать среди деревьев. И вот он рядом с ручьем и ищет Эйлин.

Он плыл по воде. Он еще не обрел формы. Плеск превратился в журчание, когда он толкнул ручей на глубокое место над камнями. По его настоянию вода стала выговаривать слова.

— Где вы? — спросил ручей.

— Здесь! Здесь! Здесь!

— И здесь! — повторили деревья, кусты, камни, трава.

— Выбирайте одно, — сказал ручей, расширился, обогнул скалу и стал спускаться по склону к голубому бассейну.

— Не могу, — ответил ветер.

— Вы должны. — Ручей влился в бассейн, покружился на поверхности, затем успокоился. — Скорее!

— Прекрасно, — отозвалось дерево. — Минутку.

Розовый туман поднялся над озером и потянулся к берегу.

— Давайте, — зазвенел он.

— Сюда…

Она выбрала маленькую иву. Ива качалась на ветру и тянула ветви к воде.

— Эйлин Шалотт, — сказал Рендер, — всмотритесь в озеро.

Ветер усилился, ива наклонилась.

Рендеру было нетрудно вспомнить ее лицо, ее тело. Дерево крутилось, как будто не имело корней. Эйлин стояла в тумане взрыва листьев и со страхом смотрела в глубокое голубое зеркало мозга Рендера, в озеро. Она закрыла лицо руками, но все-таки смотрела.

— Смотрите на себя, — сказал Рендер.

Она опустила руки и посмотрела вниз, а затем стала медленно поворачиваться, изучая себя со всех сторон.

— Я чувствую, что выгляжу вполне приятно, — сказала она наконец. — Я чувствую это, потому что вы так хотите или это так и есть? — Она все время оглядывалась вокруг, ища Творца.

— Это так и есть, — сказал Рендер отовсюду.

— Спасибо.

Взметнулся белый цвет, и Эйлин оказалась одетой в узорчатое шелковое платье. Далекий свет стал чуть ярче. Нижний слой облаков окрасился

нежно-розовым.

— Что там происходит? — спросила Эйлин, глядя туда.

— Хочу показать вам солнечный восход, — ответил Рендер, — но я, вероятно, чуточку испорчу его, потому что это мой первый профессиональный солнечный восход для таких обстоятельств.

— Где вы?

— Везде.

— Пожалуйста, примите форму, чтобы я могла видеть вас.

— Идет.

— Вашу естественную форму.

Он пожелал оказаться рядом с ней на берегу — и оказался.

Испуганный визгом металла, он оглядел себя. Мир на миг исчез, но тут же стабилизировался. Рендер засмеялся, но смех замер, когда он подумал кое о чем.

На нем были доспехи, стоявшие рядом со столиком в «Куропатке и скальпеле» в вечер его встречи с Эйлин.

Она потянулась и потрогала его костюм.

— Броня возле нашего стола, — узнала она, пробежав пальцами по пластинам и застежкам. — Я ассоциировала его с вами в тот вечер.

— … и немедленно сунули меня в него, — прокомментировал Рендер. — Вы волевая женщина.

Броня исчезла. Рендер был в своем светло-коричневом костюме, в свободно завязанном галстуке цвета свернувшейся крови и с профессиональным выражением лица.

— Смотрите, какой я на самом деле. — Он слегка улыбнулся. — Ну вот и восход. Я хотел использовать все цвета. Следите.

Они сели на зеленую парковую скамейку, появившуюся позади них, и Рендер указал направление.

Солнце медленно проводило свои утренние процедуры. Впервые в этом частном мире оно выплыло снизу, как божество, отразилось в озере, разбило облака, и пейзаж задымился под туманом, поднимающимся от влажного леса.

Пристально, напряженно вглядываясь в поднимающееся светило, Эйлин долгое время сидела неподвижно и молча. Рендер чувствовал, что она очарована.

Она смотрела на источник всего света: он отразился в сияющей монете на ее лбу, как капля крови.

Рендер сказал:

— Вот солнце, а вот облака. — Он хлопнул в

ладоши, и облака закрыли солнце, и прокатился тихий рокот. — А это гром, — закончил он.

Пошел дождь, разбивая озеро и щекоча их лица. Он резко стучал по листьям и с мягким звуком капал с ветвей вниз. Он мочил одежду и приглаживал волосы, слепил глаза и превращал землю в грязь.

Вспышка молнии покрыла землю и небо, гром прогремел еще и еще раз.

— А это летняя гроза, — говорил Рендер. — Вы видите, как дождь воздействует на растительность и на лес.

— Слишком сильно, — сказала она. — Уберите его, пожалуйста.

Дождь тут же прекратился, солнце пробило тучи.

— Мне чертовски хочется покурить, — сказала Эйлин, — но я оставила сигареты в другом мире.

В ее пальцах тут же появилась уже зажженная сигарета.

— У нее, наверное, слабый вкус, — странным тоном сказал Рендер, внимательно посмотрел на Эйлин и добавил: — Я не давал вам эту сигарету, вы сами взяли ее из моего мозга.

Дым спирально пошел вверх и исчез.

— Это означает, что я сегодня второй раз недо-

оценил притяжения этого вакуума в вашем мозгу — того места, где должно быть зрение. Вы исключительно быстро ассимилировались с новыми впечатлениями. Вы даже собираетесь продолжить ощупывание их. Будьте осторожны. Сдержите этот импульс.

— Это как голод, — сказала она.

— Наверное, нам лучше сейчас закончить сеанс.

Одежда их высохла. Запели птицы.

— Нет, подождите! Прошу вас! Я буду осторожна. Я хочу увидеть многое.

— Будет следующий визит, — сказал Рендер, — но я полагаю, что кое-что можно устроить и сейчас. Есть что-нибудь, что бы вы особенно хотели увидеть?

— Да. Зиму, снег.

— О'кей. — Творец улыбнулся. — Тогда закутайтесь в этот мех…

После ухода пациентки день прошел быстро. Рендер был в хорошем настроении. Он чувствовал себя опустошенным и вновь наполненным. Он провел первое испытание без страданий и каких-либо последствий. Удовлетворение было сильнее страха. И он с удовольствием вернулся к работе над своей речью.

— … И что есть сила вреда? — вопросил он в микрофон и тут же ответил:. — Мы живем радостью и болью. Можем огорчаться, можем бодриться, но хотя радость и боль коренятся в биологии, они обусловливаются обществом. И они имеют цену.

Огромные массы человечества, лихорадочно меняющие положение в пространстве, перемещаясь из города в город, приходят к необходимости контроля над их передвижениями. Каждый день этот контроль прокладывает себе путь в новые области — водит наши автомобили, самолеты, интервьюирует нас, диагностирует наши болезни, и я не рискую морально осуждать это вторжение. Этот контроль становится необходимым. В конце концов он может оказаться целительным.

Однако я хочу указать, что мы часто не знаем наших собственных ценностей. Мы не можем честно сказать, что означает для нас та или иная вещь, пока мы не удалим ее из наших жизненных условий. Если ценный предмет перестает существовать, психическая энергия, связанная с ним, высвобождается. Мы ищем новые ценности, в которые вкладываем эту энергию — сверхъестественные силы, если угодно, или либидо, если неугодно. И нет такой вещи, исчезнувшей

три, четыре, пять десятилетий назад, которая много значила бы сама по себе, и нет новой вещи, появившейся за это время, которая много вредила бы тем, кто владеет ею. Общество, однако, придумывает множество вещей, и когда вещи меняются слишком быстро, то результат непредсказуем. Интенсивное изучение душевных болезней часто вскрывает природу стрессов в обществе, где появились болезни. Если схемы тревоги падают на особые группы и классы, значит, по ним можно изучить какое-то недовольство общества. Карл Юнг указывал, что когда сознание неоднократно разочаровывается в поиске ценностей, оно начинает искать бессознательность; потерпев неудачу и в этом, оно пробивает себе путь в гипотетическую коллективную бессознательность: Юнг отметил в послевоенных анализах бывших нацистов, что, чем больше они хотят восстановить что-то из руин своей жизни — если они пережили период классического иконотворчества и увидели, что их новые идеалы также опрокинуты, — тем больше они ищут в прошлом и втягиваются в коллективную бессознательность своего народа. Даже их сны были на основе тевтонских мифов.

Это, в менее драматическом смысле, происхо-

дит и сегодня. Есть исторические периоды, когда групповая тенденция повернуть мозг внутрь себя, повернуть назад, сильнее, чем в другие времена. Мы живем в период донкихотства в первоначальном значении этого слова. Это потому, что сила вреда в наше время — это возможность не знать, отгородиться, и это более не является исключительным свойством человеческих существ…

Его прервало жужжание. Он выключил записывающий аппарат и коснулся фонбокса.

— Чарльз Рендер слушает.

— Это Пол Гертер, — прошепелявил бокс. — *Я* директор Диллингской школы.

— Да?

Экран прояснился. Рендер увидел человека с высоким морщинистым лбом и близко посаженными глазами.

— Видите ли, я хочу еще раз извиниться за случившееся. Виною была неисправность оборудования…

— Разве вы не в состоянии приобрести приличное оборудование? Ваши гонорары достаточно высоки.

— Оно было новое. Заводской брак…

— Разве никто не следил за классом?

— Следил, но…

— Почему же он не проверил оборудование? Почему не оказался рядом, чтобы предупредить падение?

— Он был рядом, но не успел: все произошло слишком быстро. А проверять заводской брак не его дело. *Я* очень извиняюсь. *Я* люблю вашего мальчика. Могу заверить вас, что ничего подобного больше не случится.

— В этом вы правы, но только потому, что завтра утром я возьму его и переведу в другую школу, такую, где выполняются правила безопасности. — И легким движением пальца Рендер завершил разговор.

Через несколько минут он встал и подошел к шкафу, частично замаскированному книжной полкой. Он открыл его, достал дорогую шкатулку, содержавшую дешевенькое ожерелье и фотографию в рамке; на ней были изображены мужчина, похожий на Рендера, только молодой, и женщина с высоко зачесанными волосами и маленьким подбородком; между ними стояла улыбающаяся девочка с младенцем на руках. Как всегда, Рендер несколько секунд нежно смотрел на ожерелье, затем закрыл шкатулку, и убрал снова на многие месяцы.

Бум! Бум! — гремел турецкий барабан.

Чик-чик-чик-чира, — гремели тыквы.

Возникли цвета — красный, зеленый, синий и божественно-величественный желтый — вокруг удивительных металлических танцоров.

— Люди? — спросили сверху.

— Роботы? — спросили снизу.

— Смотри сам! — тихо прошелестело по полу.

Рендер и Джилл сидели за микроскопическим столиком, к счастью поставленным у стены, под нарисованными углем карикатурами на неизвестных личностей. Среди субкультур четырнадцатимиллионного города было слишком много деятелей. Морща нос от удовольствия, Джилл не сводила глаз с центральной точки этой особой субкультуры, время от времени поднимая плечи, чтобы подчеркнуть молчаливый смех или слабый протест, потому что исполнители были СЛИШКОМ людьми — черный робот провел пальцами по лбу серебряного робота, когда они расходились.

Рендер делил свое внимание между Джилл, танцорами и скверно выглядевшим пойлом, больше всего похожим на плохой коктейль с водорослями (по которым в любой момент мог подняться чудовищный Кракен, чтобы утащить на дно какой-нибудь беспомощный корабль).

— Чарли, я все-таки думаю, что это люди!

Рендер выпутал свой взгляд из ее волос и прыгающих колец-сережек и осмотрел танцоров на площадке, которая была ниже места, где стоял столик.

Без своих металлических корпусов это могли быть люди. Если так, их танец был исключительно ловкий. Хотя производство легких сплавов не было проблемой, все равно нужен был какой-то трюк, чтобы танцор, закованный с головы до ног в броню, мог прыгать свободно и как бы без усилий, и продолжительное время, да еще без раздражающего внимания и лязга. Беззвучно…

Они скользили, как две чайки: одна покрупнее, цвета полированного антрацита, а вторая — как лунный свет, падающий, через окно на закутанный в шелк манекен.

Даже когда они соприкасались, звука не было… А может, и был, но заглушался ритмами джаза.

Бум-бум! Чира-чик!

Танец медленно перешел в танец анашей. Рендер взглянул на часы. Слишком долго для нормальных артистов, решил он. Видимо, это роботы. Когда он снова взглянул на них, черный робот оттолкнул от себя серебряного футов на десять и повернулся к нему спиной.

Звука столкновения металла не было.

«Интересно, сколько стоит такая система?» — подумал Рендер.

— Чарли! Не было никакого звука! Как они это делают?

Свет снова стал желтым, потом красным, синим, зеленым. Белый робот отполз назад, а черный крутил шарнир своего запястья кругом и кругом, держа в руках зажженную сигарету. Раздался хохот, когда он машинально прижал ее к своему гладкому безротому лицу. Серебряный робот атаковал черного. Черный бросил сигарету и снова повернулся к партнеру. Неужели он вновь оттолкнет серебряного? Нет…

Медленно, как длинноногие восточные птицы, они снова начали свой танец со множеством поворотов.

Что-то в глубине души Рендера забавлялось, но он сам не мог понять, что тут забавного. Поэтому он стал смотреть на Кракена на дне стакана.

Джилл вцепилась в его бицепс, привлекая внимание к площадке. Пока световое пятно терзало спектр, черный робот поднял серебряного высоко над головой и закружился с ним, выгнув спину и сложив руки ножницами, — сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Затем он завертелся

с невероятной скоростью, и полосы спектра вращались все быстрее.

Рендер потряс головой, чтобы прояснить ее.

Они двигались так быстро, что просто должны были упасть — люди они или роботы. Но они не упали. Они слились в одну серую фигуру. Затем стали замедлять вращение. Все медленнее, медленнее… Остановились.

Музыка смолкла. Затем темнота, наполненная аплодисментами.

Когда свет загорелся снова, оба робота стояли как статуи, лицом к публике. Затем медленно, очень медленно поклонились.

Аплодисменты усилились. Роботы повернулись и ушли.

Вновь зазвучала музыка, свет стал ярким. Поднялся шум голосов. Рендер убил Кракена.

— Что ты об этом думаешь? — спросила Джилл.

Рендер сделал серьезное лицо и сказал:

— Кто я — человек, воображающий себя роботом, или робот, воображающий себя человеком? — Он ухмыльнулся и добавил: — Не знаю.

Она шутя хлопнула его по плечу, и он заметил ей, что она пьяна.

— Нет, — протестовала она. — Разве чуточку.

Не так, как ты.

— Все же, я думаю, тебе нужно показаться врачу. Например, мне. Лучше сейчас. Давай уедем отсюда.

— Не сейчас, Чарли. Мне хочется посмотреть на них еще раз. Ну, пожалуйста.

— Если я еще выпью, я не буду способен их видеть.

— Тогда закажи чашку кофе.

— Фу!

— Ну, пива.

— *Я* и без этого буду страдать.

На площадке начали танцевать, но ноги Рендера как свинцом налились. Он закурил.

— Итак, ты сегодня разговаривал с собакой?

— Да. Это как-то смущает…

— Она хорошенькая?

— Это кобель. И безобразный.

— Дурачок, я имею в виду хозяйку.

— Ты знаешь, что я никогда не говорю о делах, Джилл.

— Но ты же сам сказал мне насчет ее слепоты и насчет собаки. Я только хочу знать, хорошенькая она или нет.

— Ну… и да, и нет. — Он сделал неопределенный жест. — Знаешь…

— Повторить то же самое, — сказала она официанту, внезапно возникшему из озера тьмы. Он поклонился и столь же быстро исчез.

— Пропадают мои добрые намерения, — вздохнул Рендер. — Посмотрим, как тебя будет обследовать пьяный дурак — вот и все, что я могу сказать.

— Ты быстро протрезвеешь. Ты всегда так. Гиппократ и все такое.

Он фыркнул и посмотрел на часы.

— Завтра я должен быть в Коннектикуте. Взять Пита из этой проклятой школы.

Джилл вздохнула. Она уже устала от этой темы.

— Мне кажется, ты слишком уж нянчишься с ним. Любой парнишка может сломать ногу. Это издержки роста. Мне было семь лет, когда я сломала запястье. Несчастный случай. И школа не виновата, что такие вещи случаются.

— К дьяволу, — сказал Рендер, беря свою темную выпивку с темного подноса, принесенного темным человеком. — Если они не могут хорошо работать, я найду тех, кто сможет.

Она пожала плечами.

— Дело твое. А я знаю только то, о чем читаю в газетах. И ты все-таки сидишь в «Давосе», хотя

знаешь, что в «Сент-Морице» встретил бы лучшее общество?

— Мы же собирались прокатиться, верно? Я предпочел прокатиться в «Давос».

— Значит, я не каждый вечер выигрываю?

Он погладил ее по руке.

— Со мной ты всегда в выигрыше, милочка.

Они вышли, закурили и держались за руки, пока люди расходились с танцевальной площадки и снова тянулись к своим крохотным столикам, а цвета закружились, окрашивая облака дыма от цвета ада до солнечного восхода и обратно, и барабан ухнул: бом!

Чира-чира!

— О, Чарли, они опять идут сюда!

Небо было чистое, как кристалл. Дороги чистые. Снегопад прекратился.

Джилл сонно дышала. «С-7» выгибался через городские мосты. Если бы Рендер сидел спокойно, он убедил бы себя, что пьяно только его тело, но как только он поворачивал голову, мир вокруг начинал танцевать. И тогда он воображал себя спящим и Творцом всего этого.

В какой-то миг это было правдой. Он улыбнулся, задремывая. Но в следующий миг он проснулся и уже не улыбался.

Вселенная взяла реванш за его самонадеянность. За один миг триумфа над беспомощностью, которой он хотел помочь, он снова должен был заплатить видением дна озера. И когда он опять двинулся к гибели на дне мира — как пловец, как неспособный говорить, он слышал откуда-то с высоты над Землей вой жуткого Волка Фенриса, готовящегося пожрать Луну. И, услышав, он понял, что вой этот так же похож на трубный глас правосудия, как дама рядом похожа на Луну. В каждой малости. Во всех отношениях. И его охватил страх.

Глава 3

Он был собакой.

Но не обычной собакой.

Он выехал за город сам по себе.

По виду крупная немецкая овчарка, если не считать головы, — он сидел на переднем сиденье, смотрел в окно на отстающие машины и на все, что видел вокруг. Он обогнал другие автомобили, потому что ехал по высокоскоростной полосе.

День был холодный, на полях лежал снег; деревья были в ледяных куртках, и все птицы в небе и на земле казались удивительно черными.

Его голова была больше, чем у любой другой собаки, исключая, может быть, ирландского волкодава. Глаза темные, глубоко сидящие, а рот был открыт, потому что пес смеялся. Он ехал дальше.

Наконец автомобиль перешел на другую полосу, замедлил ход, перешел на крайнюю правую, через некоторое время свернул и проехал несколько миль по сельской дороге, а затем съехал на тропинку и припарковался за деревом. Машина остановилась, дверца открылась. Собака вышла и закрыла дверцу плечом. Увидя, что свет погас, пес повернулся и пошел по полю к лесу.

Он осторожно поднимал лапы, осматривая свои следы.

Войдя в лес, он несколько раз глубоко вздохнул, встряхнулся, залаял странным не собачьим лаем и пустился бегом.

Он бежал между деревьев и скал, перепрыгивал через замерзшие лужи, узкие овражки, взбирался на холмы и сбегал по склону, проносился мимо застывших кустов в радужных пятнах, мимо ледяного ложа ручья.

Он остановился, отдышался и понюхал воздух.

Он открыл пасть и засмеялся — он научился этому от людей.

Затем пес глубоко вздохнул, закинул голову и завыл — этому он от людей не учился. Он даже не знал точно, где научился этому.

Его вой прокатился по холмам, и эхо было подобно громовой ноте горна.

Его уши стали торчком, пока он прислушивался к этому звуку.

Затем он услышал ответный вой, похожий и непохожий на его вой. Совсем похожего не могло быть, потому что его голос не был вполне собачьим. Он прислушался, принюхался и снова завыл.

И снова пришел ответ, теперь уже ближе…

Он ждал, нюхая воздух, несший известие.

К нему на холм поднималась собака, сначала быстро, потом перешла на шаг и, наконец, Остановилась в сорока футах от него. Вислоухая крупная дворняжка…

Он вновь принюхался и тихо заворчал. Дворняжка оскалила зубы. Он двинулся к ней. Когда он был примерно в десяти футах, она залаяла.

Он остановился. Собака стала осторожно обходить его кругом, нюхая ветер. Наконец он издал звук, удивительно похожий на «хэлло». Он шагнул к ней.

— Хорошая собака, — сказал он.

Собака склонила голову набок.

— Хорошая собака, — повторил он, сделал к ней еще шаг, еще один и сел. — Оч-чень хорошая собака.

Собака слегка вильнула хвостом. Он встал и подошел к ней. Она обнюхала его. Он ответил тем же. Она замахала хвостом, обежала его дважды, откинула голову и гавкнула. Потом двинулась по более широкому кругу, время от времени опуская голову, а затем бросилась в лес.

Он понюхал землю, где только что стояла собака, и побежал следом. Через несколько секунд он догнал ее, и они побежали рядом.

Из-под куста выскочил кролик. Пес догнал кролика и схватил его своими громадными челюстями. Кролик отбивался, но спина его хрустнула, и он затих.

Некоторое время он держал кролика, оглядываясь вокруг. Собака подбежала к нему, и он уронил кролика к ее ногам.

Собака посмотрела на него с надеждой. Он встал. Тогда она опустила голову и разорвала маленький труп. Кровь дымилась в холодном воздухе. Собака жевала и глотала, жевала и глотала. Наконец и он опустил голову, оторвал кусок. Мясо было горячее, сырое и дикое. Собака отпрянула, когда он схватил кусок, рычание замерло в ее глотке.

Он был не очень голоден, поэтому бросил мясо и отошел. Собака вновь наклонилась к еде.

Потом они еще несколько часов охотились вместе. Он всегда превосходил дворнягу в искусстве убивать, но всегда отдавал добычу ей. Они вместе загнали семь кроликов. Последних двух не съели.

Дворняга села и посмотрела на него.

— Хорошая собака, — сказал он.

Она вильнула хвостом.

— Плохая собака, — сказал он.

Хвост перестал вилять.

— Очень плохая собака.

Она опустила голову. Он повернулся и пошел прочь. Она пошла за ним, поджав хвост. Он остановился и оглянулся через плечо. Собака съежилась. Он несколько раз пролаял и завыл. Уши и хвост собаки поднялись. Она подошла и снова обнюхала его.

— Хорошая собака, — сказал он.

Хвост завился.

Он засмеялся.

— Ми-кро-це-фал-ка, и-ди-от-ка.

Хвост продолжал вилять.

Он снова засмеялся.

Собака покружила, легла, положила голову между передними лапами и посмотрела на него. Он оскалил зубы, прыгнул к собаке и укусил ее за плечо.

Собака взвизгнула и пустилась наутек.

— Дура! — закричал он. — Дура!

Ответа не было. Он снова завыл: такого воя не издало бы ни одно животное. Затем он повернулся к автомобилю, открыл носом дверку и залез внутрь.

Он нажал кнопку, и машина завелась. Пес лапой набрал нужные координаты. Машина задом

выбралась из-за дерева и двинулась по тропе к дороге, быстро выбралась на шоссе и исчезла.

Где-то гулял человек.

В это холодное утро ему следовало бы надеть пальто потеплее, но он предпочел легкое пальто с меховым воротником.

Заложив руки в карманы, он шел вдоль охранного забора. По ту сторону забора ревели машины.

Он не поворачивал головы.

Он мог бы выбрать множество других мест, но выбрал это.

В это холодное утро он решил погулять.

Он не хотел думать ни о чем, кроме прогулки.

Машины неслись мимо, он же шел медленно, но ровно. Он не видел никого, кто бы шел пешком.

Воротник его был поднят от ветра, но от холода не спасал.

Он шел, а утро кусало его и дергало за одежду. День удержал его в своей бесконечной галерее картин, недописанных и незамеченных.

Канун Рождества. В противоположность Новому году это время семейных сборов, пылающих дров, время подарков, особых кушаний и напитков.

Это больше личное, чем общественное время; время сосредоточиться на себе и семье, а не на обществе; время замерзших окон, ангелов в звездной оболочке, горящих поленьев, плененной радуги и толстых Санта Клаусов с двумя парами брюк — потому что малыши, садящиеся к ним на колени, легко грешат; время кафедральных витражей, снежных бурь, рождественских гимнов, колоколов, поздравлений от далеко и не очень далеко живущих, трансляций Диккенса по радио, время свечей, снежных сугробов, огней елок, сосен, Библии и средневековой Англии. «О маленький город Вифлеем», время рождения и обещаний, света и тьмы, ощущений до осознания, осознания до свершения, смены стражи года, время традиций, одиночества, симпатий, сочувствия, сентиментальности, песен, веры, надежды, смерти; время собирать камни и время разбрасывать камни, время обнимать, получать и терять, смеяться, возвращаться, молчать, говорить; время разрушать и время строить, время сажать и время вырывать посаженное…

Чарльз Рендер, Питер Рендер и Джилл де Вилл праздновали сочельник вместе.

Квартира Рендера помещалась на самом верху башни из стали и стекла. Здесь царила опре-

деленная атмосфера постоянства. Ряды книг вдоль стен; в некоторых местах полки прерывались скульптурами; примитивная живопись в основных цветах занимала свободное место. Маленькие зеркала, вогнутые и выпуклые, теперь обрамленные ветвями радуба, висели в разных местах.

На каминной доске лежали поздравительные открытки. Горшочные растения — два в гостиной, одно в кабинете — и целый куст в спальне были осыпаны блестящими звездочками. Лилась музыка.

Пуншевая чаша была из драгоценного камня в ромбовидной оправе. Она стояла на низком кофейном столике грушевого дерева в окружении бокалов, сверкающих в рассеянном свете.

Настало время развернуть рождественские подарки…

Джилл развернула свой и закуталась в нечто похожее на полотно пилы с мягкими зубьями.

— Горностай!. — воскликнула она. — Какой величественный! Какой прекрасный! О, спасибо, дорогой Творец!

Рендер улыбнулся и выпустил кольцо дыма.

Свет упал на мех.

— Снег, но теплый, лед, но мягкий… — говорила

Джилл.

— Шкурки мертвых животных, — заметил Рендер, — высокая награда за доблесть охотника. Я охотился за ней для тебя, я исходил вдоль и поперек всю Землю. Я пришел к самым красивым из мертвых животных и сказал: «Отдайте мне ваши шкурки», и они отдали. Рендер — могучий охотник.

— У меня есть кое-что для тебя, — сказала она.

— Да?

— Вот. Это тебе подарок.

Он развернул обертку.

— Запонки, — сказал он. — Символические. Три лица одно над другим — золотые. Оно, *Я* и суперЭго — так я назову их. Самое верхнее лицо наиболее экзальтированное.

— А самое нижнее улыбается, — сказал ГИтер.

Рендер кивнул сыну.

— Я не уточнил, какое самое верхнее, — сказал он мальчику. — А улыбается оно потому, что имеет собственные радости, каких вульгарное стадо никогда не поймет.

— Это из Бодлера? — спросил Питер.

— Хм, — сказал Рендер. — Да, Бодлер.

— … Чертовски неудачно сказано.

— Обстоятельства, — сказал Рендер, — это дело

времени и случая. Бодлер под Рождество — в этом что-то старое и что-то новое.

— Звучит как на свадьбе, — сказал Питер.

Джилл вспыхнула под своим снежным мехом, но Рендер как бы не заметил.

— Теперь твоя очередь открыть свои подарки, — сказал он сыну.

— Идет. — Питер разорвал пакет. — Набор алхимика, — заметил он, — как раз то, что я всегда хотел — перегонный куб, реторты, водяная баня и запас жизненного элексира. Мощно! Спасибо, мисс де Вилл.

— Пожалуйста, называй меня Джилл.

— Хорошо. Спасибо, Джилл.

— Открой и второй.

— О'кей. — Он сорвал белую бумагу с падубом и колокольчиками. — Сказочно: вторая вещь, которую я всегда хотел! Семейный альбом в голубом переплете и копия отчета Рендера сенатскому подкомитету протоколов о социоматическом неумении приспособиться к обстановке среди правительственных служащих. А также собрание сочинений Лофтинга, Грехэма и Толкиена. Спасибо, папа. Ох, еще! Таллис, Лорели, Моцарт и добрый старый Бах. Мою комнату наполнят драгоценные звуки! Спасибо, спасибо вам. Что я

вам дам взамен? Так, мелочь… Как вам это? — Он протянул один пакет отцу, другой Джилл.

Оба вскрыли свои пакеты.

— Шахматы, — сказал Рендер.

— Пудреница с пудрой и румянами, — воскликнула Джилл. — Спасибо.

— Не за что.

— Почему ты пришел с флейтой? — спросил Рендер.

— Чтобы вы послушали.

Питер собрал флейту и заиграл.

Он играл о Рождестве и святости, о вечере и пылающей звезде, о горячем сердце, о пастухах, королях, о свете и голосах ангелов.

Закончив, он разобрал флейту и убрал ее.

— Очень хорошо, — сказал Рендер.

— Да, хорошо, — сказала Джилл. — Очень…

— Спасибо.

— Как школа? — спросила Джилл.

— Хорошая, — ответил Питер.

— Много было беспокойства с переходом?

— Нет. Потому что я хороший ученик. Папа меня здорово учил, очень здорово.

— Но тут будут другие учителя…

Питер пожал плечами.

— Если знаешь учителя, то знаешь только учи-

теля. А если знаешь предмет, то знаешь его. Я знаю много предметов.

— А ты знаешь что-нибудь об архитектуре? — спросила Джилл.

— Что именно вы хотите знать? — спросил Питер с улыбкой.

— Раз ты задал такой вопрос, значит, ты кое-что знаешь об архитектуре.

— Да, — согласился он. — Я недавно изучал ее.

— В сущности, я именно и хотела узнать.

— Спасибо. Я рад, что вы думаете, что я кое-что знаю.

— А зачем ты изучал архитектуру? Я уверена, что она не входит в учебный план.

— Из любознательности, — он пожал плечами.

— О'кей, я просто интересовалась. — Она быстро взглянула на свою сумочку и достала сигареты. — А что ты о ней думаешь?

— Что можно думать об архитектуре? Она как солнце: большая, яркая и она тут. Вот примерно и все — если только вы не хотите получить что-нибудь конкретное.

Она снова покраснела.

— Я имею в виду — она тебе нравится?

— Нравится — если она старая и я снаружи или, если новая, а я внутри, а снаружи холодно.

Я утилитарен в целях физического удовольствия и романтичен в том, что относится к чувствительности.

— Боже! — сказала она и поглядела на Рендера. — Чему ты учил своего сына?

— Всему, чему мог и насколько мог.

— Зачем?

— Не хочу, чтобы ему когда-нибудь наступил на ноги кто-то размером с небоскреб, набитый фактами и современной физикой.

— Дурной тон — говорить о человеке, как будто его тут нет, — сказал Питер.

— Правильно, — сказал Рендер, — но хороший тон не всегда уместен.

— По-твоему, человек и извиняться не должен?

— Это каждый решает сам для себя, иначе это не имеет смысла.

— В таком случае, я решил, что не требую ни от кого извинения, но если кто-то желает извиниться, я приму это как джентльмен, в соответствии с хорошим тоном.

Рендер встал и поглядел на сына.

— Питер… — начал он.

— Можно мне еще пунша? — спросила Джилл. — Он очень вкусный.

Рендер потянулся к чаше.

— Я подам, — сказал Питер, взял чашу и встал, опираясь локтем о спинку кресла.

Локоть соскользнул. Чаша упала на колени Джилл. По белому меху побежала полоса земляничного цвета. Чаша скатилась на софу, выливая на нее остатки пунша.

Питер, сидя на полу, вскрикнул и схватился за лодыжку. Зажужжал телефон. Рендер буркнул что-то по-латыни, взял одной рукой колени сына, а другой — лодыжку.

— Здесь больно?

— Да!

— А здесь?

— Да! Везде больно!

— А тут?

— Сбоку… Вот!

Рендер помог ему встать и держал, пока мальчик тянулся за костылями.

— Пошли. Опирайся на меня. Внизу в квартире доктора Хейделла любительская лаборатория. *Я* хочу еще раз просветить ногу рентгеном.

— Нет? Это не…

— А что будет с моим мехом? — спросила Джилл.

Телефон прожужжал снова.

— Черт бы вас всех побрал! — проревел Рендер и включил связь. — Да! Кто это?

— Ох, это я, босс. Я не вовремя?

— Винни! Послушайте, я не собирался рычать на вас, но тут случилось черт знает что. Поднимитесь сюда. К тому времени, как вы придете, тут все будет в порядке…

— О'кей, если вы считаете, что это можно. Только я на минутку. Я иду в другое место.

— Понятно. — Он выключил связь. — Останься здесь и прими ее, Джилл. Мы вернемся через несколько минут.

— А что делать с мехом? И с софой?

— Успеется. Не переживай. Пошли, Пит.

Он вывел сына в коридор. Они вошли в лифт и направились на шестой этаж. На пути вниз они встретили другой лифт, поднимающий Винни наверх.

— Питер, почему ты ведешь себя как сопливый подросток?

Пит вытаращил глаза.

— Видишь ли, я акселерат, а что касается сопливости… — Он высморкался.

Рендер вздохнул.

— Поговорим позднее.

Двери лифта открылись.

Квартира доктора Хейделла находилась в конце коридора. Большая гирлянда из вечнозеленых растений и сосновых шишек висела над дверью, окружая дверной молоток. Рендер поднял его и постучал.

Изнутри доносились слабые звуки рождественской музыки. Через минуту дверь открылась. Перед ними стоял доктор Хейделл, глядя на них из-под толстых очков.

— Добро пожаловать, чужестранцы! — проговорил он низким голосом. — Входите, Чарльз и…

— Мой сын Питер, — сказал Рендер.

— Рад встретиться с тобой, Питер. Входи и присоединяйся к празднеству. — Он распахнул дверь и посторонился.

Они вошли, и Рендер поспешил объяснить:

— У нас маленькое несчастье. Питер недавно сломал лодыжку и вот сейчас опять упал на нее. Я хотел бы воспользоваться вашим рентгеновским аппаратом, чтобы просветить ногу.

— Конечно, пожалуйста, — сказал маленький доктор. — Пройдите сюда. Очень грустно слышать об этом.

Он провел их через гостиную, где в разных местах сидели семь или восемь человек.

— Счастливого Рождества!

— Привет, Чарли!

— Счастливого Рождества, док!

— Как идет промывка мозгов?

Рендер автоматически поднял руку и помахал в четырех разных направлениях.

— Это Чарльз Рендер, нейросоучастник, — объяснил Хейделл остальным, — и его сын Питер. Мы вернемся через несколько минут. Им нужна моя лаборатория.

Они вышли из комнаты, сделали два шага по вестибюлю, и Хейделл открыл дверь в свою изолированную лабораторию. Она стоила ему много времени и средств. Потребовалось согласие местных строительных властей, подписей больше, чем для целого госпиталя, согласие квартирного хозяйства, которое, в свою очередь, упирало на письменное согласие всех других жильцов. Как понял Рендер, для некоторых жильцов потребовалось экономическое стимулирование.

Они вошли в лабораторию, и Хейделл пустил в ход свою аппаратуру. Он сделал нужные снимки, быстро проявил их и высушил.

— Хорошо, — сказал он, изучив снимки. — Никакого повреждения, и перелом практически заживает.

Рендер улыбнулся и заметил, что его рука дро-

жит. Хейделл хлопнул его по плечу.

— Итак, возвращаемся и попробуем наш пунш.

— Спасибо, Хейделл. Попробую. — Он всегда звал Хейделла по фамилии, потому что они оба были Чарльзами.

Они выключили оборудование и вышли из лаборатории.

Вернувшись в гостиную, Рендер пожал несколько рук и сел с Питером на софу.

Он потягивал пунш, когда один из мужчин, с которым он только сейчас познакомился, — доктор Минтон — заговорил с ним.

— Вы Творец, да?

— Да.

— Меня всегда интересовала эта область. На прошлой неделе в госпитале мы как раз разговаривали об отказе от этого.

— Вот как?

— Наш постоянный психиатр заявил, что нейротерапия не более и не менее успешна, чем обычный терапевтический курс.

— Я вряд ли поставил бы его судьей, особенно если вы говорите о Майке Майсмере, а я думаю, вы говорите именно о нем.

Доктор Минтон развел руками.

— Он сказал, что собрал цифры.

— Изменение пациента в нейротерапии — это качественное изменение. Я не знаю, что ваш психиатр подразумевал под «успешным». Результаты успешны, если вы ликвидируете проблему пациента. Для этого есть различные пути, их так же много, как и врачей, но нейротерапия качественно выше некоторых, потому что она производит умеренные органические изменения. Она действует непосредственно на нервную систему под паутиной реальности и стимулирует нейростремительные импульсы. Она действует непосредственно на нервную систему под паутиной реальности и стимулирует нейростремительные импульсы. Она вызывает желаемое состояние самосознания и направляет неврологическое основание для поддержки этого состояния. Психоанализ же и смежные с ним области чисто функциональны. Проблема менее склонна к рецидиву, если она упорядочена нейротерапией.

— Тогда почему вы не пользуетесь ею для лечения психотиков?

— Раза два это делалось. Но вообще-то это слишком рискованное дело. Не забывайте, что «соучастие» — ключевое слово. Участвуют два мозга, две нервные системы. Это может обернуть-

ся своей противоположностью — антитерапией, если схема отклонения слишком сильна для контроля оператора. Состояние самосознания самого оператора может ухудшиться, его неврологический фундамент изменится. Он сам станет психотиком, страдающим органическим повреждением мозга.

— Наверное, есть какая-то возможность выключить обратный принцип связи? — спросил Минтон.

— Пока нет. Этого нельзя сделать, не пожертвовав некоторой эффективностью оператора. Как раз сейчас над этим работают в Вене, но до решения еще очень далеко.

— Если вы найдете решение, то, вероятно, сможете вторгнуться в более значительные области душевных болезней, — сказал Минтон.

Рендер допил свой пунш. Ему не понравилось подчеркнутое слово «значительные».

— А пока, — сказал он после паузы, — мы лечим то, что можем, и лучшим способом, какой знаем, а нейротерапия — лучшее из того, что мы знаем.

— Кое-кто утверждает, что вы в действительности не лечите неврозы, а угождаете им — удовлетворяете пациентов, давая им маленькие миры, в которых их собственные неврозы свободны

от реальности, миры, где они командуют, как помощники Бога.

— Не совсем так, — сказал Рендер. — То, что случается в этих маленьких мирах, не обязательно приятно пациенту. И он почти ничем не командует: командует Творец, или, как вы сказали, Бог. Это познавательный опыт. Вы познаете радость и познаете боль. В основном в этих случаях больше боли. — Он закурил и получил вторую порцию пунша. — Так что я не считаю эту критику верной, — закончил он.

— А она широко распространена.

Рендер пожал плечами. Он дослушал рождественский гимн и встал.

— Большое спасибо, Хейделл, — сказал он, — мне пора.

— Что вы торопитесь? — спросил Хейделл. — Оставайтесь подольше.

— Рад бы, но у меня наверху люди, так что я должен вернуться.

— Да? Много?

— Двое.

— Давайте их сюда. *Я* тут устроил буфет, и всего более чем достаточно. Накормлю и напою их.

— Идет, — сказал Рендер.

— Ну и прекрасно. Почему бы вам не позвонить

им отсюда? Рендер так и сделал.

— Лодыжка Пита в порядке, — сообщил он.

— Замечательно. А как насчет моего манто? — спросила Джилл.

— Забудь о нем пока. *Я* займусь им позднее.

— *Я* попробовала теплой водой, но оно все еще розоватое…

— Положи его обратно в коробку и больше не морочь мне голову! *Я* же сказал, что займусь им.

— Ладно, ладно. Мы через минуту спустимся. Винни принесла подарок для Питера и кое-что для тебя. Она собирается к сестре, но сказала, что не спешит.

— Прекрасно. Тащи ее вниз. Она знает Хейделла.

— Отлично. — Она выключила связь.

Канун Рождества. В противоположность Новому году это скорее личное время, чем общественное; время сосредоточиться на себе и семье, а не на обществе; это время многих вещей; время получать и время терять; время хранить и время выбрасывать; время насаждать и время вырывать посеянное…

Они ели в буфете. Большинство пило горячий ренрикс с корицей и гвоздикой, фруктовый коктейль и пахнущий имбирем пунш. Разговари-

вали об искусственных легких, о компьютерной диагностике, о бесценных свойствах пенициллина. Питер сидел, сложив руки на коленях, слушал и Наблюдал. Его костыли лежали у ног. Комната была полна музыки.

Джилл тоже сидела и слушала.

Когда говорил Рендер, слушали все. Винни улыбалась, взяв еще стаканчик. Рендер говорил как диктор, с иезуитской логикой. Ее босс — человек известный. А кто знает Минтона? Только другие врачи. Творцы знамениты, а она секретарша Творца. О Творцах знает всякий. Подумаешь — быть специалистом по сердцу или костям или по внутренним болезням! А ее босс был ее мерилом славы. Девушки вечно расспрашивали ее о нем, о его волшебном аппарате…

В еженедельнике «Тайм» Рендеру было отведено три столбца — на два больше, чем другим (не считая Бартельметра, конечно).

Музыка сменилась легкой классической. Винни почувствовала ностальгию, ей вновь хотелось танцевать, как она танцевала в давние времена. Праздничное настроение, компания вкупе с музыкой, пуншем и полумраком заставили ее ноги медленно пританцовывать, а мозг — вспоминать сцену, полную света и движения, и себя. Она

прислушалась к разговору.

— … если вы можете передавать и воспринимать их, значит, можете и записывать? — спрашивал Минтон.

— Да, — ответил Рендер.

— Я вот что подумал: почему нам не покажут подробнее все ваши чародейства?

— Лет через пять-десять, а может, и раньше — покажут. Но сейчас использование прямой записи ограничено — только для квалифицированного персонала.

— Почему?

— Видите ли… — Рендер сделал паузу, чтобы закурить, — … если быть полностью откровенным, то вся эта область остается под строгим контролем, пока мы не узнаем о ней побольше. Если это дело широко обнародовать, его могут использовать в коммерческих целях… и, возможно, с катастрофическими последствиями.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что мог бы взять вполне стабильную личность и построить в ее мозгу любой вид сна, какой вы могли бы назвать, и множество таких, что вы назвать не сможете — сон с градацией от насилия и секса до садизма и извращений, сон о заговоре, безумии, сон о

немедленном выполнении любого желания. Я даже мог бы ввести визуальное искусство, от экспрессионизма до сюрреализма, если хотите. Сон о насилии в кубистической постановке — нравится? Прекрасно. Можете стать лошадью из «Герники». Я мог бы записать все это и проиграть вам или кому угодно множество раз.

— Вы Бог!

— Да, Бог. Я мог бы сделать Богом и вас тоже, если бы вы захотели, мог бы сделать Создателем и оставить вас на полные семь дней. Я управляю чувством времени, внутренними часами и могу растянуть реальную минуту в субъективные часы.

— Рано или поздно такие вещи произойдут, не так ли?

— Да.

— И каковы будут результаты?

— Никто не знает.

— Босс, — тихо сказала Винни, — вы могли бы снова вернуть к жизни воспоминания? Могли бы воскресить что-то из прошлого и дать ему жизнь в мозгу человека, и чтобы все это было как бы реальным?

Рендер прикусил губу и как-то странно поглядел на нее.

— Да, — сказал он после долгой паузы, — но это не было бы добрым делом. Это поощряло бы жизнь в прошлом, которое уже не существует. Это нанесло бы ущерб умственному здоровью. Это регресс, атавизм, невротический уход в прошлое.

Комната наполнилась звуками «Лебединого озера».

— И все-таки, — сказала Винни, — я хотела бы снова стать лебедем.

Она медленно встала и сделала несколько неуклюжих па — отяжелевший, подвыпивший лебедь в красновато-коричневой одежде. Затем она покраснела и поспешно села, но засмеялась, и все засмеялись с ней.

— А куда бы. вы хотели вернуться? — спросил Минтон Хейделла.

Маленький доктор улыбнулся.

— В один летний уик-энд моего третьего года в медицинской школе, — сказал он. — Да, я истрепал бы эту ленту за неделю. А как насчет тебя, сынок? — спросил он Питера.

— Я слишком, мал, чтобы иметь какие-то хорошие воспоминания, — ответил Пит. — А вы, Джилл?

— Не знаю… Я думаю, я хотела бы снова стать маленькой девочкой, и чтобы папа — я имею

в виду моего отца — читал мне воскресными зимними вечерами. — Она взглянула на Рендера. — А ты, Чарли? Если бы ты не был в данный момент профессионалом, в каком времени ты хотел бы быть?

— В этом самом, — с улыбкой ответил он. — Я счастлив как раз там, где я есть, в настоящем, которому принадлежу.

— Ты и в самом деле счастлив?

— Да, — сказал он и взял еще бокал пунша. — Я и в самом деле счастлив. — Он засмеялся.

Позади него послышалось тихое посапывание. Винни задремала.

А музыка кружилась и кружилась, и Джилл смотрела на Рендеров — то на отца, то на сына. Лодыжка Питера снова была в гипсе. Сейчас мальчик зевал. Она разглядывала его. Каким он будет через десять-пятнадцать лет? Вспыхнувшим гением? Мастером какой-нибудь еще неисследованной проблемы? Она смотрела на Питера, а он следил за отцом.

— Но это могло бы быть подлинной формой искусства, — говорил Минтон, — и никто больше него не имеет права на самоубийство…

Она коснулась его руки. Он вздрогнул, как бы проснувшись, и отдернул руку.

— *А* устала, — сказала она. — Ты не отвезешь меня домой?

— Чуть позже, — ответил он. — Дай Винни еще немного подремать. — И он вновь повернулся к Минтону.

Питер повернулся к Джилл и улыбнулся.

Она внезапно почувствовала, что и в самом деле очень устала. А ведь раньше она очень любила праздновать Рождество.

Винни продолжала похрапывать. Время от времени слабая улыбка мелькала на ее лице. Видимо, она танцевала.

Она всегда приходила рано и уходила одна и всегда садилась на одно и то же место. Они сидели в десятом ряду в правом крыле, и единственной досадой для нее были антракты. Она не могла знать, когда кто-нибудь захочет пройти мимо нее.

Она приходила рано и оставалась до тех пор, пока театр не погружался в тишину.

Она любила звук культурного голоса, поэтому предпочитала британских актеров американским.

Она любила музыкальные спектакли не потому, что очень любила музыку, а потому что ей нравилось чувство волнения в голосах. Поэтому

же ей нравились стихотворные пьесы.

Ее вдохновляли древнегреческие пьесы, но она терпеть не могла «Царя Эдипа».

Она надевала подкрашенные очки, но не темные. И никогда не носила трость.

Однажды вечером, когда должен был подняться занавес перед последним актом, темноту прорезало световое пятно. В него шагнул мужчина и спросил:

— Есть ли в зале врач?

Никто не отозвался.

— Это очень важно, — продолжал он. — Если здесь есть доктор, просим его немедленно пройти в служебный кабинет в главном фойе.

Он оглядывался вокруг, но никто не шевельнулся.

— Благодарю, — сказал он и ушел со сцены.

Затем поднялся занавес и вновь возникли движение и голоса.

Она подождала, прислушиваясь. Затем встала и двинулась вверх по крылу, ощупывая стену пальцами. Выйдя в фойе, она остановилась.

— Могу я помочь вам, мисс?

— Да, я ищу служебный кабинет.

— Вот он, слева от вас.

Она повернулась и пошла влево, слегка вытя-

нув вперед руку. Коснувшись стены, она вела по ней рукой, пока не нащупала дверь. Тогда она постучалась.

— Да? — Дверь открылась.

— Вам нужен врач?

— Да.

— Быстрее! Сюда!

Она пошла по звуку его шагов внутрь и в коридор, параллельный крылу зала. Она услышала, как человек поднимается по лестнице, и последовала за ним.

Они дошли до костюмерной и вошли в нее.

— Вот он.

— Что случилось? — спросила она, вытянув руку и коснувшись человеческого тела.

Послышался булькающий звук и кашель без дыхания.

— Это рабочий сцены, — сказал мужчина. — Я думаю, он подавился ириской. Он вечно жует их. Видимо, она застряла в горле, и вытащить никак не удается.

— Вы вызвали «скорую»?

— Да, но посмотрите на него, он же весь посинел! Не знаю, успеют ли они.

Она откинула голову пострадавшего и ощупала горло внутри.

— Да, какое-то препятствие. Я тоже не могу его извлечь. Дайте мне короткий острый нож — простерилизованный. Быстро!

— Сию минуту, мэм.

Она осталась одна. Пощупала пульс сонной артерии. Положила руки на напряженную грудь больного, откинула его голову еще больше назад и ощупала горло.

Прошла минута с небольшим. Звук поспешных шагов.

— Вот… мы вымыли лезвие спиртом…

Она взяла нож в руки. Лезвие спиртом…

Вдалеке послышалась сирена «скорой помощи», но она не была уверена, что врачи успеют вовремя.

Поэтому она проверила нож кончиком пальца, исследовала шею человека, а затем повернулась к тому, чье присутствие ощущала рядом.

— Не думаю, что вам стоит смотреть. Я собираюсь сделать ему срочную трахеотомию. Это неприятное зрелище.

— Ладно, я подожду за дверью.

Удаляющиеся шаги…

Она разрезала.

Вздох, затем поток воздуха. Затем мокрота… пузырящийся звук.

Она повернула голову больного. Когда врач «скорой» появился в двери сцены, ее руки снова лежали спокойно, потому что она знала: человек будет жить.

— … Шалотт, — сказала она врачу, — Эйлин Шалотт, Стейт Псик.

— Я слышал о вас. Но вы…

— Да, но людей я читаю лучше.

— Да, вижу. Значит, мы можем встретиться с вами в Стейт?

— Конечно.

— Спасибо, доктор. Спасибо вам, — сказал менеджер.

Она вернулась на свое место в зрительный зал.

Последний занавес. Она сидела, пока зал не опустел.

Сидя здесь, она еще чувствовала сцену.

Сцена для нее была центральной точкой звука, ритма, чувства, движения, нюансов света и тьмы — но не цвета: это был центр особого рода блеска для нее; место пульса, конвульсия жизни, через цикл страстей и восприятий; место, где страдающий, способный и благородный страдал благородно; место, где даровитые французы ткали легкую ткань комедии между столбами идеи; место, где черная поэзия нигилистов продавала

себя за доступную цену тем, кто над ней насмехался; место, где проливалась кровь и крики имели приличную дикцию, и песни звенели, и где Аполлон и Дионис ухмылялись из-под крыльев, где Арлекин постоянно ухитрялся извлечь капитана Спецфера из его штанов. Это было место, где любое действие можно было имитировать, но где над всеми действиями реально стояли лишь две вещи: счастье и горе, комическое и трагическое, то есть любовь и смерть — две вещи, называемые человеческим бытием. Это было место героев и не вполне героев. Это было место, которое она любила. Она видела там только одного человека, лицо которого она знала. Он шел по поверхности этого места, осыпанный символами… Поднять руки против моря тревог, злой встречи в лунном свете и обратить это в их противоположность, призвать силу мятежных ветров и создать ревущую битву между зеленью моря и лазурным сводом… Какая же это искусная работа — человек! Сколько у него нескончаемых способностей, форм, движений!

Она знала его во всех его ролях, того, кто не мог бы существовать без зрителей. Он был Жизнью.

Он был Творцом.

Он был Действующим и Двигающим.

Он был более велик, чем герои.

Мозг может совершать множество вещей. Он учится. Но он не может научиться не думать.

Эмоции качественно остаются теми же всю жизнь. Стимулятор, на который они отвечают, — предмет количественных вариаций, но ощущение — это основа дела.

Вот почему театр выжил: это культурный перекресток. Он содержит Северный и Южный полюсы человеческого состояния. Эмоции падают в его притяжение, как железные опилки.

Мозг не может научиться не думать, но ощущения падают предназначенным узором.

Он был ее театром.

Он был полюсами мира.

Он был всеми действиями.

Он был не имитацией действий, но самими действиями.

Она знала, что он очень способный человек и зовут его Чарльз Рендер.

Он Творец.

В мозгу содержится много вещей.

Но ОН больше любой другой вещи.

Он был всегда.

Она чувствовала его.

Когда она встала и пошла, ее каблуки гулко

стучали в опустевшей тьме.

Пока она поднималась по проходу, звуки ее шагов снова и снова возвращались к ней.

Она шла по пустому театру, уходила от пустой сцены. Она была одна.

У выхода из зала она остановилась.

Как далекий смех внезапно обрывается шлепком, упала тишина.

Она не была теперь ни зрительницей, ни актрисой. Она была одна в темном театре.

И ей стало страшно.

…Человек продолжал идти вдоль шоссе, пока не дошел до определенного дерева. Там он остановился, держа руки в карманах, и долго смотрел на дерево. Затем повернулся и пошел обратно, откуда пришел. Завтра будет другой день.

— О, увенчанная скорбью любовь моей жизни, почему ты покинул меня? Разве я не красива? Я давно любила тебя, и все тихие места слышат мои стенания. Я любила тебя больше себя и страдала от этого. Я любила тебя больше жизни со всей ее сладостью, и сладость стала горька. Я готова оставить эту свою жизнь для тебя. Почему ты должен уехать на ширококрылом, многовесельном корабле в море, взяв с собой свои лавры и пенаты, а я здесь одна? Я бы сожгла пространство и время,

разделяющее нас. Я должна быть с тобой всегда. Я пошла бы на это сожжение не тихо и молча, но с рыданиями. Я не обычная девушка, чтобы чахнуть всю жизнь и умереть пожелтевшей и с потухшими глазами: во мне кровь Принцев Земли, и моя рука — рука воина в битве. Мой поднятый меч разрубает шлем моего врага, и враг падает. Я никогда не была покорной, мой господин. Но мои глаза болят от слез, а мой язык — от воплей. Заставить меня увидеть тебя — это преступление хуже убийства. Я не могу забыть ни свою любовь, ни тебя. Было время, когда я смеялась над любовными песнями и жалобами девушек у реки. А теперь мой смех вырван, как стрела из раны, и я без тебя одинока. И не взыскивай с меня, любимый, потому что я любила тебя. Я хочу разжечь огонь моими воспоминаниями и надеждами. Я хочу сжечь мои уже горящие мысли о тебе, положить их тебе, как поэму на костер, чтобы ритмичные фразы превратились в пепел. Я любила тебя, а ты уехал. Никогда в жизни я не увижу тебя, не услышу музыку твоего голоса, не почувствую трепета от твоего прикосновения. Я любила тебя, а мои слова попадали в глухие уши, а сама я стояла перед невидящими очами. Разве я не красива, о ветры Земли, овевающие

меня, о жизнь сердца в моей груди? Я иду теперь к пламени моего отца, чтобы быть лучше принятой. Из всех любовников прошлого никогда не было такого, как ты. Пусть боги благословят тебя и поддержат, пусть не слишком строго судят они тебя за то, что ты делал. Знай, я сгорю из-за тебя! Костер, будь моей последней любовью![3]

Когда она покачнулась в круге света и упала, раздались аплодисменты. Затем зал потемнел.

Через мгновение свет снова загорелся, и все члены клуба «Искусство и миф» встали и выступили вперед, чтобы поздравить ее с такой доходчивой интерпретацией. Они говорили о значении народного мотива от сати[4] до жертвоприношения Брунгильды. Хорошо, основа — костер, решили они. «Костер… моя последняя любовь» — хорошо: Эрос и Танатос в финальном очищении пламени.

Когда они высказали свою оценку, в центр зала вышли маленький сутулый мужчина и его похожая на птицу и по-птичьи идущая жена.

— Элоиза и Абеляр, — объявил мужчина.

---

[3] Примечания: 3

Монолог Дидоны из поэмы Вергилия «Энеида».

[4] Примечания: 4

Сати — индийский обычай самосожжения вдовы вместе с телом мужа.

Вокруг почтительное молчание.

Высокий мускулистый человек средних лет с блестящим от пота лицом подошел к нему.

— Мой главный кастратор, — сказал Абеляр.

Крупный мужчина улыбнулся и поклонился.

— Ну, давайте начнем…

Хлопок — и упала тьма.

Глубоко закопанные, как мифологические черви, силовые линии, нефтепроводы и пневматические трубы тянутся через континент. Подобно пульсирующим кишкам, они глотают землю. Они несут масло и электричество, воду и уголь, посылки, тюки и письма. Все эти вещи, идя под землей, извергаются в местах назначения, и машины, работающие в этих местах, принимают их.

Они слепые и уползают подальше от солнца; они не имеют вкуса и не переваривают землю; они не имеют ни обоняния, ни слуха. Земля — их каменная тюрьма. Они знают только то, к чему прикасаются, и прикосновение — это их постоянная функция.

Такова глубоко закопанная суть червя.

В новой школе Рендер поговорил со штатным психологом и осмотрел оборудование в зале физического воспитания. Он также осмотрел

квартиры учащихся и был удовлетворен.

Но сейчас, когда он вновь оставил Питера одного в учебном заведении, он чувствовал какое-то недовольство. И сам не знал почему. Все, казалось, было в полном порядке, как и в первое его посещение. Питер вроде бы был в хорошем настроении. Даже в исключительно хорошем.

Рендер вернулся в свой автомобиль и выехал на шоссе — громадное дерево без корней, ветви которого покрывали два континента, — думал и удивлялся, что не находит ответа своему недовольству. Руки его лежали на коленях, ландшафт плавал вокруг него вверх и вниз, потому что он ехал по холмам.

Руки снова поднялись к панели.

— Алло?

— Эйлин, это Рендер. Я не мог позвонить вам раньше, но слышал, что вы сделали трахеотомию в театре.

— Да. Я сделала доброе дело — я и нож. Откуда вы звоните?

— Из машины. *Я* только что отвез Питера в школу и теперь возвращаюсь.

— Да? Как он? Как его лодыжка?

— Отлично. Мы тут слегка напугались на Рождество, но все обошлось. Расскажите, что случилось

в театре, если это вас не смущает.

— Разве врача смущает кровь? — Она тихо засмеялась. — Так вот, было уже поздно, перед последним актом…

Рендер откинулся, закурил и с улыбкой слушал.

Местность снаружи стала гладкой равниной, и автомобиль катился по ней, как кегельный шар точно по канавке.

Под проводами высокого напряжения и над захороненными кабелями человек снова шел рядом с главной ветвью дороги-дерева, шел сквозь заснеженный воздух и радиосигналы.

Мимо неслись машины, и некоторые пассажиры видели его.

Руки он держал в карманах, голову опустил, потому что не смотрел ни на что. Воротник пальто был поднят, и тающие снежные хлопья приклеивались к полям его шляпы.

Он был в галошах. Земля была мокрая и грязноватая.

Он с трудом тащился — случайный заряд в поле громадного генератора.

— … обедаем вечером в «К. и С.»?

— Почему бы и нет? — сказал Рендер.

— Скажем, в восемь?

— Договорились.

Некоторые из них падают с неба, но большинство выбивается из дорог…

Машины высадили своих пассажиров на платформы в больших машинных ульях. Возле киосков кольцевой линии подземки стояли на стоянках аэротакси.

Но люди шли в выставочный зал пешком.

Здание было восьмиугольное. Крыша напоминала перевернутую супницу. Восемь треугольников из черного камня украшали каждый угол.

Крыша была избирательным фильтром. Сейчас она высосала всю голубизну серого вечера и слабо светилась, белая, белее выпавшего вчера снега. Внутри потолок был безоблачным летним днем, но без солнца.

Люди шли под этим небом среди экспонатов, как темный поток среди скал.

Они двигались волнами и редкими водоворотами. Они клубились, сближались, журчали и бормотали. Иногда оживлялись…

Они ровно выливались из припаркованных машин за голубым горизонтом.

Закончив обход, они возвращались к выходу во внешнюю часть.

Во внешней части была выставка, организо-

ванная ВВС. Она работала две недели по двадцать четыре часа в сутки и привлекала посетителей со всего мира.

Это была выставка достижений Человека в космосе.

Руководителем выставки был двухзвездный генерал со штатом из дюжины полковников, многих майоров, капитанов и бесчисленных лейтенантов. Генерала даже никто не видел, кроме полковников и работников «Выставки, Инк.». Компании «Выставки, Инк.» принадлежал выставочный зал рядом с космопортом, и она устраивала все как надо для тех, кто снимал зал..

Как входишь в Холл Поганок, как его кто-то окрестил, сразу же направо идет Галерея.

В Галерее висели фото во всю стену, так что посетитель мог почти войти в них, потеряться в громадных стройных горах за Лунной Базой III, выглядевших так, словно они качаются от ветра, только никакого ветра там не было; войти в купол-пузырь подземного города; провести рукой по холодным частям наблюдательного мозга и почувствовать, как в нем щелкают быстрые мысли; войти в грубую пустыню под зеленоватым небом, обойти высокие стены Портового комплекса — монолитные, серо-голубые, построенные на

бог весть каких развалинах, войти в крепость, где в марсианском складе люди двигались как призраки, ощутить текстуру гласситовых стен, которые произвели сенсацию во всем мире; пройти ад меркурианского пекла, посмотреть на цвета — пылающий, желтый, серо-коричневый и оранжевый — и, наконец, затеряться в Большом Ледяном Боксе, где ледяной гигант сражается с огненным существом и где каждое отделение запечатано и отделено, как в подводной лодке или транспортной ракете, и по тем же причинам; или пройтись, заложив руки за спину, посчитать цветные полосы на стенах, похожих на скалы, увидеть солнце или сверкающую звезду, поежиться, выпустить пары и признать, что все эти места крайне удивительны и фото тоже хороши.

После Галереи шли гравитационные комнаты, где человек поднимался по лестнице, пахнувшей свежеспиленным деревом. Наверху он мог выбрать любую гравитацию: лунную, марсианскую, меркурианскую — и спуститься обратно на уменьшенной воздушной подушке вроде лифта, познав на миг ощущение переноса личного веса на выбранный мир. Платформа опускалась, посадка была мягкой… будто упал в сено или в перину.

Дальше шли латунные перила по пояс вышиной. Они окружали Фонтан Миров. Наклонись и смотри…

Вычерпанные из света бездонные сферы мрака…

Это планетарий.

Миры в нем качаются на магнитных силовых линиях. Они двигаются вокруг горящего лучистого шара-солнца. Расстояние от одного до другого уменьшено, и они холодно и бледно сияют во мраке. Земля — изумруд и бирюза, Венера — молочный янтарь, Марс — оранжевый шербет, Меркурий — масло, Нептун — свежеиспеченный хлеб.

В Фонтане Миров есть и пища, и богатство. Жаждущие и вожделеющие наклонялись над латунными перилами и смотрели. Это вызывало болезненные мечты.

Другие бросали взгляд и проходили мимо, чтобы увидеть реконструкцию декомпрессионной комнаты на Лунной Базе I в натуральную величину или услышать представителя промышленности, сообщающего малоизвестные факты насчет конструкций пресс-шлюзов и энергии воздушного насоса. Можно было также проехаться через холл по подвесной монорельсовой дороге

или посмотреть двадцатиминутный фильм. Можно было подняться на свежеобрушенную стену и попробовать себя, орудуя захватами-клешнями, какими пользуются во внеземных горных разработках.

Но алчные оставались на одном месте. Они стояли дольше, смеялись меньше. Они были частью потока, образовывающего заводи…

— Думаешь отправиться куда-нибудь?

Мальчик повернул голову, двинувшись на костылях, и посмотрел на обратившегося к нему полковника. Офицер был высокого роста, с загорелыми руками и лицом, с темными глазами; маленькие усики и тонкая коричневая дымящаяся трубка больше всего бросались в глаза после свежей, хорошо сшитой формы.

— Почему? — спросил мальчик.

— Ты как раз в том возрасте, когда планируют будущее. Карьеру надо нанести на карту заранее. В тринадцать лет человек может промахнуться, если он не думает наперед.

— Я читаю литературу…

— Без сомнения. В твоем возрасте все читают. Но сейчас ты видишь модели и думаешь, что это модели настоящего. Но между ними большая разница, громадная. Ты не поймешь этого ощу-

щения, лишь читая буклеты.

Наверху прошуршал монорельсовый вагон. Офицер показал на него трубкой.

— Даже это не та вещь, что едет над Большим Ледяным Каньоном, — заметил он.

— Тогда это беда тех, кто пишет буклеты, — сказал мальчик. — Любой человеческий опыт должен быть описан и интерпретирован достаточно хорошим писателем.

Офицер искоса взглянул на него.

— Повтори-ка это еще раз, сынок.

— Я сказал, что если ваши буклеты не говорят того, что вы хотите от них, то это не вина материала.

— Сколько тебе лет?

— Десять.

— Ты чертовски умен для этого возраста.

Мальчик пожал плечами, поднял костыль и показал им в направлении Галереи.

— Хороший художник мог бы сделать вам в пятьдесят раз лучшую работу, чем эти большие глянцевые фото.

— Это очень хорошие фотографии.

— Конечно, хорошие. Отличные. И вероятно, дорогие. Но любая из этих сцен у настоящего художника была бы бесценной.

— Пока что здесь нет места художникам. Сначала идут землекопы, а культура потом.

— А почему бы не сделать наоборот? Выбрать нескольких художников, а они помогут вам найти кучу землекопов.

— Хм, — сказал офицер, — интересная точка зрения. Не прогуляешься ли со мной немного? Посмотришь еще кое-какие достопримечательности.

— Что ж, — сказал мальчик, — почему бы и нет? Правда, прогуляться — не совсем подходящее слово.

Он качнулся на костылях, поравнялся с офицером, и они пошли мимо экспонатов.

Скилботы ползли по стене, клешни цеплялись за малейшую неровность.

— Дизайн этих вещей основан на структуре ног скорпиона?

— Да, — ответил офицер. — Один блестящий инженер украл этот трюк у Природы. Именно такого сорта мозги мы и стремимся привлечь.

Мальчик кивнул.

— *Я* жил в Кливленде. Там в низовьях реки пользовались штукой под названием Холан-конвейер для разгрузки судов с рудой. Это устройство основано на принципе ноги кузнечика. Какой-то

смышленый молодой человек с таким мозгом, какой вы хотите привлечь, лежал однажды во дворе, обрывал ноги кузнечикам, и вдруг его осенило. «Эй, — сказал он, — это может пригодиться». Он разодрал еще несколько кузнечиков, и родился Холан-конвейер. Как вы сказали, он украл трюк, который природа потратила на существ, всего лишь скачущих по полям да жующих табак. Мой отец однажды взял меня в путешествие по реке, и я увидел эти конвейеры в действии. Это громадные металлические ноги с зазубренными концами, и они производят самый ужасный шум, какой я когда-либо слышал — словно призраки всех замученных кузнечиков. Боюсь, что у меня не тот род мозга, какой вы хотели бы привлечь.

— Ну, — сказал офицер, — похоже, что у тебя мозг иного рода.

— Какого иного?

— Такого, о котором ты говорил: тот, что будет видеть и интерпретировать и сможет сказать людям здесь, дома, на что это похоже там.

— Вы взяли бы меня как хроникера?

— Нет, мы взяли бы тебя для другого. Но это не должно остановить тебя. Сколько людей тянется к мировым войнам с целью написать военный роман? Сколько военных романов написано? А

сколько из них хороших? Очень мало. Ты мог бы начать свою подготовку с этого конца.

— Возможно, — сказал мальчик.

— Пойдем сюда? — спросил офицер.

Едва заметное ощущение движения, затем дверь открылась. Они оказались на узком балконе, идущем вокруг края крыши. Он был закрыт гласситом и тускло светился.

Под ними лежали огороженные площадки и часть поля.

— Несколько машин скоро взлетят, — сказал офицер. — Я хочу, чтобы ты увидел, как они поднимаются среди огня и дыма.

— Среди огня и дыма, — улыбаясь, повторил мальчик. — Я видел эту фразу в куче ваших буклетов. Вы по-настоящему поэтичны, сэр.

Офицер не ответил. Ни одна из металлических башен не шевелилась.

— Вообще-то они далеко не ходят, — сказал, наконец, полковник. — Они только перевозят материалы и персонал орбитальных станций. Настоящие большие корабли здесь никогда не садятся.

— Да, я знаю. Это верно, что один парень совершил на вашей выставке самоубийство этим утром?

— Нет, — сказал офицер, не глядя на него. — Это был несчастный случай. Он шагнул в помещение марсианской гравитации до того, как платформа была на месте и установлена воздушная подушка. Он упал в шахту.

— Почему же не закрыли этот отдел выставки?

— Потому что вся защитная аппаратура функционировала нормально. Предупреждающий свет и охранные перила работали нормально.

— Тогда почему же вы назвали это несчастным случаем?

— Потому что он не оставил записки. Вот! Смотри, сейчас одна поднимется. — Он помахал трубкой.

Бурлящий пар появился у основания одного из стальных сталагмитов. В центре его вспыхнул свет. Затем загорелось под ним, и волна дыма растеклась по полю и поднялась высоко в воздух.

Но не выше корабля… потому что он теперь двигался.

Почти незаметно корабль поднимался над грунтом. Вот сейчас движение уже было заметным…

И вдруг он оказался высоко в воздухе, в громадном потоке пламени.

Был он как фейерверк, потом стал вспышкой и, наконец, звездой, быстро удаляющейся от них.

— Ничего похожего на ракету в полете, — сказал офицер.

— Да, вы правы.

— Ты хотел бы следовать за ним? Следовать за этой звездой?

— Да. Когда-нибудь я так и сделаю.

— Мое обучение было очень тяжелым, и сейчас требования даже более суровы.

Они следили, как взлетели еще два корабля.

— Когда вы в последний раз сами летали? — спросил мальчик.

— Не так давно…

— Я, пожалуй, пойду. Мне еще надо сделать письменную работу для школы, — сказал мальчик.

— Возьми несколько наших новых буклетов.

— Спасибо, я все их собираю.

— До свидания. Счастливо, парень.

— До свидания! Спасибо за показ.

Мальчик пошел обратно к лифту. Офицер остался на балконе, пристально глядя вдаль. Трубка его давно погасла.

Свет, движущиеся, борющиеся фигуры.

Затем темнота.

— О, сталь! Такая боль, точно вошли лезвия! У меня много ртов, и все они блюют кровью!

Тишина.
Затем аплодисменты.

Глава 4

… Плоское, прямое, унылое. Это Уинчестерский кафедральный собор, как говорит путеводитель. «Своими колоннами от пола до потолка, так похожими на громадные древесные стволы, он добивается жесткого контроля над пространством. Потолок плоский. Каждый пролет между колоннами сам собой представляет уверенность и стабильность. Собор как бы отражает дух Вильгельма Завоевателя. Презрение к сложности и страстная преданность другому миру делает собор соответствующей обстановкой для некоторых легенд Мелори…»

— Обратите внимание на украшенные зубцами капители, — сказал экскурсовод. — Своей примитивной вырезкой они предваряют то, что позднее станет общим мотивом…

— Фу! — сказал Рендер, но тихо, потому что находился в храме с группой.

— Ш-ш-ш! — сказала Джилл де Вилл (Фотлак — вот ее настоящая последняя фамилия).

Но Рендер был так же поражен, как и утомлен. Хоть он и снимал шляпу перед хобби Джилл, но оно так действовало на его рефлексы, что он

предпочел бы сидеть под восточным приспособлением, капавшим воду на голову, чем ходить по аркадам и галереям, переходам и туннелям и, задыхаясь, подниматься по высоким лестницам башен.

Так что он водил глазами по всему, сжигал все, закрывал глаза и строил все заново из дымящегося пепла памяти, чтобы позднее изобразить в видении пациентки, могущей увидеть все это только таким образом. Этот собор был ему менее неприятен, чем другие здания. Да, он должен принести его ей.

Камера в его мозгу фотографировала все окружающее, пока Рендер, перекинув плащ через руку, шел с другими, а его пальцы нервно тянулись за сигаретой. Он удерживался от открытого игнорирования гида, понимая, что это было бы вершиной всех форм человеческого протеста. Так что он шел по Уинчестеру и думал о двух последних сеансах с Эйлин Шалотт.

Он снова бродил с ней там, «… где пантера ходит туда-сюда по ветке дерева…».

«… Где олень яростно поворачивается к охотнику…»

Они остановились, когда она подняла руки к вискам, раздвинула пальцы и искоса взглянула

на него. Губы ее разжались, как если бы она хотела спросить.

— Олени, — сказал он.

Она кивнула, и олень подошел. Она ощупала его ноги, уши, похлопала по морде.

— Да, — сказала она.

Олень повернулся и пошел прочь, а пантера прыгнула на спину и вцепилась в его шею.

Эйлин видела, как олень дважды ударил кошку рогами, а затем умер.

«… Где гремучая змея греется на солнце, растянувшись на камне…» Эйлин смотрела, как змея свивалась и ударяла. Затем она ощупала погремушки змеи и повернулась к Рендеру.

— Зачем эти вещи?

— Вы должны знать не только идиллию, — сказал он и указал: «… Где аллигатор спит рядом с заболоченным заливом…»

Она коснулась плоской кожи. Животное зевнуло. Она изучала его зубы, строение челюстей.

Вокруг жужжали насекомые. Москит сел на ее руку и ужалил. Эйлин хлопнула по нему и засмеялась.

— Я продвигаюсь? — спросила она.

Он улыбнулся и кивнул.

— Вы хорошо держитесь.

Он хлопнул в ладоши — лес и болото исчезли.

Они стояли босиком на зыбком песке. Солнце и его отражение светили им с поверхности воды над их головами. Стайка ярких рыб проплыла между ними, морские водоросли качались взад и вперед, струясь по течению.

Их волосы поднялись и тоже колыхались, подобно водорослям, и одежда шевелилась. Следы морских раковин разных форм лежали перед ними, вели мимо коралловых стен, по окатанным морем камням, и открывались беззубые, безъязыкие рты гигантских моллюсков.

Она остановилась и поискала что-то между раковинами. Когда Эйлин выпрямилась, в ее руках была громадная, тонкая, как яичная скорлупа, трубка. На одном ее конце был завиток, он шел к углублению, похожему на гигантский отпечаток большого пальца, и винтом отходил обратно, чтобы соединиться с другим концом через лабиринты тонких, как спагетти, трубочек.

— Это, — сказала она, — раковина Дедала.

— Какая раковина Дедала?

— Разве вы не знаете легенду, как величайший из ремесленников, Дедал, скрылся однажды и был найден царем Миносом?

— Что-то смутно припоминается…

— Минос искал Дедала по всему древнему свету, но бесполезно, потому что Дедал мог своим искусством изменять себя почти как Протей. Но, в конце концов, советник царя придумал, как обнаружить Дедала.

— И как же?

— Посредством раковины. Вот этой самой.

Рендер взял ее в руки и осмотрел.

— Царь послал ее по разным городам, — продолжала она, — и предложил большую награду тому, кто протянет нитку через все коридоры и извилины этой раковины.

— Кажется, вспоминаю…

— Вспоминаете, как это было сделано или зачем? Минос знал, что только один человек может найти способ сделать это: искуснейший из ремесленников, и знал также, что гордость Дедала заставит его попытаться сделать невозможное и доказать, что он может сделать то, чего не может никто.

— Да, — сказал Рендер, — он ввел шелковую нитку в один конец и ждал, когда она появится из другого. Крошечная петля, затянутая вокруг ползущего насекомого. Он заставил насекомое войти в один конец, зная, что оно привыкло к темным лабиринтам и что сила этого насекомого

далеко превосходит его размеры.

— … И он завязал раковину, и получил награду, и был пленен царем.

— Пусть это будет уроком всем Творцам: творить надо мудро, но не слишком хорошо.

Она засмеялась.

— Но он, конечно, потом убежал.

— Ясное дело.

Они поднялись по коралловой лестнице. Рендер вытащил нитку, поднес раковину к губам и дунул. Под морем прозвучала одна нота.

«… Где выдра питается рыбой…»

Гибкий торпедообразный пловец вторгся в косяк рыбы и стал жадно глотать.

Они ждали, когда выдра закончит и вернется на поверхность, а затем продолжили подъем по винтовой лестнице.

Сначала над водой поднялись их головы, потом плечи, руки, и вот они встали, сухие и теплые, на узком берегу. Они вошли в рощу неподалеку и пошли вдоль ручья.

«… Где черный медведь ищет корни и мед, где бобр шлепает по грязи веслоподобным хвостом…»

— Посмотрите на бобра и медведя.

Пчела отчаянно жужжала вокруг черного ма-

родера, грязь плескалась под ударами хвоста грызуна.

— Бобр и медведь, — сказала она. — Куда мы теперь пойдем?

— «… Мимо сахарного тростника, мимо желтых цветов хлопчатника, мимо риса на низком влажном поле», — ответил он и зашагал дальше. — Смотрите на растения, на их форму и цвет.

Они шли все дальше.

— «… Мимо западной хурмы, — сказал Рендер, — мимо длиннолистной кукурузы, мимо нежных цветов флокса…»

Она опускалась на колени, изучала, нюхала, трогала, пробовала на вкус.

Они шли. через поля, и она чувствовала под ногами черную землю.

— Я пытаюсь что-то вспомнить, — сказала она.

— «… Мимо тусклой зелени ржи, — сказал он, — когда она колышется по ветру…»

— Подождите минутку, — сказала она, — я вспоминаю, но медленно. Подарите мне желание, которое я ни разу не высказала вслух.

— Взобраться на гору, — сказал он, — «с опасностью задохнуться».

Так они и сделали.

— Скалы и холодный ветер. Здесь высоко. Куда

мы идем?

— Вверх. На самую вершину.

Они влезли туда в безвременный миг и остановились на вершине горы. Им казалось, что они поднимались много часов.

— Расстояние, перспектива, — сказал он. — Мы прошли через все это, то, что вы видите перед собой.

— На такую гору я однажды взбиралась, не видя ее.

Он кивнул. Ее внимание вновь привлек океан под голубым небом.

Через некоторое время они стали спускаться с другого склона горы. Снова время вздрогнуло и изменилось вокруг них, и вот они уже у подножия горы и идут вперед.

— «… Гуляющий червь прокладывает путь по траве и пробивается сквозь листья куста…»

— Вспомнила! — воскликнула она, хлопнув в ладоши. — Теперь я знаю!

— Так где мы? — спросил Рендер.

Она сорвала травинку и сжевала ее.

— Где? Ну, конечно, «где перепел свистит в лесах и в пшеничном поле».

Перепел засвистел и пересек им дорогу, а за ним строго по линии шествовал его выводок.

Они шли по темнеющей тропе между лесом и пшеничным полем.

— Так много всего, — сказала она. — Вроде каталога ощущений. Дайте мне еще строчку.

— «Где летучая мышь летает в канун Седьмого месяца», — сказал Рендер и поднял руку.

Эйлин быстро опустила голову, чтобы мышь не налетела на нее, и темная фигура исчезла в лесу.

— «… Где большой золотой жук падает сквозь тьму…» — сказала она, и жук, похожий на метеорит в двадцать четыре карата, упал к ее ногам. Он лежал секунду, как окрашенный солнцем скарабей, а затем пополз по траве у края тропы.

— Вы теперь вспомнили? — спросил он.

— Да.

Канун Седьмого месяца был холодным, на небе появились бледные звезды. Полумесяц наклонился над краем мира, и его пересекла еще одна летучая мышь. Где-то в траве застрекотал сверчок.

— Мы пойдем дальше, — сказала она.

— Дальше?

— Туда, где «ручей отрывает корни старого дерева и несет на луг…», — ответила она.

— Ладно, — сказал он и наклонился к гигантскому дереву, мимо которого они шли. Между его

корнями пробивался родник, питавший ранее пройденный ручей. Он звенел, как эхо далеких колокольчиков. Он вился между деревьями, зарывался в землю, кружился и перерезал свой путь к океану.

Она шла по воде. Вода изгибалась и пенилась вокруг нее, брызгала дождем, сбегала по спине, по груди, по рукам и ногам.

— Идите сюда, это просто чудо, — сказала Эйлин.

Но Рендер покачал головой. Он ждал. Она вышла, встряхнулась и тут же высохла.

— Лед и радуга, — заметила она.

— Да, но я забыл, что там следующее.

— *Я* тоже, но помню чуть дальше: «… Где пересмешник издает свое нежное бульканье, хихиканье, визг и плач…»

И Рендер сморщился, услышав пересмешника.

— Это не мой пересмешник, — сказал он.

Она засмеялась.

— Какая разница? Во всяком случае, он появился немедленно.

Рендер покачал головой и отвернулся. Она встала рядом с ним.

— Простите. Я буду более осторожной.

— Прекрасно. — Он пошел дальше. — *Я* забыл

следующую часть.

— Я тоже.

Они оставили поток далеко за собой и шли по пригибающейся траве, по ровной безграничной равнине, и все, кроме пика солнечной короны, исчезло с горизонта.

— «… Где тени при заходе солнца удлиняются по бесконечной одинокой прерии…» Я вспомнил — вот это место: «… Где стада бизонов медленно распространяются на квадратные мили…»

Темная масса слева постепенно обрела форму. Это было громадное стадо бизонов американских прерий. Не на родео, не на выставке рогатого скота, не на обратной стороне старинной никелевой монетки, а здесь стояли эти животные, опустив рогатые головы, покачивая мощными спинами — знак неудержимого плодородия весны, исчезающего в сумерках в былое, в прошлое — вероятно, туда, «… где сверкают колибри…».

Рендер и Эйлин шли по великой равнине, луна плыла над ними. Наконец они дошли до противоположного конца страны, где большие озера, другие ручьи, мосты и другой океан. Они прошли через опустевшие фермы, сады и двинулись вдоль воды.

— «… Где шея лебедя изгибается и поворачи-

вается…» — сказала она, глядя на своего первого лебедя, плывущего по озеру в лунном свете.

— «… Где хохочущая чайка носится над берегом, — ответил он, — и смех ее почти человеческий…»[5].

И в ночи раздался смех, но он не был ни смехом чайки, ни смехом человека, потому что Рендер никогда не слышал, как хохочет чайка. Журчащие звуки он сотворил из сырого ощущения холодного вечера.

Он велел вечеру вновь стать теплым. Он осветил тьму, заставил ее звенеть серебром. Смех начал замирать и исчез совсем. Сотворенная чайка унеслась в океан.

— Ну, — объявил он, — на этот раз почти все.

— Но здесь гораздо больше, — возразила она. — Вы держите в голове меню обедов, как же вы не помните еще кое-что об этом? Я помню что-то насчет куропаток, укладывающихся на ночлег кольцом, головами наружу, и о цапле в желтой короне, питающейся крабами на краю болота, и о кузнечиках в орешнике, и…

— Это много, даже слишком, — сказал Рендер.

Они прошли через рощу лимонных и апельси-

---

[5] Примечания: 5
Из стихотворения Уолта Уитмена «Моя Песня».

новых деревьев, по местам, где кормится цапля, мимо орехового дерева, где поют кузнечики, и там, где куропатки спят кольцом, головами наружу.

— В следующий раз вы покажете мне всех животных?

— Да.

Она свернула по узкой тропке к фермерскому дому, открыла дверь и вошла. Рендер, улыбаясь, шел за ней.

Чернота.

Полная чернота, мрак. абсолютной пустоты. Внутри дома ничего не было.

— В чем дело? — спросила она.

— По сценарию эта экскурсия не планировалась, — сказал Рендер. — Я хотел опустить занавес, а вы решили, что представление должно продолжаться. На этот раз я воздерживаюсь от какой-либо поддержки.

— Я не всегда могу контролировать это, — ответила она. — Простите. Давайте закончим.

— Нет, пойдем дальше. Свет!

Они стояли на вершине холма, и летучие мыши летели мимо узкого металлического серпа луны. Вечер был холодным. От груды мусора доносилось грубое карканье. Деревья были металлическими

столбами с приклеенными к ним ветками. Трава под ногами — из зеленого пластика. У подножия холма тянулось гигантское пустое шоссе.

— Где мы? — спросила она.

— Это ваша «Моя Песня» со всем крайним нарциссизмом, каким вы могли бы набить ее. Все было правильно… до известной точки. Но вы продвинулись излишне далеко. Теперь я чувствую, что становится необходимым некоторое равновесие. Я не могу позволить себе играть в игрушки каждый сеанс.

— Что вы собираетесь делать?

— Пойдем гулять. — Он хлопнул в ладоши.

— «… Где чаша пыли просит воды…» — сказал голос неизвестно откуда, и они, закашлявшись, пошли.

— «… Где сильно загрязненная река не знает живого существа, — сказал голос, — и пена ее ржавого цвета…»

Они шли вдоль вонючей реки. Эйлин зажала нос, но запах все равно чувствовался.

«… Где лес погублен и ландшафт есть преддверие ада…»

Они шли среди пней, спотыкаясь об остатки ветвей, и под их ногами хрустели сухие листья. Испуганно косящаяся луна свисала с черного

купола на тонкой нитке. Под листьями трещала земля.

«… Где земля кровоточит в опустевших горных выработках…»

Вокруг них лежали покинутые механизмы. Горы земли и камни сиротливо лежали в ночи. Громадные бреши в земле были наполнены похожими на кровь растениями.

— «… Пой, Муза алюминия, которая вначале учила этого пастуха, как музей и процесс восстает из Хаоса — или, если тебя больше восхищает смерть, созерцай величайшее кладбище!»

Они вернулись назад, на вершину холма, чтобы посмотреть оттуда. Кругом было множество тракторов, бульдозеров, экскаваторов, кранов. Грудами лежал искореженный, проржавевший, изломанный металл. Вокруг валялись рамы, плиты, пружины, балки. Брошенные орудия. Ненужные вещи.

— Что это? — спросила она.

— Металлический лом. Об этом Уолт не пел — о вещах, которые идут по его траве и выдирают ее с корнем.

Они прошли мимо мертвых механизмов.

— Эта машина срыла индейский могильник, а эта спилила старейшее на континенте дерево.

Вот эта прорыла канал, отклонивший реку, что обратила зеленую долину в пустыню. Эта ломала стены домов наших предков, а эта поднимала плиты для чудовищных башен, заменивших дома…

— Вы пристрастны, — сказала она.

— Конечно. Вы должны всегда стараться видеть широко, если хотите сделать что-то мелкое. Помните, я показывал вам пантеру, гремучую змею, аллигатора? Помните, что я ответил, когда вы спросили: «Зачем это?»

— Вы сказали, что я должна знать не только идиллию.

— Правильно, и, поскольку вы снова жаждете перехватить инициативу, я решил, что чуть больше боли и чуть меньше удовольствия могут укрепить мое положение. Вы уже наделали ошибок.

— Да, я знаю. Но это изображение механизмов, мостящих дорогу в ад…

Они обошли кучу банок, бутылок и матрасных пружин. Он остановился перед металлическим ящиком и поднял крышку.

— Посмотрите, что спрятано в брюхе этого бака на целые столетия!

Фантастическое сияние наполнило темную

полость мягким зеленым светом.

— Чаша Святого Грааля, — объявил он. — Это энантиадромия, моя дорогая. Круг, возвращающийся на себя. Когда он проходит через свое начало, начинается спираль. Откуда мне знать? Грааль мог быть спрятан в машине. Со временем все меняется. Друзья становятся врагами, зло становится благодеянием. Но у меня еще есть время, и я расскажу вам маленькую легенду, как и вы угощали меня легендой о греке Дедале. Ее рассказал мне пациент по имени Ротман, изучающий каббалу. Чаша Грааля, которую вы видите, есть символ света, чистоты, святости и небесного величия. Каково ее происхождение?

— Никто не знает.

— Да, но есть традиция, легенда, которую Ротман знал: Чашу Грааля отлил Мельхиседек, израильский первосвященник, предназначив ее для Мессии. Но где Мельхиседек ее взял? Он вырезал ее из громадного изумруда, найденного им в пустыне. Этот изумруд выпал из короны Шмаэля, Ангела Тьмы, когда тот был сброшен с небес. Кто знает, какова вообще суть Чаши Грааля? Энантиадромия. Прощай, Грааль. — Он закрыл крышку, и все сделалось мраком.

Затем, идя по Уинчестерскому кафедральному

собору с плоским потолком и обезглавленной (Кромвелем, как сказал гид) статуей справа, он вспоминал следующий сеанс. Он вспоминал свою почти невольную роль Адама, когда называл всех проходящих перед ним животных. Как замечательно было, вызубрив старый ботанический учебник, творить и называть полевые цветы.

Теперь они были вдали от городов, вдали от машин. Ее эмоции были все еще мощными при виде простых, осторожно вводимых объектов. Чтобы рискнуть ввести ее в сложную и хаотическую дикость, он должен был медленно строить ее город.

Что-то быстро пронеслось над собором, вызвав высокий гул. Рендер на секунду взял Джилл за руку и улыбнулся, когда она посмотрела на него. Джилл, склонная к красоте, обычно прилагала много усилий для ее достижения, но сегодня ее волосы были просто зачесаны назад и связаны пучком, глаза и губы не накрашены, маленькие белые уши открыты и казались какими-то заостренными.

— Обратите внимание на зубцы капителей, — прошептал он.

— Фу! — сказала Джилл.

— Ш-ш-ш! — зашикала стоявшая рядом маленькая женщина.

Позднее, когда они шагали обратно к своему отелю, Рендер спросил:

— Ну, как тебе Уинчестер?

— О'кей.

— В Швейцарию…

— А может, мы сначала потратим деньги на осмотр старых замков? В конце концов, они же сразу через Пролив, а пока я буду их осматривать, ты сможешь перепробовать все местные вина…

— Ладно.

Она посмотрела на него с некоторым удивлением.

— Что? Никаких возражений? — Она улыбнулась. — Где твой боевой дух? Ты позволяешь мне вертеть тобой?

— Когда мы галопом неслись по потрохам этого храма, я услышал слабый стон, а затем крик: «Ради бога, Монтрезор!» Я думаю, это был мой боевой дух, потому что голос-то был мой. Я уступаю призраку, даже неустановленному. Давай поедем во Францию.

Вот и все!

— Дорогой Ренди, это всего на пару дней…

— Аминь, — сказал он, — хотя мазь на моих лыжах уже сохнет.

Они уехали. На третий день утром, когда она

говорила ему о замках в Испании, он вслух размышлял, что когда психологи пьют, они злятся и ломают вещи. Приняв это как завуалированную угрозу веджвудскому фарфору, который она коллекционировала, она согласилась с его желанием кататься на лыжах.

— Свободен! — чуть не выкрикнул Рендер.

… Сердце его билось где-то в голове. Он резко наклонился и свернул влево. Ветер бил в лицо, жег и царапал щеки душем ледяных кристаллов.

Он был в движении. Мир кончился в Вейсфилде, и Дофталь вел вниз и прочь от его портала.

Его ноги были двумя мерцающими реками, несущимися по твердым, изгибающимся плоскостям. Они не мерзли на ходу. Вниз. Он плыл. Прочь от всего мира. Прочь от удушающей нехватки интенсивности, от избалованности благосостоянием, от убийственной поступи вынужденных развлечений, рубящих досуг, как Гидру.

Летя вниз, он чувствовал сильное желание оглянуться через плечо, не создал ли мир, оставшийся за спиной, грозное воплощение его самого, тень, которая погонится за ним, Рендером, поймает и утащит обратно в теплый и хорошо освещенный город в небе, где он будет лежать и беседовать с алюминиевым проводом и с гирляндой чередую-

щихся токов, успокаивающих его дух.

— Я ненавижу тебя, — выдохнул он сквозь зубы, и ветер унес его слова. Затем он засмеялся, потому Что всегда анализировал свои эмоции, как сущность рефлексов, и добавил: — Беги, Орест, безумец, преследуемый фуриями…

Через некоторое время склон стал более пологим. Рендер достиг низа трассы и остановился.

Он закурил и двинулся обратно на вершину, чтобы снова спуститься вниз.

В этот вечер он сидел перед камином в большом холле, чувствуя, как тепло пропитывает усталые мышцы. Джилл массировала ему плечи, пока он потягивал винцо из блестящего стаканчика.

— Чарльз Рендер? — внезапно раздался голос (имя его прозвучало как «Шарльс Рундер»).

Его голова дернулась в направлении голоса, но в его глазах плясали искорки, и он не мог выделить фигуру говорившего.

— Морис? — спросил он. — Бартельметр?

— Угу, — пришел ответ, и затем Рендер увидел знакомое лицо, посаженное прямо на плечи, на красный с синим мохнатый свитер, безжалостно натянутый на винный бочонок. Человек прокладывал себе путь в их направлении, ловко обходя разбросанные лыжные палки, сваленные в кучу

лыжи и людей, которые, подобно Джилл и Рендеру, пренебрегали стульями.

— Вы еще больше потолстели, — заметил Рендер. — Это нездорово.

— Вздор, это все мышцы. Ну, как вы, что у вас нового? — Он посмотрел на Джилл, и она улыбнулась ему.

— Это мисс де Вилл, — представил ее Рендер.

— Джилл, — уточнила она.

Он слегка наклонился и, наконец, выпустил занемевшую руку Рендера.

— … А это профессор Морис Бартельметр из Вены, — закончил Рендер, — ярый последователь всех форм диалектического пессимизма и весьма замечательный пионер нейросоучастия, хотя, глядя на него, этого никогда не подумаешь. Я имел счастье быть его учеником.

Бартельметр кивнул, соглашаясь с ним, принял фляжку, которую Рендер достал из пластиковой сумки, и наполнил до краев складной стаканчик.

— Ага, вы все еще хороший врач, — сказал он. — Вы сразу же диагностировали случай и дали правильное предписание. На здоровье!

— Дай Бог, не последнюю, — сказал Рендер, наливая себе и Джилл.

Они сели на пол. Пламя ревело в громадной кирпичной трубе камина, кряжи обгорали по ветвям, сучьям, по годовым кольцам. Рендер подкладывал дрова.

— *Я* читал вашу последнюю книгу года четыре назад, — небрежно сказал Бартельметр.

Рендер кивнул.

— Вы занимались в последнее время какой-нибудь исследовательской работой?

— Да, — сказал Рендер, — отчасти. — Он взглянул на Джилл, которая дремала, прижавшись щекой к ручке огромного кожаного кресла. По ее лицу пробегали малиновые тени. — Я натолкнулся на довольно необычного субъекта и начал некую сомнительную операцию, которую надеюсь со временем описать.

— Необычного? В каком смысле?

— Слепая от рождения.

— Вы пользуетесь Яйцом?

— Да. Она хочет быть Творцом.

— Черт побери! Вы сознаете возможные последствия?

— Конечно.

— Вы слышали о несчастном Пьере?

— Нет.

— Это хорошо. Значит, все было удачно засек-

речено. Пьер преподавал философию и писал диссертацию об эволюции сознания. Прошлым летом он решил, что ему необходимо исследовать мозг обезьяны, чтобы сравнить свой мозг с другим, не таким противным, как я полагаю. Во всяком случае, он получил незаконный доступ к Яйцу и к мозгу нашего волосатого предка. Как далеко он зашел, подвергая животного стимулирующей терапии, так и не выяснено, но полагают, что такие вещи не могут немедленно передаваться от человека к обезьяне — звуки уличного движения, например, и тому подобное — и что-то испугало животное. И с тех пор Пьер находится в обитой мягким камере, и все его реакции — реакции испуганной обезьяны.

Таким образом, поскольку он не закончил своей собственной диссертации, он, вероятно, может дать достаточно материала для чьей-то чужой.

Рендер покачал головой.

— Сюжет похож, — тихо сказал он, — но в нем нет ничего драматического. Я нашел исключительно стабильного индивидуума — психиатра, человека, уже потратившего немало времени на обучение. Она хочет стать нейросоучастником, но ее останавливает страх перед зрительной травмой. Я постепенно представляю ей целый

ряд зрительных феноменов. Когда я закончу, она полностью привыкнет видеть и сможет отдать все свое внимание терапии, не будучи, так сказать, ослеплена видением. Мы уже провели четыре сеанса.

— И?..

— Все идет прекрасно.

— Вы уверены в этом?

— Да, насколько вообще можно быть уверенным в подобных вещах.

— М-м-м, — протянул Бартельметр. — Скажите, вы находите ее исключительно волевой? Скажем, возможен ли навязчиво-принудительный рисунок чего-либо, в который ее можно ввести?

— Нет.

— Ей когда-нибудь удавалось перехватить у вас контроль над фантазиями?

— Нет.

— Врете, — просто сказал Бартельметр.

Рендер закурил и улыбнулся.

— Ну, папаша старый мастер, возраст не уменьшил вашей проницательности. Я мог бы соврать любому, но не вам. Да, правильно, ее очень трудно держать под контролем. Она не удовлетворяется тем, что видит. Она хочет творить. Это вполне понятно — и мне, и ей, — но сознательное пони-

мание и эмоциональное восприятие, кажется, никогда не совпадают. В некоторых случаях она начинает доминировать, но мне удается почти немедленно снова брать контроль. В конце концов, над клавиатурой-то я хозяин.

— Хм… Вы знакомы с буддийским текстом «Катехизис Шавкары?»

— Боюсь, что нет.

— Тогда я расскажу вам о нем. Он основан — отнюдь не для терапевтических целей — на истинном «Я» и на мнимом «Я». Истинное «Я» — бессмертная часть человека и должна отправиться в Нирвану — душа, так сказать. Прекрасно. Мнимое же «Я» — обычный мозг, опутанный иллюзиями, — такой, как у вас, у меня, у всех, кого мы когда-нибудь знали профессионально. Ясно? Ясно. Дальше: ткань этого мнимого «Я» составлена на скандхах, как они их называют. В это понятие включаются ощущения, восприятия, способности, самосознание и даже физическая форма. Крайне ненаучно. Да. Но это все не то же самое, что неврозы, мнимые жизни мистера Ибсена или галлюцинации — нет.

Каждая из пяти скандх есть часть той неповторимой индивидуальности, которую мы называем личностью, а, кроме того, в ее составе возникают

неврозы и все прочие неприятности, следующие за ними и дающие нам работу. О'кей? О'кей. Я прочел вам эту лекцию, потому что нуждаюсь в предуведомлении, что сейчас скажу нечто драматическое.

Посмотрим на скандхи, словно они Лежат на дне водоема: неврозы ребят на поверхности реки; истинное «Я», если оно есть, закопано глубоко в песке на дне. Так. Рябь заполняет пространство между субъектом и объектом. Скандхи — часть субъекта, основная, единственная часть и ткань его существа. Итак, вы согласны со мной?

— Со многими оговорками.

— Хорошо. Теперь, когда я построил свою схему, я буду ею пользоваться. Вы играете со скандхами, а не с простыми неврозами. Вы пытаетесь выправить у этой женщины всеобъемлющую концепцию ее самой и мира. Для этого вы пользуетесь Яйцом. Это то же самое, что играть с психотиками или с обезьяной. Все вроде бы идет хорошо, но… в какой-то момент вы можете сделать что-то, показать ей какое-то зрелище или какой-то способ видеть — что переломится в ее личности, сломает скандху и — пфф! — словно пробито дно водоема. В результате — водоворот, который унесет все… Куда? Я не хочу заполучить

вас в качестве пациента, сынок, молодой мастер, поэтому я советую вам бросить это дело. Яйцо не следует использовать подобным образом.

Рендер швырнул сигарету в огонь и начал загибать пальцы:

— Во-первых, вы воздвигаете мистическую гору из маленьких камешков. Я всего лишь направляю ее знание на прием дополнительной области восприятия. Во многом это простая передача работы других чувств.

Во-вторых, ее эмоции были крайне интенсивны вначале, потому что это была действительно травма, но мы уже прошли эту стадию. Теперь это для нее просто новинка. Скоро все станет привычным.

В-третьих, Эйлин сама психиатр, она опытна во всех этих делах и прекрасно знает деликатную природу того, что мы делаем.

В-четвертых, ее чувство личности и ее желания, или ее скандхи, или, как вы их там называете, тверды, как Гибралтарская скала. Вы же понимаете, какая напряженность требовалась от слепой, чтобы получить высшее образование? Нужна была стальная воля, эмоциональный контроль и аскетизм тоже…

— … А если что-то из этих сил сломается в

момент тревоги? — Бартельметр грустно улыбнулся. — Пусть тени Зигмунда Фрейда и Карла Юнга будут рядом с вами в долине мрака… И, в-пятых, — неожиданно добавил он, глядя в глаза Рендеру, — она привлекательна?

Рендер отвернулся к камину.

— Весьма разумно, — вздохнул Бартельметр. — Я не могу сказать, то ли вы покраснели, то ли на вашем лице отблеск пламени. Боюсь, однако, что вы покраснели, и это означает, что вы сознаете, что сами можете стать источником возбуждающего стимулирования. Вечером я зажгу свечу перед портретом Адлера и буду молиться, чтобы он дал вам силы успешно соревноваться в вашей дуэли с пациенткой.

Рендер посмотрел на Джилл, которая все еще спала, протянул руку и поправил ей локоны.

— Во всяком случае, — сказал Бартельметр, — если вы будете продолжать, и все пойдет хорошо, я с великим интересом прочитаю о вашей работе. *Я* говорил вам когда-нибудь, что я лечил несколько буддистов, но так и не обнаружил истинного «Я»?

Оба мужчины рассмеялись.

Оно похоже и не похоже на меня, это существо на поводке, маленькое, серое, невидящее,

пахнущее страхом. Рыкни — и оно задохнется в своем ошейнике. Голова его пуста, как отверстие, из которого появляется обед, когда Она нажмет кнопку. Говори с ним — оно ничего не понимает, хотя и похоже на меня. В один прекрасный день я убью его. Зачем?.. Тут поворот.

Три ступеньки. Вверх. Стеклянные двери. Лучше справа.

Вперед. Лифт. Внизу сады. Там приятно пахнет. Трава, сырая земля, чистый воздух. Я вижу. Птицы — правда, запись. Я вижу его. Я.

Лифт. Четыре ступеньки.

Вниз. Да, хочется сделать громкий шум в горле — глубокое чувство. Чисто, спокойно, много деревьев. Богиня сидит на скамье, жует листья, пахнущие зеленью. Не может видеть их, как я.

Следи за ступеньками.

Вперед. Направо, налево, направо. Налево деревья и трава. Зигмунд видит. Гуляет… Доктор с машиной дает ей свои глаза. Рыкни — он не задохнется. Запаха страха нет.

Выкопать в земле глубокую яму, похоронить глаза. Богиня слева. Чтобы видеть, есть Зигмунд. Теперь ее глаза наполнены, а он боится зубов. Заставит ее видеть и возьмет ее высоко в небо, глядеть оттуда. Оставит меня здесь, оставит Зиг-

мунда одного, невидящего… Я выкопаю в земле глубокую яму…

Джилл проснулась утром после десяти. Она не повернула головы, чтоб узнать, встал ли Рендер. Он всегда встает рано. Она протерла глаза, потянулась, повернулась набок и приподнялась на локте. Посмотрела на часы на ночном столике и потянулась за сигаретами и зажигалкой.

Закурив, она увидела, что пепельницы нет. Без сомнения, Рендер унес ее, потому что не одобрял курения в постели. Вздохнув, она вылезла из кровати и потянулась за халатом.

Она терпеть не могла процесса вставания, но, уже встав, позволяла дню начаться и продолжать без пропусков регулярный прогресс событий.

— Черт бы его взял, — улыбнулась она. Ей хотелось бы позавтракать в постели, но было уже слишком поздно.

Размышляя, что бы ей надеть, она заметила в углу пару лыж. На одну из них был насажен листок бумаги.

«Присоединишься ко мне?» — спрашивали каракули.

Она отрицательно покачала головой и почувствовала печаль. Она дважды в жизни вставала на лыжи и боялась их. Она сознавала, что сле-

довало бы попробовать снова, что это разумный хороший спорт, но ей тяжело было даже вспоминать об отвратительном рывке вниз, рывке, который в обоих случаях быстро переносил ее в сугроб, и не хотелось вновь ощутить головокружение, охватывавшее ее при тех двух попытках.

Так что она приняла душ, оделась и пошла завтракать.

Все девять каминов уже ревели, когда она, проходя мимо большого холла, заглянула туда. Несколько краснолицых лыжников уже подносили руки к пламени центрального камина. Народу было немного. На подставках стояло несколько пар мокрых ботинок, на вешалке висели яркие шапочки, возле двери стояли на стойке влажные лыжи. Несколько человек сидели в креслах в центре холла, читали газеты, курили, болтали. Она не увидела никого из знакомых и прошла дальше, в столовую.

Когда она шла мимо регистрационного стола, ее окликнул старик, работавший там. Она улыбнулась и подошла.

— Письмо, — сказал он и протянул ей конверт. — Выглядит важным.

Это был объемистый коричневый конверт, пересылавшийся три раза, как она заметила, и

обратный адрес был адресом ее поверенного.

— Спасибо.

Она села у большого окна и посмотрела на заснеженный сад и на вьющуюся вдали тропу, усеянную фигурами с лыжами на плечах. Затем она разорвала конверт.

Да, это был финал. Письмо адвоката сопровождалось копией решения суда о разводе. Она только недавно решила положить конец законной связи с мистером Фотлоком, чье имя она перестала носить пять лет назад, когда они расстались. Теперь она имела нечто, что не знала, как употребить. Ее дорогой Ренди, наверное, чертовски удивится. Надо будет придумать какой-нибудь невинный повод донести до него эту информацию. Ну, для этого еще будет время. Хотя надолго откладывать не стоит… Ее тридцатый день рождения висел, как грозная туча над апрелем, а апрель через четыре месяца. Ладно… Она тронула губы помадой, сильно напудрила родинку и закрыла косметичку.

В столовой она увидела д-ра Бальтерметра, сидевшего перед огромной горой яичницы, цепочек сосисок, тостов и полупустой бутылкой апельсинового сока. На спиртовке стояла кастрюля с кофе. Он слегка наклонился вперед и работал

вилкой, как ветряная мельница лопастями.

— Доброе утро, — сказала Джилл.

Он поднял глаза.

— Мисс де Вилл… Джилл… Доброе утро. — Он кивнул на стул напротив себя. — Присоединяйтесь, пожалуйста.

Она села и сказала подошедшему официанту:

— Мне то же самое, но на 90 % меньше. — И снова повернулась к Бартельметру. — Вы видели сегодня Чарльза?

— Увы, нет, а я хотел бы продолжить нашу дискуссию, пока его мозг еще на ранней стадии пробуждения и, значит, более доступный. К несчастью, он из ранних пташек.

— А я обычно прихожу на этот спектакль в антракте и спрашиваю краткое содержание, — сказала Джилл. — Так почему бы не продолжить дискуссию со мной? Я доступна, и мои скандхи в хорошем состоянии.

Глаза их встретились.

— Ага, — сказал он медленно, — так я и думал. Что ж, хорошо. Что вы знаете о работе Рендера?

— М-м-м… Он особенный специалист в высокосложной области, мне трудно понять некоторые вещи и говорить о них. Я хотела бы иногда заглядывать в мозг других людей, посмотреть, что они

думают обо мне, но не думаю, конечно, чтобы я оставалась там надолго. Особенно, — она шутливо поежилась, — в чьем-то мозгу, обремененном своими проблемами. Наверное, я либо слишком сочувствовала бы, либо боялась, либо еще что-нибудь, и тогда, в соответствии с прочитанным, возникло бы нечто вроде симпатической магии, и это могло бы стать уже моими проблемами. Но у Чарльза проблем не бывает, во всяком случае, он не говорил мне об этом. Но позднее я задумалась. Эта слепая девушка и ее собака-поводырь, кажется, слишком сильно занимают его.

— Собака-поводырь?

— Да, собака, служащая ей глазами. Один из хирургических мутантов.

— Как интересно… Вы когда-нибудь встречались с этой женщиной?

— Никогда.

— Так. — Он задумался. — Иногда врач сталкивается с пациентом, чья проблема так родственна его собственным, что сеанс становится чрезвычайно острым. Так всегда бывало со мной, когда я лечил коллегу-психиатра. Возможно, Чарльз видит в этой ситуации параллель чему-то, тревожащему его лично. Я не смотрел его личный анализ, не знаю всех путей его мозга, хотя он

долгое время был моим учеником. Он всегда был замкнутым, о чем-то умалчивал; при случае мог быть весьма настойчивым. Что еще занимает его в последнее время?

— Как всегда, его сын Питер. Он переводил мальчика из школы в школу пять раз за пять лет. — Ей подали завтрак, и она придвинулась к столу. — И он читает обо всех случаях самоубийства и без конца рассказывает о них.

— С какой целью?

Она пожала плечами и принялась за еду.

— Он никогда не упоминал зачем, — сказала она, снова взглянув на Бартельметра. — Может, он пишет что-нибудь…

Бартельметр покончил с яичницей и налил себе еще кофе.

— Вы боитесь этой его пациентки?

— Нет… Да, боюсь.

— Почему?

— Боюсь симпатической магии, — сказала она, слегка покраснев.

— Под это определение может подходить очень многое.

— Это верно, — признала она. — Мы с вами объединились ради его благополучия и пришли к согласию в том, что именно представляет угрозу.

Не могу ли я просить вас об одолжении?

— Можете.

— Поговорите с ним еще раз. Убедите его бросить это дело.

Он смял салфетку.

— Я намерен сделать это после обеда. Я верю в ритуальную ценность спасительных побуждений. И сделать их надо.

«Дорогой бог-отец.

Да, школа прекрасная, лодыжка моя заживает, и с моими одноклассниками у меня много общего. Нет, я не нуждаюсь в деньгах, питаюсь хорошо и не имею затруднений с новым учебным планом. О'кей?

Здание я не буду описывать, поскольку ты уже видел эту мрачную громадину. Окрестности описать не могу, потому что они сейчас под холодными белыми пластами. Бррр! Правда, меня восхищает искусство зимы, но я не разделяю твоего энтузиазма к этой противоположности лета, кроме как в рисунках или эмблеме на пачке мороженого.

Лодыжка ограничивает мою подвижность, а мой товарищ по комнате уезжает на уик-энды домой — то и другое является настоящим благословением, потому что у меня теперь удобный

случай взяться за чтение. Что я и делаю.

Питер».

Рендер наклонился и погладил громадную голову. Голова стоически приняла это, а затем перевела взгляд на австрийца, у которого Рендер попросил огонька, и как бы говорила: «Должен ли я терпеть такое оскорбление?» Человек улыбнулся, щелкнул гравированной зажигалкой, и Рендер заметил среди заглавных букв маленькую «ф».

— Спасибо, — сказал Рендер и обратился к собаке: — Как тебя зовут?

— Бисмарк, — проворчал пес.

— Ты напомнил мне другого такого же, некоего Зигмунда, компаньона и гида моей слепой приятельницы в Америке.

— Мой Бисмарк — охотник, — сказал молодой человек, — но здесь нет ни оленей, ни больших кошек.

Уши собаки встали торчком, она смотрела на Рендера гордыми горящими глазами.

— Мы охотились в Африке, в северных и южных частях Америки. И в Центральной Америке тоже. Бисмарк никогда не теряет след. Никогда не промахивается. Он прекрасный зверь, и его зубы как будто сделаны в Золингене.

— Ты счастливчик, что у тебя такой компа-

ньон.

— Я охочусь, — прорычал пес. — Я преследую… иногда убиваю…

— Вы не знаете такой же собаки — Зигмунда, или женщины, которую он водит, — мисс Эйлин Шалотт? — спросил Рендер.

Человек покачал головой.

— Нет. Бисмарка я получил из Массачусетса и не знаком с хозяевами других мутантов.

— Понятно. Ну, спасибо за. огонек. Всего вам доброго.

— Всего доброго.

Рендер зашагал по узкой улице, засунув руки в карманы. Вторая попытка Бартельметра чуть было не заставила его наговорить лишнего, о чем он сам потом сожалел бы. Проще было уйти, чем продолжать разговор. Поэтому он извинился и не сказал, куда идет, — он и сам не знал.

Повинуясь внезапному импульсу, он вошел в лавку и купил часы с кукушкой, бросившиеся ему в глаза. Он был уверен, что Бартельметр примет подарок в правильном смысле. Он улыбнулся и пошел дальше. Интересно, что за письмо для Джилл, с которым клерк специально подошел к их столику в столовой? Оно три раза переадресовывалось и было отправлено юри-

дической фирмой. Джилл даже не вскрыла его, а улыбнулась, поблагодарила старика клерка и сунула письмо в сумочку. Следовало бы кое-что узнать о его содержании. Его любопытство так возбуждено, что она, конечно, пожалеет его и все расскажет.

Ледяные столбы неба, казалось, внезапно закачались перед ним. Подул резкий северный ветер. Рендер сгорбился и упрятал голову в воротник. Сжимая часы с кукушкой, он поспешно двинулся обратно.

Глава 5

Ее кабинет был полон цветов, ей нравились экзотические ароматы. Иногда она зажигала курения. Ей нравилось мочить ноги в теплых лужах, гулять в снегопад, слушать слишком много музыки, может быть, излишне громкой, выпивать каждый вечер пять или шесть различных лекарств (обычно неприятно пахнущих анисовой, иногда — полынной). Руки у нее были мягкие, слегка веснушчатые, с длинными сужающимися к концам пальцами. Колец она не носила.

Ее пальцы снова и снова ощупывали выпуклости цветка рядом с ее креслом, пока она говорила в записывающий аппарат.

— … основные жалобы пациента при поступлении — нервозность, бессонница, боли в животе и периоды депрессии. У пациента имелась запись прежних поступлений на короткое время. Он был в этом госпитале в 1995 году с маниакально-депрессивным психозом пониженного типа и снова вернулся сюда 2 марта 1996 года. 9 февраля 1997 года он поступил в другой госпиталь. Физическое обследование показало кровяное давление 170/100. На день обследования 12 ноября 1988 года

он был нормально развит и хорошо упитан. В это время пациент жаловался на постоянную боль в пояснице, и были отмечены некоторые умеренные симптомы отхода от алкоголя. Дальнейшее физическое обследование не выявило патологии, за исключением того, что его колени реагируют на удар преувеличенно, но одинаково. Эти симптомы — результаты отхода от алкоголя. При поступлении он не показал себя психотиком, у него не было ни заблуждений, ни галлюцинаций. Он хорошо ориентировался в пространстве, времени и личности. Его психологическое состояние было определено: он был в какой-то мере претенциозным, экспансивным и, в достаточной степени, враждебным. Его считали потенциальным нарушителем порядка. Поскольку он был поваром, его назначили работать на кухне. Тогда его общее состояние показало явное улучшение. Больше сотрудничества — меньше напряженности. Диагноз: маниакально-депрессивная реакция (всегда ускоряющая неизвестный стресс). Степень психического ухудшения — средняя. Признан правомочным. Продолжать лечение и госпитализацию.

Она выключила аппарат и засмеялась. Этот звук испугал ее: смех — феномен общественный,

а она была одна. Она вновь включила запись и грызла уголок носового платка, пока мягкие скользящие слова возвращались к ней. После первого же десятка их она перестала слушать.

Когда аппарат замолчал, она выключила его. Она была очень одинока. Она была так чертовски одинока, что лужица света, возникшая, когда она стукнула себя по лбу и повернулась лицом к окну, вдруг стала самой важной вещью на свете. Она хотела, чтобы это был океан света или чтобы она сама стала совсем крошечной — все равно, лишь бы этот свет втянул ее в себя.

Вчера минуло три недели…

Слишком долго, думала она, я должна ждать! Нет! Невозможно! А что, если он умрет, этот Вискомб? Нет! Не может быть! С ним ничего не может случиться. Никогда. Он всесилен и защищен. Но… но придется ждать следующего месяца. Еще три недели… Без зрения — вот что это значит. Но разве воспоминания потускнели? Разве они ослабли? Как выглядит дерево? Или облака? Я не помню! Что такое зеленое? Что такое красное? Боже! Это уже истерия! Я слежу за ней, но не могу ее прекратить! Надо принять лекарство. Лекарство!

Плечи ее затряслись. Лекарство принимать она не стала, но сильно прикусила платок, пока

острые зубы не прорвали ткань.

— Берегись, — сказала она своему блаженству, — тех, кто жаждет справедливости, потому что мы желаем удовлетворения. И берегись кротких, ибо мы будет пытаться наследовать Землю. И берегись…

Коротко прожужжал телефон. Она убрала платок, сделала спокойное лицо и повернулась к телефону.

— Алло!

— Эйлин, я вернулся. Как вы?

— Хорошо, даже вполне хорошо. Как прошел ваш отпуск?

— О, не жалуюсь. Я давно собирался отдохнуть и думаю, что заслужил это. Слушайте, я привез кое-что показать вам — например, Уинчестерский кафедральный собор. Хотите прийти на этой неделе? Я могу в любой момент.

«Сегодня. Нет. Я отчаянно хочу этого. Это может стать препятствием, если он увидит…»

— Как насчет завтрашнего дня? — спросила она. — Или послезавтра?

— Завтра будет прекрасно, — ответил он. — Встретимся в «К. и С.» около семи?

— Да. Это будет очень приятно. Тот же столик?

— Почему бы и нет? Я закажу его.

— Идет. Значит, завтра увидимся.

— До свидания.

Связь выключилась. В ту же минуту в ее голове внезапно закружились цвета, и она увидела деревья — дубы, сосны и сикоморы — большие, зеленые с коричневым и серым; она увидела комья облаков, протирающих пастельное небо, и пылающее солнце, и озеро глубокой, почти фиолетовой синевы. Она сложила свой изорванный носовой платок и выбросила.

Она нажала кнопку рядом со столом, и кабинет наполнился музыкой. Скрябин. Затем нажала другую кнопку и снова проиграла надиктованную ею пластинку, но почти не слышала ни того, ни другого.

Пьер подозрительно понюхал еду. Санитар снял ее с подноса и вышел, заперев за собой дверь. Салат ждал на полу. Пьер осторожно подошел к нему, захватил горсть и проглотил.

Он боялся.

«Только бы сталь перестала грохотать, сталь о сталь, где-то в этой темной ночи… Только бы…»

Зигмунд встал, зевнул и потянулся. На секунду задние лапы волочились, а затем он стал внимательным и встряхнулся. Она, наверное, скоро пойдет домой. Он поглядывал вверх, на часы, ви-

сящие на человеческом уровне, чтобы проверить свои ощущения, а затем подошел к телевизору. Встав на задние лапы, он одной передней оперся на стол, а другой включил телевизор.

Как раз время сводки погоды: может быть, дороги обледенели?

«Я проезжал через всемирные кладбища, — писал Рендер, — обширные каменные леса, которые каждый год удлиняются.

Почему человек так ревниво охраняет своих мертвых? Не потому ли, что видит в этом путь к своему увековечиванию, высшее утверждение вредящей силы, то есть жизни, и желание, чтобы она продолжалась вечно? Унамуно уверял, что это именно так. Если да, то за последний год значительно больший процент населения желает бессмертия, чем когда-либо раньше в истории…»

Чик-чик, чира-чик!

Как ты думаешь, это все-таки люди? Вряд ли, слишком уж они хороши.

Вечер был звездным. Рендер завел «С-7» в холодный подвал, нашел свое место и поставил машину.

От бетона шла холодная сырость, она вцеплялась в тело, как крысиные зубы. Рендер повел Эйлин к лифту. Их дыхание шло облаками перед

ними.

— Холодновато, — заметил он.

Она кивнула.

В лифте он отдышался, разыскал шарф и закурил.

— Дайте и мне, пожалуйста, — сказала она, почувствовав запах табака.

Он подал ей.

Они поднимались медленно, и Рендер прислонился к стенке, вдыхая смесь дыма и кристаллизованной влаги.

— Я встретил еще одну мутированную овчарку в Швейцарии, такую же большую, как Зигмунд. Только это охотник.

— Зигмунд тоже любит охотиться, — заметила Эйлин. — Два раза в год мы ездим в Северные леса, и я отпускаю его. Он пропадает несколько дней и возвращается вполне счастливым. Он никогда не рассказывает, что делал, он никогда не приходит голодным. Я думаю, ему нужен отдых от людей, чтобы оставаться стабильным.

Лифт остановился. Они вошли в холл, и Рендер снова повел ее.

Войдя в кабинет, он ткнул термостат, и по комнате заструился теплый воздух. Их пальто он повесил тут же, в кабинете, и выкатил из гнезда

Яйцо. Включив его в розетку, он начал превращать стол в контрольную панель.

— Как вы думаете, это долго продлится? — спросила она, пробегая кончиками пальцев по гладким холодным изгибам Яйца. — Все, что я имею в виду, полная адаптация к зрению.

Он задумался.

— Не имею представления. Пока не знаю. Мы начали очень хорошо, но еще многое нужно сделать. Месяца через три я смогу сделать предположения.

Она задумчиво кивнула, подошла к столу и обследовала его легкими, как десять перышек, пальцами.

— Осторожно! Не надавите ни на одну.

— Не буду. Как по-вашему, долго ли мне придется учиться оперировать ими?

— Учиться три месяца. Шесть — чтобы стать достаточно опытной для использования их на ком-то, и еще шесть — под постоянным наблюдением, прежде чем вам можно будет доверить самостоятельную работу. Всего вместе — больше года.

— Ох-хо! — Она села в кресло.

Рендер коснулся кнопок сезонов, фаз дня и ночи, дыхания сельской местности и города,

стихий небесных и всех сигналов, которыми он пользовался для построения миров. Он разбил час времени и опробовал примерно пять веков.

— О'кей, все готово.

Это произошло быстро и с минимумом советов со стороны Рендера. На секунду все стало серым. Затем мертвенно-белый туман. Затем он сам собой разошелся, как от порыва ветра, хотя Рендер не чувствовал его.

Он стоял рядом с ивой у озера, а Эйлин полуукрывала ветви и решетки теней. Солнце клонилось к закату.

— Мы вернулись, — сказала она. — Я все время боялась, что это так и не произойдет, но я снова вижу все и вспоминаю.

— Хорошо, — сказал он. — Посмотрите на себя.

Она посмотрела в озеро.

— Я не изменилась.

— Нет.

— А вы изменились, — сказала она, глядя на него. — Я еще понимаю не все, что вижу.

— Ясно.

— Что мы будем делать?

— Смотрите.

На ровной дороге она видела машину. Она шла издалека, прыгала по горам, жужжала у

подножия холмов, кружилась по прогалинам и расцвечивала их своим голосом, и озеро дрожало от звуков. Автомобиль остановился в сотне футов за кустарником. Это был «С-7».

— Идем со мной, — сказал Рендер, беря Эйлин за руку. — Поедем.

Они прошли меж деревьев, обогнули последний куст. Она дотронулась до гладкого борта машины, до антенны, до окон — и окна сразу просветлели. Она посмотрела через них внутрь автомобиля и кивнула.

— Это ваш «Сциннер».

— Да. — Он открыл дверцу. — Садитесь. Мы возвращаемся в клуб. Сейчас самое время. Воспоминания свежи и будут в меру приятны или нейтральны.

— Приятны, — сказала она, садясь в машину.

Он захлопнул дверцу, обогнул автомобиль и сел. Она смотрела, как он набирает воображаемые координаты. Автомобиль прыгнул вперед и ровным ходом пошел среди деревьев. Рендер чувствовал возрастающее напряжение, поэтому не менял сценария. Эйлин поворачивалась на вращающемся сиденье и осматривала внутренность кабины, и затем снова уставилась в окно. Она смотрела на убегающие деревья. Рендер увидел

рисунок тревоги и затемнил окна.

— Спасибо, — сказала она. — Мне вдруг стало слишком много видения — все несется мимо, как…

— Понятно, — сказал Рендер, поддерживая ощущение движения. — Я так и предполагал. Но вы становитесь выносливее. Теперь расслабьтесь, — добавил он через минуту, и где-то была нажата кнопка.

Эйлин расслабилась, и они ехали все дальше и дальше. Наконец автомобиль замедлил ход, и Рендер сказал:

— А теперь один непродолжительный взгляд в окно.

Он пустил в ход все стимуляторы, которые способствовали удовольствию и расслаблению, и выстроил вокруг машины город. Она смотрела сквозь просветленные окна на профили башен и монолитные блоки жилищ, затем увидела три кафетерия, дворец развлечений, аптеку, медицинский центр из желтого кирпича с аркой, сплошь застекленную школу, сейчас пустую, еще аптеку и множество машин, припаркованных или несущихся мимо, и людей, входящих и выходящих, идущих мимо домов, садящихся и вылезающих из машин. И было лето, и предза-

катный свет истекал из цвета городов и одежды людей, идущих по бульвару или стоящих на террасах и балконах, разговаривающих на улицах, женщину с пуделем, ракеты, снующие высоко в небе.

Затем мир исчез. Рендер поддерживал абсолютный мрак, приглушил все ощущения, кроме чувства движения.

Через некоторое время появился тусклый свет. Они все еще сидели в «Сциннере», окна снова стали непрозрачными.

— Боже! — сказала она. — Мир так наполнен! Я и в самом деле видела все это?

— Я не хотел дойти до этого сегодня, но вы пожелали. Похоже, что вы были готовы.

— Да, — сказала она, и окна вновь просветлели. Она быстро повернулась.

— Все исчезло, — сказал он. — Я только хотел, чтобы вы бегло взглянули.

Она смотрела. Снаружи теперь было темно, и они ехали по мосту. Двигались они медленно. Других машин не было. Под ними была дорога, а в небе множество звезд; они освещали дышащую воду, уходящую под мост. Косые опоры моста спокойно проходили мимо.

— Вы это сделали, и я вам очень благодарна, —

сказала она. — Кто же вы?

Видимо, он хотел, чтобы она спросила об этом.

— Я Рендер. — Он засмеялся.

Они продолжали путь по пустому, теперь темному городу и, наконец, подъехали к клубу с большим паркинг-куполом. Там он тщательно исследовал все ее ощущения, готовый убрать мир в нужный момент, но этого не потребовалось.

Они вышли из машины и пошли в клуб, который он не решился переполнить людьми. Они сели за свой столик недалеко от бара в маленькой комнате с комплектом доспехов рядом и заказали ту же еду, что и раньше.

— Нет, — сказал он, оглядывая себя. — Это не мое.

Доспехи снова оказались рядом со столом, и Рендер — в своем сером костюме с черным галстуком и серебряным зажимом из трех лепестков.

Оба засмеялись.

— Я не тот тип, чтобы носить жестяной костюм, и хотел бы, чтобы вы перестали меня видеть в нем.

— Простите. — Она улыбнулась. — Я сама не знаю, зачем и как я это сделала.

— Я знаю, я склонен к уточнению. Итак, я еще раз предупреждаю вас. Вы осознаете факт, что это

все иллюзия. Я принял этот способ для вас, чтобы получить полную выгоду. Для большинства из моих пациентов это реальность, которую они переживают. Это производит контртравму или символическую последовательность, даже более сильную. Но вы знаете правила игры, и, хотите того или нет, это дает другой вид контроля, не тот, с каким я обычно имею дело. Прошу вас, будьте осторожны.

— Простите, я не хотела этого.

— Я знаю. Нам принесут еду, которая была у нас тогда.

— Уф! Выглядит она страшно. Неужели мы ели эту дрянь?

— Да, — фыркнул он. — Вот нож, вот вилка, а вот ложка. Вот ростбиф, картофельное пюре, горошек, а это масло…

— Боже!

— Это — салат, это — речная форель, м-м-м! Это — картофель фри, это — бутылка вина… Ну-ка, посмотрим, я ведь не платил за него — римский Конти, и бутылка Икома для… Эй!

Комната закачалась.

Он оголил стол, уничтожил ресторан. Они вновь оказались на прогалине. Сквозь просвечивающуюся ткань мира он видел, как рука

двигалась по панели. Кнопки были нажаты. Мир вновь был осязаемым. Их пустой столик теперь стоял у озера, и была летняя ночь, и скатерть казалась очень белой при ярком свете луны.

— Как глупо с моей стороны, — сказал он. — Ужасно глупо. Я, видимо, ввел их одновременно. Внешний вид и словесный стимулятор могли потрясти всякого, кто видел это впервые. Я так увлекся творчеством, что забыл о пациентке. Приношу извинения.

— Я уже в порядке. В самом деле.

Он вызвал холодный ветер с озера.

— … а это луна, — добавил он жалобно.

Она кивнула. Она носила крошечную луну в центре лба, и эта луна сияла, как и та, перед ними, и заливала серебром волосы и платье Эйлин.

На столе стояла бутылка Конти и два стаканчика.

— Откуда это?

Она пожала плечами. Он налил вино в стаканчики.

— Оно может оказаться безвкусным, — сказал Рендер.

— Нет, нет… — Она подала ему стакан.

Он пригубил и понял, что вино имеет вкус — фруктовый — как бы давили сок из винограда,

выращенного на островах Благословения, гладкого, мясистого, а хмель выжат из дыма горящего мака. Он с самого начала понял, что его рука, вероятно, перегородила дорогу сознанию, синхронизируя чувственные сигналы и контрпередачу, и это привело его совершенно неосознанно сюда, к свету.

— Так уж вышло, — заметил он, — и теперь нам пора возвращаться.

— Так скоро? Я еще не видела кафедральный…

— Да, так скоро.

Он хотел, чтобы мир кончился, и он кончился.

— Здесь холодно, — сказала она, одеваясь, — и темно.

— Я знаю. Сейчас я смешаю что-нибудь выпить и уберу машину.

Он глянул на запись, покачал головой и пошел к своему бару.

— Это не совсем Конти, — заметил он, протягивая руку за бутылкой.

— Ну и что? Я не возражаю.

В данный момент он тоже не возражал. Они выпили, он убрал Яйцо, помог Эйлин надеть пальто, и они вышли.

Пока они спускались в лифте в подвал, ему хотелось, чтобы мир снова исчез, но мир не исчезал.

«В стране приблизительно 1 миллиард 800 миллионов жителей и 500 миллионов личных автомобилей. Если человек занимает два квадратных фута поверхности земли, а машина примерно 120, то становится очевидным, что в то время как люди занимают 2 миллиарда 160 миллионов квадратных футов нашей страны, экипажи занимают 67,2 миллиарда квадратных футов, то есть примерно в тридцать раз большее пространство, чем человеческий род. Если в данный момент половина этих автомобилей движется и содержит в среднем по два пассажира, то соотношение больше, чем в 47 к одному в пользу них. Как только страна станет одной мощеной плоскостью, люди либо будут жить под поверхностью земли, либо эмигрируют на другие планеты, и тогда, возможно, технологическая эволюция будет постепенно продолжаться по линиям, которые предложили для нее статистики.

Сибилл К. Делфи, заслуженный профессор в отставке.

Начало речи в Учительском колледже штата Юта».

«Папа, я добрался из школы на такси, а потом тоже на такси в космопорт, ради тамошней выставки КФ — „Снаружи“, так она называется.

Все тут нацелено на привлечение молодежи к пятилетней зацепке, как я понял. Но это сработало. Я хочу присоединиться. Я хочу уйти Наружу. Как ты думаешь, возьмут меня, когда я подрасту? Я имею в виду — возьмут Наружу, а не на какую-нибудь работу за конторским столом. Как думаешь — возьмут?

Я думаю, да.

Там была важная шишка — полковник. Он увидел шкета, шатающегося вокруг и прижимающего нос к их стеклам, и решил дать ему подсознательную рекламу. Мощно! Он провел меня по Галерее и показал все достижения космического флота, от лунной базы до Марсопорта. Он прочел мне лекцию о Великих Традициях Службы и водил меня в полицейскую комнату, где эти ребята играли в шашки и соревновались друг с другом в юморе, где „все решается умением, а не мускулами“, делали скульптуры из подкрашенной воды прямо в воздухе… Здорово!

Но если по-серьезному, я хотел бы быть там, когда. они понесутся на Пять Внешних и дальше. Помнишь грубого пограничника Френсиса Пакмена — в книге Мери Остин, кажется. Так вот, я решил туда податься.

Этот мужик из КФ, благодарение богам, не

имел покровительственного тона. Мы стояли на балконе и следили за взлетающими кораблями, и он говорил мне, что если я буду напряженно учиться, я когда-нибудь поведу их. *Я* не стал говорить ему, что я не такой уж сосунок и получу диплом раньше, чем буду достаточно взрослый для применения его где бы то ни было, даже в Службе этого полковника. Я просто посмотрел, как корабли взлетают, и сказал: „Через десять лет я буду смотреть сверху, а не снизу“. Затем он рассказал, какой трудной была его собственная тренировка-, но я не спросил, Чего ради он связался с таким вшивым назначением, как у него. Теперь, подумав, я рад, что не спросил. Он гораздо больше походил на человека из их рекламы, чем кто-нибудь из их реальных людей. Надеюсь, я никогда не буду походить на типа из рекламы.

Спасибо тебе за деньги и за теплые носки, и за струнные квинтеты Моцарта, которые я слушаю прямо сейчас. Я хотел бы получить разрешение побывать на Луне, вместо того чтобы ехать на лето в Европу. Может быть, это возможно? Вдруг? Ну, если я одолею тот новый тест, который ты для меня придумал? Но в любом случае, пожалуйста, подумай насчет этого.

Твой сын Питер».

— Алло, Государственный госпиталь.

— Я хотела бы записаться на обследование к психиатру.

— Минутку. Я соединяю вас со Столом записи.

— Алло, Стол записи.

— Я хотела бы записаться на обследование.

— Минуточку… Какого рода обследование?

— Я хочу увидеть д-ра Шалотт. Эйлин Шалотт. Как можно скорее.

— Сейчас… я посмотрю на расписание. Вас устроит следующий вторник, два часа?

— Прекрасно.

— Ваше имя, пожалуйста.

— Де Вилл. Джилл де Вилл.

— Хорошо, мисс де Вилл. Значит, в два часа, вторник.

— Спасибо.

Человек шел рядом с шоссе. По шоссе неслись машины. На линии высокого ускорения они мелькали, как расплывающиеся пятна.

Движение было слабое.

Было 10.30 утра; холодно.

Меховой воротник у человека был поднят, руки засунуты в карманы, сам он наклонен на ветру. По ту сторону ограды дорога была сухой и чистой.

Утреннее солнце закрыли тучи. В мутном свете человек видел деревья за четверть мили.

Шаг его не менялся. Глаза не отрывались от деревьев. Мелкие камешки хрустели под ногами.

Дойдя до деревьев, он снял пальто и аккуратно сложил его.

Он положил пальто на землю и полез на дерево.

Когда он долез до ветки, которая тянулась над оградой, он посмотрел, нет ли приближающихся машин, затем схватил ветвь обеими руками, опустился вниз, повиснув на мгновенье, и упал на шоссе.

Это была идущая на восток половина шоссе, шириной в сто ярдов.

Он бросил взгляд на запад, увидел, что движения в его сторону пока нет, и пошел к центральному острову. Он понимал, что может не достичь его. В это время дня машины шли по линии высокого ускорения со скоростью приблизительно 160 миль в час. Но он шел.

Автомобиль прошел позади него. Он не остановился. Если окна были затемнены, как это обычно бывает, то пассажиры даже не знали, что он пересек их путь. Потом они, вероятно, услышат об этом и осмотрят перед и зад машины — нет ли

признаков наезда.

Другой автомобиль промчался перед ним. Окна были прозрачными. На мгновение предстали два лица, раскрытые рты в виде буквы «О», а затем исчезли. Его собственное лицо ничего не выражало. Оно не изменилось. Еще две машины пролетели мимо. Он прошел по шоссе ярдов двадцать…

Двадцать пять…

Ветер или что-то под ногами сказали ему, что идет машина. Он даже не взглянул, но уголком глаза заметил идущую машину. Походки он не изменил.

У Сесила Грина окна просвечивали — ему так нравилось. Левая рука его была под ее блузкой, юбка ее была скомкана на коленях, а его правая рука лежала на рычаге, опускающем сиденье. Вдруг девушка откинулась назад, издав горловой звук.

Его рука дернулась влево.

Он увидел идущего человека.

Он увидел профиль, так и не повернувшийся к нему полностью. Он увидел, что человек не изменил походки.

А затем он уже не видел человека.

Легкое дребезжание, и ветровое стекло стало само очищаться. Сесил Грин ехал дальше. Он

затемнил окна.

— Как?.. — спросил он, когда она снова была в его объятиях, и всхлипнул.

— Монитор не задержал его…

— Он, видимо, не коснулся ограды…

— Наверное, он спятил…

— Все равно его должны были задержать в самом начале пути…

Лицо могло быть любое… Мое?

Испуганный Сесил опустил сиденье.

— Привет, ребятишки. Это крупный план большой, жирной, запачканной табаком улыбки, которой вы только что были вознаграждены. Но хватит юмора. Сегодня вечером мы отойдем от нашего необыкновенного неофициального формата. Мы начнем с тщательно придуманного драматического представления по последней артмоде.

Мы собираемся играть миф.

Только после основательного проникновения в душу и болезненного самоанализа мы решили сыграть для вас сегодня именно этот миф.

Да, я жую табак — с краснокожим, подлинной фабричной маркой на пачке.

Теперь, когда я буду скакать по сцене и плеваться, кто первый установит мою мифическую

агонию? Не увлекайтесь фонами. Пуск!

Ладно, леди и джентльмены и все прочие: я — Титан бессмертный, одряхлел и превратился в кузнечика. Пуск!

Для моего следующего номера нужно больше света.

Больше, чем сейчас… Пуск!

Еще больше света…

Слепящий свет!

Очень хорошо. Пуск!

Теперь — в моей пилотской куртке, солнечных очках, шелковом шарфе — вот!

Где мой халат?

Ладно, все установлено.

Эй вы, шелудивые! Пошел! Хо! Хо! Вверх! Вверх, в воздух, бессмертные лошади, поднимайтесь туда!

Больше света!

Эй, лошади! Быстрее! Вниз! Папа и мама смотрят, и моя девушка внизу! Давай-давай! Не позорьтесь на этой высоте! Еще!

Какого дьявола это лезет ко мне? Оно похоже на молнию… а-а-ах!

Ух. Это был Фаэтон в слепом витке на солнечной половине.

Вы все, наверное, слышали старую поговорку:

только бог может быть один в трех лицах. Так вот, этот миф называется «Аполлон и Дафнис». Да уберите вы эти юпитеры!..

Чарльз Рендер писал главу «Некрополь», главу для первой за четыре года своей книги «Недостающее звено человечества». После возвращения он освободил себе послеобеденное время каждого вторника и четверга для работы над ней, закрылся в своем кабинете и заполнял страницы хаотическим письмом.

«У смерти множество вариантов, в противоположность умиранию...» — писал он, когда интерком зажужжал коротко, длинно, затем опять коротко.

— Да? — спросил он, повернув выключатель.

— К вам... посетитель...

Рендер встал, открыл дверь и выглянул.

— Доктор... помоги...

Рендер сделал три шага и опустился на колено.

— В чем дело?

— Едем. Она... больна.

— Больна? Как? Что случилось?

— Не знаю. Поедем.

Рендер пристально вглядывался в нечеловеческие глаза.

— Что за болезнь? — настаивал он.

— Не знаю, — повторил пес. — Не говорит. Сидит. Я… чувствую, она больна.

— Как ты добрался сюда?

— Вел машину. Знаю координаты… Оставил ее снаружи.

— Я сейчас позвоню ей.

— Не стоит. Не ответит.

Зигмунд оказался прав.

Рендер вернулся в кабинет за пальто и врачебным чемоданчиком. Он глянул в окно и увидел, что автомобиль Эйлин припаркован у самой грани, где монитор освободил его от своего контроля. Если никто не возьмет на себя управление, автомобиль автоматически перейдет на длительную стоянку. Другие машины будут объезжать его.

«Машина так проста, что даже собака может водить ее», — подумал Рендер. Лучше спуститься, пока не явился крейсер. Автомобиль уже, наверное, отрапортовал, что стоит здесь. А может, и нет. Может, несколько минут еще есть в запасе.

— Ладно, Зиг, поехали.

Они спустились в лифте на первый этаж, вышли через главный вход и поспешили к машине.

Мотор все еще работал вхолостую.

Рендер открыл пассажирскую дверцу, и Зигмунд прыгнул внутрь. Рендер втиснулся было на

сиденье водителя, но собака уже набирала лапой координаты и адрес.

«Похоже, я сел не на то сиденье», — подумал Рендер. Он закурил. Автомобиль уже несся в подземном проходе. Выйдя на противоположной стороне, он на мгновение остановился, а затем влился в движущий поток. Собака направила машину на высокоскоростную полосу.

— Ох, — сказала собака. — Ох.

Рендеру хотелось погладить ее голову, но, взглянув на нее, он увидел оскаленные зубы и отказался от своего намерения.

— Когда она начала вести себя необычно? — спросил он.

— Пришла домой с работы. Не ела. Не отвечала, когда я говорил. Просто сидела.

— Раньше такое бывало?

— Нет.

Что могло стрястись? Может, просто был тяжелый день. В конце концов, Зигмунд всего лишь собака, как ему определить? Нет. Он бы знал. Но что же тогда?

— А как было вчера и сегодня утром, когда она уходила из дома?

— Как всегда.

Рендер попытался еще раз позвонить ей, но

ответа по-прежнему не было.

— Ты сделал это, — сказал пес.

— Что ты хочешь сказать?

— Глаза. Зрение. Ты. Машина. Плохо.

— Нет, — сказал Рендер.

— Да. — Пес снова повернулся к нему. — Ты хочешь делать ей хорошо?

— Конечно.

Зигмунд снова уставился вдаль.

Рендер чувствовал себя физически приятно возбужденным, а умственно — инертно. У него были такие ощущения с самого первого сеанса. В Эйлин Шалотт было что-то нарушающее порядок: комбинация высокого интеллекта и беспомощности, решительности и уязвимости, чувствительности и горечи.

— Не находил ли я это особо привлекательным? Нет. Просто это контрпередача, черт ее возьми!

— Ты пахнешь страхом, — сказала собака.

— Значит, меня пугает цвет, — сказал Рендер. — Сверни на другую полосу.

Серией поворотов они замедлили ход, снова перешли на быстрый, опять на медленный. Наконец автомобиль поехал по узкой части дороги, свернул на боковую улицу, проехал еще с полмили, негромко щелкнул чем-то под приборной

доской и повернул на стоянку позади высокого кирпичного жилого дома. Щелчок, видимо, был сделан специально следящей системой, которая включалась, когда монитор отпускал машину. Потому что автомобиль прошел через стоянку, занял свое прозрачное стойло и остановился. Рендер выключил зажигание.

Зигмунд уже открыл дверцу. Рендер прошел за ним в здание и поднялся на лифте на пятидесятый этаж. Затем собака прошла по коридору и нажала носом пластинку на двери. Дверь приоткрылась внутрь на несколько дюймов. Собака распахнула ее плечом и вошла. Рендер вошел следом и закрыл за собой дверь.

Комната была большая, стены голые. Один угол занимал громадный комбинированный радиоприемник. Перед окном большой кривоногий стол, вдоль правой стены низкая софа; рядом с ней закрытая дверь, ведущая, по-видимому, в другие комнаты. Эйлин сидела в мягком кресле в дальнем углу у окна. Зигмунд встал около нее.

Рендер пересек комнату и достал из портсигара сигарету. Щелкнув зажигалкой, он держал пламя, пока Эйлин не повернулась к нему.

— Сигарету? — спросил он.

— Чарльз?

— Да.

— Спасибо. Да. Закурю.

Она протянула руку, приняла сигарету и поднесла к губам.

— Спасибо. Каким образом вы оказались здесь?

— Общественный вызов. Так случилось, что я был по соседству…

— *Я* не слышала ни звонка, ни стука.

— Может, вы задремали. Мне открыл Зигмунд.

— Да, возможно, я задремала. Который час?

— Почти 4.30.

— Значит, я дома больше двух часов… Видимо, очень устала…

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. Чашку кофе?

— Не откажусь.

— Бифштекс с ним пойдет?

— Нет, спасибо.

— Каплю ликера?

— Неплохо бы.

— Тогда извините, я на одну минутку.

Она вышла в дверь рядом с софой, и Рендер мельком увидел там большую сверкающую автоматическую кухню.

— Ну? — шепнул он собаке.

Зигмунд покачал головой.

— Не то.

Рендер кивнул. Он положил пальто на софу, аккуратно сложив его на чемоданчике, сел рядом и задумался.

«Не слишком ли много видений бросил я ей сразу? Может, она страдает от депрессивных побочных эффектов — скажем, угнетения памяти, нервной усталости? Может, я каким-то образом вывел из равновесия ее сенсорно-адаптационный синдром? Незачем было спешить. Неужели я так чертовски жаждал описать это? Или я делал все по ее желанию? Могла ли она повлиять на меня, сознательно или бессознательно? Или я оказался настолько уязвимым?»

Она окликнула его из кухни, чтобы он нес поднос. Рендер поставил его на стол и сел напротив Эйлин.

— Хороший кофе, — сказал он, обжигая губы.

— Удачная машина, — ответила она, поворачивая лицо на голос.

Зигмунд растянулся на ковре неподалеку, положил голову между передними лапами и закрыл глаза.

— Я подумал, — сказал Рендер, — не было ли каких-нибудь постэффектов в последний сеанс — вроде увеличения синэстатических опытов,

включающих формы, галлюцинации или…

— Да, — ответила она ровно. — Сны.

— Какого рода?

— Последний сеанс. *Я* видела его снова и снова во сне.

— С начала до конца?

— Нет, особого порядка событий не было. Мы ехали по городу или через мост, или сидели за столиком, или шли к машине — вот такие всплески, очень живые.

— Какие ощущения сопровождали эти… всплески?

— Не скажу. Они все перепутались.

— А каковы ваши ощущения теперь, когда вы вспоминаете их?

— Такие же перемешанные.

— Вы, не были испуганы?

— Н-нет. Не думаю.

— Вы не хотели бы отдохнуть от сеансов? Вам не кажется, что мы действуем слишком быстро?

— Нет. Отнюдь. Это… ну, вроде, как учиться плавать. Когда вы наконец научились, вы плаваете до изнеможения. Затем вы ложитесь на берегу, хватаете ртом воздух и вспоминаете, как все было, а ваши друзья болтаются рядом и ругают вас за перенапряжение — и это хорошее ощущение,

хоть вам и холодно и во всех ваших мускулах иголки. Я так чувствовала себя после первого сеанса и после последнего. Первый раз — он всегда особенный… Иголки исчезают, и я снова обретаю дыхание. Господи, я совершенно не могу сейчас остановиться! Я чувствую себя отлично.

— Вы всегда спите днем?

Десять красных ногтей двинулись через стол, когда она потянулась.

— … Устала. — Она улыбнулась, скрывая зевок. — Половина штата в отпуске или более, и я всю неделю не уходила с работы. Но сейчас все в порядке, я отдохнула. — Она взяла чашку обеими руками и сделала большой глоток.

— Угу, — сказал Рендер, — хорошо. Я немного за вас беспокоился и рад видеть, что причин для этого нет.

— Беспокоились? Вы не читали записи д-ра Вискомба о моем анализе и об испытании в Яйце, как вы можете думать, что обо мне можно беспокоиться? Да! У меня оперативно-полезный невроз, касающийся моей деятельности как человеческого существа. Он фокусирует мою энергию, координирует мои усилия. Это повышает чувство самооценки…

— У вас дьявольская память, — заметил Рен-

дер. — Почти стенографический отчет.

— Конечно.

— Зигмунд сегодня тоже беспокоился о вас.

— Зиг? Как это?

Собака смущенно шевельнулась, открыла один глаз.

— Да, — проворчала она, глядя на Рендера. — Он нужен. Приехать домой.

— Значит, ты снова водил машину?

— Да.

— Зачем?

— Я испугался. Ты не отвечала, когда я говорил.

— И в самом деле я устала. А если ты еще раз возьмешь машину, то я буду закрывать дверь так, чтобы ты не мог входить и выходить по своему желанию.

— Прости…

— Со мной все в порядке.

— Я вижу.

— Никогда больше не делай этого.

— Прости.

Глаз собаки не покидал Рендера. Он был как зажигательное стекло. Рендер отвел взгляд.

— Не будьте жестоки к бедному парню, — сказал он. — В конце концов, он подумал, что вы

больны, и поехал за мной. А если бы он оказался прав? Вы должны поблагодарить его, а не ругать.

Успокоенный Зигмунд закрыл глаз.

— Ему надо выговаривать, когда он поступает неправильно, — закончила Эйлин.

— Я полагаю, — сказал Рендер, отпив кофе, — что никакой беды не случилось. Раз уж я здесь, поговорим о деле. Я кое-что пишу и хотел бы узнать ваше мнение.

— Великолепно. Посвятите мне сноску?

— Даже две или три. Как по-вашему, общая основа мотиваций, ведущих к самоубийству, различна в разных культурах?

— По моему хорошо обдуманному мнению — нет. Разочарования могут привести к депрессии или злобе; если же они достаточно сильны, то могут вести к самоуничтожению. Вы спрашиваете насчет мотиваций: я думаю, что они остаются, что это внекультурный вневременной аспект человеческой деятельности. Не думаю, что он может измениться без изменения основной природы человека.

— Ладно. Проверим. Теперь как насчет побудительного элемента? Возьмем человека спокойного, со слабоменяющимся окружением. Если его поместить в сверхзащищенную жизнен-

ную ситуацию — как вы думаете, будет ли она подавлять его или побуждать к ярости в большей степени, чем если бы он не был в таком охраняющем окружении?

— Хм… В каком-то другом случае я бы сказала, что это зависит от человека. Но я вижу, к чему вы ведете: многие расположены выскакивать из окон без колебаний — окно даже само откроется для вас, потому что вы его об этом попросите… Но мне не нравится это замечание. Я надеюсь, что оно ошибочное.

— Я тоже надеюсь, но я думаю также о символических самоубийствах — функциональных расстройствах, случающихся по самым неубедительным причинам.

— Ага! Эта ваша лекция в прошлом месяце: аутопсихомимикрия. Хорошо сказано, но я не могу согласиться.

— Теперь я тоже. Я переписал всю часть «Танатос в сказочной стране глупцов», как я назвал ее. На самом деле инстинкт смерти идет почти по поверхности.

— Если я дам вам скальпель и труп, можете вы вырезать инстинкт смерти и дать мне ощупать его?

— Нет, — сказал он с усмешкой в голосе, — в

трупе все это уже израсходовано. Но найдите мне добровольца, и он своим добровольным согласием докажет мои слова.

— Ваша логика неуязвима, — улыбнулась Эйлин. — Выпьем еще кофе, ладно?

Рендер пошел на кухню, ополоснул и вновь наполнил чашки, выпил стакан воды и вернулся в комнату. Эйлин не шевельнулась. Зигмунд тоже.

— Что вы будете делать, когда прекратите работать Творцом? — спросила она.

— То же, что и большинство: есть, пить, спать, разговаривать, посещать друзей, ездить по разным местам, читать...

— Вы склонны прощать?

— Иногда. А что?

— Тогда простите меня. Сегодня я поспорила с женщиной по фамилии де Вилл.

— О чем?

— Она обвинила меня в таких вещах, что лучше бы моей матери было не рожать меня. Вы собираетесь жениться на ней?

— Нет. Брак — это вроде алхимии. Когда-то он служил важной цели, но теперь — едва ли.

— Хорошо.

— И что вы ей сказали?

— Я дала ей карту направления, где было ска-

зано: «Диагноз: сука. Предписание: лечение успокаивающими средствами и плотный кляп».

— О, — сказал Рендер с явным интересом.

— Она разорвала карту и бросила мне в лицо.

— Интересно, зачем это все?

Она пожала плечами, улыбнулась.

— Отцы и старцы, — вздохнул Рендер, — я размышляю, что есть ад?

— «Я считаю, что это страдание от неспособности любить», — закончила Эйлин. — Это Достоевский, верно?

— Подозреваю. Я включил бы его в лечебную группу. Это был бы реальный ад для него — со всеми этими людьми, действующими, как его персонажи, и радующимися этому.

Рендер поставил чашку и отодвинул ее от стола.

— Полагаю, что вы теперь должны идти?

— Должен, в самом деле.

— Нельзя ли поинтересоваться: вы пойдете пешком?

— Нет.

Она встала.

— Ладно. Сейчас надену пальто.

— Я могу доехать один и отправить машину обратно.

— Нет! Меня мучает образ пустых машин, катающихся по городу. На меня это будет давить недели две. Кроме того, вы обещали мне кафедральный собор.

— Вы хотите сегодня?

— Если смогу вас уговорить.

Рендер встал, размышляя. Зигмунд поднялся тоже и встал рядом с Рендером, глядя вверх в его глаза. Он несколько раз открывал и закрывал пасть, но не издал ни звука. Затем он повернулся и вышел из комнаты.

— Нет? — Голос Эйлин вернул его назад. — Ты останешься здесь до моего возвращения.

Когда они шли по коридору к лифту, Рендер услышал слабый далекий вой.

В этом месте, как и во всех других, Рендер знал, что он хозяин всего.

Он был как дома в тех чужих мирах без времени, в тех мирах, где цветы спариваются, а звезды сталкиваются в небе и падают на землю, обескровленные; где обнаруживаются лестницы вниз, в бездну, из пещер возникают руки, размахивающие факелами, чье пламя похоже на жидкие лица, — все это Рендер знал, потому что посещал эти миры в силу своей профессии в течение почти десятилетия. Одним согнутым

пальцем он мог выделить колдунов, судить их за измену королевству, мог казнить их, мог назначать их преемников.

К счастью, это путешествие было только из вежливости…

Он шел через прогалину, разыскивая Эйлин. Он чувствовал ее пробуждающееся присутствие повсюду вокруг себя.

Он продрался сквозь ветви и остановился у озера. Оно было холодное, голубое, бездонное, в нем отражалась та стройная ива, которая стала причиной прибытия Эйлин.

— Эйлин!

Ива качнулась к нему и обратно.

— Эйлин! Идите сюда!

Посыпались листья, поплыли по озеру, тревожа его спокойствие, искажая отражения.

— Эйлин!

Все листья на иве разом пожелтели и попадали в озеро. Дерево перестало качаться. В темнеющем небе раздался странный звук, вроде гудения высоковольтных проводов в морозный день.

На небе вдруг появилась двойная вереница лун. Рендер выбрал одну, потянулся и прижал ее. Остальные тут же исчезли, и мир остановился. Гудение в воздухе смолкло.

Он обошел озеро, чтобы получить передышку. Он пошел к тому месту, где хотел поставить собор. Теперь на деревьях пели птицы. Ветер мягко пролетал мимо. Рендер очень сильно чувствовал присутствие Эйлин.

— Сюда, Эйлин, сюда.

Она оказалась рядом с ним. Зеленое шелковое платье, бронзовые волосы, изумрудные глаза, на лбу изумруд. Зеленые туфли скользили по сосновым иглам.

— Что случилось? — спросила она.

— Вы были испуганы.

— Чем?

— Может, вы боитесь кафедрального собора. Может, вы ведьма? — Он улыбнулся.

— Да, но сегодня у меня выходной.

Он засмеялся, взял ее за руку, они обошли зеленый остров, и там на травянистом холме был воздвигнут кафедральный собор, поднявшийся выше деревьев. В нем дышал орган, в его стеклах отражались солнечные лучи.

— Держитесь крепче, — сказал он. — Отсюда начинают обход.

Они вошли.

— «… с колоннами от пола до потолка, так похожими на громадные древесные стволы,

собор достигает жесткого контроля над своим пространством…» — сказал Рендер. — Это из путеводителя. Это северный предел…

— «Зеленые рукава», — сказала она. — Орган играет «Зеленые рукава».

— Верно. Вы не можете порицать меня за это.

— Я хочу подойти ближе к музыке.

— Прекрасно. Вот сюда.

Рендер чувствовал, что что-то не так, но не мог сказать, что именно. Все держалось так. основательно…

Что-то быстро пронеслось высоко над собором и произвело звучный гул. Рендер улыбнулся, вспомнив теперь: это была оговорка — он на миг спутал Эйлин с Джилл, да, вот что случилось.

Но почему же тогда…

Алтарь сиял белизной. Рендер никогда и нигде не видел такого. Все стены были темными и холодными. В углах и высоких нишах горели свечи. Орган гремел под невидимыми пальцами.

Рендер понимал, что что-то тут не так.

Он повернулся к Эйлин Шалотт. Зеленый конус ее шляпы возвышался в темноте, затенял клок зеленой вуали. Ее горло было в тени, но…

— Где ожерелье?

— Не знаю.

Она улыбнулась. Она держала стаканчик, отливающий розовым. В нем отражался ее изумруд.

— Выпьете? — спросила она.

— Стойте спокойно, — приказал он.

Он пожелал, чтобы стены обрушились. Они поплыли в тени.

— Стойте спокойно, — повторил он повелительно. — Не делайте ничего. Постарайтесь даже не думать. Падайте, стены! — закричал он, и стены взлетели в воздух, и крыша поплыла по вершине мира, и они стояли среди развалин, освещенных единственной свечой. Ночь была черна, как уголь.

— Зачем вы сделали это? — спросила она, протягивая ему стаканчик.

— Не думайте. Не думайте ни о чем. Расслабьтесь. Вы очень устали. Как эта свеча мерцает и гаснет, так и ваше сознание. Вы с трудом держитесь в бодрствующем состоянии. Вы едва стоите на ногах. Ваши глаза закрываются. Да здесь и смотреть не на что.

Он пожелал, чтобы свеча погасла. Но она продолжала гореть.

— Я не устала. Пожалуйста, выпейте.

Он слышал сквозь ночь органную музыку. В другое время он не узнал бы ее сразу.

— Мне нужно ваше сотрудничество.

— Пожалуйста. Все что угодно.

— Смотрите, луна! — показал он.

Она взглянула вверх, и из-за чернильной тучи вышла луна.

— И еще, и еще…

В темноте прошли луны, как нитка жемчуга.

— Последняя будет красной, — сказал он.

Так и было.

Он вытянул указательный палец, откинул руку в сторону, вдоль поля зрения Эйлин, и хотел коснуться красной луны.

Рука его болела: ее жгло. Он не мог шевельнуть ею.

— Очнитесь! — завопил он.

Красная луна исчезла, и белая тоже.

— Пожалуйста, выпейте.

Он вышиб стаканчик из ее руки и отвернулся. Когда он вновь повернулся к ней, она по-прежнему держала стаканчик.

— Выпьете?

Он повернулся и полетел прочь.

Это напоминало бег сквозь высокий — выше пояса — снежный сугроб. Это было неправильно. Он усугублял ошибку этим бегом. — он уменьшал свою силу, а силу Эйлин увеличивал. И это вытя-

нуло из него энергию, высушило его.

Он стоял во мраке.

— Мир движется вокруг меня, — сказал он. — Я — его центр.

— Пожалуйста, выпейте, — повторила она, и он очутился на прогалине, рядом с их столиком у озера. Озеро было черное, а луна серебряная, и висела она высоко: он не мог до нее дотянуться. На столе мигала единственная свеча, и ее свет делал волосы и платье Эйлин серебряными. На лбу ее была луна. На белой скатерти стояла бутылка Конти — рядом с широкогорлым винным бокалом. Он был полон, и розовые пузырьки пенились по краю.

Рендера мучила жажда, а Эйлин была прекраснее всех, кого он когда-либо видел, и ожерелье ее сверкало, и с озера дул холодный ветер, и было здесь что-то, что он должен был вспомнить…

Он шагнул к ней, и его доспехи слегка зазвенели. Он потянулся к стаканчику, но его рука болезненно застыла и упала вдоль тела.

— Вы ранены!

Он медленно повернул голову. Из открытой раны на предплечье лилась кровь, стекала по руке и капала с пальцев. Броня была проломлена. Он заставил себя отвернуться.

— Выпей, любимый, это излечит тебя. Я подержу стаканчик.

Он смотрел на нее, когда она подносила стаканчик к его губам.

— Кто я? — спросил он.

Она не ответила, но ответило что-то из плещущей воды озера:

— Ты Рендер, Творец.

— Да, я вспоминаю, — сказал он и, медленно повернувшись, заставил себя сказать: — Эйлин Шалотт, я ненавижу вас.

Мир закачался и поплыл вокруг него, вздрагивая, как от рыданий.

— Чарльз! — взвизгнула Эйлин, и мрак упал на них.

— Очнитесь! Очнитесь! — кричал он, и его правая рука болела и горела, кровоточа в темноте.

Он стоял один на белой равнине, безмолвной и бесконечной, склоняющейся к краям мира. Она испускала собственный свет, и небо было не небом, а пустотой, ничем.

Ничто. И он был один. Его собственный голос эхом возвращался к нему с конца мира: «… ненавижу вас, — говорило эхо, — … ненавижу вас».

Он упал на колени. Он был Рендером. Он хотел закричать.

Над равниной появилась красная луна, бросающая призрачный свет на всю протяженность равнины. Слева поднялась стена гор, и такая же — справа.

Он поднял правую руку, поддерживая ее левой, вытянул указательный палец и потянулся к луне.

С черных высот пришел вой — странный плачущий крик, получеловеческий — вызов, отчаяние и сожаление. Затем Рендер увидел его, шагающего по горам, сбивающего хвостом снег с самых высоких пиков — последнего волка-оборотня Севера, Фенриса, сына Локи, бушующего в Небе.

Фенрис прыгнул в воздух и проглотил луну. Он приземлился неподалеку от Рендера. Его огромные глаза горели желтым огнем. Он крался к Рендеру на бесшумных лапах через холодные белые поля, лежавшие между горами. И Рендер отступал от него, поднимаясь и спускаясь по холмам, через трещины и ущелья, через долины, мимо сталагмитов и башенок, все вниз и вниз, пока жаркое дыхание зверя не обдало его, и хохочущая пасть не раскрылась над ним. Рендер увернулся, и его ноги стали двумя сверкающими реками, уносящими его прочь.

Мир мчался назад. Рендер скользил по склонам.

Вниз. Быстрее… прочь…

Он оглянулся через плечо.

Вдалеке серая тень неслась за ним. Рендер чувствовал, что зверь легко сузит разрыв, если захочет. Надо двигаться быстрее.

Мир под ним зашатался. Повалил снег. Он бежал вперед к расплывчатому, размытому контуру. Он прорывался сквозь пелену снега, который, казалось, шел теперь вверх, с земли.

Он приближался к разбитому предмету. Приближался, как пловец — неспособный открыть рот и заговорить из боязни утонуть, утонуть, так и не узнав ничего.

Он не мог оценить свое продвижение вперед: его несло, как прибоем, к обломкам, и, наконец, он остановился рядом с ними.

Некоторые вещи никогда не меняются. Это вещи, которые давно перестали быть предметами и остались исключительно как никогда не зарегистрированные случаи вне порядка элементов, называемого Временем.

Рендер стоял здесь и не беспокоился, что Фенрис может прыгнуть на него сзади и съесть его мозг. Он закрыл глаза, но не мог перестать видеть. Сейчас не мог. Большая часть его самого лежала мертвой у его ног.

Раздался вой. Серая тень мелькнула мимо Рендера. Злобные глаза и кровожадная пасть укоренялись в искореженном каре, прогрызая сталь, стекло, нащупывая внутри…

— Нет! Зверь! — закричал Рендер. — Мертвые священны! Мои мертвые священны!

В его руке появился скальпель, и он умело полосовал сухожилия, бугры мускулов напряженных плеч, мягкое брюхо, веревки артерий.

Рыдая, он расчленил чудовище, часть за частью, и оно исходило кровью, пачкая машину и останки в ней адским звериным соком. Кровь капала и лилась, пока вся равнина не покраснела и не скорчилась.

Рендер упал поперек разбитого капота, и тут было мягко, тепло и сухо. Он рыдал.

— Не кричи, — сказала она.

Он крепко ухватился за ее плечо. Рядом было черное озеро под луной из веджвудского фарфора. На их столике мигала единственная свеча. Эйлин держала стаканчик у его губ.

— Пожалуйста, выпей это.

— Да, давай.

Он глотнул вина; оно было сама мягкость и легкость. Оно горело в нем, и он почувствовал, что его сила возвращается.

— Я…

— Рендер, Творец, — плеснуло озеро.

— Нет!

Он повернулся и снова побежал, глядя на обломки. Он хотел уйти обратно, вернуться…

— Ты не можешь.

— Могу! — закричал он. — Могу, если постараюсь.

Желтое пламя свилось кольцами в густом воздухе. Желтые змеи.

Они обвились вокруг его лодыжек. Затем из мрака выступил его двухголовый враг.

Мелкие камни прогрохотали мимо него. Одурящий запах проникал в сознание.

— Творец! — промычала одна голова.

— Ты вернулся для расплаты! — сказала другая.

Рендер вглядывался, вспоминая.

— Я не буду платить, Томиэль, — сказал он. — Я побью тебя и скую именем Ротмана, да, Ротмана, каббалиста. — Он начертил в воздухе пентаграмму. — Уходи в Клинхот. Я изгоняю тебя.

— Клинхот здесь.

— … Именем Камаэля, ангела крови, именем Воинства Серафимов, во имя Элоиза Гобора, приказываю тебе исчезнуть!

— Не сейчас, — засмеялись обе головы.

Враг двинулся вперед. Рендер медленно отступал, его ноги связывали желтые змеи. Он чувствовал, что за ним разверзается пропасть. Мир зигзагом уходил в сторону. Рендер видел отделяющиеся куски.

— Сгинь!

Гигант заревел в обе глотки. Рендер споткнулся.

— Сюда, любимый!

Она стояла в маленькой пещере справа. Он покачал головой и попятился к пропасти.

Томиэль тянулся к нему. Рендер повалился на край.

— Чарльз! — взвизгнула она, и с ее воплем сам мир качнулся в сторону.

— Так, значит, уничтожение, — ответил он, падая. — Я присоединяюсь к тебе в темноте.

Все пришло к концу.

— Я хотел бы видеть д-ра Чарльза Рендера.

— К сожалению, это невозможно.

— Но я примчался сюда только для того, чтобы поблагодарить его. Я стал новым человеком! Он изменил всю мою жизнь!

— Мне очень жаль, мистер Эриксон, но, когда вы позвонили утром, я сказал вам, что это невоз-

можно.

— Сэр, я член палаты представителей Эриксон… И Рендер однажды оказал мне большую услугу.

— Вот и вы окажите ему услугу — езжайте домой.

— Вы не можете говорить со мной таким тоном!

— Могу. Пожалуйста, уходите. Может, в следующем году…

— Но несколько слов могут заинтересовать…

— Приберегите их…

— Я… Я извиняюсь…

Как ни прекрасна была порозовевшая от зари, брызгающая, испаряющаяся чаша моря — он знал, что это вот-вот кончится. Тем не менее…

Он спустился по лестнице высокой башни и вышел во внутренний двор. Он прошел через беседку и посмотрел на соломенную постель в центре беседки.

— Доброе утро, милорд, — сказал он.

— И тебе того же, — сказал рыцарь. Его кровь смешивалась с землей, цветами, травой, брызгала на его доспехи, капала с пальцев.

— Никак не заживает?

Рендер покачал головой.

— Я пустой. Я жду.

— Ваше ожидание скоро кончится.

— Что ты имеешь в виду? — Рыцарь сел.

— Корабль. Приходит к гавани.

Рыцарь встал и прислонился к замшелому стволу дерева. Он смотрел на огромного бородатого слугу, который продолжал говорить с грубым варварским акцентом:

— Он идет, как черный лебедь по ветру. Возвращается.

— Черный, говоришь? Черный?

— Паруса черные, лорд Тристан.

— Врешь!

— Хотите сами увидеть? Ну, смотрите. — Слуга сделал жест. Земля задрожала, стены упали. Пыль закружилась и осела. Отсюда был виден корабль, входящий в гавань на крыльях ночи.

— Нет! Ты солгал! Смотри — они белые!

Заря танцевала на воде. Тени улетали из парусов корабля.

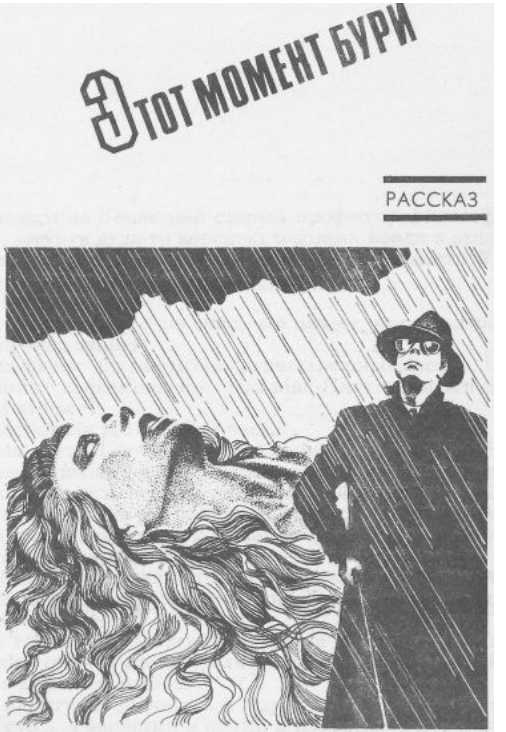
— Нет, глупец, черные! Они должны быть черными!

— Белые! Белые! Изольда! Ты сохранила веру! Ты вернулась! — Он побежал к гавани.

— Вернитесь! Вы ранены! Вы больны! Стоп…

Паруса белели под солнцем, которое было красной кнопкой, и слуга быстро повернулся к ней.

Упала ночь.



Этот момент бури

Однажды на Земле мой старый профессор философии (вероятно, засунув куда-то конспект лекции), войдя в аудиторию, с полминуты молча изучал шестнадцать своих жертв. Удовлетворенный настроем аудитории, он спросил:

— Что есть Человек?

Он совершенно точно знал, что делает, имея полтора часа, которые надо занять.

Один из нас дал чисто биологическое определение. Профессор (помнится, фамилия его была Мак-Нитт) кивнул и спросил:

— И это все?

И наступили его полтора часа.

Я узнал, что Человек — это разумное животное, что Человек — это нечто выше зверей, но ниже ангелов, что Человек — это тот, кто любит, кто использует орудия, хоронит своих усопших, изобретает религии и тот, кто пытается определить себя (последнее высказывание принадлежит Полю Шварцу, с которым я дружил и делил комнату; интересно, что с ним стало?).

Я до сих пор думаю, что мое определение было

лучшим, я имел возможность проверить его на Терре Дель Сигнис, Земле Лебедя…

Оно гласило: «Человек есть полная сумма всех его деяний, желаний что-либо сделать или не сделать и сожалений о сделанном или несделанном».

На минуту остановитесь и подумайте. В этом определении есть место для биологии и смеха, и вдохновения, так же, как и для любви, и культуры, и самоопределения. Я оставил место даже для религии, как видите. Но оно вполне конкретно. Вы встречали устрицу, к которой подходила бы последняя часть определения?

Терра Дель Сигнис, Земля Лебедя… Чудесное название. И чудесное место для меня на долгое время…

Именно здесь я увидел, как определения «что есть Человек» одно за другим стирались и исчезали с гигантской черной доски, пока не осталось лишь одно-единственное.

… Приемник трещал чуть сильнее обычного. И больше ничего.

В течение нескольких часов не было никаких других признаков того, что уже надвигалось.

В этот ясный прохладный весенний день мои сто тридцать глаз наблюдали за Бетти. Солнце

лило золотой мед на янтарные поля, врывалось в дома, нагревало, лишь высушивая, асфальт и лаская зеленые и коричневые почки на деревьях вдоль дороги. Его лучи багряными и фиолетовыми полосами лежали на плечах гряды Святого Стефана, в тридцати милях от города, и затопили лес у ее подножия букетом из миллиона красок.

Я любовался Бетти ста тридцатью глазами и не замечал предвестников надвигающегося урагана. Лишь, повторяю, шумы чуть громче обычного сопровождали музыку, звучавшую из моего карманного приемника.

Занятно, как мы оживляем вещи. Ракета у нас часто женщина, — «добрая, верная старушка». Или ласточка: «Она быстра, как ласточка», — поглаживая теплый кожух и ощущая аромат женственности, исходящий из плавных изгибов корпуса, мы можем любовно похлопать капот автомобиля… Ураганы всегда женщины, как и луны, и моря. А города нет. Никто не назовет Чикаго или Сан-Франциско «Она». Обычно они среднего рода.

Иногда, однако, и они обретают признаки пола. Так было у Средиземноморья там, на Земле. И, думаю, дело не только в особенностях языка…

Бетти была станцией Бета менее десяти лет.

Через два десятилетия она уже официально, по решению городского Совета, стала Бетти. Почему? И тогда мне казалось (лет девяносто с лишним назад), и сейчас, что это случилось потому, что такой она и была — местом и ремонта, и отдыха, и пищи, приготовленной на твердой земле, местом новых голосов и лиц, деревьев и солнца после долгого прыжка сквозь ночь. Когда выходишь на свет, тепло и музыку после тьмы, холода и молчания — это Женщина. Я почувствовал это в первый раз, увидев станцию Бета-Бетти…

Я ее Постовой.

… Когда шесть или семь из ста тридцати глаз мигнули, а радио выплеснуло волну разрядов, только тогда я ощутил беспокойство. Я вызвал Бюро прогнозов, и записанный на пленку девичий голос сообщил, что начало сезонных дождей ожидается в полдень или рано вечером.

Мои глаза показывали прямые, ухоженные улицы Бетти, маленький космопорт, желто-коричневые поля с редкими проблесками зелени, ярко окрашенные разноцветные домики с блестящими крышами и высокими стержнями громоотвода, темную стену Аварийного Центра наверху здания городского Совета.

Приемник подавился разрядами и трещал, пока

я его не выключил.

Мои глаза, невесомо скользя по магнитным линиям, начали мигать.

Я послал один глаз на полной скорости к Гряде Святого Стефана — минут двадцать ожидания — и еще один наверх, включил автоматику и пошел выпить чашечку кофе.

Я пошел в приемную мэра, подмигнул секретарше Лотти и взглянул на внутреннюю дверь.

— У себя?

Лотти, полная девушка неопределенного возраста, на миг оторвалась от бумаг на столе и одарила меня мимолетной улыбкой.

— Да.

Я подошел к двери и постучал.

— Кто? — спросил мэр.

— Годфри Джастин Холмс, — сказал я, открывая дверь. — Я ищу компанию на чашку кофе и выбрал тебя.

Она повернулась во вращающемся кресле, и короткие светлые волосы всколыхнулись, как золотой песок от внезапного ветра.

Она улыбнулась и сказала:

— Я занята.

«Маленькие ушки, зеленые глаза, чудесный подбородок — я люблю тебя» — из неуклюжего

стишка, посланного мной ко дню Валентина два месяца назад.

— Но не очень. Сейчас приготовлю.

Я закурил сигаретку, заимствованную из ее коробки, и заметил:

— Похоже, собирается дождь.

— Ага, — отозвалась она.

— Нет, серьезно. У Стефана, по-моему, бродит настоящий ураган. Скоро я узнаю точно.

— Да, дедушка, — сказала она, подавая мне кофе. — Вы, ветераны, со всеми вашими болями и ломотами, чувствуете погоду часто лучше, чем Бюро прогнозов. Это установленный факт. Я не спорю.

Она улыбнулась, нахмурилась, затем снова улыбнулась.

Неуловимые, мгновенные смены выражения ее живого лица… Никак не скажешь, что ей скоро сорок. Но я точно знал, что она думает. Она всегда подшучивает над моим возрастом, когда ее беспокоят такие же мысли.

Понимаете, на самом деле мне тридцать пять, я даже немного моложе ее, но она еще ребенком слушала рассказы своего дедушки обо мне. До последнего отлета я два года был мэром Бетти после смерти ее первого мэра, Уитта.

Я родился пятьсот девяносто семь лет тому назад, на Земле, но около пятисот шестидесяти двух из них провел во сне во время моих долгих странствий меж звезд. На моем счету, пожалуй, больше таких путешествий, чем у других, следовательно, я анахронизм. Часто людям, особенно женщинам средних лет, кажется, что я каким-то образом обманул время…

— Элеонор, — сказал я. — Твой срок истекает в ноябре. Ты снова собираешься баллотироваться?

— Еще не решила, — ответила она, отпив глоток кофе.

— Я спрашиваю не с целью освещения данной темы в печати, — сказал я, — а исключительно в личных интересах.

— Я действительно не решила. Не знаю… В субботу, как всегда, обедаем вместе? — добавила она после некоторой паузы.

— Разумеется.

— Я тебе тогда скажу.

— Отлично.

Она смотрела в свою чашку, а я видел маленькую девочку, глядящую в воду, ожидая, пока она очистится.

— Серьезная буря? — спросила она, внезапно улыбнувшись.

— О, да. Чувствую по своим костям.

Я допил кофе и вымыл чашку.

— Дай мне знать, когда уточнишь.

— Непременно. Спасибо.

Лотти напряженно трудилась и даже не подняла головы, когда я проходил.

Мой глаз забрался в самую высь и показывал бурлящие облака, адскими вихрями кипящие по ту сторону гряды. Мой другой глаз тоже не терял времени зря. Не успел я выкурить и половины сигареты, как он открыл мне зрелище…

Серое, густое, влажное, гигантская вертикальная и приближающаяся стена…

Терра Дель Сигнис, Земля Лебедя — прекрасное имя. Оно относится и к самой планете, и к ее единственному континенту.

Как кратко описать целый мир?

Он приблизительно земного размера, чуть меньше и гораздо более богатый водой. Что касается единственного материка… Приложите зеркало к Южной Африке, чтобы шишка оказалась не справа, а слева, затем поверните получившееся на 90° против часовой стрелки и переместите в Северное полушарие. Сделали? Так. Теперь ухватите за хвост и тащите. Вытяните его еще на шесть или семь сотен миль и для

пущей важности разбейте Австралию на восемь частей, разбросав их по Северному полушарию и скрестив соответственно буквами греческого алфавита. Насыпьте на полюса по полной ложке ванили и не забудьте перед уходом наклонить ось глобуса на восемнадцать градусов. Спасибо.

… Прошел метеорологический спутник и подтвердил мои опасения. По ту сторону гряды кипел ураган. Ураганы не редкость у нас — внезапные и быстротечные. Но бывают и затяжные, низвергающие больше воды и обрушивающие больше молний, чем любой их земной собрат.

Положение Бетти, хотя и благоприятное во всех других отношениях, отнюдь не защищает ее. Город, т. е. деловой центр, в котором сосредоточено девяносто процентов двухтысячного населения, расположен на берегу залива примерно в трех милях от главной реки Нобль, хотя пригороды тянутся до самых берегов. Близость к экватору, океану и большой реке и послужили причиной основания Станции Бета. На континенте есть еще девять городов, все моложе и меньше. Мы являемся потенциальной столицей потенциального государства.

Наше первое назначение — являться Остановкой в Пути, транзитной станцией, мастерской,

заправочным пунктом, местом для физического и психического отдыха по дороге к другим, более освоенным мирам. Сигнис открыли много позже других планет — так уж получилось, — , и мы начинали позже. Большинство колонистов привлекали более развитые планеты, мы до сих пор весьма отстали и, несмотря на посильную помощь Земли, практически ведем натуральное хозяйство.

На Востоке вскипели молнии, загремел гром, и вскоре вся гряда Святого Стефана казалась балконом, полным чудовищ, которые, стуча хвостами и извергая молнии, переваливались через перила, стена начала медленно опрокидываться.

Я подошел к окну. Гигантский серый ледник затянул небо. Задул ветер, я увидел, как деревья внезапно содрогнулись и прижались к земле. Затем по подоконнику застучали капли, потекли ручейки. На окне они превратились в реки. Я вернулся к своим экранам. Десятки глаз показывали одну и ту же картину: людей, стремглав бегущих к укрытиям. У самых предусмотрительных оказались зонтики и плащи, но таких было совсем мало. Люди редко руководствуются прогнозами погоды, по-моему, эта черта нашей психологии берет начало от древнего недоверия к шаману.

Мы хотим, чтобы он оказался не прав.

Тут я вспомнил, что не взял ни зонта, ни плаща, ни калош. Ведь утро обещало чудесный день…

Я закурил сигарету и сел в свое большое кресло. Ни одна буря в мире не может сбить мои глаза с неба.

Я сидел и смотрел, как идет дождь…

Пять часов спустя все так же лило и громыхало.

Я надеялся, что к концу работы немного просветлеет, но когда пришел Чак Фулер, не было никаких надежд на улучшение. Чак сегодня был моей сменой, ночным Постовым.

— Что-то ты рановато, — сказал я. — Этот час посидишь бесплатно.

— Лучше сидеть здесь, чем дома.

— Крыша течет?

— Теща. Снова гостит.

Я кивнул.

Он сцепил руки за головой и откинулся в кресле, уставившись за окно. Я чувствовал, что приближается одна из его вспышек.

— Знаешь, сколько мне лет? — немного погодя спросил он.

— Нет, — солгал я. Ему было двадцать девять.

— Двадцать семь, — сказал он, — скоро будет

двадцать восемь. А знаешь, где я был?

— Нет.

— Нигде! Здесь родился и вырос. Здесь женился и никогда нигде не был! Раньше не мог, теперь семья.

Он резко подался вперед, закрыл лицо руками, как ребенок, спрятал локти в коленях. Чак будет похож на ребенка и в пятьдесят — светловолосый, курносый, сухопарый. Может быть, он и вести себя будет, как ребенок, но я никогда не узнаю об этом.

Я промолчал, потому что никаких слов от меня не требовалось.

После долгой паузы он сказал:

— Ты-то везде побывал…

А через минуту добавил:

— Ты родился на Земле! На Земле! Еще до моего рождения ты повидал планет больше, чем я знаю. Земля и другие планеты для меня только название и картинки.

Устав от затянувшегося молчания, я произнес:

— Минивер Чиви…

— Что это значит?

— Это название старинной поэмы. То есть старинной теперь, когда я был мальчиком, она была просто старой. У меня были друзья, родственни-

ки, жена. Сейчас от них не осталось даже костей. Одна пыль. Настоящая пыль, без всяких метафор. Путешествуя меж звезд, ты автоматически хоронишь прошлое. Покинутый тобой мир полон незнакомцев, когда ты когда-нибудь вернешься, или карикатур на твоих друзей, родственников, на тебя самого. Немудрено в шестьдесят стать дедушкой, в восемьдесят прадедушкой, но исчезни на три столетия, а затем вернись и ты повстречаешь своего прапрапраправнука, который окажется лет на двадцать старше тебя. Ты представляешь, какое это одиночество? Ты как бездомная пылинка, затерянная в космосе.

— Это недорогая цена.

Я рассмеялся. Я вынужден был слушать его излияния раз в полтора-два месяца на протяжении вот уже почти двух лет, но никогда раньше меня это не трогало. Не знаю, что случилось сегодня. Вероятно, тут виноваты и дождь, и конец недели, и мои недавние визиты в библиотеку…

Вынести его последнюю реплику я был уже не в силах. «Недорогая цена»… Что тут можно сказать?

Я рассмеялся.

Он моментально побагровел.

— Ты смеешься надо мной?

— Нет, — ответил я. — Я смеюсь над собой. Казалось бы, почему меня должны задевать твои слова? Значит…

— Продолжай.

— Значит, с возрастом я становлюсь сентиментальным, а это смешно.

— А! — Он подошел к окну, засунул руки в карманы, затем резко повернулся и произнес, внимательно глядя на меня: — Разве ты не счастлив? У тебя есть деньги и нет никаких оков. Только захоти, и ты улетишь на первом же корабле куда тебе вздумается.

— Конечно, счастлив. Не обращай внимания на слова.

Он снова повернулся к окну, лицо его осветила сверкнувшая молния, и слова совпали с грохотом грома.

— Прости, — услышал я как будто издалека. — Просто мне казалось, что ты — один из самых счастливых среди нас.

— Так и есть. Просто мерзкая погода… Она всем портит настроение, тебе тоже.

— Да, ты прав. Уж сколько не было дождя!

— Зато сегодня отольется сполна.

Он улыбнулся.

— Пойду-ка я перекушу. Тебе чего-нибудь при-

нести?

— Нет, спасибо.

Он, посвистывая, вышел. И настроение у него менялось тоже как у ребенка: вверх-вниз, вверх-вниз… А он — Патрульный. Пожалуй, самая неподходящая для него работа, требующая постоянного внимания и терпения. Мы патрулируем город и прилегающие окрестности.

Нам нет нужды насаждать закон. На Сиге почти отсутствует преступность, хотя каждый, от старого до малого, носит при себе оружие. Слишком хорошо все знают друг друга да и скрыться преступнику негде. Практически мы просто контролируем дорожное движение.

Но каждый из ста тридцати моих глаз имеет по шесть ресничек сорок пятого калибра — и тому есть причина.

Например, маленькая симпатичная кукольная панда — о, всего трех футов высотой, когда она сидит на задних лапах, как игрушечный медвежонок, с крупными ушами, пушистым мехом, большими влажными карими глазами, розовым язычком, носом-пуговкой и с острыми белыми ядовитыми зубами.

Или резохват — оперенная рептилия с тремя рогами на покрытой броней голове: два под гла-

замами и один, гордо нагибаясь кверху, увенчивает нос, с длинным мощным хвостом и когтистыми лапами.

Можно еще рассказать об амебообразных обитателях океана, иногда поднимающихся по реке и выходящих во время бурь и разливов. Но о них и говорить неприятно.

Поэтому Патрульная служба существует не только у нас, но и на многих пограничных мирах. Я работал на некоторых и убедился, что опытный Патрульный всегда может устроиться. Это такая же профессия, как чиновник на Земле.

Час пришел позже, чем я ожидал. Собственно, он вернулся, когда я формально был уже свободен. Но выглядел настолько довольным, что я не стал ничего говорить. Я просто кивнул, стараясь не замечать его блуждающей улыбки и отпечатавшейся на воротнике рубашки бледной губной помады, взял свою трость и пошел к выходу под струи гигантской поливальной машины.

Но лило слишком сильно. Пришлось вызвать такси и ждать еще пятнадцать минут. Элеонор уехала сразу после ленча, а остальные были отпущены еще час назад по причине непогоды. Здание ратуши опустело и зияло темными окнами и коридорами. Я ждал в вестибюле, стоя у

двери, и наблюдая за дождем. А дождь барабанил в стены, звенел по лужам, лупил по асфальту, с громким журчанием сбегал к водосточным решеткам и заставлял запотевать окна.

Я собирался провести вечер в библиотеке, но погода вынудила меня изменить планы. Пойду завтра или послезавтра, решил я. Этот вечер предназначен для доброй еды, своих собственных книг, бренди, а потом пораньше в постель. Уж, по крайней мере, в такую погоду хорошо поспать.

К двери подъехало такси, я побежал.

На следующее утро дождь сделал на час передышку, потом снова заморосило, и уже лило без остановок. К полудню мелкий дождик превратился в мощный ливень.

Я жил, в сущности, на окраине, возле речки. Нобль распух и раздулся, канализационные решетки захлебывались. Вода текла по улицам. Дождь лил упорно, распирая лужи и озерца под барабанный аккомпанемент небес и падение слепящих огней. Мертвые птицы плыли в потоках воды и застревали в решетках. По городской площади разгуливала шаровая молния. Огни Святого Эльма льнули к флагу, обзорной башне и большой статуе Уитта, пытающегося сохранить геройский вид.

Я направился в центр, к библиотеке, медленно ведя машину через бесчисленные пузырящиеся лужи. Сотрясатели небес, видимо, в профсоюз не входили, потому что работали без перекуров. Наконец я добрался до цели и, с трудом найдя место для машины, добежал до библиотеки.

В последние годы я стал, наверное, кем-то вроде библиофила. Нельзя сказать, что меня так сильно мучит жажда знаний. Просто я изголодался по новостям.

Конечно, есть некоторые явления, которые движутся быстрее света. Например, фазовые скорости радиоволн в ионной плазме, но… Скорость света не превзойти, когда речь идет о перемещении вещества.

А вот жизнь можно продлить достаточно долго. Поэтому я так одинок. Каждая маленькая смерть в начале полета означала воскресение в ином краю и в ином времени. У меня же их было несколько, и так я стал библиофилом. Новости идут медленно, как корабли. Купите перед отлетом газету и проспите лет пятьдесят, и она еще будет свежей газетой в пункте вашего назначения, но там, где вы ее купили, это исторический документ. Отправьте письмо на Землю, и внук вашего корреспондента, вероятно, ответит ва-

шему праправнуку, если тот и другой проживут достаточно долго.

В каждой малюсенькой библиотечке здесь, у нас, есть редкие книги — первоиздания бестселлеров, которые люди частенько покупают перед отлетом куда-нибудь, а потом, прочтя, приносят.

Мы сами по себе, и мы всегда отстаем от времени, потому что эту пропасть не преодолеть. Земля руководит нами в такой же мере, в какой мальчик управляет воздушным змеем, дергая за порванную нить.

Вряд ли Ките представлял себе что-нибудь подобное, создавая прекрасные строки: «Все распадается: не держит сердцевина». Вряд ли. Но я все равно должен ходить в библиотеку, чтобы узнавать новости.

…А день продолжался.

Слова нетронутых руками газет и журналов текли по экрану в моей кабине, а с небес и гор Бетти текла вода, заливая поля, затопляя леса, окружая дома, заполняя наши улицы грязью и просачиваясь повсюду.

В библиотечном кафетерии я перекусил и узнал от милой девушки в зеленом переднике и желтой юбке, что на улицах уже вовсю выкладывают мешки с песком и что движение от Центра к

западным районам прекращено.

Я натянул непромокаемый плащ, сапоги и вышел.

На Мэйн-стрит, разумеется, уже высилась стена мешков с песком, но вода все равно достигала лодыжек и постоянно прибывала.

Я посмотрел на статую дружища Уитта. Ореол величия покинул его, осознав свою ошибку. Великий человек держал в левой руке очки и глядел на меня сверху вниз с некоторым опасением, вероятно, прикидывая в своих бронзовых внутренностях, не расскажу ли я о нем, не разрушу ли это тяжелое, мокрое и позеленевшее великолепие. Расскажу?..

Пожалуй, я единственный, кто действительно помнит его. Он, в буквальном смысле слова, хотел стать отцом своей новой необъятной страны и старался, не жалея сил. Три месяца он был первым мэром, а в оставшийся двухлетний срок эти обязанности исполнял я. В свидетельстве о его смерти сказано: «Сердечная недостаточность», но ничего не говорится о кусочке свинца, который ее создал. Их уже никого нет, кто был замешан в этой истории, все они давно лежат в земле: испуганная жена, разъяренный муж… Все, кроме меня. А я не расскажу никому, потому что Уитт

— герой, а здесь у нас статуи героев нужнее, чем даже сами герои.

Я подмигнул своему бывшему шефу, с его носа сорвалась струя воды и стекла в лужу у моих ног.

Внезапно небо разверзлось. Мне показалось, что я стою под водопадом. Я кинулся к ближайшей подворотне, поскользнулся и едва удержался на ногах.

Минут десять непогода бушевала, как никогда в моей жизни. Потом, когда прошли глухота и слепота, я увидел, что улица (Вторая Авеню) превратилась в реку. Неся мусор, грязь, бумаги, шляпы, палки, она катилась мимо моего убежища. Похоже, что уровень воды поднялся выше моих сапог, и я решил переждать.

Но вода не спадала.

Я попробовал сделать бросок, но с полными сапогами не очень-то разбежишься.

Как можно чем-нибудь заниматься с мокрыми ногами? Я с трудом добрался до машины и поехал домой, чувствуя себя капитан ом дальнего плавания, всю жизнь мечтавшим стать погонщиком верблюдов.

На улице было темно, как вечером, когда я подъехал к своему сырому, но не затопленному гаражу. А в переулке, по которому я шел к дому,

казалось, уже наступила ночь. Траурно-черное небо, уже три дня скрывавшее солнце (удивительно, как можно по нему соскучиться), оставляло в полумраке кирпичные стены переулка, но никогда еще не видел я их такими чистыми.

Я держался вплотную к левой стене, пытаясь хоть как-то укрыться от косых струй. Молнии освещали дорогу, выдавали расположение луж. Мечтая о сухих носках и сухом мартини, я завернул за угол.

И тут он на меня бросился, орг.

Половина его чешуйчатого тела под углом в сорок пять градусов приподнялась над тротуаром, вознося плоскую широкую голову вровень с дорожным знаком «СТОП». Он катился ко мне, быстро семеня бледными лапками, грозно ощерив острые смертоносные зубы…

Тут я прерву свое повествование для экскурса в детство, которое как живое встало в этот миг перед моими глазами.

Родился и вырос на Земле. Учась в колледже, первые два года работал на скотоперегонном дворе. Я помню его запах и шумы. И помню запахи и шумы университета: формальдегид в биологических лабораториях, искаженные до неузнаваемости французские глаголы, всеподав-

ляющий аромат кофе, смешанный с табачным дымом, дребезжание звонка, тщетно призывающего в классы, запах свежескошенного луга (черный великан Энди катит свое травопожирающее чудовище, бейсбольная кепка надвинута на брови, потухшая сигарета висит у правой щеки), и, конечно, звон клинков. Четыре семестра физическое воспитание было обязательным предметом. Единственный выход — заняться каким-нибудь видом спорта. Я выбрал фехтование, потому что теннис, баскетбол, бокс, борьба — все, казалось, требовало слишком много усилий, а на палки для гольфа у меня не было денег. Я и не подозревал, что последует за этим выбором. Я полюбил фехтование и занимался им гораздо больше четырех обязательных семестров.

Попав сюда, я сделал себе трость. Внешне она напоминает рапиру, только больше одного укола ею делать не приходится.

Свыше восьмисот вольт, если иметь неприметную кнопку на рукоятке…

Моя рука рванулась вперед и вверх, а пальцы при этом нажали неприметную кнопку…

И оргу настал конец.

Какой-то звук вырвался сквозь бритвенные лезвия рта, когда я прикоснулся к его мягкому

животу и отвел руку в сторону — что-то между писком и вздохом, и орга не стало.

Я выключил трость и обошел труп. Подобные создания выходят иногда из раздувшейся утробы реки. Помню еще, что оглянулся на него три раза, а затем включил трость и не разжимал пальцы до тех пор, пока не запер за собой дверь дома и не включил весь свет.

Да будут наши улицы чисты от оргов.

Суббота.

Дождь. Кругом сырость.

Всю западную часть города отгородили мешки с песком. Они еще сдерживали воду, но кое-где уже текли песочные реки.

К тому времени дождь явился непосредственной причиной смерти шести человек.

К тому времени уже были пожары, вызванные молниями, несчастные случаи в воде, болезни от сырости и холода.

К тому времени мы уже не могли точно подсчитать материальный ущерб.

Все были уставшими, раздраженными, мокрыми и несчастными, включая меня.

Хотя суббота есть суббота, я пошел на работу. Я работал в кабинете Элеонор вместе с ней. Громадная карта спасательных работ лежала на столе.

Шесть глаз постоянно висели над аварийными точками и передавали изображение на вынесенные в кабинет экраны. На маленьком столике стояло несколько новых телефонов и большой приемник.

Буря трясла не только нас. Сильно пострадал город Батлера вверх по реке, Лаури медленно уходил под воду, и вся округа дрожала и кипела.

Несмотря на прямую связь, в то утро мы трижды выезжали на места происшествий: когда смыло мост через Ланс, когда было затоплено и снесено вайлвудское кладбище и, наконец, когда на восточной окраине смыло три дома с людьми.

Вести маленький флайер Элеонор, подвластный всем ветрам, приходилось исключительно по приборам. Я три раза принимал душ и дважды переодевался в то утро.

После полудня дождь будто стал утихать. Тучи не рассеялись, но мы уже могли более или менее успешно бороться с водой. Слабые стены были укреплены, эвакуированных накормили и обсушили, убрали нанесенный мусор.

… И все патрульные глаза бросили на защиту от оргов.

Давали о себе знать и обитатели затопленных лесов. Семь резохватов и целая орда панду были

застрелены в тот день, не говоря уже о ползучих тварях, порождениях бурных вод Нобля, земных угрях, острохвостых крысах и прочей гадости.

В девятнадцать ноль-ноль все, казалось, замерло в мертвой точке. Мы с Элеонор сели в ее флайер и взмыли в небо.

Нас окружала ночь. Неверный свет приборов освещал усталое лицо Элеонор, слабая улыбка лежала на губах, глаза блестели. Непокорная прядь волос закрывала бровь.

— Куда ты меня везешь? — спросила она.

— Вверх, — сказал я. — Хочу подняться над бурей.

— Зачем?

— Мы давно не видели чистого неба.

— Верно… — Она наклонилась вперед, прикуривая сигарету.

Мы вышли из слоя облаков.

Небо было темным, безлунным. Звезды сияли как разбитые бриллианты. Облака стелились внизу потоком лавы.

Я «заякорил» флайер и закурил сам.

— Ты старше меня, — наконец произнесла она. — Ты знаешь?

— Нет.

— Как будто какая-то мудрость, какая-то сила,

какой-то дух времени впитывается в человека, несущегося спящим меж звезд. Я ощущаю это, когда нахожусь рядом с тобой.

— Нет, — повторил я.

— Вероятно, это людская вера в силу веков… Ты спрашивал, собираюсь ли я оставаться на следующий срок. Нет… собираюсь устроить свою личную жизнь.

— Есть кто-нибудь на примете?

— Да, — сказала она и улыбнулась мне, и я поцеловал ее.

Мы плыли над невидимым городом, под небом без луны.

Я обещал рассказать об остановке в Пути. Зачем прерывать полуторавековой полет?

Во-первых, никто не спит все время. На корабле масса мелких устройств, требующих непрерывного человеческого контроля. Команда и пассажиры по очереди несут вахту. После нескольких таких смен вас начинает мучить клаустрофобия, резко падает настроение, следовательно, нужна Остановка. Между прочим, Остановки обогащают жизнь и экономику перевалочных миров. На планетах с маленьким населением каждая Остановка — праздник с танцами и песнями. На больших планетах устраивают пресс-кон-

ференции и парады. Вероятно, нечто похожее происходит и на Земле. Мне известно, что одна неудавшаяся юная звезда, по имени Мэрилин Аустин, провела три месяца здесь у нас и вернулась на Землю. Пару раз появившись на экране, поболтав о культуре колонистов, демонстрируя свои белые зубы, она получила великолепный контракт, третьего мужа и первую главную роль. Это тоже говорит о значении Остановок в Пути.

Я посадил флайер на крышу Геликса, самого большого в Бетти гостиничного комплекса, где Элеонор занимала двухкомнатный номер.

Элеонор приготовила бифштекс, печеные помидоры, пиво — все, что я люблю. Я был сыт, счастлив и засиделся до полуночи, строя планы на будущее. Потом поймал такси и доехал до городской площади, где оставил машину.

Оказавшись там, я решил заодно зайти в Аварийный Центр и узнать, как идут дела. Я вытер ноги, стряхнул воду, повесил плащ и прошел по пустому вестибюлю к лифту.

Лифт был слишком тихий: они не должны еле слышно вздыхать и иметь бесшумные двери. Ничем не нарушив правила, я завернул за злополучный угол к дверям аварийного Центра.

Над такой позой, наверное, с удовольствием по-

работал бы Роден. Мне еще повезло, что я зашел именно сейчас, а не минут десять позже.

Чак Фулер и Лотти, секретарша Элеонор, практиковали искусственное дыхание изо рта в рот, здесь на диване в маленьком алькове возле дверей. Чак лежал ко мне спиной, Лотти увидела меня через плечо. Ее глаза расширились, и она резко оттолкнула его. Он быстро повернул голову.

— Джастин…

Я кивнул.

— Проходил мимо и решил заглянуть, узнать новости.

— Все… все идет хорошо, — произнес он, вставая. — Глаза в автоматическом режиме, а я вышел… мы… покурить. У Лотти ночное дежурство, и она пришла… пришла посмотреть, не надо ли нам чего-нибудь отпечатать. У нее внезапно закружилась голова, и мы вышли сюда к дивану.

— Да, она выглядит немного… не в своей тарелке, — сказал я. — Нюхательная соль и аспирин в аптечке.

И, обрывая этот щекотливый разговор, я прошел в АЦ, чувствуя себя весьма неловко.

Через несколько минут пришел Чак. Я смотрел на экраны. Положение, кажется, стабилизирова-

лось, хотя все сто тридцать глаз омывал дождь.

— … Джастин, — сказал он, — я не знал о твоем приходе?..

— Нет.

— И не скажешь об этом Цинцин?

— Твоя дополнительная деятельность, — сказал я, — является твоим личным делом. Как друг, советую заниматься этим в другое время и в более подходящем месте. Но вся эта история уже начинает забываться. Я уверен, что через минуту вообще ничего не буду помнить.

— Спасибо, Джастин, — произнес он.

Я кивнул.

— Что нам обещают в Бюро прогнозов?

Он пожал плечами, и я набрал номер.

— Плохо, — я повесил трубку. — Снова дожди.

— Черт побери, — хрипло сказал он и дрожащими руками зажег сигарету. — Эта погода дьявольски действует на нервы.

— Мне тоже. Ладно, побегу, а то сейчас польет. Завтра загляну. Счастливо.

— Спокойной ночи.

Я спустился вниз и вышел, надев плащ. Лотти нигде не было видно.

На полпути домой небо раскололи молнии, и полило как из ведра. Когда я ставил машину в

гараж, вода лилась сплошной стеной, а дорогу в переулке освещали постоянные всполохи.

Хорошо дома, в тепле, наблюдать исступленное беснование природы… Апокалипсис…

Я выключил свет и полностью погрузился в бред города под ураганом… Вспышки, пульсирующий свет, ослепительно белые стены домов напротив, невероятно черные тени рядом с белизной подоконников, занавесок, балконов, а наверху плясали живые щупальца адского огня, и, сияя голубым ореолом, плыл глаз. Облака раскололись и светились как геенна огненная. Грохотал и ревел гром, и бело-прозрачный дождь молотил о светлое зеркало дороги. Резохват, трехрогий, уродливый, зеленый и мокрый, выскочил из-за угла через миг после того, как я услышал звук, который приписал грому. Чудовище неслось по курящемуся асфальту, а над ним летел глаз, внося свинцовую лепту в ураганный дождь. Оба исчезли за поворотом. Все события длились какую-то секунду, но за эту секунду решился вопрос, сидевший у меня в голове: кто мог нарисовать подобную картину? Не Эль Греко, не Блейк. Нет. Босх. Вне сомнения, Босх с его кошмарным видением адских улиц. Только он мог изобразить этот момент бури.

Я смотрел в окно до тех пор, пока черное небо не втянуло в себя свои огненные щупальца. Внезапно все сразу погрузилось в полную тьму и остался только дождь.

Воскресенье было днем хаоса.

Горели свечи, горели церкви, тонули люди, по улицам неслись (точнее, плыли) дикие звери, целые дома срывало с фундаментов и швыряло, как бумажки, в лужи. На нас напал великий ветер, и наступило безумие.

Проехать было невозможно, и Элеонор послала за мной флайер. Все рекордно высокие отметки уровня воды были побиты. Наступил разгар самого тяжелого урагана в истории Бетти.

Теперь мы уже не могли остановить разгул стихии. Оставалось лишь помогать там, где мы еще сможем. Я сидел перед экранами и наблюдал.

Лило как из ведра, и лило сплошной стеной, на нас изливались целые плавательные бассейны, озера и реки. Иногда казалось, что на нас льются целые океаны. С запада подул ветер и стал швырять дождь в бок со всей своей ураганной силой. Он начался в полдень и через несколько часов затих, но оставил город разбитым и исковерканным. Уитт лежал на бронзовом боку, дома зияли пустыми рамами, в которые лилась вода, нача-

лись перебои с электроэнергией. Один мой глаз показал трех кукольных панду, разрывающих мертвого ребенка. Я убил их через расстояние и дождь. Рядом всхлипывала Элеонор. Срочно требовалась помощь беременной женщине, спасающейся со своей семьей на вершине затопленного холма. Мы пытались пробиться к ней на флайере, но ветер… Я видел пылающие здания и трупы людей и животных. Я видел заваленные автомобили и расщепленные молниями дома. Я видел водопады там, где раньше не было никаких водопадов. Я много стрелял в тот день, и не только по тварям из леса. Шестнадцать моих глаз были подстрелены грабителями. Надеюсь никогда больше не увидеть некоторые из фильмов, которые я тогда заснял.

Когда наступила ночь этого кошмарного воскресенья, а дождь не прекратился, я в третий раз в жизни испытал отчаяние.

Мы с Элеонор были в Аварийном Центре. Только что в восьмой раз погас свет. Остальные сотрудники находились на третьем этаже. Мы сидели в темноте, молча, не двигаясь, не в состоянии что-либо сделать. Даже наблюдать мы не могли, пока не дадут энергию.

Мы говорили.

Сколько это длилось — пять минут или час — не могу с уверенностью сказать. Помню, однако, что я рассказывал о девушке, погребенной на другом мире, чья смерть толкнула меня на бегство. Два перелета — и я уничтожил свою связь со временем. Но столетнее путешествование не заменит века забытья. Нет, время нельзя обмануть холодным сном. Память — мститель времени, и пусть ваши уши будут глухи, глаза слепы, и необъятная бездна ледяного космоса ляжет между вами — память держит все, и никакие увертки не спасут от ее тяжести. И наистрашнейшей ошибкой будет возвращение к безымянной могиле, в не изменившийся и ставший чужим мир, в место, которое было вашим домом. Снова вы будете спасаться бегством, и вы действительно начнете забывать, потому что время все-таки идет. Но взгляните, вы одиноки, вы совершенно одиноки. Тогда впервые в жизни я понял, что такое настоящее отчаяние. Я читал, я работал, я пил, я забывался с женщинами, но наступало утро, а я оставался самим собой и сам с собой. Я метался с одного мира на другой, надеясь, что что-то изменится, изменится к лучшему, но с каждой переменой я все дальше отходил от всего, что знал.

Тогда другое чувство стало постепенно овладе-

вать мною, и это было действительно кошмарное чувство, для каждого человека должно быть наиболее соответствующее место и время. Вдумайтесь. Где и когда, во всем необъятном космосе, хотел бы я пожить остаток своих дней в полную силу? Да, прошлое мертво, но, может быть, счастливое будущее ожидает меня в еще не открытом мире, в еще не наступивший момент? Откуда мне знать? А если счастье мое находится на соседней планете или откроется мне здесь через пять лет? Или, напротив, здесь я буду мучаться до конца жизни, а Ренессанс моих дней, мой Золотой Век рядом, совсем рядом, стоит лишь купить билет? И это было моим вторым отчаянием. Я не знал ответа, пока не пришел сюда, на Землю Лебедя. Я не знаю, почему люблю тебя, Элеонор, но я люблю тебя, и это мой ответ.

Когда зажегся свет, мы сидели и курили. Она рассказала мне о своем муже, который вовремя умер смертью героя и спасся от старческой немощи. Умер, как умирают храбрейшие, не зная, зачем — по рефлексу, который в конце концов был его частью, по рефлексу, заставившему его броситься вперед и стать на пути великоподобных тварей, напавших на исследовательскую партию, в состав которой он входил, — там, в ле-

сах у подножия гряды Святого Стефана, броситься и биться одним мачете и быть разорванным на части, в то время как его товарищи благополучно добежали до лагеря и спаслись. Такова сущность доблести: момент вспышки, неосмысленный сигнал, пробежавший по нервам и давший команду мускулам, миг, предопределенный суммой всех деяний, желанием что-либо сделать или не сделать, сожалением о сделанном или не сделанном — а затем приходит расплата.

Человек — разумное животное? Нечто выше зверей, но ниже ангелов? Только не убийца, которого я застрелил в ту ночь. Он не был даже тем, кто использует орудия и хоронит мертвых… Смех? Я давно не слышал смеха. Но человек может вернуться в горящий дом за любимой трубкой.

… Изобретатель религии? Я видел молящихся людей, но они ничего не изобретали. Просто они предпринимали последние попытки спасти себя, когда все остальные средства уже были исчерпаны. Рефлекс.

Создание, которое любит?

Вот единственное, что я могу отрицать. Я видел мать, стоящую по шею в бурлящей воде и держащую на плечах дочь, а маленькая девочка поднимала вверх свою куклу. Но разве любовь

— не часть целого? Всего, что вы сделали или хотели сделать? Именно это заставило меня покинуть пост, добежать до флайера Элеонор и пробиваться сквозь бурю.

Я опоздал.

Джонни Киме мигнул фарами, взлетая, и передал по радио:

— Порядок. Все со мной, даже кукла.

— Хорошо, — сказал я и отправился назад.

Не успел я посадить машину, как ко мне приблизилась фигура. Я вылез из флайера и увидел Чака. В руке он сжимал пистолет.

— Я не буду убивать тебя, Джастин, — начал он, — но я раню тебя. Ну-ка, лицом к стене. Я беру флайер.

— Ты спятил? — спросил я.

— Я знаю, что делаю. Мне он нужен.

— Если нужен, бери. Совсем не обязательно угрожать мне пистолетом.

— Он нужен нам — мне и Лотти! Поворачивайся.

Я повернулся к стене.

— Мы улетаем вместе, немедленно!

— Ты с ума сошел, — сказал я. — Сейчас не время…

— Идем, Лотти, — сказал он, и я услышал за

спиной шорох юбки.

— Чак! — сказал я. — Ты нужен нам сейчас. Такие вещи можно уладить потом, через неделю, через месяц, когда восстановится хоть какой-то порядок. В конце концов существуют разводы!

— Никакой развод не поможет мне убраться отсюда!

— Ну, а как это поможет тебе?

Я повернулся и увидел, что у него откуда-то появился большой брезентовый мешок, который висел за левым плечом, как у Санта Клауса.

— Повернись! Я не хочу стрелять в тебя, — предупредил он.

Страшное подозрение возникло у меня в голове.

— Чак, ты стал грабителем?

— Повернись!

— Хорошо, я повернусь. Интересно, куда ты думаешь удрать?

— Достаточно далеко, — сказал он. — Достаточно далеко, чтобы нас не нашли. А когда придет время, мы покинем этот мир…

— Нет, — произнес я. — Не думаю, потому что знаю тебя.

— Посмотрим.

Я услышал быстрые шаги и стук дверцы. Я про-

водил взглядом взлетающий флайер. Больше я никогда их не видел.

Внутри, сразу за дверью, лежали двое мужчин. К счастью, они не были тяжело ранены. Когда подоспела помощь, я поднялся в Аварийный Центр и присоединился к Элеонор.

Всю ту ночь мы, опустошенные, ждали утра.

Наконец оно наступило.

Мы сидели и смотрели, как свет медленно пробивался сквозь дождь. Так много всего произошло и так быстро все случилось за последнюю неделю, что мы были не готовы к утру.

Оно принесло конец дождям.

Сильный северный ветер расколол потолок из туч, и в трещины хлынул свет. Участки чистого неба быстро расширялись, черная стена исчезла на глазах. Теплое благодатное долгожданное солнце поднялось над пиками Святого Стефана и расцеловало их в обе щеки.

У всех окон сгрудились люди. Я присоединился к ним и десять минут не отрывал глаза от неба.

Мы шли по улицам в огромных сапогах. Грязь была всюду. Она была в подвалах и в механизмах, в водосточных решетках и в гардеробе. Она на людях, на автомобилях и на ветках деревьев. Стаи стервятников Взлетали при нашем приближе-

нии и затем снова возвращались к прерванному пиршеству. Развалины зданий, разбитые крыши, стекла, мебель загромождали дорогу, полузасыпанную подсыхающей коричневой грязью. Еще не было подсчитано число погибших. Кое-где еще текла вода, но медленно и вяло. Над городом поднималась вонь. Разбитые витрины, упавшие мосты… Но к чему продолжать? Наступило утро, следующее за ночной попойкой богов. Людям оставалось либо убирать их отходы, либо быть под ними погребенными.

И мы убирали. К полудню Элеонор не выдержала — сказалось напряжение предыдущих дней, — и я повез ее к себе домой, потому что мы работали у гавани, ближе ко мне.

Вот и почти вся история — от света к тьме и снова к свету, — кроме самого конца, который мне неизвестен. Я могу рассказать лишь его начало.

Она вышла у аллеи и пошла к дому, а я загонял машину в гараж. Почему я не оставил ее с собой?.. Не знаю. Если это не солнце, которое превратило мир в рай, скрыв его мерзость. Если это не моя любовь, если не испарившийся дух ночи и не восторжествовавшее счастье…

Я поставил машину и пошел по аллее. Я был на полпути к углу, когда услышал ее крик.

Я побежал. Страх придал мне силы.

За углом стоял человек с мешком, как у Чака, стоящий в луже у ее ног. Он рылся в сумочке Элеонор, а она лежала на земле — так неподвижно! — с окровавленной головой…

Я бросился вперед, на бегу вжав кнопку моей трости. Он обернулся, выронил сумочку и схватился за револьвер, висевший на поясе.

Мы были футах в тридцати друг от друга, и я бросил трость.

Он прицелился, в этот момент моя трость упала в лужу, в которой он стоял…

Она еще дышала. Я внес ее в дом и вызвал доктора — не помню как, вообще ничего отчетливо не помню — и ждал, и ждал.

Она прожила еще двенадцать часов и умерла. Дважды она приходила в себя до операции и ни разу после. Только раз улыбнулась мне и снова заснула.

Я не знаю. Ничего.

Случилось так, что я снова стал мэром Бетти до выборов в ноябре. Надо было восстанавливать город. Я работал, работал, работал без устали, как сумасшедший, день и ночь, и оставил его таким же светлым и ярким, каким впервые увидел. Думаю, что если бы захотел, то мог остаться на

посту мэра на следующий срок, но я не захотел.

Городской Совет отклонил мои возражения и принял решение возвести статую Годфри Джастина Холмса рядом со статуей Элеонор Ширер на площади напротив вычищенного и отполированного Уитта. Наверное, там они и стоят.

Я сказал, что никогда не вернусь, но кто знает? Через пару лет скитаний я, быть может, вновь вернусь на ставшую незнакомой Бетти хотя бы для того, чтобы возложить венок перед одной статуей. Быть может, весь континент будет кипеть людьми, строящими счастливую жизнь на великой земле?

В конце года прилетел корабль — Остановка в Пути! Я попрощался и взошел на борт.

Я взошел на борт и забылся холодным сном.

… Прошли годы. Я их не считал. Но об одном думаю часто: есть где-то, в каком-то времени Золотой Век, мой Ренессанс, быть может, в другом месте, быть может, в другом времени, на расстоянии билета. Я не знаю, где или когда его надо искать. А кто знает? Где все вчерашние дожди?

В незримом городе?

Во мне?

Снаружи холод и тишина, горизонт бесконечен. Движение не ощущается.

Нет луны, и звезды ярки, как разбитые бриллианты.

Когда расцветают бомбы

Бомба цветет один раз в жизни. Семя ударяется о землю, и вспыхивает ослепительно яркий шар, затмевающий солнечный свет, плавящий камень и металл далеко вокруг, а потом в диком реве разрываемого воздуха и в сверкающем ореоле радиации из клубов пепла сожженного мира рождается трепещущий бутон, раздувается, ломается и проклевывается исполинский, пламенно черный гриб, величественно вздымающийся над опаленной чудовищным жаром землей. Он растет, клубясь и вибрируя всей своей прозрачной плотью, извиваясь на утончающейся ножке, озаряемой солнечными бликами, мерцающими на его туманной кожице, и гордо распускается над планетой во всей своей непреодолимой мощи, во всей ошеломляющей сказочной красоте мертвой материи, самой мертвой на свете. И тогда звучит тоскливая и печальная музыка, которую уже некому услышать — атомный цветок поет прощальную песнь жалким созданиям, породившим его короткий огненный расцвет…

13.07.198…

8.29 по Гринвичу. Вашингтон.

С мыса Канаверал запущен спутник неизвестного назначения. Администрация Верли отказалась давать комментарии к этому внепрограммному запуску. Спутник вышел на устойчивую орбиту с параметрами…

9.37. Бонн.

Группа неизвестных с бронетранспортера армейского образца обстреляла здание советского посольства. Есть убитые и раненые.

8.45. Тихий океан.

Армейский сторожевой катер РСО-214 обстрелял советское геофизическое судно «Циолковский» и под угрозой уничтожения приказал команде покинуть корабль в течение пятнадцати минут. Руководство базы на острове Агасимо открытым текстом передало в эфир сообщение об угоне катера террористами…

8.49. Владивосток.

Два реактивных самолета новейшей системы «Тюльпан» стартовали с военного аэродрома и взяли курс в район нахождения «Циолковского». «Тюльпаны» РК-2 и РК-3 преодолели за четыре минуты расстояние в две тысячи километров напрямую через китайскую территорию, перешли на дозвуковую скорость и накрыли ракетным

ударом катер РСО-214.

8.57. Тель-Авив.

Самолет израильских ВВС «Кфир С-2» без предупреждения сбил на нейтральной территории английский правительственный «Конкорд». Правительство Великобритании готово осуществить военную акцию против Израиля…

9.08. Байконур.

Новый гамма-рефлектор наземного комплекса наблюдения зафиксировал на вновь запущенном спутнике большое количество расплавляющегося материала. Правительство СССР отправило правительству Соединенных Штатов ноту протеста.

— Смотри, кажется, это действительно она…

— Мы ее нашли!

9.14.

Сильнейшие помехи неизвестного происхождения на восемь секунд вывели из строя радиомагнитную и электронную аппаратуру в мире. Есть жертвы…

9.15. Вашингтон.

Правительство США направило встречный протест против использования советской стороной глобальных систем помехонаведения…

9.15.

Телефонный звонок из Кремля в Белый Дом по правительственному проводу. Представитель Советского Правительства с возмущением отверг беспочвенные обвинения Вашингтона о применении советской стороной якобы имеющейся у него системы помехогенерации…

9.16.

Китайский гиперзвуковой истребитель пересек границу на малой высоте со скоростью около 4000 км/час и прошел над Владивостоком.

Гиперзвуковая волна причинила большие разрушения. Есть убитые.

9.17. Бонн.

Обстрел советского посольства продолжается. Нападающие применили новейшие. лазерные установки типа ИР-3Х на трансуранидах. Полиция города бездействует. Первый секретарь посольства Крылов заявил, что расценивает это беспрецедентное нападение как акт агрессии со стороны правящих кругов Германии.

9.17.

Работа аппаратуры планеты снова прервана. На этот раз на сорок секунд.

— Да я не ошибся. Эта планета скоро расцветет.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую… ты тоже должен это ощутить. Ведь это ни с чем не сравнимая пульсация психических полей в каком-то могучем зачаровывающем танце, напряжение, как будто источаемое самой планетой… и потом планета… это величайшая редкость — один раз увидеть цветущую планету. Нам очень повезло!

— А ты видел раньше такие планеты?

— Никогда. Смотри, смотри, кажется проклюнулся первый бутон.

9.18.

Пакистан в своей войне против Афганской Республики применил ядерное оружие.

9.22.

Между правительствами ядерных держав идет интенсивный обмен протестами, нотами, призывами. Политические деятели разных стран классифицируют сложившуюся международную обстановку как чрезвычайно и чрезвычайно напряженную.

9.23.

Обломок третьей ступени французской ракеты-носителя на встречной скорости 14 км/сек зацепил борт американского боевого спутника. Спутник поврежден, но не уничтожен.

9.24.

Развороченные листы внешней обшивки спутника ярко поблескивали в ослепительных лучах солнца. Два проводка из его бесконечно сложной и запутанной системы потеряли во время столкновения часть изоляционного покрытия. Быстрое охлаждение гнуло их и неотвратимо вело навстречу друг другу. Коротко щелкнула искра, и поток, вырвавшись на свободу, помчался по километровым лабиринтам проводов и интегральных схем, заставляя сработать реле и пробуждая спящую программу. Спутник вздрогнул и, захлебываясь ядерным огнем, начал выплевывать один за другим таившиеся внутри снаряды…

9.24.

Чуткая компьютерная система зафиксировала ядерные взрывы на территории своей страны. Безупречные ЭВМ связали их с поведением спутника, и ранее, чем успел бы среагировать человек, система выдала импульс: «Ядерное нападение».

9.24.

Владимир Станченко вел свой «Бигфайр» в обычном патрульном полете на высоте в 40 000 метров. Тишину разорвал вой сирены. Все еще не веря в происходящее, пилот медленно протянул руку к запломбированному пульту. Восемь

крылатых ракет, вырвавшись одна за другой из брюха самолета, унеслись вперед, оставляя за собой пышные инверсионные хвосты…

9.26.

Локаторы атомного ракетоносца «Роял Стар» нащупали далеко вверху маленькую точку. Огромный корабль, казалось, сжался от ужаса, но через несколько секунд ответил на неизвестно чей удар неизвестно кому. Шесть раз корабль исступленно содрогался и, надсадно воя и обливая палубы бешеными струями огня, выпускал на волю баллистических монстров. А потом упала нейтронная бомба, и все активные вещества, которыми был нашпигован ракетоносец, жутко ахнув, превратились в свет.

— Смотри, еще одна!

— Какая прелесть. Я никогда в жизни не видел ничего подобного! Это сказочно! Какая была крошечная и неприглядная планета, и какие потрясающие, феерические цвета! Но почему они цветут?

— Кто знает… Когда планета отцветает, на ней не остается ничего… мы слишком велики в сравнении с ней и нам трудно в этом разобраться… но все равно это прекрасно. О, вот еще!

В небе скользнула огненная черточка и начала

падать вниз.

— Я хочу потрогать это…

Вспыхнувший было ад изорванных в клочья атомов внезапно замер. В звенящей жуткой тишине начали падать взметнувшиеся ввысь комья обугленной земли. Люди отвели от лиц трясущиеся руки и, оборачиваясь, еще не верили в свое спасение.

— Зачем ты это сделал? Испортил такую красоту? Как тебе не стыдно? Ах ты, бедненький цветочек!

Сейчас я тебя поправлю… так… вот… Вот… Вот!!!

Освобожденный гриб рванулся в небо. Исполинская туча вздымалась к небесам во всей свой демонической мощи атомного цветка-убийцы.

Планету больше не закрывали белые стаи облаков, с ее лица сползли остатки зелени и голубизны. По поверхности пробегали, искрясь и подмигивая звездам в вышине, сверкающие цепочки огней, и оттуда, как в танце сказочных фей, поднимали к небу свои лепестки, переливающиеся всеми оттенками нежнейше черного цвета, благоухающим ароматом ультракороткого излучения, пышные, пенящиеся и мерцающие своей хрупкой, утонченной красотой атомные

орхидеи.

— Это чудо... чудо! О, как великолепно!

— Да. Это самое прекрасное из того, что я только видел во Вселенной...

— Наверное, планеты и существуют для того, чтобы распуститься только один раз... Но разве этого мало?..

Желязны Роджер

Ж52 Этот бессмертный: Фантастические романы, рассказы. — Пер. с англ. — "Осирис". Вып. 20 — М.: Центрполиграф, 1993. — 544 с.

Фантастические произведения Роджера Желязны — это удивительный полет воображения писателя. Герои его романов — ожившие боги Древнего Египта, размышляющие над смыслом существования жизни и неуязвимые суперличности, грозящие стать властелинами Вселенной. Этот особый диковинный мир переплетающихся реальностей и грез заставляет читателя задуматься над вечными вопросами сущности Добра и Зла, Смерти и Бессмертия.

ББК 84.7 (США)

ISBN 5-7001-0016-9

© Перевод ТИО "Центрполиграф", 1991

Роджер Желязны

ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ

Фантастические романы, рассказы

Ответственный редактор *Н.К. Попова*

Редактор *М.С. Брусиловская*

Иллюстрации *Е.Н. и С.В. Рудько*

Оформление *Т.Ф. Константиновой*

Художественный редактор *А.И. Моисеев*

Технический редактор *Ю.А. Мухин*

Корректор *К.И. Каревская*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 20.05.93.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,62.
Уч.-изд. л. 35,11. Тираж 60 000 экз. Заказ №3780

РОДЖЕР
ЖЕЛЯЗНЫ
ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ
ОСТРОВ МЕРТВЫХ
СОЗДАНИЯ СВЕТА, СОЗДАНИЯ ТЬ
МАСТЕР СНОВ
фантастические романы
ЭТОТ МОМЕНТ БУРИ
КОГДА РАСЦВЕТАЮТ БОМБЫ
фантастические рассказы